САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА

ПРАВИТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

САРАТОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ

САРАТОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

КОНСТИТУЦИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

V Международный конституционный форум, посвященный 20-летию принятия Конституции РФ

Выпуск 5
Часть 1

Саратов 2014

УДК 342. 4 (082)
ББК 67. 400. 1 я 43
К 65

К 65 Конституция в эпоху глобализации : Материалы V Международного конституционного форума, посвященного 20-летию принятия Конституции Российской Федерации (Саратов, 12, 13, 17 декабря 2013 г.). Вып. 5, часть 1 : сборник научных статей. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2014. – 437с.

ISBN 978-5-91879-425-8

В предлагаемых статьях сборника исследуются основные проблемы теории и практики реализации конституции в эпоху глобализации.

Для юристов, политологов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

Редакционная коллегия:

Г.Н. Комкова, д-р юрид. наук (отв. редактор);
Е. А. Крючкова, канд. юрид. наук (зам. отв. редактора);
С. А.Овсянников, канд. юрид. наук; *А. А. Вилков,* д-р полит. наук;
О. Ю.Голуб, д-р соц. наук; *Т. В. Синюкова,* канд. юрид. наук;
Ф. А. Вестов, канд. юрид. наук, *Е. Н. Тогузаева,* канд. юрид. наук;
О. Ю. Апарина, канд. истор. наук; *Е. В.Сергеева,* канд. полит. наук;
Е. В. Бердникова, канд. полит. наук

УДК 342. 4 (082)
ББК 67. 400. 1 я 43

ISBN 978-5-91879-425-8

© Коллектив авторов, 2014.

Предисловие

2013 год ознаменовался юбилеем 20-летия принятия Конституции Российской Федерации. Несмотря на относительно длительный срок существования, конституционная и политическая практика показывает, что потенциал Основного Закона России далеко не исчерпан.

Конституция РФ принималась в период острой политической конфронтации в высших эшелонах власти и конституционного кризиса, на переломе отечественной истории. Текст конституции создавался в дискуссиях между представителями альтернативных конституционных проектов. Конституционное совещание в июне 1993 года явилось выражением воли народа по принятию единого согласованного проекта конституции страны. Впоследствии этот проект был вынесен на референдум 12 декабря 1993 года. Это была первая российская Конституция, принятая путем прямого волеизъявления народа. Весьма важно то, что за 20-летний период существования в нее не было внесено существенных изменений и дополнений, ведь существование государства, его ценностей и принципов, закрепленных в конституции, без серьезных перемен и потрясений в течение длительного времени – это величайшее благо, оказывающее положительное влияние на жизнь общества и государства.

Несмотря на относительную стабильность текста Конституции РФ в научном и политическом сообществе в последнее время звучат высказывания о необходимости корректировки ряда положений Конституции. Это обусловливается необходимостью разрешения проблемы эффективности действия Конституции РФ, а именно соответствия конституционного текста (формальной Конституции) и практики его реализации (фактической Конституции).

Конституция Российской Федерации представляет собой модель развития и ценностный ориентир, отвечающий современным российским реалиям и международным стандартам. Россия является членом мирового сообщества, участником многих глобальных процессов, а потому важным является выяснение тех особенностей, которые стимулируют конституционное развитие нашей страны в эпоху глобализации.

Все это обусловило круг вопросов, рассматриваемых современной конституционно-правовой наукой и получивших свое отражение в материалах конференции.

Г.Н. Комкова
д-р юрид. наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ,
декан юридического факультета
СГУ имени Н.Г. Чернышевского

Н. Н. Аверьянова

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ЗЕМЛЮ В РОССИИ : ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Двадцать лет прошло с момента принятия Конституции России. На сегодняшний день в стране сложилась и закрепилась система прав и свобод человека и гражданина. Между тем в этой системе главенствующим образом выделяются конституционные права и свободы. В новой России появилось много новых прав человека, в большей степени имеющих социально-экономическую сущность. Связано это с тем, что сформировались новые рыночные формы хозяйствования, нашедшие свое закрепление в Основном Законе страны.

Право на землю является важнейшим конституционным правом человека и вытекает оно напрямую из ст. 9 Конституции. В этой связи нельзя не отметить, что ст. 9 находится не в главе о правах человека, а в незыблемой главе 1 Конституции, в которой закреплены наиболее важные принципы политико-правового устройства страны.

Данное обстоятельство обусловлено не только особой важностью указанного вопроса, но и определенными историческими предпосылками.

Действительно, в начале становления новых экономических отношений в нашей стране в конце XX века вопрос о земле воспринимался властью и обществом неоднозначно. Многие с трудом представляли себе мысль о введении частной собственности на землю и ее сводном обороте. Новая же власть четко осознавала, что без многообразия форм собственности на землю построение новых рыночных отношений невозможно. Долгое время сторонники «прежнего» строя практически саботировали развитие частной собственности на землю путем сдерживания развития собственно земельного законодательства. Так, современный Земельный кодекс был принят только в 2001 году.

Но новая власть тоже «не сдавалась». И главным ее достижением в этой сфере стало включение в текст Конституции 1993 года, которая была принята всенародным референдумом, ст. 9, изменить которую невозможно без принятия нового Основного Закона. После этого развитие рыночных земельных отношений и формирование соответствующих земельных законов стало вопросом времени.

Чтобы подвести итоги реализации двадцатилетнего конституционного закрепления права граждан на землю, необходимо вникнуть в природу данного права.

Для этого необходимо детально рассмотреть положения ст. 9 Конституции. В этой связи стоит отметить что земля – это не только объект рыночных отношений, то есть объект частно-правового регулирования, но и особый ресурс, без которого жизнедеятельность государства, общества невозможна. Поэтому перед государством стояла задача не только ввести землю в оборот как недвижимость, но и сохранить ее как природный объект, как базис жизнедеятельности для нынешнего и будущих поколений, определить разумный баланс соотношения общественных и частных интересов.

Исходя из этого в ч. 1 ст. 9 Конституции закреплено положение о том, что земля в России используется и охраняется как основа жизни и деятельности народов России. Однако невозможно удержаться и не высказать мысль о том, что данное право закреплено в большей степени для того, чтобы установить неписаную, но от этого не менее очевидную обязанность государства по созданию условий – политических, правовых, организационных, – при которых земля и станет основой жизни и деятельности народов.

Данный довод, по нашему мнению, рушит концепцию, предлагаемую отдельными авторами, в соответствии с которой охраняемый законом интерес представляет

собой дозволенность без корреспондирующей ей обязанности [1, с. 10].

Можно говорить о том, что Конституция РФ объявляет землю всенародным достоянием. При этом ч. 1 ст. 9 Конституции влечет неоспоримую обязанность со стороны всех субъектов, и главным образом со стороны властей предержащих, гарантировать это право, формировать отраслевое законодательство, реализующее это право, таким образом, чтобы не было сомнений в том, что земля – это главное всенародное достояние.

Второй пункт данной статьи Конституции закрепляет многообразие форм собственности на землю.

Поэтому невозможно согласиться с выводом, что в нашей стране собственником земли и иных природных ресурсов будет являться народ как наднациональная политико-территориальная общность [2, с. 67], поскольку в Конституции РФ четко обозначены формы собственности на землю, а конструкцию «земля используется и охраняется как основа жизни и деятельности народов России» нельзя отожествлять с правом собственности на землю, поскольку данная конституционная норма вообще лишена имущественной природы.

Итак, данные конституционные положения позволяют нам сделать вывод о том, что право на землю в России можно рассматривать в двух смыслах.

Так, право на землю в широком смысле вытекает из ч. 1 ст. 9 Конституции. Его можно определить как гарантированное Конституцией право народов России на землю как всенародное достояние, которому корреспондирует всеобщая обязанность по его сохранению как особо ценного природного ресурса и объекта.

Право же на землю в узком смысле – это гарантированное Конституцией право граждан России иметь в частной собственности земельный участок, использовать его соответствии с законодательством и предусмотренными ограничениями, распоряжаться им соответственно своим интересам и потребностям.

В рамках такого подхода встает вопрос о месте права государственной и муниципальной собственности на землю в предложенной нами системе права на землю.

По нашему мнению, институт государственной и муниципальной собственности на землю призван служит практической реализации права на землю в широком смысле, поскольку лишь органы власти могут управлять землей, которая выступает в качестве объекта их собственности, но в интересах граждан своего государства или местного населения.

В течении двадцати лет реализовывалось закрепленное в Конституции право на землю, и наша задача – проследить, каким образом конституционные положения нашли свой практический выход.

Итак, стоит констатировать, что право на землю в узком смысле за двадцать лет реализуется довольно успешно. Институт частной собственности «прижился» и «укоренился» в России. Земля была провозглашены недвижимым имуществом, объектом права частной собственности и предметом сделок. Так, в 2010 году в частной собственности находилось 68,8% земель, предоставленных для садоводства. А количество граждан, приобретших земельные участки для индивидуального жилищного строительства, выросло с 1996 по 2010 год с 81,2 тысячи человек до 172,4 тысяч человек [3, с. 56].

Несколько иначе, по нашему мнению, складывается ситуация с реализацией права на землю в широком смысле. Тезис о том, что земля сегодня является всенародным достоянием, используется и охраняется как основа жизни и деятельности народов России, вызывает определенные сомнения. Доказательством тому служат несовершенство земельного законодательства и многочисленные нарушения прав граждан: растет количество нарушенных земель, причем примерно в половине случаев

это земли лесного фонда и сельскохозяйственного назначения, сокращается количество сельскохозяйственных угодий из-за перевода их в земли иных категорий [3, с. 80]. Если такое сокращение не остановить, то в перспективе – угроза продовольственной безопасности страны.

Повсеместно нарушается право граждан на свободный доступ к водным объектам, что явилось следствием неэффективности контрольной и надзорной деятельности и исполнительного производства, а также несогласованного применения норм земельного, водного и иного законодательства [4, с. 29].

Высокая кадастровая стоимость и, как следствие, высокие ставки по плате за землю для многих граждан нашей страны становятся препятствием в плане возможности иметь в частной собственности земельный участок, что в итоге делает землю не «всенародным достоянием», а роскошью.

Поэтому работа по адекватной реализации ч. 1 ст. 9 Конституции РФ не завершена. В данном случае можно говорить лишь о том, что право на землю в России пока находится на стадии развития. Конечно, нельзя не отметить, что причина этого – далеко не сугубо отраслевая. Во многом она заключается в системных проблемах нашего государства и общества – низком профессионализме государственных служащих, коррупции, бюрократии, слабой гражданской позиции населения и др.

И все же органам власти предстоит провести не одну реформу, направленную на гарантированность прав граждан на землю в широком смысле.

Власть четко это осознает, и доказательством тому являются в том числе и принятые и утвержденные в последнее время документы государственного стратегического планирования, такие как Экологическая доктрина Российской Федерации [5] и др.

Итак, можно выделить следующие отраслевые направления в развитии права граждан на землю:

– совершенствование системы органов государственного управления земельными отношениями;

– совершенствование системы государственного кадастрового учета земель и формирование законодательства в области кадастровой оценки, позволяющего сделать эту процедуру прозрачной и понятной, привязанной к определенным объективным показателям;

– развитие системы охраны земель, и в том числе введение реальных методов экономического стимулирования рационального землепользования;

– законодательные инновации, предпринятые на основе опыта зарубежных стран, минимизирующие риск совершения спекулятивных сделок с землей, особенно с землями сельскохозяйственного назначения;

– совершенствование системы государственного земельного контроля (надзора) за нарушением земельного законодательства;

– усиление роли общественного контроля принятия и исполнения решений в рамках регулирования земельных отношений, и в том числе усиление роли общественных слушаний;

– продолжение реформ, связанных с упрощением процедуры приобретения прав на земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, и др.

Список использованной литературы:

1. *Канюкаева А. Р.* Система процессуальных форм защиты в российском праве : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

2. *Анисимов А. П., Мелихов А. И.* Конституционно-правовое регулирование права частной собственности на земельные участки. М. : Мастер, 2009.

3. Национальный доклад об использовании и охране земель в Российской Федерации в 2010 году / / Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: rosreestr.ru (дата обращения : 10.12.2013).

4. *Васильева М. И*. О правовом обеспечении доступности водных объектов и береговых полос для граждан / / Правовые вопросы недвижимости. 2013. N 1.

5. Об Экологической доктрине Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 N 1225-р / / СЗ РФ. 2002. N 36. Ст. 3510.

А. С. Айрапетян

КОНСТИТУЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Государственный язык выступает неотъемлемым признаком государства, элементом его политико-правового статуса и транслятором государственного суверенитета. Данный институт *в широком смысле* представляет собой национальный язык, как правило, являющийся основным средством общения большей части населения во всех сферах жизни общества, в которых он выполняет интеграционную функцию. Государственный язык *в узком (юридическом) смысле* является языком, который в соответствии с законодательством данного государства подлежит обязательному использованию на всей его территории во всех официальных сферах общения, в которых он выполняет интеграционную функцию.

Немецкий философ и языковед Й. Л. Вайсгербер, рассуждая об учредительной роли языка, высказывал мысль о необходимости признания естественного права языкового сообщества на народное сплочение. Немецкий учёный настаивал на том, что язык – наиважнейшая сила среди тех, которые осуществляют и поддерживают всякое сообщество. В связи с этим в продолжение своей идеи Й. Л. Вайсгербер считал, что «языковое сообщество – это предпосылка всякого другого сообщества» [1, с. 131–132]. Язык является не просто постоянным общественным явлением, но и по своей природе определяется как государствообразующий фактор.

У государственного языка как института конституционного права в России есть своя предыстория. Одним из итогов революционных событий, начавшихся в 1905 году и повлекших проведение масштабных государственных реформ, явилась легализация политических партий. В программе Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) [2] два пункта были посвящены национально-языковой политике Российского государства. Согласно пункту 11 программы партии кадетов, Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим империю народностям, помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан, право свободного культурного самоопределения, как то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности, и т. п. В соответствии с пунктом 12 программы партии русский язык должен быть языком центральных учреждений, армии и флота. При этом кадеты предлагали наряду с общегосударственным языком употребление также местных языков в государственных и общественных установлениях и учебных заведениях, содержавшихся на средства государства или органов самоуправления. Подобное использование языков нерусских народов предполагалось регулировать общими и местными законами, а в пределах их — самими установлениями. Населению каждой местности должно было быть обеспечено получение начального, а по возможности и дальнейшего образования на родном языке.

Отмеченные выше программные положения партии кадетов отчасти нашли своё воплощение в первом конституционном акте Российской империи. Принятием Основного государственного закона от 23.04.1906 г. [3, с. 1] на общегосударственном уровне впервые юридически был решён вопрос о государственном языке на всей территории России. Таковым в пункте 3 Основного государственного закона провозглашался русский язык. Как общегосударственный он был обязателен в армии, на флоте и во всех государственных и общественных установлениях. При этом законодатель делал определённую оговорку, имея ввиду национальный состав населения империи: «Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами».

Становление правового режима языков в Российской Федерации происходило в условиях распада Советского Союза и при наличии такой угрозы для РСФСР, которая оказалась последней союзной республикой, принявшей закон о языках [4], и единственной провозгласившей русский язык в качестве государственного. Вместе с указанным законом была принята и Декларация «О языках народов России» [5] от 25 октября 1991 года, провозглашавшая языковые права личности и народов России, гарантии их реализации и подчеркивавшая желательность и необходимость овладения языками межнационального общения и другими языками народов РСФСР, проживающих на одной территории. В Декларации содержится призыв к гражданам способствовать уважительному и бережному отношению ко всем языкам всех народов России, всемерно развивать культуру языкового общения и оберегать чистоту родной речи. Провозгласив русский язык государственным в РСФСР, закрепив за республиками право устанавливать свои государственные языки, федеральный центр только зафиксировал уже сложившееся к тому времени положение дел. Часть республик разработала своё языковое законодательство [6], закрепившее в качестве государственных соответствующие национальные языки.

В соответствии с ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации [7] от 12 декабря 1993 года русский язык провозглашается государственным языком на всей территории страны. Согласно ч. 2 ст. 68 Основного закона, за республиками в составе РФ закреплено право устанавливать свои государственные языки. При этом конституционный законодатель уточнил, что в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком РФ. Конституционное закрепление принципа параллельного использования государственного языка РФ и государственного языка республики в указанных сферах явилось новеллой в конструировании правового режима языков в нашей стране.

На наш взгляд, нахождение положений ст. 68 Конституции в главе 3 «Федеративное устройство» в какой-то степени является не случайным. Конституционный законодатель считает правовой режим языков в Российской Федерации элементом принципа федерализма и включает его в содержание федеративной формы государственного устройства. Б. С. Эбзеевым подчёркивается уникальный характер российского федерализма. В его основу положены территориальный и национальный принципы, отражающие полиэтничность России, самобытность её исторического развития и особенности строительства российской государственности [8, с. 466.] И. Н. Сенякин называет федерализм «надёжным и верным путём к сохранению целостности Российского государства» и «успешному урегулированию национальных отношений» [9, с. 228]. В. И. Радченко одной из основных функций федерализма называет обеспечение территориального и национального единства государства объединённых в федерацию субъектов, подчёркивая, что целостность Российского государства в первую очередь зависит от сочетания национального и территориального

факторов [10, с. 102, 105]. Он обоснованно считает, что суть суверенитета России раскрывается в содержании ст. 71 Конституции РФ, в которой указаны вопросы, решаемые только на общегосударственном уровне и составляющие исключительную компетенцию Федерации [10, с. 114]. Одним из таких вопросов является федеративное устройство. По мнению И. Н. Сенякина, в главе 3 Конституции в таком важнейшем вопросе федеративного устройства и управления как язык подчёркнут приоритет федерального центра перед субъектами РФ [9, с. 236].

Конституционный суд в постановлении от 16.11.2004 № 16-П [11] пояснил, что государственные языки республик – один из элементов конституционного статуса этих субъектов Российской Федерации, определяемый федеральной и республиканскими конституциями. Вместе с тем данный институт обусловлен федеративным устройством Российской Федерации, основанным на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и её субъектов, равноправии и самоопределении народов в России.

Согласно ч. 1 и 2 ст. 4 и ч. 1 ст. 68 Основного Закона России, общим признаком суверенитета, верховенства Конституции и федеральных законов, а также государственного языка РФ является распространение действия данных институтов на всю территорию России. В ч. 3 ст. 4 Конституции говорится об обязанности Российской Федерации по обеспечению целостности и неприкосновенности территории страны. Исходя из указанных конституционных положений, толкования, данного Конституционным судом, и позиций представителей саратовской школы теории государства и права и конституционного права мы приходим к нескольким выводам. Правовой режим языков в России, в частности государственный язык РФ, – это не просто составляющая содержания принципа федерализма. Государственный язык РФ входит в содержание понятия государственного суверенитета России и определяется конституционным законодателем как фактор территориальной целостности страны и обеспечения её суверенитета.

Список использованной литературы:

1. *Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа / пер. с нем. О. А. Радченко. 3-е изд. М., 2009.
2. Программа Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) от 12–18 октября 1905 г. / / Российские либералы : кадеты и октябристы. М., 1996.
3. Свод Основных Государственных законов. В 16 т. Санкт–Петербург, 1912. Т. I.
4. О языках народов РФ : Закон Российской Федерации от 25.10.1991 г. N 1807-1 (ред. от 11.12.2002 г.) / / Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 50. Ст. 1740 ; СЗ РФ. 2002. № 50. Ст. 4926.
5. О языках народов России : Декларация от 25.10.1991 г. / / Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. N 50. Ст. 1742.
6. См.: О языках Чувашской ССР : Закон Чувашской ССР от 27.10.1990 г. / / Советская Чувашия. 1990. 1 ноября ; О языках в Тувинской АССР : Закон Тувинской АССР от 14.12.1990 г. / / Тувинская правда. 1991. 22 января ; О языках в Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч : Закон Калмыцкой ССР от 30.01.1991 г. N 137-IX. URL: http://www.rusouth.info/territory9/pack9p/paper-hfowxz.htm (дата обращения: 01.01.2011).
7. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.
8. *Эбзеев Б. С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.
9. *Сенякин И. Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007.
10. *Радченко В. И.* Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). Саратов, 2003.

11. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного совета Республики Татарстан и Верховного суда Республики Татарстан : Постановление Конституционного суда РФ от 16.11.2004 г. N 16-П / / СЗ РФ. 2004. N 47. Ст. 4691.

З. З. Алиева, П. Г. Гасанова

УСЫНОВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ : КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В России всегда остро стояла проблема обеспечения защиты прав и интересов детей, и в первую очередь детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Во все времена они были самой социально незащищенной группой населения. Из-за дипломатического скандала между Россией и США, развернувшегося в связи с трагическими событиями вокруг усыновленного американской семьей ребенка из России, и последовавшей за этим череды событий, в том числе и принятия Государственной думой РФ так называемого закона Димы Яковлева, стало актуальным обсуждение конституционно-правовых аспектов процесса усыновления детей иностранными гражданами.

В Основном Законе страны права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью государства, находятся под защитой государства и имеют приоритетное значение [2]. Не являются исключением и права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В этой связи одним из государственных инструментов защиты их прав является процедура усыновления с целью создания наиболее благоприятных условий для их жизни и воспитания в условиях семьи.

Россия является страной – участницей Конвенции ООН по правам ребёнка, в которой декларируется, что «усыновление в другой стране может рассматриваться в качестве альтернативного способа ухода за ребенком, если ребёнок не может быть передан на воспитание или помещён в семью, которая могла бы обеспечить его воспитание или усыновление, и если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения ребёнка является невозможным» [1].

Согласно п. 4 ст. 124 Семейного кодекса РФ, также допускается усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства при определенных условиях:

– во-первых, если невозможно передать усыновляемых детей на воспитание в семьи граждан РФ, постоянно проживающих на территории РФ, либо на усыновление родственникам этих детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников;

– во-вторых, истекли шесть месяцев со дня поступления сведений о таких детях в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Процесс усыновления в нашей стране проходит в судебном порядке, что соответствует Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам РФ, мировой практике усыновления детей и в наибольшей степени отвечает интересам ребенка, является гарантией соблюдения его прав и законных интересов и регламентируется главой 29 Гражданского процессуального кодекса РФ.

В целях недопущения незаконного усыновления ребенка соблюдаются определенные правила, по которым в процессе усыновления обязательно участвуют спе-

циально уполномоченные на то иностранным государством органы или организации по усыновлению детей, осуществляющие свою деятельность на территории РФ в силу международного договора РФ или на основе принципа взаимности.

1 января 2013 года был принят закон, вводящий запрет на усыновление российских детей гражданами США – так называемый закон Димы Яковлева. В ст. 4 данного закона прописано положение, согласно которому «запрещается передача детей, являющихся гражданами РФ, на усыновление гражданам США, а также осуществление на территории РФ деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами РФ, на усыновление гражданам США» [3]. Также от имени РФ было прекращено действие соглашения между РФ и США о сотрудничестве в области усыновления детей.

Вопрос, допускать или нет международное усыновление, полагаем, должен быть решен положительно. Но для этого следует убедиться, что усыновленный в другую страну ребенок получит все необходимое для своей полноценной жизни.

«Закон Димы Яковлева» является частным случаем, исключением. В основе его лежат правовые аспекты и недоговоренности, о которых, в частности, упоминал В. В. Путин. По его мнению, причина кроется в том, что вопрос контроля над жизнью усыновленных детей лежит не в федеральном ведении, а подконтролен штатам: «Нам говорят: это дело не федеральных властей, а штатов, на штатном уровне у вас никаких соглашений нет» [4, с. 3]. Исходя из этого, как представляется, возможность усыновления российских детей гражданами США на сегодняшний день должна быть сохранена, поскольку, по данным Генпрокуратуры, с начала 1990-х годов американские граждане приняли в свои семьи 60 000 российских сирот, 19 из которых погибли. За тот же временной период погибло 1220 детей, усыновленных российскими гражданами [5].

Поэтому вопрос контроля жизни усыновленных детей должен решаться иным образом. Решение данной проблемы требует участия всех уровней государственной власти, общественных организаций, а также граждан России. Без усиления гражданской позиции по отношению к детям-сиротам никакие правовые акты не смогут полностью решить их проблемы. Необходимо улучшить работу действующих социальных институтов и служб, в том числе путем подготовки грамотных специалистов для соответствующих служб, и создавать новые механизмы на уровне регионов, ориентированные на решение проблемы сиротства, в частности на создание эффективного института профессиональной замещающей семьи и служб по интеграции в общество выпускников интернатов.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о правах ребенка. Вступила в силу для России с 15 сентября 1990 года // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

3. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.

4. Владимир Путин : «Считаю ответ адекватным» // Наша молодежь. 2013. № 2 (44). 16–21 янв.

5. Запрет на усыновление детей американцами, или антизакон Магнитского : что это и для кого. URL: http://www.dp.ru/101znw/ (дата обращения: 26. 12. 2012).

С. Ф. Афанасьев

КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ОСНОВА ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Как известно, институт заочного производства существует в российском гражданском процессе достаточно давно. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. указывал, что суд гражданской юрисдикции вправе выносить заочное решение по делу в случае неявки надлежаще извещенного ответчика, не просившего о рассмотрении правового спора в его отсутствие.

В течение последующих десятилетий наблюдалось нивелирование правовой конструкции заочного производства, поскольку она не полностью отвечала требованиям достижения истинных знаний в ходе рассмотрения конкретных дел. Между тем принятие в 1993 г. Конституции РФ фактически обеспечило возможность разрешения гражданских правовых коллизий посредством заочного разбирательства. Так, в ст. 123 Основного Закона зафиксировано, что не допускается «заочное разбирательство уголовных дел в судах», а следовательно, по гражданским делам выносить заочные решения прямо не запрещается. В этой связи вновь заочное решение было воспринято законодателем в 1995 г. с целью совершенствования процессуальной формы, не сопряженной с состязанием сторон, и более быстрого разрешения гражданских споров с помощью судебной процедуры.

За истекшее время порядок, предполагавший вынесение правоприменительных актов без участия надлежаще извещенного ответчика, зарекомендовал себя с положительной стороны и получил свою практическую реализацию. Однако в период апробации сравнительно нового процессуального института возникли и определенные проблемы. В частности, не была окончательно ясна юридическая природа оснований вынесения заочного решения. В ст. 213^1 ГПК РСФСР как основания указывались неявка ответчика при его надлежащем извещении и согласие истца. Особенно сложной была правовая оценка первого основания, поскольку факт неявки можно расценивать и как объективную невозможность явки к строго определенному сроку, и как сознательное затягивание процесса либо подразумевать под ним признание иска ответчиком. Однозначного ответа на этот вопрос в законодательстве не существовало, тем более что ст. 213^1 ГПК РСФСР не требовала от судебных органов исследования и анализа причин неявки ответчика.

Немалые противоречия возникали при сопоставлении ст. 213^1 и ст. 157 ГПК РСФСР, поскольку последняя статья позволяла суду рассматривать дела в отсутствие ответчика в обычном порядке, предварительно выяснив причины, по которым ответчик отсутствует. На этот недостаток в сфере процессуального регламентирования неоднократно обращали внимание как теоретики, так и практики [1, с. 14].

Более того, предпринимались попытки оспорить конституционность всего заочного производства. В частности, в своей жалобе в Конституционный суд РФ гражданин А. Ф. Костин подверг сомнению конституционность примененной в его деле ст. 213^1 ГПК РСФСР, поскольку, как он утверждал, содержащаяся в ней норма, позволяющая вынести по делу заочное решение при неявке в судебное заседание ответчика, нарушает принципы осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, закрепленные в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

Однако орган конституционного контроля в своем определении от 14 декабря 2000 г. № 269-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 213^1 ГПК РСФСР» подчеркнул, что соответствующая статья предусматривает возможность вы-

несения по делу решения в заочном производстве при неявке ответчика, надлежащим образом извещенного о месте и времени судебного заседания, если истец против этого не возражает. При этом, действуя в системной связи с другими нормами института заочного решения, правила данной статьи предоставляют ответчику дополнительные процессуальные гарантии в связи с защитой собственных прав по сравнению с правами, которыми он обладает при рассмотрении дела в обычной судебной процедуре. На основании изложенного ст. 213[1] ГПК РСФСР не рассматривалась Конституционным судом РФ как нарушающая конституционные права граждан [2].

В настоящее время гл. 22 ГПК РФ, имея тот же конституционный базис, именуется «Заочное производство», что более правильно с терминологической точки зрения, так как речь идет скорее о процедуре, нежели о ее результатах (хотя в узком смысле процедура является заочной только в отношении ответчика, но не иных лиц, участвующих в деле). Это прямо следует из ст. 233 ГПК РФ, перечисляющей основания для заочного производства, к которым относятся собственно неявка ответчика, извещенного о времени и месте судебного заседания, сопряженная с несообщением суду об уважительности причин неявки и отсутствием просьбы о рассмотрении дела в его отсутствие, а также соответствующее согласие истца. Если же в деле принимают участие несколько ответчиков, то вынесение заочного решения возможно при неявке всех отвечающих по иску истца.

Сравнительный анализ оснований показывает, что законодатель учел при принятии нового гражданского процессуального кодекса выявленные недостатки, подчеркнув связь неявки ответчика с несообщением причин уважительности такой неявки и отсутствием ходатайства о рассмотрении спора без участия отвечающего по иску.

Все основания должны наличествовать в совокупности и претворяться в правовой действительности только в исковом производстве, о чем свидетельствуют употребляемая система терминов – «истец» и «ответчик» – и прямой запрет п. 2 ст. 246 ГПК РФ, гласящего, что при разрешении дел, возникающих из публичных правовых отношений, глава 22 ГПК РФ не применяется.

Представляется, что существует еще ряд ограничений на реализацию заочного производства даже при наличии оснований к тому. Так, специальный порядок определен в отношении ответчика, место пребывания которого неизвестно. Руководствуясь ст. 119 ГПК РФ, при неизвестности места пребывания ответчика суд приступает к процессуальной деятельности только после поступления информации об этом с последнего известного места жительства. Но даже после поступления таких сведений возбудить заочное производство вряд ли возможно, ведь в соответствии со ст. 50 ГПК РФ орган правосудия назначает адвоката в качестве представителя ответчику, место жительства которого неизвестно, в целях обеспечения конституционного права на судебную защиту, гарантированного ст. 46 Основного Закона. Присутствие представителя, в свою очередь, исключает заочное производство, что прямо вытекает из ст. 48 ГПК РФ.

Еще один немаловажный аспект содержится в ст. 120 ГПК РФ, обязывающей суд по отдельным категориям дел не выносить заочного решения, а разыскивать ответчика. Перечень таких дел является ограниченным и касается защиты интересов Российской Федерации (её субъектов, муниципальных образований) либо взыскания алиментов, возмещения вреда, нанесенного причиненным увечьем или иным повреждением здоровья, а также в результате смерти кормильца.

Основаниям, названным в ст. 233 ГПК РФ, корреспондируют пункты 3 и 4 ст. 167 ГПК РФ, описывающие последствия неявки в судебное заседание лиц, участвующих в деле, и их представителей. Из п. 3 ст. 167 ГПК РФ следует, что при неявке кого-

либо из заинтересованных субъектов, извещенных способом, указанным в законе, и не представивших информации об обстоятельствах неявки или признании неуважительности подобных обстоятельств судебный орган может рассмотреть дело в их отсутствие. Другими словами, законодатель приравнивает по юридическим последствиям такие понятия, как «непредоставление сведений о причинах неявки» и «признание судом неуважительности причин неявки», причем последствия распространяются на всех лиц, названных в ст. 34 ГПК РФ, в том числе и на ответчика. Однако касательно ответчика в п. 4 ст. 167 ГПК РФ закреплена самостоятельная правовая конструкция, в соответствии с которой орган правосудия рассматривает дело без его участия при соблюдении таких оснований, как надлежащее извещение и несообщение ответчиком суду уважительности причин неявки, не сопровождаемой просьбой о разрешении спора в его отсутствие.

Вполне может показаться, что п. 4 ст. 167 ГПК РФ направлен на применение к ответчику латентной санкции в виде заочного судебного решения, коль скоро он проигнорировал судебное заседание по конкретному гражданскому делу и суду неизвестно, чем инициировано нерациональное отношение к процессу лица, обязанного явиться по судебному извещению либо вызову. В первых комментариях нового гражданского процессуального законодательства отражено подобное мнение [3, с. 234]. Однако изучение приводимых статей доказывает обратное. Во-первых, законодатель в п. 4 ст. 167 ГПК РФ не ориентирует судебные учреждения на осуществление заочного производства, поскольку не используются должный категориальный аппарат и юридический инструментарий, характеризующие этот вид упрощенного судебного производства. Правда, ранее в п. 4. ст. 156 проекта ГПК РФ подчеркивалось: «Суд вправе рассмотреть дело в отсутствие ответчика, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания, в порядке заочного производства, если сведения о причинах неявки отсутствуют, либо суд признает причину его неявки неуважительной, либо признает, что ответчик умышленно затягивает производство по делу». Таким образом, в проекте ГПК РФ правильно акцентировалось внимание на интеграционном свойстве формально-определенных предписаний, посвященных судебному разбирательству, и норм, охватывающих заочное производство, что подтверждало формирование единого правового режима и указывало на недобросовестность поведения ответчика как одно из особых оснований, ведущих к упрощенному порядку рассмотрения споров. Во-вторых, если бы в п. 4 ст. 167 ГПК РФ подразумевалась вероятность вынесения заочного решения, то содержалась бы и директива по поводу необходимости выяснения судом согласия истца на рассмотрение правовой коллизии в рамках заочного производства. Такая директива, относящаяся к одному из важнейших оснований для заочного производства, в процессуальном законе не зафиксирована. Следовательно, в ГПК РФ содержится два варианта последствий неявки ответчика в судебное заседание, которым соответствуют нетождественные, хотя и весьма схожие основания применения этих последствий. Следуя п. 4 ст. 167 ГПК РФ, суд, не испрашивая у истца согласия на разрешение дела без участия отвечающего по иску, приступает к рассмотрению дела по существу с правом вынесения традиционного (обычного) правоприменительного акта, не предполагающего дополнительного способа обжалования. В соответствии со ст. 233 ГПК РФ, наряду с отсутствием просьбы ответчика о рассмотрении дела в его отсутствие, несообщением об уважительности причин неявки и надлежащим извещением, суд выясняет согласие истца как одно из оснований для заочного производства. В этом случае ответчик приобретает право на обжалование заочного решения путем подачи заявления о его отмене в тот же суд в течение семи дней со дня вручения ему копии государственно-волевого акта.

Выявлением согласия не обязательно, но целесообразно заниматься уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, тем более что кодексом установлена процедура предварительного судебного заседания. Одновременно дополнительной гарантией прав ответчика на стадии подготовки к судебному разбирательству является направление или вручение судом ответчику копии искового заявления и приложенных к нему документов, что свидетельствует об осведомленности ответчика о начавшемся гражданском судопроизводстве и предстоящем судебном разбирательстве. В самом судебном разбирательстве суд обязан выявлять желание истца по поводу рассмотрения дела без участия ответчика предельно точно, с занесением соответствующих сведений в протокол, с тем чтобы не было никаких сомнений в том, что истец понимает существо совершаемых действий и их правовые последствия. Если истец не выразил своего согласия, суд откладывает рассмотрение дела и вновь направляет извещение ответчику, что в дальнейшем не исключает применения положения п. 4 ст. 167 ГПК РФ.

Список использованной литературы:

1. *Решетняк В. И., Черных И. И.* Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе. М., 1997.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 213[1] ГПК РСФСР : Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 269-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

3. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г. П. Ивлиева. М., 2003.

О. В. Ахрамеева

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ДЛЯ ЕДИНООБРАЗИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В отношении Конституции Российской Федерации в настоящем тысячелетии уже прошло несколько изменений, в частности укрупнение территорий с целью создания более благоприятных экономических и социальных условий, увеличение сроков полномочий главы государства и депутатов Государственной думы Федерального Собрания. Однако они касались части населения. Проходящее же в настоящее время конституционное реформирование судебной системы затрагивает не только действующий судейский корпус, но и участников хозяйственной деятельности, споры между которыми подведомственны арбитражным судам.

Одной из задач этого глобального реформирования является создание привлекательной российской юрисдикции.

В данный момент проблемной особенностью рассмотрения гражданских споров с участием российских как физических, так и юридические лиц является либо «уход» спора в иностранную юрисдикцию, либо использование таких возможностей российского процессуального законодательства (гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального), которые позволяют рассматривать один и тот же спор судами разной юрисдикции (общей или арбитражной).

Так, основной причиной направления дела одной из сторон на рассмотрение в иностранную юрисдикцию являются не только независимость судей, детальное изучение доказательств, предсказуемость решений и т. п., но еще и широта полномочий судов в их творческом подходе к ведению процесса [1]. Результатом этого может быть даже потеря Российской Федерацией части «своего суверенитета, если рассматривать в качестве одного из его неотъемлемых элементов способность осуществлять регули-

рование сделок, проходящих на территории страны» [2], а также налоговых поступлений от сделок, предпочитающих иностранную юрисдикцию, и поступлений от той доли обязательных платежей, которая приходилась бы на долю таких споров, поскольку государственная пошлина за рассмотрение такого дела в иностранном суде будет определяться и взыскиваться по нормам иностранной юрисдикции. В свою очередь, эти платежи позволят иностранным государствам осуществлять, в частности, как свои социальные программы из числа внутриполитических, так и свою внешнюю политику [3].

Вместе с тем нынешнее руководство страны всячески поддерживает активное развитие мелкого и среднего бизнеса, а именно его представители являются основными участниками судебно-арбитражных процессов. Они по финансовым соображениям не могут позволить себе переходить в иностранную юрисдикцию и поэтому ограничиваются арбитражной. Однако при этом и физические лица прибегают ко всяческим уловкам для ого, чтобы дела рассматривались в арбитражном судопроизводстве, хотя на первый взгляд ни не могут оспаривать свои сделки в арбитраже. На последствия такой вольности еще раз указал Президент России во время встречи со студентами юридических вузов: «Принимаются решения, прямо противоположные… Этот параллелизм привёл к определённым сбоям во всей системе. Эта система должна быть единой» [4].

Вместе с тем все вышеуказанные привлекательные качества иностранных судов свойственны и российским арбитражным судам.

Так, активно развивается электронное судопроизводство, позволяющее сокращать время, затрачиваемое на предварительные судебные процедуры, не говоря уже о том, что активно развивается упрощенное производство в арбитражном судопроизводстве.

Ни у кого не вызывает сложностей заключение договоров между хозяйствующими субъектами посредством электронных сообщений по электронной почте и обмена электронными файлами, содержащими текстовые сообщения обо всех существенных условиях договора. Не отстают от такой формы и государственные органы – налоговые, таможенные, Пенсионный фонд РФ и др., – которые используют электронные каналы для доставки информации, необходимой для выполнения своих функций по отношению к физическим и юридическим лицам [5].

Кроме того, хотелось бы отметить, что суды общей юрисдикции также не отстают от жизни – извещение участников судопроизводства осуществляется посредством отправки sms-сообщений. Нормативно эта процедура была закреплена в постановлении Пленума ВС РФ от 09.02.2012 № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации», обеспечение исполнения регулируется приказом Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации «Об утверждении временного типового регламента организации извещения участников судопроизводства посредством sms-сообщений» от 05.07.2012 № 131.

Помимо этого, в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р, как приоритетное направление указано развитие информационно-коммуникационных технологий в ВС РФ и судах общей юрисдикции, а именно: упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела; повышение качества работы судов за счет применения систем видео- и аудиопротоколирования хода судебных заседаний, программно-технических средств оцифровки документов и оборудования видеоконференцсвязи.

В отношении же арбитражной системы указано, что предполагается дальнейшее расширение использования возможностей электронного мобильного правосудия – создания мобильных подвижных офисов судей с применением видеоконференцсвязи для проведения выездных заседаний в географически удаленных населенных пунктах страны. Это лишний раз подтверждает превосходство в техническом обеспечении арбитражных судов. Таким образом, поставлена цель – до 2020 года суды двух юрисдикций привести к единообразному информационно-техническому оснащению.

Еще раз тоит повториться: самое значительное достижение арбитражного судопроизводства – это упрощенное производство. И хотя на первом этапе внедрения электронного правосудия высказывались сомнения по поводу скорого внедрения информационных сервисов [6], тем не менее принятие Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» стало логическим продолжением работы по информатизации деятельности арбитражных судов. Были введены новации, предусматривающие возможность совершения ряда процессуальных действий в электронной форме, в том числе и подачу документов в арбитражный суд через Интернет. В рамках совещаний и круглых столов, проводимых арбитражными судами, на разных уровнях обсуждаются вопросы применения судьями порядка упрощенного производства, предусмотренного АПК РФ, и тем самым судебно-арбитражная практика своевременно реагирует на запросы современности.

Однако упрощенное производство – это не панацея, а лишь залог привлекательности отечественного судопроизводства, соответствия российского судопроизводства новейшим мировым технологиям взаимодействия и взаимоотношений. Так, если электронное оформление сделок, электронная цифровая подпись стали совершенной реальностью, без которой подчас невозможно выйти из дому, то почему судопроизводство должно отставать?

Нами ранее было указано, что одной из особенностей рассмотрения гражданских споров, влекущих нестабильность судебной практики и, как следствие, торгового оборота, является использование возможностей арбитражно-процессуального законодательства, позволяющего рассматривать один и тот же спор между участниками торгового оборота судами разной юрисдикции (общей или арбитражной). В свете проводимой судебной реформы предполагается, что отказ в судебной защите в случае спора о подведомственности дела должен уйти в прошлое.

Исходя из общей теории процессуального права при поступлении заявлений в суд первично решается вопрос о подведомственности этого спора арбитражному суду или суду общей юрисдикции. Ключевая роль при определении подведомственности отводится предметному принципу, то есть все экономические споры и другие дела, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью. Соответственно, споры в сфере бизнеса относятся к подведомственности арбитражных судов. Но так ли это на практике?

Законодатель в гл. 4 АПК РФ «Компетенция арбитражных судов» под «компетенцией» указал полномочие арбитражного суда на рассмотрение и разрешение одновременно подведомственного и подсудного ему дела. Компетенция складывается из двух элементов – властных полномочий и подведомственности, то есть определения предметов, объектов, на которые распространяется власть субъекта, которыми он ведает.

По смыслу ст. 27, 29, 198 АПК РФ определяющим критерием отнесения того или иного дела к подведомственности арбитражных судов является экономический характер спора, а именно его связь с предпринимательской или иной экономической

деятельностью лица, обратившегося в суд за защитой своих прав и законных интересов. При этом субъектный состав участников спора является второстепенным критерием отнесения дела к подведомственности арбитражных судов, не имеющим самостоятельного значения вне связи с характером спора.

Однако возможны случаи рассмотрения арбитражными судами и неподведомственных дел. Так, в случае отказа суда общей юрисдикции рассматривать конкретный спор и с учетом права заявителя на судебную защиту дело, в соответствии с правовой позицией постановления Президиума ВАС РФ № 7131/08 от 21.10.2008, подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

В отношении же второй составляющей компетенции судов – подсудности – ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Подсудность представляет собой самостоятельный институт, согласно которому регулируется относимость подведомственных арбитражным судам дел к ведению конкретных арбитражных судов по первой инстанции, то есть по горизонтали между судами одного уровня, в частности арбитражными судами. Важным этапом рассмотрения дела является правильное определение подсудности при принятии искового заявления с тем, чтобы дело было рассмотрено уполномоченным на его рассмотрение судом в установленный законом срок.

Вместе с тем, разрешая вопрос о полномочном суде (арбитражном или общей юрисдикции), необходимо прежде всего определиться, что первично – подведомственность или подсудность.

Основываясь на вышесказанном, данный вопрос можно разрешить следующим образом: ст. 35 АПК установлено общее правило территориальной подсудности споров, подведомственных арбитражному суду. Соответственно, вопрос о передаче дела полномочному суду по территориальному признаку решается после того, как разрешен вопрос о подведомственности: «должен в первую очередь выясняться вопрос о подведомственности спора арбитражному суду» (постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 14.12.2011 по делу № А28-7880/2011); «указанной нормой установлено общее правило территориальной подсудности споров, подведомственных арбитражному суду» (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 05.07.2013 по делу № А27-14578/2012). Следовательно, вопрос о подведомственности первичен. Об этом может сказать и текстуальный анализ АПК – первичен параграф о подведомственности, а не о подсудности.

Однако этот вопрос может быть решен и иным способом – подсудность первична. Поскольку в соответствии с конституционной нормой (ст. 47 Конституции РФ) никто не может быть лишен права на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, то вопрос о подведомственности правомочен разрешить суд, к подсудности которого отнесено дело. Это касается прежде всего сочетания специальных норм о подведомственности и о подсудности, что можно расценить как исключение из вышеуказанного правила.

Несмотря на возможность манипулирования «подсудностью», стоит отметить, что конституционная норма об этом процессуальном институте является наиболее применяемой в сравнении со всеми остальными конституционными нормами. Кроме того, в обосновании необходимости принятия поправки к Конституции Российской Федерации о Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации прямо указано, что реформирование позволит исключить возможность отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела, установить общие правила организации судопроизводства, добиться единообразия в судебной практике [7].

В заключение хотелось бы отметить, что капитулянтские настроения в отношении последствий реформы не имеют под собой никаких оснований – система арбитражных судов сохраняется, что еще раз было отмечено Президентом в разговоре со студентами-юристами [8], и АПК РФ продолжает действовать. Представляется, что и при разрешении вопроса об информационном обеспечении новой судебной системы из обеих систем будет взято самое функционирующее для дальнейшей единообразной судебной практики.

Список использованной литературы:

1. *Багаев В.* Половина дел в Лондоне связана с Россией и СНГ : Английские юристы рассказали о причинах успеха. URL: http://zakon.ru/Blogs/One/3566?entryName=polovina_del_v_londone_svyazana_s_rossiej_i_sng__anglijskie_yuristy_rasskazali_o_prichinax_uspexa (дата обращения: 28.11.2013).
2. *Арефьев Д.* Суверенитет на 10% // Ведомости. 2012. № 117 (3131). 27 июл.
3. На это указывал мэр г. Лондона Б. Джонсон в своей речи на ежегодной конференции Конфедерации британский промышленности // Российских олигархов позвали в суд. URL: http://kommersant.ru/doc/2071489 (дата обращения: 29.11.2013).
4. Встреча со студентами юридических вузов Москвы. URL: http://kremlin.ru/news/19778 (дата обращения: 04.12.2013).
5. *Рогожин С. П.* О некоторых особенностях электронного обеспечения правосудия // Цивилист. 2012. № 2.
6. *Борисова В. Ф.* Проблемы и перспективы обращения в суд в электронной форме // Арбитражный и гражданский процесс. 2011 ; *Мельниченко Р.* Электронный адвокат // ЭЖ-Юрист. 2011. № 11. С. 13 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 04.12.2013).
7. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» : Законопроект 352924-6. URL: http://pravo.ru/doc/view/328/ (дата обращения: 04.12.2013).
8. Встреча со студентами юридических вузов Москвы. URL : http://kremlin.ru/news/19778 (дата обращения : 04.12.2013).

В. И. Балко

К ВОПРОСУ О ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИИ РУК И НОГ НОВОРОЖДЕННЫХ

В настоящее время имеются объективные причины для рассмотрения вопроса о том, что в дактилоскопической регистрации предлагается выделять две составляющие – гражданскую и уголовную дактилоскопическую регистрацию. Эти видыа дактилоскопической регистрации отличаются своими целями, практическими задачами и субъектами данных и должны иметь под собой соответствующую законодательную базу. Но их сущность одинакова – установление идентичности отображений папиллярных узоров и решение на этой основе вопроса о личности субъекта дактилоскопической информации. Дифференцирование гражданской и уголовной регистрации устраняет одну из причин предвзятого, негативного отношения людей к дактилоскопической регистрации и распространению ее на гражданские правоотношения. Так исторически сложилось, что дактилоскопическая регистрация в основном воспринимается гражданами как один из видов уголовной регистрации. Надо понимать, что механизм и процесс правового регулирования государственной дактилоскопической регистрации очень сложный, требующий надлежащего системного подхода. Необходимо проводить масштабную профилактическую и информационную работу с населением страны, акцентируя внимание на необходимости внедрения обязательной дактилоскопической регистрации, как, например, в США – с привлечением к этой работе известных людей.

Что происходит с законодательством по дактилоскопической регистрации во всем мире? Первой из стран СНГ специальный закон «О государственной дактилоскопической регистрации» в июле 1998 года приняла Российская Федерация. Затем, законы были приняты в 1999 году в Республике Таджикистан, в 2000 году в Азербайджанской Республике, в 2002 году в Республике Молдова, в 2003 году в Республике Беларусь, в ноябре 2004 года в Приднестровской Молдавской Республике, в 2006 году – в Республике Абхазия.

По данным Статистического бюро ООН, с 2002 года свыше 60, а с 2009 года 118 стран мира приступили к реализации новых национальных проектов по внедрению биометрической регистрации таких характеристик человека, как отпечатки пальцев рук, радужная оболочка глаз, двух- и трехмерное изображение лица, ДНК, подпись и некоторые другие. На седьмой сессии Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей с 3 марта по 1 апреля 2008 года, была отмечена необходимость эффективного розыска и установления личности пропавших без вести лиц с помощью ДНК и других биометрических данных, которые могли способствовать установлению личности [1].

В США с 26 октября 2006 года было ужесточено законодательство о визах, при въезде на американскую территорию приходится проходить обязательную процедуру фотографирования и снятия отпечатков пальцев. С 2009 года биометрическая регистрация применяется и ко всем гражданам, въезжающим в страны Евросоюза.

В силу участившихся фактов торговли детьми в Аргентине было принято решение о постепенном внесении биометрических данных населения страны в единую Федеральную биометрическую идентификационную систему. Согласно проекту, до 2014 года все население Аргентины будет оформлено в единой базе, где будут учитываться как дактилоскопические данные, так и биометрические снимки. С 2012 года у всех детей, рождающихся на территории Аргентины, снимаются электронные оттиски ног и рук [1].

Мнения граждан по отношению к дактилоскопированию различны. Было проведено анкетирование среди студентов в возрасте 17–21 года с вопросом «Мое отношение к дактилоскопированию рук, а также ног новорожденных» в трех градациях. Положительное отношение к дактилоскопированию рук у 20%, нейтральное также у 20% и отрицательное – у 60%. Положительное отношение к дактилоскопированию ног – 25%, нейтральное – 20% и отрицательное – 55%. После информационно-ознакомительной лекции было проведено повторное анкетирование. Положительное отношение к дактилоскопированию рук стало 25%, нейтральное 25% и отрицательное – 50%. Положительное отношение к дактилоскопированию ног стало 25%, нейтральное 30% и отрицательное – 45%.

Периодически в СМИ появляется информация о замене или подмене новорожденных, а также о случаях их похищения. 26 января 2013 года эксперты МГУ, съехавшиеся со всех краев России в Москву на Ломоносовский проспект, обнародовали сведения о мировой сети торговли детьми и констатировали, что пришла пора в каждом отечественном городе создавать спецподразделения МВД по противодействию этому новому для России виду организованной преступности. «Ежегодно в стране похищается 200–300 детей», – такие данные приводит «Российская газета» со ссылкой на доктора медицинских наук, руководителя Центра правовой и психологической помощи в экстремальных ситуациях, психиатра-криминалиста Михаила Виноградова [2].

В разных странах по-разному борются с этим явлением. Например, в США ребенку, го матери и отцу надевают после родов одноразовые желто-зеленые браслетики с чипом. Если ребенка выносит кто-то чужой, при проходе через дверь срабатыва-

ет сигнализация и служба безопасности менее чем через минуту оказывается рядом. Если же с ребенком выходят отец или мать – все нормально.

В СНГ имеются отдельные роддома с высоким уровнемь безопасности, но, к сожалению, так далеко не везде. В настоящее время есть простой выход – это дактилоскопирование ног и рук новорожденных. В принципе, нечто подобное – плантография – осуществлялось давно, но с совсем другой целью – выявления плоскостопия. Если заменаить вазелин специальной дактилоскопирующей краской, плантография превратится в дактилоскопирование. Плоскостопие – прогрессирующее заболевание опорно-двигательного аппарата, которое нарушает рессорную и амортизационную функции свода стопы. Вибрация во время ходьбы, бега и других движений передается внутренним органам, что приводит к нарушению их функций, вызывая головную боль, повышенную утомляемость, общее недомогание. Обычно значительно снижается работоспособность, поэтому чем раньше начато лечение, тем лучшие результаты оно приносит. И наоборот. Плантография – это один из самых информативных методов диагностики плоскостопия на ранней стадии, а также методика получения отпечатков человеческих стоп в позе естественного прямостояния на специальном приборе – плантографе – с анализом, расшифровкой и диагнозом, а также соответствующими рекомендациями по преодолению выявленных нарушений.

Проблемы развития дактилоскопической регистрации тесно связаны с самым широким кругом правовых вопросов, от основополагающих, таких как понятие «права и свобода личности», и до конкретных, регулирующих процедуры получения, обработки, сохранения и прочие действия с дактилоскопической информацией. Поэтому нами выделен «самостоятельный восьмой элемент в системе дактилоскопии: защита дактилоскопической информации» [3, с.131]. Так, в ст. 55 Конституции Российской Федерации сказано: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов». Почти аналогично сформулирована ст. 39 Конституции Республики Казахстан.

Интенсификация международных и социальных отношений вызывает необходимость обмена персональными данными и, соответственно, требует регламентации этого процесса и внедрения надежных и быстрых способов установления личности человека и распространения их за рамками уголовной сферы. Наиболее пригоден для этого метод дактилоскопической идентификации.

Криминалисты Ю. П. Дубягин, О. П.Дубягина и С. Г. Логинов утверждают, что важным фактором социально-государственной программы предупреждения тяжких преступлений против личности является интенсивное развитие теории и практики идентификационно-удостоверительной безопасности личности. По мнению Г. Ф. Смирнова, дальнейшее изучение эволюционных свойств теории идентификационно-удостоверительной безопасности личности должно исследоваться по аналоговым методикам феномена массовидной активности человека с использованием существующих концепций финала эволюции человека [4, с. 32–33].

В дактилоскопической регистрации новорожденных имеются две составляющие – гражданская и уголовная. Дактилоскопирование ног и рук новорожденных – это первичный уровень идентификационно-удостоверительной безопасности личности. В целях регулирования гражданских и уголовно-правовых отношений на основании законов и созданных на их основе подзаконных актов необходимо дополнение закона РФ «О дактилоскопической регистрации в РФ» и проекта Закона «О дактилоскопической и геномной регистрации в Республике Казахстан» следующего содержания:

добровольное или обязательное дактилоскопирование ног и рук новорожденных в роддоме.

Список использованной литературы:

1. Концепция проекта Закона «О дактилоскопической и геномной регистрации в Республике Казахстан» (ноябрь 2013 года). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31238630 (дата обращения: 2.12.2013).

2. Эксперты МГУ вскрыли глобальную сеть торговли детьми. URL: http://communitarian.ru/novosti/npsr/eksperty_mgu_vskryli_globalnuyu_set_torgovli_detmi_27012013/ (дата обращения: 2.12.2013).

3. *Балко В. И.* Дактилоскопия : учеб. пособие. Семипалатинск, 2006.

4. *Дубягин Ю. П., Дубягина О. П., Логинов С. Г.* Особенности методики расследования неочевидных убийств. М. : Юрлитин-форм, 2004.

Г. М. Барашков

КОНСТИТУЦИЯ РФ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

В настоящее время Россия все более активно интегрируется в мировое политическое пространство, вовлекаясь в процесс глобализации, который является одной из объективных тенденций мирового развития и затрагивает все сферы человеческой деятельности, в том числе и политико-правовую. Модернизационные преобразования мирового масштаба явились стимулом и базисом такого нового мощного процесса, как глобализация, которая способствует становлению качественно однородного пространства. Именно в условиях модернизации закладываются основы гражданского общества как процесса распределения гражданских и политических прав.

Следует отметить, что глобализация – это не только процесс создания глобальной экономики, но, собственно, совокупность всех современных социальных, экономических, политических, информационных, торговых, финансовых, транспортных, трудовых, культурных, коммуникативных изменений и процессов, происходящих под влиянием экономико-технологических и информационных факторов, прежде всего в США и странах Западной Европы. Стоит согласиться с отечественным исследователем В. Г. Хоросом, считающим, что «глобализация на современном этапе ... есть объективный процесс беспрецедентной интенсификации – на основе достижений научно-технической революции – различного рода контактов между государствами и народами, что в принципе создает новые возможности для сотрудничества и взаимопонимания» [10, с. 261].

В современных теориях глобализации (постмодернистских, постпозитивистских, неолиберальных, культуроцентрических, политико-экономических и др.) подчеркивается исключительная роль западных государств в процессе распространения либеральной демократии, либеральной модели гражданского общества, западной культуры и капиталистической экономики во всемирном масштабе. То есть в мировой общественно-политической мысли продолжает доминировать вывод Ф. Фукуямы, что триумф западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив [8, с. 134].

Но такой подход во многом евроцентричен, американоцентричен. Следуя такому подходу, мы отказываем другим обществам – обществам незападного ареала, в том числе и России – в гражданственности, в выработке своей модели демократии, гражданского общества, основанных на специфике культурно-исторического развития, политической культуры, традиций. То есть то, что не вписывается в некую «идеальную» либеральную модель развития, подвержено критическим замечаниям и отвер-

гается, хотя «идеального» мало осталось даже в тех странах, которые изначально считали себя апологетами либерализма и демократии.

Одно можно сегодня утверждать с уверенностью: гражданское общество и государство представляют собой закономерный результат естественно-исторического развития цивилизации. В разных странах они могут принимать те или иные формы, модификации с присущими специфическими особенностями и чертами, и это многообразие будет его лишь обогащать и развивать.

Вместе с тем сам «западный ареал» в последнее время испытывает серьезные потрясения, говорящие о системном кризисе, поразившем западное общество. Суть явления заключается в неконкурентоспособности западной модели в политической, экономической, нравственной и других сферах жизнедеятельности общества. Опыт последнего десятилетия показывает, что проблемы, с которыми сталкиваются западные страны, в том числе и так называемые постисторические (в понимании Ф. Фукуямы), уже не решаются посредством дальнейшей эксплуатации моделей либерального государства и гражданского общества. Более того, на поверку оказывается, что и порождены они зачастую исчерпанностью либеральной политико-правовой модели, ее неспособностью ответить на вызовы современности.

Не менее важно не впасть в крайность некритического восприятия либерально-демократических достижений. Об этом, в частности, размышлял еще исследователь С. А. Левицкий, полагавший, что передовые западные демократии фактически не являются либерально-демократическими в традиционном смысле этого слова и есть существенные различия в принципах организации общества и государства в разных странах. С. А. Левицкий подвергает резкой критике западный материализм, полагая, что в такой материальной цивилизации затухает сам огонь свободы. Когда же теряется идея самоценности свободы, перестают цениться и блага духовной культуры [1, с. 358]. Иными словами, С. А. Левицкий показывает, что в лоне современной западной индустриализованной цивилизации демократический либерализм таит в себе внутреннюю опасность, потенциальную возможность перерождения в некий антипод возврата к тоталитаризму. Свобода, лишенная определенного духовного смысла, отрицает в конечном итоге самоё себя.

Схожую позицию занимает и немецкий исследователь Г. Рормозер, критикующий либеральную демократию за неспособность отвечать на вызовы времени, но главное, за кризис нравственности, в котором он повинен. По мнению Г. Рормозера, либеральное политическое сознание переживает кризис, потому что оно лишено моральной идеи, которая бы легитимировала его. Абсолютизация общества, противопоставляющего себя истории, государству и религии, ведет к упадку нравственности, полностью предоставив человека лишь самому себе. Достижения свободы фактически оказываются упущенными, нравственная и религиозная субстанция выдыхается [7, с. 68].

Проблема несовпадения индивидуального интереса с общим, которую пытался решить социализм, западным обществом тоже не решена. Гегемония либерализма и позиционирование его как единственно верного учения привели к его вырождению в либертаризм, к абсолютизации индивидуализма, атомизации и фрагментаризации общества, что, в свою очередь, обусловило внутреннюю эрозию общества, его распад, «кризис культуры». Жизнь лишается иного смысла кроме удовлетворения потребностей, философией существования становится гедонизм.

Здесь следует отметить, что либерализм попал в некую ловушку, когда объявил себя «единственно верным учением» со своей непревзойденной системой ценностей, со своими притязаниями на всеобщность. Тем самым либерализм проявил себя неожиданным образом, обнаружив склонность к диктату, тоталитаризму, нетер-

пимости к инакомыслию.

Кроме того, не следует питать иллюзий на счет достижений либерал-демократизма. В основном, говоря о Западе, мы представляем некую идеальную модель гражданского общества. На практике же все не так гладко и бесконфликтно. Взять хотя бы, для примера, проблему взаимодействия права и власти (как политической, так и экономической). Есть основания полагать, что в ряде ведущих либерально-демократических стран «экономическая власть превращается в политическую, а политическая власть действует как власть экономическая» [2, с. 40]. И более того, «все четче и нагляднее проявляется универсальная тенденция, согласно которой политическая власть, и прежде всего власть государственная, является прикрытием всемогущества экономической власти» [2, с. 53]. Отдельные западные исследователи в своих трудах неоднократно отмечали данное положение. Так, например, исследователь М. Паренти отмечал, что почти все социальные институты, существующие в западном обществе, вместе с их материальными и профессиональными ресурсами находятся под контролем плутократии и управляются не выборными, самоназначаемыми группировками богатых представителей корпоративного сектора, которые не несут ответственности ни перед кем кроме самих себя [5, с. 66].

Третье, на что хотелось бы обратить внимание, – это усиление роли государства, его бюрократизация, связанная с тем, что все западные страны позиционируют себя как социально-правовые государства. Экспансия государства является результатом совершенно новой концепции политического устройства, которая поощряет гипертрофию политического и административного аппарата, находящегося на содержании граждан-налогоплательщиков. Государство проникает во все сферы общественной жизни, в значительной мере трансформируя отношения, которые традиционно складывались между ним и сферой гражданского общества.

Этот процесс приблизил государство к гражданам, оказываясь все в большей степени вовлеченным в их жизнь. По сути, это свидетельствует об эрозии той сферы, которая раньше в либеральных концепциях считалась неприкосновенной. Эта эрозия стирает сущностные различия между публичным и частным, между государством и гражданским обществом.

Роль государства становится все более значительной под воздействием процессов глобализации, которая сопровождается нарастанием негативных тенденций в развитии гражданского общества в странах западной демократии. Это объясняется усиливающимся воздействием на него факторов как экзогенного, так и эндогенного характера – иммиграции, терроризма, международной преступности, экономического кризиса, размывания национальной культуры и национального образа жизни, потери национальной идентичности, – то есть того, что можно с полным основанием назвать «изменением социокультурного контекста» гражданского общества. Серьезные изменения в традиционной модели гражданского общества вызваны также влиянием постмодернистских тенденций, выражающихся в укоренении постматериальных ценностей.

Процесс демократизации, который присущ «переходным» странам, зачастую не соответствует параметрам «идеальной демократии» ввиду необходимости более четкого определения демократии и уточнения ее параметров, чтобы при установлении сходных процессов и явлений можно было использовать одни и те же концепты и единую систему координат, а также ввиду специфики культурно-исторического развития данных обществ, повлиявшего на их политическую культуру, менталитет, национальную психологию.

Следующим принципиальной важности вопросом в проблематике гражданского общества является вопрос о его моделях, типах и формах, который, так же как и боль-

шинство других вопросов этого проблемного поля, имеет важное теоретическое и практическое значение. Признавая гражданское общество общечеловеческой ценностью, вполне естественно предполагать, что оно в силу гигантского разнообразия конкретных условий складывания, функционирования и развития, его взаимоотношений с государством должно с неизбежностью иметь специфические особенности в зависимости как от отдельных этапов истории каждой конкретной страны, так и от стадии ее общественного развития, имеющихся в обществе традиций, преобладавших в истории страны форм политической власти, типа государственного устройства и т. д. Поэтому следует подчеркнуть, что, характеризуя признаки гражданского общества как всеобщие, следует видеть разнообразие их проявления в каждой отдельно взятой стране. И здесь следует особо подчеркнуть, что возможно существование самых разных моделей гражданского общества с разной степенью институционализации, демократичности и активности.

В либеральной традиции одной из главных ценностей является личность, а следовательно, весьма высока значимость индивидуализма. И западная модель гражданского общества, можно сказать, базируется на принципах индивидуализма, посредством которых каждый человек реализует свои права и самовыражается как личность в деятельности многочисленных негосударственных (неправительственных) объединений и организаций. Такой подход обосновывает приоритетность прав человека над любой социальной общностью и тем самым утверждает доминирование гражданского общества над государством.

В то же время, по мнению многих юристов, «священных и неотчуждаемых» прав никогда не существовало, а личные, т. е. естественные права не имеют абсолютного характера, хотя все же полностью отрицать значение концепции естественных прав как идеологемы и как вектора развития права нельзя ни для прошлого, ни для настоящего.

Несколько иную смысловую нагрузку понятию «гражданское общество» придает Н. И. Матузов, по мнению которого, оно имеет совершенно определенное содержание и в современных трактовках выражает тип, характер, состояние общества, его социально-экономическую и правовую природу, степень развитости и завершенности – т. е. под этим понятием подразумевается общество, отвечающее ряду выработанных историческим опытом критериев, в том числе и правовых [4, с. 87].

В незападном ареале приоритет отдается коллективу, обязанностям, а не правам – считается, что достижения и развитие личности возможны через успех и достижения группы. Здесь разное соотношение свобод и обязанностей личности, что, в свою очередь, порождает критические замечания о состоятельности гражданских обществ данных социумов.

В странах Азии конфуцианство – основа политико-философской концепции власти. Если в западной либеральной модели государство признается производной от общественных интересов и служит социуму, то с точки зрения национальной психологии и менталитета азиатских обществ государство осмысливается как данность, а общественный и индивидуальный долг представляется как служение верховной власти с целью создания сильного и эффективно действующего механизма, интересам которого подчинен каждый гражданин.

Камнем преткновения является неадекватное восприятие сущности демократии как народовластия в разных культурных средах. Народовластие подразумевает признание за народом каждой конкретной страны права быть носителем верховной власти. Демократия обладает способностью адаптироваться к разным национально-культурным условиям. Однако разные культурные общности могут по-разному трактовать как формы проявления народовластия, так и его содержание. В восточной тра-

диции принцип народовластия воспринимается не как власть народа, но как власть во имя народа и от его имени, что принципиально меняет содержание данного понятия демократической теории. Для западного мира народовластие означает непосредственную возможность не только участвовать в политическом процессе, но и реально воздействовать на него.

С точки зрения традиционной культуры наиболее привлекательным компонентом западной демократической теории являются не права и свободы личности (т.е. ее стержневой элемент – либерализм), а возможность осуществлять трансформацию власти, менять своих лидеров мирным и правовым путём, согласованным на уже не раз упоминавшейся корпоративной основе. Поэтому, как полагают некоторые исследователи, азиатские государства имеют право применять различные модели и формы демократии, максимально адаптируя их в соответствии со своей национально-культурной спецификой. Однако при этом утверждается, что «они не в меньшей степени демократичны, чем любая западная страна» [9, с. 146].

По характеру доминирующей роли государства Россия ближе к восточному типу обществ, но в России эта роль в силу ряда исторических, природно-географических и геополитических причин была выражена еще более отчетливо. Государство выступало по большей части основным инициатором формирования общественных институтов, и это накладывало отпечаток на все отношения – хозяйственные, социальные, культурные, политические. Инициатива снизу ограничивалась. Общество находилось под налоговым прессом, из него выкачивался для государственных нужд не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Результатом было слабое развитие городов, торговли, предпринимательства, отсюда и слабость правоотношений, и ригидность политической системы, лишенной обратной связи. Отсюда же бедность и неустроенность быта большинства населения и консерватизм культурных ценностей. Тип отношений власти и общества, при котором власть выступала центральным и, по сути, единственным источником динамики в обществе, не только не способствовал структурной дифференциации последнего, но и закреплял его аморфный характер, препятствовал его самоорганизации. Власть одновременно была и внешней скрепой по отношению к обществу, и стержнем, вокруг которого только и происходили процессы общественной кристаллизации. Общество не вырабатывало внутренних механизмов конституирования и регулирования в значительной мере потому, что государство подавляло всякие зачатки и попытки такой самоорганизации или использовало ее в полицейских и фискальных целях, например как общину в дореволюционный период или так называемые добровольные общества – в советский. Поэтому кризис, распад общества преодолевался в российской истории лишь в результате усилий и при решающем участии государства, которое вновь «собирало», консолидировало общество на государственной основе.

Возрождение идеи гражданского общества в странах Восточной Европы и России стало возможным в связи с уходом от коммунистических идей и поиском альтернативного развития. Отсюда симпатии к либерализму, который в странах реального социализма появился сначала как своего рода коммунизм наоборот, или, иначе говоря, как своеобразный свод принципов, противоположных официальной идеологии. Свобода понималась как противоположность повсеместным запретам и ограничениям, права человека и гражданина – как противоположность господствующему этатизму, рынок – как противоположность плановой экономике и т. д. Ключевыми в оппозиционных ценностях были две идеи – автономия личности и гражданское общество.

В данном случае речь идет не только о различении гражданского общества и государства, но и о весьма решительном их противопоставлении. Более того, «идея гражданского общества появилась здесь, прежде всего как идея антигосударственная»

[11, с. 84], и в этом ее принципиальное отличие от ситуации на Западе, где возврат к идее гражданского общества также имел антиэтатический характер, но не включал в себя восприятия государства как по сути своей враждебного и чуждого обществу.

Таким образом, здесь мы наблюдаем ситуацию, когда отношения гражданского общества и государства строятся не на их партнерстве, а на противостоянии.

Вместе с тем государство делает все для развития институтов гражданского общества в стране. Об этом неоднократно заявлял президент В. В. Путин в своих посланиях ФС, определяющих роль гражданского общества как главенствующую в развитии и социальной модернизации страны [12]. Главная роль в этом развитии принадлежит Конституции, выступающей ядром политико-правовой системы и базой для текущего законодательства. Конституция России обеспечивает основу для постоянного формирования гражданского общества. В ней провозглашено, что Россия является демократическим правовым государством и тем самым в стране гарантируется свобода экономической деятельности, признается и защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. В соответствии с теорией естественного права российская Конституция провозглашает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Утверждается право на жизнь, свободу, равенство, достоинство личности. Гражданский кодекс РФ закрепляет и развивает гражданские права и свободы, провозглашенные в Конституции России. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников правоотношений, неприкосновенности собственности, свободе договора, недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, гарантии судебной защиты прав.

Вместе с тем становление и развитие российского гражданского общества предполагает не только права и свободы, но и гражданскую ответственность, независимый суд и прокуратуру, развитое законодательство, всеобщее и прямое избирательное право. В условиях демократической политической системы особое место занимает организация избирательного процесса, его институтов, демократических процедур и гарантий избирательного права граждан и общественно-политических объединений на реальное участие в выборах и контроле деятельности выборных органов.

Конституция Российской Федерации 1993 года создала предпосылки для развития современного гражданского общества, которое не является альтернативой демократическому государству, хотя в общественном сознании все еще широко представлены идеи гражданского общества как прямой и непосредственной оппозиции государству. По мнению исследователя Л. Полякова, к сожалению, продолжается «беспрерывная квазиинтеллектуальная толкотня вокруг понятия „гражданское общество” как некой альтернативы власти и государству» [6, с. 141]. Конечно, провозглашение свобод в Конституции, кодексах и законах вовсе не означает одномоментного создания или формирования гражданского общества – для этого требуется длительное время. Также совершенно очевидно, что рост преступности и административной коррупции в сегодняшней России является результатом слишком свободного функционирования частных интересов, в том числе и интересов криминального капитала, и следствием отсутствия надлежащего государственного контроля ряда ключевых секторов жизни общества. Следовательно, необходим не только контроль деятельности государства со стороны гражданского общества, но и контроль действий частных лиц и их объединений со стороны государства.

Отметим также и то, что власть пытается преодолеть сложившийся негативный стереотип во взаимоотношениях и наладить диалог и сотрудничество с институтами гражданского общества, включая в сферу взаимодействия массовые, неэлитные группы интересов. Данная тенденция выразилась в создании сверху целого ряда

институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата, ОНФ и т. д.), целью которых является инкорпорация наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом.

Отдавая себе отчет в том, что гражданское общество представляет собой рациональный способ существования людей, основанный на деятельности свободного индивида, смеем утверждать, что представление об индивидуализме не только как об основе демократических ценностей, но и как о единственной возможности расцвета свободного общества ошибочно. Оно весьма далеко от современной реальности самих западных стран и полностью противоречит накопленному опыту наиболее продвинутых в развитии гражданского общества стран Востока, таких как, например, Япония и Индия. В российских же условиях данная установка ведет к углублению процессов социального распада и дальнейшей социальной деградации социальной ткани общества. Радикальная индивидуализация, отчуждение людей друг от друга в конечном счете ведут к полной атомизации общества, при которой не только складываются неблагоприятные условия для становления гражданского общества, но и происходит неизбежное нарастание авторитарных тенденций при усиливающейся маргинализации общества.

В предлагаемом контексте гражданское общество не выступает символом уникальности западной цивилизации, тем более что оно и там не было одним и тем же во все времена – оно эволюционировало, менялось на протяжении всей истории Запада. В настоящее время вопрос стоит о формировании такого вида гражданского общества, который был бы адекватен современной эпохе, и именно этим должны определяться способы преобразования современной России. Реалистический учет объективных тенденций мирового развития не требует разрушения собственных цивилизационных основ, скорее, наоборот – в них на институциальном уровне должны быть встроены достижения Запада, что в конечном итоге приведет опять же к усилению культурной самоидентификации. Опыт ряда государств Юго-Восточной Азии, которые отвергли вестернизацию, но, модернизируясь, превратились в современные общества, свидетельствует о том, что мощная корпоративность не противостоит индивидуализму, традиционная стратификация может способствовать установлению парламентского строя, а сохранение своей цивилизационной самобытности не препятствует эффективному экономическому развитию.

В заключение хочется отметить, что процессы глобализации имеют как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным сторонам можно отнести культурное и информационное сотрудничество, борьбу против глобальных проблем человечества, к отрицательным – опасность потери суверенитета, появление так называемых новых бедных, ценность которых как трудящихся или потребителей исчерпана и чья значимость как людей игнорируется. Появление групп таких «социально исключенных» подрывает основы гражданского глобального общества.

Некоторые страны, в том числе и Российская Федерация, оказались перед необходимостью самоопределения – либо вырабатывать собственное новое представление о глобализации, либо следовать западному, неолиберальному проекту глобализации. Следование западным стандартам приводит к кризису идентичности, сопровождается новыми рисками утраты легитимности, поскольку процессы глобализации способны подрывать легитимность политических систем. Россия и мировое сообщество вынуждены искать новые механизмы взаимопонимания, строить по-новому диалог.

Главное в этом процессе – отстаивание прав и свобод граждан и суверенитета, т. е. те положения, которые нам даны и защищены конституцией.

Список использованной литературы:

1. *Левицкий С. А.* Трагедия свободы. М., 1995.
2. *Мальцев Г. В.* Право и экономическая власть // Правовое государство, личность, законность. М., 1997.
3. *Матузов Н. И.* Гражданское общество : Сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3.
4. *Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990.
5. *Поляков Л. В.* Парадокс гражданского общества в России // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001.
6. *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М., 1996.
7. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3.
8. См.: *Хонг М.* Демократия в Азии // Россия и Корея в меняющемся мире : науч.-практ. конф. М., 1997.
9. *Хорос В. Г.* Глобализация и периферия // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
10. См.: *Шацкий Е.* Протолиберализм : автономия личности и гражданское общество // Политические исследования. 1997. № 5.
11. См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию. URL: http://www.kremlin.ru/news/17118 (дата обращения: 21.12.2013).

В. И. Бегинин, И. А. Бегинина

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Правовая структура общества в силу своего объективного положения теснейшим образом связана не только с экономикой, государством, политикой, но также и со многими другими сторонами, сферами общественной жизни (мораль, наука, семья, быт и др.). Чтобы представить себе достаточно полную реальную картину данного объекта, необходимо «взять» его во всем многообразии социальных связей и зависимостей, т. е. подойти к нему социологически [1].

Социологический аспект позволяет прежде всего теоретически соотнести правовую структуру с обществом в целом, с законами его развития и функционирования, а также со всеми другими структурными подразделениями общественного организма и тем самым объяснить ее генезис, место в обществе и социальные функции. Взятая лишь сама по себе или в связи только с некоторыми существенными (и даже определяющими) факторами действительности, правовая структура окажется понятой неполно, односторонне.

Социологический подход необходим также для того, чтобы раскрыть внутренние связи правовой структуры, основные черты взаимодействия составляющих ее частей, компонентов (общественные отношения, правовые нормы, взгляды и т. д.). Наконец, социологический подход в условиях переходного периода общества является важным условием создания и совершенствования правовой базы реформ.

С точки зрения социологического исследования воздействия правовой нормы на общественные отношения решающее значение имеют не отдельные факты ее нарушения или обхода, а общий социальный эффект нормы. С этой точки зрения особенно важно знать, достигает ли норма в целом социальной цели, которая преследовалась ее созданием, или не достигает [2, с. 115].

В юридической литературе подчеркивается, что «законодательный акт должен быть воплощением прогноза» [3, с. 102]. Это означает, что его разработка должна осуществляться на основе изучения множества общественных связей и отношений с учетом ведущих тенденций их развития. Научно обоснованное, прогнозирующее законодательство требует, в частности:

а) знания объективных фактов прошлого и настоящего;

б) знания законов общественного развития;

в) объективной оценки взаимодействующих факторов.

Все это возможно лишь на основе социологического подхода к правотворчеству. Говоря о социологических исследованиях в праве, В. П. Казимирчук назвал их одним из перспективных направлений юридической науки. Он пишет: «Предметом социально-правового изучения является не система правовых норм сама по себе, но главным образом связь между нормой и ее социальным действием, выявление всех факторов, как способствующих воздействию права на общественные отношения, так и препятствующих этому». Далее автор справедливо отмечает, что «престиж права, точность выводов правовой науки зависит в значительной мере от развертывания социально-правовых исследований [4, с. 37].

В условиях современной российской действительности, когда на первый план выдвигаются не только экономические, но и политико-правовые проблемы, и в частности проблема формирования правовой базы реформ, социологический подход к правотворчеству приобретает особый интерес.

Законотворчество по своей сущности представляет собой разновидность прогнозного обоснования социального (социально-правового) нововведения. Поэтому каждая конкретная ситуация зарождения, развития и функционирования нового закона может быть описана в соответствующих терминах. Прежде всего необходимо исходить из неизбежного противодействия всякому нововведению.

Какие главные противники обнаруживаются у любого «новорожденного» в момент появления его на свет? По мнению И. В. Бестужева-Лады, их пять.

Необходимо мобилизовать потенциальные возможности всех семи форм общественного сознания. Ключевое место среди них принадлежит научному (научно-правовому) мышлению, которое призвано синтезировать экономическое, социальное, политическое, нравственное и юридическое обоснование нового закона.

Современная наука в состоянии предложить для этого длинный ряд исследовательских технологий. Только типовая методика социального прогнозирования представляет собой совокупность 44 исследовательских операций, сведенных в семь процедур. Операции включают в себя 12 экспертных опросов (по разным методикам), четыре вида поисково-экстраполяционных и два вида нормативных разработок, сценарное, матричное, сетевое моделирование и другие приемы. Укрупнив операции, выделив ключевые, необходимые для решения нашей задачи, мы и получим алгоритм прогнозного обоснования социального (правового) нововведения.

В предельно сжатом, схематичном виде его можно, по мнению автора, представить как совокупность семи процедур – предпрогнозной ориентации, построения исходной модели, построения модели прогнозного фона, поисковой разработки параметров исходной модели, нормативной разработки параметров исходной модели, верификации полученных данных и выработки рекомендаций по уточнению предлагаемого нововведения на основе прогнозных данных [5, с. 84–91].

Все это, как видим, достаточно сложная, высококвалифицированная и трудоемкая работа. К сожалению, она пока еще не вошла в наш повседневный обиход. Исследовательские технологии прогнозного обоснования социальных нововведений, в том числе и правовых, остаются пока невостребованными. Управление социальными процессами вообще и путем создания правовой базы реформ в частности осуществляется в основном интуитивно, методом проб и ошибок. И, конечно, это очень дорого обходится нашему обществу и государству.

Рассматриваемый нами объект, несомненно, подвижен и изменчив. Как одна из сторон, структур общества правовая сфера движется, преобразуется вместе с исто-

рическим развитием общества. Историческая изменчивость объекта правосознания обусловливает необходимость соответствующего, конкретно-исторического подхода к его исследованию, сопряженного с социологическим комплексным прогностическим анализом.

Список использованной литературы:

1. Право и социология / под. ред. Ю. А. Тихомирова и В. П. Казимирчука. М., 1973 ; *Щегорцов В. А.* Социология правосознания. М., 1981.

2. См.: *Кнапп В.* О возможности использования кибернетических методов в праве : пер. с чеш. М., 1965.

3. *Сафаров Р. А.* Прогнозирование и юридическая наука / / Советское государство и право. 1989. № 3.

4. *Казимирчук В. П.* Социологические исследования в праве : проблемы и перспективы / / Советское государство и право. 1967. № 10.

5. См.: *Бестужева-Лада И. В.* Возможен ли социальный дизайн / / Социс. 1991. № 5.

В. И. Бегинин, А. А. Бегинина

КОНСТИТУЦИОННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Конституция в качестве основного закона государства, как отмечал Г. Гегель, устанавливает разделение и отношение друг к другу различных государственных властей и сферу действия каждой, но главным образом права индивидов по отношению к государству и то содействие, какое каждый из них обязан оказывать государству [1, с. 204].

В отличие от Гегеля, связывающего возникновение конституции с государством, демократ Т. Пейн (Англия, США) отрицал роль государства в создании конституции, считал ее первичнымой, а государство – вторичным общественным явлением. Пейн утверждал: «Конституция есть вещь, предшествующая государству: государство всего лишь детище Конституции. (Конституция некой страны есть акт не государства, а народа, учреждающего государство» [2, с. 207].

Идея народного государства как результата общественного договора свободных людей, а Конституции как выражения общей воли суверенного народа была всесторонне развита Руссо [3].

Одной из первых конституций, основанной на воле народа, явилась французская якобинская Конституция 1793 года. Ее составители и революционный народ верили во всемогущество справедливой народной конституции, полагая, что она способна дать счастье обществу, обеспечить свободный труд, равенство людей, ограничить власть и произвол чиновников [4, с. 176].

Наивными были конституционные идеи социалистов-утопистов, мечтавших об идеальном общественном строе и конституции как достоянии общества равных людей, свободных от классовых различий и привилегий.

Значительный интерес представляют конституционные воззрения наших соотечественников – дворянских революционеров-декабристов. Наиболее полно они выражены в «Русской правде» П. И. Пестеля как историческом памятнике и других проектах конституционного устройства феодальной России.

По утверждению П. И. Пестеля, «Русская правда» является верховной Всероссийской грамотой, представляет собой коренные правила и начальные основы для установления нового государственного порядка и составления нового уложения законов. В ней содержатся наказ или наставление верховному правлению и объявление народу, от чего он освобождается и что его ожидает [5, с. 73–162].

Позднее в западной литературе появилось множество дефиниций конституции, в которых Основной Закон рассматривается как совокупность правоположений, определяющих систему высших органов государственной власти, их взаимоотношения, компетенцию, права, свободы и обязанности граждан [6, с. 371].

Со временем сложилась самостоятельная юридическая наука – конституционное, или государственное право, – в которой детально исследуются сущность, содержание, функции и другие аспекты конституционной проблематики [7].

Марксистское учение о конституции исходит из того, что конституция есть результат (итог) классовой борьбы за власть. Известно, что, обращаясь к буржуазии как классу, К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали: «…ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [8, с. 443].

О классово-волевой трактовке конституции Марксом и Энгельсом свидетельствует также их вывод о том, что после захвата государственной власти господствующие классы должны конституировать свою силу не только в виде государства, но и «...придать своей воле ... всеобщее выражение в виде государственной воли в виде закона...» [9, с. 322]. И таким законом прежде всего служит конституция.

Принятие новой конституции, таким образом, связывалось прежде всего с революцией и переходом государственной власти от одного класса к другому. Не исключаются и другие основания для принятия новой конституции вместо действующей старой, каковыми являются изменение расстановки и соотношения сил (группировок, фракций) внутри господствующего класса и установление между ними устойчивого компромисса, а также глубокие социально-экономические и политические изменения внутри страны.

Практика показывает, что советские конституции, первая из которых была принята после победы Октябрьской революции в 1918 году, изменялись и развивались затем по мере развития и изменения общественного и государственного строя. Это были Конституции 1924, 1936, 1977 годов. Поводом были, соответственно, образование СССР, «полная победа социализма» и построение «развитого» социалистического общества в СССР.

Изменения, произошедшие в нашей стране после 1985 года (распад СССР, отстранение от власти КПСС и советов народных депутатов, разгосударствление и приватизация собственности, формирование многоукладной экономики и рыночных отношений, глубокие сдвиги в социальной структуре общества и т. д.), свидетельствуют о наличии оснований для подготовки и принятия новой конституции Российской Федерации, достаточных даже с точки зрения марксистско-ленинских представлений.

Старая конституция – Конституция РСФСР, принятая в 1977 году, – хотя и была модифицирована путем внесения в нее множества поправок и дополнений, не отражала в полной мере изменений, произошедших в российском обществе.

История с разработкой новой российской конституции хорошо известна. В 1991 году Верховным Советом тогда еще РСФСР была создана Конституционная комиссия во главе с Президентом Б. Н. Ельциным. Подготовленный ею первоначальный проект в основном был одобрен законодателями. К разработке Конституции широко привлекалась общественность. Был организован федеральный конкурс ее проектов, по итогам которого лучшим был признан проект, представленный учеными Саратовского юридического института.

Работа над проектом была закончена 8 ноября 1993 года, а на следующий день в своем выступлении по телевидению Б. Н. Ельцин сообщил об этом гражданам России.

Подготовку проекта Конституции он охарактеризовал как завершение дела огромной для нашей страны и каждого из нас важности, подчеркнув, что работа продолжалась более трех лет и была сложной и напряженной, а в отдельные моменты даже драматической, что над проектом работали лучшие юридические силы страны.

В тексте, как сказал далее президент, были учтены многочисленные предложения и пожелания субъектов Федерации, политических и общественных организаций, научных коллективов, специалистов, граждан. Проект Конституции прошел экспертизу и у нас в стране, и за рубежом. «Теперь окончательное слово должны сказать вы, граждане России», – сказал Б. Н. Ельцин. И заключил: «Только опираясь на волю народа, можно укрепить российскую государственность, преодолеть наследие коммунистического и советского прошлого, последствия двоевластия».

Затем была дана краткая характеристика документа как проекта Конституции демократического правового государства и обоснована целесообразность ее всенародного принятия на референдуме 12 декабря 1993 года [10].

Указом Президента была учреждена Правительственная комиссия для организации и проведения общенародного референдума по проекту новой Конституции во главе с вице-премьером В. Шумейко. И конституционный процесс вступил в свою завершающую фазу.

В предвыборном обращении к гражданам России, с которым Б. Ельцин выступил по всероссийскому телевидению 10 декабря 1993 года, говорилось: «Работа над Конституцией слишком затянулась. Страна меняется, в ней идут коренные преобразования. И в то же время действует Конституция прошлого. Сейчас много говорят о необходимости наведения порядка в стране, о том, что нужны действенные меры против коррупции, против преступности, произвола. Но все это останется благими пожеланиями, красивыми словами, пока не будет наведен порядок в самом главном законе России. Пока у страны не будет нормальной, четкой и сильной Конституции».

И далее: «Нам нужна Конституция как стержень единого и сильного государства, чтобы последовательно и спокойно вести демократические преобразования в стране ... Если мы хотим добра нашей стране, друг другу, своим детям – мы должны проголосовать за Конституцию» [11, с. 1].

Во всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года приняло участие 58 187 755 зарегистрированных избирателей, или 54,8%. За принятие Конституции РФ проголосовало 32 937 630 избирателей, или 58,4% избирателей, принявших участие в голосовании.

Против принятия Конституции РФ проголосовало 23 431 333 избирателя, или 41,6% избирателей, принявших участие в голосовании.

Центральная избирательная комиссия РФ по результатам голосования постановила:

1) признать всенародное голосование 12 декабря 1993 года по проекту Конституции Российской Федерации состоявшимся;

2) признать, что Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием [12].

Обращает на себя внимание то, что на парламентские выборы и голосование по проекту Конституции явилось лишь около 55% списочного состава российских избирателей. Из них за принятие Конституции проголосовало около 60%. Нетрудно подсчитать, что Основной Закон страны принят голосами всего лишь одной трети взрослого населения России. И от этого факта никуда не уйдешь [13]. Верно, конечно, что в этом нет противоправности, референдум проведен в соответствии с действующим законодательством. Но ведь демократия предполагает выявление и учет воли большинства. Но, тем не менее, на данном этапе обновления отечественной демокра-

тии вряд ли было бы справедливым отрицать или игнорировать и другой факт – в стране впервые были созданы достаточно благоприятные условия для свободного волеизъявления народа. И то, что Конституция была принята нашим народом, говорит о многом, и прежде всего о том, что люди поняли ее значимость для жизни каждого россиянина, возросшее правосознание взяло верх над обидами, претензиями к правительству, над раздражением, порожденным всем, что происходит сейчас в стране.

Анализ новой Конституции Российской Федерации позволяет сделать определенные выводы о главных императивах гражданского и правового сознания россиян в области государственного строительства. Если говорить о сущности этих императивов, то она может быть выражена кратко следующим образом: люди хотят, чтобы государственная власть была сильной, компетентной, ответственной перед народом и справедливой.

Список использованной литературы:

1. См.: *Гегель Г.* Работы разных лет. М., 1970. Т. 1.
2. *Пейн Т.* Избр. соч. М., 1959.
3. См.: *Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре. М., 1938.
4. См.: *Робеспьер М.* О конституции / / Революционная законность и правосудие. М., 1959.
5. См.: *Пестель П. И.* Русская правда / / Избранные философские и социально-политические взгляды декабристов. М., 1951. Т. 2.
6. См., например: *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Спб., 1908.
7. См., например: *Филипс У.* Конституционное право. М., 1950 ; *Прело М.* Конституционное право Франции. М., 1957.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4.
9. Там же. Т. 3.
10. «Вчера завершилось дело огромной важности для нашей страны, для каждого из нас. Подготовлен проект Конституции Российской Федерации» (Выступление Б. Н. Ельцина по телевидению 9 ноября 1993 г.).
11. См.: Обращение Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к гражданам России / / РГ. 1993. 10 нояб.
12. См.: О результатах всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерацни / / РГ. 1993. 25 дек.
13. Характерно, что опросы, проведённые бывшим Верховным Советом в мае 1993 года показали, что свыше70% выступали за срочное принятие Конституции, 2% – против, 53% опрошенных не читали проекта Конституции.

А. С. Безсчастнов

ПОРЯДОК И ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ, РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 29 КОНСТИТУЦИИ РФ

С развитием в России информационных технологий, в том числе и информационно-телекоммуникационной сети Интернет, без ежедневного использования которой невозможно представить жизнь, трудовую деятельность, а также отдых современного человека, все большую актуальность приобретают проблемы свободного доступа, передачи и распространения информации посредством сети Интернет.

Положения ч. 4 ст. 29 Конституции РФ закрепляют право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Но не любая информация подлежит свободному распространению на территории России.

Законодателем закреплено, что ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В то же время единый источник правового регулирования оснований и порядка ограничения доступа к информации отсутствует, равно как и единый порядок ограничения доступа к интернет-сайтам. Указанный подход законодателя следует признать необоснованным, поскольку существование нескольких оснований ограничения доступа к информации, нескольких органов государственной власти, специально уполномоченных в сфере ограничения доступа к информации, отсутствие единого порядка ограничения доступа создают риск нарушения прав как лиц, распространяющих информацию, так и граждан, ищущих ее.

Так, среди источников можно указать Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ «Об информации») [1]. Согласно ч. 6 ст. 10 указанного закона, запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Перечень информации, распространение которой запрещено, дополняется положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2], в котором даны определения экстремистской деятельности, экстремистской организации, экстремистских материалов, а также указаны признаки и содержание такой деятельности.

Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ч. 2 ст. 5) [3] приведен перечень информации, запрещенной для распространения среди детей: побуждающей детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству; способной вызвать у детей желание употребить наркотические средства, табачные изделия, алкогольную и другую спиртосодержащую продукцию; обосновывающей или оправдывающей допустимость насилия и (или) жестокости; отрицающей семейные ценности; оправдывающей противоправное поведение; содержащей нецензурную брань; содержащей информацию порнографического характера и др.

Статья 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [4] устанавливает запрет на распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, пропаганду каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами.

Согласно ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 Nг. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [5], пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивирования наркосодержащих растений, осуществляемая юридическими или физическими лицами и направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений с использованием ин-

формационно-телекоммуникационных сетей или совершение иных действий в этих целях запрещаются.

Это далеко не полный перечень информации, распространение которой напрямую запрещено законодательством Российской Федерации.

Как видно из приведенного перечня законодательных актов, перечисленная в нем запрещенная к распространению информация не носить системного характера, ее перечень четко не сформулирован и зачастую повторяется в разных интерпретациях. Отсутствие четкой законодательной регламентации в данном вопросе оставляет возможность разной трактовки норм права и, как следствие, может привести к злоупотреблениям со стороны правоприменителей.

В информационно-телекоммуникационной сети запрещенная к распространению информация содержится на страницах сайтов в сети «Интернет», доступ к которым может получить любой пользователь сети. Более того, любой пользователь сети «Интернет» может в режиме реального времени разместить на web-сайте, например, комментарии к новостной передаче, статье, чьему-либо высказыванию и т. д., которые, по оценке контролирующих государственных органов, будут содержать информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации.

В ФЗ «Об информации» регламентирована процедура ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Создается единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети „Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети „Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее – реестр). В указанный реестр включаются:

1) доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в «сети Интернет», содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено;

2) сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в «сети Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Создание, формирование и ведение этого реестра, согласно постановлению Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 [6], поручено Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) и оператору реестра – организации, зарегистрированной на территории Российской Федерации, которая имеет техническую и организационную возможность для круглосуточного ведения реестра, а также будет обеспечивать самостоятельный мониторинг сети «Интернет» в целях выявления запрещенной информации. Ведение единого реестра осуществляется в электронной форме в ежедневном круглосуточном режиме.

Основанием для включения в единый реестр информации являются:

а) решения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти – Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН России), Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор), Роскомнадзора;

б) вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», запрещенной.

При этом полномочия ФСКН России и Роспотребнадзора повторяют полномочия Роскомнадзора. Дублирование законодателем полномочий контролирующих органов, как показывает практика, ведет к неблагоприятным последствиям, таким как

отсутствие системности, полноты и установленной периодичности контроля со стороны государственных органов, а также выполнение лицами, недостаточно компетентными в вопросах определенной отрасли законодательства, несвойственных им надзорных функций.

Сведения о наличии на страницах сайтов в сети «Интернет» запрещенной информации поступают в электронном виде на сайт Роскомнадзора, проводится их проверка, и в случае признания такой информации запрещенной она вносится в реестр. При этом провайдер хостинга обязан проинформировать об этом обслуживаемого им владельца сайта в сети «Интернет» и уведомить его о необходимости незамедлительного удаления интернет-страницы, содержащей информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.В случае если владелец сайта не предпринимает никаких действий по удалению запрещенной информации, провайдер хостинга обязан ограничить доступ к указанной информации. В случае непринятия провайдером хостинга и (или) владельцем сайта в сети «Интернет» мер по удалению или ограничению доступа к запрещенной информации оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обязан ограничить доступ к такому сайту.

Как уже было указано выше, вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», запрещенной также является основанием для ограничения доступа к ней. В практической деятельности уполномоченные государственные органы зачастую не используют более эффективного, по нашему мнению, способа ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, который регламентирован ФЗ «Об информации». Они идут наиболее долгим путем, обращаясь в суд с исковым заявлением об ограничении доступа к запрещенной информации напрямую к каждому из операторов связи, предоставляющему доступ к указанной информации, и в связи с этим усложняют всю процедуру ограничения доступа, увеличивая нагрузку на судебные органы и создавая определенные трудности операторам связи.

В соответствие с Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» [7], прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина и т. д.

При обнаружении на странице сайта в сети «Интернет» информации, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено, прокурор вправе в порядке ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации обратиться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц с исковым заявлением об ограничении доступа абонентов (физических и юридических лиц) к интернет-ресурсам.

В большинстве случаев иски подаются в адрес операторов связи, минуя владельца сайта в сети «Интернет», доступ к которому необходимо ограничить, и провайдера хостинга, на мощностях которого размещен интернет-ресурс, и требуют ограничить доступ путем добавления на пограничном маршрутизаторе правил фильтрации IP-адресов сайтов.

Такой подход надзорных органов может привести к ряду неблагоприятных последствий для операторов связи.

1. Возможно обращение владельца сайта в сети «Интернет» и/или провайдера хостинга с исковым заявлением в суд на незаконные действия по ограничению доступа к размещенной информации в адрес оператора связи.

2. В связи с тем, что по одному IP-адресу может размещаться несколько интер-

нет-сайтов, высока вероятность незаконного ограничения оператором связи доступа к сайтам владельцев, действующих в рамках закона.

3. Несоблюдение порядка, установленного ФЗ «Об информации», ведет к дополнительным издержкам операторов связи и, как следствие, повышению цен на предоставляемые услуги.

По нашему мнению, способ ограничения доступа к информации путем добавления на пограничном маршрутизаторе правил фильтрации IP-адресов сайтов, с требованиями о применении которого в своих исковых заявлениях выступает прокуратура, является неблагонадежным и может быть использован недобросовестными хозяйствующими субъектами в собственных интересах. Разместив на сайте своего конкурента информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации, например путем оставления комментариев, и подав жалобу в надзорный орган, теоретически возможно добиться ограничения доступа абонентов к интернет-сайту конкретного оператора связи. Кроме того, в указанном случае владелец сайта в сети «Интернет» может долгое время даже не догадываться о наложенных на его сайт ограничениях конкретным оператором связи.

Следует также отметить, что на фоне внедрения во многие сферы человеческой деятельности информационных технологий и их всеобщей пропаганды в последнее время прослеживается тенденция к ограничению прав на поиск и распространение информации в сети «Интернет», что напрямую противоречит ст. 29 Конституции РФ.

Так, в 2012 году Федеральным законом № 139-ФЗ от 28 июля 2012 года в ФЗ «Об информации» внесены изменения. Добавлена ст. 15.1., которая ввела в обиход, как уже было указано выше, понятие единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено и определяет основания и порядок ведения указанного реестра. Кроме того, в 2013 году законодателем также введена ст.атью 15.2., которая определяет порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением исключительных прав на фильмы, в том числе кино- и телефильмы.

В декабре 2013 года комитет Государственной думы по информационной политике одобрил законопроект о досудебной блокировке сайтов, заподозренных в экстремизме [8], который 30 декабря 2013 года подписал Президент Российской Федерации Владимир Путин [9]. Законопроект предполагает досудебную блокировку сайтов с экстремистской информацией по требованию генерального прокурора РФ или его заместителей. К противоправной информации, подлежащей блокировке, относятся призывы к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности, разжиганию национальной и религиозной розни, а также участию в массовых мероприятиях, которые проводятся с нарушением правил. Сайты должны блокироваться сразу после обращения прокуроров в Роскомнадзор, в котором будет создано специальное подразделение для связи с Генпрокуратурой. Ведомство, в свою очередь, должно связаться с операторами связи и провайдером хостинга, на котором расположен сайт. После удаления запрещенной информации ресурс будет разблокирован.

Без сомнения, можно говорить о том, что в последнее время в государственной политике появились тенденции к ограничению доступа и распространения информации, которые в настоящее время поэтапно реализуются на практике. Такое положение вещей может негативно отразиться на развитии демократии в Российской Федерации и становлении гражданского общества.

Список использованной литературы:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2013). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148677 (дата обращения: 10.12.2013).

2. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 02.07.2013). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148972 (дата обращения: 10.12.2013).

3. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 02.07.2013). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148988 (дата обращения: 10.12.2013).

4. О средствах массовой информации : Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1(ред. от 02.07.2013). URL: http://base.garant.ru/10164247/ (дата обращения: 10.12.2013).

5. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 25.11.2013). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=147329/ (дата обращения: 10.12.2013).

6. О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено : Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101, г. Москва. URL: http://www.rg.ru/2012/10/29/reestr-dok.html (дата обращения: 12.12.2013).

7. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.11.2013). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149386 (дата обращения: 12.12.2013).

8. Закон о досудебной блокировке сайтов рассмотрят в рекордные сроки. URL: http://lenta.ru/news/2013/12/16/nosites/(дата обращения: 15.12.2013).

9. Президент РФ подписал закон о блокировке интернет-ресурсов, информирующих об экстремизме. URL: http://www.novostimira.com.ua/news_86315.html(дата обращения: 16.01.2014).

И. В. Белоусова

К ВОПРОСУ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НЕДОСТАТКОВ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

В гражданском процессуальном законодательстве закреплены порядок заключения мирового соглашения и последствия, наступающие после утверждения мирового соглашения судом. Тем не менее такая регламентация мирового соглашения не исключает ситуации утверждения судом незаконных мировых соглашений или соглашений, нарушающих права и законные интересы других лиц. Для разрешения подобных ситуаций должна существовать возможность исправления недостатков мирового соглашения.

Необходимо заметить, что в ГПК РФ [1] отсутствует регламентация вопроса о возможности и порядке исправления недостатков определения суда. Это имеет место быть в отношении вопросов о допустимости исправления описок и явных арифметических ошибок в определении об утверждении мирового соглашения, о разъяснении данного определения, а также о вынесении дополнительного определения. В принципе, существует возможность исправления данных недостатков путем использования по аналогии положений, содержащихся в нормах, касающихся судебного решения. Однако такая возможность спорна, поскольку отсутствуют указания о правомер-

ности обращения к процессуальной аналогии.

Мировое соглашение является разновидностью судебного постановления, поэтому можно сказать, что оно имеет много общего с судебным решением. Однако для заполнения пробела в законодательстве нельзя заимствовать положения, касающиеся судебного решения, без учета специфики мирового соглашения как правового института.

Интересен вопрос о том, обладает ли суд, утвердив мировое соглашение, правомочием изменить формулировки условий мирового соглашения, не меняя при этом их содержания.

Е. В. Пилехина указывает, что зачастую мировые соглашения сторон, предъявляемые на утверждение суда, содержат лексические, стилистические и синтаксические погрешности, а также положения о принимаемых на себя обязанностях неправового характера (например, «…обязуемся принести свои извинения…»). В этом случае представляется правильной позиция тех судей, которые исправляют, а не переносят в текст судебного акта допущенные участниками мирового соглашения ошибки [5, с. 202].

А. И. Зинченко заметил, что недостатки определений суда могут отрицательно повлиять на действие мирового соглашения, в связи с чем им было выдвинуто предложение дополнить гражданский процесс правилами, дающими суду право по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, исправить допущенные в определении описки или явные арифметические ошибки, вынести дополнительное определение или разъяснить условия соглашения [3, с. 14].

По-нашему мнению, суд не обладает полномочием изменения положений мирового соглашения, так как при утверждении мирового соглашения он выполняет лишь контрольную роль. Именно поэтому будет более целесообразным позволить сторонам самим производить уточнения, исправление ошибок, в том числе и явных. В этих случаях суд может указать сторонам на их ошибки, после чего уже стороны могут ходатайствовать об утверждении уточненных условий мирового соглашения. В случае если стороны откажутся от исправления допущенных ошибок, противоречащих условиям заключенного мирового соглашения, суд откажет в утверждении мирового соглашения.

Интересным является вопрос о том, обладает ли суд правомочием, утвердив мировое соглашение, восполнять пробелы в его содержании путем толкования.

Н. М. Серегина отмечает, что суду следует предвидеть вероятность возникновения подобной проблемы и своевременно реагировать на потенциальную неисполнимость соглашения, т. е. при настаивании участников мирового соглашения на каких-либо неясно выраженных условиях отказывать в его утверждении ввиду противоречия соглашения закону. Если же потребность в «разъяснении условий соглашения» всё же возникает, субъектам, которым предоставлено право обжалования (опротестования), нужно ставить вопрос не о разъяснении мирового соглашения, а об отмене определения о его утверждении в апелляционном порядке или в порядке пересмотра вступивших в законную силу судебных актов [6, с. 18].

В свою очередь И. Д. Августина придерживается точки зрения, в соответствии с которой разъяснить условия мирового соглашения суд не может, поскольку не вправе давать толкование действительной воле сторон, определять, что стороны имели в виду, указывая конкретные условия соглашения. Она полагает, что в данном случае в принципе недопустима аналогия со ст. 202 ГПК РФ, которая предусматривает возможность разъяснения решения суда в случае его неясности. Разъяснение судом условий мирового соглашения в отсутствие согласия стороны (а при наличии такового согласия апелляция к суду не имеет смысла), если и говорить об аналогии закона,

означает вынесение нового определения, что в принципе недопустимо [4, с. 38].

Как уже указывалось ранее, суд не разрешает дело по существу, он оказывает содействие участникам мирового соглашения и контролирует их, только воля сторон имеет определяющее значение для содержания соглашения. Суд не вправе навязывать участникам мирового соглашения те условия, которые, по его мнению, являются более целесообразными, а также подменять волю сторон своей волей.

Хотя указанные исследователи выступают против разъяснения судом определения об утверждении мирового соглашения, судебная практика показывает, что суды всё-таки идут по пути разъяснения смысла, заложенного сторонами в мировом соглашении.

Так в обзоре судебной практики по гражданским делам Верховного суда Республики Хакасия за второе полугодие 2012 года содержится пример: Б. обратилась в Аскизский районный суд с иском к администрации Аскизского района о взыскании денежных средств в счет возмещения убытков, причиненных сносом принадлежащего ей дома.

Определением суда от 18 декабря 2012 года утверждено мировое соглашение, по которому Б. отказывается от иска, а администрация Аскизского района обязуется в первом полугодии 2012 года предоставить истице жилое помещение по программе «Переселение жителей Республики Хакасия из аварийного жилищного фонда». Производство по делу прекращено.

Определением суда от 3 октября 2012 года по заявлению судебного пристава-исполнителя разъяснено вышеуказанное определение суда таким образом, что администрация Аскизского района обязана предоставить Б. на праве собственности благоустроенное жилое помещение, равнозначное по общей площади ранее занимаемому, отвечающее установленным требованиям и находящееся в черте с. Аскиз.

Судебная коллегия отменила определение суда первой инстанции, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 202 ГПК РФ в случае неясности решения суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания. Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено.

Как разъяснено в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении», поскольку ст. 202 ГПК РФ предоставляет суду возможность разъяснить решение, не изменяя его содержания, суд не может под видом разъяснения изменить хотя бы частично существо решения, а должен только изложить его же в более полной и ясной форме.

Из мирового соглашения и определения об утверждении мирового соглашения следовало, что судом не разрешался вопрос о качестве жилого помещения, месте его расположения и праве, на котором данное жилое помещение будет предоставлено.

Таким образом, при разъяснении судебного постановления изменено его содержание, в силу чего оно не могло быть признано законным и обоснованным [2].

Список использованной литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 ; СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7001.

2. Обзор судебной практики по гражданским делам за 2 полугодие 2012 года. URL: http://www.abakansky.hak.sudrf.ru (дата обращения: 15.04.2013).

3. *Зинченко А. И.* Мировые соглашения в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1981.
4. *Августина И. Д.* Проблемы института мирового соглашения / / Российское правосудие. 2011. № 6.
5. *Пилехина Е. В.* Процессуальная форма судебных мировых соглашений / / Правоведение 2001. № 2.
6. *Серегина Н. М.* Исправление недостатков в определении об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу / / Юрист. 2000. № 10.

Е. В. Бердникова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Качество функционирования государственного механизма, играющего важную роль в управлении социальными процессами, зависит от множества факторов. На эффективность деятельности органов государственной власти, принимающих политические решения, прямым образом оказывает влияние открытость процедуры их формирования. На наш взгляд, не требует доказательств формула, раскрывающая эту взаимозависимость: в демократическом государстве транспарентность всех стадий избирательного процесса определяет качественный и легитимный состав выборных органов, и наоборот, закрытость процедуры их формирования искажает волеизъявление граждан и минимизирует уровень доверия населения к действующей власти. Данный тезис подтверждается в Рекомендациях, способствующих участию национальных меньшинств в избирательном процессе, принятых Бюро по демократическим институтам и правам человека в Варшаве в январе 2001 года: «Общее доверие к избирательному процессу в значительной степени зависит от всех соответствующих групп, начиная с правительства и гражданского общества, принимающих участие в формировании и деятельности избирательных органов. В этом отношении нельзя переоценить значение постоянных консультаций, общения и сотрудничества между избирательной администрацией, политическими партиями и институтами общества» [1].

Поэтому общественному контролю должна быть подвержена не только непосредственно деятельность органов публичной власти, но и в не меньшей степени сам процесс их образования. Только этим обеспечивается непрерывность действия принципа народовластия, провозглашаемого в конституциях подавляющего числа демократических государств.

Контроль гражданами и неправительственными организациями подготовки и хода формирования публичной власти, а также определения результатов этого процесса является непосредственной гарантией осуществления подлинно демократических выборов, основанных на свободе и честности процедур на всех стадиях избирательного процесса. Открытость и общественный контроль являются взаимообусловленными элементами, так как отсутствие одного из них делает невозможной реализацию другого. В Постановлении Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ «Об использовании международных избирательных стандартов в законодательной практике государств СНГ и Европы» справедливо отмечается: «Соблюдение принципа открытости и гласности выборов должно обеспечивать создание правовых условий для осуществления действенного общественного контроля и беспристрастного международного наблюдения за выборами» [2].

В настоящее время в мировой практике сформировался перечень обязательных для использования в национальных правовых системах при организации избирательного процесса принципов, способствующих полноценной реализации инсти-

тутов народовластия и формированию стабильной политической системы. Несмотря на то что понятие выборов как основы организации власти в демократическом государстве стало составной частью универсальных международных норм с середины прошлого столетия – главным образом в связи с принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 года, – открытость выборов как принцип избирательного права стала упоминаться сравнительно недавно, начиная с 90-х годов XX века.

Одной из коллективных целей государств – участников ООН, провозглашенных 8 сентября 2000 года в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, является стремление к большей открытости политических процессов, что, в свою очередь, позволяет создавать условия для подлинного участия в них всех граждан присоединившихся к организации стран [3]. Данное положение абсолютно применимо и к выборам, которые являются составной частью политической системы общества и способствуют вовлечению граждан в управленческий процесс.

Свободные и честные выборы представляют собой ключевой элемент демократии, о чем напрямую указывается во Всеобщей декларации о демократии, принятой 16 сентября 1997 года: «Эти выборы должны проводиться на основе всеобщего, равного и тайного голосования таким образом, чтобы все избиратели могли выбрать своих представителей в условиях равенства, открытости и транспарентности, которые стимулировали бы политическую конкуренцию. Для достижения этой цели существенное значение имеют гражданские и политические права и среди них в особенности право избирать и право быть избранным, права, относящиеся к свободе выражения и собраний, доступу к информации и право организации политических партий и осуществления политической деятельности» [4]. Другими словами, подлинная демократия, основанная на свободном волеизъявлении граждан, невозможна без обеспечения открытой и прозрачной системы организации таких выборов.

В меморандуме, представленном группой Марокко на 98-й Межпарламентской конференции в Каире 11–16 сентября 1997 года, совершенно справедливо указано: «Выборы должны проводиться максимально честно и транспарентно. Когда имеют место мошенничество в ходе выборов, покупка голосов и искажение воли избирателей, те, кто избран, теряют доверие еще до того, как начнется выполнение их роли представительства» [5]. Таким образом, в понимании мирового сообщества транспарентность нивелирует возможность возникновения избирательных деликтов.

В региональных международно-правовых актах также акцентируется внимание на открытости выборов как неотъемлемом условии их проведения. Значительная часть этих норм заключена в документах, принятых в рамках СНГ. Так, в Конвенции СНГ о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ от 7 октября 2002 года говорится о том, что подготовка и проведение выборов должны осуществляться открыто и гласно. В ст. 7 данного документа отмечаются два основных элемента реализации механизма транспарентности выборов:

1) официальное опубликование решений и правовых актов органов государственной власти, органов местного самоуправления, избирательных органов, связанных с назначением, подготовкой и проведением выборов, итогами голосования и данными об избранных лицах, обеспечением и защитой избирательных прав и свобод гражданина в порядке и в сроки, предусмотренные законами;

2) создание условий для осуществления общественного и международного наблюдения за выборами.

Резолюция ПАСЕ № 1897 «Демократизация выборов», принятая в 2012 году, определила три основных императива, которым должны соответствовать меры, принимаемые государствами с целью усиления демократического характера выборов, –

стимулирование гражданского участия, обеспечение транспарентности и усиление надзора за выборами [6].

Для преодоления проблем, наиболее часто возникающих в избирательном процессе и угрожающих легитимности проводимых выборов, Парламентская ассамблея призвала государства – члены Совета Европы осуществлять соответствующие действия, в числе которых следует особо выделить:

– обеспечение свободы политических дискуссий в СМИ, что является гарантией открытых и доступных избирательных кампаний;

– транспарентность и плюрализм всех СМИ, а также равный доступ для всех кандидатов и политических партий к общественным СМИ и беспристрастность таких СМИ;

– необходимость при проведении голосования правильно спланировать избирательные участки, использовать прозрачные урны, установить кабины для голосования, обеспечить публичный подсчет и правильное регулирование дистанционного голосования;

– обеспечение присутствия международных наблюдателей, в частности в соответствии с Декларацией принципов международного наблюдения за выборами, а также Рекомендациями Венецианской комиссии в отношении международно признанного статуса наблюдателей на выборах;

– присутствие национальных наблюдателей, в том числе и от гражданского общества, в соответствии с Декларацией глобальных принципов непартийного наблюдения и мониторинга выборов общественными организациями и Кодексом поведения непартийных общественных наблюдателей за выборами. При этом процедураы аккредитации должна быть простыойми и легкодоступной;

– усиление надзора с целью обеспечения функционирования эффективной, транспарентной и доступной системы рассмотрения жалоб и апелляций, с тем чтобы положить конец практике безнаказанности связанных с выборами нарушений и укрепить доверие общественности к избирательному процессу.

Венецианская комиссия Совета Европы (Европейская комиссия за демократию через право) рассматривает открытость, скорее, не как основополагающий принцип выборов, но определяет ее в качестве условия реализации принципов демократического голосования. В данном процессе важная роль отводится наблюдению, осуществляемому на всех стадиях избирательного процесса. Выделяются три различные категории наблюдателей:

– национальные наблюдатели, являющиеся сторонниками той или иной партии (или кандидата);

– национальные наблюдатели, не являющиеся сторонниками какой-либо партии (или кандидата);

– международные наблюдатели, не являющиеся сторонниками какой-либо партии (или кандидата).

Как отмечается в Своде рекомендуемых норм при проведении выборов, принятом Европейской комиссией за демократию через право на 52-й сессии (Венеция, 18–19 октября 2002 года), государствам необходимо сделать процедуру наблюдения максимально широкой как на национальном, так и на международном уровне [7]. В этом случае наблюдение не должно ограничиваться непосредственно днем выборов. Контроль следует осуществлять по следующим направлениям выявления нарушений, происходящих в избирательном процессе:

– накануне выборов (например, ненадлежащее ведение списков избирателей, препятствие регистрации кандидатов, случаи ограничения свободы слова и нарушения правил доступа к СМИ или государственному финансированию избирательных

кампаний);

– во время выборов (например, проверка фактов давления на избирателей, множественного голосования, нарушения тайны голосования и т. д.);

– после голосования (особенно при подсчете голосов и объявлении результатов) [7].

Все перечисленные стадии должны сопровождаться контролем беспристрастности власти, в котором определяющая роль отводится международным наблюдателям.

В Своде рекомендуемых норм при проведении выборов также указываются базовые условия деятельности международных и национальных наблюдателей при осуществлении ими контрольных функций. Они должны иметь возможность задавать вопросы любому из присутствующих, делать записи и информировать свою организацию, однако им необходимо воздерживаться от каких-либо комментариев. Кроме того, отмечается, что законодательство государств должно способствовать беспрепятственной деятельности наблюдателей, четко оговаривая места, в которых данные лица не имеют права появляться.

Отдельным пунктом Свода рекомендуемых норм при проведении выборов оговаривается, что подсчет голосов должен проводиться транспарентно. Это во многом достигается путем присутствия при подсчете голосов зарегистрированных на этом избирательном участке избирателей, национальных или международных наблюдателей, которые все без исключения могут в последующем получить копию протокола подсчета голосов. Данный тезис совпадает с мнением по данному вопросу Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в отчете которой «Существующие обязательства по проведению демократических выборов в государствах – участниках ОБСЕ», принятом в Варшаве 30 июня 2003 года, было отмечено: «Подсчет голосов и определение результатов голосования должны представлять собой прозрачный процесс, открытый для наблюдения представителями участников выборов, а также другими наблюдателями … Наблюдатели от международных и национальных организаций должны иметь эффективный доступ ко всем избирательным процедурам. С этой целью наблюдателям должны выдаваться соответствующие мандаты за достаточный период времени до начала выборов с тем, чтобы они могли эффективно организовать свою деятельность. Необходимое для этого законодательство должно предоставлять наблюдателям возможность эффективно осуществлять свою деятельность в соответствии с лучшими международными практиками по наблюдению за проведением выборов» [8].

Важное место в системе обеспечения открытости избирательного процесса занимает финансирование избирательных кампаний кандидатов и политических партий, которое, в соответствии со Сводом рекомендуемых норм при проведении выборов, должно быть транспарентным независимо от уровня политического или экономического развития той или иной страны.

Такая транспарентность должна обеспечиваться на двух уровнях:

– контроль средств, выделяемых для проведения кампании, в виде подробной информации о расходовании средств, отражаемой в специальном плане счетов. В случае существенных отклонений от нормы или превышения установленных законом максимальных расходов выборы должны признаваться недействительными;

– мониторинг финансового положения выборных представителей до их вступления в должность и после окончания срока их полномочий, который осуществляется специальной комиссией, отвечающей за вопросы финансовой транспарентности.

Резюмируя вышесказанное, необходимо сделать следующие выводы:

– в международных правовых актах открытость и общественный контроль вы-

ступают как неотъемлемое условие проведения демократических выборов;

– открытость и общественный контроль должны сопровождать все стадии избирательного процесса;

– государства обязаны создавать условия, главным образом путем четкого законодательного регулирования, для обеспечения реализации открытости и общественного контроля на всех стадиях избирательного процесса;

– общественный контроль на выборах реализуется в первую очередь путем обеспечения информационной открытости избирательных и иных сопровождающих данный процесс институтов и процедур, а также функционирования института наблюдателей.

Список использованной литературы:

1. Рекомендации, способствующие участию национальных меньшинств в избирательном процессе. Приняты Бюро по демократическим институтам и правам человека. Варшава. Январь 2001 года // Международные избирательные стандарты. Сборник документов / отв.ред. к. ю. н. А. А. Вешняков ; науч. ред. д. ю. н. В. И. Лысенко. М. : Весь мир, 2004.

2. Об использовании международных избирательных стандартов в законодательной практике государств СНГ и Европы : Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. Принято в Санкт-Петербурге 7 декабря 2002 года // Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств : Документы и материалы / отв. ред В. И. Лысенко. М. : РЦОИТ, 2008.

3. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята 08 сентября 2000 г. Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ summitdecl.shtml (дата обращения: 2.02.2014).

4. Всеобщая декларация о демократии. Принята на 161-й сессии Межпарламентского совета в Каире 16 сентября 1997 года // Международные избирательные стандарты.

5. Материалы 98-й Межпарламентской конференции «Обеспечение развития демократии посредством установления тесных связей между парламентом и народом» (Каир, 11–16 сентября 1997 года) // Там же.

6. Демократизация выборов : Резолюция ПАСЕ № 1897. URL: http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/ [russian_documents] /%5B2012%5D/%5BOct2012%5D / Res1897 _ rus.asp (дата обращения: 02.02.2014).

7. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов. Руководящие принципы и пояснительный доклад // Европейская комиссия за демократию через право. Серия «Наука и техника демократии». № 34. Издание Совета Европы. 2003.

8. Отчет «Существующие обязательства по проведению демократических выборов в государствах – участниках ОБСЕ». Принят Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. Варшава. 30 июня 2003 г. // Международные избирательные стандарты.

Е. Н. Благирева

ЭКСПЕРТИЗА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РАБОЧИХ МЕСТ : ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Экспертиза программ повышения конкурентоспособности рабочих мест в современной России предназначена для повышения качества программ реструктуризации и развития высокотехнологичного сектора промышленности, в том числе совместной выработки федеральными и региональными органами государственного управления эффективной политики в области труда и занятости населения, оценки конкурентоспособности проектов нового строительства, расширения, реконструкции и технического перевооружения предприятий, а также своевременной подготовки и переподготовки персонала и обеспечения его востребованности на внутреннем и внешнем рынке труда.

Введение системы экспертизы программ и проектов обеспечивает переход на качественно новый уровень принятия управленческих решений, позволяющий эффективно использовать опыт высококвалифицированных специалистов.

При организации экспертизы должны быть обеспечены высокое качество экспертных заключений и оценок, полнота и достоверность информации об объектах экспертизы, своевременность проведения экспертизы. Должна быть предусмотрена персональная ответственность экспертов за качество и своевременность предоставляемой ими экспертной информации.

Обязательность выполнения этих требований и эффективность экспертизы зависит от реализации основных принципов ее проведения. Автор предлагает следующие критерии качества экспертизы программ и проектов, в которых освещаются вопросы повышения конкурентоспособности рабочих мест:

1) юридическая обоснованность экспертизы;

2) полнота и качество программы;

3) профессионализм экспертной группы;

4) прогрессивность методов экспертизы;

5) качество исходной информации;

6) полнота применяемых при экспертизе законов, научных подходов, принципов и методов;

7) качество системы управления экспертизой;

8) прогнозируемая погрешность экспертизы.

Поскольку экспертный процесс конкурентоспособности рабочих мест базируется на реализации правовых принципов, остановимся более подробно на первом из предложенных выше критериев.

Юридическая обоснованность экспертизы, направленной на оценку конкурентоспособности рабочих мест, обеспечивается соблюдением соответствующих требований правовых документов федерального, местного, а также локального уровня. Под локальным уровнем в данном случае подразумевается регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений с помощью документов, принимаемых непосредственно в корпорации, – коллективных договоров, соглашений, локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права. Поскольку возможность создания правовых актов локального уровня регулируется Трудовым кодексом РФ, эксперт обязан принимать во внимание их нормативные требования. Обязательность соблюдения этих требований должна быть включена в соответствующее техническое задание, договор или контракт на проведение экспертизы.

Основным источником трудового права, на основе которого осуществляется экспертиза рабочих мест, является Трудовой кодекс Российской Федерации. Именно в нем заложены правовые требования, определяющие эффективность соблюдения условий для сохранения человеческого капитала на том или ином предприятии. Гарантированная выплата заработной платы в установленный срок, выплата льгот и пособий, соблюдение разного рода гарантий, и прежде всего по охране труда, оплачиваемое время отдыха – соблюдение работодателем этих условий будет способствовать повышению степени привлекательности рабочих мест на рынке труда. Нормы Трудового кодекса не должны противоречить Конституции, так как регулирование трудовых отношений осуществляется в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законодательными актами.

Иными нормативно-правовыми актами, содержащими нормы трудового права и являющимися обязательными в экспертной деятельности, выступают указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативно-правовые акты федераль-

ных органов исполнительной власти.

Помимо источников трудового права в деятельности эксперта могут применяться нормы миграционного законодательства, некоторые аспекты гражданского права, политики занятости. Все эти и приведенные выше нормативные документы устанавливают правила, процедуры, критерии и нормативы, обусловливающие процесс создания рабочих мест, а также нацеленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе их трудовой деятельности.

Вместе с тем под рабочим местом следует понимать не только необходимое звено производственного процесса, формируемое работодателем для эффективности работы, и все требования по защите прав работника, но и место, обеспеченное соответствующим оборудованием и технологической оснасткой. Экспертная оценка конкурентоспособности рабочего места в таком контексте будет основываться на экспертизе выполнения требований эргономики, техники безопасности, санитарно-гигиенических требований относительно параметров световой среды, микроклимата, производственного шума, электромагнитным полей и т. д.

Правовыми нормами, обязательными для соблюдения, здесь будут выступать правила ГОСТов, того же Трудового кодекса РФ и ведомственных инструкций по пожарной безопасности, электробезопасности, при необходимости – правил по взрывобезопасности, химической и радиационной безопасности.

Также при экспертизе может анализироваться и соблюдение работодателем международно-правовых трудовых норм. Несмотря на то что в современной России, пожалуй, риторическим является вопрос о том, выступают ли сегодня международно-правовые нормы в области прав человека эффективным механизмом защиты его прав на рабочем месте и концептуальным обоснованием требований к формированию рабочего места, многие организации нацелены на неукоснительное соблюдение международных трудовых норм, адаптированных к российским экономическим и культурным реалиям. Нельзя не согласиться с мнением специалистов в том, что «в настоящее время, поскольку идеология России ориентирована на рыночную экономику в „западном" понимании этого термина, внутреннее российское трудовое законодательство в наибольшей степени открыто для воздействия со стороны международных трудовых стандартов. Можно выделить два основных способа взаимодействия внутреннего трудового права и международных трудовых стандартов: имплементация международных актов о труде во внутреннем праве и принятие внутреннего трудового законодательства с учетом международных актов» [1, с. 11].

В данном случае эксперты будут оценивать не декларацию, но соблюдение таких международных требований, как запрет дискриминации в области труда, запрет определенных профессий для женщин, бремя доказывания дискриминации, запрет косвенной дискриминации, запрет виктимизации, функционирование эффективных средств защиты от дискриминации, дискриминацию по признаку инвалидности, дискриминацию по признаку возраста, дискриминацию лиц с семейными обязанностями. Безусловным пунктом экспертизы будет выступать оценка обязанностей работодателя по выплате зарплаты, отношения к соблюдению правил продолжительности рабочего времени и прекращению трудового договора.

Таким образом, правовая составляющая экспертизы конкурентоспособности рабочих мест позволяет зафиксировать, пожалуй, наиболее важные реперные точки для определения параметров конкурентоспособности – соблюдение трудовых прав, требований охраны трудаы и обеспечение культуры рабочего места. В конечном итоге эти показатели, реализуемые на том или ином рабочем месте, делают его наиболее привлекательным и выгодным для работника и определяют способность и возможность для работодателя превзойти конкурентов.

Список использованной литературы:
1. *Лютов Н. Л.* Российское трудовое законодательство и международные трудовые стандарты : соответствие и перспективы совершенствования. М. : АНО «Центр социально-трудовых прав», 2012.

Е. В. Богатова

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

В российском законодательстве происходят масштабные и значительные изменения, направленные на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по обеспечению прав и законных интересов человека и гражданина. В новых условиях вопросы возбуждения уголовного дела все чаще становятся предметом обсуждения и споров. Такой интерес связан, с одной стороны, с имеющимися различиями в правовом регулировании стадии в разных зарубежных странах, а с другой – с рядом проблем, возникающих в правоприменительной практике на первоначальном этапе уголовно-процессуальной деятельности.

Во многих странах стадия возбуждения уголовного дела как самостоятельная отсутствует. Например, в ФРГ, США, Франции начало уголовного преследования не облекается в процессуальную форму и связано с поступлением информации о совершенном преступлении.

В России формирование стадии возбуждения уголовного дела стало последствием массовых репрессий, когда возникла необходимость защитить людей от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения их прав и свобод. Законодательное закрепление она получила в УПК РСФСР 1960 года, который, по точному выражению современного исследователя, «впервые обнаружил в советском уголовном процессе человека» [1, с. 195]. С тех пор стадия возбуждения уголовного дела прочно закрепилась в уголовном процессе России, однако в последние годы появляется все больше сторонников ее ликвидации [2, с. 341–368]. К примеру, разработанная Институтом проблем правоприменения «Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ» 2013 года предусматривает начало уголовного преследования с момента регистрации сообщения о преступлении. При этом, предвидя проблемы, связанные с увеличение нагрузки на органы следствия и дознания, предлагается дать прокурору возможность выбирать, в каких именно делах необходимо уголовное преследование, не только по формально-юридическим принципам, но и по критериям эффективности, общественной опасности, судебной перспективы. Отмечается, что в ситуации, когда при повышении регистрационной дисциплины количество зарегистрированных правонарушений возрастет на порядок, возникнет необходимость выбирать, какие именно дела доводить до суда, на какие расследования тратить средства и силы. По мнению авторов концепции, это должен делать прокурор, руководствующийся сравнительной опасностью деяния, а также будучи заинтересованный в эффективном использовании имеющихся ресурсов [3]. Однако такие полномочия носят слишком абстрактный характер и ставят уголовное преследование в зависимость от субъективного мнения прокурора, в меньшей степени основанного на законе. В условиях существующей реальности это может привести к массовому нарушению прав подозреваемых и процветанию «заказных» уголовных дел.

Основные доводы сторонников упразднения стадии в нашей стране сводятся к наличию огромного количества нарушений на первоначальном этапе расследования. С этим утверждением сложно спорить. Действительно, стадия возбуждения уголов-

ного дела – одна из самых проблемных. Только за 6 месяцев 2013 года выявлено около двух миллионов нарушений, допущенных при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что на 3,2% больше, чем за аналогичный период 2012 года [4]. Нередко сообщения о преступлениях следственными органами длительное время не регистрируются. Следователи отказываются принимать по ним процессуальные решения, направляют по надуманным основаниям в другие органы. При наличии в материалах и уголовных делах иных признаков преступления соответствующие материалы не выделяются и по ним не принимаются решения. По сведениям прокуратуры Саратовской области, за 6 месяцев 2013 года число укрытых должностными лицами Следственного комитета криминальных посягательств возросло на 171% (с 7 до 19) [5, с. 27]. За указанный период прокуратурой отменено около 9% постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. Как правило, незаконные решения принимаются по материалам с сомнительной судебной перспективой. При этом Генеральная прокуратура постоянно делает акцент на необходимости обеспечить соблюдение прав граждан на доступ к правосудию и в разумный срок, минимизации количества нарушений, допускаемых органами предварительного следствия и дознания при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [6]. Вместе с тем не уделяется должного внимания законности решения о возбуждении уголовного дела. Процессуальное законодательство позволяет выносить подобное постановление в отношении конкретного лица на основе предположения. Данное обстоятельство на практике позволяет органам МВД при составлении плана указывать, что, «несмотря на принимаемые меры, число лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в 2013 году может увеличиться (по сравнению с 2011 годом)» [7]. Это говорит о сознательном нарушении прав граждан, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. Такое положение в корне не соответствует конституционно-правовым нормам, провозгласившим высшей ценностью государства права и свободы человека и гражданина, а также назначению уголовного судопроизводства. Оба этих условия не соблюдаются, когда изначально имеется возможность принять незаконное решение. В связи с этим главной причиной имеющихся нарушений является недостаточное и несовершенное правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [8] была предпринята попытка более детально регламентировать первоначальный этап уголовного судопроизводства. Так, внесены существенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в соответствии с которыми, помимо введения сокращенной формы дознания, преобразован и порядок разрешения сообщения о преступлении. Можно сказать, что данное нововведение оказало влияние на досудебное производство в целом. Если ранее между возбуждением уголовного дела и расследованием имелись четкие границы, то теперь происходит взаимное проникновение двух стадий. Это связано с расширением перечня действий, которые вправе проводить следователь и дознаватель при проверке сообщения о преступлении. На данном этапе они имеют право получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование. Фактически на стадии возбуждения уголовного дела может быть проведена большая часть следственных действий, предусмотренных УПК РФ. Следует отметить, что ряд этих действий органы расследования проводили и до принятия указанного закона в рамках полномочий, закрепленных в ФЗ «О полиции». Однако фиксация проверочных мероприятий в УПК РФ позволила использовать по-

лученные сведения в качестве доказательств по делу, если они собраны с соблюдением требований кодека. Такая мера была необходима, о чем неоднократно говорилось в научной литературе [9, с. 22]. В первую очередь это связано с имеющимися на практике ошибками при осуществлении расследования, когда уголовное преследование ведется в отношении лица, не совершавшего преступление. Так, по данным Судебного департамента, в 2012 году по реабилитирующем основаниям прекращены уголовные дела в отношении более чем пятнадцати тысяч человек и вынесены оправдательные приговоры в отношении более чем пяти тысяч человек [10]. Очевидно, это произошло из-за отсутствия достаточных доказательств виновности подсудимых, что в большинстве случаев можно было установить еще на стадии возбуждения уголовного дела. Проблема заключается в том, что система работает «в одну сторону» – если уж дело возбуждено, оно должно иметь обвинительный приговор. Именно поэтому расширение перечня проверочных мероприятий дает возможность следователю и дознавателю уже на первоначальном этапе расследования более тщательно проверить причастность конкретного лица к совершению преступления, оценить доказательственную базу, перспективу рассмотрения дела в суде, а в итоге вынести обоснованное и мотивированное решение.

Таким образом, существующий порядок доследственной проверки создает дополнительный механизм в системе обеспечения прав личности. Однако при этом нельзя говорить о завершенности реформы. Стадия возбуждения уголовного дела должна быть своеобразным фильтром, призванным защитить человека от необоснованного уголовного преследования и привлечения к ответственности, в связи с чем требуется ее дальнейшая законодательная регламентация.

Список использованной литературы:

1. *Смирнов А. В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
2. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И. С. Дикарев. М. : Юрлитинформ, 2012.
3. Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ. URL: http://www.iuaj.net/node/1423 (дата обращения: 15.11.2013).
4. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 1 полугодие 2013 г. // Генеральная прокуратура. [Сайт]. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/85188/ (дата обращения: 12.11.2013).
5. О состоянии прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах СУ СК РФ по Саратовской области : Информационное письмо и. о. прокурора области Симшина В.И. от 31.07.2013 № 15-06-2013 // Информационный бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2013. № 8.
6. В Генеральной прокуратуре России состоялось заседание коллегии по вопросу практики прокурорского надзора за законностью принятия органами дознания и следствия решений об отказе в возбуждении уголовного дела // Генеральная прокуратура РФ. [Сайт]. URL: http://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-83261/ (дата обращения: 04.10.2013).
7. Результаты и основные направления деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Доклад о результатах и основных направлениях // МВД РФ. [Сайт]. URL: http://mvd.ru/documents/Rezultati_i_osnovnih_napravlenijah_dejat (дата обращения: 29.10.2013).
8. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ : Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
9. *Гаврилов Б. Я.* О некоторых актуальных проблемах совершенствования предварительного следствия // Российский следователь. 2009. № 16.
10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 год. Форма № 1 – Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. [Сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1775 (дата обращения: 25.05.2013).

Т. А. Богорубова

НЕКОТОРЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Тема модернизации в настоящее время достаточно актуальна, так как обостряется конкуренция между странами и обществами за успешное развитие, в связи с чем процессы модернизации требуют нового научного подхода к их изучению и осмыслению.

Модернизация характеризуется как процесс технологических, экономических, социокультурных и политических изменений в обществе, которые оказывают кардинальное воздействие на его экономическую организацию, социальную стратификацию, ценностные представления и в целом на повседневную жизнь людей [6, с. 17].

Формирование России как правового государства, развитие гражданского общества предполагает последовательное и неуклонное соблюдение положений международных договоров, участниками которых является Российская Федерация. Принципы правового регулирования труда основываются на положениях ст. 15 ч. 4 Конституции Российской Федерации [1], в которой предусмотрено, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы.

В этом контексте нельзя оставить без внимания достижения международной общественности, которая на протяжении многих лет прилагает значительные усилия для практического внедрения прогрессивной идеологии труда, основанной, например, на таких принципах общечеловеческих ценностей, как:

– право на объединение и представление своих интересов (свобода ассоциаций, ведение коллективных переговоров, защита своих трудовых прав);

– свобода труда (принудительный труд запрещен);

– недопустимость всех видов дискриминации в трудовых отношениях (равенство возможностей при найме, продвижении по службе, равная оплата за равноценный труд).

Соблюдение этих базовых (основных) принципов, на наш взгляд, имеет большое практическое значение и оказывает формирующее влияние на национальное правотворчество. В связи с этим в действующей Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) и Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) легально закреплены основные международные принципы правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, которые содержатся в ст. 37 Конституции РФ и ст. 2 Трудового кодекса РФ [2].

В то же время как международные, так и национальные принципы нуждаются в постоянном развитии с учетом меняющихся социально-экономических потребностей, а ситуация в России складывается таким образом, что государство вынуждено реагировать на вызовы глобализации в том числе и посредством модернизации трудового законодательства. Поэтому обновление Российского законодательства в целях вхождения нашей страны в международное правовое пространство и приведения внутреннего законодательства в соответствие с международно-правовыми стандартами закономерно.

Принятие Трудового кодекса РФ ознаменовало собой завершение важнейшего этапа модернизации трудового законодательства. Но Трудовой кодекс, вступивший в действие с 1 февраля 2002 года, оказался неоправданно компромиссным и, несмотря на отдельные шаги, направленные на придание рынку труда большей гибкости, явно не соответствовал новой, постреформенной парадигме. Большинство проблем и про-

тиворечий старого законодательства не получило принципиального решения, поэтому в Трудовой кодекс были внесены соответствующие изменения и дополнения, которые вступили в силу со 2 октября 2006 года [3].

Однако за последние пять лет в Трудовой кодекс РФ не вносилось никаких существенных изменений, не было также и никакой либерализации в правоприменительной практике. Во многих аспектах регулирование трудовых отношений было достаточно архаичным и не отвечало реалиям современной экономики.

Изменения в социальной и экономической жизни России породили обстоятельства, которых ранее не было или они не проявлялись так отчетливо, как в настоящее время. Поэтому все чаще идут разговоры о недостатках действующего трудового законодательства и необходимости его кардинального изменения вплоть до принятия нового кодифицированного нормативного правового акта, т. е. нового Трудового кодекса РФ.

Отсюда, на наш взгляд, возникли предложения дать большую свободу работодателю путем ограничения срока трудового договора с отдельными категориями работников, введения внутреннего совместительства по той же специальности (так называемая 60-часовая рабочая неделя) и возможности увольнения в связи с экономическими изменениями.

Как мы полагаем, данные предложения потребовали нового подхода к нормативно-правовому регулированию трудовых отношений, что нашло свое отражение, например, в принятии 2 июля 2013 года Федерального закона № 162-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О занятости населения в Российской Федерации" и отдельных законодательных актов Российской Федерации» [5].

Суть данных нововведений в трудовое законодательство – полный запрет на публикацию объявлений о вакансиях с указанием дискриминационных требований к кандидатам (пол, раса, цвет кожи, национальность, язык, происхождение, имущественное, семейное, социальное и должностное положение, возраст, место жительства, отношение к религии, убеждения, принадлежность или непринадлежность к общественным объединениям или каким-либо социальным группам).

Необходимо отметить, что в Трудовом кодексе РФ уже давно существует ст. 64, которую можно назвать предтечей нового закона и в которой также говорится о незаконности дискриминации. Тем не менее закон № 162-ФЗ предполагает не только запрет, но и штрафы за его нарушение – например, для физических лиц (граждан) от 500 до 1 000 руб., для должностных лиц от 3000 до 5000 руб., для юридических лиц (организаций) – от 10 000 до 15 000 рублей.

Как мы полагаем, данный закон не только никому не облегчит жизнь, но еще и прибавит хлопот как рекрутерам (Recruiter (от англ. ***recruitment*** – вербовка) – квалифицированный специалист, занимающийся поиском и подбором персонала, обладающего качествами, требуемыми компанией), так и соискателям, поскольку, не видя возрастных ограничений в вакансиях, кандидаты будут отправлять свои резюме во все компании, в которые они подходят по минимальным профессиональным требованиям. Однако если рекрутеру нужен специалист в возрасте от 22 до 30 лет, он так или иначе возьмет сотрудника этого возраста, а резюме всех остальных кандидатов, скорее всего, отправятся в корзину. Поэтому и соискатель, и работодатель будут вынуждены тратить на поиски дополнительное время и силы.

Еще одна проблема в области трудового права – нестандартные формы занятости, которые, однако, в то же время имеют свое особое значение в экономике и в совокупности делают рынок труда достаточно гибким, так или иначе позволяя сдерживать рост издержек на труд.

В настоящее время среди новых форм занятости выделяют гибкий график ра-

боты и различные формы дистанционной занятости, которая имеет большие перспективы. Поэтому одной из первейших задач научного сообщества является исследование ее преимуществ и недостатков. Сегодня это наиболее быстро развивающаяся форма занятости, которая трансформируется в целый ряд разновидностей гибкой трудовой деятельности.

Во всех передовых странах с каждым годом увеличивается количество людей, занятых на работе дистанционно. Так, по данным исследований Chartered Institute of Personnel and Development CIPD, к 2014 году прогнозируется увеличение числа дистанционно занятых работников – до 30% среди европейцев и до 20% среди американцев [7]. Ценность этой новой формы социально-трудовых отношений обусловлена содержащимся в ней потенциалом, позволяющим удовлетворить ряд потребностей общества, решить комплекс социальных проблем, но требующим нового подхода к нормативно-правовому регулированию трудовых отношений.

Одна из особенностей модернизации российского общества состоит в том, что она осуществляется по типу «догоняющего» развития. При этом учитывается опыт других стран, где модернизация уже успешно осуществлена, но в иных социально-экономических условиях, что позволяет учесть негативный опыт и ошибки.

Так, в России, как и в других странах, все больше компаний предпочитает работать с удаленными сотрудниками, так как в этом случае можно сэкономить средства на организации рабочего места, питании и транспортных расходах работника. Однако в законодательной базе не существовало механизма, благодаря которому руководитель мог бы полноценно заключить трудовой договор и сотрудничать со специалистом, допустим, из другого города. В лучшем случае заключался договор подряда, в худшем – работник трудился без оформления каких-либо документов, полагаясь лишь на добропорядочность работодателя.

В связи с этим в рамках модернизации трудового законодательства был принят Закон о дистанционном труде («Об особенностях правового регулирования труда работников, выполняющих работу вне места расположения работодателя») [4]. Текст закона позволил добавить в ТК РФ гл. 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» и расширить гл. 49 «Особенности регулирования труда надомников». Следовательно, принятие данного закона устранило существующий пробел в трудовом законодательстве, связанный с растущим год от года спросом на дистанционный труд.

Теперь закон позволяет заключать полноценные трудовые договоры с сотрудниками без обязательной личной встречи. В Трудовом кодексе РФ оговаривается порядок документооборота между руководителем и дистанционным работником: для этого предполагается использование обеими сторонами усиленных квалифицированных электронных подписей. В то же время работодатель должен будет отправить работнику по почте экземпляр трудового договора заказным письмом с уведомлением не позднее 3 календарных дней после его заключения (ст. 312.2).

Документы, необходимые для приема на работу, также можно предоставлять в электронном виде, однако работодатель вправе потребовать выслать ему по почте их нотариально заверенные копии. При заключении договора путем обмена электронными документами работнику придется самостоятельно получать свидетельство государственного пенсионного страхования. Но в качестве «бонуса» ему разрешается самостоятельно устанавливать время работы и отдыха (ст. 312.4.), если при заключении трудового договора этот момент не оговаривается работодателем.

Таким образом, со времени вступления в силу Трудового кодекса РФ в обществе идет обсуждение нового трудового законодательства. По поводу новых изменений и дополнений в трудовое законодательство высказывается множество разных, ча-

сто диаметрально противоположных мнений. Разумеется, лишь правоприменительная практика сможет выяснить, являются ли эти изменения прогрессивными, но одно несомненно – роль и значение Трудового кодекса в современном законодательстве значительно возросли.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. от 23 июля 2013 г. № 204-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3 ; СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4037.

3. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : Федеральный закон от 30.06.2006 г. № 90-ФЗ (с изм. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) // РГ. 2006. 7 июл.; РГ. 2013. 10 июл.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1668.

5. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3454.

6. *Беляева Л. А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.

7. По данным исследований Chartered Institute of Personnel and Development (CIPD). URL: http://www.cipd.co.uk (дата обращения: 16.12.2013).

В. Ф. Борисова

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ[1]

Доступность правосудия, в числе прочих проявлений, предполагает возможность беспрепятственного обращения в суд с целью реализации права на судебную защиту, закрепленного в ст. 46 Конституции РФ [1].Среди конституционных гарантий свободного доступа к суду при подаче заявления следует назвать возможность обращения в суд, предусмотренную законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), с использованием квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатной (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ). Критериям доступности правосудия отвечают система процессуальных льгот по уплате государственной пошлины при подаче заявления в суд, допустимость обращения в орган правосудия уполномоченных субъектов в интересах лиц, которые не могут самостоятельно предъявить исковое заявление в защиту своих прав и законных интересов. При помощи расширенного субъектного состава обладателей права на обращение в суд осуществляется также защита отдельных групп гражданских прав, например прав потребителей. Субъектами обращения в суд по спорам о защите прав потребителей в интересах других лиц являются прокурор, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей, и его территориальные органы, а также органы местного самоуправления и общественные объединения потребителей, имеющие статус юридического лица. Общественные объединения

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-33-01003 по теме «Доступность правосудия при обращении в суд общей юрисдикции по гражданским делам».

вправе подать иск в защиту прав и законных интересов неопределенного круга потребителей. В качестве условия такого обращения закон закрепляет заявление требований, цель которых – признание действий противоправными или прекращение противоправных действий ответчика (ст. 1065 ГК РФ [2], ст. 46 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» [3], п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»[4]). По своему процессуальному статусу общественные организации по защите прав потребителей относятся к группе лиц, участвующих в деле, поскольку правовым основанием участия организации в гражданском судопроизводстве служит ее юридическая заинтересованность в деле, объединяющая в себе материально-правовой и процессуальный интерес. А. Ю. Томилов предлагает в качестве процессуального интереса общества по защите прав потребителей рассматривать защиту прав потребителя либо возможность получить при удовлетворении судом требований 50% суммы штрафа от суммы, присужденной судом в пользу потребителя (п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» [5, с. 48–49]). В части выделения защиты прав потребителя как основы процессуального интереса для обращения в суд с А. Ю. Томиловым следует согласиться. Перспектива получения штрафа оценивается как элемент материально-правовой заинтересованности в исходе дела. Она же в настоящее время служит мотивом для распространения такого негативного явления, как «потребительский экстремизм», позволяя общественным организациям злоупотреблять предоставленным им материальным правом посредством завуалированного интересами неопределенного круга потребителей обращения в суд с целью получения выгоды. Сложность описываемой ситуации заключается в неочевидности неправомерного использования субъективного права. По мнению С. Д. Радченко, совершение субъектом действий по осуществлению права в своих интересах для получения выгоды отвечает интересам общества. Действительно, присуждение штрафа, а также возмещение расходов на услуги представителя в случае удовлетворения иска побуждает общественное объединение к защите прав потребителей. Таким образом решаются частные и общественные задачи одновременно. В связи с этим С.Д. Радченко видит природу злоупотребления субъективным гражданским правом в отсутствии у правообладателя интереса в его осуществлении [6, с. 143–154]. Однако на практике обнаруживается противоположная тенденция по использованию права преимущественно в своих интересах, тогда как основная, казалось бы, цель, ради которой создавалось само общество, – защита прав потребителей – становится не более чем инструментом для наживы в рамках предусмотренного законом процессуального механизма. Злоупотребление субъективным правом здесь подпадает под дефиницию, сформулированную в общей теории права. Это поведение субъекта, формально не нарушающее правовых норм, но фактически наносящее определенный социальный вред [7, с. 431]. Предстоит ответить на вопрос, в чем заключается вред, если права потребителей при успешном завершении процесса защищены, то есть цель гражданского судопроизводства достигнута.

Примером злоупотребления материальным правом и правом на обращение в суд служат обращения в суд Саратовской областной общественной организации по защите прав потребителей «Щит» с иском к ООО «Центр реструктуризации» в защиту прав неопределенного круга потребителей. Обращает на себя внимание незначительность стоимости товара, в отношении которого ставится вопрос об отсутствии информации и признании противоправными действий ответчика по реализации товара с отсутствующей информацией (струдель с изюмом стоимостью 23 руб. 23 коп.; кабачки стоимостью 9 руб. 14 коп.; петрушка свежая стоимостью 15 руб.). Каждое требование было предъявлено в отдельном исковом заявлении. Во всех случаях истец

просил обязать ответчика прекратить противоправные действия и взыскать с него затраты на услуги представителя в размере 3000 рублей.

Разумеется, права и интересы потребителей должны быть обеспечены и защищены вне зависимости от стоимости приобретаемого товара. Однако не ограниченное государственной пошлиной право на обращение в суд общественных организаций по защите прав потребителей создает предпосылки для распространения практики многочисленных обращений в суд с целью получения прибыли в виде части штрафных санкций, возлагаемых на ответчика, и расходов на представителя. В свою очередь, это приводит к дисбалансу в сфере защиты частных прав и законных интересов. С одной стороны, лица с нарушенными правами и интересами, получившие отказ в удовлетворении ходатайства в отсрочке по уплате государственной пошлины, ограничены в возможности получения судебной защиты. С другой стороны, льгота по уплате государственной пошлины предоставляется организациям хоть и защищающим права граждан, но очевидно извлекающим из этого выгоду. Еще одним отрицательным «побочным эффектом» этого явления служит увеличение нагрузки на суды за счет рассмотрения похожих требований, заявляемых с небольшим временным интервалом.

Таким образом, наличие злоупотребления материальным правом можно считать установленным. Присутствует ли в данном случае злоупотребление процессуальным правом? На наш взгляд, на этот вопрос следует ответить утвердительно. Хотя действия общественной организации по обращению в суд нельзя назвать имитационными, т. е. создающими видимость определенной правовой ситуации, поскольку нарушение законодательства о защите прав потребителей в виде непредоставления информации о реализуемом товаре в действительности имеет место, допустимо говорить о выходе за пределы правоосуществления и констатировать злоупотребление процедурой разрешения спора [8, с. 48–49].

В качестве меры борьбы с негативной практикой сутяжничества целесообразно предложить введение оплаты фиксированной государственной пошлины при обращении в суд общественных организаций по защите прав потребителей.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая : Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. 28.12.2013) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410 ; СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6981.

3. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140 ; 2013. №27. Ст. 3477.

4. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей : Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда. 2012. № 9.

5. *Томилов А. Ю.* Защита чужих прав и интересов общественными организациями в гражданском процессе // Российская юстиция. 2009. № 8.

6. *Радченко С. Д.* Понятие и сущность злоупотребления субъективным гражданским правом // Журнал российского права. 2005. № 11.

7. Теория государства и права : учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2002.

8. *Шебанова Н. А.* Злоупотребление процессуальными правами // Арбитражная практика. 2002. № 5.

М. К. Борисова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЦИКЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Одним из важнейших условий демократии является периодическое свободное волеизъявление народа в отношении формирования ведущих институтов государственной власти. Данная цикличность политики имеет глубокий смысл и функциональность и поэтому закреплена конституционно-правовыми нормами. В отличие от многих других видов цикличности в социально-экономической жизни, обусловленной естественно-природными, производственными, биологическими или иными факторами, данная политическая цикличность (институализированная прежде всего как электоральная) носит целерациональный характер и вводится искусственно в результате осознания потенциальной опасности для общества, которую несет с собой концентрация неконтролируемой государственной власти. Это вовсе не означает, что современная политическая цикличность не зависит ни от каких других факторов, кроме определенных Конституцией РФ и избирательным законодательством, но алгоритм ее и основные условия реализации в рамках демократического политического режима определяются именно правовыми рамками [4].

Главное базовое воздействие Конституции на цикличность политики оказывается через фиксацию принципа периодичности выборов в различные органы власти. Неслучайно понятие «электоральный цикл» не только прочно вошло в политическую науку, но и используется историками для определения хронологических периодов при анализе разнообразных общественных процессов (взамен многовековой хронологии по царствованиям). Социологам электоральные циклы позволяют выявить особенности социальных характеристик разных групп общества и их отношения как друг с другом, так и с властью.

Для политологов электоральный цикл чаще всего важен в двух смыслах. В первом случае (так же как и для историков, социологов и других представителей социальных и гуманитарных наук) он определяет хронологические рамки для анализа деятельности различных субъектов политики, выявления специфики политических процессов, особенностей функционирования различных политических институтов и механизмов. Это позволяет более системно исследовать причинно-следственные связи и разнообразные факторы эволюции политической жизни во всем многообразии ее проявлений и во взаимосвязи политики с другими сферами общественной жизни.

Во втором случае электоральный цикл важен как самодостаточный объект и предмет для изучения процессов формирования конкретных органов власти, для деятельности конкретных политических партий и групп давления, конкретных политических лидеров на выборах разного уровня. В рамках такого подхода могут быть выделены как самостоятельные предметы для анализа и отдельные выборы (в зависимости от уровня – федерального, регионального или муниципального – формируемых органов власти), так и отдельные системные элементы выборов (в зависимости от округа, уровня конкуренции, характера взаимоотношений электоральных субъектов друг с другом и местной администрацией, характера информационного пространства региона, состояния многопартийности и т. д.).

Но есть еще третий смысл, который анализируется значительно реже, – это характер самой электоральной цикличности, который очень существенно влияет и на цикличность политики в целом. В рамках этого подхода выявляются особенности избирательной системы и периодичность формирования основных государственных органов власти: как, насколько синхронно или асинхронно избираются верхняя и

нижняя палаты, каков разрыв во временных границах выборов Президента и Государственной думы, по какой системе они избираются и т. д. По существу, данная проблематика в значительной степени связана с механизмами разделения властей и «сдержек и противовесов», определяемых Конституцией Российской Федерации.

Однако функциональная роль конституционных принципов в этой области также не статична и во многом зависит от особенностей политического режима. По мнению М. В. Ильина, сами конституции проделали длительный и сложный эволюционный путь. Конституции первого порядка представляли собой определенный пакт между государством и гражданским обществом, закрепляющий и одновременно ограничивающий их полномочия. Конституции второго порядка закрепили представительное правление на основе регламентации инфраструктуры взаимодействия государства и гражданского общества. Конституции третьего порядка закрепляют базовые институты современной полиархии или современного демократического правления [1, с. 140–148]. Возникает вопрос, к какому типу можно отнести современную российскую Конституцию. На наш взгляд, ответ на него можно дать только в результате анализа ее содержания в более широком политическом и социальном контексте.

Реальная политическая жизнь современной России зависит от того, что целерациональные и законодательно закрепленные электоральные циклы дополняются также политической цикличностью, которая обусловлена совокупностью более широких внутренних и внешних социальных механизмов и реализуется под воздействием гораздо более сложных политических, социально-экономических, социокультурных факторов, имеющих свою собственную основу для цикличности. По мнению Н.С. Розова, данная цикличность осуществляется по следующему алгоритму:

«Такт 1: УСПЕШНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. Всегда имеет предел и, как правило, переходит в стагнацию.

Такт 2: СТАГНАЦИЯ. Иногда бывает относительно устойчивой, иногда — турбулентной с быстрой деградацией элит и режима; обычно завершается социально-политическим кризисом.

Такт 3: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС (от крупных мятежей, крестьянских войн и внешних вторжений до распада государственности). Для кризиса характерны бифуркационные развилки, метания между попытками либерализации и авторитарным откатом.

Такт 4: ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ. Может осуществляться как «сверху», так и «снизу», стихийно, но и в том и в другом случае обычно терпит неудачу и сменяется либо кризисом, либо авторитарным откатом.

Такт 5: АВТОРИТАРНЫЙ ОТКАТ. Нередко выводит из кризиса и возвращает к стагнации, иногда способствует успешной мобилизации, но при определенных условиях может повлечь за собой углубление кризиса и распад» [3, с. 270–271].

Как представляется, обозначенные такты цикличности истории (в том или ином варианте признаваемые и многими другими исследователями) нуждаются в определенной корректировке с учетом существенных изменений, которые произошли в последние десятилетия в результате процессов глобализации.

Внешний фактор (в виде разного рода воздействия крупнейших субъектов мировых международных отношений) всегда играл важнейшую роль в развитии обозначенных фаз политических циклов конкретных стран. Это могла быть, например, поддержка оппозиционных сил, ведущих непримиримую борьбу с существующим политическим режимом (достаточно вспомнить финансирование российских эсеров американскими банкирами в годы первой русской революции и большевистской партии немецким генштабом – в годы Первой мировой войны). Это могла быть и прямая военная поддержка оппозиции (например, введение советских войск в Афга-

нистан). Но в современных условиях глобализация сделала это вмешательство постоянным фактором политического и социально-экономического развития большинства стран, в значительной степени выхолостив, тем самым, функциональность внутренних объективных факторов и подчинив самодостаточную логику развития многих стран логике ведущих игроков процессов глобализации.

Для этого используется самый широкий арсенал разнообразных средств воздействия – от информационно-коммуникационного давления до угрозы прямого военного вмешательства. Особенно широко в последние десятилетия используются технологии так называемых цветных революций, которые были осуществлены как на постсоветском пространстве, так и во многих странах «третьего мира». Эти технологии могут накладываться на цикличность развития конкретных стран, вписываясь в алгоритм реально существующего внутриполитического и социально-экономического кризиса, но могут и целенаправленно дестабилизировать ситуацию в более или менее благоприятном социально-экономическом состоянии данной страны. Судьба Ливии, отброшенной в социально-экономическом плане далеко назад в результате военного вмешательства стран НАТО под предлогом поддержки демократической оппозиции, – один из наглядных примеров деструктивности последствий внешнего фактора глобализации.

Широко используется принцип двойных стандартов, в соответствии с которым все страны делятся на друзей и союзников (независимо от наличия или отсутствия в них демократических институтов) и противников, радикальной формой которых выступают так называемые страны-изгои. Именно для «демократизации» этих стран используются самые разнообразные формы вмешательства во внутренние дела. Например, многие официальные лица стран НАТО в конце 2013 года посчитали себя вправе приехать на Украину и на митингах оппозиции поддержать ее стремление устранить законно избранную и легитимную власть.

С учетом данных обстоятельств можно констатировать, что Конституция РФ содержит совокупность многих либеральных ценностей и принципов, определяющих цикличность российской политики, обеспечивающей обязательную периодичность волеизъявления народа по поводу формирования основных органов государственной власти в стране. В то же время заложенный в Конституции институциональный дизайн и механизм сдержек и противовесов создает условия для усиления авторитарных тенденций и использования мобилизационного варианта развития страны. Несмотря на наличие, с точки зрения демократии, существенных негативных издержек данной модели и огромные усилия мировых конкурентов по дестабилизации ситуации, она все же позволила обеспечить определенную стабильность и преемственность функционирования политических институтов на всех фазах циклического развития страны.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; 2009. 21 янв.

2. *Розов Н. С.* Социальный механизм порождения российских циклов / / Полития. 2010. № 3–4 (58–59).

3. *Ильин М. В.* Понятийная омонимия : конституции и режимы. Поколения конституций / / Полис. 2007. № 5.

4. *Эбзеев Б. С.* Конституция Российской Федерации : прямое действие и условия реализации / / Государство и право. 2008. № 7.

А. С. Бурданова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ СВОБОДНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Предпринимательство является одним из видов социально-экономической деятельности личности, возможности лица свободно распоряжаться своими способностями и талантами, в первую очередь в экономической сфере. В этих условиях конституционная защита свободной предпринимательской деятельности, с одной стороны, является гарантией реализации социально-экономических прав и свобод, а с другой – основой стабильности, предсказуемости государственной политики в области экономических отношений.

Конституции современных демократических государств содержат ряд важных нормативных положений, которые в совокупности направлены на защиту свободной предпринимательской деятельности.

Конституция РФ закрепляет две группы условно выделяемых правовых отношений, направленных на защиту свободной предпринимательской деятельности, – относящихся к основам конституционного строя и относящихся к правам и свободам человека и гражданина.

Согласно Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации как демократическом правовом государстве в качестве основ конституционного строя гарантируются свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 8).

Ст. 34 гарантирует право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, ограничивая монополию и недобросовестную конкуренцию. Кроме того, важной основой установленной конституцией экономической деятельности являются право свободно выбирать род деятельности и профессию (ст. 37), право частной собственности (ст. 35, 36), право свободно образовывать объединения и союзы (ст. 30), которое предполагает свободу выбора организационно-правовых форм предпринимательской деятельности, право на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), конституционные гарантии предпринимательства (ч. 2 ст. 34, ч. 1 ст. 74, ч. 2 ст. 75), конституционные основы государственного управления (в том числе вмешательства) экономической деятельностью (ст. 71, 72, 74, 75 и др.).

По смыслу приведенных конституционных положений во взаимосвязи с положениями ст. 2, 17, 18 и 45 (ч. 1), в Российской Федерации должны создаваться максимально благоприятные условия для функционирования экономической системы в целом, что предполагает необходимость стимулирования свободной, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как основных субъектов рыночной экономики и принятия специальных мер, направленных на защиту их прав и законных интересов при осуществлении государственного регулирования экономики, а тем самым – на достижение конституционной цели оптимизации вмешательства государства в регулирование экономических отношений [4].

На наш взгляд, данные конституционные положения гарантируют не только отказ Российского государства от командного типа экономики и защиту от излишнего государственного планирования и регулирования в сфере государственного управления экономикой, предоставление свободы для развития экономического потенциала личности, но и обязанность государства ввиду его конституционных пол-

номочий создавать правовые механизмы для наиболее эффективной защиты предпринимательской свободы.

Особенность конституционной защиты свободной предпринимательской деятельности в Германии в первую очередь связана с незакреплением в Основном законе страны отдельного права на свободное занятие предпринимательской деятельностью. Поэтому нет самостоятельной конституционно-правовой защиты частно-экономической, частно-автономной предпринимательской деятельности, хотя существует внутренняя связь между отдельными конституционными положениями и экономической свободой, ядро которых может просматриваться в свободной деятельности предпринимателя или в рамках его участия в экономическом процессе [1, p. 5].

В этой связи существует мнение, что конституционная защита предпринимательской свободы заложена не в используемой предпринимателем собственности (ст.14 Основного закона), а в наличии активного общественно-полезного и в будущем оправданного труда, т. е. в свободе на выбор профессии (ст.12 Основного закона). Кроме того, защита предпринимательской свободы осуществляется в рамках ч.1 ст.2 Основного закона, определяющей общую свободу действий отдельного лица, поскольку указанная норма направлена в том числе и на защиту общей и субсидиарной экономической свободы [2, p. 1185]. В то же время исходя из конституционной традиции, подкрепляемой правовой позицией Федерального конституционного суда ФРГ [5], на общую свободу действий (ч. 1 ст.2) при защите предпринимательской свободы имеет более ослабленное значение, нежели на специальные основные права, и имеет практический смысл, только если не затрагивается сущность конституционный свободы на выбор профессии. Под такое условие подпадает свобода участия в экономическом процессе, свобода конкуренции и свобода договора, общая «свобода правомочного действия».

Как правило, защита свободной предпринимательской деятельности юридических лиц основана на тех же основных правах, что и физических лиц без обращения к норме ч. 3 ст. 19 Основного закона, устанавливающей конституционную правоспособность юридических лиц. Однако, поскольку защита свободной предпринимательской деятельности преимущественно строится на основе ст. 12 Основного закона (свобода на выбор профессии), ясно, что предпринимательская деятельность юридического лица не является профессией в том смысле, который отражен в решениях Федерального конституционного суда ФРГ («Профессия – направление деятельности лица, в котором сполна выражается его личность» [5]). Поэтому некоторые немецкие ученые указывают на необходимость дифференциации ч. 1 ст. 2 Основного закона для ликвидации данного правового пробела, а также для решения вопроса использования юридическими лицами при защите своих прав ссылок на основные права физических лиц [1, p. 5].

В этой связи представляется важным Решение Федерального конституционного суда ФРГ (BVerfGe 105, 252), в котором судом был сформулирован «максимум защиты» предпринимательской свободы юридического лица частного права: «Только если образование и деятельность юридического лица выражают свободное развитие физического лица и необходима конституционная защита его прав, то оправдано рассматривать юридическое лицо как носителя основных прав и в силу этого наделенного в области конституционной защиты определенными материальными основными правами» [5]. Дюриг объяснил это решение так: «Общим было и остается, что защита отдельного лица, как отдельного или находящегося внутри объединения, которое создается в интересах развития человека, является целью и задачей основных прав» [2, p. 15].

Подводя итог, можно сделать вывод, что конституционная основа защиты свободной предпринимательской деятельности носит одновременно материально-правовой и процессуально-правовой характер. С одной стороны, защита свободной

предпринимательской деятельности требует государственно-правового объяснения (легального установления понятий предпринимательской деятельности и ее признаков, отличия от иных видов экономической деятельности, конкуренции, монополии и т. д.), с другой стороны, государство обязано создавать процедуры, в том числе процедуры защиты свободы предпринимательства, чтобы гарантировать свободную реализацию прав предпринимателей.

Список использованной литературы:

1. ***Badura P***. Mitbestimmung und Gesellschaftsrecht. Verfassungsrechtliches Korollarium zur Rolle des Privatrechts in der Rechtsordnung. München, 1991.
2. ***Durig G.*** Grundgesetz. Art. 19. Abs. 3. Rn. 1. Berlin, 1977.
3. ***Erichsen T***. Allgemeine Handlungsfreiheit. HStR, Bd. VI. Berlin, 1989.
4. По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова : Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П, город Санкт-Петербург // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4167.
5. Судебная практика Федерального Конституционного Суда Германии. URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen.html (дата обращения: 19.09.2012).

Ю. В. Варфоломеев

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Правящая элита и бюрократический аппарат Российского государства на протяжении имперского периода постепенно видоизменялись. В целом это связано с переходом от традиционного типа управления к рациональному [9, с. 5]. Вместе с тем переход от традиционного типа управления к рациональному, хотя и начался еще в XVIII веке, даже в эпоху великих реформ не был завершен. Понятие «придворного общества», или «камарильи», как центрального элемента в типе управления все еще оставалось актуальным для России [12, с. 10], и с этой точки зрения представителей «камарильи» также следует отнести к правящему классу царской России. В правящей элите Российской империи, как считает Р. С. Уортман, постоянно имела место борьба двух направлений – настроенных на преобразовательную активность «просвещенных бюрократов» и консервативно-охранительных сил [10].

Важным институтом правовой системы государства представляется категория юридической ответственности, которая является одним из сущностных признаков, характеризующих право в качестве необходимого регулятора общественных отношений [13]. Изучению вопросов правовой ответственности высших должностных лиц были посвящены работы выдающихся русских юристов дореволюционного периода Г. Ф. Шершеневича [11], Л. И. Петражицкого [8], Н. М. Коркунова [6]. По мнению С. С. Алексеева, юридическая ответственность представляет собой правовое явление (последствие), которое существует и реализуется в рамках особого, охранительного правоотношения [1, с. 379].

Проблема юридической ответственности относится к области конституционного права с точки зрения ответственности представителей власти за реализацию тех полномочий, которые делегированы конкретным государственным институтам и отдельным лицам [5, с. 6]. Рассматривая основные принципы юридической ответственности, такие как законность, справедливость, индивидуализация наказания, следует

прежде всего охарактеризовать принцип законности. Л. В. Завгородняя считает, что применительно к юридической ответственности государственных должностных лиц он «отличается повышенными требованиями к ним как к специальным субъектам, представителям власти, более строгими мерами ответственности за нарушение законов, регулирующих их деятельность, соблюдением специальных правовых процедур привлечения к ответственности, особенно государственных должностных лиц высшего эшелона власти» [4].

В свою очередь, принцип справедливости при привлечении к юридической ответственности высших государственных должностных лиц находит свое отражение в признаке соразмерности занимаемого ими положения, полномочий, функций и наступающей в связи с этим ответственности за правонарушение. «То есть, чем выше должностное положение служащего, – уточняет Л. В. Завгородняя, – тем более ответственным должно быть его поведение, тем строже ответственность за неправомерное поведение» [4]. Это означает, что при применении юридической ответственности к государственному должностному лицу учитываются занимаемое им положение, должность, профессиональные права и обязанности, а также характер совершенных им правонарушений.

Неправомерное поведение высших государственных чиновников всегда наносило существенный вред государственному управлению как в настоящее время, так и в царской России.

После прихода к власти Временного правительства была создана Чрезвычайная следственная комиссия (далее – ЧСК), которая занялась расследованием «противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств» [2].

При этом представляется необходимым проанализировать конституционно-правовые основы юридической ответственности высших должностных лиц Российской империи в соответствии с характером предъявленных им обвинений. Всего под юрисдикцию ЧСК подпало 37 подследственных из числа высших должностных лиц Российской империи. Это были министры и их заместители, сенаторы, губернаторы, генералы, директора Департамента полиции и представители так называемых темных сил. На одном из первых заседаний Чрезвычайной следственной комиссии 14 марта 1917 года было постановлено разделить все следственные действия на следующие группы:

1) расследование служебной деятельности бывших министров и других высших должностных лиц по нарушениям действовавших законов;

2) расследование служебной деятельности высших чинов бывшего Департамента полиции;

3) обследование служебной деятельности высших чинов военного и морского ведомств;

4) всестороннее обследование деятельности лиц, безответственно влиявших на действия бывшего правительства (так называемых темных сил) [3, д. 9, л. 1].

В апреле 1917 года Временным правительством был принят новый закон об ответственности должностных лиц, который определял подсудность чиновников за служебные преступления в зависимости от их положения в судебной иерархии. Этот закон, соответственно, относил к юрисдикции высшего суда и дела высших должностных лиц. На его основании к этой категории относились те государственные служащие, которые по должности в соответствии с Табелью о рангах принадлежали к первым трем классам. Этот признак, по мнению Президиума ЧСК, «должен быть положен в основу определения круга должностных лиц, охватываемых в уголовно-

процессуальном отношении понятием высших» [3, д. 226, л. 20].

Раскрывая смысл того, в чем же должно заключаться «расследование противозаконных по должности действий», председатель комиссии Н. К. Муравьев уточнял, что Временное правительство пришло к мысли «создания чрезвычайной исключительной следственной комиссии, которая ликвидировала бы прегрешения старого режима» [7]. В то же время он справедливо указывал на то, что работа комиссии в такой постановке могла бы оказаться безбрежной и поэтому ее задачу ограничила более конкретная цель – «…ликвидация старого режима» [7]. Правда, Муравьев вкладывал в эти слова не столько политический, сколько правовой смысл. В данном случае под «ликвидацией старого режима» председатель ЧСК имел в виду изобличение и ликвидацию практики и традиций нарушения законов, превышения должностных полномочий и других правонарушений со стороны высших должностных лиц Российской империи. Именно за конкретные должностные правонарушения должны были судить высших представителей власти свергнутого царского режима.

При этом ЧСК должна была определить и причины падения царского режима, оценить, кто и в какой степени виновен в формировании и функционировании чиновничье-бюрократической системы, не отвечавшей потребностям общества и человека. На эти вопросы как раз и предстояло ответить такому уникальному учреждению, как ЧСК. При этом Муравьев подчеркивал: «Оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима. Можно сказать: „те законы, которые вы написали, вы же, в лице высших и центральных ваших представителей, их и нарушали”. Вы понимаете, что нам, комиссии, представилось, когда мы пришли к этой мысли, что это наиболее желательная и наиболее твердая точка зрения, потому что нужно помнить, что мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения <…> Эти процессы исключительны не только в силу самых преступлений, совершенных старым режимом, а также и потому, что, по крайней мере за истекшее столетие, не было процесса во всемирной истории, когда на скамью подсудимых следовало бы усадить и судить не отдельных министров, а целый совет министров» [7].

Действительно, сотрудниками ЧСК было расследовано большое количество дел, по которым в качестве подследственных проходили высшие государственные служащие бывшей Российской империи. Впоследствии комиссия планировала передать эти материалы для дальнейшего рассмотрения в суд. В Президиуме ЧСК было признано целесообразным решить две возникшие в связи этим правовые коллизии: во-первых, подготовить заключения об освобождении от уголовной ответственности тех лиц, уголовные дела которых признаны комиссией «имеющими общее значение лишь для характеристики старого режима и представляются незначительными по свойству предъявленного обвинения»; во-вторых, передать компетентным «судебным властям по принадлежности для дальнейшего производства на общем основании тех из числа прочих дел, производящихся комиссией, кои не могут быть приведены к окончанию ко времени ликвидации работ комиссии» [3, л. 83]. Другими словами, требовалось решить, кого и по какой статье закона конкретно следует привлекать к судебной ответственности. Важнейшей характеристикой мотивации подобных решений должно было стать абстрагирование от любой политической конъюнктуры и недопущение каких-либо юридических натяжек.

Таким образом, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства создала в юриспруденции очень важный прецедент расследования и подготовки суда над политическим режимом и его высшими государственными служащими.

Список использованной литературы:
1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1.
2. Вестник Временного правительства. 1917. № 7. 12/25 мар.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1.
4. *Завгородняя Л. В.* Конституционно-правовые основы юридической ответственности государственных должностных лиц и государственных служащих : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
5. *Колосова Н. М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации. Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000.
6. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1908.
7. *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июн.
8. *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2011.
9. *Ружицкая И. В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009.
10. *Уортман Р. С.* Властители и судии : Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004
11. *Шершеневич Г. Ф.* Общее учение о праве и государстве. М., 1908
12. *Элиас Н.* Придворное общество : исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.
13. *Юзефович Ж. Ю.* Функции юридической ответственности формы их реализации по российскому законодательству : автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2004.

Д. С. Велиева

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РФ : РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОДХОД

Согласно Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов устанавливаются нормами национального и международного права [17].

Основополагающее значение для определения правового статуса коренных малочисленных народов имеет Конституция Российской Федерации, в соответствии с которой гарантируются права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69).

Следует сказать, что данная норма впервые закреплена на конституционном уровне – ранее действовавшие российские Конституции не содержали такого положения.

Причиной установления на конституционном уровне гарантий прав коренных малочисленных народов послужило, на наш взгляд, провозглашение России исторически многонациональным демократическим государством, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Основываясь на нормах действующего законодательства, можно сделать вывод, что регулирование правового статуса и гарантий прав коренных малочисленных народов носит комплексный характер.

Упоминание общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в преамбуле закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» связано с их признанием на конституционном уровне составной частью национальной правовой си-

стемы. Кроме того, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (ч. 1 ст. 17). Тем самым Конституция Российской Федерации открывает возможность прямого действия и применения на территории Российской Федерации актов международного права, регулирующих отношения, касающиеся коренных малочисленных народов. Любое лицо, заинтересованное в решении проблем коренных малочисленных народов, вправе руководствоваться требованиями актов международного права. Норма ч. 4 ст. 15 Основного закона подтверждает также намерение России соблюдать международно-правовые стандарты в отношении коренных малочисленных народов, правило об обязательности актов международного права, к которым присоединяется государство. Именно такое положение содержится в преамбуле Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»: «Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств».

Вместе с тем возникает закономерный вопрос, какие именно международные нормы могут применяться в Российской Федерации по вопросам регулирования статуса коренных малочисленных народов, какие нормы следует признавать в качестве общепризнанных.

В юридической науке не выработана единая позиция в отношении определения общепризнанных принципов и норм международного права. Такое единство отсутствует и в международно-правовой доктрине [2].

Данная проблема была освещена на парламентских слушаниях «Российский и международный аспекты правового регулирования и положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», проходивших 27 февраля 2007 года в Москве [7]. Открывая парламентские слушания, Г. Д. Олейник относительно единства общепризнанных принципов и норм международного права отметил, что для нашего законодательства характерны те же самые правовые принципы, как и для любой цивилизованной страны и международного права в целом. Природа различий обусловлена объективным процессом развития социальных и экономических особенностей разных государств и является, по сути, своего рода их историческим наследием. Содержание же различий проявляется в несоответствии ряда конкретных норм либо совокупности норм, регулирующих какие-либо конкретные общественные отношения. Применительно к области правового регулирования положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации это несоответствие наиболее заметно проявляется в нормах о собственности на землю и природные ресурсы и о самоопределении народов. Нормы международного права по этим вопросам не соответствуют содержанию ряда норм Конституции РФ.

В этом случае возникает проблема соотношения норм Конституции РФ и международного права, а именно приоритетности при рассмотрении конкретных споров норм международного и национального права. По данному вопросу в юридической литературе высказываются различные точки зрения, однако большинство ученых-конституционалистов поддерживают идею верховенства норм Основного закона РФ [6].

Основные принципы международного права зафиксированы в Уставе ООН и Статуте Международного суда (Устав Организации Объединенных Наций вместе с «Правилами процедуры Генеральной Ассамблеи» принят 26 июня 1945 года в Сан-Франциско) [16, с. 7–33]. Помимо Устава ООН наиболее авторитетными источниками, раскрывающими содержание принципов современного международного права, яв-

ляются Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года [3], и Декларация принципов, которыми государства – участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, содержащаяся в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года [5, с. 73–79].

В основе международно-правовых актов, регулирующих права народов, лежат распространяющиеся и на коренные малочисленные народы принципы равноправия и самоопределения народов, право каждого человека обладать всеми правами и свободами без какого бы то ни было различия вне зависимости от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения, добросовестное выполнение обязательств по международному праву, нерушимость границ, территориальная целостность, уважение прав человека.

Следует отметить, что Конституция РФ закрепила приоритет перед законом только международных договоров. Общепризнанные принципы и нормы международного права во втором предложении ч. 4 уже не упоминаются. Следует предположить, что авторы Конституции РФ трактовали слово «закон» широко, включая и федеральные, и федеральные конституционные законы. Однако более корректным было бы уточнение данной нормы, ведь ратификация международных договоров осуществляется федеральными законами, а федеральные конституционные законы имеют перед актами такого рода приоритет [10].

В базовом Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ установлено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, нежели предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 2 ст. 5).

Однако в статье не установлено, какие именно международные договоры РФ (межгосударственные, межправительственные, межведомственного характера) и в отношении каких именно законов имеют приоритет. Представляется, что в решении данного вопроса необходимо учитывать такой критерий, как юридическая сила международных договоров Российской Федерации и характер их взаимоотношений с национальными законами. По этой причине достаточно обоснованным можно считать изложенное в отечественной юридической литературе мнение об установлении следующей дифференциации:

– юридическая сила международных договоров РФ, утвержденных указом Президента РФ, равна юридической силе самого указа;

– юридическая сила международных договоров, утвержденных постановлением Правительства РФ, равнозначна юридической силе данного постановления.

Следовательно, указанные группы международных договоров РФ, наряду с утвердившими их нормативными правовыми актами, занимают в иерархической системе источников национального права место, следующее за федеральными законами, а соответственно, должны заключаться и применяться в строгом соответствии с ними. Из этого следует, что международные договоры РФ, утвержденные Президентом или Правительством РФ, имеют приоритет только в отношении президентских, правительственных или иных актов, издаваемых нижестоящими органами государственной власти. Договоры межведомственного характера пользуются приоритетом лишь в отношении актов соответствующего ведомства (ведомств) [1].

Перед внутригосударственными законодательными нормами приоритетом обладают те международные договоры РФ, которые, в соответствии с установленным законодательством порядком, ратифицированы и опубликованы. Именно ратификация придает международному договору РФ юридическую силу федерального закона

и наделяет его свойствами приоритета по отношению к другим законам. Нератифицированные международные (межгосударственные, межправительственные, межведомственные) договоры не обладают иерархическим приоритетом в случае возникновения коллизии между положениями закона и положениями вышеупомянутых договоров.

Международный договор РФ, устанавливающий иные по сравнению с национальными нормами правила, не отменяет действия последних. Его преимущественная сила может проявляться только на стадии правоприменения. Несоответствие норм внутригосударственного закона и международного договора РФ не ведет к автоматической отмене или неприменимости этого закона. В силу ч. 6 ст. 125 Конституции РФ приоритет международных договоров РФ не может быть исключительным, поскольку международные договоры РФ, не соответствующие Конституции Российской Федерации, не подлежат введению в действие и применению.

Следует учитывать и то, что устанавливаемые международным договором РФ правила подлежат применению в случаях, если:

– Российская Федерация в лице компетентных органов государственной власти выразила свое согласие на обязательность для нее международного договора посредством одного из действий, перечисленных в ст. 6 Закона;

– международный договор вступил в силу для Российской Федерации.

В этом смысле несомненный теоретический и практический интерес представляет Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [15].

В целях обеспечения единообразного применения судами общей юрисдикции Конвенции и ратифицированных Российской Федерацией Протоколов к ней судам даны разъяснения по применению названных актов.

Принципиальным является положение Постановления, согласно которому правовые позиции Европейского суда по правам человека, содержащиеся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

Более того, с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского суда.

Следовательно, в данном случае речь идет о приоритетности норм международного права и стандартов, выработанных судебной практикой. Однако если законодательство Российской Федерации предусматривает более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Европейского суда, применяются положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации.

Значимым представляется положение Постановления, в соответствии с которым во избежание нарушения прав и свобод человека, в том числе необоснованного их ограничения, правовые позиции Европейского суда учитываются при применении не только Конвенции и Протоколов к ней, но и иных международных договоров Российской Федерации.

При этом установлены критерии ограничения прав и свобод – любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других

лиц) и являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой законной цели).

Следует отметить, что перечисленные критерии неоднократно были указаны в постановлениях Конституционного суда РФ [14].

Вместе с тем Россией не ратифицированы такие важнейшие международные акты в сфере регулирования статуса коренных малочисленных народов, как Конвенция № 107 МОТ (Международной организации труда) «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах» и Конвенция № 169 МОТ «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (принята в г. Женеве 27 июня 1989 года на 76-ой сессии Генеральной конференции) [8, с. 2193–2207].

Не вступила в силу для России и «Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» [9, с. 43–46].

Интересы коренных народов отражены в других международных актах, составляющих международное «мягкое» право, – Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года [4, с. 687–692] и Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике (вместе с «Докладом» принята в г. Нуук 16 сентября 1993 года) [13].

Следовательно, о применении общепризнанных норм и принципов международного права в отношении коренных народов можно говорит лишь с оговоркой. В данном случае возможно применение иных международных актов, которые содержат отдельные гарантии (к примеру, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года [11, с. 470–482]). Кроме того, существуют многочисленные двусторонние и многосторонние соглашения, участником которых выступает и Россия [12].

Вместе с тем источники «мягкого» международного права задают ценностную ориентацию основной части договоров, воплощающуюся в юридически обязательные нормы и принципы. Теория и практика межгосударственного сотрудничества свидетельствует о праве на существование данного явления. С одной стороны, «мягкое» право, в отличие от «твердого», не создает четких, конкретных прав и обязанностей, но лишь дает общую установку, а с другой – нормы «мягкого» права содержатся в неправовых актах, в резолюциях международных организаций, конференций, в совместных заявлениях и коммюнике. Согласно позиции европейских ученых, «мягкое» право всегда связано с определенными правилами поведения и взаимными обязанностями и они не лишены определенной правовой значимости. Целью указанных правил и взаимных обязательств является достижение определенного практического результата или регулирования определенного рода деятельности. К примеру, Декларация по окружающей среде и развитию 1992 года сыграла существенную роль в формировании национального законодательства и правоприменительной практики.

Отсюда актуальной представляется имплементация рекомендательных международных актов во внутригосударственное законодательство с целью гарантирования прав и свобод коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. *Агешкина Н. А.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (постатейный) / / СПС Гарант. 2013.

2. *Велиева Д. С., Заметина Т. В.* Комментарий к Федеральному закону от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (постатейный) / / СПС КонсультантПлюс. 2008.

3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объеди-

ненных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная жизнь. 1970. № 12.

4. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992) // Действующее международное право. Т. 3. М. : Московский независимый институт международного права, 1997.

5. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в Хельсинки 1 августа 1975 года) // Действующее международное право. Т. 1. М. : Московский независимый институт международного права, 1996 г.

6. *Калашников С. В.* Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России : вопросы теории и практики / под ред. Д. С. Велиевой. М. : ДМК Пресс, 2010.

7. Комментарии к законам. URL: http://www. lawmix.ru› 399. html (дата обращения: 15.05.2013).

8. Конвенция № 169 МОТ «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (пПринята в г. Женеве 27 июня 1989 года на 76-й сессии Генеральной конференции) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева : Международное бюро труда, 1991.

9. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (заключена в г. Москве 21.10.1994) // Дипломатический вестник. 1994. № 21–22.

10. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. М. : ЗАО Юстицинформ, 2007.

11. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М. : БЕК, 1996.

12. Модельный экологический кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (особенная часть) от 31.10.2007 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41 ; Модельный закон об учебной литературе (об основных принципах сотрудничества государств – участников СНГ в области издания учебной литературы и обеспечения ее доступности) от 03.12.2009 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 46 ; Модельный Земельный кодекс для государств – участников СНГ от 0412.2004 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2005. № 35 (ч. 2).

13. Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике (вместе с «Докладом») (документ опубликован не был). URL : http://www.lawmix.ru/abro/8898 (дата обращения: 22.02. 2014).

14. Постановления Конституционного Суда РФ : от 22.06.2010 № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта „а” пункта 1 и подпункта „а” пункта 8 статьи 29 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А. М. Малицкого» // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552 ; от 27.02.2009 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации „О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1367 ; от 15.12.2003 № 19-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Ивановской области „О муниципальной службе Ивановской области” в связи с запросом Законодательного Собрания Ивановской области» // СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. 2). Ст. 5101 и др.

15. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // РГ. 2013. 5 июл.

16. Устав Организации Объединенных Наций вместе с «Правилами процедуры Генеральной Ассамблеи» (принят 26 июня 1945 года в Сан-Франциско) // Действующее международное право. Т. 1. М. : Московский независимый институт международного права, 1996.

17. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 05.04.2009) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208 ; 2009. № 14. Ст. 1575.

П. Г. Великородный

О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

В нашем Отечестве отмечается двадцатилетие действия Конституции Российской Федерации, сыгравшей положительную роль в стабилизации общественно-политической обстановки в стране после развала Советского Союза и положившей начало возрождению России.

Принципиальным отличием действующей Конституции РФ от ее предшественниц является признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, расширение перечня конкретных прав и свобод каждого гражданина, признание других ценностей демократии.

Основной закон страны экстренно принимался в сложный и противоречивый период перевода страны на капиталистический путь развития, характеризующийся заимствованием западных ценностей. Спешность принятия Конституции РФ, по существу, в экстремальных условиях жизнедеятельности государства и общества не могла не сказаться на ее качественной составляющей.

12 декабря 2013 года по центральному телевидению прошла передача «Поединок» с ведущеим В. Соловьевым, посвященная 20-летию принятия Конституции РФ, в которой приняли участие сенаторы, депутаты ГД, ученые, политологи и один из ее разработчиков С. М. Шахрай. Участники телефорума не только отметили многие позитивные стороны Основного закона, но и высказали справедливые критические замечания по ряду его разделов и статей.

Исходя из качественного содержания Основного закона отдельные структуры института исполнительной власти, на наш взгляд, сомнительно считать конституционными.

Однако начнем с общих замечаний.

Признав разделение государственной власти в Российской Федерации на законодательную, исполнительную и судебную, и их описание следовало бы, как мы полагаем, располагать в конституции в такой же последовательности, а не начинать с Президента РФ. Он хотя и глава государства, но в принципе являет собой высшее звено исполнительной ветви власти. В крайнем случае в ст. 80 Конституции РФ можно было ограничиться пунктом 1, указав только генеральные признаки статуса Президента РФ: глава государства, гарант Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, суверенитета и территориальной целостности государства. А всю остальную информацию о нем следовало бы поместить в главе об исполнительной власти.

По аналогии с главой 7 «Судебная власть» главы 5 и 6 правомерно и логично былоы назвать соответственно «Законодательная власть» и «Исполнительная власть».

В Конституции РФ более или менее полно и ясно представлены и раскрыты системы и формирование законодательных и судебных органов, тогда как система исполнительных органов власти и их организация прописаны смутно и непоследовательно, за исключением порядка назначения на должность и смещения с нее Председателя Правительства России, его заместителей, федеральных министров, а также полномочий Правительства.

Согласно ст. 110 Конституции РФ, исполнительную власть в Российской Федерации осуществляет Правительство РФ, которое состоит из Председателя Правительства Российской Федерации, его заместителей и федеральных министров.

Федеральные министры – это, образно выражаясь, дирижеры. Но где же их

«оркестры», т. е. руководимые ими государственные структуры, осуществляющие исполнительную власть? Нечеткость и неполнота подобных формулировок в тексте Конституции – это основание для предположительных суждений, что недопустимо для основополагающего закона страны.

Уязвимо также содержание пункта 1 ст. 78 Конституции, касающегося правомочия федеральных органов власти: «Федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих полномочий могут создавать свои территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц». Спрашивается, какими федеральными органами, где и в каких случаях они могут создаваться и как именоваться?

По Конституции Председатель Правительства представляет Президенту России предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти. Возникает вопрос: что должно следовать дальше в случае одобрения Президентом внесенных ему предложений?

Кто же создает в России исполнительные органы власти, включая правоохранительные, – Председатель Правительства РФ или федеральные министры? К примеру, в Конституции Азербайджанской Республики четко и недвусмысленно записано, что ее Президент «создает центральные и местные органы исполнительной власти» [2, с. 42]. В нашем Основном законе, как видим, такая определенность отсутствует.

Важными звеньями системы исполнительных органов власти являются органы внутренних дел МВД России, ФСБ России, Федеральной таможенной службы РФ, Следственного комитета РФ, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ и др. Все они обладают большим набором властных полномочий и функций, в том числе и принудительного характера, включая применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, обыска и выемки, задержания и ареста граждан, множества разнообразных фискальных мер. Однако эти исполнительные органы правоохранительной направленности даже не обозначены в Конституции РФ. Конечно, оппоненты могут возразить, что в отношении названных правоохранительных органов приняты соответствующие федеральные законы, например «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие, касающиеся их организации и полномочий. Вероятным оппонентам можно противопоставить контрдовод – например, в отношении Прокуратуры Российской Федерации, являющейся, по существу, правоохранительным ведомством, тоже есть федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», но она, тем не менее, конституциирована в ст. 129 Основного закона. То же можно сказать и о судах.

Обращает на себя внимание и такой конституционный, на наш взгляд, парадокс. Местное самоуправление в Российской Федерации, не являющееся государственной властью, узаконено как таковое – это зафиксировано в ст. 130–133 Конституции РФ (против чего возражений нет). Однако при этом федеральным исполнительным органам государственной власти в лице правоохранительных силовых ведомств (ФСБ, МВД, ФСКН и др.) места в Конституции не нашлось.

Пробелы, недоговоренности и противоречия, содержащиеся в Конституции, дают основания усомниться в конституционности правоохранительных органов и, по большому счету, считать ФСБ РФ, МВД РФ, СК РФ, ФТС РФ и другие ведомства неконституционными исполнительными органами государственной власти. И это при том, что общество и государство не могут обойтись без правоохранительных органов, реально обеспечивающих общественный порядок и безопасность в стране.

Один из вероятных альтернативных вариантов отражения в российской Конституции системы исполнительных органов власти можно, на наш взгляд, выразить так. Во-первых, резонно обозначить главу, как отмечено выше – «Исполнительная

власть», – и начать с представления системы ее органов.

Статья ___ Исполнительную власть Российской Федерации осуществляют:

1) Президент Российской Федерации;

2) Правительство Российской Федерации;

3) центральные аппараты федеральных министерств, служб, комитетов, ведомств (далее – федеральные органы);

4) государственные правоохранительные органы по федеральным округам (региональные) и по субъектам Российской Федерации(территориальные) федерального подчинения;

5) глава (президент, губернатор) субъекта Российской Федерации;

6) правительство субъекта Российской Федерации;

7) министерства и комитеты субъекта РФ.

В совокупности эти звенья составляют систему органов исполнительной власти. Далее необходимо постатейно показать конституционный абрис каждого звена исполнительной власти, который видится следующим.

Статья ___ Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Президент Российской Федерации осуществляет руководство деятельностью федеральных органов исполнительной власти внутренней и внешней правоохраны и безопасности общества и государства (так называемые политические органы).

Затем в статьях, как это и есть в Конституции РФ, фиксируются порядок избрания и вступления в должность Президента Российской Федерации и его полномочия.

Статья ___ Исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации. Правительство Российской Федерации осуществляет руководство федеральными органами исполнительной власти социальной, хозяйственно-экономической и правоохранительной направленности.

Далее следует информация о Правительстве России по тексту действующей Конституции РФ.

Статья ___ Исполнительную власть Российской Федерации осуществляют в пределах своих полномочий в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, федеральными и ведомственными нормативно-правовыми актами центральные аппараты федеральных органов исполнительной власти правоохранительной направленности:

- Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ);
- Прокуратуры Российской Федерации;
- Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ);
- Министерства юстиции Российской Федерации (МЮ РФ);
- Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации (МЧС РФ);
- Следственного комитета Российской Федерации (СК РФ);
- Федеральной таможенной службы Российской Федерации (ФТС РФ);
- Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации (ФСКН РФ);
- Федеральной миграционной службы Российской Федерации (ФМС РФ);
- Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН РФ);

(Аналогично можно обозначить центральные аппараты федеральных органов исполнительной власти социально-экономической, финансово-банковской (бюджетной), хозяйственно-производственной, природно-ресурсной, военно-оборонной, охранно-экологической направленности).

И, как вариант, чтобы не конкретизировать в Конституции «поименно» центральные аппараты всех федеральных органов исполнительной власти, можно в этом отношении ограничиться одной конституционной статьей примерно следующего содержания:

Исполнительную власть Российской Федерации осуществляют в пределах своих полномочий в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, федеральными и ведомственными нормативными актами центральные аппараты федеральных органов исполнительной власти правоохранительной, финансово-банковской, социально-экономической, хозяйственно-производственной, природно-ресурсной, военно-оборонной и охранно-экологической направленности.

Статья ___ Исполнительную власть федерального округа (региона) Российской Федерации осуществляют в пределах своих полномочий в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, федеральными нормативно-правовыми актами:

- управления (отделы) ФСБ России по федеральным округам Российской Федерации (региональные органы);
- главные управления МВД России по федеральным округам Российской Федерации (региональные органы);
- управления ФСКН России по федеральным округам Российской Федерации (региональные органы);
- управления СК России по федеральным округам Российской Федерации (региональные органы).

Все эти звенья федерального подчинения.

Статья ___ Исполнительную власть на территории субъекта Российской Федерации осуществляют в пределах своих полномочий в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, федеральными нормативно-правовыми актами:

- управления (отделы) ФСБ России по субъектам Российской Федерации (территориальные органы);
- главные управления МВД России по субъектам Российской Федерации (территориальные органы);
- управления ФСКН России по субъектам Российской Федерации (территориальные органы);
- прокуратуры субъектов Российской Федерации (территориальные органы);
- управления МЧС России по субъектам Российской Федерации (территориальные органы);
- следственные управления СК России по субъектам Российской Федерации (территориальные органы).

Все эти звенья федерального подчинения.

Статья ___ Исполнительную власть субъекта Российской Федерации осуществляет глава (президент, губернатор) субъекта Российской Федерации в пределах своей компетенции в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, федеральными нормативными актами, Конституцией и законами субъекта Российской Федерации.

Статья ___ Исполнительную власть субъекта Российской Федерации осуществляет правительство субъекта Российской Федерации в пределах своей компе-

тенции в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, федеральными нормативными актами, Конституцией и законами субъекта Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями главы (президента, губернатора) субъекта Российской Федерации.

Статья ___ Исполнительную власть субъекта Российской Федерации осуществляют министерства и комитеты субъекта Российской Федерации в пределах своей компетенции в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, федеральными нормативными актами, Конституцией (Уставом) и законами субъекта Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями главы (президента, губернатора) субъекта Российской Федерации и правительства субъекта России.

Именно подобное отражение в Основном законе страны системы исполнительной власти позволит с полным правом считать правоохранительные органы (как и иные) конституционными органами исполнительной власти.

Реально сложившаяся в российском обществе и государстве обстановка уже диктует необходимость дальнейшего совершенствования и дополнения Конституции Российской Федераций.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; 2009. 21 янв.

2. Конституция Азербайджанской Республики, принята 12 ноября 1995 г. // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1997. 31 июля.

А. А. Вилков

КОНСТИТУЦИЯ РФ И НРАВСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВА : К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

Юбилей современной российской Конституции представляет собой очередной повод подвести итоги ее нормативно-регулятивного воздействия на политическое, социально-экономическое и духовное развитие нашего общества. Политико-правовые последствия ее принятия исследованы юристами и политологами за прошедшие два десятилетия до мельчайших деталей [1, 2, 4, 5]. Несмотря на различные оценки и противоположные мнения в характеристиках ее отдельных норм, структурной сбалансированности, внутренней противоречивости и т. д., важнейшее значение имеет неоспоримый факт – действующая Конституция РФ позволила избежать повторения масштабных политических кризисов, грозящих гражданской войной, и создала нормативные предпосылки для функционирования механизма сдержек и противовесов и институционального регулирования конфликтов между ветвями власти в современной России.

Однако недостаточно исследованной оказалась взаимосвязь конституционных норм, которые законодательно закрепляли вектор развития страны в этот период, и эволюции морального состояния российского общества, без которой невозможно объективно оценить степень социальной прогрессивности преобразований, проведенных в постсоветской России[2]. Либералы-реформаторы после разрушения СССР

[2] Понятно, что морально-нравственные характеристики общества определяются не только нормами Конституции, но и многими другими факторами – социально-экономическими параметрами, системой политической социализации и духовно-нравственного и патриотического воспитания, функциональностью СМИ, демографической ситуацией и т. д.

попытались обосновать замену советских нравственных ориентиров идеалами свободы, гуманизма, толерантности и других индивидуалистических либеральных ценностей, но не смогли предложить ничего системно завершенного и работоспособного. Обусловлено это было не только их стремлением максимально порвать с наследием коммунистической идеологии (которая инкорпорировала в себя и интерпретировала многие традиционалистские вечные ценности, в том числе и религиозные заповеди), но и разочарованием большинства населения в социально-экономических преобразованиях, проведенных под либеральными лозунгами.

Этот нравственный кризис не закончился до сих пор и являет собой одно из самых страшных последствий радикальных преобразований последних десятилетий, ставящих под сомнение их социальную прогрессивность и перспективность.

Конечно, современная ситуация отличается от периода «вседозволенности» 1990-х гг., когда, по выражению певца И. Талькова, «все что было аморально, стало не аморально», когда публично высшие официальные лица призывали нас не считать деньги в чужом кармане и не интересоваться источниками их происхождения, когда представительницы одной из древнейших (но не почтенных во все времена) профессий получили социально значимый статус путан, а рабочие и крестьяне, напротив, – презрительный статус «совков» и т. д. Но и сегодня оправданные с позиций социальной справедливости вопросы о том, как чиновнику с достаточно скромной зарплатой удается построить многомиллионный особняк в престижном районе и ездить на самом дорогом лимузине, повисают в воздухе. Их не задают прокуратура и следственный комитет, а если и задают, то удовлетворяются ответом, что особняк и автомобиль принадлежат папе-пенсионеру или гражданской жене, или сыну, или еще кому-то из родственников, кто заработал их «непосильным трудом», занимаясь коммерческой или иной прибыльной деятельностью.

В исследованиях современных юристов акцент делается на нравственности как самодостаточной ценности в системе других конституционных ценностей. Например, Ш. Р. Магадов констатирует: «Нравственность как конституционная ценность имеет положительную значимость для формирования баланса интересов человека, общества и государства и выполняет ключевую роль в закреплении и расширении других конституционных ценностей. Это выражается в двух основных формах влияния: во-первых, нормы нравственности непосредственно закрепляются в конституциях, приобретая характер конституционных положений (приверженность любви, терпимости, добродетели; осознание чувства совести и ответственности перед людьми и др.); во-вторых, нравственные идеи и понятия трансформируются в правовые нормы и становятся составной частью, основой содержания конституционных норм, получая выражение в виде принципов, прав, свобод и обязанностей человека (уважение прав и свобод, принципы равноправия, справедливости и толерантности, право на достоинство и доброе имя, право на жизнь, право на свободу, право на мир, обязанность беречь природу, обязанность защищать Отечество и т. д.)» [3, с. 9].

По сути, представленная в исследовании Ш. Р. Магадова и других подобных юридических и философско-правовых работах, проблема нравственности рассматривается с точки зрения самодостаточной внутренней логики Конституции как главного закона страны, определяющего нормативное регулирование всех сфер жизни общества. В рамках данного подхода понятно стремление автора сконцентрировать внимание на полноте и непротиворечивости статей Конституции РФ и абстрагироваться от тех расхождений, которые есть между конституционными нормами, раскрывающими нравственное содержание принципов функционирования российского общества, и реальными взаимоотношениями, например, власти и граждан. Тем са-

мым право остается вне реальной критики с точки зрения анализа внутренней причинности плохого правоприменения.

Логика автора очень конкретна: Конституция РФ содержит основные нравственные принципы и ориентиры, а чтобы они стали еще совершеннее и было возможно добиться их полноценного действия, нужно включить в ст. 55 Конституции РФ следующее дополнение: «Основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обороноспособность страны и безопасность государства обеспечиваются соответствующей юридической ответственностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений, устанавливаемой в федеральных законах за нарушение данных конституционных ценностей» [3, с. 10]. Для того чтобы эта норма заработала, нужно принять закон «О защите нравственности в Российской Федерации», в котором в круг субъектов правоотношений, обязанных соблюдать нормы нравственности, автором предлагается включить человека, социальные группы (семья, общественное объединение, религиозная организация и др.), а также должностных лиц, органы государственной власти, органы местного самоуправления и т. д. [3, с. 10].

Как представляется, здесь проявляется достаточно типичная абсолютизация роли права, характерная для многих юристов, – после выявления проблем в какой-либо области общественных отношений формулируется предложение принять еще один закон для ее нормативного регулирования. Такой подход, сводящийся к постоянному количественному наращиванию законов, на мой взгляд, может завести в тупик любое общество в связи с постоянно возрастающей сложностью и многомерностью его функционирования. Так можно дойти до законов, регулирующих правила приветствия людей, взаимоотношений супругов на кухне и т. д.

Но в данном случае речь идет о правовом регулировании в такой области, противоречивость и конфликтность которой изначально делает предложение автора мертворожденным. Дискуссии о том, что является нравственным, а что таковым не является, ведутся уже многие тысячелетия, но и в наш информационный XXI век оппоненты к единому знаменателю не приблизились. Понимание нравственности разное у представителей не только разных религий и этнических групп, но и разных возрастных групп в одном и том же сообществе. Более того, в рамках одного сообщества одни нравственные ценности могут вызывать конфликты с другими. Типичный пример являют собой события во Франции и многих других европейских странах, когда абсолютизация и последовательное внедрение ценности толерантности привели к легализации однополых браков, против которых на улицы вышли сотни тысяч и миллионы демонстрантов, придерживающихся традиционных нравственных принципов.

В полиэтничной и поликонфессиональной России законодательная ответственность за безнравственное поведение не была реализована даже в советской системе, где эти единые нормы были предписаны моральным кодексом строителя коммунизма. Максимум, который грозил за аморальное поведение, – это вызов в партком и на собрание первичной парторганизации и вероятность исключения из партии для коммунистов (идентично для комсомольцев) и общественное порицание для членов профсоюза в виде карикатуры в стенгазете.

Для политологов, в отличие от юристов, значимым является выявление нравственной обусловленности не столько конституционных норм, сколько тех реальных социокультурных и моральных последствий для российского общества, которые вызвала конкретно-историческая процедура принятия действующей Конституции РФ,

и особенностей реализации конституционных нравственных норм за два десятилетия ее действия. К сожалению, политическая и социально-экономическая реальность современной России, формально определяемая конституционными нормами, весьма обоснованными с нравственно-правовой точки зрения, очень далека не только от совершенства, но и от удовлетворительного состояния.

Анализ взаимозависимости конституционных норм и реальной политической практики позволяет констатировать, что в современной России отсутствует единство сущности, формы и конкретного содержания нравственных конституционных принципов на уровне их реального правоприменения. В оценке формальной сущности и содержания норм российской конституции можно солидаризироваться с распространенным среди юристов мнением о том, что они представляют собой сочетание не только правовой, но и моральной максимы. Однако конкретную правоприменительную практику в сфере политических отношений в значительном количестве случаев можно оценить как не соответствующую нравственным конституционным основам.

С одной стороны, Конституция РФ удерживает политическую жизнь в определенных правовых рамках, обязывает ведущих субъектов политики придерживаться определенных правил игры во взаимоотношениях друг с другом, государством и обществом. С другой стороны, эти правила игры соблюдаются прежде всего с точки зрения их формального соответствия нормам Конституции и законодательства Российской Федерации и гораздо меньше ориентированы на нравственную максиму.

Ее недостаточная эффективность в качестве мотивационной преобразующей, интегрирующей и деятельностной силы для большинства российских граждан обусловлена в первую очередь отсутствием четкого положительного образа будущего с соответствующими нравственными характеристиками, в которых были бы выражены сущность и стратегические цели демократического развития страны.

Кроме того, ключевую роль играют отступления от нравственной максимы Конституции РФ, которые проявляются не только в использовании пресловутого административного ресурса на выборах, в случаях судебной практики на основе «телефонного права», в технологиях информационно-коммуникационного манипулирования общественным мнением, но и в повседневной управленческой практике, в процессе принятия больших и малых политических и социально-экономических решений.

Обосновываются они различными аргументами, главным образом стратегической и тактической целесообразностью внутреннего и внешнего свойства, но наносят непоправимый ущерб нравственному состоянию всего российского общества, лишают его веры в сущность демократии, в силу и преобразовательно-регулятивную значимость и функциональность правовых норм Конституции РФ.

Приведение в соответствие декларируемой сущности и реального использования в политической практике конституционных норм в их нравственном контексте вряд ли может быть осуществлено с помощью простой смены политического лидера, как это предлагает радикальная оппозиция. Оно может стать лишь результатом консолидированных усилий всего российского сообщества на всех уровнях. Но предварительным и обязательным условием видится нахождение компромисса между всеми политическими силами современной России на почве осознания ключевой опасности и неизбежности катастрофических последствий продолжения нравственной стагнации российского общества.

Список использованной литературы:

1. См.: Конституция и избирательное право : настоящее и будущее : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Самара, 6 марта 2009 г.) / под ред. В. В. Полянского. Самара : Изд-во «Универс групп», 2009.
2. См.: Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности (к 15-летию Конституции Российской Федерации) : сборник тезисов докладов (по материалам междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 октября 2009 г.) / отв. ред. О. С. Ростова. Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009.
3. *Магадов Ш. Р.* Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.
4. См.: *Хабриева Т. Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция / / Журнал российского права. 2008. № 12.
5. См.: *Эбзеев Б. С.* Конституция Российской Федерации : прямое действие и условия реализации / / Государство и право. 2008. № 7.

И. Н. Вишневецкая

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА : ОПЫТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА

Важнейшее направление анализа уголовно-правовой практики как самостоятельного правового явления – это исследование ее структуры. В своём основном значении структура есть внутреннее устройство чего-либо [8, с. 802]. Внутреннее устройство всегда связано с категориями целого и его частей. Понятие «структура» необходимо рассматривать в его соотношении с более широким понятием «система», в которое включается всё множество проявлений некоторого сложного объекта (его элементы, строение, связи, функции и т. д.). Структура выражает лишь то, что остаётся устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы [2; 10].

Таким образом, под структурой уголовно-правовой практики следует понимать совокупность не всех, но лишь таких связей, отношений и элементов, которые дают ее качественную характеристику как устойчивого правового явления. Конституирующими элементами содержания уголовно-правовой практики (правотворческой, интерпретационной, правоприменительной) выступают объекты, субъекты и участники уголовно-правовой деятельности, юридические действия и операции, средства и способы их осуществления, результаты действий и накопление социально-правового опыта.

Центральным и интегрирующим элементом содержания уголовно-правовой практики является ее субъект. Субъект (лат. ***subjectus***) – активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей индивид (или социальная группа) [14, с. 358]. Уголовно-правовая деятельность осуществляется в правовых, управленческих отношениях, поэтому субъект представлен здесь как носитель политико-правовых, социально–преобразующих отношений. Субъект уголовно-правовой практики – основной, ведущий носитель уголовно-правовой деятельности, без которого не может существовать и сама практика (например, судебная практика – без суда, надзорная практика – без органов прокуратуры, уголовно-исполнительная практика – без уголовно-исполнительных учреждений и т. д.).

В организационно-структурном плане субъект уголовно-правовой практики представляет собой образуемые и действующие в установленном порядке государственные органы и учреждения. Такие субъекты имеют правовой статус, свою компетенцию, т. е. совокупность государственно-властных полномочий, прав и обязанностей, которые определяются исходя из задач, стоящих перед ними в целях осуществ-

ления соответствующих публичных функций [12, с. 55].

Осуществляя уголовно-правовую деятельность, субъект, как правило, может вступать в разнообразные правовые отношения с иными участниками этой деятельности. Причём если субъект является обязательным основным, ведущим носителем указанных отношений, без которого немыслима сама юридическая деятельность, то круг иных участников этих отношений может быть как определен законом и тоже в этом случае будет являться обязательным (например, подозреваемый (обвиняемый) в совершении уголовного преступления, потерпевшие от преступления), так и устанавливаться самим субъектом по его усмотрению и, соответственно будет являться факультативным (свидетели, эксперты и т. д.).

Субъекты и участники уголовно-правовой юридической деятельности выступают в качестве носителей социально-преобразующих, целенаправленных действий, связывающих их с определенными объектами.

«Объект» (лат. ***objectum***) означает предмет – то, на что направлена деятельность субъекта. В теории уголовного права понятие объекта традиционно рассматривается как через призму социальной связи между субъектами, которая, собственно, и является отношением, выражающимся в правах и обязанностях субъектов, так и собственно предмета отношения, т. е. того, по поводу чего эти отношения складываются [5, с. 264–271; 9, с. 141; 11, с. 178–179].

В самом общем виде объектом уголовно-правовой практики служат общественные отношения по поводу самой уголовно-правовой деятельности. Непосредственным же объектом практики является отношение субъектов к предметам внешнего мира как средству удовлетворения потребностей, когда они с помощью действия овладевают известным предметом.

Таким образом, непосредственные объекты уголовно-правовой практики – это то, на что направлены юридические действия и операции ее субъектов и участников, и ими могут быть материальные и нематериальные блага, общественные отношения и конкретные деяния (действия или бездействие) людей, другие предметы и явления, включенные в соответствующий уголовно-правовой процесс и призванные удовлетворять определенные потребности и интересы.

Динамическую сторону уголовно-правовой практики составляют прежде всего юридические действия и операции [4, с. 61–62; 6, с. 12–13]. Юридические действия представляют собой внешне выраженные социально-преобразующие и влекущие определенные юридические последствия акты субъектов и участников уголовно-правовой деятельности. Следует разграничивать материальные уголовно-правовые действия и процессуальные, которые в совокупности и образуют соответствующую следственную, надзорную, судебную и другую практику. Но если процессуальная составляющая этих понятий вполне определена, то проблема наделения субъектов уголовно-правовой практики на основе уголовно-правовых предписаний правом на совершение определенных действий до сих пор законодательно не решена.

Совокупность действий, взаимосвязанных общей целью и необходимостью решения более или менее обособленной в рамках юридического процесса единой задачи, составляет операцию. Из совокупности однородных действий и операций образуются стадии (циклы) уголовно-правовой деятельности.

Любая юридическая деятельность, включая уголовно-правовую, всегда целенаправленна и определяется «путем соотнесения со средствами реализации. … Поскольку же цель не переходит в предмет деятельности, поскольку она не соединяется со средствами реализации, она не является и не может быть конкретной целью деятельности»[13, с. 70]. С психологической же точки зрения цель это «непосредственно

осознаваемый результат, на который в данный момент направлено действие, связанное с деятельностью, удовлетворяющей актуализированную потребность» [7, с. 393].

Под средствами, таким образом, следует понимать предметы (явления, процессы, состояния), с помощью которых обеспечивается достижение соответствующей цели, получение необходимого результата юридической деятельности. Еще Аристотель указывал: «Благо везде и повсюду зависит от соблюдения двух условий, во-первых, от правильного установления конечной цели, а во-вторых, от отыскания соответствующих средств, ведущих к этой цели» [1, с. 330].

Средства, используемые в ходе практической уголовно-правовой деятельности, в своей совокупности составляют важнейший компонент содержания правотворческой, интерпретационной и правоприменительной практики – юридическую технику (например, законодательную, судебную, следственную и др.).

Важным структурным элементом содержательной стороны уголовно-правовой практики являются и способы, методы ее осуществления. Совокупность же способов, приемов, методов юридической деятельности образует юридическую тактику (законодательную, контрольно-надзорную, следственную).

Применяемые в ходе уголовно-правовой деятельности средства и способы, методы составляют в своей совокупности «технологию» уголовно-правовой практики и должны быть достаточными для достижения поставленной цели.

Самостоятельным компонентом структуры уголовно-правовой практики являются ее результаты. Результат – это всегда то, что получено в завершение какой-нибудь деятельности, работы, ее итог [8, с. 697]. Результат уголовно-правовой практики воплощает в себе итог соответствующих операций и действий субъектов и иных участников уголовно-правовой деятельности. Роль и место результата уголовно-правовой деятельности в механизме правового воздействия на общественные отношения всегда определяются его соотношением с теми целями, которые ставятся перед субъектами. Результат, по выражению Гегеля, представляется осуществленной целью [3, с. 26]. По результату всегда судят об эффективности нормативно-правовых предписаний и самой уголовно-правовой деятельности.

В структуре уголовно-правовой практики, наряду с уголовно-правовой деятельностью, важная роль отводится социально-правовому опыту. Под опытом вообще принято понимать совокупность знаний и практически усвоенных навыков, умений [8, с. 470].

Уголовно-правовой опыт является совокупным результатом уголовно-правовой деятельности и ее обобщенным итогом. Такой опыт формируется путем отбора (селекции) в процессе практической уголовно-правовой деятельности всего оптимального, наиболее целесообразного и эффективного, имеющего важное значение для совершенствования уголовно-правовой охраны общественных отношений, дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и практики его реализации.

Таким образом, уголовно-правовая практика представляет собой целостное и самостоятельное правовое явление, сложное единство многих составляющих ее элементов – субъектов и объектов, целей и результатов, практической деятельности и опыта такой деятельности, – отличающееся особыми закономерностями своего формирования, функционирования и развития.

Список использованной литературы:

1. *Аристотель*. Политика. М., 1991.
2. *Блауберг И. В.*, *Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
3. *Гегель Г.* Соч. Т. 7. М., 1934.
4. *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность : понятие, структура, ценность. Саратов. 1989.

5. *Козлов А. Н.* Понятие преступления. СПб., 2004.
6. *Кудрявцев В. Н.* Право и поведение. М., 1978.
7. *Немов Р. С.* Психология. Т. 1. М., 1994.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
9. *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении. М., 1961.
10. *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962.
11. *Таганцев Н. С.* Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. СПб., 1874.
12. *Тихомиров Ю. А.* Теория компетенции. М., 2001.
13. *Трубников Н. Н.* О категории «цель», «средство», «результат». М., 1967.
14. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд. 4-е. М., 1981.

М. А. Волкова

О ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРАХ УЧАСТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Процесс политического рекрутирования составляет большую часть деятельности любой политической партии. Он складывается из нескольких этапов, например подбора и подготовки политических кадров, процедуры выдвижения кандидатов в представительные, исполнительные органы власти, органы местного самоуправления и др. Активное участие политических партий в формировании органов власти является важным и весьма эффективным средством достижения поставленных перед партией электоратом целей и решения первостепенных задач.

Политические партии имеют право участвовать в формировании многих органов государственной власти. Так, при формировании нижней палаты Федерального собрания правом на выдвижение кандидатов обладают партии, имеющие право принимать участие в выборах и выдвигать списки кандидатов (ст. 7 Федерального закона «О выборах депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ»).

Политическая партия вправе выдвигать в составе федерального списка кандидатов граждан Российской Федерации, не являющихся членами данной политической партии. Причем выдвижение в кандидаты партией лиц, не обозначивших свою партийную принадлежность, случается в последнее время все чаще (в федеральном списке кандидатов в депутаты Государственной думы количество лиц, не являющихся членами партии, должно составлять не более 50% общего количества всех кандидатов в списке). Кроме этого, имеется немало примеров, когда партия выдвигала кандидатуры лиц, ранее поддерживавших идеи других политических партий. Такое положение дел свидетельствует об активности политических партий, позволяющей реализовать право граждан управлять делами государства посредством участия в формировании органов власти.

Так, например, на дополнительных выборах депутатов Саратовской областной думы (сентябрь 2013 года) партией «Единая Россия» был выдвинут один из бывших лидеров партии «Патриоты России», победивший в праймериз и выигравший на внутрипартийном голосовании Александр Сидоренко.

При этом депутат Государственной думы Николай Панков пояснил, что «партия «Единая Россия» дает возможность не членам партии «Единая Россия» выдвигаться и быть выдвинутыми. «Единая Россия» в том числе выдвигает кандидатов, которые изъявили желание участвовать. Главное, чтобы их знали…» [1].

Таким образом, практически любой гражданин России, достигший указанного в законодательстве возраста, может быть выдвинут кандидатом от политической партии. Главными критериями «отбора» в этом случае являются, как правило, его значимая общественная либо профессиональная деятельность, способность соблюдать

правила политической этики либо известность в регионе, которая может быть далеко не положительной. Четкого перечня критериев к кандидату с точки зрения его профессиональной деятельности, индивидуальных особенностей поведения и моральных установок не существует. Решение вопроса о возможности выдвижения в кандидаты – субъективная оценка партийного большинства. Все названные критерии имеют место на практике, но не имеют под собой какой-нибудь основы.

Часто решающее значение при решении подобных вопросов имеют вовсе не профессионализм и высокие моральные установки кандидата, а имиджевый и социальный ресурс отдельных лиц (звезд шоу-бизнеса, журналистов, спортсменов), поклонники которых выступают в качестве электоральных «мишеней» [2, с. 49].

Активно обсуждалось в прессе выдвижение в 2013 году кандидатуры Алексея Навального на пост мэра Москвы от партии РПР-ПАРНАС, которое стало возможным только в соответствии с имеющимся у партии правом выдвигать в кандидаты не члена партии, и более того, оппозиционера. При этом не имеет значения, предложил ли сам гражданин партии свою кандидатуру для обсуждения либо партия обратилась к нему с подобным предложением, либо это было обоюдным решением.

Во время президентских выборов также известна подобная практика. Так, 10 декабря 2007 года кандидатура первого вице-премьера Дмитрия Медведева была предложена на должность Президента России партиями «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Аграрная партия» и «Гражданская сила». 4 марта 2012 на выборах Президента РФ кандидатура Владимира Путина была выдвинута сразу несколькими политическими партиями («Единая Россия», «Патриоты России», «Правое дело»).

В связи с этим ни у кого не вызывает сомнения, что данный механизм выдвижения кандидата не из числа членов партии работает и эффективно используется политическими партиями.

В связи с проведенным анализом можно обозначить некоторую неоднозначность норм Федеральных законов «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и «О выборах Президента Российской Федерации», закрепляющих запрет на выдвижение политической партией кандидата – гражданина Российской Федерации, являющегося членом иной политической партии.

Считаем, что если партия не находит в своих рядах достойной кандидатуры для выдвижения, то она может и должна, на наш взгляд, обратить свое внимание на достойных претендентов – членов других политических партий, но только в случае если они не выдвинуты своими партиями. Иначе можно говорить о необоснованном ограничении права гражданина быть избранным и нереализации партией возложенных на нее полномочий. Ограничивая выбор партии кандидатов из членов других политических партий, мы рассматриваем партию как некий закрытый союз, продвигающий в органы государственной власти только своих членов, даже если они не соответствуют высоким требованиям. При этом обеспечение права граждан участвовать в управлении делами государства отходит на самый последний план, поскольку выдвигать знающего, перспективного и действительно «полезного» населению кандидата, но из другой партии, политическая партия не может, чем в первую очередь ущемляются права граждан, в интересах которых партия осуществляет свою политическую деятельность.

Данные нормы-запреты в указанных законах, на первый взгляд, вполне логичны и вытекают из принципов конкуренции политических партий, политического плюрализма, учета интересов электората каждой политической партии.

Если вспомнить о более высоких целевых установках партий, нежели борьба за власть, а также не забывать об основных принципах демократического государства, в

котором права и свободы человека являются высшей ценностью, обозначенные запреты покажутся не вполне логичными. Необходимо вспомнить о «пирамиде» ценностей и исходить не из индивидуальных, а из надындивидуальных ценностей, т. е. ценностей определенного социума. Так, Н. И. Сухова в своем диссертационном исследовании утверждает, что надындивидуальные ценности – это ценности более высокого порядка, которые направлены на достижение согласия между членами общества, преобразование мира, развитие общественных отношений [3, с. 2–4].

Таким образом, учитывая цели создания любой политической партии в правовом государстве, нужно в первую очередь исходить из их надындивидуальных целей – в любой возможной ситуации на первом месте для партии должны стоять интересы электората. Поэтому, не замыкаясь на партийной принадлежности выдвинутого кандидата, партия должна исходить из его политической ценности – полезных качеств управленца и так называемого коэффициента его полезного действия уже после выборов.

В этом случае избранное лицо сможет работат наиболее эффективно и сделать для народа намного больше полезного, нежели те, которые были выдвинуты, если можно так сказать, «для галочки» из рядов самой партии в случае отсутствия более перспективной кандидатуры. Непредсказуемая и еще более нелепая ситуация может сложиться при возможной победе на выборах одной из тех кандидатур, что были выдвинуты формально, дабы создать видимую политическую конкуренцию.

Высказанное нами мнение вполне находит поддержку в некоторых трудах правоведов. В. А. Горбунова и А. А. Кликушина считают, что законный интерес российского народа выражается в том, чтобы был избран достойный кандидат [4, с. 22]. В. И. Осейчук, критикуя систему организации власти и представительства народа, считает, что, «по теории, депутат должен быть наиболее достойным представителем большинства, а на практике он чаще всего представитель меньшинства, поскольку это меньшинство – организованная сила, а большинство, как песок, ничем несвязано и потому бессильно перед меньшинством. По идее, выбор народа в ходе избирательных кампаний должен бы падать на самого разумного и способного, а в действительности он падает на того, кого толкает меньшинство» [5, с. 116].

Таким образом, в целях избежания формализма и искусственности на выборах выдвигаться должны только те кандидатуры, которые наиболее полезны для граждан и эффективны в их будущей деятельности независимо от их партийной принадлежности, если мы будем исходить из самых высоких целей и установок политических партий. Уставы многих политических партий содержат для этого весьма благоприятную почву.

В связи с изложенным предлагаем внести несколько изменений в действующее законодательство о политических партиях, в частности ч. 1 ст. 8 ФЗ «О политических партиях», закрепляющую основные принципы деятельности политических партий, дополнить принципом приоритета интересов избирателей. В предлагаемой редакции она будет выглядеть так: «1. Деятельность политических партий основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления, законности, приоритета интересов избирателей и гласности. Политические партии свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности, за исключением ограничений, установленных настоящим Федеральным законом».

Считаем, что содержание этого основополагающего положения должно быть раскрыто в нормах о порядке выдвижения кандидатов на различные публичные должности. Поэтому предлагаем ч. 3.1 ст. 36 ФЗ «О политических партиях», содержащую запрет политическим партиям выдвигать кандидатами в депутаты, в том числе в составе списков кандидатов, и на иные выборные должности в органах государствен-

ной власти и органах местного самоуправления граждан Российской Федерации, являющихся членами иных политических партий, изменить путем изъятия из текста указанного запрета.

Список использованной литературы:

1. Панков о выдвижении скандального Сидоренко : Мы не можем не пустить его на выборы. URL: http://www.4vsar.ru/news/38466.html (дата обращения: 5.09. 2013).
2. См.: *Вилков А. А.* Конституционно-правовые основы и институциональные возможности участия граждан в оппозиции в современной России // Участие граждан в управлении делами государства : проблемы правового регулирования и реализации в условиях модернизации России. Международный Конституционный Форум. Вып. 2 : сб. науч. статей. Саратов, 2010.
3. *Сухова Н. И.* Механизм обеспечения социальной ценности права : автореф. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
4. См.: *Горбунов В. А.*, *Кликушин А. А.* Защита судами общей юрисдикции публичных интересов избирательного корпуса // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 6.
5. *Осейчук В. И.* Народ России как субъект строительства демократического правового государства социального государства. Тюмень, 2007.

С. В. Володина

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ

В ч. 3 ст. 13 Конституции РФ закрепляется принцип многопартийности и признается политическое многообразие. Особое значение институт многопартийности получил именно благодаря тому, что находится в гл. 1 Конституции, которая посвящена основам конституционного строя.

Абсолютно логично Конституция начинается именно с основ конституционного строя, и уже первые статьи показывают нам, как государство себя позиционирует, какие цели ставит перед собой, на что опирается, что является приоритетным для страны в целом. В гл. 1 говорится о тех важных чертах, которые определяют конституционную природу Российского государства, т. е. регулируются все основные сферы жизни и направления деятельности общества от экономической до религиозной.

Эта глава имеет особый статус и является неизменной, т. е. ее изменение или дополнение автоматически повлечет отказ от ныне действующей Конституции. Это связано с тем, что любые, даже малейшие изменения в ней отразятся на всей Конституции в целом. Положения гл. 1 являются базисными, т. е. именно исходя из них формируются другие статьи и главы Конституции. В соответствии с ч. 2 ст. 16 Конституции «никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации», что показывает их особую значимость. Актуальным в этой связи является вопрос их взаимодействия не только со статьями других глав Конституции РФ, но и между собой. Представляется, что расположение статей в гл. 1 соответствует определенной иерархии – более важные положения находятся в начале главы, а менее значимые в конце.

Появление в российской Конституции главы, посвященной основам конституционного строя, является определенной новеллой в сравнении с конституциями советского периода. Ее введение было не случайностью, а ответным действием, предпринятым в связи с нестабильностью политической ситуации в России в годы, предшествующие принятию новой Конституции. Можно сказать, это была попытка сделать Конституцию более стабильной, как и закрепленный в ней конституционный строй. В то же время другие ее главы могут меняться в зависимости от существенного изменения тех общественных отношений, которые они регулируют, но при этом

оставаться в рамках базовых принципов конституционного строя.

Так что же такое конституционный строй, в чем его особенность и отличие? Чтобы дать определение, нужно разобраться, из чего данное понятие состоит и без чего существовать не может. В этом нам помогут исключительные признаки конституционного строя демократического государства.

Во–первых, это народный суверенитет, выражающийся в признании и гарантировании права народа являться носителем власти.

Во–вторых, это разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную.

В-третьих, как неизменность гл. 1 Конституции гарантирует защиту прав и свобод человека, так и принцип признания высшей ценностью человека, его прав и свобод в своей нерушимости определяет стабильность основ конституционного строя.

Разные определения конституционного строя позволяют нам рассмотреть его как набор базовых общественных отношений, в основе которых лежат суверенитет, народовластие, федерализм, права и свободы человека и др.

Основы конституционного строя России включают такие принципы устройства государства и общества, как:

– человек, его права и свободы (ст. 2);

– народовластие (ст. 3);

– полнота суверенитета РФ (ст. 4);

– равноправие субъектов РФ (ст. 5);

– единое и равное гражданство независимо от оснований его приобретения (ст. 6);

– экономическая свобода как условие развития экономической системы (ст. 8, 9);

– разделение властей (ст. 10);

– гарантии местного самоуправления (ст. 12);

– идеологическое многообразие (п. 1 ст. 13);

– политический плюрализм (принцип многопартийности) (п. 3 ст. 13);

– признание светского государства (ст. 14);

– приоритет закона (ст. 15);

– приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России перед национальным правом (п. 4 ст. 15);

– особый порядок изменения положений Конституции РФ, составляющих основы конституционного строя (ст. 16).

Несмотря на самодостаточность каждого из принципов, мы можем проследить их тесную взаимосвязь и с утратой функции одного принципа функции другого могут быть потеряны либо не смогут в дальнейшем отвечать заявленным требованиям. Исходя из этого попытаемся найти точки соприкосновения и взаимовлияния принципов многопартийности и народовластия.

Принцип народовластия является одним из основополагающих в действующей Конституции и напрямую вытекает из определения России как демократического государства (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ). В ч. 1 ст. 3 Конституции говорится, что «единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ». В п. 2 ст. 3 также указывается, что народовластие выражается как в представительной, так и в непосредственной, или прямой форме. В соответствии с п. 3 ст. 3 «высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы». Из вышесказанного становится ясно, что принцип многопартийности, или политического многообразия, поддерживает осуществление народной власти. Пред-

ставительная форма демократии есть форма представления воли народа законными избранниками, прошедшими в государственные органы и призванными в дальнейшем выражать интересы своего электората. Гарантией реализации представительной формы народовластия является регулярность и своевременность выборов. Также важно подчеркнуть, что актуальность политического многообразия была бы сведена на нет при отсутствии народовластия, поскольку именно демократический режим является единственно приемлемым для развития многопартийности. Поэтому в п. 4 ст. 3 Конституции РФ говорится, что «никто не может присваивать власть…» , т. е. о косвенном запрете на монополизацию власти, о невозможности обратного перехода от демократии к тоталитарному режиму или от республики к монархии.

Принцип разделения властей на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную – при однопартийной системе может провозглашаться, но не может быть полностью осуществлен. Это связано с риском того, что одна единственная партия станет контролирующей и доминирующей над всеми ветвями власти, что в корне изменит их деятельность. Существование однопартийной системы и принципа разделения властей одновременно представляет собой противоречие, поскольку смысл принципа разделения властей заключается в рассредоточении власти, дабы не допустить ее концентрации в одних руках, тогда как однопартийная система, наоборот, способствует диктатуре и единовластию. Если при однопартийной системе власть принадлежит какой-то одной партии, то принцип разделения властей означает наделение властью определенных органов в соответствии с законом.

Нормами ст. 13 Конституции устанавливаются два принципа, определяющих формирование и развитие политической системы российского общества.

Прежде всего это принцип идеологического многообразия. Его содержание сводится к тому, что ни одна идеология не имеет права становиться государственной или обязательной для всех. В политической среде, определяемой как сфера управления, где складываются позиции, называемые идеологией, именно политические партии являются не просто носителями, но выразителями идеологических установок, которые затем оформляются пунктами их политических программ.

Переходя к принципу политического плюрализма (или политического многообразия), мы в который раз отмечаем взаимосвязанность таких понятий, как идеология, плюрализм мнений и многопартийность. То, что они объединены в одной статье Конституции РФ, неслучайно, ведь все эти понятия не просто дополняют, а формируют структуру и усиливают позиции – можно сказать, убирают пробелы – в вопросах существования и функционирования данного принципа. Поэтому неудивительно, что организационным воплощением плюрализма мнений является многопартийность. Политическая партия выражает интересы определенной части общества, представители которой разделяют и поддерживают соответствующую политическую идеологию, программные установки. В условиях многопартийности у гражданина должна быть возможность выбора как соответствующей идеологии, так и партии, являющейся ее носителем.

Содержание принципа многопартийности определяется тем, что государство не может диктовать количество политических партий, их идеологическую направленность, но оно устанавливает правовой статус этих организаций. Согласно Федеральному закону «О политических партиях», деятельность политических партий не должна противоречить требованиям законности, а их цели – основам конституционного строя, правам человека, национальной безопасности России [1].

Принципы, которые составляют основу конституционного строя, в свою очередь, находят свое дальнейшее развитие и отражение и в других главах и статьях конституции. Так, например, основными статьями, поддерживающими и дающими воз-

можность функционирования принципа многопартийности, являются:

1) принцип равенства общественных объединений (включая политические партии) перед законом (ч. 4 ст. 13) и судом (ч. 1 ст. 19);

2) гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от принадлежности к общественным объединениям (ч. 2 ст. 19);.

3) гарантии свободы мысли и слова (ч. 1 ст. 29);

4) гарантии свободы массовой информации (в том числе исходящей от политической партии) (ч. 5 ст. 29);

5) гарантии права каждого на объединение (ч. 1 ст. 30);

6) запрет принуждения к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нём (ч. 2 ст. 30);

7) право на участие в выборах и референдуме (ч. 2 ст. 32);

8) право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33) (см. подробнее п. «и» ст. 26 Закона);

9) право коллективной собственности (ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 35);

10) право на судебную защиту своих прав и свобод (ч. 1 ст. 46);

11) право на участие в местном самоуправлении путём организации референдума, выборов и других форм прямого волеизъявления (ч. 2 ст. 130).

Необходимо отметить, что равенство всех общественных объединений перед законом выступает особенностью реализации данных принципов. Также ч. 5 ст. 13 Конституции устанавливается запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Анализ конституционных основ многопартийности показывает, что в Российской Федерации конституционно гарантировано право на объединение (согласно ч. 1 ст. 30 Конституции РФ) и особым видом общественного объединения выступает политическая партия (ст. 8 Федерального закона «О политических партиях»).

Правовое государство, с одной стороны, защищает демократический конституционный строй, а с другой – в правовых нормах закрепляется свобода образования и деятельности политических партий в качестве неотъемлемого признака демократического правового государства, основы его конституционного строя.

Список использованной литературы:

1. См.: О политических партиях : Федеральный закон от 11 июля 2001 г. (ред. от 7 мая 2013 г.) № 95-ФЗ / / СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950 ; 2013. № 19. Ст. 2329.

Д. С. Воробьева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДЕТСТВА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В соответствии со ст. 7 Конституции РФ одной из составляющих основ конституционного строя России провозглашается принцип социального государства. Содержание данного принципа раскрывается в ч. 2 указанной статьи, в которой наравне с установлением системы социальных служб, пособий и иных гарантий социальной защиты говорится об обеспечении государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

В юридической литературе можно столкнуться с разныь подходом к определе-

нию понятия социального государства – среди его характеристик называются осуществление социальной защиты, оказание социальной поддержки, предоставление социального обеспечения. Во многом становление социального государства «…зависит от статуса его первичной ячейки – семьи, защищенности материнства и детства» [7, с. 238]. В этой связи представляет интерес, как соотносятся понятия «защита детства» и «социальная защита».

С одной стороны, исходя из ч. 2 ст. 7 и п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ следует, что непосредственно составной частью социальной защиты является социальное обеспечение, но не защита семьи, материнства, отцовства и детства.

С другой стороны, в ряде нормативных актов прямо говорится о социальной защите детей, например в Постановлении Госдумы РФ 1996 г. «О социальной защите и поддержке семьи, детей и молодежи» [4], Федеральном законе 1996 г. «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ст. 1) [2], Федеральном законе 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ст. 13, ч. 2 ст. 14.1, ч. 1 ст. 16, ч. 1 ст. 23) [3].

По мнению У. А. Старшовой, «социальное государство – это государство, которое обеспечивает социальную защиту малоимущим и социально уязвимым гражданам…» [12, с. 189], к числу которых относятся и дети.

Дети – это особая социальная группа, объединяющая лиц, не достигших возраста 18 лет. Особенностью данной группы является ее значимость для последующего существования и развития всего народа, нации. В силу своей физической и умственной незрелости дети нуждаются в заботе как со стороны своих родителей или лиц их заменяющих, так и государства и общества в целом.

Необходимо отметить, что какого-либо упоминания об участии общества в заботе, поддержке, защите своих будущих поколений в Конституции РФ не содержится (в отличие, например, от таких государств, как Болгария (ст. 14, 47 Конституции), Бразилия (ст. 227 Конституции), КНДР (ст. 49 Конституции), Куба (ст. 3 Конституции), Молдова (ст. 48, 49 Конституции), Франция (Преамбула Конституции)) [13]. Но, думается, с постепенным снижением патерналистской роли государства (в контексте перехода к рыночной модели хозяйствования и развития идеи гражданского общества) это должно иметь место в действительности.

В научных кругах наблюдается переосмысление взглядов на осуществление государством социальной функции. С одной стороны, указывается на опасность расширения «государственного вспомоществования» [8, с. 168], говорится о том, что «меры государственной поддержки не должны провоцировать в обществе иждивенчество…» [11, с. 106]. Интересную мысль высказывает Г. Н. Комкова – о том, что социальная функция государства должна постепенно отмереть [9, с. 118].

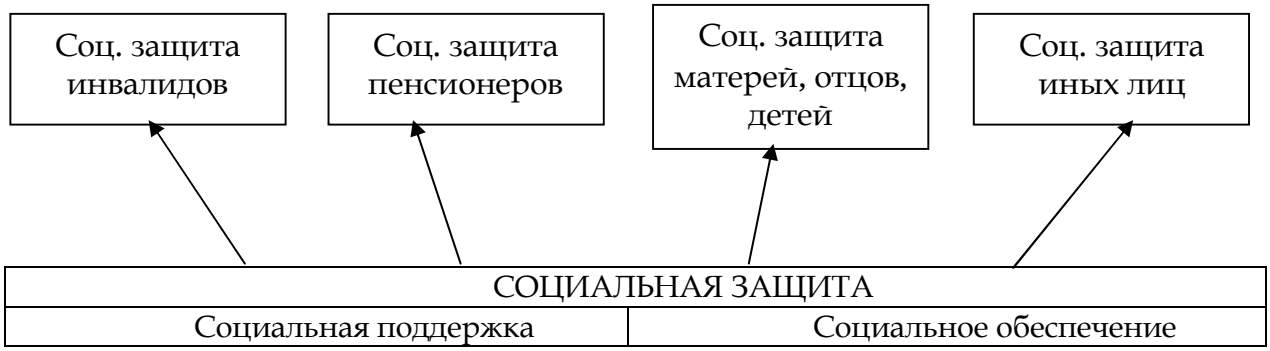
Однако с другой стороны, в условиях существующего неравенства, расслоения на богатых и малообеспеченных потребность в социальной защите определенных категорий граждан, в частности детей, в нашей стране не снижается. Например, в особой поддержке нуждаются дети, оставшиеся без родительского попечения. При этом стоит констатировать, что направленный на урегулирование правоотношений в данной сфере Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» имеет существенные недостатки. Так, в нем не дается толкования терминов «социальная поддержка», «социальная защита», их «гарантий» и «мер», происходит подмена, смешение понятий (как в ст. 1 при определении дополнительных гарантий по социальной поддержке и в ст. 2, где уже говорится о дополнительных гарантиях по социальной защите).

Не явствует точное и четкое определение анализируемых понятий и из иных нормативных актов. Данное упущение отмечается многими специалистами. Напри-

мер, В. И. Радуто обращает внимание на то, что в ряд нормативных актов были внесены изменения, в результате чего вместо термина «социальная защита» стал использоваться термин «социальная поддержка» [10, с. 16]. Разъяснение обозначенных нововведений в законодательстве не приводится.

Указанные деффекты создают препятствия на пути реализации нормативных предписаний. В некоторых случаях отсутствует конкретика совершаемых действий. Зачастую ее отсутствие порождено отсутствием определенности на самом высоком – законодательном – уровне. Это наглядно демонстрируется и вышеназванным нормативным актом, и другими – в частности, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. В п. 8 раздела III Концепции декларируется полное завершение к очерченному сроку «…процесса модернизации и развития системы социального обслуживания семей и детей в соответствии с международными стандартами … в развитых европейских странах» [5]. Но при этом не уточняется, что включается в систему социального обслуживания, какие международные стандарты имеются в виду и каких конкретно развитых стран.

В результате исследования значительного массива нормативного материала и юридической литературы в области социальной защиты и защиты детей представляется обоснованным изобразить следующую схему соотношения рассматриваемых понятий:



Как следует из схемы, социальная защита адресована тем или иным социальным группам. Круг данных лиц представлен частично в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ – это трудящиеся, лица, имеющие проблемы со здоровьем, матери, отцы, дети, семья в целом, инвалиды, пожилые граждане (уместнее было бы указать «пенсионеры»), иные лица, имеющие право на получение государственных пенсий, пособий, иных гарантий социальной защиты. В соответствии с федеральным законодательством к их числу также относятся работники отдельных сфер производства, должностные лица и сотрудники различных органов и ведомств, члены их семей; граждане, подвергшиеся воздействию аварий, катастроф; ветераны и некоторые другие. Как видим, круг адресатов социальной защиты, предоставляемой государством, достаточно широк и говорить об «отмирании» его социальной функции пока не приходится.

Таким образом, социальная зашита детства входит в понятие социальной защиты и наравне с другими ее разновидностями включает в себя меры социальной поддержки и меры по социальному обеспечению. И если суть последней составляющей (меры по социальному обеспечению) сводится в основном к денежным выплатам [6, с. 770; 12, с. 191], то, как было показано выше, определение «социальная поддержка» вызывает некоторые затруднения, которые, думается, могут и должны быть разрешены только непосредственно на законодательном уровне.

При этом стоит обратить внимание на то, что, помимо социальной защиты Европейской социальной хартией, например, предусматривается также правовая и эко-

номическая защита детей и семьи (ст. 16, 17) [1]. И соотношение этих двух видов социальной защиты также нуждается в дополнительном рассмотрении и изучении.

Список использованной литературы:

1. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 3 мая 1996 г.) : ратифицирована Федеральным законом от 03 июня 2009 г. № 101-ФЗ // Бюллетень международных договоров. 2010. № 4.

2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880 ; 2013. № 48. Ст. 6165.

3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802 ; 2013. № 49 (ч. I). Ст. 6329.

4. О социальной защите и поддержке семьи, детей и молодежи : Постановление ГД ФС РФ от 5 декабря1996 г. № 881-II ГД // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5754.

5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009) // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489 ; 2009. № 33. Ст. 4127.

6. *Авакьян С. А.* Конституционное право России. Учебный курс : учеб. Пособие. В 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2010.

7. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

8. *Арановский К. В., Князев С. Д.* К вопросу об основаниях социальных прав и о субъектах правоотношений, с ними связанных // Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2012.

9. *Комкова Г. Н.* Социальное государство в России и зарубежных странах : сравнительный анализ конституционного регулирования // Возможности адаптации зарубежного опыта : сб. науч. статей. Вып. 1. Саратов, 2005.

10. *Радуто В. И.* О правовом наполнении понятия «социальная защита» // Социальное и пенсионное право. 2011. № 1.

11. *Сергеев А. А.* Признаки социального государства в современной российской политической и правовой доктрине // Конституционное право и политика. М., 2012.

12. *Старшова У. А.* Социальная политика как основа функционирования социального государства в России // Вестник СГЮА. 2013. № 4.

13. Конституции государств (стран) мира // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. [Сайт]. URL: http://worldconstitutions.ru/ (дата обращения: 09.01.2014).

М. Т. Габдуалиев

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ – ЯДРО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Возросшее внимание исследователей к проблеме конституционализма определяется объективными потребностями социально-политического развития общества. Теория конституционализма – это широкая многогранная проблема, находящаяся на стыке философии, истории, политологии, социальной психологии, юриспруденции.

В коллективной монографии «История буржуазного конституционализма XIX века» отмечается, что «в России, как и на Западе, история конституционализма есть область общественного движения – революционного и оппозиционного (либерального), область за политическую свободу» [1, с. 201]. В политических исследованиях справедливо акцентируется внимание на том, что «проблема конституционализма является одной из основных не только в политико-правовой науке, но в современной практике функционирования политического процесса, основными объектами которого выступают общество и государство» [2, с. 3].

Профессор А. Н. Медушевский указывает на проблему определения границ понятия «конституционализм»: «…одни исследователи склонны понимать конститу-

ционализм как чрезвычайно абстрактное понятие с неопределенным содержанием, которое может быть установлено только в ходе практики его применения; другие, напротив, считают, что это понятие вполне определенно и реально. Собственно, различен масштаб понятия: если одни включают в него не только собственно юридические параметры, но и общекультурные, то другие являются сторонниками узкой (юридической) трактовки» [3, с. 29].

Известный исследователь в области политологии В. В. Кочетков определяет конституционализм как «философско-юридическую доктрину, а также реальную практику государственного строительства, которая считает возможным и необходимым строить на рациональной (договорной) основе систему государственного управления, взаимоотношений между гражданином и властью, а также между гражданами. Эта доктрина исходит из признания равного достоинства за каждым свободно определяющимся (суверенным) субъектом социума (индивид, группа граждан, нация). Данное признание достоинства реализуется через предикацию естественных и неотчуждаемых (гарантия свободы разума и воли в рамках правил поведения данного общества) прав (свободы делать / не делать что-либо) гражданина, объединений граждан, наций, государств, при условии признания последним (последними) и честного следования всей совокупности рациональных правил общественной жизни» [4, с. 153].

В трудах западных ученых под конституционализмом понимаются возлагаемые на политических игроков обязательства, связанные с соблюдением ограничительных принципов в форме гражданских прав, а также разделения властей [5; 6, с. 25–44]. Венгерский ученый Ш. Андраш удачно замечает, что «конституционализм – это ограничение государственной власти в интересах общественного спокойствия. Он стремится охладить текущие страсти, не угрожая эффективности управления» [7, с. 20].

Французский исследователь Ж.-Л. Шабо отмечает, что в сравнении с понятием конституции конституционализм представляет собой теорию объяснительного характера и с идеологической направленностью. То есть речь идет о течении, выходящем за рамки юридической технологии и кроющихся за ней политических реальностей с тем, чтобы попытаться наделить определенный тип конституции достоинствами, которые, думается, превосходят его потенциал [8].

Другой французский ученый Я.-Э. Лэйн в своей статье «Демократия и конституционализм» отмечает, что конституционное государство усиливает стабильность социальных решений с помощью нескольких механизмов. Во-первых, объявляя определенные гражданские и политические права непреложными, оно способствует стабильности путем исключения ряда альтернатив из числа потенциальных социальных решений. Во-вторых, требуя разделения властей, оно делает более сложными некоторые типы решений, предоставляя различным органам или лицам возможность в той или иной точке приостановить процесс их принятия с помощью вето, что также укрепляет стабильность. Наконец, к росту стабильности ведет и наличие писаных конституций, наделенных особым статусом (вследствие чего их гораздо труднее изменить, чем обычные законы), и это означает, что для принятия ряда решений необходимо особое большинство [9].

Ю. В. Дьяченко в своей работе «Конституционализм как основа культуры демократии» указывает, что конституционализм выступает одним из принципов демократии. Как основной регулятор государственно-общественных отношений во всех сферах жизни он особенно актуален на современном этапе своего развития. Конституционализм как политический принцип определяет фундаментальные основы организации власти современного государства [10, с. 3].

По мнению профессора В. И. Крусса, философия конституционализма призвана говорить о том, *как*, а значит, и *для чего*, может и должна быть принципиально организована и упорядочена общественная жизнь свободных людей [11, с. 214].

Профессор В. Г. Графский приходит к выводу, что конституционализм есть нечто обдуманно учреждаемое в виде институтов и норм (благодаря замыслам, идеям и программному требованию определенного политического реформаторства, движения) либо учрежденное формально (т. е. уже закрепленное законодательно и организационно в виде институциональных учреждений и процедур) и функционирующее реально (пребывающее в постоянном целенаправленном и процедурно-выверенном варианте деятельности) в целях безопасности лиц и имущества. Главное назначение такого устройства – возведение преграды для произвола и насилия в любой области общенародной социальной и политической деятельности, и в первую очередь в деятельности государственных учреждений [12, с. 12].

По определению профессора С. А. Авакьяна конституционализм – это «сложная общественно-политическая и государственно-правовая категория, основу которой составляют идеалы конституционной демократии (т. е. демократии, базирующейся на наличии конституции как особом документе государства и общества), наличие определенных институтов власти, соответствующего конституции политического режима и система защиты ценностей демократии, прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя в целом» [13, с. 304]. Данную позицию разделяет и профессор Н. М. Добрынин, немало работ посвятивший проблемам теории и практики конституционализма [14, с. 8; 15, с. 5; 16, с. 14].

По справедливому мнению профессора В. Т. Кабышева, конституционное право и конституционализм неразрывно связаны, интегрированы единым методологическим подходом. Сегодня теория конституционализма представляет собой сердцевину, ядро науки конституционного права и концентрирует весь спектр конституционных проблем. Конституционализм в науке конституционного права выступает как синтезированное понятие, воплощающее наиболее значимые явления конституционного строя и конституционной практики [17, с. 13]. При этом профессор В. Т. Кабышев и профессор Т. М. Пряхина отмечают, что конституционализм – это весь комплекс проблем, связанных с воплощением в Основном Законе системы правовых ценностей, обеспечение их верховенства, приоритетности и реальности [18, с. 32].

Профессор И. А. Кравец считает, что «конституционализм включает набор идей, принципов и правил, совокупность которых имеет дело с решением вопроса о том, как развивать правовую и политическую систему, которая исключала бы произвол, насколько это возможно, и гарантировала бы основные права и свободы личности, публичную и частную жизнь индивида. Конституционализм можно определить как гармоничное правление в хорошо организованном обществе в условиях правового порядка» [19, с. 32].

Конституционализм – это движение к правовому конституционному государству, в котором Конституция (основной закон государства) закрепляет основные принципы демократического конституционного строя – народовластие, верховенство права в жизни общества, связанность государства в своей деятельности правовыми законами, незыблемость прав и свобод личности, разделение властей, государственный суверенитет, федерализм, политический плюрализм, многообразие форм экономической деятельности, светский характер государства, самостоятельность местного самоуправления [20, с. 20].

Профессор О. Е. Кутафин, говоря о современном российском конституционализме, отмечал, что «он носит в значительной мере характер мнимого конституционализма, поскольку отличается неустойчивостью, возможностью обращения вспять,

очевидной вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность – авторитаризм» [21, с. 7].

В этой связи актуален тезис о том, что «анализ проблем конституционализма не должен абстрагироваться от реалий государственной и общественной жизни, на которые накладываются нормы Основного Закона в процессе их реализации. Не пустое критиканство либо слепое восхваление, а раскрытие потенциальных возможностей и достоинств Конституции – вот главная задача теории конституционализма» [18, с. 33].

Профессор Н. С. Бондарь обосновал, что конституционализм как одно из фундаментальных и сложнейших в юридической науке понятий по своей природе и содержанию касается глубинных пластов общественного сознания, правовой идеологии, нормативно-правовой системы, практики государственно-правовой жизни. Одновременно реальный конституционализм (а не фиктивно-декларативный) представляет собой понятие не только публично-правовое, но и нравственно-этическое [22, с. 16].

В монографии Н. А. Бобровой «Конституционный строй и конституционализм в России» данная категория определяется как «взаимозависимое сочетание (система) конституционной *идеологии*, конституционной *теории*, конституционного *законодательства* и конституционной *практики*, подразделяемой на практику политического конституционного процесса и практику *действия*, *реализации*, *гарантирования и охраны* конституционных норм, принципов и институтов» [23, с. 24].

Л. В. Сонина определяет конституционализм как «политико-правовой режим, заключающийся в конституировании индустриального (постиндустриального) общества и установлении в нем начал конституционности (гармонии, справедливости) с целью обеспечения его равновесного существования и развития путем воплощения в праве, правосознании, общественно-государственном устройстве идей (ценностей) приоритета конституционного законодательства, обеспечения человеческого достоинства, прав и свобод человека и гражданина, демократии и децентрализации, сильной государственной власти, свободы экономической деятельности, иных идей (ценностей), а также путем выделения в обществе социальных групп, способных отстаивать названные идеи (ценности)» [24, с. 7].

М. Ю. Пахалов отмечает, что конституционализм – это в первую очередь идея того, что государственная власть может и должна быть ограничена и что ее (власти) устойчивость и эффективность так или иначе основывается на том, насколько хорошо эти ограничения соблюдаются [25, с. 87]. По мнению И. Л. Честнова, конституционализм – это учение о конституции, призванное дать теоретическое обоснование ее сущности [26, с. 145].

А. А. Арутюнян, говоря о формально-правовой стороне конституционализма, понимает под ним наличие в обществе основного закона государства (конституции), определяющего разделение и объемы полномочий разных ветвей власти и гарантии прав граждан. При этом право признается обязательным и для правителей, и для управляемых [27, с. 85].

Профессор С. К. Амандыкова считает, что «конституционализм представляет собой реальный механизм, закрепленный в конституции и иных конституционно-правовых актах, легитимирующий государственную власть, способствующий приданию государственной власти авторитета в обществе, основанной на признании всеобщих прав человека и суверенитета народа, закрепляющий либерально-демократические идеи. Конституционализм – это реальный механизм демократии, который предполагает конституционно-правовую регламентацию и защиту прав и

свобод личности» [28, с. 10].

Казахстанским ученым Д. М. Баймахановой предложено определение конституционализма как «целостной системы идей и деятельности, направленной на создание конституционно-правовых норм, закрепляющих основные права человека, основы организации общества и государства, а также обеспечивающей их правильное применение в регулировании правовых отношений с участием человека, институтов гражданского общества и государства» [29, с. 9; 30, с. 16].

По мнению К. К. Айтхожина, «под конституционализмом можно понимать совокупность политико-правовых идей и взглядов, в которых воплощены представления о Конституции как основном юридическом законе, демократическом и правовом государстве, человеке как высшей ценности государства, конституционном оформлении важнейших государственно-правовых ценностей и институтов, а также методах и путях реализации конституционных принципов, норм и институтов» [31, с. 12].

Профессор Ю. Л. Шульженко, говоря о разнообразии определений понятия «конституционализм», выделяет две основные, наиболее общие стороны конституционализма – во-первых, его реальную государственно-правовую практику и, во-вторых, теоретическую разработку данных вопросов [32, с. 41–42].

Таким образом, конституционализм представляет собой центральную категорию, ядро науки конституционного права, включающее теорию о конституционном государстве и практику ее (теории) воплощения в жизни. И как необоснованно расширительное понимание конституционализма, так и недопустимо сужение его смысла. Конституционализму и науке конституционного права присущ единый методологический инструментарий. При этом теория конституционализма имеет онтологическое начало при исследовании институтов конституционного права, и в этом смысле конституционализм есть философия конституционного права.

Список использованной литературы:

1. *Грацианский П. С., Егоров С. А. и др.* История буржуазного конституционализма XIX в. М., 1986.
2. *Лисицин Д. В.* Российский конституционализм как модель взаимодействия общества и государства : дис. … канд. полит. наук. Ставрополь, 2004.
3. *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.
4. *Кочетков В. В.* Социальный вопрос и конституционализм // Полис. 2012. № 2.
5. Constitutionalism : Philosophical Foundations / ed. by L. Alexander. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
6. ***Bellamy R***. The Political Form of the Constitution : the Separation of Power, Rights and Representative Democracy //Bellamy R., Castiglione D. Constitutionalism in Transformation : European and Theoretical Perspectives. Oxford ; Cambridge, MA : Blackwell, 1996.
7. *Андраш Ш.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / пер. с венг. А. П. Гуськовой, Б. П. Сотина. М., 1999.
8. *Шабо Ж.-Л.* Конституция и конституционализм // Полис. 1998. № 6.
9. *Лэйн Я.-Э.* Демократия и конституционализм //Там же.
10. *Дьяченко Ю. В.* Конституционализм как основа культуры демократии : автореф. дис. … канд. полит. наук. Саратов, 2013.
11. *Крусс В. И.* Философия современного конституционализма и проблема злоупотребления правом //Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010.
12. *Графский В. Г.* Конституционализм как предмет изучения // Право. 2009. № 3.
13. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2000.
14. *Добрынин Н. М.* Деконституционализация – ожидаемое или норма жизни ? // Государство и право. 2010. № 5.
15. *Он же.* О категории целеполагания в контексте конституционализма // Государство и право. 2011. № 11.

16. *Он же*. К вопросу о территориальном измерении конституционализма / / Государство и право. 2012. № 1.

17. *Кабышев В. Т.* К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Часть 1. / / Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. статей. Саратов. 2004. Вып. 5.

18. *Кабышев В. Т., Пряхина Т. М.* Теоретические проблемы российского конституционализма / /Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 2.

19. *Кравец И. А.* Российский конституционализм : Проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004.

20. *Коноваленко О. Л.* Становление и развитие конституционализма в России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

21. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М., 2008.

22. *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.

23. *Боброва Н. А.* Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003.

24. *Сонина Л. В.* Конституционализм в Российской Федерации как политико-правовой режим : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеренбург, 2001.

25. *Пахалов М. Ю.* Конституционализм : к вопросу о понятии / /Философия права и конституционализм (материалы Четвертых философско-правовых чтений памяти В. С. Нерсесянца, 2 октября 2009 г. Москва). М., 2010.

26. *Честнов И. Л.* Онтология конституционализма : диалого-антропологический подход / / Там же.

27. *Арутюнян А. А.* Конституционализм: проблемы постсоветской реальности. М., 2013.

28. *Амандыкова С. К.* Становление доктрины конституционализма в Казахстане : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. Алматы, 2005.

29. *Баймаханова Д. М.* Проблемы прав человека в системе конституционализма в Республике Казахстан : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Алматы, 2009.

30. *Баймаханова Д. М.* Основы конституционного строя как один из компонентов конституционализма / / Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2011. № 3.

31. *Айтхожин К. К.* Теоретические вопросы Конституции Республики Казахстан : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Алматы, 2008.

32. *Шульженко Ю. Л.* У истоков современного российского конституционализма / / Актуальные проблемы государства и права / отв. ред. А. Г. Лисицын-Светланов. М. : Труды Института государства и права РАН. 2010. № 3.

Д. А. Гаврилов, Ю. А. Гаврилова

СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Проблема конституционализма в современном российском праве практически не рассматривается в контексте общей проблематики смысла права. Между тем потребность в таком анализе давно назрела потому, что представители различных юридических дисциплин зачастую говорят о сходных по смыслу феноменах правовой действительности в рамках понятийного аппарата и терминологии соответствующей отрасли права или законодательства. Думается, что данная ситуация относится и к конституционализму как величайшему достижению буржуазных революций конца XVI – конца XVIII века и ценности западноевропейской цивилизации.

Как известно, в наиболее общем виде конституционализм – это политико-правовая теория и практика организации государственной и общественной жизни на правовых началах, в системе которых главенствующую роль играет конституция. При этом важен не только факт наличия (формального соблюдения) конституции, но и эффект реальной связанности всех институтов публичной власти в своих действиях и решениях требованиями конституционных норм, высокий авторитет конституции, уважение выраженных в ней принципов в общественном мнении, действительное воплощение сформулированных ею положений в правосознании, законодательстве и реализации права. Когда мы произносим слово «конституционализм», в

образно-ассоциативном ряду этого термина возникают символы демократии, разделения властей, признания и реальной гарантированности широкого круга прав и свобод человека и гражданина, конституционного строя, многопартийности, идеологического плюрализма, господства права в общественной жизни и использования цивилизованных правовых способов разрешения социальных конфликтов государством и т. п. Все отмеченные символы в той или иной степени определяют содержание современного конституционализма.

Особенность современной проблемной ситуации с конституционализмом состоит в том, что многие выражаемые им принципы, формы и методы деятельности субъектов конституционного права аналогичны идеологии и теории правового государства. Существует точка зрения, что конституционное государство (а значит, и конституционализм как неизбежный продукт его формирования) предшествует правовому государству. В таком случае развитие идет от преходящих законов каждого поколения к универсальным, вневременным законам нации, нерушимости и преемственности политического строя или конституции (*конституционное государство*), к последующему его закреплению в виде юридической конституции-устава, когда право и конституция выше государства, однако именно государство призвано придать им юридическую форму и гарантировать их незыблемость (*правовое государство*) [1, с. 127–140]. В настоящее время часто можно наблюдать, когда в общей теории права рассуждают о правовом государстве [2, с. 145], а в науке конституционного права в большей мере употребляют термин «конституционализм» [3]. Отсюда смысловой подход представляется наиболее адекватным для обеспечения совместимости указанных научных подходов.

В связи с тем, что смысл – это сложная и многомерная структура знаний и информации об окружающем мире, отражающая внутреннее строение этого мира в различных концептуальных единицах (понятиях, образах, символах, ценностях, нормах и т. д.), можно выделять разные учения о смысле, одним из которых является полевая теория. О возможностях этой полевой теории смысла в праве одним из соавторов данной работы опубликован ряд монографий и статей [4].

Представляется, что отечественному конституционализму как любому политико-правовому явлению свойственно собственное смысловое поле, т. е. целостное и многогранное содержание, объективируемое в различных ценностных, логико-понятийных и языковых формах. Данное поле состоит из нескольких более конкретных, детальных слоев, каждый из которых в этой концептуальной схеме представляет собой определенный уровень развертывания смыслового содержания конституционализма.

Российский конституционализм имеет смысловое ядро, включающее в себя конституционные ценности, конституционные идеи и конституционно-правовые нормы, и смысловую периферию, охватывающую многообразную конституционно-правовую практику и связанную с ней политическую, экономическую, культурно-воспитательную и иную деятельность социальных субъектов.

Если анализировать в качестве смысловых первоначал конституционализма конституционные ценности, то, как отмечает Г. Н. Комкова, система конституционных ценностей недостаточно разработана юридической наукой и практикой, требует своего серьезного осмысления и анализа. Как представляется, система конституционных ценностей являет собой упорядоченную совокупность предметов интереса, желания граждан, а также обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, которые характеризуются внутренней согласованностью, взаимосвязью входящих в неё компонентов и направлены на наиболее полную реализацию личностных и общественных интересов. Содержание категории ценностей является

определяющим для системы конституционного права, и от того, что именно будет признано в качестве конституционных ценностей, зависит не только построение данной отрасли права, но и состояние всего российского общества и государства [5, с. 48].

Действительно, такие априорные человеческие представления (ценности) о жизни, свободе, безопасности, достоинстве, справедливости, порядке важны сами по себе, а будучи рационально осмысленными, осознанными и переработанными в мышлении граждан, трансформируются в конституционные идеи и принципы, формирующие общую «ткань» конституционного законодательства и определяющие его непосредственное нормативно-юридическое содержание.

По мнению О. С. Смородиной, конституционные идеи выступают основополагающим элементом конституционализма и являются теоретической основой охраны и защиты конституционных ценностей, а также их реализации в деятельности институтов современного российского общества. Как категория науки конституционного права конституционные идеи представляют собой систему теоретических суждений о конституционном государстве, государственном устройстве страны, форме правления, организации и функционировании системы органов государственной власти, механизмах обеспечения действия принципа разделения властей, гарантиях обеспечения прав и свобод человека и гражданина, институтов гражданского общества, конституционного строя в целом [6, с. 6].

Как совокупность представлений о путях и способах совершенствования конституционной сферы жизни общества, конституционные идеи положены в основу конституционно-правовых норм, выступающих еще одним ядерным смысловым компонентом отечественного конституционализма. Это простейшие фундаментальные правила поведения граждан и органов власти в наиболее жизненно важных сферах, затрагивающих основы устойчивости общества и государства, а умышленное или длительное невыполнение этих требований и правил позволяет говорить о разрушении, девальвации и нивелировании Конституции как ценности и базовой идеи современности, несформированности конституционализма как основы культуры демократии в России [7]. Согласно ст. 29.1 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», нарушение Конституции Российской Федерации, федеральных законов и указов Президента Российской Федерации может служить основанием для отрешения от должности главы исполнительной власти (высшего должностного лица) субъекта Российской Федерации [8].

Наконец, вся мощь и регулятивный потенциал Конституции Российской Федерации проявляются в полной мере тогда, когда конституционные ценности, идеи и нормы становятся частью повседневной жизни, привычной составляющей юридически значимого поведения населения страны. В этом плане особая роль отводится практике конституционного правосудия, которая выполняет функцию адаптации прямых норм Конституции Российской Федерации и конституционного законодательства к потребностям реальной жизни, а также устанавливает систему правовых ограничений и запретов для власти посягать на неотъемлемые права и свободы личности, одновременно обязывая власть охранять, защищать и восстанавливать в необходимых случаях права человека и гражданина. В этой связи мера приближения конституционно-правовой практики к уровню, адекватному и тексту, и духу современной российской конституции, свидетельствует о степени связи ядерных и периферийных смысловых компонентов российского конституционализма.

Таким образом, отечественный конституционализм как особый научно-

практический феномен можно анализировать с позиции наличия у него собственного смыслового поля. Анализ реального содержательного и смыслового наполнения отечественного конституционализма будет в равной степени полезен как для развития доктрины конституционного права с точки зрения корреляции с общей теорией смысла права, так и для совершенствования конституционно-правовой практики с позиции конституционализации правосознания, деятельности граждан и органов власти в целях достижения юридического прогресса, демократии и социальной справедливости.

Список использованной литературы:

1. *Ильин М. В.* Политический дискурс : слова и смыслы (Государство) / / Полис. 1994. № 1.

2. См., напр.: *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2004.

3. См., напр.: *Степанов И. М.* Уроки и парадоксы российского конституционализма. М., 1996. С. 3 ; *Богданова **Н. А.*** Категория «конституционализм» в науке конституционного права / / Российский конституционализм : проблемы и решения (материалы междунар. конф.). М., 1999 ; *Авакьян С. А.* Конституция России : природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000 ; *Кравец И. А.* Российский конституционализм : проблемы становления, развития и осуществления. Спб., 2005 ; *Добрынин Н. М.*Конституционализм в новейшей истории России : потенциал и возможности / / Государство и право. 2009. № 2.

4. *Гаврилова Ю. А.* Смысловое поле права (философско-правовой аспект). Волгоград, 2011 ; *Гаврилова Ю. А.* Смысл права : вопросы теории и методологии. Волгоград, 2013 ; *Гаврилова Ю. А.* Понятие смыслового поля права / / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2008. № 10 ; *Гаврилова Ю. А*. Толкование, конкретизация и смысл права : проблема корреляции понятий / / Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4 ; *Гаврилова Ю. А.* Понятия «смысловое поле права», «правовое поле», «правовая жизнь» : проблемы соотношения / /Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 6 и др.

5. *Комкова Г. Н.* Система конституционных ценностей в позициях Конституционного Суда РФ / / Конституционная юстиция в политической и правовой системах России : Материалы Международного конституционного форума (15–16 декабря 2011, г. Саратов). Вып. 3. Саратов, 2012.

6. *Смородина О. С.* Современные конституционные идеи как элемент конституционализма : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

7. *Дьяченко Ю. В.* Конституционализм как основа культуры демократии : автореф. дис. … канд. полит. наук. Саратов, 2013.

8. СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

М. И. Галактионов

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

В современном обществе конституционализм выступает основополагающей демократической ценностью. Свойства конституционализма как политико-правовой категории и доктринального учения проявляются после принятия государством конституции. Конституционализм – явление, которое можно понять, лишь рассмотрев его с разных точек зрения. Во-первых, конституционализм стоит характеризовать как политико-правовую теорию, обосновывающую необходимость установления конституционного строя. Во-вторых, конституционализм есть формально установленные, закрепленные в важнейших нормативно-правовых актах принципы и нормы, которые должны соблюдаться обществом и государством [1, с. 4]. Конституционализм, предполагает ограничение властных полномочий руководства государства. В качестве предмета политической или правовой теории данное понятие связано с понятием государства. При этом государство должно служить как во благо общества в целом, так и для защиты прав отдельной личности. Политология рассматривает конституци-

ционализм как политическую систему, основанную на конституционных методах правления [4]. Постсоветские государства, занимающие огромные территории на евразийском пространстве, приняли конституции в 1990-х годах и развиваются в правовом векторе. Таким образом, в регионе взят курс на развитие конституционных ценностей. Конституционализм – это идеал, к воплощению которого стремится общество, ориентированное на прогрессивное развитие, и его основными компонентами являются:

1) конституционные идеи, а именно связанность государства и населения правом, законом;

2) наличие нормативно-правовых основ;

3) политический режим, ориентированный на соблюдение конституции;

4) система поддержки и защиты конституционного строя и конституции от разного рода посягательств.

Конституционализм провозглашает верховенство конституции [6]. Следование его идеям конституционализма каждого суверенного государства с учетом его особенностей определяет уровень развития общества, степень становления гражданского единства и стабильности. Изучение конституций евразийских стран демонстрирует, что основу конституционных решений составляют общие правовые идеалы. Но возникает множество принципиальных вопросов о дальнейшем развитии. В частности, существуют вопросы гарантий и реализации на уровне государственной политики конституционных ценностей, восприятия конституций обществом и властями, тенденций и особенностей развития конституционализма в постсоветских странах. Практически во всех евразийских странах существует оторванность основополагающих конституционных ценностей и принципов от существующей социальной действительности. Общими характеристиками стран является неустойчивость и неопределенность в общественном развитии [2]. Таким образом, главной задачей стран евразийского правового пространства является преодоление конфликта между конституцией и правовой системой в целом. Перед постсоветскими странами была поставлена трудная задача принятия конституционных ценностей, а суть конституционной демократии состоит в том, что все политические разногласия и социальные конфликты должны решаться в правовом поле, поскольку конституционализм – это наличие осознанной системы конституционных ценностей в общественной жизни, во всех проявлениях социального поведения личности [3, с. 5]. Именно в этих условиях Конституция превратится в повседневную реальность.

Взгляд евразийцев на конституционализм лежит через идеи самодостаточности, уникальности правовых систем, а также правовой «многополярности». Высказываются идеи против правового универсализма, однако конституционализм предполагает универсализацию. Выдвигается понятие конституции как всякого государственного устройства вообще, т. е. нельзя не признавать, что общемировые конституционные ценности проникли глубоко в суверенную политику каждого государства [5, с. 30]. Среди сторонников создания на постсоветском пространстве Евразийского союза возникают идеи единой конституции. В ходе подобных размышлений возникает круг проблем, требующих решения. Среди них можно выделить следующие:

– проблемы теории права, связанные с формированием эффективной конституции правового евразийского пространства;

– проблемы конституционного права, связанные с модернизацией действующей российской Конституции, конституций государств – участников евразийских интеграционных процессов;

– проблемы международного права;

– практические проблемы, возникающие в связи с реализацией принципа

прямого действия Конституции РФ и принципа приоритета международного права.

Таким образом, работа в направлении единого выражения конституционализма требует решения множества сверхсложных задач. Однако утверждение конституционных принципов и ценностей в системе основ общественно-политического строя современной государственности предполагает глобализацию (универсализацию) функций конституционализма, распространение его основ на международный уровень отношений. Не стоит забывать о том, что конституционализм должен быть итогом согласования интересов суверенных государств и соотноситься с общими для них принципами. Поэтому конституционализм выступает как основа обеспечения межцивилизационного диалога. Он должен эффективно формировать общество, идущее по пути взаимных согласований, уступок, компромиссов. Конституционализм выступает планетарным явлением, а не частью культуры и традиции только одной, западной формы цивилизации. В нем отражаются национальные и наднациональные начала. Соответственно, межкультурная коммуникация должна опираться на признание разнообразия и равноценности каждой формы цивилизации и равное к ним отношение, поскольку каждое национальное сообщество обогащает конституционное достояние и наследие человечества и черпает из этого общего источника. Универсальный характер конституционализма сочетается с его специфическим вхождением в состав национальной культуры, вследствие чего межцивилизационный диалог, опирающийся на конституционные принципы, должен учитывать культурное своеобразие членов мирового сообщества и неравномерность их социально-исторического развития. В конечном счете развитие конституционализма как глобальной идеи связано с утверждением в мировом сообществе представления о едином и неделимом характере безопасности конституционных ценностей как основы для устойчивого национального и международного развития.

Таким образом, идеи евразийской интеграции и идеи конституционализма близки по вектору глобализации. Однако евразийцы предлагают идти по пути всеобщего конституционализма, не забывая о национальной идентичности, и использовать с осторожностью универсальность названного явления.

Список использованной литературы:

1. *Виноградов В. В.* Исследование понятия «конституционализм» и его типологии неюридическими науками / / Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. Вып. 11.

2. Деформации конституционализма в евразийском пространстве / / Евразийский юридический журнал. URL: http: / / www.eurasialaw.ru / index.php?option=com_content&view=article&id=1012:persona-grata-&catid=145:-7-26-2010-&Itemid=249 (дата обращения: 19.11.13).

3. *Егоров С. А.* Конституционализм в США : политико-правовые аспекты. М., 1993.

4. Политическая наука : словарь-справочник / авт. и сост. И. И. Санжаревский. Тамбов, 2014. URL: http: / / glos.virmk.ru / 01_k.htm (дата обращения: 07.01.14).

5. *Степанов И. М.* Грани российского конституционализма (XX век) / / Конституционный строй России. Вып. 1. М., 1992.

6. Энциклопедический словарь конституционного права. М. : Норма, 2000.

Е. О. Глухова

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Обеспечение реализации и защиты прав человека на современном этапе развития общества является приоритетным направлением в государственной политике. Обусловлено это тем, что права человека как комплексная дефиниция являются раз-

носторонним правовым явлением.

В 1993 году в положениях ч. 1 Венской декларации и Программе действий было провозглашено: «Всемирная конференция по правам человека подтверждает священный долг всех государств выполнять свои обязательства по поощрению всеобщего уважения, соблюдения и защиты всех прав человека и основных свобод для всех. Права человека и основные свободы являются правами, данными каждому человеку с рождения, их защита и поощрение являются первейшей обязанностью правительств»[1, с. 80–95].

В России высшей ценностью провозглашены права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ) [2]. Защита прав человека является приоритетной задачей правоохранительных органов.

В ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3] назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Не менее важными направлениями в деятельности правоохранительных органов являются обеспечение и защита прав и свобод, участвующих в судопроизводстве граждан, установление в процессе производства по уголовным делам преступления, лиц, его совершивших, а также масштабов уголовной ответственности [4, с. 23].

Отсюда следует, что защита прав и законных интересов исходя из структуры правовой нормы является первоочередным направлением деятельности правоохранительных органов.

Для своевременного выявления и устранения ошибочно допущенного ограничения прав участников уголовного судопроизводства существенными контрольными и надзорными функциями наделены руководители следственных органов, прокурор и суд.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 125 УПК РФ постановления дознавателя и следователя об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суде.

С момента поступления сообщения о преступлении и до окончания предварительного расследования (с направлением прокурором уголовного дела в суд) участниками уголовного судопроизводства может быть обжаловано любое решение или действие дознавателя, следователя, прокурора. Суд призван удостовериться в доводах, указанных в жалобе, в случае их подтверждения отменить неправомерное решение указанных должностных лиц, остановив дальнейшее незаконное ограничение прав участников уголовного судопроизводства.

Помимо рассмотрения жалоб, поступающих от непосредственных участников уголовно-процессуальных отношений, суд обладает правом принятия окончательных решений по ходатайствам следователя (дознавателя) в ходе досудебного производства. В соответствии с положениями ст. 29 УПК РФ принятие решений о производстве процессуальных действий, которые потенциально затрагивают конституционные права граждан и иные законные интересы, возможно только по судебному решению. Суд вправе избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, а помимо этого, разрешить производство следственных действий – обыска или выемки в жилище, контроля и записи телефонных переговоров, выемки документов, содержащих информацию о счетах и вкладах в банках и иных кредитных учреждениях, эксгумации трупа при отсутствии согласия родственников и других лиц, предусмотренных законом. Вместе с тем в случаях, не терпящих отлагательства,

следователь или дознаватель может принять решение о производстве следственного действия без разрешения суда, при этом в течение последующих 24 часов должностному лицу органа предварительного расследования необходимо обосновать перед судом срочность и неотложность проведенных действий.

Не нашедшее в суде подтверждения обстоятельство безотлагательности следственных действий, проведенных следователем (дознавателем) ввиду допущенной им процессуальной ошибки, безусловно, ведет к признанию этих действий незаконными, и результаты следственных действий получают статус «недопустимых доказательств» независимо от их значимости для уголовного дела.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 50 гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ недопустимо при осуществлении правосудия использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Следует согласиться с точкой зрения Н. П. Ведищева в части признания доказательств недопустимыми, если при их собирании были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина либо установленный уголовно-процессуальным законом порядок их собирания и закрепления, или оно осуществлялось ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [5, с. 88].

С целью максимально обеспечить права подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, в законодательстве определен особый порядок вынесения решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Обязательно присутствие лица, в отношении которого избирается мера пресечения. Исключением является то обстоятельство, что лицо скрылось, находится за пределами Российской Федерации и объявлено в международный розыск.

Реализация назначения уголовного судопроизводства по защите личности от незаконного обвинения или иного ограничения ее прав и свобод обеспечивается обвиняемому в виде заочной защиты его прав [6, с. 4–7]. В частности, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении скрывшегося и объявленного в международный розыск обвиняемого в судебном заседании его интересы представляет защитник. При этом стороне защиты предоставляется возможность заблаговременного ознакомления с ходатайством следователя и подтверждающими материалами уголовного дела (как правило, это изобличающие обвиняемого показания свидетелей, потерпевших, результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий).

Таким образом, обеспечение реализации и защиты прав человека на современном этапе развития общества должно стать приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов не только юридически, но фактически.

Список использованной литературы:

1. Венская декларация и Программа действий / / Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2000.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; 2009. 21 янв.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) / / СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.

4. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М. : «Высшее образование», 2013.

5. *Ведищев Н. П.* Ошибки правосудия и их устранение (уголовно-процессуальные аспекты). Из досье адвоката. М. : Юрлитинформ, 2007.

6. *Мухаметшин Ф. Б.* Права человека в уголовном судопроизводстве : обеспечение реализации и защиты / / Российский следователь. 2009. № 14.

А. В. Головченко

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ В КОНСТИТУЦИИ РФ

Ни одна из метаидеологий, оказавших существенное воздействие на мировое политическое развитие, не имела столь существенных различий в трактовках ее основных принципов и ценностей, чем либерализм. На это обращали внимание даже убежденные сторонники данной идеологии, подчеркивая, что с самого момента формирования либерализма имели место две его основные трактовки – континентально-европейская (конструктивистская) и британская (классическая, эволюционная) [6, с. 130–131].

Более того, даже согласие между различными видами либерализма в вопросе об индивидуальной свободе и об уважении к личности оказывается, по мнению Ф. Хайека, «иллюзорным и лишь маскирует важные различия» [6, с. 146]. Такие разночтения, характерные для разных периодов становления и развития либерализма и для сторонников его различных трактовок, сыграли очень существенную роль для постсоветского либерализма. Неоднозначность и противоречивость либеральных ценностей и принципов и их логической взаимосвязи нашла определенное отражение и в тексте Конституции Российской Федерации.

Вторая глава Конституции РФ вобрала в себя совокупность всех основных прав и свобод человека, которые к тому времени были зафиксированы в международных документах как основополагающие либеральные ценности. Обусловлено это было не столько осознанной принадлежностью российских реформаторов к лагерю либералов, сколько их стремлением продемонстрировать всему миру нормативное и институциональное закрепление последовательного ухода страны от тоталитарного советского наследия с его идеологическим однообразием. Это были своего рода идеологические маркеры, которые должны были стать опознавательными символами «я свой» для западного, «цивилизованного» мира.

Однако для собственного населения российские реформаторы внедряли в массовое сознание идеи, в которых значимость ценностей прав и свобод граждан функционально предназначалась для несколько иных политических целей. По существу, в разъяснении либеральных ценностей в этот период преобладала завуалированная оправдательная доминанта, т. е. они использовались как своего рода аргументы, обосновывающие прогрессивность разрушения СССР, совершившейся антисоциалистической революции и перехода к строительству демократии. Зафиксированные в Конституции права и свободы должны были априори продемонстрировать российским гражданам, во имя чего они должны были претерпеть неизбежные лишения переходного периода. Однако в этом же таилась существенная потенциальная опасность в восприятии гражданами либеральных прав и свобод. Фактически они должны были принять на веру, со ссылкой реформаторов на положительный опыт западноевропейских стран, что внедрение данных ценностей станет мощной пружиной социального прогресса и социально-экономического развития страны. При таком подходе акцент делался не на рациональное осмысление политической, социальной и экономической функциональности конституционных прав и свобод, а на технологии их иррационального внедрения в массовое сознание. В результате неизбежным было разочарование в последствиях радикальных рыночных реформ, которое так же неизбежно приводило к утрате веры в функциональность и значимость либеральных ценностей.

Кроме того, важно учитывать, что для того, чтобы доказать преимущества нового строя большинству российского населения, не очень понимающему положи-

тельный смысл конституционно закрепленных либеральных прав и свобод граждан, в Конституции Российской Федерации оставили многие социальные права, которые составляли основу завоеваний социалистической общественной системы. Однако лишенные в условиях рыночной системы хозяйствования своей экономической и политической основы и соответствующих государственных ресурсов, многие из данных прав были лишены своего гарантированного смысла.

Например, в ст. 37 Конституции РФ констатировалось:

«Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

2. Принудительный труд запрещен.

3. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [3].

Однако именно в период принятия Конституции РФ экономическая система претерпела радикальные разрушительные преобразования, направленные на децентрализацию, приватизацию и внедрение рыночных отношений. В результате у десятков миллионов рабочих значительно снизился уровень жизни, а миллионы стали безработными. Конституционное право на защиту от безработицы оказалось фикцией, поскольку пособие по безработице не обеспечивало даже прожиточного минимума. По мнению нобелевского лауреата Я. Корнаи, так называемый трансформационный спад в постсоциалистических странах был неизбежен и в сущности своей (в виде резкого сокращения объема производства) протекал одинаково, несмотря на серьезные различия начального этапа преобразований и специфических особенностей стран [2, с. 109–127].

В ст. 40 провозглашено:

«1. Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища.

2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище.

3. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами» [3].

Однако в советский период программы строительства государственного и ведомственного жилья действительно были масштабными за счет целенаправленной и плановой концентрации ресурсов. Это позволяло постепенно обеспечивать в порядке очереди гарантированное Конституцией СССР право граждан на бесплатное жилье. В период радикальных рыночных реформ это право также в значительной степени оказалось фикцией, поскольку государство лишилось большей части ресурсов в строительной области.

В ст. 41 Конституции РФ констатировалось:

«1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способ-

ствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

3. Сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом» [3].

Однако именно в период радикальных рыночных реформ финансирование бесплатной системы здравоохранения достигло столь низкого уровня, что вынуждало квалифицированных специалистов в государственных медицинских учреждениях искать способы подработки в частных клиниках. В результате оттока наиболее подготовленных профессионалов в частную сферу уровень качества бесплатной медицинской помощи упал в этот период максимально низко.

Статья 43 Конституции РФ гласит:

«1. Каждый имеет право на образование.

2. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии.

4. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования» [3].

На практике в период радикальных преобразований в значительной части средних и высших учебных заведений вводились разнообразные дополнительные платные услуги. Коммерческая форма обучения прочно вошла в практику многих российских вузов.

В результате радикальных реформ многие российские граждане оказались в своего рода «ловушке перемен» [7, с. 205–206], суть которой состоит в том, что они психологически не были готовы к так называемой политике шоковой терапии. Заявленная в соответствии с Конституцией РФ государственная социальная политика противоречила финансово-экономической [1, с. 16] и потому не могла быть успешной. Согласно официальным данным, в сентябре 1997 года за чертой бедности находилось 20,8% населения [4, с. 99].

Таким образом, либеральные ценности и принципы, зафиксированные в Конституции Российской Федерации, последовательнее всего были реализованы в экономической сфере в процессе приватизации общенародной собственности, децентрализации управления производственными процессами и внедрения рыночных отношений. Фактически реформаторы руководствовались идеей «рыночного фатализма», рассчитывая на то, что «невидимая рука рынка» все расставит по своим местам и отрегулирует без участия государства. В результате был разрушен единый плановый народнохозяйственный комплекс и на его обломках была создана рыночная система хозяйствования, которая охватила прежде всего нефтяную и газовую сферу. Формирование высокотехнологичных и конкурентоспособных отраслей на основе рыночных либеральных принципов в постсоветской России не состоялось в силу совокупности внутренних и внешних причин, которые требуют самостоятельного исследования.

Главное, что можно констатировать, – это отсутствие у большинства российского населения веры в функциональную значимость конституционно закрепленных

либеральных прав и свобод. Минимальная социальная защита российских граждан в период «шоковой терапии» не носила стимулирующего характера, но обеспечивала в 1990-е годы лишь выживание значительной части населения, оказавшейся за чертой бедности.

В политической сфере реализация либеральных прав и свобод казалась более очевидной в результате формирования многопартийности, конкурентных выборов, плюрализма идеологий и мировоззрений. Но и они для большинства населения не стали приоритетными по своей социальной значимости. Основная причина этого заключалась в том, что политические и социально-экономические либеральные преобразования воспринимались большинством населения как единое целое. Поэтому отсутствие успехов в социально-экономической области не могло не сказаться негативно и на восприятии политических прав и свобод. Кроме того, характер отношений между властью и обществом в этот период также не способствовал повышению доверия к данным ценностям. Популизм, невыполнимые обещания демонстрировались в политике на самом высоком уровне. Крайне негативную роль в этом отношении сыграло также повсеместное распространение «грязных» и административных технологий на выборах всех уровней.

Как видится, восстановление доверия к либеральным ценностям у российского населения возможно только лишь на основе отказа от реализованного в постсоветской России варианта экономического либерализма, который не изжит до конца и по сей день. В этом случае могут быть реализованы на практике ключевые конституционные принципы, позволяющие поставить правительство и всех субъектов политики под контроль российских граждан и институтов гражданского общества.

Список использованной литературы:

1. См.: Адаптация общества к экономическим изменениям // Человек и труд. 1999. № 2.
2. См.: Интервью с Яношем Корнаи // О чём думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами / ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; 2009. 21 янв.
4. Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1998.
5. Фридмен, Милтон, и Хайек, Фридрих о свободе. В серии «Философия свободы», вып. II. М. : Социум, Три квадрата, 2003.
6. См.: *Хайек Ф.* О свободе // Фридмен и Хайек о свободе. Серия «Философия свободы». Вып. 2. М. : Социум, Три квадрата, 2003.
7. См.: *Хлопин А.* Модернизация и аномия : постсоциализм в ловушке перемен // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1.

В. И. Головченко

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Институты современной политической системы России были оформлены Конституцией Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года в результате всенародного референдума. В Основном Законе закреплены структура государственной власти, права человека и федеративное устройство страны. Поскольку некоторые противоречия политической системы проявляются на уровне Конституции и на уровне политико-правовой практики, необходимо рассмотреть институциональную структуру политической системы, в частности изучить те механизмы политической системы, которые аттестуют отношения власти с ее важнейшими контрагентами – гражданским обществом и его ассоциациями, бизнесом и партиями, –которые поро-

дили не совсем классические, как на Западе, но свои специфические очертания политического пространства России.

Динамика развития постсоветской политической системы отражает эволюцию механизмов представительства гражданских интересов, стратегии правящих элит и их политико-экономических коалиций. Исследуя факторы режимных изменений в посткоммунистических странах, стремясь объяснить причины различий в траекториях трансформаций и вводя в анализ в качестве возможной независимой переменной типы государственной состоятельности, А. Ю. Мельвиль, Д. К. Стукал и М. Г. Миронюк определили набор структурных и процедурных факторов, которые в разных соотношениях и применительно к конкретным исследуемым странам, в частности России, способны оказывать влияние на происходящие в них режимные изменения. На основе осуществленного анализа, в том числе с и учетом страновых «аномалий», т. е. казусов, не соответствующих общим закономерностям, они обосновали вывод о том, что действия политических акторов способны в решающих ситуациях определять реальную направленность и характер траекторий политических трансформаций и режимных изменений [8, с. 8].

Для исследования проблемы влияния процедурных и структурных факторов на различные траектории режимных трансформаций и того, как, в частности, с этим связаны разные типы государственной состоятельности, ученые использовали кластерный анализ, в результате которого выделили шесть кластеров, отражающих разные типы режимных траекторий посткоммунистических государств, и три типа государственной состоятельности – «полную», «худую» и «среднюююю» [8, с. 9]. Постсоветская Россия в соответствии с этой классификацией относится к так называемой средней государственной состоятельности ***(stateness).*** Это означает, что элита в нашей стране, обладая «средним» объемом государственной состоятельности, понимаемой как степень и характер выполнения современным социальным государством своих базовых функций, формирует различные политические стратегии.

Периодизация трансформации постсоветской политической системы, или, другими словами, демократического транзита, включает в себя несколько основных этапов. На этапе так называемого конституционного двоевластия (1992–1993 гг.) произошло обострение противоборства вокруг взаимосвязанных проблем распределения власти и определения модели политической системы. Формирующаяся политическая система складывалась из сочетания институтов традиционных и новых, созданных на подготовительном этапе. Для данного периода характерно наличие перманентного конфликта между двумя центрами власти – правительством и Президентом с одной стороны и большинством Съезда народных депутатов – с другой [12]. С формальной точки зрения предметом конфликта выступало определение конституционного будущего России. Анализируя данную тенденцию, М. Макфол указал, что за исследуемый период Россия пережила не один, а три перехода к демократии: первый – перестройка (инверсия – путч); второй – период после августовского путча (инверсия – октябрьский кризис 1993 г.); третий – принятие демократической Конституции (инверсия – поражение реформаторов на парламентских выборах 1995 г.) [14].

Следующий этап трансформации политической системы (1994–2000 гг.) был сопряжен с дальнейшим формированием новой институциональной структуры, параметры которой, равно как и содержание политического процесса, определяли дисбаланс в соотношении нарастающих требований и снижающейся поддержки по отношению к политической системе. Конфронтационный характер политического диалога, сложившийся в предшествующий период, не только сохранил свою актуальность, но теперь это противоборство диверсифицировалось, разворачиваясь между сторонниками сохранения и продолжения демократических реформ и оппозици-

ей, а также между исполнительной и законодательной ветвями власти, особенно обострившись после победы левого большинства на парламентских выборах 1995 г. («выборы разочарования», по выражению А. Ю. Мельвиля) [8, с. 9].

Очередной этап политической трансформации (2001–2007 гг.) условно можно назвать этапом «режимной консолидации». Неоднозначный консенсус элит, достигнутый на предыдущих этапах трансформации, в конечном итоге сыграл позитивную роль, так как позволил осуществить передачу власти и смену политического режима на согласительных принципах. Противоречивый характер и неоднозначность результатов преобразования в рассматриваемый период времени привели к заметной вариативности взглядов зарубежных и отечественных ученых относительно его стадиальности и последствий. Чаще всего исследователи дифференцируют две стадии данного этапа политического развития России:– демонтаж олигархического авторитаризма (Л. В. Поляков), контрреформирование (А. Балаян), воспроизводство/становление режима «управляемой демократии» (А. С. Ципко, Л. А. Радзиховский, Р. Туровский и др.) в 2000–2003 гг. и продолжение институциональных изменений и стабилизации режима в 2003–2008 гг. [5]. С. П. Перегудов замечает, что на этом этапе по мере развития политической системы выделялись и функционально оформлялись механизмы принятия государственных решений: с одной стороны, выкристаллизовывались новые полномочия администрации президента, а с другой – вырастала финансовая вертикаль [11, с. 305].

Институциональные изменения в политической системе в соответствии с п. 2 ст. 77 Конституции РФ привели к созданию условий для формирования единой системы органов исполнительной власти. Сюда относится введение в 2000 г. института полномочных представителей Президента в федеральных округах [1], создание консультативно-совещательных органов, таких как Государственный совет и Совет законодателей [2]. Можно сделать вывод о том, что эти структуры как институты вторичной легитимности послужили инструментом пространственной интеграции и режимной консолидации, так как стали дополнительным каналом коммуникации в разноуровневой системе управления.

В 2000 г. был изменен принцип формирования верхней палаты Федерального собрания [3], с 2005 г. процедура прямого избрания глав регионов заменена выборами законодательным собранием конкретного субъекта федерации по представлению Президента РФ [4]. Таким образом, суперпрезидентская форма правления получала дальнейшее институциональное оформление. По мнению И. М. Клямкина, в России на федеральном уровне сложилась своеобразная комбинация институтов, в которой разные ветви власти относительно самостоятельны и не находятся в состоянии субординации, но элементы разделения властей перекрываются властной иерархией, предполагающей фактическое доминирование по составу полномочий одного из институтов над всеми остальными [7]. Вместе с тем нельзя не согласиться с Г. И. Вайнштейном, который утверждает, что концепция гибридного режима не столько описывает особый тип «новых демократий», сколько отражает общее для большинства из них состояние. Специфика российской политической системы характеризуется, по его мнению, «конфликтом между элементами реальной демократии и элементами, обусловленными не столько авторитарностью государственной власти, сколько ее слабостью, неэффективностью, неспособностью упорядочивать демократический процесс» [6, с. 421].

Своеобразие политической истории России, её специфический путь «выхода из коммунизма» представляется как ряд конкретных действий политических лидеров в определенном контексте. Большинство ученых сходятся во мнении, что основной особенностью политической системы исследуемого периода выступает нестабиль-

ность и слабость демократических институтов. С точки зрения Д. Е. Москвина, результатом трансформации политической системы России является «институциональная неопределенность, при которой основные субъекты не находят компромисса относительно политических и поведенческих процедур и правил» [10].

Главным содержанием развития отечественной политической системы, по мнению С. П. Перегудова, является смена различных форм корпоративизма, ставшего поистине базовым источником и одновременно формой политических порядков в современной России. Корпоративизм был и остается сутью, преобладающей формой и одновременно мощнейшим инструментом трансформации политической системы России. И все его олигархические, бюрократические и государственные формы последовательно победили «замыслы» и стратегии отечественных «революционеров» – и горбачевский план «социализма с человеческим лицом», и ельцинскую плюрализацию политики, и попытки демократической организации власти [11, с. 301]. Экспериментальный характер выстраивания политической системы, когда властный дизайн складывался, что называется, «по ходу», в процессе тиражирования неудачных попыток создания институтов, манипулирования законодательством, заключения многочисленных политических договоренностей в элитарных кругах, нарушения законов и традиций.

Одним из основных факторов эволюции политической системы России следует считать и морально-этические характеристики правящего класса. Именно эти параметры, по мнению С. П. Перегудова, во многом определяют господство неформальных отношений в политико-административной сфере, игнорирование чиновниками и предпринимателями законов. Именно ими обусловлен эгоизм представителей финансово-экономических кругов, думающих о сиюминутной выгоде, а не о стратегических целях государства [11, с. 306]. «Учитывая фундаментальный характер подобного рода связей государства и бизнеса, – отмечает А. И. Соловьев, – понимаешь сколь серьезны изъяны отечественной политической системы». В целом «исчерпанность достигнутой модели взаимоотношений государства и бизнеса по-своему свидетельствует и об исчерпании потенциала отечественной политической системы» [13, с. 173]. Следовательно, корпоративизм – это наиболее обобщенная модель и политической динамики, и сдвигов в неинституциональных конструкциях общества. В настоящее время государство может осуществлять власть лишь «в рамках замкнутого пространства, но никак не в условиях глобализации» [11, с. 307].

Таким образом, институциональная структура политической системы России за последние 20 лет с момента принятия Конституции 1993 г. воспроизводит основные черты традиционной институциональной модели, определяющей характер, функциональность, системность взаимосвязей различных политических институтов и общества. Сегодня страна стоит перед испытаниями «конвергенции» отечественной и западной политических систем в условиях глобализма и мы наблюдаем все тот же источник политической эволюции ее системы власти – так и не завершенный спор корпоративизма с плюрализмом.

Список использованной литературы:

1. О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе : Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.

2. О Государственном Совете РФ : Указ Президента РФ от 1 сентября 2000 г. № 1602 // РГ. 2000. 5 сент.

3. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ : Федеральный закон РФ от 5 августа 2000 г. № 113 // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3336.

4. О внесении изменений и дополнений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов

РФ» ; ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» : Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159 // РГ. 2004. 15 дек.

5. См.: *Балаян А.* Политический транзит в России : особенности и перспективы на современном этапе. URL: http://forum.msk.ru|material|society|11846.html (дата обращения : 20.10.2013) ; «Управляемая демократия» в России : стала ли она при Путине эффективнее, чем была при Ельцине? (Материалы круглого стола). URL: http://www.lgz.ru/roundtable/art2.htm (дата обращения: 20.10.2013).

6. *Вайнштейн Г. И.* Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001.

7. *Клямкин И.* Постсоветская политическая система в России (возникновение, эволюция и перспективы трансформации). URL: http://www.sovetpamfilova.ru/text/1254.htm (дата обращения: 23.11.2013).

8. *Мельвиль А. Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2.

9. *Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г.* Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. 2012. № 2.

10. *Москвин Д. Е.* Институциональная неопределенность как результат трансформации политической системы в России. URL: http://www.e-journal.spa.msu.ru/images/File/2006/moskvin.pdf (дата обращения: 12.09.2013).

11. *Перегудов С. П.* Политическая система России в мировом контексте : институты и механизмы взаимодействия. М., 2011.

12. См.: *Поляков Л. В.* Как Россия нас обустраивает. М., 1996.

13. *Соловьев А. И.* Политическая система постсоветской России. Эскиз мастера // Полис. 2012. № 3.

14. См.: ***McFaul M.*** The Perils of Russia's Protracted Transition //Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. № 2. P. 4, 18 ; ***McFaul M.*** One Step Forward, Two Steps Back //Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. № 3.

Н. В. Григорьева

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВОК В КОНСТИТУЦИЮ РФ

Государство, в котором есть конституция, стремиться к тому, что она выступает правообразующим ядром, центром правовой системы. Следовательно, существующие нормативно-правовые акты должны будут соответствовать содержанию самой конституции. Принятие конституционных законов является своеобразным механизмом, который позволяет учесть процесс политических и социально-экономических изменений в обществе, но при этом не изменять самой сути содержания конституции. Поэтому возникает предположение, насколько возможно изменение содержание самой конституции, как это отразится на самом содержании правовой системы государства, поскольку наличие конституции является одним из стабилизирующих факторов, позволяющим смоделировать возможность дальнейшего развития государства.

Конституция может быть постоянной, если в ней содержатся нормы, способные трансформироваться под изменяющееся общество. В данном случае в качестве механизма трансформации может выступать процесс толкования данных норм, ведь всем понятно, что в зависимости от способа толкования нормы может меняться ее понимание. Жесткость конституции в данном случае будет способствовать стабильности данного документа, следовательно, поправки, вносимые в нее, будут на столь значительными и необходимыми, чтобы рассматриваться как часть будущего ее содержания и стабильности существующих норм.

В современном мире существую разные конституции, но в большинство из них, независимо от формы, были внесены поправки. Некоторые из конституций являются стабильными, т. е. постоянно действующими, например Конституция США (более 200 лет), в которую внесено незначительное количество поправок. Существуют

конституции, которые действуют лишь определенный период времени, т. е. тот период, пока такая конституция соответствует своему предназначению, а когда она утрачивает свою значимость, принимают новую. Такая ситуация сложилась в России, и именно поэтому на сегодняшний день у нас уже пятая Конституция, которая также претерпела некоторые изменения.

Современную Конституцию можно назвать более стабильной и юридической, чем предыдущие, но, тем не менее, в настоящее время возникают ситуации, требующие внесения поправок в данную Конституцию. Предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации могут вносить Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная дума, Правительство Российской Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, а также группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной думы. Конституция содержит исчерпывающий перечень субъектов, которые могут инициировать конституционные поправки и пересмотр Конституции. В целях обеспечения стабильности Основного Закона государства круг этих субъектов сужен в сравнении с субъектами законодательной инициативы (ст. 104 Конституции Российской Федерации) [1]. Кроме того, в средеи научного сообщества поднимается вопрос о формировании Конституционного собрания, которое в случае необходимости могло бы пересмотреть гл. 1 и 2 Конституции Российской Федерации.

В настоящее время в Конституцию Российской Федерации 1993 года внесен ряд изменений, которые затронули статус пребывания в должности высших должностных лиц – Президента Российской Федерации, депутатов Государственной думы [2]. Государственная дума Российской Федерации наделена контрольными полномочиями в отношении Правительства Российской Федерации [3]. Особого внимания заслуживают изменения, которые были внесены в процессе укрупнения субъектов Российской Федерации.

Конституционные поправки принимаются в форме закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.

Одними из первых поправок, внесенных в нашу современную Конституцию, были поправки в ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации, которая определяет состав Российской Федерации, принятие в Российскую Федерацию и образование в её составе нового субъекта. В частности, это связано с процессом преобразования сложносоставных субъектов, преобразование которых не изменило целостности государства, но при этом способствует более эффективному управлению.

До сих пор нет единого мнения по вопросу о необходимости укрупнения – с одной стороны, оно может способствовать разрушению государственного единства России, представлять угрозу ее безопасности и территориальной целостности, с другой – является концентрированным выражением права субъектов Российской Федерации на объединение, а Конституцией Российской Федерации в ч. 2 ст. 65 прямо предусмотрена такая возможность [4].

Последние тенденции развития современной политики предполагают изменение не только статуса субъектов, но и их названия – в частности, это касается названия высших должностных лиц республик. Об этом свидетельствуют последние предложения об изменении Конституции Чеченской республики, согласно которым изменено название «Президент» на «Глава республики».

После поправок к Конституции, вступивших в силу 31 декабря 2008 года, Президент был избран на шестилетний срок полномочий.

Увеличение срока пребывания в должности Президента Российской Федерации продиктовано стремлением к определенным стандартам, установленным в евро-

пейских государствах, где срок пребывания в должности составляет от 4 до 6 лет. Такие сроки установлены для того, чтобы было возможно реализовать определенные программы по различным направлениям политики государства. Как правило, незначительный срок пребывания в должности Президента ограничивает в реализации данных программ. Поэтому увеличение срока пребывания в должности Президента способствует стабильности политической ситуации в стране, единого политического курса и реализации политических и социальных программ государства.

В ст. 80 Конституции Российской Федерации устанавливаются основы статуса Президента Российской Федерации как главы государства. В ранее действовавшей российской Конституции Президент был охарактеризован как высшее должностное лицо и глава исполнительной власти, тогда как по настоящей Конституции он – глава государства, олицетворяющий собой единство государства и государственной власти в целом, а не той или иной ее ветви.

Конституция предусматривает, что одно и то же лицо не может занимать должность Президента более двух сроков подряд. Цель этого установления – воспрепятствовать формированию несменяемого клана управляющих лиц, появлению и сохранению стойких корпоративных групп, открыть пути притока в эшелоны власти свежих сил в лице политических деятелей и лидеров нового поколения. Конституция предоставляет способному политику, оправдавшему себя на должности Президента, право выдвижения еще на один срок помимо очередного.

Изначально (в 1991 году) Президент России избирался на 5 лет. В Конституции Российской Федерации 1993 года срок полномочий Президента был сокращён до 4 лет. Однако, согласно п. 3 Заключительных и переходных положений Конституции, президент Ельцин осуществлял полномочия до истечения срока, на который он был избран (то есть до 1996 года).

Изменением срока пребывания в должности Президента Российской Федерации было продиктовано и изменение срока пребывания в должности депутатов Государственной думы Российской Федерации. Теперь они избираются не на 4 года, как ранее, а на 5 лет.

Ст. 96 Конституции Российской Федерации [1] устанавливает срок полномочий депутатов Государственной думы в 5 лет, что соответствует мировой практике, согласно которой общенациональные парламенты избираются, как правило, на 4–5-летний срок. Такой период работы позволяет парламенту реализовать долгосрочные законодательные проекты, а обществу и самим депутатам – увидеть практические результаты их деятельности. Вместе с тем такой срок обеспечивает регулярную обновляемость парламента, периодический «отчет» депутатов перед избирателями, без чего демократически организованная представительная власть также невозможна.

С 2007 года депутаты Государственной думы избираются по пропорциональной системе (по партийным спискам), тогда как ранее в России была смешанная избирательная система и половина общего состава депутатов избиралась по мажоритарной системе (по одномандатным округам). В настоящее время введение пропорциональной системы привело к изменениям, касающимся численного состава политических партий (первоначально для ее регистрации партии требовалось, чтобы ее численность была не менее 50 000 членов, сейчас достаточно 500) и преодоления заградительного барьера.

Таким образом, поправки в Конституцию Российской Федерации вносят определенные качественные изменения, которые способствуют стабилизации российского общества, и это связано как с введением новых сроков пребывания в должности отдельных государственных деятелей (хотя такое утверждение не является однозначным и многие считают, что увеличение этих сроков закрепляет некую безграничную

власть за главой государства), так и с изменением структуры субъектов Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; 2009. 21 янв.
2. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 3.12.12. № 229 ФЗ / / СЗ РФ. 10.12.2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6952.
3. О контрольных полномочиях Государственной думы в отношении Правительства РФ : Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ / / РГ. 2008. 31 дек.
4. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России : учебник для вузов / под ред. Е. И. Козлова. М., 2008.
5. *Шахрай С. М.* О Конституции. М., 2013.

П. Д. Гринёв

ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ ОСПАРИВАНИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ АРБИТРАЖЕЙ

На сегодняшний день на практике остается актуальным и дискуссионным вопрос относительно возможности обжалования судебных актов международных коммерческих арбитражей (далее по тексту также МКА) в том случае, если сами участники в своем арбитражном соглашении (оговорке) предусмотрели, что решение МКА является окончательным и обжалованию в государственном арбитражном суде не подлежит (исключающее соглашение). Во многом это связано с недостаточно четкой формулировкой ст. 34 ныне действующего Закона «О международном коммерческом арбитраже» (далее по тексту Закон «О МКА» [1]. Так, если в ст. 40 ФЗ «О третейских судах» [2] прямо предусматривается, что судебные акты «внутреннего» третейского суда могут быть оспорены заинтересованными лицами только в том случае, если стороны не заключили между собой исключающего соглашения, то ст. 34 Закона «О международном коммерческом арбитраже» подобного условия не содержит. Вследствие этого ряд учёных, в частности В. В. Ярков, отмечают, что ныне действующий Закон «О МКА» не предусматривает возможности заключения исключающего соглашения. Таким образом, любое решение МКА, принятое на территории Российской Федерации, может выступать объектом оспаривания в порядке, предусмотренном § 1 гл. 30 АПК РФ [3, с. 26–27]. Аналогичной позиции придерживаются также С. А. Курочкин [4, с. 34] и арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее по тексту МКАС при ТПП РФ) Б. Р. Карабельников [5, с. 115].

Однако совершенно противоположной выглядит точка зрения Высшего арбитражного суда РФ, высказанная им в его определении от 29.12.2009 г. № ВАС-15525/09 [6]. В этом определении рассматривался спор относительно окончательного решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. Российская и польская организации заключили между собой внешнеэкономическую сделку, по условиям которой все споры, возникающие между ними, будут передаваться на разрешение в МКАС при ТПП РФ, и при этом отдельно было указано, что судебный акт МКА будет окончательным для сторон и последующему оспариванию не подлежит. Когда российская компания обратилась в государственный арбитражный суд с соответствующим заявлением об отмене решения МКАС при ТПП РФ, Арбитражный суд города Москвы и Федеральный арбитражный суд Московского округа вынесли определение о пре-

кращении производства по делу, ссылаясь на то, что в данном случае решение МКА в силу добровольного соглашения сторон не может быть объектом последующего судебного контроля.

Высший судебный орган по разрешению экономических споров в Российской Федерации арбитражные суды нижестоящих инстанций поддержал, в обоснование своей позиции сослался на ныне действующий Регламент Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, утвержденный приказом ТПП РФ от 18.10.2005 № 76 (ред. от 23.06.2010) [7]. В силу § 44 Регламента решение МКАС при ТПП РФ будет являться окончательным и обязательным с даты его принятия, исполняться сторонами добровольно в срок, который установлен в решении арбитража , и в случае его неисполнения приводиться в исполнение в соответствии с нормами процессуального законодательства и международных соглашений. На основании вышеизложенного ВАС РФ делает вывод, что заявитель (российская компания) не была правомочна подавать заявление об отмене решения МКАС при ТПП РФ.

Позиция ВАС РФ была поддержана Конституционным судом Российской Федерации, который в своем определении от 01. 06. 2010 г. № 754-О-О отметил, что арбитражная оговорка (соглашение) по своей сути представляет собой гражданско-правовой договор, вследствие чего стороны арбиражного соглашения (оговорки) по своей инициативе полномочны распоряжаться своими процессуальными правами и обязанностями, что подразумевает возможность заключения подобного рода соглашений (оговорок) [8].

Считаем возможным не согласиться с подобной точкой зрения Высшего арбитражного суда РФ и Конституционного суда РФ по следующим основаниям.

На наш взгляд, ВАС РФ расширительно толкует положения Регламента МКАС при ТПП РФ и полагает, что последние выступают специальной нормой по отношению к положениям ст. 34 Закона «О международном коммерческом арбитраже», что позволяет трактовать норму Регламента об обязательности и окончательности решения МКА в качестве основания для прекращения производства по делу ввиду того, что подобное решение не может выступать объектом последующего судебного контроля. Однако при этом, по нашему мнению, в силу общей теории права любую правовую норму необходимо толковать буквально. В данном случае § 44 упомянутого выше Регламент вступает в противоречие с требованиями Закона «О международном коммерческом арбитраже», который в сравнении с Регламентом МКАС при ТПП РФ является нормативно-правовым актом большей юридической силы. Как уже неоднократно упоминалось выше, ныне действующая ст. 34 Закона «О МКА» не содержит положений относительно возможности сторон заключить исключающее арбитражное соглашение (оговорку), следовательно, любое решение МКА может быть оспорено заинтересованной стороной в государственном арбитражном суде.

Норму § 44 Регламента относительно окончательности решения МКА необходимо толковать не как отсутствие возможности обратиться в государственный арбитражный суд с соответствующим заявлением, но как отсутствие формализма и необходимости подтверждения со стороны государства законной силы решения МКА, если последнее исполняется сторонами добровольно.

Толкование же Регламента, предложенное Высшим арбитражным судом РФ, по нашему мнению, будет противоречить как ч. 2 ст. 13 АПК РФ, согласно которой арбитражный суд в случае установления при рассмотрении дела несоответствия нормативного правого акта иному, имеющему большую юридическую силу нормативному правовому акту, в том числе издание его с превышением полномочий, выносит судебный акт в соответствии с нормативным правовым актом, обладающим

большей юридической силой.

Таким образом, на сегодняшний день существует очевидное противоречие во взглядах ученых и судей государственных арбитражных судов относительно возможности оспаривания решений МКА в том случае, если в соответствующем внешнеэкономическом соглашении участвующих в споре сторон предусмотрена исключающая оговорка. По нашему мнению, преодолеть указанное противоречие возможно путем внесения соответствующих изменений в Закон «О международном коммерческом арбитраже».

Положительной инициативой законодателя в этом направлении выглядит отмеченный уже в предыдущей главе законопроект Федерального закона № 583004-5 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О международном коммерческом арбитраже”» (редакция, принятая ГД ФС РФ в первом чтении 25.01.2012 г.) [9].

В соответствии с п. 6 этого законопроекта п. 1 ст. 34 Закона «О международном коммерческом арбитраже» предлагается изложить в следующей редакции: «…если стороны не предусмотрели в арбитражном соглашении, что решение арбитража будет являться окончательным, обжалование в суде последнего может быть произведено только путем подачи ходатайства об отмене в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящей статьи».

Таким образом, законодатель планирует непосредственно закрепить возможность для сторон внешнеэкономической сделки заключать исключающее соглашение, что, безусловно, будет способствовать преодолению коллизий в рассматриваемом вопросе осуществления контроля государственного аппарата [10, с.11–15].

Список использованной литературы:

1. О международном коммерческом арбитраже : Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 03.12.2008) / / Ведомости СНД и ВС РФ. 12.08.1993. № 32. Ст. 1240 ; СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5748.

2. О третейских судах в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 192-ФЗ (ред. от 21.11.2011) / / СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3019 ; 2011. № 48. Ст. 6728.

3. *Ярков В. В.* Оспаривание решения международного коммерческого арбитража / / Закон. 2008. № 1.

4. *Курочкин С. А.* Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М. : Волтерс Клувер, 2008.

5. *Карабельников Б. Р.* Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2008.

6. Определение Высшего арбитражногос Российской Федерации от 29.12.2009 № ВАС - 15525/09 по делу № А40-5722/09-39-68 / / СПС «Консультант Плюс».

7. О Регламенте Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленнной палате Российской Федерации : Приказ Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 18.10.2005 № 76 (ред. от 23.06.2010) / / СПС «Консультант Плюс».

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Газпромэкспорт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 40 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», п. 1 ч. 1 ст. 150 и ч. 1 ст. 230 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.06.2010 № 754-О-О / / Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. № 6. 2010.

9. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» : Проект Федерального закона № 583004-5 (редакция, принятая ГД ФС РФ в первом чтении 25.01.2012) / / СПС «Консультант Плюс».

10. *Григорьева Т. А.* Арбитражная юрисдикция в современной России. Саратов, 2002.

М. Ю. Дворецкий

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Система уголовной ответственности – это целостная и упорядоченная совокупность ее форм, видов, построенных на единых принципах и подчиненных целям, предусмотренным УК РФ. Основными критериями ее построения являются множественность, определенность форм, видов, упорядоченность на основе единых принципов, их соответствие предусмотренным УК РФ целям, относительная плавность и равнозначность перехода от одной ее разновидности к другой. Уголовная ответственность как результат основанного на УК РФ общественного порицания, выражающего отрицательную уголовно-правовую оценку совершенного общественно-опасного деяния и виновного лица, его совершившего, со стороны государства, официально формулируется в обвинительном приговоре суда [1, с. 651–655]. Именно суд возлагает на осужденного уголовную ответственность и освобождает от нее фактически, например тогда, когда непосредственно были реально установлены следующие обстоятельства: у лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1 ст. 81 УК РФ); истекли сроки давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ). В данных случаях уголовная ответственность реализуется как таковая и при этом не сопровождается назначением каких-либо мер государственного принуждения за совершенное преступление.

Формы реализации уголовной ответственности фактически могут, например, непосредственно сопровождаться реально следующими ее разновидностями:

– условно назначенным наказанием (ст. 73 УК РФ);

– назначенным, но отсроченным наказанием (ст. 82 УК РФ);

– назначенным, но отсроченным наказанием больным наркоманией (ст. 82^1 УК РФ);

– назначением не наказания, а принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним (ст. 90–92 УК РФ).

Так, уголовная ответственность реализуется без действительного исполнения наказания также тогда, когда оно уже отбыто, однако виновное лицо продолжает нестиее, так как ее содержание образуют правовые ограничения исходя из непогашенного или не снятого уголовно-правового института судимости.

Поскольку с содержательной стороны меры уголовной ответственности должны быть общественно полезными, то в современном обществе это, в первую очередь, означает охрану прав и свобод человека и гражданина, восстановление нарушенного преступлением правопорядка. Однако система форм и отдельных видов уголовной ответственности, непосредственно закрепленная действующим отраслевым законодательством, в настоящее время не соответствует потребностям эффективной практики ее реализации. К сожалению, ряд видов ее форм, хотя и предусмотренных УК РФ, является фактически не востребованным, не применяется долгое время, не соответствует реальным возможностям государства, отечественным традициям и психологии большинства российских граждан. Так, непосредственно качество осуществленных отечественным законодателем изменений и дополнений УК РФ оставляет желать лучшего, поскольку вопреки декларируемой ими цели они зачастую приводят к противоположным результатам, прежде всего к нарушению системы и структуры уголовного закона, рассогласованности положений общей и особенной частей, росту числа коллизий, влекущих затруднения в правоприменительной деятельности.

Поскольку УК РФ фактически так и не был урегулирован срок, в течение которого возможно привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с непосредственным неисполнением данным лицом возложенных на него обязанностей и требований, то, по сути, согласно содержанию этих мер, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, неисполнение реально основывается на:

1) субъективном нежелании;

2) отказе от выполнения требований;

3) пренебрежении предъявляемыми условиями.

Вследствие того что это возможно применительно к передаче под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного органа (п. «б» ч. 2 ст. 90) и ограничению досуга и установлению особых требований к поведению несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 90), данные меры имеют срочный характер. Соответственно, срок, на который они назначаются, должен определять продолжительность периода возможной их отмены в дальнейшем при неблагоприятном развитии ситуации. Однако даже этот гипотетический вывод носит для применения уголовно-правовых норм не унифицированный характер, что делает целесообразным для законодателя прямо указать в УК РФ на конкретные сроки возможной отмены освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Поскольку основания охранительного правоотношения и уголовной ответственности фактически совпадают, непосредственно юридическим фактом, реально их порождающим, выступает совершение преступления. Отечественный законодатель, определяя основания уголовной ответственности, воспроизводит формулировку УК РСФСР 1960 года, алогично ограничиваясь только лишь абстрактной конструкцией, создавая возможность разного толкования там, где необходима оптимальная унификация вполне конкретных для дальнейшей ее эффективной реализации обстоятельств общественно-опасного деяния. Вследствие того что законодательно основанием уголовной ответственности выступает не состав преступления, а общественно-опасное деяние, содержащее его признаки, нами предлагается внести соответствующие изменения в УК РФ. На наш взгляд, ныне существующая редакция ст. 8 УК РФ выражает основания уголовной ответственности фактически неточно, поскольку априори преступлением непосредственно является единство двух его неотъемлемых сторон, когда реальное общественно-опасное деяние подпадает под официальное описание в нормах УК РФ. Мы должны констатировать необходимость обязательного воспроизведения именно в содержании ст. 8 УК РФ следующих обстоятельств:

1) совершение общественно-опасного деяния физическим лицом;

2) совершение общественно-опасного деяния вменяемым лицом;

3) совершение общественно-опасного деяния лицом, достигшим возраста уголовной ответственности;

4) наличие в совершенном общественно-опасном деянии всех признаков состава преступления, предусмотренных нормами Общей и Особенной частей Уголовного кодекса;

5) совершение общественно-опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом под угрозой наказания, и наличие в нем всех признаков состава преступления, предусмотренных настоящим Кодексом.

Поскольку законодатель в УК РФ на сегодняшний день фактически алогично использует различную терминологию при описании последствий, возлагаемых на лиц, совершивших преступления, и тем самым непосредственно затрудняется реализация уголовно-правовых принципов, то, соответственно, реально осложняется и осуществление задач уголовного права, не в полной мере обеспечивается охрана

личности, общества и государства. В этой связи предлагается использовать словосочетание «уголовная ответственность», а там, где она непосредственно связана с наказанием, то и слово «наказание», отредактировав уголовно-правовые нормы, представленные в ст. 2, 3, 6, 7, 9 УК РФ. Эти изменения диктуют необходимость создания так называемых базовых статей, в которых законодателю и следует дать понятие уголовной ответственности, ее цели, формы реализации, что служило бы бесспорным свидетельством того, что именно она является основополагающим уголовно-правовым последствием для физических лиц, виновно совершивших преступления. Исчерпывающий перечень ее форм, фактически имеющийся в предлагаемой нами отдельной статье УК РФ, будет непосредственно и реально системно подтверждать полное единство их юридической природы, обеспечивая эффективную реализацию при применении.

Местонахождение в структуре УК РФ и наименование раздела третьего «Наказание» подлежит изменению за счет переименования, редактирования и использования в нем образующего ее систему разновидностей словосочетания «уголовная ответственность», отражающего прежде всего основополагающее уголовно-правовое последствие для виновных лиц, совершивших преступления. Соответственно, виды наказания, фактически являясь непосредственно нетождественными по своей сути и содержанию понятиями, реально выступают отдельными сегментами одной из ее форм: «Раздел III. Уголовная ответственность. Наказание».

В свою очередь, соответственно, глава девятая «Понятие и цели наказания, виды наказаний», наименование и содержание входящих в ее структуру статей исходя из предлагаемых нами законодателю корреляций смещаются в главу десятую, освобождая место в Общей части УК РФ для нормативного содержания понятия уголовной ответственности, ее целей и форм реализации. Таким образом, фактически структура уголовного закона непосредственно изменяется за счет расширения нормативного регулирования и реального перемещения самого текстуального материала, прежде всего в контексте содержательно не полностью в настоящее время присутствующей в его официальном тексте основополагающей уголовно-правовой категории «уголовная ответственность». По нашему мнению, предлагаемую нами главу 9 «Понятие и цели уголовной ответственности. Формы уголовной ответственности» законодателю следует изложить в следующей редакции:

«Глава 9. Понятие и цели уголовной ответственности. Формы уголовной ответственности

Статья 43. Понятие и цели уголовной ответственности

1. Уголовная ответственность есть предусмотренное настоящим Кодексом негативное юридическое последствие, основанное на уголовно-правовых нормах осуждение государством общественно-опасного деяния и лица, виновно его совершившего, выраженное во вступившем в силу обвинительном приговоре суда, сопряженное с назначением наказания и (или) иных мер уголовно-правового характера и судимостью.

2. Уголовная ответственность имеет целью эффективную реализацию назначенных видов наказания и (или) иных мер уголовно-правового характера и судимости для восстановления социальной справедливости, исправление лица, в отношении которого она назначена, предупреждение совершения новых преступлений со стороны осужденного и иных граждан.

Для оптимального раскрытия содержания форм, а в дальнейшем и видов реализации уголовной ответственности, их оптимальной дифференциации, эффективной унификации правоприменительной практики законодателю необходимо в отдельной статье УК РФ определить сферу действия этих разновидностей данной основополагающей уголовно-правовой категории. Предлагаемую нами коррелированную ст. 44

УК РФ «Формы уголовной ответственности» следует изложить в следующей редакции:

«Статья 44. Формы уголовной ответственности

Уголовная ответственность реализуется в следующих формах:

1) наказание (ст. 44 УК РФ);

2) условное осуждение (ст. 73 УК РФ);

3) отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ);

4) иные меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ)».

Таким образом, нам необходимо констатировать, что фактическая реализация непосредственно перечисленных нами форм уголовной ответственности в предлагаемой уголовно-правовой норме реально осуществляется в следующих их разновидностях:

1) уголовная ответственность без назначения наказания. Она возлагается на лиц, освобождаемых от наказания по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76, 77, а также в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части настоящего Кодекса;

2) уголовная ответственность с назначением наказания без его исполнения в момент вступления обвинительного приговора в силу. Она возлагается на лиц по основаниям, предусмотренным ст. 73, 82 настоящего Кодекса;

3) уголовная ответственность с назначением наказания, но неполным его исполнением. Она возможна в случаях, предусмотренных ст. 79, ч. 2 ст. 81, 93 настоящего Кодекса;

4) уголовная ответственность без назначения наказания, но с принудительными мерами воспитательного воздействия. Она назначается в соответствии со ст. ст. 90, 92 настоящего Кодекса;

5) уголовная ответственность без назначения наказания, но с принудительными мерами медицинского характера. Она назначается на основании пунктов «в», «г» ч. 1 ст. 97 настоящего Кодекса;

6) уголовная ответственность, связанная с конфискацией имущества. Она назначается на основании пунктов «а», «б», «в», «г» ч. 1 ст.атьи 104^1 настоящего Кодекса;

7) уголовная ответственность, вытекающая из судимости лица. Она основывается на ст. 86 и 95 настоящего Кодекса;

8) уголовная ответственность с назначением наказания и его исполнением с момента вступления обвинительного приговора суда в силу. При этом назначение наказания исчерпывается следующими видами... и далее следует изложить содержание ст. 44 УК РФ, не выделяя ее в отдельную статью [2].

Список использованной литературы:

1. *Дворецкий М. Ю.* Направления совершенствования системы отдельных видов уголовных наказаний и иных мер исправления и безопасности в контексте оптимизации уголовной ответственности по УК ФРГ // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 5. С. 86–88 ; *Он же.* Эффективная реализация уголовной ответственности и процессы глобализации // Сборник материалов V Российского конгресса уголовного права. 27–28 мая 2010 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2010.

2. *Он же.* Иные меры уголовно-правового характера в системе видов уголовной ответственности : оценка состояния и эффективности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Законодательство в борьбе с преступностью» 27 марта 2009 г. / отв. ред. О. С. Капинус. М., 2010. С. 30–35 ; *Он же*. Уголовная ответственность : реализация и эффективность // Материалы VII Международной научно-практической конференции 28–29 января 2010 г. / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2010. С. 16–19 ; *Он же.* Эффективная реализация уголовной ответственности // Вестник Воронежского университета МВД России. 2011. № 1. С. 52–58.

С. В. Деманова, С. А. И. Савд

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРАКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация все более ощутимо и настойчиво входит в жизнь всего человечества, охватывая все страны и регионы мира [1, с. 6]. Следует констатировать, что образование в эпоху глобализации становится той отправной точкой, где сходятся преимущества и противоречия, порождаемые современной эпохой научно-технического прогресса и стремительным развитием системы научных знаний. В большинстве государств мира все большее внимание обращают на уровень образования населения, поскольку каждое государство нуждается в высокообразованных и высококвалифицированных кадрах. Возрастают и требования к уровню образования.

Необходимо отметить, что востребованность высшего образования во всем мире постоянно растет. Так, по данным ЮНЕСКО, численность студентов за последние 40 лет выросла в 6 раз. В 2000 г. в вузах мира обучалось 82 млн чел., в 2015 г. будет обучаться примерно 97 млн, а в 2025 г. число студентов превысит 100 млн чел.[2, с. 23].

Глобализация – это мировое явление, затрагивающее все государства, в том числе и Республику Ирак, которая не может существовать без связи с общемировыми процессами. Следует сказать, что разные страны не одинаково включаются в глобализационные процессы. Для Ирака глобализация – это внедрение новых форм развития общества, демократии, экономики постиндустриального общества, а также восстановление своих многовековых корней в сфере права и культуры, которые были разрушены в период правления Саддама Хусейна и в период вооруженного конфликта с США. Приходится констатировать, что Ирак не является в полной мере равноправным участником и партнером транснациональных производственных процессов и финансовых потоков, а служит поставщиком сырьевых ресурсов и интеллектуальных кадров.

По данным министерства высшего образования Ирака, с началом военного конфликта явление «утечки мозгов» за границу приобрело катастрофические масштабы. Так, около 50 выдающихся ученых и специалистов в разных областях знания (гуманитарные науки, медицина, ядерная физика и др.), многие из которых были известны всему миру, были убиты, десятки иракских ученых и специалистов вынужденно покинули страну под угрозой смерти. Многие были вынуждены покинуть Ирак после того, как побывали в заложниках [3].

Право на образование, в том числе и высшее, получило свое закрепление в конституциях большинства развитых стран мира, например Конституции РФ, Конституции Французской Республики, Конституции Финляндии (Финляндской Республики), Конституции Швеции (Королевства Швеции) и др. Конституция Ирака в 2005 г. также закрепила право на образование: «Образование является основополагающим фактором в развитии общества и правом, гарантированным государством. Начальное образование является общеобязательным, государство таким образом стремится искоренить безграмотность. Получение бесплатного образования на всех уровнях — право каждого гражданина Ирака» (ст. 34) [4].

Таким образом, в Ираке на конституционном уровне закреплено право каждого гражданина на получение бесплатного образования, в том числе и высшего. Однако события последних десяти лет (вооруженная агрессия США против Ирака, многочисленные террористические акты и др.) не могли не отразиться как на уровне жизни иракского народа в целом, так и на уровне образования населения в том числе. По данным социологов, 24% иракских детей недоедают, 59% страдают от хронических

болезней, 50% лишены медицинской помощи, 170 тыс. детей стали жертвами послевоенного насилия, 100 тыс. – инвалидами, около 2 млн оказались в категории «перемещенные лица», более 80% образовательных учреждений пострадали во время вооруженного конфликта [3]. Сейчас многие родители несут дополнительные расходы, связанные с оплатой учебников, книг и других учебных материалов, что достаточно обременительно для бедных семей. Такое положение порождает рост неграмотности среди населения Иракской Республики. Закрепленное на конституционном уровне право на получение бесплатного образования на практике не реализуется.

Высшее образование в Ираке в настоящее время можно получить как в государственном, так и в частном вузе. В Ираке действует 29 государственных университетов, 30 институтов и колледжей (например, Багдадский университет, Иракский технологический университет, Анбарский университет, Дахукский университет и др.). В вузах Ирака обучается 475 тыс. человек, з них 75 тыс. студентов – в частных вузах. Многие ведущие университеты мира (США, Великобритании, Турции, Ирана, Малайзии, Индии) открыли свои филиалы в Ираке.

Для поступления на программы высшего образования университетского уровня абитуриентам необходимо иметь Sixth Form Baccalaureat. Те, кто получил Sixth Form Baccalaureat Science, могут выбирать любое высшее учебное заведение, при этом профиль программ высшего образования определяется оценками, полученными и отмеченными в Sixth Form Baccalaureat. Те, кто имеет Sixth Form Baccalaureat Arts, могут поступать только на программы в соответствии с профилем полученной подготовки. 10% лучших выпускников, получивших среднее профессиональное образование, могут получить право поступления в высшие учебные заведения университетского уровня только в соответствии с той программой, которая была ими освоена ранее [5].

В современных условиях глобализации открываются достаточно широкие возможности доступа к получению высшего образования, прежде всего в результате стремительного развития информационных технологий и Интернета. Система электронного обучения и дистанционных образовательных технологий позволяет получить высшее образование независимо от места нахождения обучающегося, сочетать традиционные методики преподавания с системой видеоконференций в режиме реального времени, обеспечить доступ к базам данных электронных библиотек, а также к учебно-методическим материалам в режиме off-line, когда доступ в сеть Интернет затруднен или недоступен. Кроме того, становится особенно актуальным участие вузов в сетевой форме реализации образовательных программ. Таким образом, активное внедрение в образовательное пространство современных информационных технологий позволяет обеспечить доступность высшего образования для разных групп населения. Однако возникают и иные проблемы, связанные с компьютерной грамотностью, возможностью доступа к цифровой технике и информационно-телекоммуникационной сети. К сожалению, приходится констатировать, что данная проблема остро стоит для Иракской Республики, где недостаточно развиты или были разрушены сетевые технологии и коммуникации.

Несмотря на сложную и нестабильную политическую обстановку, Республика Ирак осуществляет сотрудничество в сфере высшего образования со многими странами мира. Так, в вузах России обучается более 2 тыс. студентов из Ирака, около 15 тыс. иракских студентов, аспирантов и специалистов получают высшее образование в США, Великобританиия, Австралии, Германии и Франции.

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского также вовлечён в международное образовательное и научное пространство, постоянно расширяя сферу международного сотрудничества.

В 2011–2012 годах был подписан ряд документов о сотрудничестве СГУ им. Н. Г. Чернышевского с университетами Ирака в сфере разработки и реализации совместных проектов в научной, учебной, педагогической, управленческой деятельности, обмена студентами, преподавателями, аспирантами, магистрантами (договор о сотрудничестве с университетом Вавилона, меморандум о взаимопонимании между университетом Аль-Кадисия и СГУ, соглашения об академическом и научном сотрудничестве между Ассоциацией учителей Ирака и СГУ, а также университетом Хавлер Салахаддина Эрбил (Курдистан, Ирак) и СГУ, договор о сотрудничестве между Тикритским университетом (Республика Ирак) и СГУ) [6].

Таким образом, высшее образование находится сегодня в центре первоочередных государственных интересов практически во всех странах мира. Его роль в социальном, экономическом развитии общества и государства является общепризнанной и многократно возрастает в современных условиях глобализующегося мира.

Получение высшего образования в Республике Ирак, закрепленное на конституционном уровне, связано с рядом проблем – это общий высокий уровень неграмотности среди населения, проблемы получения бесплатного начального образования детьми, нестабильная общественно-политическая ситуация, недостаточно развитая система информационно-телекоммуникационной сети и др.

Однако следует отметить и ряд положительных тенденций в сфере реализации конституционного права на получение высшего образования в Ираке – это разветвленная сеть как государственных, так и частных вузов, развитие сотрудничества между вузами Ирака и ряда зарубежных стран в сфере разработки совместных проектов, обмена студентами, преподавателями, аспирантами и магистрантами.

Список использованной литературы:

1. *Лукашева Е. А.* Право и права человека в условиях глобализации (материалы научной конференции). М., 2006.

2. *Сороко Е. Л.* «Демографическая яма» : прогнозы и вызовы // Аккредитация в образовании. 2009. № 35.

3. Российское агентство международной информации. URL: //www.ria.ru. 27 сентября 2010 № 246365 (дата об ращения: 01.02.2014).

4. Конституция Ирака. Российский правовой портал : Библиотека Пашкова. URL: http: // constitutions.ru / archives / 6109 (дата обращения: 22.09.2013).

5. См.: Российское образование для иностранных граждан. URL: http: / / russia.edu.ru / information / met / edusys / 1267 / (дата обращения: 01.02.2014).

6. СГУ им. Н. Г. Чернышевского. URL: http: / / www.sgu.ru / structure / internationalrelations / dokumenty-umsii / zarubezhnye-partnery#overlay-context=structure / internationalrelations / dokumenty-umsii (дата обращения: 01.02.2014).

Т. А. Дураев

КОНСТИТУЦИОННАЯ ДОКТРИНА КАК СТИМУЛ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

12 декабря 2013 года наша страна отметила 20-летие российской Конституции и в преддверии юбилейной даты по всей стране прошли круглые столы. Состоялся и президентский круглый стол с участием видных ученых-конституционалистов. Общим для всех юбилейных мероприятий стал вопрос, проводить или не проводить конституционную реформу.

Для начала необходимо уяснить, что понимается под конституционно-правовой реформой. Легальное определение понятия конституционной реформы в российском законодательстве отсутствует. В гл. 9 Конституции РФ используются тер-

мины «конституционные поправки» и «пересмотр Конституции РФ». Согласно ст. 2 ФЗ РФ от 4 марта 1998 года «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ»[1], под конституционной поправкой понимается любое изменение текста глав 3–8 Конституции РФ – исключение, дополнение, новая редакция какого-либо из положений указанных глав. Пересмотр Конституции РФ означает принятие нового конституционного акта в случае изменения глав 1, 2 и 9 Конституции РФ. Таким образом, не вдаваясь в методологию вопроса, будем понимать под конституционной реформой поправки в Конституцию РФ.

В литературе обоснованно отмечается, что одна из важных политико-юридических проблем, решаемых в настоящее время, заключается в том, чтобы серьезно повысить социальную эффективность Конституции РФ, выявить пути и средства наиболее приемлемой стыковки положений юридической конституции с фактической, т. е. с повседневной жизнью государственно-организованного общества [2]. Среди множества вариантов оптимальным становится путь внесения поправок в Конституцию РФ.

Необходимо подчеркнуть, что авторы Конституции РФ предусмотрели возможности ее изменения. Во-первых, в гл. 9 Конституции РФ закреплены основания изменения глав с 3 по 8 (ст. 134–136 Конституции РФ). Во-вторых, механизм для внесения поправок предусмотрен ст. 137 и лишь для одной ст. 65 Конституции РФ. И в связи с этим вопрос должен быть переформулирован так: что и как менять в Конституции РФ?

Президент РФ неоднократно в своих телевыступлениях говорил, что Конституцию РФ менять нужно, но постепенно, аккуратно, со знанием дела. В этих условиях необходимо определение парадигмы конституционной реформы с позиций ее последовательного программно обеспеченного процесса, основанного на компромиссе различных политических сил, государственных органов разного уровня и многонационального народа России.

Полагаем, что изменение Конституции РФ и, как следствие, конституционно-правовая реформа должны осуществляться в «духе» Конституции РФ, и для этого каждая поправка должна быть взвешена с точки зрения не только политического, социально-экономического, культурно-исторического аспектов, но научно обоснованных правовых начал управления социальными процессами.

Данное обстоятельство обусловливает особую практическую и теоретическую значимость доктринальной тематики в сфере конституционного строительства [3, с. 3]. Сложность этого вопроса обусловлена малой исследованностью и неразработанностью самого института «доктрины» в теории права (хотя начало его развития относится к временам древнеримских юристов), а равно и той роли, какую играет Конституционный суд РФ (далее – КС РФ) при формировании и реализации конституционных доктринальных положений.

Современное содержание термина «правовая доктрина» определяется как «теоретические положения в области права, государства, законодательства, избранные для осуществления в данной конкретно-исторической обстановке с учетом различных социальных, политических, экономических, культурных, идеологических факторов» [4, с. 17]. Подобная вариабельность категории «доктрина» свидетельствует о многофункциональности целевой нагрузки, возлагаемой на доктринальные документы [3, с. 3].

Современная «правовая доктрина» получила новую интерпретацию: правотворчество востребовало данный термин в качестве наименования правовых актов государственной власти [6]. В настоящее время приняты и действуют разнообразные государственные доктрины, утвержденные обычно указами Президента РФ (речь

идет о военной, экологической, образовательной доктринах, доктрине национальной безопасности и др.). Думается, что, вводя термин «доктрина» в название правовых актов государственной власти, законодатель хотел подчеркнуть фундаментальную значимость последних, поскольку в широком смысле доктрина формирует дух той или иной отрасли права, равно как и правовую идеологию, мировоззрение ее создателей [7, с. 7].

В формировании конституционной доктрины ключевую роль играет КС РФ (а точнее, его правовые позиции, выраженные в решениях), ставший «признанным центром, генерирующим основные положения конституционной доктрины». Этому способствовало принятие Конституции РФ, которая положила начало формированию «конституционной доктрины России, поскольку сложившаяся ранее конституционно-правовая теория стала непригодна для объяснения и обслуживания модели организации власти, суверенитета, свободы личности» [8, с. 5].

Законодатель наделил полномочием по формированию конституционной доктрины лишь КС РФ в лице его судей [9], которые через совокупность своих решений формируют конституционно-правовую доктрину и тем самым фактически выполняют правотворческую функцию [10]. Декларативность Конституции РФ позволяет КС РФ истолковывать ее (или добиваться толкования) в нужном духе, руководствуясь своей волей и внутренним убеждением, что вполне естественно для юстиции. Следовательно, КС РФ становится выразителем коллективной воли всего общества, выступает единственным толкователем и правоприменителем Конституции РФ, в чем убеждают нас последствия процессов реформирования российского общества. Конституция РФ закрепляет нормы-принципы государственной власти, прав и свобод, общественного устройства и пр., а правовые позиции КС РФ, являясь доктринальными установками, намечают пути к ним, соответственно, государственные органы и их должностные лица, воплощает их в жизнь. В настоящее время эта форма управления России позволила стабилизировать наше общество.

Действующая Конституция не конкретизирует тип государства и видовые особенности каждого элемента его формы, а лишь очерчивает общие параметры республики и федерации. Но в такой форме могут существовать разные режимы – от демократии до авторитаризма. Конституция РФ, в зависимости от ее толкования, может стать фундаментом любого из них. Поэтому важно выявить ее истинный «дух», и в этом смысле особое значение приобретают предпринятые КС РФ в последние годы попытки обоснования конституционных норм с учетом конкретно-исторического подхода.

Важно отметить, что это позволяет КС РФ существенно изменять содержание правовых позиций вплоть до отмены ранее действовавших под влиянием социально-исторических условий развития элементов российской политической и правовой системы, российского государства в целом (абзац пятый п. 3.2 постановления КС РФ от 16.07.2007 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 ФЗ РФ „О политических партиях” в связи с жалобой политической партии „Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов”» [11]). В условиях переходной государственности это представляется оправданным и необходимым.

Другим подходом к пониманию природы правовых позиций становится попытка определения специфических признаков решения КС РФ и степени его влияния на законодательство и правоприменительную практику [12]. По существу, решения КС РФ носят общеобязательный, окончательный и неоспоримый характер и обладают такими признаками, как вступление в силу с момента провозглашения и непосредственное действие, официальное опубликование, неоднократность приме-

нения, т. е. нормативность. Следовательно, свое действие они распространяют за пределы конкретных дел. Таким образом, именно правовые позиции КС РФ представляют собой эффективный способ научного обоснования практики применения конституционно-правовых норм и, полагаем, должны выступать стимулом и предпосылкой к осуществлению конституционно-правовой реформы в России.

Наметившийся ныне перелом в преодолении негативных экономических и социально-политических тенденций вполне правомерно связывается со стабильностью конституционного строя. Незыблемость Конституции РФ – это одно из ее юридических свойств, и большинство ученых и политических деятелей оправданно связывают с ним стабильность в государстве и обществе. Не отрицая политической значимости решения вопроса о реформировании Конституции РФ, следует признать, что как сохранение существующего Основного Закона, так и его изменение для решения конъюнктурных политических проблем представляется одинаково опасным.

Призыв к скорейшему проведению конституционной реформы означал бы политический субъективизм и упрощение существующих проблем. Между тем конституционная реформа – это глобальный процесс изменения всего законодательства, поскольку изменение Конституции РФ впоследствии затронет и текущее законодательство. В связи с этим необходимо выработать алгоритм ее проведения на основе конституционной доктрины, внутригосударственной политической и социально-экономической обстановки и долгосрочных перспектив развития общества, основанного на взаимодействии различных политических сил и государственных органов. Таким образом, к конституционной реформе необходимо подойти как к логически выверенному поэтапному процессу, социально значимое политико-правовое содержание которого было бы четко определено в конституционно-правовой доктрине КС РФ.

Список использованной литературы:

1. О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ : Федеральный закон N 33-ФЗ от 4 марта 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

2. Подробнее см.: *Батурин Ю.* Конституция как событие на границе хаоса и государственного порядка (на примере Конституция России 1993 года) // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6. С. 43–56 ; *Скуратов Ю. И.* Развитие Конституции РФ 1993 года : поправки в конституцию или конституционная реформа? // Российский юридический журнал. 2009. № 3 и др.

3. *Пряхина Т. М.* Конституционная доктрина в системе категорий конституционного права // Конституционное и международное право. 2004 . № 3.

4. *Рыбаков О. Ю.* Личность. Права и свободы. Правовая политика. М., 2004.

6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 9 сентября 2000 г., № Пр-1895 // РГ. 2000. 28 сент. ; «Экологическая доктрина Российской Федерации» : Распоряжение Правительства РФ от 31.08.02 // РГ. 2002. 18 сент.

7. *Бутусова Н. В.* Роль государственных доктрин и концепций в закреплении целей и задач Российского государства в условиях перехода к устойчивому развитию // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 3.

8. *Эбзеев Б. С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд : учеб. пособие для вузов. М., 1997.

9. О Конституционном Суде РФ : Федеральный Конституционный Закон РФ от 21 июля 1994 г. (в ред. от 5 февраля 2007 г.). Ч. 1 ст. 3 // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447 ; 2007. № 7. Ст. 829.

10. См., например: *Эбзеев Б. С.* Конституционный Суд Российской Федерации : правовая природа и функции // Вестник СГАП. 1995. № 4 ; *Зорькин В. Д.* Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007.

11. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 ФЗ РФ «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов» : Постановление КС РФ от 16.07.2007 № 11-П // СПС «Гарант» (дата обращения: 13.01.2014).

12. См., например: *Явич Л. С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 78–79 ; *Зорькин В. Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12 ; Научно-практический комментарий к Конституции РФ / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2004 и др.

В. В. Елистратова

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ : КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ

В условиях глобализации достижения в рамках внутригосударственного реформирования теснейшим образом связаны с межгосударственной интеграцией. Коренные национальные интересы могут быть обеспечены лишь в контексте общих интересов государств. Государства все чаще передают часть своих полномочий, которые ранее считались неотъемлемыми атрибутами суверенитета, в пользу различных межгосударственных объединений и организаций. Однако это не означает умаления государственного суверенитета. Сущность суверенитета сегодня не сводится лишь к свободе государства независимо осуществлять свою власть, но дополняется стремлением к полноценному сотрудничеству в рамках межгосударственных объединений на благо человека и всего общества. Оптимальным является сочетание суверенитета государств и новых форм межгосударственного общения с созданием наднациональных структур.

Государственный суверенитет является первоосновой, «ключевым, системообразующим элементом в системе международных отношений, в которых заложен принцип примата государственного суверенитета» [1, с. 15]. В Конституции РФ в косвенной форме законодательно закреплена принадлежность суверенитета государству через конкретное указание, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

С. А. Киреева совершенно справедливо отмечает, что функция межгосударственной интеграции является одним из рычагов реализации Концепции внешней политики РФ [2, с. 139]. Участие России в межгосударственных объединениях основано на принципах внешней политики Российской Федерации, которые формируются на базе общепризнанных принципов и норм международного права и отражают ее национальные интересы. Это позволяет России, интегрируясь в мировое сообщество, сохранить свои самобытность и ценностные ориентиры.

Существующие межгосударственные объединения с участием Российской Федерации демонстрируют неразрывную взаимосвязь национальных и интернациональных интересов, которая находит свое отражение и в конституционно-правовых гарантиях. В рамках межгосударственной интеграции достаточно четко проявляются тенденции интернационализации права, тесного взаимодействия международного и национального права, максимальной гармонизации интересов государств.

В соответствии с Конституцией Российская Федерация провозглашена демократическим правовым федеративным государством. Сущность правового государства также неразрывно связана с его позиционированием на международной арене. Неслучайно международные договоры признаются существенным элементом функционирования правового государства [3].

Конституция Российской Федерации закрепила нормы, определяющие соотношение российского и международного права. Конституционные положения в ч. 4 ст. 15, п. «б» ст. 86, п. «г» ст. 106 и ст. 79 создают правовые гарантии для участия Рос-

сии в международно-правовых отношениях, а также для подготовки и реализации международных правовых актов. Особое значение имеет ст. 15, объявляющая общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Данная норма относится к основам конституционного строя России. Указанное конституционное положение придает перечисленным элементам международного права юридическую силу внутригосударственного действия [4, с. 369]. Заключение международных договоров, их ратификация и выполнение осуществляются на международно-правовой и конституционной основе.

Все нормативно-правовые акты России, в том числе и международного характера, должны соответствовать конституционным нормам. Только в этом случае положения международных договоров в соответствии с ч. 4. ст. 15 Конституции РФ будут иметь преимущество перед законом. Причем Конституция устанавливает не общий приоритет норм международного права, а приоритет их применения. Применительно к российской правовой системе подразумевается приоритет международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией.

В ст. 79 Конституции РФ закреплено, что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Право участия России в межгосударственных объединениях относится к числу основных элементов ее конституционно-правового статуса, реализуя который, она представляет и защищает свои интересы. Необходимость участия России в межгосударственных объединениях определяется ее национальными интересами. Поэтому есть все основания утверждать, что право участия государства в межгосударственных объединениях сегодня неразрывно связано с его обязанностью позиционирования в интеграционных процессах в собственных интересах.

Национальные и интернациональные интересы в межгосударственном объединении тесно взаимосвязаны. Национальные интересы представляют собой совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в разных сферах. Если национальный или национально-государственный интерес – это приоритеты всей нации в целом, то интернациональный интерес объединяет общие интересы государств, интересы мирового сообщества [5, с. 195]. Защищая и реализуя собственные интересы, любой субъект международных отношений должен уважительно относиться и к интересам других государств. В этом контексте правомерно вести речь об универсальных интернациональных интересах всего мирового сообщества.

Эффективная практическая реализация целей и задач существующих объединений государств разного уровня с участием Российской Федерации предполагает поиск оптимального сочетания национальных и интернациональных интересов на основе продуманной правовой политики в данной сфере.

Межгосударственные объединения, являясь наиболее сложной формой интеграции государств, решают проблему обеспечения баланса национальных и интернациональных интересов. Им присущи более строгие функциональные, институциональные и правовые элементы, структурированная связь надгосударственных и национальных институтов и норм деятельности [6, с. 141]. Функционирование различных институтов межгосударственных объединений предполагает не размывание, а активное взаимодействие с национальными органами по проблемам межгосударственной интеграции [6, с. 149].

В межгосударственном объединении имеют место и наднациональные интере-

сы, связанные с непосредственными целями и задачами самого объединения. Данные интересы требуют надгосударственных механизмов решения возникающих проблем. Целенаправленное правовое регулирование государственного развития посредством творческого использования инструментария интеграционного права с применением передового правового опыта межгосударственных структур становится одним из важнейших способов обеспечения баланса национальных и интернациональных интересов государств.

Список использованной литературы:

1. *Хабиров Р. Ф.* Государственный суверенитет в свете доктрины прав человека / / Право и государство : теория и практика. 2005. № 2.

2. *Киреева С. А.* Динамика функции межгосударственной интеграции / / Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 1.

3. СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 3757.

4. *Косолапов М. Ф.* Значение международно-правовых стандартов в российской правоприменительной практике / / Право и его реализация в XXI веке : сб. науч. тр. (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Саратовской государственной юридической академии, 29-30 сентября 2011 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. С. Н. Туманова. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. Ч. 2.

5. *Хижняк В. С.* Классификация интернациональных интересов в международном праве / / Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5.

6. *Егорова Н. Е., Маринина В. А.* Правовые проблемы межгосударственной интеграции / / Журнал российского права. 2005. № 5.

Ю. В. Ермолаева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СУБЪЕКТОВ РФ

Актуальность представленного исследования обусловлена современными тенденциями развития федеративных отношений в России. Сохранение отдельных элементов административно-территориального деления субъектов РФ с конца 70-х годов XX века, наличие отдельных проблем в регулировании территориального устройства на Северном Кавказе, периодическое обсуждение предложений о переносе столицы России, образование городов-агломераций и многие другие факты свидетельствуют о насущности определения концептуальных основ территориальной организации Российского государства, и административно-территориального устройства в частности.

На нынешнем этапе развития науки конституционного права проблема определения нормативно-правовой основы административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации остается мало исследованной. Мы полагаем, что можно выделить несколько групп актов, регламентирующих вопросы территориального устройства государства.

К первой группе относятся нормы, которые содержатся в Конституции РФ и конституциях субъектов России, а также нормы международного права. Ко второй группе следует отнести нормы федерального законодательства, затрагивающие отдельные вопросы в сфере административно-территориального устройства, а к третьей группе – нормы регионального законодательства субъектов РФ.

Ввиду особой актуальности остановимся подробнее на анализе норм Конституции РФ. Нормы Конституции РФ, закрепляющие основы территориальной организации России (ст. 4, 5, 16, 65–79 Конституции РФ [1]) и принципы федерализма (ч. 3, 4 ст. 5 Конституции РФ) являются теми положениями, из которых берет свое начало и признается в качестве такового институт административно-территориального устройства субъектов РФ. Так, в ст. 71 и 72 Конституции РФ определены предметы

ведения Российской Федерации и совместного ведения России и ее субъектов. В п. «в» ст. 71 Конституции РФ закреплено, что в ведении Российской Федерации находятся федеративное устройство и территория страны. К исключительному ведению России относятся формирование субъектного состава страны (Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в РФ и образования в ее составе нового субъекта РФ» [2]), утверждение изменения границ субъектов и т. д. Согласно п. «г» ст. 71, Конституция РФ относит к ведению Российской Федерации установление системы федеральных органов разных ветвей власти, порядка их организации и деятельности и, следовательно, формирование ведомственного (функционального) вида территориальной организации.

В соответствии с п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов относится определение общих принципов местного самоуправления. При этом административно-территориальное устройство регионов страны принято относить к предметам ведения субъектов РФ во исполнение положений ст. 73 Конституции РФ. В подтверждение вышесказанного Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» среди основных полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ выделяет установление административно-территориального устройства субъекта РФ и порядок его изменения (п. «л» ч. 2 ст. 5) [3].

Обращаясь к истокам появления данной неопределенности, С. В. Кабышев отмечает: «Не секрет, что в ст. 72 Конституции РФ оказались, прежде всего, вопросы, по разграничению которых при подготовке к заключению Федеративного договора, а затем в ходе разработки проектов Конституции не удалось достичь согласия» [5, с. 82]. Так, в ст. 30 проекта, одобренного Конституционной комиссией 7 мая 1993 г. и доработанного с учетом положений проекта Конституции РФ, представленного Президентом РФ, и предложений субъектов РФ, было закреплено: «Республика, край, область, город федерального значения, автономный округ, автономная область состоят из самоуправляющихся территориальных единиц и самостоятельно определяют свое территориальное устройство» [4, с. 156].

На наш взгляд, причиной отказа от закрепления в тексте Конституции 1993 г. подобного положения могло послужить отсутствие в государственной теории единого подхода к содержанию понятий «административно-территориальное устройство», «территориальное устройство», «территориальная организация» и их соотношению. Разработчики также могли подразумевать административно-территориальное устройство субъектов под определением «общих принципов местного самоуправления» ввиду наличия общей единицы формирования для обоих поселений или просто допустить техническую ошибку.

Исходя из того, что разработчики конституционного текста умышленно закрепили в ст. 72 только определение общих принципов местного самоуправления, оставив определение общих принципов административно-территориального устройства самим субъектам, мы полагаем необходимым внести поправку в Конституцию РФ, а именно дополнить ч. 1 ст. 72 («В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: …») подпунктом «н^1» в следующей редакции: «…установление общих принципов организации административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации».

Похожие мнения уже высказывались в научной литературе. Например, М. С. Трофимов пишет: «На основе анализа ряда норм Конституции РФ можно сделать вывод о том, что вопрос об общих принципах организации административно-

территориального устройства субъектов РФ относится к совместному ведению РФ и субъектов РФ» [6, с. 113]. А. В. Обедков при анализе критериев и подхода к выделению городских поселений в России отмечает, что «было бы целесообразно отнести вопросы административно-территориального устройства к ведению РФ и ее субъектов» [7, с. 129].

По нашему мнению, данное предложение имеет своей целью определение конституционно-правовых основ института административно-территориального устройства субъектов исходя из необходимости сохранения за субъектами Федерации полномочия по организации собственного территориального устройства и роли данного института в общегосударственном масштабе. Кроме того, в этом случае станет необходимым принятие Федерального закона «Об общих принципах организации административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации». Указанный нормативный акт будет отражать тенденцию к сохранению за субъектами Федерации полномочий по организации собственного территориального устройства (в частности, административно-территориального) и при этом подчеркивать роль Федерации в установлении общих принципов организации данного института.

В целях сохранения неизменным конституционного текста можно предложить иную модель правового регулирования данного вопроса. Во исполнение положения о том, что в ведении Российской Федерации находятся федеративное устройство и территория Российской Федерации (п. «б» ст. 71 Конституции РФ), закрепить основы территориального устройства Российской Федерации в специальном Федеральном законе «Об общих принципах территориальной организации в Российской Федерации», в котором определить виды территориальной организации государства, статус территориальных единиц, принципы устройства и другие вопросы, касающиеся непосредственно организации территории Российского государства.

Таким образом, в настоящее время законодатель еще не определился с концептуальными аспектами административно-территориального устройства субъектов РФ, что порождает разнородность регионального законодательства и его противоречивость федеральному. Из обзора действующего законодательства на федеральном уровне можно выявить фрагментарность в регулировании института административно-территориального устройства субъектов РФ. Именно поэтому принятие предлагаемых нами федеральных законов будет способствовать унификации и систематизации законодательства в области территориальной организации федеративного государства и его субъектов.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерациири : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) / / СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4916 ; 2005. № 45. Ст. 4581.

3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 02.04.2013) / / СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 ; РГ. 2013. 5 апр.

4. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия : стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. Т. 4. 1993 год. Книга 2 (май-июнь 1993 года) / под ред. О. Г. Румянцева. М., 2008.

5. *Кабышев С. В*. Федерализм в России и Канаде : курс лекций. М., 2009.

6. Конституционное право России : в 2 т. / под ред. И. В. Мухачёва. Т. 2. Ставрополь, 2007.

7. *Обедков А. В.* Критерии и подходы к выделению городских поселений в России / / Федерализм. 2009. № 2 (54).

Л. А. Ефименко

РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РФ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЮРИСТА

Сознание является собственным продуктом, преобразованной формой тех общественных отношений, которые проявляются через деятельность людей. Правосознание как одна из сфер общественного сознания вырастает на соответствующей реальной основе и отражает в сознании людей уже существующие правовые явления и представления. Правосознание как одна из форм общественного сознания имеет отличие в том, что правовые установки, убеждения, навыки индивида показывают его отношение к праву, правопорядку и законности [1, с. 3].

Правосознание как форма общественного сознания управляет деятельностью человека, и индивид с развитым правосознанием осознает себя в качестве гражданина государства, субъекта прав и обязанностей, участника правоотношений. Он соблюдает правовые нормы по личному убеждению, при обнаружении несовершенства отдельных правовых положений, их отставании от жизни, ставит вопрос об отмене или изменении соответствующих правовых норм в установленном законом порядке [2, с. 108–109].

Утверждение принципов правового государства немыслимо без высокого уровня правосознания и правовой культуры, так как «правосознание – это форма общественного сознания, выступающая как система взглядов, убеждений, оценок, представлений, настроений, чувств данного общества, определяемая материальными условиями их жизни, направленная на установление правового режима в обществе, отвечающего интересам и целям этого общества» [3, с. 97].

В современном развитом обществе юридическая практика должна выстраиваться на утверждении в сознании индивида отношения к праву как ценности, направленной на формирование справедливого социального порядка, на защиту прав, свобод и интересов человека, общества. При воздействии права на правосознание происходит внедрение в сознание членов общества прогрессивных правовых идей, принципов и представлений о праве.

Правосознание имеет различные формы проявления. Оно может быть общественным, групповым и индивидуальным, обыденным и профессиональным. Особое значение в соблюдении законности, становлении правового государства имеет правосознание юристов, т. е. профессиональное. Без достаточно высокого уровня профессионального правосознания невозможно формирование правового государства. Оно вырабатывается посредством специального обучения в юридических вузах и формируется на практической правовой работе. Правосознание юриста влияет на качество его работы и эффективность правоприменительной деятельности.

Необходимость, полезность, эффективность действующих законов, особенно основного закона – Конституции, – напрямую связаны с правоприменительной деятельностью, которая осуществляется юристами в судах, прокуратуре, следственных органах, органах внутренних дел, адвокатуре. Если эта деятельность основана на законности, справедливости, гуманности, т. е. осуществляется в соответствии с принципами, закрепленными в Конституции РФ, она способствует становлению и развитию высокого уровня профессионального правосознания.

Для юриста умение научно мыслить о праве является его профессиональным отличием. Современный юрист должен быть восприимчивым и готовым к процессам и явлениям в окружающем мире, а также к быстро происходящим изменениям в юриспруденции. Согласно общественного мнения, юрист – это честный, неподкуп-

ный, грамотный профессионал с обостренным чувством справедливости и ответственности, с высоким уровнем правосознания.

Однако в настоящее время уровень профессионального сознания большей части российских юристов очень низок. Правоприменительная деятельность юристов не соответствует требованиям конституционных принципов, не всегда направлена на охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина. В деятельности юристов присутствуют правовой нигилизм, личный интерес и личное усмотрение, коррупция, ориентация не на требования Конституции и других нормативно-правовых актов, а на позицию чиновников, руководителей.

Правовое мировоззрение, выражаясь словами профессора И. В. Михайловского, преподававшего в Томском университете еще до революции, есть альфа и омега всего образования юриста, надежное руководство для самостоятельной работы на всех поприщах юридической жизни [4, с. 3–5].

Профессиональное правосознание формируется у юристов на основе мировоззренческой правовой идеологии и специальных юридических знаний. Первичным источником формирования профессионального правосознания является Конституция РФ как основной закон, изучаемый при получении юридического образования, в процессе которого человек приобретает системную совокупность знаний о правовой действительности и навыков для осуществления практической юридической деятельности. В дальнейшем полученные знания развиваются и углубляются в результате профессиональной деятельности и приобретения практического опыта.

Формирование высокого уровня профессионального правосознания юристов должно стать центральной идеей всего юридического образования, поскольку от качественного решения данной задачи напрямую зависит профессиональный уровень выпускника – его компетентность, практическая готовность к будущей профессии, устойчивость к профессиональной деформации. Юрист, обладая развитым профессиональным правосознанием, способен стать активным носителем правовой культуры, идей демократии и справедливости и, следовательно, успешно участвовать в решении проблем укрепления законности, повышения правовой культуры и правосознания населения.

Новые условия, изменившие роль конституционного законодательства в юридической практике, диктуют необходимость внесения соответствующих изменений как в организацию процесса обучения, так и в методику преподавания конституционно-правовых дисциплин. Основными такими изменениями могут являться расширение видов дисциплин конституционной или государственно-правовой проблематики, изучающих конституционное законодательство России и других стран, углубленное изучение содержания конституционно-правовых институтов, привлечение практиков-профессионалов с высоким уровнем правосознания.

Список использованной литературы:

1. *Ефименко Л. А.* Криминологический анализ взаимосвязи правосознания и преступности несовершеннолетних :втореф. дис. …канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
2. *Ефименко Л. А.* Профилактика преступлений и других правонарушений несовершеннолетних в аспекте правосознания. Краснодар : КГУКИ, 2006.
3. *Лукашева Е. А.* Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.
4. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. Томск, 1914.

Л. П. Жуковская

О ХОДЕ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Завершается 2013 год, богатый на юбилеи знаковых событий, предопределивших государственное устройство России. Двадцать лет мы живем по правилам и во исполнение Основного Закона нашей страны – Конституции Российской Федерации. Два десятилетия мы идем по пути демократии, неотъемлемыми атрибутами которой сегодня являются гражданское общество, свободные выборы и местное самоуправление.

Именно с местным самоуправлением связаны еще два юбилея, отмеченные в уходящем году – 15-летие ратификации Россией Европейской хартии местного самоуправления и 10-летие нового закона, определившего принципы серьезной реформы системы местного самоуправления, известного всем нам как Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1].

Законодательство о местном самоуправлении одно из самых динамичных – уже готова 77-я редакция закона, чаще которого изменялись очень немногие документы, например Налоговый кодекс (141 редакция).

Следуя в формате общероссийских преобразований, в Саратовской области продуманно вводился 131-й Федеральный закон, чтобы ни в коей мере не были ущемлены интересы жителей. Особенностью Саратовской области в ракурсе реформирования местного самоуправления является избранный ею поэтапный механизм передачи вопросов местного значения вновь образованным поселениям.

Областная власть, понимая всю ответственность и значимость общероссийской задачи по построению новой схемы организации власти на местах, активно участвовала в судьбе муниципалитетов, помогая им и в правовой, и в организационной плоскости, поддерживая их финансово. На этапе становления поселенческого уровня местного самоуправления была реализована одна из первых в России региональных программ по развитию системы местного самоуправления.

Не секрет – и об этом много и непрерывно говорится, – что одной из самых острых проблем является несоответствие объема полномочий органов местного самоуправления имеющимся в их распоряжении материально-финансовым ресурсам. Приходится констатировать, что с каждым годом объем полномочий поселений при существующей проблеме финансовой обеспеченности не сокращается, а увеличивается: за 10 лет перечень вопросов местного значения поселений расширился почти вдвое, с 22 до 40 позиций, а муниципального района – с 20 до 38.

Сегодня первоочередной задачей как раз и является поиск баланса объема полномочий и имеющихся ресурсов органов местного самоуправления. И в этом направлении наблюдаются сегодня две тенденции – экономической и организационной направленности. Первая направлена на повышение доходной части местного бюджета, вторая – на поиск оптимальной схемы организации и взаимодействия муниципального района и его поселений.

Областное правительство работает и в том и в другом направлении. Но мне бы хотелось заострить внимание на втором моменте. В нашей области накоплен богатый опыт организации различных схем межмуниципального сотрудничества и территориальной организации.

В 2008 году органам местного самоуправления было предложено апробировать схему передачи части полномочий от поселений на уровень муниципальных райо-

нов путем заключения соглашений. В результате к концу 2008 года треть полномочий поселений путем соглашений была передана для решения вопросов местного значения на районный уровень. В 2009 году на территории области поселений, желающих передать часть своих полномочий на уровень района, значительно прибавилось, и уже к 2011 году сложилась ситуация, когда среди городских поселений не осталось муниципальных образований, самостоятельно решающих полный перечень вопросов местного значения, а некоторые сельские поселения самостоятельно решали только 3 из 37 предусматриваемых на тот момент вопросов.

Одновременно с этим наметилась общероссийская проблема – концентрация значительной части экономического и финансового потенциала всего района в одном поселении, территориально являющемся административным центром района, где, согласно букве закона, должны быть организованы две администрации – района и поселения. Логичным становилось возникновение вопроса, насколько необходима администрации поселения-райцентра, если часть её полномочий исполнял район.

Поэтому своевременной была признана выдвинутая в 2010 году законодательным собранием Ленинградской области законодательная инициатива о внесении изменений в 131-й Федеральный закон в части исполнения полномочий местной администрации райцентра районной администрацией.

В первой половине 2012 года сложившаяся на территории области схема организации местного самоуправления была подвергнута тщательному анализу для определения точек воздействия, направленного на повышение эффективности работы и снижения расходов на содержание самих органов.

Первое, что было сделано, – практически весь муниципальный депутатский корпус, включая и глав, перешел на неосвобожденную основу. Сегодня главы, работающие на постоянной основе, остались только в крупнейших муниципалитетах – городе Саратове, Энгельсском, Балаковском, Балашовском и Вольском районах.

Второе направление – создание «объединенных» администраций райцентров. Первыми, кто приняли решение о внесении таких изменений в уставы, стали Аркадакское районное собрание и городской совет. Изменения вступили в силу после выборов нового состава городского совета в октябре 2012 года. На территории области из 38 муниципальных районов в этом году была реализована схема возложения на районную администрацию полномочий администрации поселения – районного центра.

Несмотря на то что схема организации «объединенной» администрации реализуется на территории области относительно недавно, уже сейчас отмечаются определенные преимущества.

Главное – исчезла проблема «неопределенности» у жителей административного центра района по поводу выбора администрации, в которой смогут решить их насущные проблемы. В основном с этим связана положительная общественная оценка проводимых преобразований. Объединение в одном органе полномочий сразу двух уровней местного самоуправления позволило упростить доступ жителей к муниципальным услугам, осложненный в настоящее время отсутствием понимания у них логики организации власти на муниципальном уровне.

Качество управления территорией за счет централизации власти и выработки единого подхода к социально-экономическому развитию района и райцентра также вырастет.

Объединение администраций исключило возможность дублирования некоторых полномочий в сфере культуры, земельных, имущественных отношений, градостроительства. Отмечается также сокращение количества предоставляемой отчетности и документооборота.

Качество исполнения полномочий повысилось за счет более рационального использования доходной части местного бюджета.

Немаловажной является и тенденция уменьшения напряженности в отношениях органов местного самоуправления поселения и муниципального района. Весомым аргументом в пользу проводимых преобразований является полученный экономический эффект. За счет сокращения аппарата муниципальных служащих ликвидируемой администрации поселения и расходов на его содержание и содержание административных зданий экономия местного бюджета составила около 200 млн рублей.

Третье направление работы по повышению эффективности работы муниципалитетов – корректировка территориальной организации местного самоуправления. На территории Саратовской области в полной мере представлены все варианты такой организации – от сельских поселений, в состав которых входит более 10 населенных пунктов и численность населения которых составляет от 6 до 11 тыс. человек, до районов, которые «порезаны» на 19 поселений, из которых в половине намного меньше чем по тысяче жителей.

В крупных поселениях, как правило, имеется больше возможностей для организации работы. Например, в 2010 году, когда в рамках федерального и областного проектов было возможным приобретение коммунальной техники на условиях софинансирования, относительно крупные поселения Аркадакского, Марксовского, Ртищевского районов смогли приобрести дополнительную технику с привлечением средств федерального бюджета, тогда как, например, в Красноармейском районе, где все поселения мелкие, ни одно из них не «заявилось» для участия в программе. Работа с населением в крупных поселениях также не страдает – есть хорошая практика, когда специалисты администрации работают не только в центре поселения, но и в наиболее крупных селах и, кроме того, ведется выездной прием по графику.

В результате на укрупнение муниципальных образований решились в текущем году 66 муниципальных образований из 17 районов.

Процедура принятия решений при этом установлена законодательством – проводятся публичные слушания, потом проект выносится на рассмотрение каждого из советов поселений. Проекты соответствующих законов области широко и заинтересованно обсуждались в Саратовской областной думе с участием общественников.

Не везде жители оказались готовы к такому решению или главы администраций смогли аргументированно доказать его необходимость. Так, решения выносились на обсуждение, но не были приняты в отдельных поселениях Красноармейского и Ершовского районов. Мы с уважением относимся к выбору жителей.

Однако уже сейчас ясны те плюсы, которые дает населению объединение поселений. Например, в Ершовском районе объединение двух муниципальных образований помогло сформировать достойный дорожный фонд. Сокращение расходов на содержание органов местного самоуправления позволило решить проблему уличного освещения и решить вопросы благоустройства сел. Сложилась экономия на участии в целевых программах, где требовалось софинансирование (например, по культуре).

В Краснокутском муниципальном районе в результате объединения высокодотационного Верхнеерусланского муниципального образования и муниципального образования «город Красный Кут», являющегося донором, расходы на осуществление полномочий распределились пропорционально, что позволило в населенных пунктах бывшего Верхнеерусланского муниципального образования решить проблему с благоустройством.

В качестве положительного эффекта от укрупнения муниципальных образо-

ваний отмечаются также повышение управляемости территории муниципального района и эффективность принятия управленческих решений. В целом экономический эффект от укрупнения муниципальных образований на территории Саратовской области составил более 40 млн рублей.

Мы ожидаем, что в следующем году укрупненные муниципальные образования продолжат находить преимущества проведенных в этом году территориальных преобразований. Но уже сегодня у нас имеются предложения от муниципальных образований области, изъявивших желание укрупниться на следующий год. И это говорит о воспринятой муниципалитетами положительной оценке данного процесса.

В своем послании Федеральному собранию в 2013 году Президент России Владимир Путин отметил, что важнейшей задачей является развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах [2]. Считаю, что проводимая в Саратовской области политика в полной мере соответствует заданному Президентом направлению.

Список использованной литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 28.12.2013) / / СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 ; 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6981.

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 / / РГ. 2013. 13 дек.

Т. В. Заметина

КОНСТИТУЦИЯ РФ 1993 ГОДА И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2013 год прошел под эгидой подготовки празднования 20-летия Конституции, был создан Оргкомитет при Президенте России, проведены десятки мероприятий по стране. Конституция выступает легитимной основой существования государственной власти и гражданского общества, правовой основой конституционализации всех сфер жизни, повышения конституционной культуры граждан и должностных лиц. Это важный политико-правовой символ, призванный сплотить нацию, обеспечить незыблемость конституционного строя, единство правового пространства. В Послании Федеральному собранию 12 декабря 2013 года Президент РФ В. Путин подчеркнул, что «Конституция соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, – подчеркнув их взаимную обязанность – уважать и защищать друг друга» [1].

Действующая Конституция оказала большое влияние на многие сферы общественной жизни. В связи с этим возникает вопрос, какую роль сыграла Конституция РФ 1993 года в формировании государственной национальной политики страны.

Очевидно, что проблема построения гармоничных национальных отношений была и остается актуальной.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения, территории России проживают представители 193 национальностей. Большинство народов России на протяжении веков формировалось на территории современного Российского государства и внесло свой вклад в развитие российской государственности и культуры.

Многонациональный характер нашего народа подчеркивается в Преамбуле и ст. 3 Конституции РФ, в которой говорится, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ.

Конституционные основы современной государственной национальной политики Российской Федерации нашли свое отражение не только в Преамбуле Основного Закона, но и в гл. 1, 2 и 3 Конституции РФ (ч. 3 ст. 5, 9, ч. 2 ст. 18, 26, ч. 3 ст. 68, ст. 69, п. «в» ст. 71, п. «б», «м» ст. 72).

Важный вклад в развитие конституционных идей в стране внесли альтернативные проекты Конституции. Не оставалась без внимания национальная политика государства и в «саратовском» проекте Конституции [2]. В нем закреплялось национальное равноправие, в том числе и в отношении представителей наций и народностей, проживающих в России за пределами своих национально-государственных образований (ст. 13). Не допускалось прямое или косвенное ограничение прав граждан по национальному или расовому признаку.

Раздел IV «саратовского» проекта – «Национально-государственное и административно-территориальное устройство Российской Федеративной Республики» – включал в себя три смысловых раздела, посвященных федерализму, роли России в интеграционных, межгосударственных объединениях (в версии авторов проекта «Союз суверенных республик»), административно-территориальному устройству. Решение вопросов административно-территориального устройства, в том числе применительно к национальным меньшинствам, выгодно отличало этот альтернативный проект Конституции страны от многих других проектов, в которых данному аспекту особого внимания не уделялось.

Действующая Конституция РФ 1993 года в своем тексте не оперирует понятием «этническая политика».

В отличие от международного права, в котором понятие «нация» чаще используется в общегосударственном смысле, в российском законодательстве сохраняется двоякий подход в его трактовке – этатический и этнический.

С этатической, государственной точки зрения сформулированы такие понятия, как «национальное культурное достояние», «национальные парки», «фонд национального благосостояния», «национальная стратегия противодействия коррупции» и т. д. В Конституции РФ 1993 года государственная политика гармоничного развития различных этнических общностей также получила название национальной политики. При этом речь идет о национальной политике именно в этническом, а не этатическом смысле слова. Иначе произошло бы дублирование термина «государственная политика».

Этническая политика является неотъемлемой составной частью национальной политики. Однако ее использование на региональном уровне считаем необоснованным, поскольку это может привести к разделению населения субъектов на «коренное» и «не коренное», обеспечению привилегированного положения для определенных этнических групп, а также поставить под сомнение единый правовой статус гражданина на всей территории Российской Федерации.

За 20-летний период действия Конституции можно выделить несколько этапов развития государственной национальной политики.

На первом этапе, в течение первых 7 лет после принятия Конституции РФ, вопросам регламентации государственной национальной политики уделялось особое внимание как на законодательном, так и на подзаконном уровне. В 1996 году была утверждена Концепция государственной национальной политики, были приняты важные федеральные законы, определены механизмы реализации Концепции.

Кроме того, в целях создания организационных основ осуществления государственной национальной политики постановлениями Правительства 1997 года были определены меры по реализации «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», а также образована Правительственная комиссия по

реализации Концепции.

С 2000 года специальные правовые акты по вопросам регламентации государственной национальной политики практически не издавались. Внимание уделялось в первую очередь отраслевому развитию конституционно-правового статуса коренных малочисленных народов**.** В тот же период активная правотворческая деятельность в сфере регламентации национальных отношений осуществлялась на региональном уровне.

С 2008 года руководство страны вновь осознает необходимость уделения внимания национальному вопросу. В Послании Президента РФ Федеральному собранию от 5 ноября 2008 года подчеркивалось, что «поддержка национальных традиций и культур народов России» является «не только условием укрепления федеративных основ, но и условием согласия в нашем обществе», Президент РФ констатировал, что «межнациональный мир – это одна из главных наших ценностей» [3].

В Послании Президента РФ Федеральному собранию от 12 ноября 2009 года вновь отмечается необходимость «беречь единое культурное пространство страны во всем его многообразии, помогать сохранению богатых национальных традиций народов России, а также развивать и совершенствовать программы обучения русскому языку» [4].

О необходимости укрепления межнационального согласия говорилось и в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 12 декабря 2012 года, в котором глава государства отметил, что «попытки провоцировать межэтническую напряжённость, религиозную нетерпимость мы должны рассматривать как вызов единству Российского государства, как угрозу для каждого из нас» [3].

Вопросы развития федеративных и межнациональных отношений обсуждались 19 сентября 2013 года на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Президент РФ В. Путин отметил, что «у нас накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур», «эта поликультурность, полиэтничность живет в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде». Вместе с тем идентификация исключительно по религиозным и национальным признакам невозможна, необходимо «формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону» [5].

В Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года президент вновь обратился к теме межэтнических отношений. Глава государства подчеркнул, что «здесь фокусируются многие наши проблемы, многие трудности социально-экономического и территориального развития, и коррупция, и изъяны в работе государственных институтов, и, конечно же, провалы в образовательной и культурной политике, что зачастую приводит к искаженному пониманию истинных причин межэтнического напряжения» [6].

19 декабря 2012 года Указом Президента РФ утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [7].

Принятие новой Стратегии свидетельствует об усилении государственной составляющей в сфере регулирования межнациональных отношений. Стратегия – это актуальный политико-правовой документ, учитывающий глобализационные аспекты, а также экономические, миграционные, социально-культурные и демографические процессы, происходящие на территории Российской Федерации. Данный документ принят в рамках деятельности государства по стратегическому планированию, носит комплексный межотраслевой характер.

В документе говорится о необходимости «сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод

граждан». Именно такая политика, на наш взгляд, в большей степени соответствует основам конституционного строя России, её федеративной модели государственного устройства и существующему демократическому режиму.

Можно отметить и некоторые пробелы в Стратегии. Указаны не все органы, ответственные за реализацию государственной национальной политики, четко не определены формы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, не включен раздел, определяющий критерии эффективности реализации Стратегии государственной национальной политики, а также раздел, позволяющий определить с помощью специальных индикаторов основные характеристики состояния межнациональных отношений, в частности уровень межнациональной напряженности, и т. д.

В плане совершенствования правовых основ государственной национальной политики на федеральном уровне полагаем необходимым принятие Федеральных законов «Об Уполномоченном по правам народов Российской Федерации», «О принципах и порядке разрешения межнациональных конфликтов в Российской Федерации».

Субъекты демонстрируют три основные модели правовой регламентации национальной политики:

1) принимают собственные концепции, программы национального развития. При этом даты утверждения этих документов разные, действуют документы как утвержденные еще в 1996–2000 годах (например, указ губернатора Свердловской области от 03.09.1996 № 335 (ред. от 03.11.2000) «Об утверждении Основных направлений национальной политики в Свердловской области», Постановление Государственного Совета УР от 06.02.1998 № 584-I «О Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики»), так и новые – Постановление Правительства МО от 23.03.2012 N 352/10 «Об утверждении Концепции реализации государственной национальной политики на территории Московской области», Постановление Правительства Саратовской области от 22.08.2011 № 450-П «О Концепции государственной национальной политики в Саратовской области» и др.[8];

2) принимают планы мероприятий или государственные программы по реализации Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (Алтай, Чувашская республика, Республика Кабардино-Балкария, Республика Дагестан);

3) наряду с собственными региональными документами, посвященными национальной политике, разрабатывают специальные правовые акты, направленные на реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (Республика Марий Эл, Ставропольский край).

Правовая регламентация и практика реализации государственной национальной политики в субъектах Федерации характеризуется и определенными недостатками: 1) в некоторых субъектах Федерации (преимущественно территориальных) законодательное регулирование основ национальной политики носит неполный и непоследовательный характер; 2) не всегда определены формы участия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в формировании правовых, организационных и социально-экономических основ национальных отношений на федеральном уровне; 3) законодательно не регламентированы механизмы раннего предупреждения и своевременного разрешения межнациональных конфликтов; 4) не всегда определены органы, осуществляющие мониторинг межнациональных отношений в конкретном регионе.

Поскольку часть правовых актов субъектов в сфере правовой регламентации принципов национальной политики принята до вступления в силу Стратегии и со-

ответствующих федеральных законов, это порождает несогласованность и несистематизированность законодательства субъектов Российской Федерации в данной сфере. В перспективе, на наш взгляд, необходима унификация конституционно-правовых начал национальной политики на региональном уровне, без которой невозможны построение симметричной федерации и реализация стратегии государственной национальной политики.

В целом следует констатировать, что Конституция РФ 1993 года заложила основы государственной национальной политики в Российской Федерации. Ее положения должны конкретизироваться федеральными законами и правовыми актами субъектов Федерации.

Список использованной литературы:

1. Саратовский проект Конституции России /предисл. В. Т. Кабышева. М., 2006.
2. РГ. 2013. № 282. 13 дек.
3. РГ. 2008. № 230. 6 нояб.
4. РГ. 2009. № 214. 13 ноя.
5. РГ. [Сайт]. URL: http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html (дата обращения: 13.12.2014).
6. РГ. 2013. № 282. 13 дек.
7. СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
8. Собрание законодательства Свердловской области. 1997. № 2. Ст. 209 ; Известия Удмуртской Республики. 1998. № 65. 21 апр. ; Собрание законодательства Саратовской области. 2011. № 23.

Д. С. Ивакина

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СИСТЕМЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В РФ

Прежде чем обозначить место культурных прав личности в системе основных прав и свобод, необходимо обратиться к исследованию категорий основных, конституционных и иных прав человека.

В правовой науке обычно отожествляют основные и конституционные права индивида [9, с. 144].

Как отмечает Е. А. Лукашева, под основными правами человека следует понимать права, содержащиеся в конституции государства и международно-правовых документах по правам человека. Любое основное право человека должно быть признано каждым государством-участником независимо от его конституционного закрепления. Приоритет международного права по отношению к внутригосударственному в области прав человека становится общепризнанным принципом международного сообщества. Он закреплен и в Конституции РФ [8, с. 146].

В науке конституционного права ряд авторов не выделяют как самостоятельные группы социальные, экономические и культурные права [2, с. 575]. Кроме того, существуют разные взгляды на положение культурных прав в системе основных прав и свобод человека и гражданина.

Так, некоторые правоведы считают, что социальные, экономические и культурные права в сравнении с личными и политическими имеют меньшую универсальность, поскольку распространяются лишь на некоторые категории населения. Они «нацелены не только на правомочия, но и на правообладание» [4, с. 45].

М. В. Баглай отмечает, что экономические, социальные и культурные права являются не столько юридическими нормами, сколько стандартом, к которому должно стремиться государство в своей политике [3, с. 245].

Как указывает Т. Е. Мельник, культурные права следует рассматривать через призму прав социальных. В таком статусе права человека в области культуры должны подчиняться логике развития в законодательстве именно социальных прав [6, с. 382]. В целом, с таким подходом нужно согласиться.

Культурные права могут быть отнесены к правам и свободам первого поколения. Например, свобода творческой деятельности, право на участие в культурной жизни, по сути, конкретизируют свободу мысли и слова. Реализоваться такие права могут прежде всего через деятельность самих обладателей прав, а государство не должно необоснованно вмешиваться в сферу индивидуальной свободы.

Культурные права, безусловно, тесно связаны с другими основными правами, в том числе право на свободу творчества имеет тесную связь с правом на свободу мысли и слова. Но, тем не менее, они являются самостоятельными правами, которые содержат в своей структуре определенные правомочия, поэтому не следует подменять одни права другими.

На наш взгляд, выделение культурных прав в самостоятельную группу является обоснованным, так как они имеют свои признаки (свойства), предмет регулирования, а также присущие только им особенности, отличающие данную категорию прав от других.

Как справедливо указывает А. Н. Морозова, культурные права человека и гражданина – это самостоятельный институт конституционного права, охватывающий общественные отношения в сфере культурной жизни общества и имеющий самостоятельный предмет правового регулирования; в культурной жизни общества культурные права рассматриваются как притязание на использование материальных духовных благ, а культурные свободы – как реализация своих способностей при ограниченном вмешательстве государства [7, с. 8–9].

Как нам представляется, культурные права – это особый вид прав человека, юридическое значение которых раскрывается в комплексе взаимосвязанных элементов системы прав человека. Поэтому абсолютно недопустимо принижение значения данной категории прав человека в сравнениию с другими.

Для того чтобы проиллюстрировать право на самостоятельное существование культурных прав, выделим их особенности:

– распространяются на культурную и социальную область жизни человека;

– обеспечивают духовное, в том числе и нравственное, развитие человека;

– предусматривают различные способы творческой самореализации личности;

– способствуют повышению культурного уровня человека;

– являются для государства целевыми, программными;

– носят характер прав-притязаний, т. е. характеризуются правом индивида требовать от государства положительной деятельности (гарантий) по созданию условий для реализации признаваемых за ним прав.

Для более глубокого понимания юридической природы культурных прав личности необходимо онимание выявленных особенностей.

Главной особенностью культурных прав человека и гражданина является их распространение на культурную и социальную сферы жизнедеятельности человека. С помощью этих прав обеспечивается удовлетворение культурных потребностей каждого индивида.

О. И. Тиунов рассматривает культурные права вместе с социальными, понимая под ними «гарантированные Конституцией неотъемлемые права человека и гражданина РФ в социальной и духовной сферах, дающие личности возможность свободно развиваться, вести достойный уровень жизни и защищать свои интересы. Эти права имеют важное значение для жизни человека» [5, с. 186–187].

Культурные права обеспечивают духовное, в том числе и нравственное, развитие человека. Причем при анализе данной особенности этих прав большое значение имеет понятие «нравственное развитие человека».

Понятие «нравственность» происходит от слова «нрав». В энциклопедической литературе термин «нравы» означает обычаи, имеющие моральное значение, а также формы поведения людей, которые бытуют в данном обществе и могут быть подвергнуты нравственной оценке [10, с. 346].

По нашему мнению, культурные права способствуют формированию нравственной культуры личности, под которой понимается показатель степени восприятия индивидом нравственного сознания и культуры общества. Нравственная культура личности формируется под воздействием разнообразных факторов – жизненного опыта человечества и своего собственного, воспитания, просвещения, искусства.

Культурные права обеспечивают различные способы творческой самореализации личности.

Важным культурным правом является право на свободу творчества, закрепленное ч. 1 ст. 44 Конституции РФ. Также ст. 10 Основ законодательства РФ о культуре предоставляет каждому человеку право на все виды творческой деятельности в соответствии со его интересами и способностями.

Действительно, каждый человек может заниматься любым творчеством, причем с детского возраста. Мало того, государство стимулирует и поощряет создание творческих организаций, коллективов, союзов. В стране действует большое число художественных, музыкальных, театральных и иных школ, коллективов и организаций. Причем человек может заниматься творческой деятельностью как на профессиональной, так и на непрофессиональной (любительской) основе (ст. 10 Основ законодательства РФ о культуре).

Права в сфере культуры способствуют повышению культурного уровня человека. Как нам представляется, данная особенность культурных прав имеет важное значение, но, к сожалению, не нашла отражения в действующем законодательстве.

Для детального рассмотрения данной особенности культурных прав следует провести семантический анализ понятия «культурный уровень человека».

В характеристике личности есть такое общепризнанное понятие, как культурный уровень. Это интегрирующий показатель развития личностных сил, достигнутых социальным субъектом. Он может толковаться и расширительно – в отношении группы, слоя, страны, класса, общества в целом [8, с. 167].

Понятие «культурный уровень» отражает степень приобщения личности к общемировым ценностям, идеям, объем и качество усвоенных знаний, приобретенных умений, навыков. Культурный уровень личности характеризует в самом общем виде степень овладения тем, что накоплено человечеством в ходе исторического развития. Основными источниками повышения культурного уровня выступают образование, воспитание, самосовершенствование.

Общекультурный уровень развития личности характеризует степень активного отношения к духовной культуре, потенциальную и реальную культурную деятельность, систему затрат на нее, мотивацию и избирательность, эстетические вкусы, оценки, показатели нравственного развития личности.

По нашему мнению, в науку конституционного права следует ввести категорию «культурный уровень личности», под которой нужно понимать интегрирующий показатель развития общекультурных параметров личности, дающих возможность в своей совокупности выносить сущностную оценку отдельному индивиду. В свою очередь, под общекультурными параметрами личности следует понимать смысловые, содержательные и качественные значения, позволяющие обозначить определен-

ный важный личностный элемент культуры (например, образованность, утонченность, гармоничность, прагматичность и т. д.)

Культурные права являются для государства не только целевыми, но и программными.

На решение социально-значимых задач в культурной сфере направлены федеральные целевые программы «Культура России», «Развитие физической культуры и спорта» и т. д.

В Постановлении Правительства РФ от 3 марта 2012 года (в редакции Постановления Правительства от 27 декабря 2012 года) «О федеральной целевой программе „Культура России (2012–2018 гг.)"» закрепляются основные задачи культурного развития России, делается акцент на комплексном подходе к решению проблем в области культуры [1].

Культурные права человека и гражданина рассматриваются как права-притязания, т. е. характеризуются правом индивида требовать от государства положительной деятельности (гарантий) по созданию условий для реализации признаваемых за ним прав.

Безусловно, вопрос о месте культурных прав в общей иерархии прав и свобод человека, о степени и особенностях юридической защиты этих прав в сравнении с личными и политическими правами, имеет большую актуальность.

Культурные права, наряду с личными и политическими, относятся к фундаментальным (основным) правам человека и гражданина, являются неотъемлемой частью правового статуса личности, неотчуждаемы и принадлежат каждому человеку. Зафиксированные в Конституции в качестве непосредственно действующих, они подлежат судебной защите.

Тем не менее по своей природе культурные права, как социальные и экономические, существенно отличаются от личных и политических. Это связано с ролью государства в признании и обеспечении данных прав. Как подчеркивает Е. А. Лукашева, «для их осуществления недостаточно воздержаться от вмешательства в данную сферу. Задача состоит в том, чтобы создать социальные программы и вести всестороннюю работу, которая позволила бы гарантировать провозглашенные социальные, экономические и культурные права» [9, с. 139].

По нашему мнению, начать данную работу необходимо с просвещения граждан в области обеспечения и защиты культурных прав личности. Также большим шагом в деле пропаганды в области культурных прав является преподавание в высшей школе и в других учебных заведениях курса «Культурные права и обязанности человека и гражданина в России». В ее рамках освещались бы вопросы конституционно-правового регулирования культурных прав, раскрывались особенности данной группы прав, их признаки (свойства), содержание, а также гарантии этих прав в Российском государстве.

Список использованной литературы:

1. О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 гг.)» : Постановление Правительства РФ от 3 марта 2012 г. (в редакции Постановления Правительства от 27 декабря 2012 г.) / / СЗ РФ. 2012. № 13. Ст. 1516 ; 2013. № 1. Ст. 42.

2. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. Т. 1. М., 2006.

3. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. М., 2002.

4. *Глухарева Л. И.* Права человека в современном мире : социально-философские вопросы и государственно-правовое регулирование. М., 2003.

5. Конституционные права и свободы человека и гражданина : учебник для вузов / под ред. О. И. Тиунова. М., 2005.

6. *Мельник Т. Е.* Концепция развития законодательства о культуре //Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010.
7. *Морозова А. Н.* Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества : автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2005.
8. Общая и прикладная акмеология : учеб. пособие. Ч. I / под общ. ред. А. А. Дергача. М., 2001.
9. Права человека : учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2001.
10. *Хоруженко К. М.* Культурология : Энциклопедический словарь. Ростов н/Д., 1997.

А. А. Иванов

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ И ОГРАНИЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Терроризм не является проблемой только нашего времени. Как политический инструмент и как социальное явление он существовал в человеческой цивилизации столетия, даже тысячелетия назад. Достаточно вспомнить, например, секту ассасинов, причем можно отметить, что уже в древнее время подобные движения, несмотря на сравнительную малочисленность их сторонников, приводили к дестабилизации политической и социальной обстановки не только в отдельных странах, но и в целых регионах человеческой цивилизации.

В настоящее время человечество переживает так называемую четвертую волну «терроризма нового времени» (по терминологии западных исследователей). Первой волной в данном случае можно считать анархические движения (80–90-е годы XIX века), начало второй волны приходится на 20-е годы XX века и связано с антиколониальной борьбой развивающихся государств. Пик третьей волны террористических движений приходится на 60-е годы XX века, и группировки, пользующиеся террористическими методами, заслужили условное название левых, или социалистических. Начало последней к настоящему времени, четвертой волны терроризма относится к 1979 году и условно может быть соотнесено с вхождением советских войск в Афганистан. Упрощенно данную волну можно обозначить как религиозный терроризм.

Отметим, что характер смены идеологической направленности террористических движений, хотя и связан с конкретным этапом исторического процесса, через который проходит человеческая цивилизация (революционная обстановка и борьба с монархизмом, борьба с колониализмом, противостояние сверхдержав, холодная война, глобализация и мировой капитализм), но напрямую не зависит от конкретных решений, принимаемых политическими деятелями.

К примеру, теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке очень сильно повлиял на общее отношение к степени террористической угрозы в мире, послужил причиной принятия специального законодательства, применения военно-политических мер в отношении отдельных стран, но никак существенно не отразился на идеологии современных террористов и характере применяемых ими методов и не позволяет говорить о том, что с этого момента мировой терроризм изменил свой характер.

Отличие подобных деяний от «обычных» преступлений, таких, например, как покушение на жизнь государственного деятеля, можно определить по цели, которую преследуют преступники. При терроризме цель целью является не только и не столько непосредственно убийство или уничтожение имущества, сколько дестабилизация общественно-политической обстановки, а главное – создание атмосферы страха в обществе.

Можно отметить, что законодатель всегда предельно жестко подходил к наказанию деяний, носящих террористический характер, хотя общество зачастую могло встать и на сторону террористов (примером чего является широко известное дело Ве-

ры Засулич, оправданной присяжными заседателями). Жесткость закона в данном случае часто дополнялась и мерами внесудебной, неправовой расправы, когда либо террористов убивали при задержании («при попытке к сопротивлению»), либо после задержания к ним применялись негуманные меры содержания и обращения.

Однако подобная жестокость, которая часто затрагивала не только непосредственных исполнителей преступления, но и их родственников и знакомых, часто только стимулировала рост недовольства государственными структурами и помогала организатором террористических актов вербовать в свои ряды новых исполнителей.

В настоящее время нет единства мнений по поводу того, какими методами необходимо бороться с проявлениями террористической активности. Например, с точки зрения европейских политиков бороться с терроризмом необходимо, но в рамках действующих законов, предпочтительно правоохранительными методами. Методы силовые, чаще всего недостаточно прописанные в нынешних нормах международного права (России в Чечне, США в Ираке, военные акции Израиля в Газе и на западном берегу в ответ на теракты палестинцев), европейцы осуждают [1, с. 8]

Однако силовые методы (как и всякие другие) в плане борьбы с международным терроризмом в настоящее время не отличаются высокой эффективностью.

Можно отметить, что перед государством в данном случае стоит необычайно сложная задача, которая в современных условиях затрагивает уже все мировое сообщество. В настоящее время уже понятно, что терроризм невозможно победить только законодательными и правоохранительными методами, поскольку в его основе лежат политические, экономические, социальные, идеологические проблемы, которые в своем преломлении выступают глубинными проблемами конкретного общества. К борьбе с терроризмом должны быть привлечены и психологи, и социологи, и экономисты. Но в настоящей работе мы рассмотрим некоторые проблемы только узкого, правового метода противостояния терроризму.

Можно отметить, что спецификой в данном случае является то, что личные права террористов значительно ограничиваются в сравнении с правами лиц, совершающих объективно схожие деяния, но террористами не являющихся. К примеру, что касается международного гуманитарного права, то террористы, участвующие в военных действиях, являются некомбатантами и несут уголовную ответственность, в отличие от солдат регулярной армии и партизан, не нарушающих норм международных конвенций.

Данная проблема приобретает еще большую актуальность в связи с тем, что сам термин «терроризм» характеризуется своей неоднозначностью и в научной литературе трактуется по-разному. Это позволяет некоторым правительствам относить к «террористическим» организации своих политических противников. Например, даже правоохранительные органы таких демократических государств, как Великобритания или Испания, по мнению зарубежных экспертов, не всегда обоснованно причисляли к числу террористов представителей народностей, борющихся за свою независимость.

Рассмотрим данную проблему на примере законодательства современной России.

Основополагающим нормативно-правовым актом в данном случае является Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], который определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Отметим здесь, что включение в понятие терроризма «иных форм противоправных

насильственных действий», которые не связаны с устрашением населения, является специфической разновидностью действующего российского законодательства. Это понятие выглядит достаточно размытым для того, чтобы его можно было однозначно трактовать на практике, и может потенциально вызывать определенные проблемы в плане установления международного сотрудничества и взаимодействия в деле борьбы с терроризмом, поскольку большинство зарубежных исследователей при характеристике терроризма ограничиваются только указанием на такое его качество, как устрашение населения, отечественное понятие, таким образом, является более широким.

Что касается методов противодействия терроризму, наибольшее внимание общественности и правозащитников в настоящее время вызывают так называемые негласные методы, которые также закреплены в указанном федеральном законе.

Пример Сноудена показывает, что, пользуясь данными методами, связанными, например, с контролем сообщений, государство неминуемо вмешивается в сферу, которую принято считать частной жизнью каждого отдельного человека, нарушая тем самым и свои собственные конституционные нормы (в России это ст. 23 Конституции РФ). Так, ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (при буквальном толковании сюда можно отнести и электронные сообщения) в современных государствах обычно допускается только на основании судебного решения – сходную норму содержит и Конституция РФ.

Как указывает Л. В. Лазарев, органы полиции и иные правоохранительные структуры вправе тем или иным образом проникать в частную жизнь граждан лишь в связи с расследованием совершенных ими (или в отношении них) преступлениями либо при наличии данных о совершающемся преступлении, о несчастном случае, а также для обеспечения личной безопасности граждан и общественной безопасности [3, с. 137]. Однако само понятие «общественнаяой безопасность» в плане предотвращения террористических актов является достаточно размытым и потенциально может вызывать судебный споры между правоохранителями и гражданами, недовольными вмешательством в их личную жизнь.

Мы считаем, что в настоящее время существует насущная потребность в принятии специальных законодательных актов, которые регулировали бы вмешательство в частную жизнь граждан в целях обеспечения общественной безопасности. Необходимо урегулировать как процесс подобного вмешательства, так и его задачи, порядок использования и хранения полученной информации.

Полагаем, что современные реалии борьбы с терроризмом обусловливают кризисное состояние современного законодательства в развитых странах. С одной стороны, научный прогресс позволяет террористам находить многообразные способы осуществления своей преступной деятельности, на которые правоохранительные органы не всегда могут ответить в рамках действующего закона. С другой стороны, сама деятельность правоохранителя, направленная на предупреждение террористических деяний, в ряде случае может нарушать личные права человека в их классическом понимании.

Мы считаем, что нужно пересмотреть и включить в текст закона развернутые определения таких понятий, как «терроризм», «общественная безопасность», «тайна переписки», и других, которые допускали бы только буквальное и не требовали расширительного толкования для преодоления существующих здесь сегодня проблем. Необходимы широкие научные дискуссии по этому поводу, которые, вероятно, изменят наш взгляд на многие правовые явления.

Список использованной литературы:
1. *Брасс А.* «Двоюродные братья» или смертельные враги? Террор без границ. М., 2004.
2. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18.01.2014) / / СЗ РФ. 2006. № 5. Ст. 5 ; 2011. № 46. Ст. 6407.
3. *Лазарев Л. В.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2010.

М. И. Иванова

СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества являются весьма значимыми и актуальными в современных политико-правовых реалиях России.

Впервые вопрос о взаимодействии гражданского общества и государства был поставлен на Первом гражданском форуме, который стал площадкой для определения путей диалога [1]. Именно власть была заинтересована в налаживании партнерских отношений с организациями гражданского общества, поскольку без действительно партнерских отношений не может быть ни сильного государства, ни процветающего общества. Поэтому одной из основных задач форума являлась разработка механизмов диалога и равноправного партнерства общества и власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне, включая участие общественных объединений в выработке решений, гражданский контроль за деятельностью властных структур и общественную экспертизу законодательных актов.

Необходимо отметить, что взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества закреплено в нормативно-правовых документах на федеральном, региональном и местном уровне. Правовую основу взаимодействия органов власти с общественными организациями в Российской Федерации составляют Гражданский кодекс [2], Федеральные законы «Об общественных объединениях» [3], «О некоммерческих организациях» [4], «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [5] и многие другие.

Проведенный анализ нормативно-правовой базы взаимодействия органов власти и общественных организаций позволяет сделать вывод о том, что в общем в Российской Федерации созданы правовые предпосылки для конструктивного взаимодействия органов власти и общественных организаций, закреплены основные принципы и формы взаимодействия.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Идея всеобщего признания и конституционного закрепления прав человека в качестве высшей ценности в условиях реформирования всех сфер жизнедеятельности российского общества утверждает новые морально-этические, политические, правовые и идеологические направления, создающие условия для формирования гражданского общества. Необходимо отметить, что вопросы защиты прав человека носят комплексный характер, так как связаны с различными сферами общественных отношений. Как справедливо отмечает С. В. Калашников, эффективность решения разного рода проблем обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации зависит не только от усилий государства, но и от активизации деятельности неправительственных правозащитных организаций [6].

В настоящий момент в России все большее внимание уделяется изучению неправительственных правозащитных организаций как института гражданского обще-

ства. Сегодня в Российской Федерации создана правовая основа для участия общественных структур в обеспечении гарантированных Конституцией РФ и международными документами, которые являются частью российской правовой системы, прав человека.

Защита гражданских, социально-экономических, культурных, личных прав и свобод человека, создание надежных и эффективных средств, способов и форм обеспечения этих прав имеют не только международно-правовое, конституционное, межотраслевое, но и отраслевое (гражданско-правовое) значение.

В деятельности неправительственных правозащитных организаций можно выделить несколько основных направлений, таких как оказание правовой помощи гражданам, участие в правотворческой деятельности, общественный контроль в сфере защиты прав личности и др.

Оказание правовой помощи гражданам может быть реализовано в разных формах, таких как предоставление юридических консультаций, поддержка исков в суде путем как предоставления своих адвокатов, так и участия в деле в качестве третьей стороны, поддерживающей истца или ответчика, чьи права защищает организация. Следует сказать, что такого рода помощь оказывается бесплатно, что немаловажно в современных социально-экономических условиях, когда часть российских граждан живет за чертой бедности и не может воспользоваться платными юридическими услугами.

Необходимо заметить, что в настоящее время увеличивается число так называемых общественных приемных в правозащитных организациях, где прием также осуществляется на безвозмездной основе.

В некоторых правозащитных организациях, уставом которых такая деятельность предусмотрена, может осуществляться правовая помощь гражданам в судах.

Законодательство предоставляет значительные возможности НПО представлять права и интересы своих членов и участников, других граждан как в судебном порядке, так и иным способом. Например, по заявлению общественных объединений могут быть возбуждены гражданские дела (ст. 4 ГПК РФ). Кроме того, общественные объединения вправе обращаться в суд с исками о защите прав, интересов не только своих членов, но и участников (ст. 42 ГПК РФ).

В соответствии с Конституцией РФ общественные объединения имеют право обращаться в государственные органы, органы местного самоуправления с предложениями, заявлениями, жалобами. Руководствуясь ст. 4 Закона РФ от 27.04.1993 № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», общественные объединения по просьбе граждан могут подать в суд жалобу на неправомерные действия, решение государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, граждан на нарушения их прав и свобод [7].

Общественные объединения, в соответствии со ст. 96 ФКЗ от 21 июня 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде» [8] имеют право на обращение в Конституционный суд РФ с жалобами на нарушение конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации.

Конституцией РФ в п. 3 ст. 46 устанавливается: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». В частности, граждане РФ имеют право обращаться в Европейский суд по правам человека, образованный в соответствии с протоколом № 11 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это право может осуществляться посредством подачи жалобы любым гражданином. Как отмечает Е. Ю. Бархатова, жалоба в европейской традиции имеет

один аспект, который не знаком россиянину, – это сигнал о возникновении нарушения прав и свобод человека, а не только «обращение», как было принято в советском законодательстве, в государственный или иной орган с просьбой принять меры по устранению допущенных правонарушений. Предусмотрено, что жалоба не подлежит рассмотрению, если она анонимна либо аналогична жалобе, которую уже рассмотрели, либо является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, а также если признано, что гражданин злоупотребил правом подачи жалобы в Европейский суд по правам человека. Суд примет от гражданина жалобу на нарушение лишь тех прав и свобод, которые содержатся в Конвенции. Это перечень традиционных гражданских и политических прав, к которым относится право на жизнь, свободу от пыток, свободу от рабства, личную свободу, законное судопроизводство, частную жизнь, свободу мысли, свободу выражения, свободу ассоциаций и право на создание семьи [9, с. 79–80].

Таким образом, помощь гражданам в защите нарушенных прав при обращении в межгосударственные органы является еще одним направлением работы НПО по защите прав личности.

Таким образом, мониторинг нарушений прав человека является одним из самых актуальных направлений в деятельности НПО в Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что законодательное запрещение государственным органам становиться учредителями общественных объединений не препятствует возможности получения государственной помощи в реализации программ и различных проектов. Отметим, что в Федеральном законе от 19.05.1995 N 82-ФЗ «Об общественных объединениях» предусмотрена государственная поддержка в виде целевого финансирования отдельных общественно-полезных программ (государственные гранты), заключения любых видов договоров, исполнения социальных заказов (ст. 17). Как считают некоторые исследователи, данное положение является очень важным, так как для существования и развития НПО недостаточно только государственного дозволения. Нужна еще и финансовая поддержка, поскольку НПО лишь осваивают денежные ресурсы и практически не создают прибыли [10]. Отметим, что конкретные механизмы реализации такой помощи со стороны государства уже разработаны и применяются на практике.

Итак, проанализировав деятельность многочисленных правозащитных организаций, созданных в России (общероссийских, межрегиональных, региональных и местных), можно констатировать, что процесс становления гражданского общества вошел в свою активную стадию.

В деятельности неправительственных правозащитных организаций можно выделить несколько основных направлений: оказание правовой помощи гражданам в широком понимании правозащитной деятельности (юридические консультации, поддержка исков в суде, помощь квалифицированных адвокатов и др.), причем всех виды правовой правозащитной помощи оказываются на безвозмездной основе; осуществление контроля выполнения Россией международных обязательств в сфере защиты прав человека; мониторинг нарушений прав личности в России; участие в законотворческом процессе и др.

На наш взгляд, с целью повышения эффективности работы НПО и статуса правозащитных организаций в целом необходимо совершенствовать юридический профессионализм участников НПО, лее эффективно сотрудничать со средствами массовой информации, развивать региональные и местные отделения.

Список использованной литературы:

1. Выступление Владимира Путина на Гражданском Форуме. URL: http://www.infogrant.ru/doc/7457.html (дата обращения: 20.01.2014).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 02.11.2013) / / СЗ РФ. 1994. 32. Ст. 3301 ; 2013. 44. Ст. 5641.

3. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 20.07.20122) / / СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930 ; 2012. № 30. Ст. 4172.

4. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2013, с изм. от 02.11.2013) / / СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145 ; 2013. № 27. Ст. 3477.

5. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений : Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ / / СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2503 ; 2013. № 14. Ст. 1664.

6. *Калашников С. В.* Конституционные основы формирования гражданского общества в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011.

7. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 685 ; СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 772.

8. Статья 96: «Правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе» / / СЗ РФ. 1994. № 13. Ст.1447 ; 2013. № 14. Ст. 1637.

9. *Бархатова Е. Ю*. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М. : Проспект, 2012.

10. *Даурова Т. Г., Лиценбергер О. А., Прусакова Н. В., Хмелева Т. И., Цыбулевская О. И*. Становление гражданского общества в России (правовой аспект) / под ред. О. И. Цыбулевской. Саратов, 2000.

Т. В. Касаева

МЕХАНИЗМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА : КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ[3]

По поводу соотношения понятий «механизм государства» и «аппарат государства» в юридической научной, и особенно учебной литературе высказываются разные, зачастую противоположные точки зрения.

Одна из них заключается в том, что понятия механизма государства и государственного аппарата тождественны и по сути означают одно и то же. Так, М. И. Байтин полагает, что в теории государства и права понятие государственного аппарата в широком смысле адекватно понятию государственного механизма [1, с. 4]. При этом понятие государственного аппарата в широком смысле охватывает не только исполнительные, но и законодательные и судебные органы государственной власти. Точку зрения об идентичности понятий «механизм государства» и «государственный аппарат» разделяют также Н. И. Матузов, Л. И. Спиридонов, В. И. Новоселов.

Приверженцы второй точки зрения исходят из того, что государственный механизм трактуется более широко. Учёные, поддерживающие этот подход, единодушны во мнении, что между государственным аппаратом и государственным механизмом существуют определённые различия. Комплексное исследование этой проблемы было проведено В. В. Копейчиковым, который считает, что «органы государства в своей совокупности составляют государственный аппарат в собственном смысле слова»[2, с. 30–31]. По его мнению, хотя два этих понятия – «механизм государства» и «государственный аппарат» – связаны между собой, каждое из них вполне самостоятельно. Позиция, согласно которой первое понятие шире второго, вполне логична, поскольку в понятие «механизм государства» наряду с государственными органами включаются и государственные предприятия и учреждения. Подобного подхода придерживаются С. С. Алексеев, В. В. Лазарев, М. К. Искакова. Из этих же позиций

[3] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-03-00352

исходит и автор данной статьи.

Таким образом, анализ разного подхода к исследуемому феномену позволяет сделать вывод о том, что единое понимание механизма государства в отечественной юридической науке не выработано.

Используя системный и функциональный подход как направления научного познания в методологии, Б. Л. Хесин приходит к выводу, что государственный механизм – это не простое механическое соединение, суммирование его отдельных элементов, а их четко организованная и упорядоченная система, где изменение одного элемента ведет к изменению системы в целом, поскольку все части находятся во взаимодействии [3].

Опираясь на достижения юридической науки и практики, учитывая современные реалии, можно прийти к выводу, что механизм государства – это не статическая конструкция, не застывшая совокупность элементов, но постоянно обновляющийся конгломерат государственно-политических институтов. Целостность и сбалансированность всего государства во многом зависит от того, как дополняют друг друга структурные элементы механизма государства и насколько они поддерживаются правом. Исходя из этого механизм современного российские государства можно определить как динамично функционирующую, осуществляющую государственную власть систему государственных органов и организаций, обеспечивающих комплексное руководство жизнью общества на основе согласования социально значимых интересов.

Можно выделить структурные элементы механизма современного российского государства. Это создаваемые в установленном законом порядке, обладающие определенной структурой и наделенные компетенцией государственные органы (законодательные, исполнительные, судебные), образующие государственный аппарат, государственные служащие (чиновники), составляющие ядро механизма государства, государственные предприятия и учреждения, а также материальные придатки, практически обеспечивающие его работу (различные сооружения, здания, оборудование).

Что касается органов государства (государственного аппарата), то каждый из них выполняет собственную функцию в определенной сфере общественной жизни. В целом же они, действуя от имени государства и обладая властными полномочиями, системно обеспечивают реализацию его функций и задач.

В структуре и методах деятельности государственного механизма отражаются особенности экономического и исторического развития государства, национальных традиций, геополитического фактора, а также политической ситуации. Эволюция функций того или иного государства обусловлена такими внутренними факторами, как становление институтов гражданского общества, децентрализация управления, формирование свободного рынка и др. К внешним факторам следует отнести процессы глобализации, изменение геополитической обстановки, обострение межнациональных конфликтов.

В Конституции РФ и конституциях (уставах) ее субъектов, кроме того, закреплен целый ряд подфункций, которые государство также призвано реализовать. Особо в условиях формирования правового государства в свете изложенного следует выделить функцию оказания услуг, которая требует теоретико-правового осмысления, поскольку упор делается на права граждан и обязанности государства по социальному обслуживанию населения. Роль государственных предприятий и учреждений, являющихся, как отмечалось ранее, структурными элементами механизма государства, должна неуклонно повышаться, ибо оказание услуг – это их непосредственный удел. Государственные предприятия и учреждения, не обладая собственно властными полномочиями, выполняют различные работы, осуществляют экономическую дея-

тельность и оказывают отдельные услуги для удовлетворения потребностей граждан и общества в целом.

Наиболее важные принципы (отправные начала, идеи и требования, лежащие в основе построения и функционирования государственного аппарата) отражают в сжатой форме те изменения, которые происходят в социуме. Данные принципы весьма разнообразны, и большинство ученых выделяет наиболее важные из них – верховенство Конституции РФ, приоритет прав и свобод человека, разделение властей, демократизм, федерализм, гласность, законность, профессионализм, сочетание убеждения и принуждения, децентрализации и централизации, коллегиальности и единоначалия.

В зависимости от целей и текущих задач государственного строительства в каждый конкретный исторический период развития общества должно осуществляться обновление принципов организации и деятельности госаппарата. Отдельные из них становятся приоритетными.

Так, в настоящее время особого внимания требуют принцип «дозволено только то, что разрешено законом», принцип «прозрачности» государственных органов и принцип этичности, позволяющие приспособить механизм государства к общемировым тенденциям и российским реалиям.

Однако центральным, базовым элементом механизма государства являются государственные служащие – чиновники, которые очеловечивают эту динамическую структуру, определяют скорость движения государственного аппарата. От того насколько эффективна правовая регламентация их деятельности, зависит гармоничность и комплексность общественной жизни в целом. Особенностью государственного управления является то, что предполагается обеспечение тщательной, конкретной регламентации правового положения и деятельности государственных служащих.

Происходящие события помещают механизм современного российского государства в центр преобразований, заставляют его постоянно совершенствоваться в соответствии с условиями и потребностями общества. При этом наиболее существенные изменения происходят в исполнительной ветви власти: с одной стороны, усиливается властная вертикаль, с другой – происходят неизбежные процессы децентрализации и централизации во всех ветвях государственной власти (переход от государственного администрирования к государственному менеджменту, масштабное реформирование государственной службы, возрастание роли человеческого потенциала).

Для государственных служащих как элемента механизма государства результатами такой трансформации явились как позитивные, так и негативные изменения. К последним можно отнести дестабилизацию кадров, снижение уровня профессионализма, ослабление связи с институтами гражданского общества, распространение ведомственного правового нигилизма, рост коррупции, поражающей духовные, нравственные и культурные устои социума. Все эти деструктивные явления в конечном итоге привели к разгулу бюрократизма и, как следствие, снижению легитимности власти.

Реализация антикоррупционного и антибюрократического законодательства требует совместных усилий как структур механизма государства,так и институтов гражданского общества. Воспитание нетерпимости населения к проявлению деформации правосознания граждан и должностных лиц – одна из важнейших задач, решение которой не терпит отлагательства.

Список использованной литературы:

1. *Байтин М. И.* Механизм современного Российского государства / / Правоведение. 1996. № 3.

2. См.: *Копейчиков В. В.* Вопросы теории механизма Советского социалистического государства : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1969.

3. См.: *Хесин Б. Л.* Механизм государства. Понятие, принципы организации и деятельности. Н. Новгород, 2001 ; *Касаева Т. В.* Роль государственных служащих в механизме современного Российского государства. Саратов, 2011.

4. См.: *Агафонова Н. Ю.* Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

Н. В. Кипкаева

ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Конституция РФ [1] каждому гарантирует право на судебную защиту, что в полной мере распространяется и на апелляционное производство по гражданским делам. В контексте полной апелляции суд вправе проверить решение в полном объеме, что подтверждается также полномочиями суда апелляционной инстанции, указанными в ст. 328 ГПК РФ [2]. Руководствуясь двумя из четырех полномочий, суд может отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или частично. При этом процессуальным законом не предусматривается право на направление дела на новое рассмотрение в тот суд, который принял решение по существу заявленных материально-правовых требований, что свидетельствует о том, что сами полномочия сформулированы законодателем под полную апелляцию. В связи с этим остается актуальной проблема реализации судом апелляционной инстанции полномочий, не предусмотренных ст. 328 ГПК РФ, по которой неоднократно высказывались Конституционный суд РФ и Верховный суд РФ.

Поскольку Конституционный суд РФ еще в постановлении от 16 марта 1998 года № 9-П «По делу о проверке конституционности ст. 44 УПК и ст. 123 ГПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» отметил, что нарушение правил подсудности представляет собой основание для аннулирования судебного акта [3], то Верховный суд РФ в 2003 году по конкретному гражданскому делу заключил следующее: когда при рассмотрении апелляционной жалобы суд обнаруживает, что решение по делу вынесено мировым судьей, которому оно неподсудно, решение должно быть отменено, а дело направлено по подсудности мировому судье [5, с. 21–22]. Одновременно в развитие выдвинутого посыла Верховный суд РФ в обзоре законодательства и судебной практики за второй квартал 2003 года разъяснил, что апелляционная инстанция, рассмотрев частную жалобу на определение мирового судьи об утверждении мирового соглашения, вправе отменить это определение и отказать сторонам в удовлетворении ходатайства об утверждении мирового соглашения, направить дело для дальнейшего рассмотрения мировому судье, поскольку в таком случае сохраняется возможность апелляционного обжалования судебного решения мирового судьи [6].

Беря за основу своих дальнейших действий официальное толкование Верховным судом РФ отдельных норм ГПК РФ, районные суды стали в указанных выше юридических коллизиях отменять состоявшиеся решения либо определения и направлять дела на новое рассмотрение, а если они подпадали под компетенцию федеральных судей – принимать их к производству, несмотря на то что ст. 328 ГПК РФ о таком полномочии апелляционной инстанции умалчивала. Кстати, позднее с подобным урегулированием возникшей проблемы и формирующейся практикой полностью согласился Конституционный суд РФ. В определении от 3 июля 2007 г. № 623 - ОП «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абз. 4 ст. 328 ГПК РФ» он отметил, что названная норма не препятствует суду апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционных жалоб,

представления отменить решение мирового судьи в случае рассмотрения им дела с нарушением правил подсудности и направить дело в тот суд, к подсудности которого данное дело отнесено законом, или (в случае если данное дело подсудно самому суду) принять его к своему производству в качестве суда первой инстанции [4, с. 9]. При этом выявленный Конституционным судом РФ смысл процессуального законоположения является общеобязательным и исключает любую иную его трактовку в правоприменительной практике.

Как видим, нынешняя редакция ст. 328 ГПК РФ вновь пренебрегает объективными потребностями правоприменительной судебной практики и императивными правовыми позициями органа конституционного контроля, поскольку ничего не сообщает о таком полномочии суда апелляционной инстанции, как передача дела на новое рассмотрение в нижестоящий суд [8, с. 30], хотя в законопроекте, посвященном реформированию деятельности апелляционного суда в гражданском судопроизводстве, без излишней фетишизации вопросов территориальной подсудности [11, с. 16–18] соответствующее полномочие прямо предусматривалось, что приветствовалось большинством правоведов [10, с. 26–28]. Анализируя такое поведение российского законодателя, Л. А. Терехова верно пишет, что, очевидно, Конституционный суд РФ, предвидя подобное развитие событий, в собственном акте предусмотрел механизм его непосредственного применения и реализации на практике [12, с. 36].

В этой связи нельзя признать правильным вывод некоторых процессуалистов, полагающих, что при нарушении правил подсудности суд апелляционной инстанции должен работать по правилам неполной апелляции [13, с. 44], тем более что в п. 37 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» прямо подчеркивается следующее: дело может быть передано на рассмотрение по подсудности в суд первой инстанции, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционной жалобе, представлении и суд апелляционной инстанции установит, что лицо, подавшее жалобу, или прокурор, принесший представление, заявляли в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности дела этому суду либо что у них отсутствовала возможность заявить в суде первой инстанции такое ходатайство; если вследствие нарушения правил родовой подсудности при рассмотрении дел, связанных с государственной тайной, или правил исключительной подсудности по искам о правах на недвижимое имущество отсутствовала возможность собрать, исследовать и оценить в качестве относимых и допустимых доказательств сведения, соответственно составляющие государственную тайну или находящиеся по месту расположения недвижимого имущества, что могло привести к вынесению неправильного по существу решения суда.

Если по поводу большинства изложенных суждений можно и далее продолжать теоретико-практические дискуссии [14, с. 28], то частичное неисполнение законодателем постановления Конституционного суда РФ от 21 апреля 2010 года № 10-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 320, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой, ООО „ТРИ К” и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда г. Читы» труднообъяснимо [9, с. 286–287]. Данное постановление подвело своеобразный итог объемной кумулятивной практике судов общей юрисдикции, которые примерно с 2003 года предпринимали попытки найти единственно правильное решение в вопросе о том, каким образом должны поступать суды апелляционной инстанции при отмене постановления мирового судьи в связи с рассмотрением дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного засе-

дания, если решением затронуты права и обязанности лиц, не привлеченных к участию в деле, а также при вынесении первой инстанцией решения об отказе в иске вследствие пропуска исковой давности без достаточных к тому оснований [7, с. 143–144].

Напомним, что Конституционный суд РФ признал ст. 328 ГПК РФ не соответствующей Основному Закону РФ в той мере, в какой она предусматривает правомочие суда апелляционной инстанции направлять гражданское дело мировому судье на новое рассмотрение в тех случаях, когда мировой судья рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, или разрешил вопрос о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле. Правда, позднее Конституционный суд РФ фактически отказался от собственной правовой позиции в определении от 17 января 2013 года № 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Канарского Д. И. на нарушение его конституционных прав ст. 328 и ч. 5 ст. 330 ГПК РФ».

Исходя из положений Пленума Верховного суда Российской Федерации, изложенных в постановлении от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», и смысла положений ч. 1 ст. 209 и ч. 5 ст. 329 ГПК РФ апелляционное определение вступает в законную силу со дня его принятия, т. е. немедленно после его объявления судом апелляционной инстанции в зале судебного заседания. Кроме того, суд указал, что резолютивная часть апелляционного определения, вынесенного по результатам рассмотрения дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ, должна в силу ч. 4 ст. 330 ГПК РФ содержать указание на отмену судебного постановления суда первой инстанции, вывод суда апелляционной инстанции по заявленным требованиям (удовлетворение или отказ в удовлетворении заявленных требований полностью или в части, прекращение производства по делу или оставление заявления без рассмотрения полностью или в части).

Таким образом, фактически вынесенное новое решение суда апелляционной инстанции, изложенное в соответствии с правилами ч. 1 ст. 329 ГПК РФ в форме апелляционного определения, вступает в законную силу в момент его вынесения и не подлежит обжалованию (ч. 5 ст. 329 ГПК РФ), поскольку определение суда апелляционной инстанции вступает в законную силу со дня его принятия.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2013) / / СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2013. № 52 (часть I). Ст. 7001.

3. По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П / / СЗ РФ. 1998. № 12. Ст. 1459.

4. По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 03 июля 2007 № 623-О-П / / Вестник Конституционного суда РФ. 2007. № 6.

5. Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 3.

6. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2003 г. / / Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2013)

7. *Жилин Г. А.* Апелляция и кассация в гражданском процессе / / Современная доктрина

гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. Теория и практика. Краснодар ; СПб., 2004.

8. *Курпас М. В.* К вопросу о соответствии предложенной модели апелляционного производства критериям справедливого судебного разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 5.

9. *Слепченко Е. В.* Гражданское судопроизводство : проблемы единства и дифференциации. СПб., 2011.

10. *Смагина Е. С.* Возможности создания апелляционных инстанций в судах общей юрисдикции // Российская юстиция. 2010. № 3.

11. *Терехова Л. А.* Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6.

12. *Она же.* Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3.

13. *Шакирьянов Р. В.* О некоторых проблемах производства в суде апелляционной инстанции : изменения в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1.

14. *Шкундина Ю. С.* Апелляционное производство в гражданском процессе : новеллы ГПК РФ // Адвокат. 2012. № 4.

М. Н. Козюк

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ : ПРАВО НА КРИТИКУ И ОППОЗИЦИЯ

Действующая Конституция России во многом является знамением коренного разрыва конституционного развития демократической России с предшествующей ей Россией советской. Здесь речь идет не столько о форме, сколько о содержательном наполнении Конституции. Как обоснованно доказывают критики, действующая Конституция во многом восприняла конституционный опыт различных зарубежных государств. Само по себе это не является недостатком, поскольку любое современное государство должно ориентироваться на передовые мировые достижения не только в технике и экономике, но и в социально-правовой жизни. Другое дело – степень таких заимствований. Очевидно, что при нарушении определенного баланса вновь создаваемая Конституция может стать похожей на «лоскутное одеяло» или нетворческую компиляцию, что является предосудительным не только для молодых ученых. Самое плохое здесь – это потеря национального лица страны, игнорирование менталитета народа, высокомерное отношение создателей Конституции к гражданам государства. Прививая конституционные положения, родившиеся в других странах и в других исторических условиях, зачастую специфических, на отечественное конституционное дерево, трудно ждать успешного результата. Собственно, так и получилось. Российское общество через 20 лет после «прививки», конечно, не отторгло такие заманчивые «привои», однако и не сроднилось с ними, находясь в состоянии, скорее, доброжелательного любопытства, чем удовлетворенности. Между тем целостность первоначального текста Конституции России уже позади, и это обстоятельство дает основания для бурного теоретического обсуждения тех сфер политико-правовой жизни, которые еще недавно были за пределами юридической критики.

В частности, речь идет об оппозиционной деятельности. Дело в том, что данная проблема касается, вообще-то, сердцевины политико-правовой жизни, поскольку высвечивает, как правило, коренные проблемы жизнеустройства общества. Сама возможность постановки этих проблем – вопрос конституционного регулирования. Как минимум, здесь идет речь о политических правах граждан. Действующие политические силы за прошедшие годы научились эффективно снимать эти «вопросы» политико-правовыми средствами, не доводя дело до необходимости «ответа» по существу. Это было не очень просто, известные события на «болотных» площадях свидетельствуют об определенном драматизме ситуации. Тем не менее снять эту проблему

окончательно невозможно, притом что спектр возможностей для такого «снятия» очень ограничен только номенклатурой политико-правовых средств.

Вместе с тем нарастание актуальности проблемы породило несколько исследований в сфере конституционного права, которые позволяют более объемно увидеть картину происходящего. Речь идет об исследованиях, касающихся конституционных возможностей для оппозиционной деятельности [1; 4; 5]. И вывод здесь, как минимум, неоднозначный. Да, Конституция содержит в себе возможности для оппозиционной деятельности, однако отнюдь не гарантирует их. Кроме того, очевидно, что краткость конституционного текста не позволила установить однозначные гарантии для недопущения манипуляции политическими правами в действующем законодательстве. Уже стали хрестоматийными скандальные положения российского законодательства, подтвержденные, между прочим, решениями Конституционного суда, о минимальном количестве членов политической партии, возможности представления качестве кандидатуры на пост председателя правительства страны одного лица троекратно и т. п. То есть любое ограничение политических прав, принятое большинством парламента, имеет большую вероятность одобрения Конституционным судом. Такое положение блокирует деятельность политических субъектов, критически относящихся к действующей власти, что, между прочим, противоречит основам политического процесса в более демократических странах. Все-таки наличие «клапанов» для выпускания «пара» – это на данный момент самая разумная тактика. Наличие институциональной оппозиции как раз и является таким политическим «клапаном», предотвращающим разрыв политического устройства.

Действующее законодательство, конечно, не может запретить оппозицию, однако оно мастерски выхолащивает содержательную часть оппозиционной деятельности – а именно критическую составляющую – в отношении к действующей власти. Блокировав институт политической критики, в остальном можно формально конструировать и политическую структуру многопартийности, и активный политический процесс. Однако на деле это будет симуляция политической жизни, которая через какое-то время надоест гражданам. Если при наличии больших социальных проблем и, казалось бы, действующих политических институтов ничего не меняется, граждане чувствуют себя в тупике, политической прострации, поскольку не видят легитимного выхода, и нарастающее раздражение выливается на власть вообще, без разделения на правых и виноватых.

Хорошим примером для иллюстрации блокирования сущностных черт оппозиции является положение ч. 5 ст. 56 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Это положение устанавливает, что зарегистрированный кандидат, избирательное объединение не вправе использовать эфирное время на каналах организаций, осуществляющих телевещание, предоставленное им для размещения агитационных материалов, в целях: распространения призывов голосовать против кандидата, кандидатов, списка кандидатов, списков кандидатов; описания возможных негативных последствий, в случае если тот или иной кандидат будет избран, тот или иной список кандидатов будет допущен к распределению депутатских мандатов; распространения информации, в которой явно преобладают сведения о каком-либо кандидате (каких-либо кандидатах), избирательном объединении в сочетании с негативными комментариями; распространения информации, способствующей созданию отрицательного отношения избирателей к кандидату, избирательному объединению, выдвинувшему кандидата или список кандидатов.

Таким образом, установив это положение, представители власти обезопасили себя от действенной критики, предложив или не говорить о себе ничего, или гово-

рить только хорошее. Данное положение, конечно же, ограничивает конституционную свободу слова и право на свободные выборы, т. е. основные принципы демократии. Как отметил Европейский суд по правам человека, «право на свободу слова, гарантированное ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, необходимо рассматривать в свете права на свободные выборы; свободные выборы и свобода слова, в особенности свобода политической дискуссии, образуют основу любой демократической системы, оба права взаимосвязаны и укрепляют друг друга, поэтому особенно важно, чтобы в период, предшествующий выборам, всякого рода информация и мнения циркулировали свободно» [2 с. 45]. Вообще проблема политической критики не является особенно популярной в отечественном обществоведении, в том числе и юриспруденции. Между тем она составляет «душу» политической жизни. Политическая критика может рассматриваться с разных точек зрения, в том числе и как политическое право гражданина. Как отмечал А. А. Воротников, под правом личности на критику «следует понимать возможность законными средствами публично бороться с недостатками, тормозящими прогрессивное развитие общества, и причинами, их порождающими, способствовать их устранению, утверждению социальной справедливости и предлагать пути решения назревших проблем по различным вопросам государственной и общественной жизни» [2, с. 12].

Мы отмечали, что действующая Конституция страны сделала радикальный поворот от предшествующего советского периода истории страны. По прошествии двух десятков лет уже видятся многие недостатки такого поворота, в частности отрицание наработанного полезного опыта отечественной политико-правовой жизни. Многие политические формы, возникшие в советское время и особенно в так называемый перестроечный период, являются интересными демократическими явлениями, незаслуженно отвергнутыми в ходе политических катаклизмов. Например, процитированное выше определение права на критику остается актуальным и сейчас, хотя было сформулировано в ходе осмысления одного положения Конституции СССР 1977 года. Это положение, содержащееся в ст. 49, в настоящее время не всем известно, поэтому процитируем его целиком: «Статья 49. Каждый гражданин СССР имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе. Должностные лица обязаны в установленные сроки рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры. Преследование за критику запрещается. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности». В Уголовном кодексе РСФСР была соответствующая статья, согласно которой должностные лица, преследующие граждан за критику, сами подлежали уголовному преследованию. Конечно, данное право будет иметь смысл только тогда, когда оно будет наполнено формами его реализации. Некоторые такие формы уже существуют, например право на обращение граждан в органы государственной власти и местного самоуправления в соответствии со ст. 33 Конституции России. Однако право на обращение совершенно не поглощает права на критику. Обычно граждане обращаются в органы власти с просьбой о помощи в решении каких-либо их личных проблем. Вообще-то данное право не стоит и конституционного закрепления, ведь довольно глупо выглядело бы государство, в котором граждане не могут обратиться к органам власти. Другое дело, кем они являются в правоотношении обращения – «бесправными просителями» или полноправными гражданами. А вот в праве на критику они уже точно не просители, а изначально полноправные активные граждане, осуществляющие общественный контроль.

Зашедшая в некоторый политический тупик отечественная политико-правовая система пытается найти новые пути своего развития. Так, принят закон об обращени-

ях граждан, созданы общественные палаты, разрабатывается законодательство об общественном контроле. Это, конечно, шаги в правильном направлении. Но вместе с тем было бы вполне логично восстановить, пока не поздно, те формы, которые уже испытаны в отечественном политико-правовом развитии.

Список использованной литературы:

1. *Авакьян С. А.* Демократия протестных отношений : конституционно-правовое измерение / /Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1.
2. *Воротников А. А.* Право на критику как элемент правового статуса и правового положения личности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1991.
3. *Арановский К. В., Шишкина О. Е.* О конституционных основаниях запрета негативной предвыборной агитации / / Российский юридический журнал. 2009. № 6.
4. *Васильева С. В.* Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М. : Институт права и публичной политики, 2010.
5. *Кузьминых Н. В.* Проблемы реализации права на оппозиционную деятельность / / Российский юридический журнал. 2008. № 2.

Е. В. Колесников, И. А. Яшина

КОНСТИТУЦИЯ, КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ : НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Принятие Конституции Российской Федерации на всенародном референдуме в 1993 году предопределило основные направления развития постсоциалистической государственности. Она установила демократическую организацию публичной власти, общественных отношений, которая предполагает свободную и социально активную личность, широкую и реальную номенклатуру прав и свобод человека и гражданина.

Действующий конституционный акт создает условия для превалирования (верховенства) общенародных интересов над классовыми и узкосоциальными. Он должен на практике воплотить высокий идеал государственного и общественного устройства, соответствующий воле большинства народа, выраженной на основе прозрачных и демократических процедур. Однако даже по прошествии 20 лет с момента принятия базового закона конституционный императив «Россия – демократическое правовое государство» не стал констатацией достигнутого результата.

Конституция является единственным правовым актом, который сам определяет свою юридическую силу, исполняет роль «главного регулятора», осуществляет обобщенную и систематизированную регламентацию многих массовых и социально значимых общественных отношений.

Конституция осуществляет правообразующую роль, она своеобразный центр правовой системы и в известном смысле «более чем закон» – нечто первичное, основное. Поэтому она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российского государства (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Ее предписания должны постоянно и повсеместно осуществляться без каких-либо исключений при поддержке не только органов публичной власти, но и граждан, общественности.

Основные идеи, заложенные в конституционном тексте 1993 года, являются сущностными имманентными элементами современного российского конституционализма. К их числу, наряду с признанием прав и свобод человека высшей ценностью, следует отнести особую юридическую силу Конституции и ее прямое действие, императив верховенства конституционных норм на всей территории Российской Федерации, требование соответствия Конституции РФ всех законов и иных правовых актов, принимаемых в России, обязанность институтов публичной власти, должност-

ных лиц, граждан, их объединений соблюдать базовые (основные) предписания (ч. 2 ст. 4, ч. 1 и 2 ст. 15 Конституции РФ) [1].

Конституционализм осознается и воспринимается обществом как ведущий фактор строительства демократического правового государства, дальнейшего развития системы прав и свобод человека и гражданина, укрепления институциональных основ гражданского общества в России как правления в рамках Конституции и закона [13, с. 93–94; 19, с. 34].

В литературе отмечается, что конституционализм означает сам факт наличия Конституции и ее активного влияния на политическую жизнь страны, регламентацию государственного строя и политического режима, признание государством прав и свобод личности [12, с. 3–4; 16, с. 3].

Подобный подход, берущий начало со времен возникновения и развития западноевропейского конституционализма, не утратил своей актуальности и в современных условиях. Так, В. Т. Кабышев и Т. М. Пряхина дают схожее определение конституционализма [14, с. 32]. Н. В. Витрук несколько расширяет его и понимает под конституционализмом нормативно-правовую систему, которая представляет собой конституционное право в качестве системы норм позитивного права, находящего выражение в конституции (основном законе государства) и других источниках конституционного права (законах, конституционных обычаях) [9, с. 3–7].

Отметим, что наличие конституции в обществе и государстве – важная, но не единственная предпосылка (условие) конституционализма. Этот феномен проявляется в реальной конституционной и политико-правовой практике, в материализации базовых норм и принципов, разделяемых большинством граждан. Поэтому рассматривать конституционализм исключительно как конституционное оформление системы взглядов, идей, в которых воплощены представления о конституционном государстве, было бы не совсем верно.

В политико-правовой литературе конституционализм представляется многоэлементным и многоуровневым феноменом, а его содержание – широким и емким, выходящим далеко за пределы понимания исключительно как нормативно-правовой системы. Идеи известного советского и российского правоведа Н. В. Витрука о различных формах его бытия (таких как научная теория, конституционное основание нормативно-правовой системы государства, конституционно-правовое мировоззрение и правосознание) были восприняты и стали утверждаться в юридической науке. Н. В. Витрук одним из первых обратил внимание на особую значимость понимания и исследования явления конституционализма как политико-правовой практики реализации конституционных норм. Схожее определение конституционализма предложила и Н. А. Богданова [6, с. 137–138].

Нет никаких сомнений, что основные нормы создают все предпосылки для целенаправленного упорядочения многих общественных отношений и связей, в том числе государственного строительства и социального управления. Конституция РФ закрепила принцип равенства граждан перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), обязанность органов публичной власти, должностных лиц, граждан, их объединений неукоснительно соблюдать фундаментальные и законодательные нормы (ч. 2 ст. 15). Президент России является гарантом Конституции РФ, прав и свобод граждан (ч. 2 ст. 80), а Правительство осуществляет меры по обеспечению закона, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью (п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ).

Отметим также, что неукоснительное соблюдение основных и законодательных норм государственными и общественными институтами, гражданами – непременное условие конституционализма и демократической правовой государ-

ственности. Конституционные принципы должны войти как в «плоть и кровь» гражданского общества, так и в деятельность всех органов публичной власти.

Если говорить непосредственно о таких категориях, как конституция, конституционализм и конституционность, нужно отметить также несколько аспектов их соотношения в зависимости от понимания и определения сущности конституционности.

Есть все основания отождествлять конституционность и конституционную законность. В конституционности главное и первичное – соответствие всех нормативных актов и действий субъектов права нормам и принципам национальной Конституции [10, с. 450]. Подобное понимание конституционности полностью соответствует и правовым позициям Конституционного суда РФ [2; 3; 4]. Поэтому в литературе справедливо сделан вывод об анализируемом феномене как свойстве, требовании, признаке правого акта [8, с. 5; 11, с. 49–51], проявлении качества законодательных и других правовых актов, выражающих соответствие Конституции [18, с. 6].

Ряд современных авторов связывают понятие конституционности со справедливостью. Так, Т. М. Пряхина отмечает, что в широком смысле возможна оценка конституционности Основного Закона с позиций правовой справедливости, определяемой как равенство людей в свободе, поскольку императив справедливости, трансформировавшийся от интуитивного чувства до нормообразующего фактора, является квинтэссенцией конституционности [20, с. 15; 21, с. 19]. По мнению А. Н. Кокотова и Л. В. Сониной, конституционность – это обеспечение в обществе с помощью правовых средств начал гармонии и справедливости [15, с. 128].

Такой подход допустим, но первичным (базовым) в трактовке конституционности является определение качества и содержания нормативного акта через его сопоставление с конституцией демократического государства.

Реальный конституционализм, неразрывно связанный с осуществлением идеалов демократического правового государства и предполагающий оценку принимаемых государственных решений на предмет соответствия национальной конституции, невозможен без эффективной системы органов конституционной юстиции. Конституционный суд РФ в процессе своей деятельности de facto занимается универсализацией конституционных ценностей, их распространением на правотворческую и правоприменительную сферы, на институты разной отраслевой принадлежности, что существенным образом способствует конституционализации общественной жизни [7].

Таким образом, конституционализм – это практика осуществления конституции и ее предписаний, а конституционность – важнейшее проявление качества нормативных актов и действий органов государства при их сопоставлении с основными (фундаментальными) нормами.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ.1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П // РГ. 1998. 30 июн.

3. По делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 № 6-П // РГ. 2000. 27 апр.

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой ст. 27, частей первой, второй и четвертой ст. 251, частей второй и третьей ст. 253 Граждан-

ского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства РФ : Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П // РГ. 2004. 3 февр.

5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. // РГ. 2008. 6 нояб. ; *Латухина К.* Закон стабильности : Президент В. Путин обсудил с правоведами Конституцию // РГ. 2013. 8 нояб.

6. *Богданова Н. А.* Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм : проблемы и решения. М., 1999.

7. *Бондарь Н. С.* Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности. URL: http://www.zonazakona.ru/law /comments/146/ (дата обращения: 13.10.2013).

8. *Васильев М. А.* Акты местного самоуправления : правовое положение, юридический режим, классификация. Обнинск, 2001.

9. *Витрук Н. В.* Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства : сб. статей. Ч. I. Томск, 1999.

10. *Додонов В. Н.* Конституционализм // Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. М., 1999.

11. *Ермаков С. М.* Развитие законодательства субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

12. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII веков. М., 1983.

13. *Кабышев В. Т.* С Конституцией по жизни : избранные научные труды. М., 2013.

14. *Кабышев В. Т., Пряхина Т. М.* Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 2.

15. *Кокотов А. Н., Сонина Л. В.* Конституционализм как политико-правовой режим // Российский юридический журнал. 2001. № 1.

16. *Кравец И. А.* Формирование российского конституционализма : проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

17. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М., 2008.

18. *Малюшин А. А.* Конституционность, ее выявление и реализация // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 17.

19. *Мамитова Н. В.* Российский конституционализм : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006.

20. *Пряхина Т. М.* Конституция и конституционность : диалектика взаимосвязи // Право и политика. 2001. № 9.

21. *Она же.* Теоретические проблемы формирования принципа конституционности // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 3.

22. *Сонина Л. В.* Конституционализм в Российской Федерации как политико-правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

К. Ю. Колесников

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В разговоре о таком важном и сложном предмете, как патриотическое воспитание молодежи, надо разделять два уровня проблем. Один уровень – это проблемы состояния политической культуры молодежи, наполненность этой культуры теми смыслами и ценностями, которые позволили бы говорить о ее патриотической либо, напротив, непатриотической направленности. Это, так сказать, проблемы «воспитуемых». Второй уровень – это проблемы «воспитателей», т. е. тех государственных и общественных институтов, отдельных гражданских активистов (среди которых немало и ученых), которые видят свое предназначение в том, чтобы усиливать и активировать в умонастроениях молодежи патриотическую мотивацию. Проблемы этого второго уровня – это проблемы понимания самими «воспитателями» того конечного

результата, который они хотят получить в результате своих творческих усилий, и тех способов и средств, которые могут сделать достижение такого результата оптимальным или, напротив, крайне затратным и трудным. Это тоже проблемы «патриотического воспитания молодежи», потому как от неудачного и несогласованного воспитательного воздействия в молодежной политической культуре как раз и появляются те антипатриотические девиации, которые постоянно фиксируют социологические исследовании и которые можно наблюдать в социальных сетях при обсуждении вопросов внутренней и внешней российской политики, этнических и религиозных конфликтов. О проблеме «патриотического воспитания молодежи» этого второго уровня и пойдет речь.

Существование этой проблемы можно отрицать. Можно возразить, что никакой рассогласованности воспитательных позиций, которые сегодня в деле патриотического воспитания молодежи занимают общественные и государственные институты, на самом деле нет, а есть целостная стратегия патриотического воспитания молодежи. В частности, самым очевидным свидетельством существования такой целостной стратегии является Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» – уже третья по счету такого рода программа. В ней подробно расписаны все ресурсы, предназначаемые на мероприятия патриотической направленности, и все ожидаемые от таких мероприятий практические результаты [2]. Количественные характеристики воспитательного процесса действительно представлены здесь очень системно, чего не скажешь о качественном аспекте, о той логике, которая должна бы по определению связывать эту программу с другими, образно говоря, «установочными программами» современной российской политики, и в первую очередь с первейшей из всего спектра таких «установочных программ» – нынешней российской Конституцией. Здесь как раз концептуальная рассогласованность в стратегии патриотического воспитания молодежи обнаруживает себя во всей полноте.

В ст. 13 Конституции РФ, например, читаем: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность. 4. Общественные объединения равны перед законом» [1].

С другой стороны, в Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» читаем: «Государственная программа … сохраняет *непрерывность процесса по дальнейшему формированию патриотического сознания российских граждан как одного из факторов единения нации* (выделено нами. *К. К.*). … Программа включает комплекс … мероприятий по дальнейшему развитию и совершенствованию *системы патриотического воспитания граждан, направленных на становление патриотизма в качестве нравственной основы формирования их активной жизненной позиции*. Проведение *единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан* Российской Федерации обеспечивает достижение целей патриотического воспитания *путем плановой, непрерывной и согласованной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественных организаций*» [2].

Обе позиции – и та, что заявлена в отношении идеологического компонента политики в Конституции РФ, и та, что заявлена составителями Государственной программы, – законченны, логичны и конкретны. Но именно такая законченность и конкретность данных позиций делает очевидными противоречия. Начать необходимо с того общего момента, что в Государственной программе сформулирована, если исходить из формата формулировок, не что иное как государственная идеология. Именно

государству отводится ключевая роль и при реализации всего перечня воспитательных мероприятий, и при определении их результативности. Государственная программа прямо указывает на необходимость повышения «роли государственных и общественных структур в формировании у граждан Российской Федерации высокого патриотического сознания». Это заявка на государственную идеологию, вполне, заметим, оправданная свойствами политического момента. Это, вместе с тем, прямая заявка на те ценности, идеи и принципы, которые атрибутируются составителями Государственной программы как «нравственные», но в то же время и как решающие для гражданского, т. е. политического, самоопределения молодого человека.

Речь идет ни больше ни меньше как о задачах, решение которых превратит патриотизм в «фактор единения нации» и в решающий фактор всего процесса воспитания российского гражданина. Конкретность формулировок Государственной программы не позволяет предполагать никаких других версий относительно того, что государственные и общественные институты намереваются взаимодействовать в деле политического воспитания граждан на почве иных, находящихся за пределами патриотизма, «непатриотических» идей и ценностей. Хотя, возможно, это вполне соответствовало бы тем принципам идеологического плюрализма и отказа государства от доминирования в идеологической сфере, которые прописаны в российской Конституции.

Конституция утверждает: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве … обязательной». Государственная программа предлагает иной подход, когда нацеливает государственные и общественные институты действовать так, чтобы не что иное, а именно патриотизм стал «нравственной основой формирования активной жизненной позиции» российских граждан. У человека не может быть несколько нравственных позиций. И если основой нравственной позиции становится патриотизм, то это само по себе делает его в качестве базового элемента государственной и общественной идеологии обязательным. В то же время для «непатриотической» ориентации гражданской личности не остается места ни в пространстве нравственности, ни в пространстве коммуникаций с общественными и государственными институтами, ни в пространстве политических интересов.

Перефразируя известную некрасовскую формулу «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!», можно сказать так: «Консерватором, либералом, демократом можешь ты быть сколько хочется, но патриотом ты быть обязан, если хочешь быть гражданином!». Это совершенно справедливая формула, поскольку именно на ней основана стабильность всего современного национально-государственного миропорядка. Подвергать эту формулу сомнению совершенно нецелесообразно и – более того – опасно именно для стабильности национально-государственной системы. Но приведенное несоответствие двух базовых документов подталкивает сознание гражданина именно к такому сомнению.

Конституция не конкретизирует, что это за «общественные организации», которые «равны перед законом». Равенство общественных организаций перед законом означает, в сущности, что в поле зрения государства эти организации занимают сходное положение и могут претендовать на равные доли внимания и помощи со стороны государства, так же как и на равные доли ответственности. Государственная программа посредством понятия «патриотическое воспитание» очерчивает четкий круг тех организаций, которые сегодня и в перспективе могут претендовать на преимущественное внимание государства к своей деятельности и на преимущественную помощь со стороны государственных институтов. Если и можно в этой ситуации говорить об их равенстве перед законом наряду с общественными организациями, не занятыми непосредственно решением задач патриотического воспитания молодежи, то

только в смысле ответственности, а не прав и возможностей. Тем более трудно говорить о таком равенстве в отношении организаций непатриотической направленности. Понятие «иностранный агент» прижилось в нашем политическом дискурсе именно как обозначение общественных организаций, патриотичность деятельности которых вызывает сомнение у государства и потому определяет особый правовой и общественно-политический статус таких организаций и особые государственные требования к финансовым и организационным условиям их функционирования.

В принципе естественно, что два базовых для жизни общества и государства документа – Конституция и Государственная программа – не согласованы в своих основных позициях в отношении стратегии патриотического воспитания российских граждан. Они отражают разные исторические этапы развития государственного интереса к проблеме формирования лояльных и активных граждан. Изменение Конституции само по себе мало что даст для разрешения проблемы противоречий в этих документах уже потому, что развитие государственного интереса не остановится на сегодняшнем дне и завтра неизбежно встанет вопрос о необходимости менять «государственную программу». А привнесенные в нее изменения, скорее всего, опять не будут согласовываться с изменениями в Конституции. Представляется, что важнее попыток что-то переписать – само четкое знание и понимание сути таких противоречий государственными и общественными институтами, занятыми патриотическим воспитанием молодежи. Такое понимание дает акторам воспитательного процесса больше в смысле реалистичной оценки ими свойств того политического и культурного, правового и организационного контекста, той политической реальности, в условиях которой они должны решать сложнейшую задачу соединения в личности гражданина приверженности демократическим ценностям с приверженностью ценностям и опыту своего государства и общества.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.
2. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» : Постановление Правительства РФ от 05.10.2010 N 795 (ред. от 07.10.2013) / / СЗ РФ. 2010. N 41 (ч. 2). Ст. 5250.

Е. В. Комбарова

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ

2013 год богат на юбилеи, это год празднования 20-летия Конституции Российской Федерации и 75-летия выдающегося ученого, педагога, заведующего кафедрой конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии гуманитарных наук Владимира Терентьевича Кабышева. В фокусе его исследований находятся теоретические проблемы российского конституционализма, теории конституции, федерализма, конституционного механизма власти и народного суверенитета. Эти два юбилея непосредственно связаны один с другим, поскольку Владимир Терентьевич внес неоценимый вклад в историю разработки Конституции России 1993 года. Авторским коллективом кафедры под его руководством был подготовлен проект Конституции Российской Федерации, который решением Конституционной комиссии РСФСР 25 декабря 1990 года был отмечен на всероссийском конкурсе второй премией как

цельный проект новой Российской Конституции, представляющий несомненный интерес для работы над конституционной реформой в России (первая и третьи премии не присуждались). Мы отмечаем 20-летие со дня принятия этого фундаментального акта, имеющего принципиальнейшее значение для формирования новой российской государственности, акта самого по себе сложного, ставшего неким компромиссом на стадии его формирования, но тем не менее позволившего сохранить российскую государственность, к которому все мы относимся исключительно бережно. Бережное отношение к этому акту было продемонстрировано в рамках последних событий, когда проектами законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации вносились поправки в статьи, регулирующие сроки полномочий института президентства в Российской Федерации и Государственной думы, а также предусматривающие расширение контрольных полномочий парламента в отношении Правительства Российской Федерации, объединение Верховного и Высшего арбитражного суда.

Сегодня можно утверждать, что Основной Закон России обладает основными признаками устойчивой системы – при всей надежности базовых элементов, закрепивших основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, допускается вариабельность организации основных элементов государственной власти и структуры федеративного устройства в рамках жестких правовых норм, установленных самой Конституцией РФ.

Проблема власти – наиболее острая для любого современного государства, поскольку затрагивает фундаментальные основания жизнедеятельности общества. Поэтому неслучайно вопросы публичной власти в практике Конституционного суда РФ занимают одно из центральных мест. Это связано с тем, что органы конституционной юстиции занимают важнейшее место в процессе демократизации политической системы, коренной реорганизации форм и методов деятельности правовых институтов, связанных с защитой прав и законных интересов граждан, в организации и функционировании органов публичной власти Российской Федерации. На встрече с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «за счёт работы Конституционного Суда, который в ходе своей практической работы даёт толкование отдельным положениям Конституции, придает ей так называемую живинку, связь с жизнью, приспосабливает её к конкретным правоотношениям»[1]. За последние годы Конституционный суд РФ провел значительную работу по укреплению конституционных основ деятельности органов публичной власти России, выработал ряд правовых позиций, касающихся организации и деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Только с 2009 по 2011 год в Конституционный суд РФ поступило 692 обращения, касающихся вопросов организации публичной власти [2].

Анализ правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации по вопросам организации и деятельности органов публичной власти России показывает, что выводы, содержащиеся в них, можно считать вкладом данного судебного органа в теорию конституционного права. Основной Закон России гарантирует осуществление публичной власти в разных формах – исходя из признания особенностей ее организации и осуществления на каждом из территориальных уровней, в том числе с учетом специфических характеристик конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации, а также муниципальных образований.

Конституционным судом РФ сформулированы многие методологические основы организации и деятельности органов публичной власти в России, включающие в себя и правовые принципы:

– публичная власть может быть государственной или муниципальной;

– органы публичной власти свободны в своих действиях в пределах их полномочий, установленных федеральным законом;

– облегченная процедура отзыва выборных лиц местного самоуправления недопустима;

– органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления несут ответственность перед населением муниципального образования (муниципально-правовая ответственность), государством (конституционно-правовая ответственность), физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами.

Согласно правовым позициям Конституционного суда РФ [3], принцип разделения властей предполагает установление такой системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно их взаимодействие, взаимный баланс ветвей власти, исключает возможность для какой-либо из них подчинить себе другие ветви. Каждая власть формируется как самостоятельная, а полномочия одной власти по ограничению или прекращению деятельности другой допустимы только при условии сбалансированности таких полномочий, гарантируемых на основе законодательных решений.

Наиболее ценным является Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 января 1997 года [4], в котором был сформулирован вывод о том, что принцип единства органов государственной власти не допускает непосредственного вмешательства вышестоящего органа власти в компетенцию нижестоящего, но позволяет вышестоящему устанавливать правила, обязательные для нижестоящих органов государственной власти. При этом указанное единство обеспечивается единством правового пространства Российской Федерации с элементами самостоятельности субъектов Федерации, выражающимся в принятии ими собственных нормативных правовых актов.

Однако стоит отметить некоторые положения, которые нарушают целостность системы и создают спорную правовую ситуацию. Так, принцип единства системы органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов нарушался при приведении к должности высшего должностного лица субъекта РФ [5]. Как известно, сначала было отдано предпочтение прямым выборам населением данного руководителя перед его избранием законодательным органом власти субъекта РФ. Далее на смену прямым выборам пришла процедура фактического назначения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (наделение полномочиями) по представлению Президента Российской Федерации решением законодательного органа субъекта РФ. Непростым оказалось положение Конституционного суда РФ, который в Постановлении от 18 января 1996 года № 2-П [6] признал порядок избрания главы администрации Законодательным собранием Алтайского края не соответствующим Конституции РФ, однако в Постановлении от 21 декабря 2005 года № 13-П [7] нашел легитимным новый порядок приведения к должности главы субъекта РФ, а этот порядок по инициативе опять же Президента Российской Федерации уступил место вновь прямому избранию населением [8]. Особенностью стала поддержка выдвижения кандидатов как от политической партии, так и в порядке самовыдвижения депутатами представительных органов и (или) главами муниципальных образований субъекта Российской Федерации. Участием органов местного самоуправления, учетом их мнения в рамках процедуры замещения должности высшего должностного лица субъекта Федерации подтверждается единство публичной власти в Российской Федерации и взаимодействие с органами местного самоуправления органов государственной власти субъекта

РФ, на которые возложена ответственность за обеспечение социального, экономического и иного развития территории субъекта Российской Федерации, а значит, и каждого входящего в его состав муниципального образования. В Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 года № 32-П по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [9] заявителями оспаривались законоположения, которыми регистрация кандидата на должность высшего должностного лица субъекта РФ, выдвинутого политической партией или в порядке самовыдвижения, ставится в зависимость от получения поддержки установленного законом числа выборных лиц местного самоуправления в данном субъекте Федерации, а также законоположение, предоставляющее Президенту РФ право проводить в определенном им порядке по своей инициативе консультации с политическими партиями, выдвигающими кандидатов на указанную должность, и кандидатами, выдвинутыми на эту должность в порядке самовыдвижения. Однако Конституционный суд признал в своем решении оспоренные законоположения не противоречащими Конституции, указав, что установление федеральным законодателем организационно-правовых предпосылок персонифицированного взаимодействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления находящихся на его территории муниципальных образований еще в процессе замещения должности высшего должностного лица субъекта РФ направлено на достижение их согласованного функционирования, а также на обеспечение основанного на разграничении предметов ведения и полномочий и признании самостоятельности местного самоуправления единства функциональных основ организации публичной власти в субъекте Российской Федерации.

Однако в апреле 2013 года были внесены изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10] с указанием на то, что субъекты РФ могут заменить прямые выборы процедурой избрания главы региона депутатами законодательного органа власти субъекта РФ из числа кандидатур, внесенных Президентом РФ по представлению политических партий. Данные изменения призваны учесть региональное многообразие Российской Федерации и направлены на обеспечение устойчивого социально-экономического развития субъектов Федерации и сохранение межнационального мира и согласия. Данное решение оправданно, но только в тех республиках, где прямое голосование может привести к разжиганию межэтнической розни, межнациональным конфликтам, межконфессиональным противоречиям и поставит под угрозу государственную безопасность. Так, в конституции Дагестане и Ингушетии уже внесены поправки об избрании главы региона парламентом. Но стоит отметить, что при введении диспозиции в вопросе формирования высшего должностного лица субъекта Российской Федерации ставится под сомнение действенность принципа единства системы государственной власти. Как отметил Президент РФ, выступая на Совете законодателей, «Россия большая, и правила игры должны быть едины для всех 83 регионов» [11].

Мы на деле убедились, что Конституция Российской Федерации при бережном к ней отношении действительно является гарантией стабильности российской государственности.

Нет нужды говорить, сколь велика роль суда и правосудия в формировании доверия со стороны общества к власти. В последние десятилетия во всем мире место

судебной власти в современном обществе значительно меняется, выходя за рамки традиционного восприятия ее как одной из ветвей государственной власти, основной функцией которой является урегулирование конфликтов между частными лицами (своего рода публичная услуга, оказываемая государством). Судебная власть в современных условиях становится гарантом реализации общественного договора, гарантией макросоциального спокойствия, конституционной стабильности.

Неизменность конституционных приоритетов, таких как стабильность основ конституционного строя, гарантий соблюдения прав и свобод личности, равенства всех перед законом, справедливого правосудия, исполнения законов, служит основой для доверия граждан к институту государственной власти.

Список использованной литературы:

1. Встреча с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин. Московская область, Ново-Огарёво. 7 ноября 2013 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://президент.рф/новости/19579 (дата обращения: 25.11.2013).
2. Информация Конституционного Суда Российской Федерации «О конституционно-правовых аспектах совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере обеспечения и защиты прав и свобод граждан» (на основе решений 2009–2011 годов) (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/InformationKS/Pages/Aspect-KS.aspx (дата обращения: 01.12.2013).
3. См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края : Постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409 ; По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми» : Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 1998 г. № 16-П // СЗ РФ. 1998. № 23. Ст. 2626.
4. СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.
5. См.: *Кириенко Г. С.* Некоторые проблемы реализации принципов российского федерализма : теория и практика // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8.
6. СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409.
7. СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
8. СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2274.
9. СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.
10. СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1638.
11. Заседание Совета законодателей. Москва. Кремль. 13 декабря 2012 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://президент.рф/новости/17125 (дата обращения: 10.11.2013).

Г. Н. Комкова

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современный период развития мирового сообщества глобализация выступает в качестве его неотъемлемого атрибута. В самом общем виде глобализацию можно представить как «процесс все более беспрепятственного перемещения через государственные границы людей, информации, товаров, инвестиций, демократии и рыночной экономики» [3, с. 12]. С этой точки зрения она несет в себе положительные черты, поскольку сближает народы, государства, отдельных людей, разрушая любые имеющиеся между ними барьеры. Кроме того, положительное действие глобализация оказывает на повышение производительности труда, взаимовлияние и развитие экономик различных по уровню государств, распространение апробированных передовых методик в экономике, промышленности, сельском хозяйстве. С помощью глобализации в современное мировое сообщество проникают новые векторы конституционного развития, которые в основном ориентированы на западные идеалы демократии, поскольку именно эти страны, как наиболее развитые в экономическом смысле, яв-

ляются главным двигателем глобализации.

Однако нельзя не видеть и отрицательных черт этого явления, которые заключаются в ослаблении существующих в мире государств в плане уменьшения объема их суверенных прав, постепенно отходящих к наднациональным объединениям. Существенной чертой глобализации также являются перекос в возвышении одних государств и принижении других, синхронизация кризисов в разных странах, контроль экономических и политических процессов со стороны одних стран по отношению к другим. Все это может привести к ослаблению, а затем и потере государственного суверенитета, подчинению интересов самостоятельного независимого государства интересам транснациональных корпораций или более влиятельных стран. Для того чтобы этого не произошло, необходима четкая позиция государства в отношении своих национальных интересов, защита своего суверенитета на всех уровнях межгосударственного взаимодействия, а также стабильность конституционного строя самого этого суверенного государства.

Процессы глобализации тесно связаны с проникновением в конституционную материю отдельного государства тех общих тенденций, без которых сегодня не могут существовать страны, считающие себя развитыми. Прежде всего это признание приоритета прав человека, расширение перечня прав и свобод, включение в него ранее не известных или не используемых возможностей, связанных с развитием средств массовой коммуникации, экологической безопасностью, достижениями в медицине. Закрепление в конституции государства данных положений будет свидетельствовать о включении страны в мировые глобализационные гуманитарные процессы, а установление нормы о стабильности этих положений конституции – о перспективной политике данного государства в сфере обеспечения прав и свобод человека.

Система ценностей в каждом государстве – это залог стабильности существования его государственного строя и общественного устройства, ведь она формировалась веками. Однако глобализация и здесь оказывает свое влияние, под её воздействием в ряде государств видны изменения в иерархии ценностей. То, что раньше казалось самым главным, сейчас может уходить на второй план. В связи с этим К. С. Бурэ отмечает: «Новая идеология, попадающая в государство вместе с глобализацией, утверждает значимость экономических ценностей, их особое место в обществе. Экономический детерминизм проявляется в утверждении экономических ценностей в качестве главных, основополагающих. И именно достижение тех или иных экономических благ является теперь главной целью человека. Причина этого заключается в том, что именно экономическая составляющая характеристики человека становится главной при оценке его статуса в обществе» [2, с. 213]. Однако для россиян духовность, приоритет моральных принципов над материальными благами всегда были определяющими. Именно поэтому в Конституции России, в её преамбуле, обозначены те важнейшие ценности, которые должны обеспечить духовную стабильность народа. Эти ценности создавались и воспитывались у многих поколений россиян, и отступать от них нельзя, поскольку это будет способствовать созданию среды аморальной, противоречащей национальной природе российских граждан. Прав О. Г. Румянцев, говоря, что «отказ от накопленного опыта ведет к ущербности и недолговечности закрепляемого строя» [4, с. 254].

Глобализация также основана на демократических принципах развития государства. Выборность всех уровней власти, учет мнения населения при принятии важнейших для данной территории решений, особое внимание к интересам меньшинств - это именно те базовые положения, без которых немыслимо современное демократическое государство. Закрепление данных положений в Основном Законе страны означает безусловное признание демократии, ёе ценности для государства.

«Однако и демократия, и правовое государство не нечто застывшее в своем развитии, это не конечный результат, а движение, процесс, который государством без риска утраты своей легитимности не может игнорироваться», – отмечает Б. С. Эбзеев [5, с. 88]. Развитие демократии неизбежно связано с мировыми процессами повышения открытости, доверия к органам власти, а также с проблемами, которые существуют в этой сфере.

Невозможно отрицать связь глобализации с развитием информационных процессов в современном обществе. Интернет, электронные средства массовой информации существенно влияют на взаимодействие гражданина и государства. Чем более открыта власть, тем такое взаимодействие сильнее. Сейчас общество готово к переходу в такое состояние, когда обмен знаниями, опытом, практикой значительно упрощен. Однако легкость принятия всех новаций, которые предлагаются внешними структурами, может вызвать неприятие, непонимание со стороны своего народа. Именно поэтому многие государства сейчас приходят к выводу о необходимости контролировать обмен информационными потоками между представителями разным стран, которые могут не только нести положительные сведения, но и угрожать национальной безопасности государства.

Существование государства, его ценностей и принципов, закрепленных в конституции, без серьезных перемен и потрясений в течение длительного времени – это величайшее благо, оказывающее положительное влияние на жизнь общества и государства. Постоянство в правилах, условиях функционирования государства и общества – величайшая ценность для народа, который может быть уверен в сегодняшнем и завтрашнем дне, с оптимизмом воспринимать настоящее и будущее. Поскольку именно конституция является тем основным правовым регулятором общественных отношений государства, который должен чутко реагировать на все изменения, возникает проблема либо постоянного изменения конституционных норм, либо формулирования их таким образом, чтобы их содержание не нужно было менять при каких-либо колебаниях в общественных отношениях.

При этом, как это ни парадоксально, все самые действенные изменения в экономике, политике, идеологии государства и гражданского общества происходят только при стабильном конституционном строе, уверенности в устойчивости государства. Н. С. Бондарь верно отмечает: «Какова же платформа, позволяющая соединить на первый взгляд несовместимые явления и процессы: преобразования, модернизацию, с одной стороны, и социальную стабильность – с другой? Очевидно, что, пожалуй, единственно надежной в современных условиях такой политико-правовой платформой является Конституция. Именно она совмещает на нормативно-правовом уровне (имеющем высшую юридическую силу) эти начала – обеспечение социальной и политической стабильности, незыблемость основ конституционного строя России и одновременно провозглашение начиная с преамбулы Конституции высших целей и идеалов развития общества и государства. Одновременно она является главным нормативным правовым источником именно тех „ценностей и институтов демократии", на основе которых должна быть осуществлена всесторонняя модернизация. Поэтому конституционное значение современных процессов модернизации очевидно» [1, с. 140]. Именно поэтому необходимо, с одной стороны, учитывать влияние глобализационных процессов на современное государство, а с другой, обеспечивая стабильность конституционного строя, очень взвешенно подходить к возможному изменению конституции.

Список использованной литературы:

1. *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, ИНФРА-М, 2011.

2. *Бурэ К. С.* В поисках системы конституционной экономики / / Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Т. 3. М. : АНО «Центр публично-правовых исследований», 2008.
3. *Норберг Ю.* В защиту глобального капитализма / / Институт Катона. Cato.Ru / Пер. с англ. М. : Новое издательство, 2007.
4. *Румянцев О. Г.* Основы конституционного строя России. Понятие, содержание, вопросы становления. М. : «Юрист», 1994.
5. *Эбзеев Б. С.* Введение в Конституцию России. М. : Норма, ИНФРА-М, 2013.

Ю. С. Комягина

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Глава 1 Конституции РФ устанавливает основы конституционного строя, т. е. закрепляет принципы государственного устройства, экономических отношений и политической системы общества. Насильственное изменение этих принципов является преступлением и преследуется в судебном порядке. В частности, законодатель предусматривает наступление уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, нарушающих установленные Конституцией РФ основы политической системы, внешнюю и внутреннюю безопасность государства, – государственную измену (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ), вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), диверсию (ст. 281 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организацию экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК РФ), организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283^1 УК РФ), утрату документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ).

В сравнении с УК РСФСР 1960 года круг государственных преступлений сократился с 36 составов преступления до предусмотренных действующим уголовным законом 10 составов.

Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства могут быть условно разделены на две группы – посягающие на внешнюю безопасность РФ (ст. 275, 276, 281, 283, 284 УК РФ) и посягающие на внутреннюю безопасность РФ (ст. 277, 278, 279, 280, 282, 282^1, 282^2 УК РФ).

На современном этапе развития уголовной политики одним из приоритетных направлений является создание эффективного механизма противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства. В этой связи научный и практический интерес представляет исследование криминологической характеристики преступлений против государственной власти.

Под криминологической характеристикой преступлений принято понимать описание и анализ свойств, закономерностей, причин и условий, последствий преступности (отдельного ее вида), а также свойств личности преступника. Иными словами, криминологическая характеристика – это исходный этап для оптимизации процесса разработки и реализации мер предупреждения преступлений. Если рассматривать предупреждение преступлений как целостную систему, то одной ее составной частью является криминологическая характеристика, а другой – разработка и реализация профилактических мероприятий [1, с. 292].

Государственная преступность характеризуется повышенной общественной

опасностью – каждое из таких преступлений способно нанести колоссальный, а иногда и непоправимый ущерб интересам личности, безопасности общества и государства. Преступные действия направлены при этом на подрыв обороноспособности и экономической безопасности страны, развитие сепаратистских настроений, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды и разжигание межнациональных конфликтов.

Президент РФ В. В. Путин в ежегодном Послании Федеральному собранию 12 декабря 2013 года отметил: «Важнейшая тема, которая требует откровенного разговора в обществе, – это межэтнические отношения. Здесь фокусируются многие наши проблемы, многие трудности социально-экономического и территориального развития, и коррупция, и изъяны в работе государственных институтов, и, конечно же, провалы в образовательной и культурной политике, что зачастую приводит к искаженному пониманию истинных причин межэтнического напряжения. Его провоцируют не представители каких-то народов, а люди, лишенные культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим. Это своего рода аморальный интернационал, в который входят и распоясавшиеся, обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России, и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые «крышуют» этническую мафию, и так называемые русские националисты, разного рода сепаратисты, готовые любую бытовую трагедию сделать поводом для вандализма и кровавой бузы. Мы вместе должны справиться с этим вызовом, должны защитить межнациональный мир, а значит, единство нашего общества, единство и целостность Российского государства» [2].

Удельный вес государственных преступлений относительно всех зарегистрированных преступлений невысок, но в последние десятилетия он нарастал в основном за счет преступлений экстремистского характера. По данным сайта МВД РФ, в январе–октябре 2011 года было зарегистрировано 564 преступления террористического характера (+14,9%) и 506 преступлений экстремистской направленности (7,8%)., а в период с января по ноябрь 2013 года – 576 преступлений террористического характера (–1,4%) и 833 преступления экстремистской направленности (+24,3%) [3].

Структура государственной преступности за последние годы претерпела некоторые изменения. Так, законодатель расширил перечень преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства – произошла криминализация публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, организации экстремистского сообщества, организации деятельности экстремистской организации.

Другой криминологической особенностью преступлений против основ конституционного строя является значительный их рост при обострении экономической, политической и социальной ситуации в стране, и наоборот, сокращение количества преступлений при стабильном развитии государства, что подтверждается статистическими данными. Например, по оценкам исследователей, увеличение количества этих преступлений наблюдалось в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), во время обострения ситуации в Чеченской республике в 1990-е годы и т. д.

Анализ государственной преступности показывает, что причины, порождающие ее, имеют характер: 1) информационно-идеологического воздействия на личность извне; 2) неудовлетворенности личности сложившимися обстоятельствами жизни; 3) несогласия с официально проводимой государственной политикой в целом либо по отдельным вопросам; 4) обиды на органы власти; 5) гипертрофированного понимания и неправильного толкования событий и факторов [4, с. 789].

Наиболее распространенной является информационно-идеологическая причина. Возможность ее возникновения зависит от степени подготовленности личности

к восприятию информации. Человек оценивает полученную информацию либо критически (сильная ценностная ориентация личности), либо как изначально правдивую (слабая ориентация, последствием которой может явиться совершение преступления). Так, например, население страны в 1990-е годы оказалось не подготовленным к переходу от плановой экономики к рыночной, повысилась и виктимность российских граждан.

В ситуации неудовлетворенности обстоятельствами жизни человек склонен перекладывать вину на других людей и государство в целом, что может побудить его к совершению государственных преступлений.

По сути, любое преступление против основ конституционного строя базируется на несогласии индивида с установленными в обществе и государстве правилами. Несогласие является фактором, который вызывает у личности разного рода противоречия, приводит к конфронтации (прямому конфликту) и в конечном итоге – к совершению противоправных действий.

Все чаще причиной совершения преступлений против государства являются несогласие с проводимым политическим курсом страны, разочарование деятельностью органов государственной власти. Укоренившиеся в сознании индивида мысли о несправедливости по отношению к нему или его близким со стороны государства в сегодняшних реалиях зачастую находят очень мощную идеологическую подпитку.

Как справедливо отмечает Н. Ф. Кузнецова, причины и условия, способствующие совершению преступлений против государства, тесно связаны с особенностями личности преступника. Такая личность, попадая в криминогенную ситуацию, получает мощный толчок к совершению общественно опасных действий и при наличии соответствующих условий реализует возникшее преступное намерение [5, с. 520].

Таким образом, существенное влияние на государственную преступность оказывают процессы, формирующие скрытый или явный протест у личности, – противоречия в организации власти и управления, коррупция, нарушение принципов законности, религиозные противоречия, невысокий уровень морали и нравственности в обществе. Однако, несмотря на многообразие причин преступности, специфическая конечная причина (установка) связана со сферой сознания (как и любые другие субъективные мотивы), ибо «все побудительные силы, вызывающие действия человека, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждение его воли» [6, с. 29].

Профилактика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства включает в себя воздействие на причины и условия, базируется на всестороннем изучении особенностей личности преступника и тесно связана с необходимостью криминологического и уголовно-правового прогнозирования.

Нами отмечены лишь некоторые особенности криминологической характеристики государственной преступности, учет которых окажет влияние на эффективность ее предупреждения.

Список использованной литературы:

1. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2007.
2. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 г. / / Сайт Президента России. URL: http: / / www. http: / / www.kremlin.ru (дата обращения: 20.12.2013).
3. Состояние преступности / / Сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: http: / / www. http: / / www.mvd.ru (дата обращения: 20.12.2013).
4. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2013
5. Криминология : учебник /под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М., 2004.
6. *Стручков Н. А.* Преступность как социальное явление. Вып. 2. М., 1979.

М. Н. Концыбовская

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

Явление политической субъектности как отдельного человека, так и различных социальных групп широко представлено в отечественной политической науке и обществознании. Общей тенденцией, которая прослеживается в работах отечественных исследователей, является представление о том, что именно личность является носителем специфических свойств субъекта [2, с. 18–22; 5, с. 241–245; 6, с. 148–152; 7, с. 113–130; 8, с. 308–313]. Субъектность возникает на определенном уровне развития личности и представляет собой ее новое системное качество, которое определяет специфику жизнедеятельности человека. Понятие субъекта позволяет дифференцировать людей в зависимости от степени их влияния на отдельные ситуации и ход жизни в целом, по степени владения этими ситуациями, по дальности жизненных перспектив.

Многие авторы в своих исследованиях подчеркивают сложность и многосоставность феномена субъектности. Так, В. В. Барменкова приводит аспекты субъектогенеза – социогенез (основание), онтогенез (развитие) и актуалгенез (воспроизведение), – а также раскрывает понятие «субъективное время» (этапы субъектогенеза), выделяя прошлое (базовая безопасность), настоящее (безопасность устойчивости) и социальное будущее (безопасность развития)[1, с. 151–156].

Современное успешное развитие государства и общества предполагает наличие личности, осознающей свои собственные интересы, анализирующей события вокруг и понимающей их сущность и причинно-следственные связи, а также активно действующей и влияющей на мир вокруг. Данные характеристики переплетаются и представляют собой субъектность личности. Акцент в данном случае необходимо сделать на таких качествах, как ответственность и целеустремленность личности, и ее неравнодушном отношении к событиям, происходящим вокруг. На наш взгляд, именно такая свободная и деятельная личность является фундаментом формирования гражданского общества в России, становления правового государства и демократизации в целом.

Проблема политической субъектности является многоаспектной и системной, ряд исследователей выделяют различные противоречия и особенности формирования политической субъектности организаций в современной России – «мнимость», иллюзорность политических субъектов [3, с. 293–295], преобладание в данном процессе государственного фактора [4, с. 67–72], неактивность современных граждан и их нежелание принимать участие в политической деятельности («смерть субъекта») [7, с. 113–130].

Проблема политической субъектности социально значима и актуальна, и это в очередной раз подтверждает дискуссия ученых на сетевом портале журнала «Полис», в которой приняли участие Б. Г. Капустин, М. В. Ильин и И. И. Кравченко [9]. Связывая проблематичность существования политической философии в России и на Западе с утратой политической субъектности в условиях современного общества, Б. Г. Капустин выделяет в качестве главной проблемы отсутствие социальных групп – субъектов волеполагания, поскольку отдельный человек в политической сфере превращается в объект манипуляций.

Интересным, на наш взгляд, является предположение, сделанное М. В. Ильиным, что прежняя субъектность не утрачивается, а дополняется новой, а потому становится «незаметной» или «музейной». При всем этом частное личностное

начало вкупе с сетевыми способами организации особенно широко и эффективно используется этой новой субъектностью. Более продуктивно, на взгляд М. В. Ильина, искать новую субъектность не вне, а внутри политического действия и поведения. В этом случае речь идет о новом уровне рефлективности, делающем субъектность «многослойной» и в этом смысле современной — в отличие от несовременной консолидированной, «точечной» (неважно, массовой, коллективной или нет) субъектности.

В процессе формирования политической субъектности общественных и иных организаций в современной России особое значение имеет государственный фактор. В качестве аргументации данной позиции можно привести следующие примеры: Общественная палата РФ была создана государством как институт гражданского общества для защиты прав и свобод человека и гражданина, Общероссийский народный фронт – специально для президентской избирательной кампании и т. д. Государство создает «общественные» организации, на наш взгляд, для достижения своих собственных целей, в том числе и для манипулирования общественным сознанием (создание иллюзии учета интересов граждан и защиты их прав и свобод). Однако в ряде случаев подобные организации со временем начинают выполнять свои сущностные функции, становясь посредниками между властными институтами и общественностью, и следовательно, необходимо изучать их влияние на политический процесс и принятие политических решений, а также эффективность учета в их деятельности общественного мнения.

Категория политической субъектности в настоящее время исследуется довольно подробно в отечественном естествознании, при этом важными для рассмотрения особенностей ее формирования и функционирования выступают этапы формирования, факторы и условия становления, уровень развития и структура.

В качестве одной из проблем политической субъектности, выделяемой учеными, выступает ее соотношение с политической институциализацией. Политическая субъектность отличается крайней подвижностью и способностью к мимикрии под институты, особенно «это относится к тем субъектам, единство которых основано на интересах, так как интересы являются более изменчивым феноменом, чем ценности, и это приводит к частому переформатированию и изменению границ соответствующих субъектов» [6, с. 148].

На наш взгляд, политическая субъектность – это некая характеристика места в политическом пространстве конкретного политического субъекта, включающая отношения с другими политическими субъектами, взаимоотношения с частью населения, предоставившей представление своей воли и интересов, влияние и роль в процессе принятия политических решений, взаимоотношения с государственной властью, выступающей на сегодняшний день главным фактором влияния и господства.

Список использованной литературы:

1. *Барменкова В. В.* Субъектность организации как реалия оргпсихологической практики / / Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 4.

2. *Громов М. Н.* Субъектность вместо объектности – главная доминанта отечественной мысли / / Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. № 1.

3. *Догадина Т. А.* Мнимые политические субъекты как часть коммуникативной политической среды / / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 8.

4. *Жминда М. Н.* Политико-правовая субъектность русской православной церкви в советский период (1917–1991 годы) / / Известия Саратовского университета. Новая серия : Экономика. Управление. Право. 2008. № 2.

5. *Кушнаренко А. В.* Субъектность как детерминанта успешной личности / / Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. Т. 69. № 14.

6. *Конуров А. И., Будылин К. Ю.* Субъектность как политологическая категория / / Власть. 2012. № 6.

7. *Козлова О. Н.* Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке / / Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3.

8. *Перевозчикова Л. С.* Субъектность как экзистенциональное и социальное качество личности (гуманистическая парадигма) / / Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2007. № 5.

9. Саморефлексия политики. Политическая субъектность. Сетевой портал журнала «Полис». URL: polisportal.ru / index.php?page_id=107 (дата обращения: 22.03.2013).

М. Ф. Косолапов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ОСУЖДЕННОГО НА ПЕРЕСМОТР ПРИГОВОРА

Важнейшей гарантией реализации конституционного положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, служит наличие действенных правовых механизмов защиты нарушенных прав, устранения ошибок, допущенных государственными органами и должностными лицами, в том числе и при осуществлении уголовного судопроизводства.

Право осужденного на пересмотр незаконного или необоснованного приговора в Российской Федерации регламентировано рядом конституционных и отраслевых норм, а также положениями международных договоров. Так, согласно ч. 3 ст. 50 Конституции РФ, каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом. Подобным образом данное право закреплено и в п. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, а также в ч. 1 ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [1]. Данные нормы устанавливают обязанность государства обеспечить осужденному реализацию его права путем детальной законодательной регламентации порядка и условий обжалования приговора.

Одним из средств реализации в Российской Федерации права осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом является возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ). В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств является установленное Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) нарушение положений Конвенции о защите прав и основных свобод при рассмотрении судом уголовного дела, связанное с применением федерального закона, не соответствующего положениям ЕСПЧ, а также в связи с иными нарушениями Конвенции [2].

Отнесение факта принятия постановления ЕСПЧ к новым обстоятельствам, влекущим возобновление производства по уголовному делу, объясняется субсидиарной природой данного международного органа и особенностями процедуры рассмотрения жалоб. Европейский суд не уполномочен отменять либо изменять решения внутригосударственных судебных органов, однако констатация в его постановлении нарушения прав заявителя предполагает принятие государством-ответчиком действий по их устранению.

Положения ст. 413 УПК РФ предусматривают в качестве новых обстоятельств исключительно решения ЕСПЧ, но не акты других международных контрольных органов, в которых могут констатироваться аналогичные нарушения. Российская Федерация является участником не только Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 года, но и других международных соглашений в области прав человека [3], большинство из которых предполагает создание контрольных органов, как прави-

ло, квазисудебных по своей природе [4]. Полагаем, что игнорирование решений этих органов может негативно сказаться на обеспечении и защите прав человека. Кроме того, условия приемлемости жалоб в ЕСПЧ, в отличие от других процедур международного разбирательства, ограничивают возможность для осужденного на подачу жалобы шестью месяцами с момента рассмотрения дела судом второй инстанции.

В связи с данными обстоятельствами значимым является вопрос о том, можно ли рассматривать решения (Соображения) Комитета по правам человека в связи с поступившей жалобой или констатацию других нарушений Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года в качестве новых обстоятельств, влекущих возобновление производства по уголовным делам.

Так, Комитет по правам человека принял Соображения, констатирующие нарушение Российской Федерацией прав гр-на Хорошенко А. А., закрепленных в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года в совокупности с его ст. 7, п. 1–4 ст. 9, ст. 14. Согласно позиции Комитета, процессуальные права заявителя неоднократно нарушались в рамках судебного разбирательства. На основании этого Комитет обязал Российскую Федерацию обеспечить Хорошенко А. А. эффективное средство правовой защиты, провести повторное судебное разбирательство при соблюдении всех гарантий в соответствии с Пактом [5]. Однако обращение Хорошенко А. А. с ходатайством о пересмотре вынесенного приговора оказалось безрезультатным – Верховный суд РФ вернул его заявление, сославшись на то, что постановления Президиума Верховного суда РФ не подлежат пересмотру в порядке надзора и решения (Соображения) Комитета по правам человека не являются основанием для пересмотра судебного решения ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Конституционный суд РФ, рассмотрев жалобу Хорошенко А. А. на нарушение его конституционных прав (п. 5. ст. 403, ч. 4. ст. 413 и ч. 1 и 5 ст. 415 УПК РФ), 28 июня 2012 года вынес определение № 1248-О, в котором на основании анализа норм Конституции России и положений УПК РФ, а также исходя из принятых Российской Федерацией обязательств по международным соглашениям пришел к выводу, что оспариваемые заявителем законоположения не исключают возможности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на основании соображений Комитета по правам человека, принятых в результате рассмотрения индивидуальной жалобы и содержащих адресованное РФ предложение о проведении повторного судебного разбирательства (п. 6 Определения). Суд указал, что право возбуждения производства ввиду новых обстоятельств, не связанных с постановлениями ЕСПЧ, принадлежит прокурору, а поводом для возбуждения могут быть сообщения граждан и должностных лиц [6].

И хотя в данном определении Конституционный суд РФ не усмотрел несоответствия норм УПК РФ, оспариваемых Хорошенко А. А., конституционным основам и международным стандартам и признал жалобу не подлежащей дальнейшему рассмотрению, сформулированные им правовые позиции имеют важнейшее правовое значение для реализации права осужденного на пересмотр приговора ввиду новых обстоятельств. Как представляется, исходя из данных правовых позиций законодатель должен внести соответствующие изменения в ч. 4 ст. 413 УПК РФ, расширив перечень новых обстоятельств, влекущих возобновление уголовного дела, и включив в него решения Комитета по правам человека, принятые в результате рассмотрения индивидуальной жалобы и содержащие адресованное РФ предложение о проведении повторного судебного разбирательства, а также решения аналогичных по правовой природе международных контрольных органов.

Полагаем, что расширение практики защиты прав человека с использованием

международных механизмов и стандартов, безусловно, имеет положительное значение для правовой безопасности личности в России.

Список использованной литературы:

1. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Страсбург, 22 ноября 1984 г. с изменениями и дополнениями от 11 мая 1994 г.) // Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL: http://www.echr.ru/documents/doc/2440805/2440805.htm. (дата обращения: 05.01.2014).
2. Данный порядок исполнения постановлений ЕСПЧ был рекомендован государствам – членам Комитета министров Совета Европы в Рекомендации № R (200) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека. URL: http://www.hrights.ru/text/b22/Chapter2%208.htm (дата обращения: 02.12.2013).
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года ; Пакт о гражданских и политических правах 1966 года ; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года ; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года ; Конвенция по правам ребенка 1989 года и т. д.
4. Комитет по правам человека (в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах) ; Комитет против пыто ; Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и т. д.
5. Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (101-я сессия) относительно сообщения № 1304/2004, представленные Андреем Хорошенко // URL: http://ccprcentre.org/doc/OP1/Decisions/101/1304_2004_RussianFederation_ru.pdf. (дата обращения: 17.12.2013).
6. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О по жалобе гражданина Хорошенко А. А. на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс (дата обращения: 02.12.2013).

Д. А. Кравец

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ТАЙНОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Принципы избирательного права и процесса, которые являются основополагающими началами функционирования правового механизма избирательных отношений, закреплены в российском и международном праве. Среди них в отдельную группу выделяются принципы участия граждан в выборах и референдумах, напрямую связанные с реализацией их активного и пассивного избирательного права, и к этой группе относятся принципы всеобщего равного прямого избирательного права, добровольного участия избирателей в выборах и тайного голосования.

Конституционный принцип тайного голосования гарантирует гражданам Российской Федерации тайну их волеизъявления при голосовании на выборах в органы государственной власти, местного самоуправления и на референдуме [14]. Данный принцип означает исключение любого внешнего наблюдения и контроля волеизъявления избирателей – никто, кроме самого избирателя/участника референдума, не имеет права знать о содержании его персонального решения и никто не вправе оказывать какое-либо давление на него.

Согласно Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором

Российской Федерации установлены иные правила, нежели предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [7]. Таким образом, правовое регулирование избирательных прав и свобод российских граждан должно осуществляться в соответствии не только с внутригосударственным законодательством, но и с международными стандартами в области избирательного права, касающимися различных правоотношений в сфере выборов, в том числе и избирательного процесса.

Среди международных избирательных стандартов следует выделить универсальные, которые действуют в отношении всех государств, и региональные, принятые в рамках региональных организаций. Важнейшими универсальными международными документами, закрепляющими принцип тайного голосования, являются Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года [1], и Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в 1966 году и вступивший в силу в 1976 году [2]. Данные документы не содержат развернутого понятия принципа тайного голосования, однако закрепляют его обязательность.

Принцип тайного голосования отражен и в региональных избирательных стандартах. Речь идет о документах, принятых в рамках региональных организаций, в которых участвует Российская Федерация. В первую очередь особое значение имеют европейские международные стандарты выборов, изложенные в документах, принятых Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (прежнее название — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)) и Советом Европы. Так, Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ [3] и Конвенция о защите прав человека и основных свобод [4] закрепляют принцип тайного голосования для стран – участниц ОБСЕ и Совета Европы. Разновидностью региональных международных избирательных стандартов, имеющих к России непосредственное отношение, является Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств [5]. Данный документ, созданный по инициативе Российской Федерации, представляет собой попытку кодификации норм международно-правового регулирования избирательных отношений и не просто закрепляет принцип тайного голосования, но и содержит ряд положений, обеспечивающих его эффективную реализацию. Так, в данной Конвенции конкретизирован правовой статус международных наблюдателей и определены их полномочия, содействующие выполнению ими своих функций с целью объективного наблюдения за выборами и т. д.

Проанализировав международные избирательные стандарты, стоит отметить, что виды и основания ответственности за нарушение принципа тайного голосования не зафиксированы в международно-правовых актах. На практике такая ответственность носит скорее политический характер и выражается в негативном восприятии избранного с нарушением международных избирательных стандартов органа или должностного лица со стороны иностранных государств [16].

В связи со стремительным внедрением информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и в избирательный процесс, особое значение приобретает международно-правовое регулирование института электронного голосования. Региональные международно-правовые стандарты в данной области были установлены Советом Европы в Рекомендациях Комитета министров СЕ по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования 2004 года, которые подробно регламентируют правовые, организационные и технические аспекты применения новых технологий [6]. Несмотря на то что данный доку-

мент содержит нормы мягкого права, его положения заслуживают внимания во время введения/реформирования процедур электронного голосования в государстве при возникновении проблем несоответствия международным стандартам демократических выборов.

Правовую основу принципа тайного голосования в российском праве составляют Конституция Российской Федерации, закрепляющая этот принцип применительно к выборам Президента Российской Федерации [7], Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» [10], Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [11], Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» [13], Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] и т. д. Реализация принципа тайного голосования возможна только при наличии специальных законодательных и организационных мер, процедур, которые исключают контроль процесса голосования и обеспечивают свободу волеизъявления граждан на выборах и референдуме. Так, процедура голосования проводится в помещении, где оборудованы специальные места для голосования (комнаты, кабины и др.), оснащенные системой освещения, столами, письменными принадлежностями (за исключением карандашей) [9]. При этом места выдачи бюллетеней, места для тайного голосования и ящики для голосования, технические средства подсчета голосов при их использовании должны находиться в поле зрения членов участковой комиссии и наблюдателей [10]. Однако в Российской Федерации данные нормы часто нарушаются, что иллюстрируется посредством применения систем видеонаблюдения на избирательных участках: на некоторых из них не оборудованы специальные места для голосования, а на тех, где такие места оборудованы, граждане по-прежнему предпочитают не соблюдать тайну голосования и фиксировать свои решения вне кабинок и т. д.

В связи с проведенными реформами избирательной системы Российской Федерации (введение систем видеонаблюдения за выборами и оснащение избирательных участков современными техническими средствами подсчета голосов, в частности комплексами обработки избирательных бюллетеней (КОИБ)) проблемы нарушения принципа тайного голосования приобретают новый масштаб. Активное использование данных систем в ходе выборов мэра города Москвы в сентябре 2013 года с целью дополнительных гарантий честности выборов выявило их несоответствие принципу тайного голосования. Программное обеспечение КОИБ предусматривает автоматическое создание файла с описанием документа, среди параметров которого есть и время создания. Теоретически данные файлы должны быть временными и регулярно удаляться, однако на практике в силу распространенности информационных технологий фрагменты кода позднее были доступны в сети Интернет. Таким образом, при желании выяснения результата личного волеизъявления конкретного гражданина или группы людей необходимо сопоставить съемку с камеры на нужном избирательном участке и файл с описанием документа. Вероятнее всего, это не намеренная попытка отслеживания процесса голосования, поскольку даже в масштабе города это достаточно трудоемкая работа. Разработчики программы по привычке добавили стандартный параметр – время создания файла, – а принимающие работу не заметили или не сочли нужным это исправлять [15].

В соответствии с российским законодательством за нарушение принципа тайного голосования предусмотрены уголовная ответственность и наказание в виде штрафа, обязательных работ или исправительных работ. Также при наличии квалифицирующих обстоятельств – подкупа, обмана, принуждения, применения насилия

либо угрозы его применения, использования служебного положения, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, – данные преступления наказываются штрафом в большем размере, обязательными работами или исправительными работами на более длительный срок, а также принудительными работами, арестом на срок до 6 месяцев или лишением свободы на срок до 5 лет [8].

Российская судебная практика в связи с нарушением принципа тайного голосования невелика и в основном посвящена нарушению организационных процедур избирательного процесса, ответственность за которое предусмотрена Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации [9].

Таким образом, в Российской Федерации существуют проблемы несоответствия избирательной практики международным стандартам, особенно в связи с внедрением новых технологий выборов. Правовые основы принципа тайного голосования, закрепленные в российском праве, требуют дополнительной проработки. Особенно стоит обратить внимание на то, что для полноценной его реализации недостаточно лишь закрепления основ избирательного права на федеральном уровне. Правоприменительная практика на выборах всех уровней свидетельствует о проблемах эффективности механизмов реализации принципа тайного голосования, которые и нуждаются в совершенствовании.

Список использованной литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // РГ. 1995. № 67.

2. О гражданских и политических правах : Международный пакт от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

3. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1990 г. // Сайт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304 (дата обращения: 8.12.2013).

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

5. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 07.10.2002 // Сайт Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России. URL: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/f28/konvenciya.pdf (дата обращения: 8.12.2013).

6. Рекомендации R (2004) 11 Комитета министров стран-участниц по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования (приняты Комитетом министров 30 сентября 2004 года на 898-м заседании) // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://cikrf.ru/international/docs/rec_rus.html (дата обращения: 8.12.2013).

7. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 ; РГ. 2013. № 295.

9. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 ; РГ. 2013. № 295.

10. О референдуме Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 24.04.2008) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710 ; 2008. № 17. Ст. 1754.

11. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253 ; РГ. 2013. № 295.

12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 ; РГ. 2013. № 295.

13. О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919 ; РГ. 2013. № 295.

14. *Игнатенко В. В.*, *Штурнев А. Е.* Российское избирательное право : словарь-справочник // Национальная юридическая энциклопедия. URL: http://determiner.ru/dictionary/210/word/tainogo-golosovanija-princip-princip-tainogo-golosovanija (дата обращения: 8.12.2013).

15. КОИБы сделали тайное голосование явным // Йополисbeta. URL: http://yopolis.ru/cityboom/occasion/14177 (дата обращения: 8.12.2013).

16. *Шевченко С. И.* Международные избирательные стандарты и ответственность за их нарушение : Доклады студентов и аспирантов МГЮА на научно-практической конференции «Избирательное право Российской Федерации : современное состояние и тенденции дальнейшего развития» (ч. 2) // Журнал «Российское Право в Интернете». 2004. № 3.

В. Ю. Крепица

УЧАСТИЕ ОПЕРАТОРОВ СВЯЗИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН СВОБОДНО ИСКАТЬ, ПОЛУЧАТЬ, ПЕРЕДАВАТЬ, ПРОИЗВОДИТЬ И РАСПРОСТРАНЯТЬ ИНФОРМАЦИЮ. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Процессы глобализации, в которые вовлечена Российская Федерация, предполагают увеличение скорости информационного обмена, объема обмениваемой информации и обеспечения доступа к базам данных граждан и организаций. При этом источником информации и средствами обмена информацией становятся Интернет, телевидение.

Возможность для гражданина искать, получать информацию и обмениваться ею обеспечивается деятельностью операторов связи. В связи с этим правовое регулирование деятельности операторов связи, а именно формирование правового статуса оператора связи исходя из потребностей рынка телекоммуникационных услуг с учетом формирования механизмов защиты прав абонентов, а также обеспечения мер государственного контроля и надзора в сфере связи, играет первостепенную роль.

Правовое регулирование деятельности операторов связи не ограничивается одной отраслью права, а представляет собой совокупность норм разных отраслей права – конституционного, жилищного, административного, законодательства об оперативно-розыскной деятельности, антимонопольного, гражданского законодательства.

В результате такой неоднородности и несистемности между указанными нормами права имеются противоречия, порождающие ряд проблем правоприменения.

1. **Проблемы размещения оборудования и линий связи в многоквартирных жилых домах**.

Для того чтобы гражданин имел возможность искать информацию в Интернете или передавать сообщения, оператор, оказывающий телематические услуги связи посредством сети передачи данных, должен «прийти» в дом – разместить на общем имуществе многоквартирного дома оборудование и линии связи. При этом в соответствии с пп. 3 п. 2 ст. 44 Жилищного кодекса принятие решений о пользовании общим имуществом собственников помещений в многоквартирном доме иными лицами относится к компетенции общего собрания собственников.

В то же время в соответствии с п. 5 ст. 6 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» операторы связи на возмездной основе вправе размещать кабели связи в линейно-кабельных сооружениях связи вне зависимости от принадлежности этих сооружений.

Возникает вопрос, что будет основанием для размещения оборудования и линий связи на общем имуществе многоквартирного дома – договор с собственниками помещений в многоквартирном доме или решение собственников, принятое на их общем собрании. Нормы права однозначного ответа на этот вопрос не дают, как и судебная практика. Если суды общей юрисдикции (во всяком случае на территории Саратовской области) не рассматривают договоры с собственниками о предоставлении права размещения оборудования на общем имуществе многоквартирного дома как основание для размещения [1; 2], то арбитражные суды приходят к выводу, что размещение линий связи на общем имуществе многоквартирного дома не представляет собой аренды и решения общего собрания собственников не требуется [3; 4]. При этом указанный вопрос имеет принципиальное значение для реализации конституционного права граждан искать информацию. Отсутствие основания для размещения линий связи в многоквартирном доме может повлечь решение о демонтаже линий связи и невозможность для абонентов в доме реализовать конституционное право свободно искать информацию [1].

Этот вопрос тем более актуален в свете внесенного Президентом РФ в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта № 352924-6 «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О Верховном суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации”» [5], который предусматривает упразднение Высшего арбитражного суда РФ.

Практика арбитражных судов, признающая наличие договора с собственником достаточным основанием для размещения оборудования связи в доме, тесно примыкает к проблеме допуска операторов связи в многоквартирные дома и участия в решении этого вопроса управляющих компаний, а также товариществ собственников жилья.

Так, зачастую дополнительной препоной к размещению в доме линий и оборудования связи и, соответственно, реализации конституционного права граждан на поиск информации становится позиция управляющих компаний, товариществ собственников жилья, требующих заключения операторами связи отдельных возмездных договоров на организацию допуска в доме.

Практика арбитражных судов (дела по обжалованию управляющими компаниями решений антимонопольной службы о признании вышеуказанных действий нарушающими закон о защите конкуренции) идет по тому пути, что дополнительные требования управляющих компаний о взимании платы за допуск операторов связи в дом незаконны и нарушают положения Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1]. Соответственно, позицией арбитражных судов о незаконности взимания с операторов платы за размещение и достаточностью договоров с собственниками для размещения оборудования связи в доме снимается лишняя препона к реализации конституционного права граждан на поиск информации в виде:

– ограничения рынка услуг связи в конкретном доме и недопущения управляющими компаниями операторов связи к абонентам;

– несения операторами связи дополнительных затрат на размещение в доме оборудования и, как результат, повышения абонентской платы за услуги связи.

В случае принятия президентского законопроекта, упразднения Высшего арбитражного суда РФ и сохранения Верховного суда РФ встанет вопрос о дальнейшей судьбе разъяснений ВАС, постановлений пленумов ВАС.

На неопределенность дальнейшей судьбы разъяснений ВАС указал Высший арбитражный суд в отзыве на президентский законопроект: «Законопроектом не

предусмотрены переходные положения о том, как будет осуществляться пересмотр судебных актов арбитражных судов в порядке надзора, что произойдет с разъяснениями Высшего арбитражного суда Российской Федерации, формировавшимися им на протяжении 20 лет в целях достижения единообразия практики применения законов и иных нормативных актов, регулирующих отношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [6].

Если законопроект Президента о реформе ВАС будет принят в предложенной субъектом законодательной инициативы форме, можно предположить, что судебная практика изменится и пойдет по пути судов общей юрисдикции, что создаст дополнительные препоны для допуска операторов в дома и трудности в реализации прав граждан на поиск информации.

2. **Проблемы применения положений общей части Гражданского кодекса Российской Федерации к линиям и оборудованию связи**.

Оказание услуг связи (телематических, услуг кабельного телевидения, услуг по передаче данных) может осуществляться посредством волоконно-оптических линий связи (далее – ВОЛС) по технологии «оптика до дома». По указанной технологии услуги связи оказываются ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг» [7], ОАО «Ростелеком» [8], ОАО «Вымпелкоммуникации». При этом встает вопрос, что является объектом права – волоконно-оптический кабель или оптическое волокно, составляющее его. De facto операторы связи могут осуществлять операции как с оптическим волокном так с волоконно-оптическим кабелем и ВОЛС (предоставляют в пользование, арендуют, продают и т. д.). В то же время отсутствие единообразия в трактовке правовой природы ВОК и оптического волокна, а именно является ли ВОК неделимым имуществом и может ли отчуждаться оптическое волокно в ВОК, порождает трудности в согласовании условий договоров с ВОЛС и оптическими кабелями.

Судебная практика по указанному вопросу также не содержит единообразия в понимании правовой природы ВОК и ОВ. Так имеются решения судов, признающих ВОК неделимым имуществом и не предусматривающие возможность сделок с волокном, составляющим ВОК [9]. Имеются и решения судов, предусматривающие возможность отчуждения волокна в ВОК [10]. И в случае трактовки в договоре оптического волокна как самостоятельного объекта права, а кабеля как делимого появляется риск признания договора не заключенным. Так, в соответствии со ст. 133 ГК РФ вещь, раздел которой в натуре невозможен без изменения ее назначения, признается неделимой. Признание вещи неделимой влечет за собой определенные правовые последствия – часть ее не может быть предметом самостоятельных гражданских прав. В силу положений п. 1 ст. 420 ГК РФ незаключенный договор не порождает для его сторон возникновения гражданских прав и обязанностей, независимо от его фактического исполнения. Соответственно, возникает риск признания судом предмета договора не согласованным и договора – не заключенным.

В то же время указание предметом договора оптического волокна и отказ от трактовки кабеля как неделимого имуществао позволяют стороне договора уклониться от следующей из положений ст. 246, 247 ГК РФ обязанности заключить соглашение о порядке распоряжения ВОК, а также избежать негативных последствий владения меньшим числом оптических волокон (меньшей долей кабеля) кабеля, следующих из норм ч. 2 ст. 247 ГК.

Кроме того, определение предметом договора волокна позволяет избежать выполнения требований ст. 250 ГК РФ о преимущественном праве покупки.

3. **Порядок ввода в эксплуатацию сетей и сооружений связи**.

Наличие лицензии на оказание телематических услуг связи, услуг связи по передаче данных не является достаточным основанием для начала работ по оказанию

услуг связи – услуг доступа к сети Интернет.

Приказом Минсвязи РФ от 9 сентября 2002 года № 113 утверждены Правила ввода в эксплуатацию сооружений связи (далее – Правила) [11]. В соответствии с п. 3.10. Правил до ввода сооружения связи в эксплуатацию не допускается его использование для предоставления услуг связи.

Обязательное условие для ввода в эксплуатацию сооружения связи – наличие у заявителя (оператора) утвержденной проектной документации (ПД) и заключения государственной экспертизы проекта, за исключением сооружений связи, указанных в приложении «А» к Приказу. По «упрощенной» схеме в отсутствие экспертного заключения могут быть введены в эксплуатацию, например, действующие АТС на местных телефонных сетях при расширении их емкости до 3000 номеров включительно путем установки однотипного оборудования с использованием существующих соединительных линий. При этом ПД должна быть разработана юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем), имеющим право на выполнение соответствующих проектных работ, и утверждена с учетом замечаний экспертизы проекта.

Как показывает практика, срок получения государственной экспертизы проекта составляет не менее 6 месяцев. Это обстоятельство затрудняет доступ операторов связи к абонентам. Риски оказания услуг связи на сооружении связи без ввода в эксплуатацию – привлечение к административной ответственности по признакам правонарушения, предусмотренного ст. 13.7. КоАП РФ за несоблюдение установленных правил и норм, регулирующих порядок строительства и эксплуатации сетей и сооружений связи, а также риск предписания об устранении выявленного нарушения с минимальными сроками устранения.

4. **Отсутствие четкого перечня сведений об абонентах, которые могут запрашивать органы государственной власти, а также четкого перечня органов власти, уполномоченных запрашивать у операторов связи подобные сведения**.

Как показывает практика, сведения об абонентах запрашивают органы прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел, Службы судебных приставов, Федеральной службы безопасности и др. Причем чёткого ответа, какие сведения указанные органы могут запрашивать, а какие нет, в нормах права не содержится. Также не решен вопрос об отнесении, например, Ip-адресов или mac-адресов к информации ограниченного доступа (категории тайны связи, персональных данных).

5. **Для стабильного функционирования рынка телекоммуникационных услуг имеет значение и наличие дублирующих функций у органов государственной власти, осуществляющих государственный контроль и надзор**.

Так, порядок оказания услуг связи определяется Правилами оказания телематических услуг связи, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2007 года № 575 [12], Правилами оказания услуг связи для целей телевизионного вещания и (или) радиовещания, утвержденными постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2006 года № 785 [13], Правилами оказания услуг местной, внутризоновой, междугородной и международной телефонной связи, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 18 мая 2005 года № 310 [14].

При этом полномочиями проверять соблюдение указанных правил наделены Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор) и Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор).

Роспотребнадзор при проверке соответствия деятельности операторов связи указанным правилам дает оценку исходя из положений ст. 40 Закона РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-I «О защите прав потребителей» и Федерального закона от 26 де-

кабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Роскомнадзор при проверке пользуется полномочиями, предусмотренными ст. 27 ФЗ «О связи», а также порядком и основаниями проведения проверок, установленными Федеральным ом от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

При этом оценка фактических обстоятельств дела и наличия нарушения одних и тех же правил по одним и тем же ситуациям у указанных органов может разниться [15; 16].

Указанные обстоятельства препятствуют развитию телекоммуникационного рынка РФ, создают административные преграды к реализации права граждан искать, получать информацию и обмениваться ею. Считаем, что изменения в законодательство о связи и смежные нормы права должны вноситься с учетом мнения организаций связи и организаций по защите прав абонентов (потребителей).

Список использованной литературы:

1. Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 21 июня 2011 г. по гражданскому делу №33-2994 / / Архив юридического отдела филиала в г. Саратове ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг».

2. Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 1 марта 2011 года по делу № 33-1097 / / Там же.

3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А60-53674/2011 от 7 июня 2012 года. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/893dc180-11e7-4f19-9f51-1bcf5a2b7e58/A60-53674-2011_20120607_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 12.12.2013).

4. Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 11.01.2002 г. № 66 (п. 1). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35129/?frame=1(дата обращения: 12.12.2013).

5. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Законопроект № 352924-6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации / / Сайт Государственной думы Федерального Собрания РФ. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=352924-6&02(дата обращения: 12.12.2013).

6. Приложение к письму Высшего арбитражного суда РФ от 25 октября 2013 года № ВАС – С01/УПП-2086 : Отзыв на проект закона Российской Федерации № 352924-6 о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». Стр. 2 / / Сайт Государственной думы Федерального Собрания РФ.. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/79BAAD90E55F36D343257C21003A3C36/$File/%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B6.pdf?OpenElement (дата обращения: 12.12.2013).

7. «ЭР-Телеком» – ведущий оператор телекоммуникационных услуг в российских регионах. URL: http://ertelecom.ru/ru/content/o-kompanii (дата обращения: 12.12.2013).

8.«Ростелеком» покрывает оптикой населенные пункты Хабаровского края. URL: http://newskhab.ru/?p=39720 (дата обращения: 12.12.2013).

9. Решение арбитражного суда Мурманской области по делу № А42-9556/2009 от 2 сентября 2010 года. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/15713098-c7d6-415a-8a67-2121aafc08cc/A42-9556-2009_20100902_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения: 12.12.2013).

10.Решение арбитражного суда Самарской области от 11 декабря 2009 года по делу № А55-4336/2009. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/b8568bc6-57e9-4f01-931b-b8a881b3cdad (дата обращения: 12.12.2013).

11. Об утверждении Правил ввода в эксплуатацию сооружений связи : Приказ Минсвязи РФ от 9 сентября 2002 года № 113 / / РГ. 2002. 19 сент.

12. Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи : Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2007 года № 575 / / Российская бизнес-газета. 2007. 25 сент.

13. Об утверждении Правил оказания услуг связи для целей телевизионного вещания и (или) радиовещания : Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2006 года № 785 / / РГ. 2006. 31 дек.

14. Об утверждении Правил оказания услуг местной, внутризоновой, междугородной и международной телефонной связи : Постановление Правительства РФ от 18 мая 2005 года № 310 / / РГ. 2005. 25 мая.

15. Акт плановой проверки ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг» от 28.09.2012 г. управлением РКН по Саратовской области / / Архив юридического отдела филиала в г. Саратове ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг».

16. Материалы дела, находящегося на рассмотрении Ленинского районного суда Перми по иску Управления РПН по Саратовской области к ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг» от 10.10.2013 года / / Архив юридического отдела филиала в г. Саратове ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг».

Е. А. Крючкова

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Роль конституции в построении российской государственности начиная с принятия в 1906 году Основных государственных законов Российской империи [1, с. 18] имеет определяющее значение. Хотя российский конституционализм имеет более глубокие и ранние корни начиная с Соборного уложения 1649 года, указов Петра I «О праве наследия престолом» (1722 г.), «Об учреждении правительствующего сената» (1711 г.) и других, а также документов, не нашедших своей реализации, но ставших «продуктом» государственных умов в их стремлении к ограничению абсолютизма, парламентаризму и народовластию. К таковым можно отнести восемь «кондиций» Тайного совета при императоре как условия восшествия на престол герцогини курляндской Анны Иоановны, работы М. М. Сперанского «О коренных законах государства» (1892 г.) и «Краткое начертание государственного образования» (1809 г.), Государственную уставную грамоту Российской империи 1820 года графа Н. Н. Новосильцева, проекты декабристов («Русская правда Пестеля» 1821–1823 гг., Проект Конституции Н. Муравьева 1826 г.), компромиссный конституционный проект графа М. Г. Лорис-Меликова, подписание которого не состоялось из-за убийства Александра II, проекты различных политических партий, активно формировавшихся после революционного всплеска 1905 года (Основной государственный закон П. Б.Струве 1905 г., Проект Основного Закона Российской империи, разработанный под руководством будущего председателя I Государственной думы С. А. Муромцева при участии Ф. Ф. Кокошкина, Н. Н. Щепкина и Н. Н. Львова, 1905 г.) [1, с. 3].

Что касается советской эпохи, то, помимо принятых российских Конституций 1918, 1925, 1937 и 1978 годов, так и остался на бумаге проект Конституции СССР, разработанный в 1964 году Конституционной комиссией под руководством Н. С. Хрущева, принятие которого несомненно повлекло бы последующее принятие Конституции РСФСР.

С момента принятия Конституции 1993 года в научных кругах, властных структурах да и в целом в российском обществе не прекращается дискуссия о необходимости ее реформирования. Уже сама процедура ее разработки и принятия стала объектом серьезной критики разных авторов [2, с. 12].

Приглашение профессором С. А. Авакьяном научного сообщества к обсуждению на страницах журнала «Конституционное и муниципальное право» проблемы поправок к Конституции РФ [3, с. 20] вызвало широкую научную дискуссию как в научных публикациях, так и на многочисленных научных мероприятиях, посвященных 20-летию принятия действующей Конституции РФ [4], а также в средствах массо-

вой информации. Одни говорили о достоинствах нынешней Конституции, ее «продолжительности жизни», в которой заложены одновременно «инструмент восстановления общественного согласия» и гарантия успеха «становления новой российской государственности и социально-экономической системы» [5, с. 3]. Другие указывали на необходимость ее изменения, поскольку «посредством норм конституционного права следует не поощрять, а препятствовать концентрации полномочий в одних руках, тем более если речь идет об органе, единолично осуществляющем такие полномочия» [6, с. 22]. Позиция самого Президента РФ – главы государства, выступающего гарантом Конституции РФ –в данном вопросе не совсем последовательна. Так, говоря о необходимости сохранения стабильности норм Конституции РФ, а не основ конституционного строя, как было предложено профессором С. А. Авакьяном [7], он за месяц до этого внес в Государственную думу Федерального Собрания проект закона РФ о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [8].

Конституция как Основной Закон государства охватывает наиболее важные стороны жизни страны начиная с политических характеристик государства, его территориального устройства, основ правового статуса личности и заканчивая вопросами построения системы органов власти.

Однако коренной вопрос любой конституции или ее проекта всегда состоял в выборе формы правлении, а конкретно в пределах полномочий высшей власти – и ее соотношении с вопросами народовластия. Это подтверждают события последних лет в разных государствах начиная с «революции роз» в Грузии в 2003 году, оранжевой революции на Украине в 2004 году, «революции тюльпанов» в Киргизии в 2005 году, массовых выступлений в Ереване в конце февраля 2008 года, «арабской весны» конца 2010 года, «белой революции» в России в декабре 2011 года и заканчивая так называемой революцией достоинства – событиями, происходящими на Украине с конца ноября 2013 года.

Современное правовое регулирование статуса Президента РФ требует устранения дефектности, пробельности, усиления парламентского и общественного контроля, устранения перекосов в сторону президентских сверхполномочий с целью установления баланса властей. В этой связи необходимо:

– принять Закон РФ о поправке к Конституции РФ «Об урегулировании полномочий и порядка деятельности Президента Российской Федерации федеральным конституционным законом». Часть 1 ст. 80 Конституции РФ следует изложить в следующей редакции: «Президент Российской Федерации является главой государства, полномочия и порядок деятельности которого устанавливаются федеральным конституционным законом»;

– принять Закон РФ о поправке к Конституции РФ «Об отрешении Президента Российской Федерации от должности при нарушении им Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных, федеральных законов и законов Российской Федерации, данной им присяги, неисполнением или ненадлежащим исполнением своих полномочий». Часть 1 ст. 93 Конституции РФ следует изложить в следующей редакции: «1. Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной думой обвинения в нарушении им Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных, федеральных законов и законов Российской Федерации, данной им присяги, неисполнения или ненадлежащего исполнения своих полномочий, подтвержденного заключением Верховного суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков таких действий (решений) и заключением Конституционного суда Российской Федерации о соблюдении уста-

новленного порядка выдвижения обвинения»;

– расширить полномочия Федерального Собрания, сделав предметом парламентского расследования деятельность Президента РФ [9], исключив из п. 2 ст. 4 закона о парламентском расследовании деятельность Президента РФ как не подлежащую такому расследованию.

Мое глубокое убеждение, солидарное с мнением большинства ученых-конституционалистов, таково, что современная конституционная реформа необходима и своевременна для создания правовой основы серьезных преобразований всех сфер жизни российского государства и общества [10]. По словам профессора В. Т. Кабышева, сегодняшняя Конституция выступает «как нормативно-юридическая программа модернизации российского государства и общества», и при этом «конституционные нормы и принципы должны учитывать реальные обстоятельства и соответствовать им» [11].

Список использованной литературы:

1. Конституции и конституционные проекты в истории России : сборник документов / сост. И. В. Упоров, О. В. Старков. М. : Юрлитинформ, 2013.

2. *Румянцев О. Г.* Конституция Девяносто третьего. История явления (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов). М. : ЗАО «Библиотечка РГ», 2013.

3. *Авакьян С. А.* Проекты законов о поправках к конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2.

4. *Бутусова Н. В.* О модернизации Российской Конституции (цели, задачи, пути осуществления) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1 ; *Боброва Н. А.* 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3 ; *Лукьянова Е. А.* Общество и государство в России – диагностика состояния глазами конституционалиста // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4 ; *Литвинова С. Ф.* Оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. через категорию «стабильность» // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 5 ; *Троицкая А. А.* Конституционализм : перспективы развития в России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6 и др.

5. *Шахрай С. М.* О Конституции. Общество в период изменений : опыт конституционного строительства // Центр конституционного законодательства и публичного права. М., 2013.

6. *Авакьян С. А.* Конституционное право и политика : проблемы взаимодействия в современном мире // Конституционное право и политика : Сборник материалов Международной научной конференции, 28–30 марта 2012 года. М. : Юрист, 2012.

7. Встреча Президента РФ с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин 7 ноября 2013 года // Сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/news/19579 (дата обращения: 12.02.2014).

8. Сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/19378 (дата обращения: 12.02.2014).

9. О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 27.12.2005 № 196-ФЗ (ред. от 07.05.2013) // СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 7 ; 2013. № 19. Ст. 2315.

10. *Бутусова Н. В.* Указ. соч.

11. *Кабышев В. Т.* С Конституцией по жизни : избранные научные труды. М., 2013.

С. А. Куликова

ГАРАНТИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В ПРОЕКТАХ КОНСТИТУЦИИ РФ (1990–1993 годы)

В условиях информационного общества, когда происходит значительное переосмысление объема права на информацию, а также вопросов, связанных с информационной безопасностью личности, общества и государства, обсуждавшиеся в нача-

ле 1990-х годов некоторые варианты конституционно-правового закрепления гарантий и ограничения права на информацию выглядят сегодня удивительно актуальными и воспринимаются как каталог упущенных возможностей.

22 июня 1990 года I Съезд народных депутатов РСФСР принял Постановление «О некоторых вопросах подготовки проекта Конституции РСФСР», и тогда же был объявлен конкурс на проект новой Конституции. По итогам конкурса решением жюри Конституционной комиссии лучшим был признан проект Конституции России, подготовленный на кафедре государственного права Саратовского юридического института им. Д.И. Курского [7, с. 3]. Таким образом, саратовский проект считается самым ранним конституционным проектом Российской Конституции.

Уже в этом проекте формулировка права на информацию отличалась от международных документов. Во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года и Европейской конвенции о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 года право искать, получать и распространять информацию не носило самостоятельного характера и включалось в состав более общего права на свободу выражения убеждений или мнений.

В саратовском проекте гражданину Российской Федеративной Республики гарантировалось «право на свободу слова, мнений, убеждений, их беспрепятственное выражение и распространение» (ст. 16) и «право на получение информации о положении дел во всех сферах нашей жизни, а также по вопросам прав, законных интересов и обязанностей гражданина» (ст. 21) [11, с. 26]. Таким образом, в саратовском проекте было представлено два самостоятельных права – право на свободу слова, мнений и их выражение и право на получение информации. Каждое из них имело свои гарантии и ограничения.

Единственное ограничение права на свободу слова, мнений, убеждений закреплялось в форме запрета пропаганды войны (ч. 3 ст. 7).

В качестве гарантий этих прав и свобод выступали конституционно закрепленные положения об «идеологической, религиозной, культурной свободе граждан» (ч. 3 ст. 7) и свободе творческой деятельности (ст. 41).

Интересно отметить, что право на информацию было сформулировано как право *на получение* информации. В связи с этим в саратовском проекте впервые было предложено закрепить на конституционном уровне гарантии доступа к информации: «Государственные органы, общественные организации, должностные лица обязаны обеспечить гражданину возможность ознакомления с решениями, затрагивающими его права и законные интересы. Ответственность за воспрепятствование реализации права граждан на информацию устанавливается Законом» (ч. 2 ст. 21).

Саратовский проект сыграл немаловажную роль в осмыслении конституционно-правового объема свободы мнения и права на информацию.

Осенью 1990 года был опубликован первоначальный вариант проекта Конституции, подготовленный Конституционной комиссией, в ст. 25 которого закреплялись свобода мысли и слова, право на беспрепятственное выражение мнений и убеждений, а также право на свободный поиск, получение, производство и распространение информации любым законным способом. В проекте Конституционной комиссии устанавливалось, что ограничение свободы выражения мнения и права на информацию может устанавливаться «федеральным законом в целях охраны частной жизни, личной, семейной, профессиональной, коммерческой, служебной или государственной тайны, общественной морали, а также свободы совести» [8, с. 29–30].

Одним из достоинств проекта Конституционной комиссии многие конституционалисты называют наличие раздела «Гражданское общество». Глава XI этого раздела была посвящена массовой информации и содержала внушительный ряд ее га-

рантий – запрет цензуры, запрет монополизации СМИ, незаконное ограничение доступа общественных объединений к теле- и радиоканалам, не основанное на законе прекращение или приостановление деятельности СМИ.

Наряду с официальным проектом, разрабатываемым Конституционной комиссией, появлялись и другие, альтернативные проекты. Некоторые из них приобрели известность, поскольку отражали позиции влиятельных политических групп. Наибольшее внимание в свое время привлекли проекты С. М. Шахрая (1992), Российского движения демократических реформ (1992), депутатов-коммунистов (май 1993).

Во всех этих проектах право на получение, передачу и распространение информации закреплялось как самостоятельное субъективное право. Несколько отличалась формулировка проекта «Коммунистов России», в котором предлагалось на конституционном уровне закрепить право на получение «достоверной информации о положении дел во всех сферах государственной, общественной и международной жизни, а также по вопросам их прав, законных интересов и обязанностей» [9, с. 1].

Различия содержались в формулировках ограничений и гарантий. Так, проект С. М. Шахрая, подобно проекту Конституционной комиссии, предусматривал, что ограничение права на информацию может устанавливаться в целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности [3, с. 3].

В проекте «Коммунистов России» указывалось, что «формы и способы пресечения злонамеренной дезинформации устанавливаются законом».

Кроме того, запрещались «публичные призывы к насильственному свержению существующего конституционного строя либо его изменению способом, противоречащим Конституции РФ, к терроризму, разжиганию расовой, национальной и религиозной ненависти».

В качестве гарантий права на информацию закреплялись запрет преследования за критику и указание на то, что «сокрытие или искажение должностными лицами информации об экологических правонарушениях преследуется по закону».

Право на информацию тесно связывалось авторами проектов со свободой выражения мнений и свободой печати.

В начале мая 1993 года был опубликован еще один официальный проект Конституции, на сей раз представленный Президентом РФ. Этот проект отличался от проекта Конституционной комиссии и во многом отражал конфликт, который в это время разгорался между Президентом с одной стороны и Верховным Советом и Съездом народных депутатов – с другой, и по ряду позиций очень сильно расходился с проектом Конституционной комиссии. Однако эти политические разногласия не затронули формулировку права на информацию. Статья 15 президентского проекта выглядела так: «Каждый имеет право на свободу слова, свободное распространение своих мыслей и идей, право искать, получать и свободно передавать и распространять информацию. Гарантируется свобода печати. Цензура запрещается» [2]. В лаконичной формулировке право на информацию тесно увязывалось со свободой распространения мыслей и идей. В качестве гарантий реализации свободы слова и права искать, получать и передавать информацию указывались свобода печати и запрет цензуры. Ограничения этих прав президентский проект не содержал.

После опубликования президентского проекта началась параллельная работа над двумя официальными проектами. Для их доработки летом 1993 года было созвано Конституционное совещание – специально созданный очень представительный орган, в состав которого вошли представители федеральных органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, политических партий, общественных организаций, массовых движений и религиозных конфессий, товаро-

производителей и предпринимателей – всего более 800 человек.

Итогом работы Конституционного совещания стал обобщенный проект Конституции РФ. Право на информацию в этом проекте закреплялось в ст. 28, которая выглядела следующим образом:

«Каждый имеет право на свободу мысли, слова и на беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений.

Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

Каждый имеет право на свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом. Исчерпывающий перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

Гарантируется свобода средств массовой информации. Цензура запрещается».

Проект Конституции РФ, одобренный Конституционным совещанием, был опубликован в июле [10], но работа над текстом продолжалась. Как отмечает С. А. Авакьян, «хотя внешне доработка проекта представлялась как мероприятие, проводимое с участием общественности, по существу она велась узким кругом лиц из президентского окружения и отдельными учеными-экспертами. По спорным вопросам решения принимал лично Президент, некоторые окончательные решения вошли в текст в его формулировках» [1, с. 288].

Поэтому проект Конституции, выносимый на всенародное голосование и опубликованный 10 ноября 1993 года, отличался от проекта, представленного Конституционным совещанием.

Так, в ходе доработки сдвинулась нумерация и интересующая нас статья получила № 29.

Кроме того, сравнительный анализ показывает, что в выносимом на референдум тексте исчезли определения **«***беспрепятственное* выражение своих мнений и убеждений», **«***исчерпывающий***»** по отношению к перечню сведений, составляющих государственную тайну, гарантия свободы средств массовой информации расширилась до гарантии свободы массовой информации.

Формулировка запрета цензуры осталась неизменной.

Неожиданно появилась ч. 2 ст. 29, в которой значилось: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Именно это положение Конституции стало впоследствии основой антиэкстремистского законодательства, устанавливающего большое количество ограничений свободы выражения мнения и распространения информации.

Подобная норма отсутствовала в конституционных проектах. Единственное близкое по смыслу положение мы находим в приведенном выше проекте «Коммунистов России», где содержался запрет публичных призывов к терроризму, разжиганию расовой, национальной и религиозной ненависти. Однако в этом проекте, во-первых, использовался более определенный термин «публичные призывы» вместо более широкого и имеющего явно советские коннотации термина «пропаганда» и, во-вторых, не упоминались «социальная ненависть», «социальное превосходство», что в большей степени соответствует международно-правовым актам, направленным против расовой, национальной и религиозной вражды.

Можно сделать несколько выводов.

1. Нормативное закрепление права на получение, передачу, производство и распространение информации и свободу выражения мнения присутствовало во всех

официальных и альтернативных проектах Конституции. При этом право на информацию и свобода выражения мнения фиксировались как два самостоятельных субъективных права. В целом к началу российских конституционных реформ 1990-х годов XX века в среде ученых-конституционалистов и общественно-политических деятелей сформировалась довольно стройная концепция социально-политических ценностей, в которой право на получение, передачу, производство и распространение информации и свобода мысли и слова, свобода выражения мнения осознавались как необходимая составляющая системы субъективных прав и свобод человека и как одно из условий создания демократического правового государства.

2. Из семи рассмотренных нами проектов в пяти присутствовал запрет цензуры. К этому времени норма о недопустимости цензуры действовала уже около 3 лет: первым актом, содержащим запрет цензуры, стал Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», принятый 12 июня 1990 года [5], в соответствии с которым были ликвидированы руководящие органы цензуры, а затем на смену ему пришел Закон РФ «О средствах массовой информации», где не только указывалось на недопустимость цензуры, но и давалось ее легитимное определение [6]. Утверждение запрета цензуры в тексте Конституции свидетельствует не столько о необходимости отмены цензуры (она уже была отменена), сколько о стремлении сделать невозможным возвращение советской практики идеологического диктата со стороны государства, уйти от репрессивных механизмов управления информационными процессами. В некоторых проектах запрет цензуры дополнялся нормой о недопустимости монополизации СМИ и правом, которое гарантировалось политическим партиям, общественным объединениям, массовым движениям, на изложение своих позиций и взглядов в государственных средствах массовой информации.

Другой наиболее часто встречающейся гарантией права на информацию следует назвать конституционно установленную обязанность органов государственной власти и их должностных лиц обеспечить гражданину возможность ознакомления с решениями и материалами, непосредственно затрагивающими его права и законные интересы. Эта норма также присутствовала в пяти из семи проектов начиная с самого раннего, саратовского.

3. Гораздо меньше единства мы встречаем при анализе норм, ограничивающих право на информацию и свободу выражения мнений. Во всех без исключения проектах Конституции встречаются тайна переписки, телеграфных, телефонных и иных сообщений, личная и семейная тайна и право на защиту чести и достоинства. Подобные нормы к тому времени получили международно-правовое закрепление и в той или иной степени присутствовали в советских конституциях. Поэтому включение подобных ограничений в текст новой Конституции было вполне ожидаемым. Но на этом совпадение ограничительных норм заканчивается.

Включение в текст Конституции разных видов тайны обсуждалось, но не нашло поддержки у участников Конституционного совещания.

В отношении ограничения свободы выражения мнений отметим особенно большое разнообразие предлагаемых вариантов: в одних проектах такие ограничения полностью отсутствовали и гарантировалось «беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений», в других встречается запрет пропаганды войны, запрет оскорбления убеждений граждан и оскорбления национального достоинства человека, указание на законодательно обеспеченное пресечение злонамеренной информации, запрет публичных призывов к насильственному свержению существующего конституционного строя либо его изменению способом, противоречащим Конституции РФ, к терроризму, разжиганию расовой, национальной и религиозной ненависти. В результате формулировка ч. 2 ст. 29, получившая закрепление в окончательном

тексте Конституции, на наш взгляд, носит случайный характер.

Не удалось выработать единой позиции и по вопросу ограничения права на информацию и свободы выражения мнений в целях защиты нравственности и морали, хотя такая норма была представлена в двух проектах и затем обсуждалась участниками Конституционного совещания.

Список использованной литературы:

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : Учебный курс. В 2 т. Т. 1. М., 2006.
2. Конституция Российской Федерации. Проект Конституции подготовлен по решению Политсовета Российского Движения демократических реформ. Ответственный за подготовку – член Политсовета А. А. Собчак. Авторская разработка проекта – С. С. Алексеев и А. А. Собчак при участии Ю. Х. Калмыкова, С. А. Хохлова // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history (дата обращения: 16.02.2014).
3. Конституция Российской Федерации : проект рабочей группы в составе : Шахрай С. М. (руководитель), Абросимова Е. Б., Азарова Н. Г., Бунин И. А., Маслов А. В., Минх Г. В., Орехов Р. Г., Слива А. Я., Тарасов О. А. // Федерация. 1992. № 16.
4. Московская правда. 1993. 5 мая.
5. О печати и других средствах массовой информации : Закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 : принят Верховным Советом СССР 12. 06. 1990 //Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 492.
6. О средствах массовой информации : Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I // Ведомости ВНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
7. Постановление жюри по подведению итогов конкурса на лучший проект Конституции РСФСР (25 декабря 1990 г.) // Конституционный вестник. 1991. № 5.
8. Проект Конституции Российской Федерации. Подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации : Документы и материалы. М., 1993.
9. Проект Конституции Российской Федерации : сб. материалов. М., 1992.
10. Проект Конституции РФ, подготовленный группой народных депутатов РФ //РГ. 1993. 24 июн.
11. Рабочая трибуна. 1993. 21 июл.
12. Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М., 2006.

О. Н. Куренкова

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ И СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА, – ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

В Конституции Российской Федерации 1993 года впервые закреплено то, что Россия – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2].

Если социальное государство, согласно Лоренцу фон Штейну, «обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого», а Штейн в 1850 году в перечень функций государства включил «поддержание абсолютного равенства в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти» [9], то политика российского социального государства должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Таким образом, понимание функций социального государства в современной России корреспондирует положениям Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, которая в ст. 25 декларировала, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосо-

стояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам. Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» [1]. Обеспечение возможности реализовать эти минимальные права, перечисленные в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, создаст условия для достойной жизни и свободного развития человека.

За 20 лет действия Конституции термины «достойная жизнь» и «свободное развитие» так и остались, к сожалению, моральными дефинициями, не закрепленными ни в каких программах развития и построения российской государственности.

Понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» представляют собой сложные многоаспектные явления, состоящие из различных элементов, каждый из которых важен для человека. Кроме того, люди расходятся в определении границы достойной и недостойной жизни. Для одних достойная жизнь – это только материальное благосостояние, а для других, наоборот, достойная жизнь – моральное и духовное состояние человека. Где граница достойной жизни в конституционно-правовом смысле? Что это такое – свободное развитие? Какие обязательства на себя должно брать государство, чтобы быть социальным, но не превратиться в потребительское? Государство должно давать людям все необходимое или только создавать условия, а может только декларировать? Еще немецкий ученый и поэт И. В. Гете в трагедии Фауст», чтобы не превратить человека, стремящегося к достойной жизни, в потребителя, говорил:

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой» [11].

В Российской Федерации реализуется политика, направленная на создание условий для достойной жизни. Однако, к сожалению, стандарты достойной жизни человека в России до настоящего времени не приняты. Имеются только разрозненные нормативные акты, определяющие минимальные гарантии в разных сферах жизни. Так, до принятия Конституции законом РСФСР с 1 октября 1991 года был установлен минимальный размер оплаты труда, в который не включались доплаты и надбавки, а также премии и другие поощрительные выплаты [6].

А с 1 сентября 2007 года законодатель изменяет минимальный стандарт оплаты труда для работников, просто внеся изменения в некоторые статьи Трудового кодекса, в соответствии с которыми исключены положения о том, что «минимальная заработная плата (минимальный размер оплаты труда) – устанавливаемый федеральным законом размер месячной заработной платы за труд неквалифицированного работника, полностью отработавшего норму рабочего времени при выполнении простых работ в нормальных условиях труда. В величину минимального размера оплаты труда не включаются компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты» [3].

В результате указанных изменений многие работники стали получать заработную плату гораздо меньше, чем получали ранее, поскольку с сентября 2007 года все стимулирующие надбавки были включены в минимальный размер оплаты труда, что привело к массовому нарушению прав работников со стороны работодателей, и теперь тот, кто хорошо выполнял низкооплачиваемую работу, с премиями получал минимальную заработную плату, как и тот, кто плохо выполнял аналогичную работу, так как ему полагалась доплата до МРОТ.

Действующим законодательством также закреплено, что минимальная заработная плата не может быть меньше прожиточного минимума, но, к сожалению, до

настоящего времени это не так. И в ближайшие годы минимальная заработная плата не догонит прожиточного минимума трудоспособного населения, хотя, к сожалению, у нас есть категории низкооплачиваемых работников, чей труд оплачивается в минимальном размере.

Прожиточный минимум – минимальный уровень дохода, который считается необходимым для обеспечения определенного уровня жизни в определенной стране. На практике уровень прожиточного минимума в развитых странах, как правило, выше, чем в развивающихся [8].

Если учитывать, что в силу ст. 7 Конституции РФ политика нашего государства направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека [2], то и понятие прожиточного минимума в России должно формироваться именно с учетом стремления государства обеспечить своим гражданам достойную жизнь и свободное развитие.

Величина прожиточного минимума в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы [5].

Состав потребительской корзины в настоящее время включает минимальный перечень продовольственных товаров и указание на то, что стоимость приобретенных непродовольственных товаров и полученных услуг в совокупности не должна превышать стоимости продовольственных товаров [4].

Величина прожиточного минимума на душу населения по Российской Федерации и в субъектах РФ определяется ежеквартально на основании потребительской корзины и данных федерального органа исполнительной власти по статистике об уровне потребительских цен на продукты питания и индексах потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам. Таким образом, этот показатель определяется по факту.

Так, согласно Постановления Правительства Российской Федерации № 1173 от 17 декабря 2013 года, величина прожиточного минимума за III квартал 2013 года в целом по России в расчете на душу населения составляет 7429 рублей; для трудоспособного населения – 8014 рублей; для пенсионеров – 6097 рублей; для детей – 7105 рублей [7]. Следовательно, в III квартале 2013 года население страны должно было потратить на продукты питания менее 3,5 тысячи рублей на душу населения.

Очевидные сложности в создании условий для достойной жизни человека в России возникают, возможно, и по причине отсутствия единых минимальных стандартов, способных обеспечить достойную жизнь, в том числе и потребительской корзины.

Создание условий для «свободного развития человека» также невозможно с такой потребительской корзиной. Безусловно, свободное развитие человека подразумевает физическое, умственное и нравственное состояние и его совершенствование. В современной России уделяется все больше внимание развитию спорта, культуры, искусства, в связи с чем можно сделать однозначный вывод – государство пытается сделать все возможное для создания условий для свободного развития его граждан.

Однако и в этом направлении социальной политики Российской Федерации невозможно определить, где же тот минимум, когда человек начинает свободно развиваться и как он развивается, достаточно ли для достойной жизни.

Можно, конечно же, сказать, что свободное развитие человека и достойная жизнь – это оценочные категории и для каждого все сугубо индивидуально, поэтому

государству бессмысленно стараться создавать какие-то условия. Но все же Российская Федерация – это сильное правовое социальное экономически развитое государство, в связи с чем граждане должны чувствовать заботу и поддержку.

Успешная реализация политики, направленной на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека, возможна лишь при гарантированном соблюдении государственными органами основополагающих норм и принципов, направленных на безусловное обеспечение прав человека и гражданина.

Список использованной литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // РГ. 1998. 10 дек.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 ; 2013. № 48. Ст. 6165.

4. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации : Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ // СЗРФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6950.

5. О прожиточном минимуме в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // СЗРФ. 1997. № 43. Ст. 4904 ; 2012. № 50 (ч. 5). Ст. 6956.

6. О повышении социальных гарантий для трудящихся : Закон РСФСР от 19.04.1991 № 1028-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 506.

7 Постановление Правительства РФ от 17.12.2013 года № 1173 // Сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/media/files/41d4ac6ef5cdefd46767.pdf (дата обращения: 05.01.2014).

8. Википедия – свободная энциклопедия. Прожиточный минимум. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%EE%E6%E8%F2%EE%F7%ED%FB%E9_%EC%E8%ED%E8%EC%F3%EC (дата обращения: 17.12.2013).

9. Википедия - свободная энциклопедия. Социальное государство. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki// Социальное_государство (дата обращения: 05.12.2013)

10 *Олейник Н. Н. Алексеева Л. В.* К вопросу о реализации конституционного права на достойный уровень жизни в Российской Федерации. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-konstitutsionnogo-prava-na-dostoynyy-uroven-zhizni-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 13.09.2013).

11. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Сайт он-лайн словари. URL: http://onlineslovari.com/slovar_kryilatyih_slov_i_vyirajeniy/page/lish_tot_dostoin_jizni_i_svobodyi__kto_kajdyiy_den_idet_za_nih_na_boy.1560/ (дата обращения: 05.11.2013).

Н. С. Куфтов

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ И СЛУЖБА В АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема соотношения прав и обязанностей, закрепленных в Конституции РФ, и их связи с политической и социально-экономической системой наиболее наглядно может быть рассмотрена на примере военной обязанности.

В советское время отношение к армии было обусловлено идеологически и закреплялось на конституционной основе. Статья 2 Конституции СССР 1936 года гласила: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата» [2]. Таким образом, советская Конституция открыто закрепляла положение о том, что политическая власть была завоевана силой и защитить ее от внутренних и внешних врагов пролетарского государства можно было только на основе мощной рабоче-крестьянской армии. Поэтому в ст. 131 было сказано: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социали-

стическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества Родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся» [2]. Лица, покушавшиеся на общественную социалистическую собственность, объявлялись врагами народа.

Статья 132 Конституции четко фиксировала: «Всеобщая воинская обязанность является законом. Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР» [2]. Тем самым в Конституции СССР под обязанность воинской службы подводилось политическое, экономическое, идеологическое, правовое и психологическое обоснование. Закреплялось все это в ст. 133, которая гласила: «Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние» [2]. Фактически на конституционном уровне были задействованы два важнейших мотива поведения людей, которые еще Макиавелли определял как наиболее эффективные, – любовь и страх. Любовь к своему социалистическому Отечеству формировалась всей агитационно-пропагандистской машиной советского государства, всеми институтами политической социализации, включая СМИ, кино, литературу и другие виды искусства. Страх перед неминуемостью наказания формировался всей карательной политикой государства диктатуры пролетариата, демонстрировавшей безграничную беспощадность по отношению к тем, кто объявлялся ее врагами на разных этапах строительства социализма. Наиболее наглядно ее масштабы были продемонстрированы во время насильственной коллективизации, затронувшей десятки миллионов российских крестьян.

Идеологически обусловленный подход к правовому закреплению воинской обязанности сохранился и в Конституции СССР 1977 года. Несмотря на то что многие жесткие нормы, связанные с понятием диктатуры пролетариата, были смягчены, в том числе и в отношении воинского долга, сущность воинской обязанности осталась прежней. Защите социалистического Отечества в Конституции посвящена гл. 5, в в ст. 31 которой подчеркивается: «Защита социалистического Отечества относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа. В целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства созданы Вооруженные Силы СССР и установлена всеобщая воинская обязанность» [3].

Однако, в отличие о Конституции 1936 года, сакральный уровень конституционной нормы защиты Отечества как священного долга каждого гражданина был заменен на долг Вооруженных Сил СССР перед народом – «надежно защищать социалистическое Отечество, быть в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору» [3]. В ст. 32 зафиксировано: «Государство обеспечивает безопасность и обороноспособность страны, оснащает Вооруженные Силы СССР всем необходимым. Обязанности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по обеспечению безопасности страны и укреплению ее обороноспособности определяются законодательством Союза ССР» [3]. На первый план в обеспечении безопасности страны Конституция выдвинула государство и его органы, которые опирались на поддержку общественных организаций и граждан. Такое изменение приоритетов неизбежно смягчило и правое закрепление в Конституции ответственности граждан за воинскую обязанность. Тем самым мотив страха был ослаблен с расчетом на то, что система патриотического воспитания к этому времени достигла очень высокого уровня и сможет заменить угрозу неотвратимости наказания за уклонение или ненадлежащее исполнение воинской обязанности.

После разрушения СССР в условиях перехода к демократическим принципам функционирования политической системы и к рыночным механизмам экономической системы новая Конституция не могла не отразить данные изменения в отношении фиксирования воинской обязанности [1].

Статья 55.3 Конституции РФ гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4]. Отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации могут устанавливаться лишь в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом с указанием пределов и срока их действия. При этом в ст. 56.3 особо подчеркивается: «Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46–54 Конституции Российской Федерации» [4]. Данная статья свидетельствует о том, что приоритет прав человека заявлен в Конституции даже для ситуации потенциальной угрозы основам конституционного строя и безопасности страны.

Тем не менее в ст. 59.1 констатируется: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». Порядок призыва и прохождения военной службы российскими гражданами осуществляется в соответствии с федеральным законом (статья 59.2). Однако третий пункт данной статьи гласит: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой» [4]. С учетом того, что понятие вероисповедования и убеждений является максимально широким и неопределенным, этот пункт статьи дает возможность практически любому молодому человеку отказаться от выполнения своего воинского долга, зафиксированного в первом пункте данной статьи Конституции РФ, например, заявить о себе как о диссиденте (религиозном или либеральном), мировоззрение и убеждения которого основаны на принципах ненасилия и направлены на устранение самого института армии в государстве. Поэтому он сможет апеллировать к своей принципиальной убежденности в невозможности использования оружия против человека [5, с. 146–155].

Таким образом, Конституция РФ отразила общемировые тенденции, в соответствии с которыми приоритет отдается индивидуальным правам граждан и ослаблению их социальной ответственности перед обществом и государством.

Данная тенденция отражает, с одной стороны, либерализацию и демократизацию всех сфер общественной жизни, но с другой – отражает постепенный переход большинства западноевропейских государств к профессиональной наемной армии.

Поэтому служба в армии рассматривается многими представителями современной российской молодежи не как священный долг перед своим Отечеством, а как выполнение профессиональных обязанностей для тех, кто добровольно выбрал ее по заключенному с государством контракту. Это меняет не только характер армии и механизмов ее формирования и функционирования, но и ее формальный и неофициальный социальный статус в обществе и государстве. Соответственно, меняется не только восприятие армии в обществе, но и отношение российских граждан к воинской службе. Традиционные для «народной армии» представления о ней как об обязательной для мужчин школе жизни, определенной процедуре инициации, которую должен пройти любой здоровый полноценный молодой человек, достигший определенного возраста, заменяется на восприятие ее как службы «для лохов», не способных

«откосить» или откупиться от нее.

Это не соответствует многовековым традициям российской армии, в которой в своей осознанной обязанности защищать Отечество перед угрозой внешней опасности объединялись в единое целое представители разных сословий. Представители дворянства гордились тем, что их предки своей кровью завоевали имеющиеся сословные привилегии, и всегда соотносили свой элитарный статус с готовностью выступить на защиту родного Отечества. Именно они были основой офицерского корпуса, который являлся костяком российской армии, в основной своей массе состоявшей из представителей крестьянства, служивших не за деньги, а по рекрутской повинности и чаще всего по решению «общества», т. е. крестьянского схода. Осознание необходимости и важности защиты своей страны лежало в основе российской армии именно как народной, несмотря на тяготы многолетней службы.

Современная политическая и экономическая элита России ориентирует своих детей на обучение в западноевропейских и американских лицеях и университетах, выводит свои доходы через оффшоры в западные банки. Очевидно, что такое компрадорское антипатриотическое отношение к выполнению конституционно закрепленного воинского долга является антиобразом, который разрушительно сказывается на отношении к службе в армии большинства российской молодежи.

Переход на полностью контрактную армию имеет не только очень высокую экономическую цену, но и оборотную сторону в виде всех негативных последствий статуса наемной армии. История показывает, что российская армия как плоть от плоти своего народа всегда в конце концов побеждала наемные армии. Поэтому профессионализация российской армии, объективно неизбежная с учетом использования сложнейшей высокотехнологичной техники и вооружений, невозможна без привлечения в нее образованных и патриотически настроенных представителей элиты российской молодежи.

Список использованной литературы:

1. *Бабанов А. А.* Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов). Волгоград, 2004.

2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями). URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 17.01.2014).

3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#5 (дата обращения: 17.01.2014).

4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. абря; РГ. 2009. 21 янв.

5. *Мозговой С. А.* Особенности религиозной идентичности военнослужащих и проблемы их права на свободу совести и вероисповедания // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8–9 июля 2004 г. СПб. : Норма, 2005.

Л. М. Лазанчина

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В конце XX века в России изменился экономический уклад хозяйствования, страна стала на путь рыночной экономики, для которой характерны многообразие форм собственности, свобода предпринимательства и деловой активности. Противо-

положно изменились и способы хозяйствования: то, что невозможно было при государственной плановой экономике, стало нормой (например, спекуляция), между субъектами предпринимательства в различных областях деятельности стали развиваться новые договорные отношения, стали широко внедряться в экономический оборот финансовые инструменты, такие как лизинг, рента, доверительное управление имуществом, акции, деривативы и др.

Основы нового социально-экономического строя были закреплены в Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года. Отдельного раздела, регулирующего экономическую основу государства и общества, в Конституции РФ не содержится, но в ст. 8 данного акта провозглашаются свобода экономической деятельности, единство экономического пространства, защита конкуренции и равноправие всех форм собственности – это базовые принципы предпринимательской деятельности.

Помимо данных принципов Конституция РФ содержит нормы, напрямую регулирующие общегражданские и предпринимательские права и свободы. Так, ст. 27 объявляет свободу рынка труда в России, в ч. 1 ст. 34 говорится о праве на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, ст. 35 и 36 устанавливают право частной собственности, в ст. 37 закрепляется право граждан выбирать род деятельности или род занятий, ст. 53 регламентирует право гражданина на получение от государства возмещения вреда, причиненного незаконным поведением органов государственной власти или их должностных лиц, в ст. 55 и 56 говорится о возможном ограничении основных экономических прав и свобод, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Таким образом, более 20 статей Конституции РФ, обеспечивающих регулирование рыночных отношений в России, представляют собой экономическую, политическую и правовую целостность, без которой было бы невозможно создать современную экономику. Так, без конституционных принципов свободы договора, неприкосновенности частной собственности, свободы передвижения экономические законы рынка не могли бы работать; свободу рынка труда обеспечивают конституционные нормы о свободе передвижения, выбора места пребывания и жительства; гарантированное Конституцией РФ право иметь имущество в собственности способствует формированию рынка недвижимости и т. д.

Изложенные в Конституции РФ нормы обладают высшей юридической силой и как принципы правового регулирования более подробно регламентированы в отраслевых кодексах и иных федеральных законах.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) регулирует принципы частного права, дает понятие предпринимательского права, регламентирует права и обязанности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, устанавливает равенство сторон и принцип свободы воли. ГК РФ – это основа правового регулирования предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 71 Конституции РФ гражданским законодательством являются только федеральные законы. Во исполнение федеральных законов могут приниматься подзаконные нормативные акты – указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, законы субъектов федерации.

Помимо ГК РФ нормы правового регулирования предпринимательских отношений содержатся в Налоговом кодексе РФ, устанавливающем стадии налогообложения, основания для возникновения или изменения прав и обязанностей по уплате

налогов, порядок их начисления и уплаты. Земельный кодекс РФ устанавливает правила земельного оборота. Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ гарантируют презумпцию невиновности, обеспечивают защиту прав и законных интересов предпринимателей от неправомерных действий третьих лиц. Таможенный кодекс Таможенного союза содержит правовые и технические вопросы относительно перемещения груза на территорию России и за ее пределы.

Основными федеральными законами, регулирующими предпринимательскую деятельность, являются:

– Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 года [1], содержащий правовые и организационные основы предупреждения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, под которыми подразумеваются злоупотребление доминирующим положением на рынке, соглашения, ограничивающие конкуренцию, и распространение сведений, способных причинить вред другому хозяйствующему субъекту;

– Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25 июня 1993 года [2], обеспечивающий экономические свободы граждан России и лиц, ими не являющихся;

– ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 года [3], устанавливающий порядок организации и проведения проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении названных видов контроля, права и обязанности проверяемых, а также меры защиты прав и законных интересов предпринимателей;

– ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 года [4] (далее – закон о МСП), определяющий общие положения в области государственной поддержки и развития МСП, формы и методы государственного стимулирования и регулирования деятельности МСП. Среди таких мер – создание льготных условий использования государственных финансовых, технических и информационных ресурсов, научных разработок и технологий.

В соответствии с данным законом вынесено Постановление Правительства РФ «О распределении и предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства» от 27 февраля 2009 года [5].

Приведу пример действия данного постановления (получения субсидий) на местах. Так, ст. 2 ГК РФ, определяя понятие предпринимательской деятельности, не устанавливает для предпринимателя требований о его профессионализме, специальном образовании. Считается, что если ты предприниматель, то значит – профессионал. Однако в Саратовской области для получения субсидии такие требования установлены – при отсутствии соответствующего образования лицо МСП обязано пройти учебный курс, организованный Торгово-промышленной палатой Саратовской области (далее – ТТП), поскольку получить субсидию может только член этой палаты. Но даже зная о необязательности членства в ТТП и необоснованности требования профессионализма, предприниматель не станет защищать себя, опасаясь отказа в выдаче ему субсидии, ведь абсолютное большинство принимает эти требования. Такие примеры говорят о все еще несовершенном законодательстве о предпринимательской деятельности, требующем детализации конституционных принципов, а также создания и развития информационных институтов и школ МСП.

Список использованной литературы:

1. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 06.12.2011) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2012) / / СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434 ; 2013. № 27. Ст. 3436.

2. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 06.12.2011) / / Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227 ; СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7341.

3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 25.06.2012) / / СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249 ; 2012. № 26. Ст. 3446.

4. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 06.12.2011) / / СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006 ; 2011. № 50. Ст. 7343.

5. О распределении и предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства : Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2009 г. № 178 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 03.10.2009 № 798, от 31.12.2009 № 1181, от 28.12.2010 № 1171, от 26.01.2012 № 20, от 28.06.2012 № 654) / / СЗ РФ. 2009. № 10. Ст. 1226.

О. В. Лазарева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Влияние глобализации на развитие национальных правовых систем предполагает, с одной стороны, их интеграцию, т. е. сближение на основе общепризнанных норм и принципов международного права, а с другой – изменение ценностных основ, стирание граней между добром и злом, правомерным и неправомерным, что ведет к противоречивости и динамичности мирового развития. Президент РФ В. В. Путин отмечает: «В этих условиях возрастает историческая ответственность России. И не только как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности, а как государства, которое последовательно отстаивает свои ценностные подходы... Мы будем стремиться быть лидерами, защищая международное право, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности народов» [1].

В эпоху глобализации значительная часть правотворческой деятельности направлена не на первичное регулирование, а на модификацию действующих правовых норм. Анализ итогов законодательной деятельности Федерального Собрания РФ показывает, что большое число принимаемых парламентом законов касается изменения уже действующих правовых актов. Например, если в Семейный кодекс РФ, принятый в 1995 году, за все время его действия изменения вносились 18 федеральными законами, а в Уголовный кодекс РФ, принятый в 1996 году, – 133 федеральными законами, то в Кодекс об административных правонарушениях РФ, принятый в 2001 году, изменения вносились 306 федеральными законами.

В теории и на практике современное право, как и право в XX веке, воспринимается не как целостная система (свод, организм), а как «каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими „приемами", „техникой", „технологией"» [2, с. 52]. Федеральный законотворческий процесс превращается в непрерывный процесс принятия множества поправок, дополнений и изменений. При этом разработка самостоятельных законопроектов концептуального характера стала редкостью.

В докладе Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2012 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» отмечены недостатки нормативного правового регулирования – «крайне нестабильное и несовершенное состояние рос-

сийского правового поля, частые изменения нормативных правовых актов в ущерб стабильности регулируемой ими сферы общественных отношений; несогласованность между нормативными правовыми актами различного уровня и недостатки комплексного подхода к их разработке; недостаточная прогностическая оценка правовых и общественных последствий принимаемых нормативных правовых актов; запаздывание в корректировании законодательства с учетом изменений в социально-экономической, общественной, правоприменительной и иных областях; нечеткость формулировок в текстах нормативных правовых актов и другие» [3, с. 8–9].

Преодолению указанных недостатков могут содействовать законодательные технологии, имеющие внутренние связанные циклы, – принятие закона, внесение в него изменений и дополнений, отмена действия закона. Все они отличаются своей направленностью и специфичностью применительно к целям и задачам правового регулирования. Главная цель законодательной технологии – принятие качественных законов, приведение содержания уже действующих законов в соответствии с современными потребностями и интересами.

В то же время, по мнению Г. И. Иванец, И. В. Калинского и В. И. Червонюка, законодательная техника имеет своей целью совершенствование юридического качества закона, а законодательные технологии добиваются закрепления либо незакрепления в законе тех или иных социально значимых интересов. Поэтому авторы включают в законодательные технологии как правовые (юридико-технические инструменты), так и неправовые (политические акции – лоббирование, пиар-кампании, проведение публичных массовых мероприятий «за» и «против» принятия закона и др.) средства [4, с. 91].

Технологии работы с законодательной информацией предопределяются уровнем развития юридической техники, а также современными информационными технологиями и процедурами. Так, в Государственной думе шестого созыва активно внедряются технологии «электронного парламента», облегчающие доступ граждан, интересующихся законодательным процессом, к достоверной информации.

В практику государственного управления на федеральном и региональном уровне России внедряется институт оценки регулирующего воздействия, эффективность которого уже установлена во многих странах, например в Дании, США, Канаде, Франции, Германии, Швейцарии, Австралии. С этой целью «необходимо создать единую технологическую цепь оценки регулирующего воздействия, начиная от замысла и разработки проекта управленческого решения через внесение в парламент в надлежащей нормативно-правовой форме, заканчивая мониторингом реализации и оценки наступивших последствий» [5, с. 26].

В соответствии с п. 4 Правил проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии *целью оценки регулирующего воздействия* являются определение и оценка возможных положительных и отрицательных последствий принятия проекта акта на основе анализа проблемы, цели ее регулирования и возможных способов решения, а также выявление в проекте акта положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в указанной сфере, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы России [6].

Процедура проведения оценки регулирующего воздействия на федеральном уровне проводится поэтапно и включает размещение уведомления о подготовке про-

екта акта, разработку проекта акта, составление сводного отчета и его публичное обсуждение, подготовку заключения Министерства экономического развития РФ. Аналогичная процедура установлена для проектов нормативных правовых актов субъектов РФ, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, а с 1 января 2014 года и для муниципальных нормативных актов и их проектов с поэтапным введением с 1 января 2015 по 2017 год [7].

Внедрение инструментов оценки регулирующего воздействия в России неслучайно, так как они предусмотрены Контрольным листом по качеству регулирования, принятым АТЭС в 2000 году. Данные инструменты позволяют повысить эффективность и обеспечить открытость нормотворческой деятельности, экономить бюджетные средства вследствие отказа органов власти от принятия экономически необоснованных решений, обеспечить эффективное взаимодействие с субъектами предпринимательской деятельности в процессе выработки управленческих решений, повысить уровень доверия граждан к принимаемым решениям, снизить уровень коррупции. Следовательно, оценка регулирующего воздействия во многом определяет надежность и стабильность правового регулирования в России.

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. / / РГ. 2013. № 282. 13 дек.

2. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права : эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998.

3. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2012 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М., 2013.

4. *Иванец Г. И., Калинский И. В., Червонюк В. И.* Конституционное право России : энциклопедический словарь / под общ. ред. В. И. Червонюка. М., 2002.

5. Российское законодательство : 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации / отв. ред. А. А. Клишас, В. Н. Плигин. М., 2013.

6. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 / / СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.

7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и статьи 7 и 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и эспертизы нормативных правовых актов» : Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 176-ФЗ / / СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3468.

Н. Н. Лапупина

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Уголовная политика является одним из направлений социальной политики. Ее можно определить как государственную политику в области борьбы с преступностью. Уголовная политика представляет собой стратегию и тактику этой борьбы. Стратегия дает ответ на вопрос что делать, тактика – на вопрос как делать [1, с.14].

В качестве составных частей единой политики в сфере борьбы с преступностью одни специалисты выделяют уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, криминологическую, административно-правовую и оперативно-розыскную разновидности такой политики [2, с. 535–536], другие – уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и криминологическу [3, с. 7].

Кроме того, некоторые ученые в уголовно-правовой политике выделяют уровни. Так, профессор Г. М. Миньковский писал, что «можно говорить о политике борьбы с преступностью на трех уровнях: концептуальном, законодательном и правоприменительном» [4, с. 31].

В общем виде можно сформулировать следующие основные направления уголовной политики:

1) определение круга преступных деяний (проблема криминализации);

2) определение характера и объема методов уголовно-правовой борьбы с преступностью (проблема пенализации);

3) определение путей повышения эффективности воздействия уголовно-правовых мер на правосознание населения (проблема правового воспитания).

Совершенствование действующего уголовного законодательства предполагает криминализацию новых общественно опасных деяний и декриминализацию преступлений, утративших общественную опасность. С момента вступления в законную силу Уголовного кодекса Российской Федерации 1 января 1997 года (далее УК РФ) прошло более 16 лет. За это время было принято 135 Федеральных законов (далее – ФЗ), содержащих изменения и дополнения как Особенной, так и Общей части УК РФ.

Первым направлением уголовной политики является проблема определения круга преступных деяний. В уголовном законодательстве любого государства этот перечень не может не меняться. Круг преступных деяний разный в разные периоды развития общества и государства.

Термин «криминализация» используется для характеристики различных явлений: если речь идёт о включении в перечень преступлений нового общественно опасного деяния – это криминализация деяний в уголовно-правовом смысле, если же о расширении круга лиц, совершающих преступления, – это криминализация общества или населения (термин, используемый в криминологии). Совершенствование действующего уголовного законодательства не исключает криминализации новых деяний.

Проблема криминализации как направления уголовной политики связана с определением круга деяний, представляющих общественную опасность в определенный исторический период для личности, общества и государства. На момент принятия УК РФ 1996 года в Особенной части содержалось 255 преступлений (всего в Особенной части УК РФ было 256 статей, но ст. 331 УК РФ содержит общее понятие преступлений против военной службы). За 16 лет действия УК РФ этот перечень расширился. Так, с учетом последнего Федерального закона (по состоянию на 01.12.2013) от 02.11.2013 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» действующий УК РФ дополнен 68 новыми преступлениями.

Анализ включенных в Особенную часть УК РФ новых норм позволяет сделать вывод о том, что наибольшим количеством новых преступлений дополнен раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» – 24 преступления (это различные виды террористической деятельности, действия по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, изготовление и оборот предметов порнографии, контрабанда сильнодействующих и наркотических средств и т. д.) На втором месте раздел VIII «Преступления в сфере экономики» – 22 новых преступления. Третьим следует раздел X «Преступления против государственной власти» – 14 новых преступлений (преступления экстремистской направленности, коррупционные, деяния, связанные с нецелевым расходованием бюджетных средств, незаконная выдача паспортов и т. д.) На четвёртом месте раздел VII «Преступления против личности» – 8 новых преступлений. Процесс криминализации за

последние 16 лет не коснулся разделов XI «Преступления против военной службы» и XII «Преступления против мира и безопасности человечества».

Процесс криминализации тесно связан с процессом декриминализации, суть которого заключается в переводе законодателем деяния из перечня преступных в непреступные. Следует отметить, что этот процесс идет гораздо медленнее, чем процесс криминализации. За 16 лет из УК РФ исключены только 9 преступлений – ст. 152 «Торговля несовершеннолетними», ст. 173 «Лжепредпринимательство», ст. 182 «Заведомо ложная реклама», ст. 200 «Обман потребителей», ст. 265 «Оставление места дорожно-транспортного происшествия», ст. 129 «Клевета», ст. 130 «Оскорбление», ст. 188 «Контрабанда», ст. 298 «Клевета в отношении судьи». При этом следует отметить, что декриминализированное преступление «торговля несовершеннолетними» затем вошло в перечень преступлений как «торговля людьми», нормы о клевете вновь были криминализированы спустя 7 месяцев после их декриминализации, а исключенная из УК РФ ст. 188 «Контрабанда» вновь появилась в УК РФ в виде трех новых преступлений в зависимости от предмета незаконного перемещения через границу.

Таким образом, по состоянию на 1 12.декабря 2013 года действующий в России Уголовный кодекс в своем перечне содержит 314 преступлений с учетом криминализации и декриминализации за 16 лет его действия.

Анализ законотворческой деятельности позволяет сделать вывод о том, что процесс криминализации в российском уголовном законодательстве происходит в 7 раз активнее, чем декриминализации, т. е. уголовная политика России в новом тысячелетии идет по пути расширения перечня преступлений. Представляется, что это негативная тенденция в уголовной политике России.

Первые годы действия УК РФ (1997–2000 годы) ученые и практики отмечали следующие позитивные тенденции уголовной политики России: постепенный отказ от возможности разрешения социальных проблем методом принуждения, подавления личности; сокращение перечня преступлений; ориентацию на международные стандарты и зарубежный опыт борьбы с преступностью; приведение норм уголовного законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации [5, с. 45–48].

В 1999 году С. С. Босхолов писал, что «впервые в истории России за столетие … при принятии нового уголовного закона число криминализированных деяний оказалось меньше числа декриминализированных. Отмеченная тенденция вселяет оптимизм, ибо чрезмерное увлечение криминализационными процессами приводит к появлению целого ряда „псевдопреступлений", что, несомненно, подрывает престиж самого уголовного закона, его предупредительный потенциал» [6, с. 48].

Эта отмеченная положительная тенденция уголовной политики полностью утрачена в XXI веке.

Процессы криминализации и декриминализации должны способствовать устранению пробелов в действующем уголовном законодательстве, приведению законодательства в соответствие с изменившимися условиями и потребностями в государстве. Так ли это на самом деле?

Наметившаяся в законотворчестве тенденция излишней детализации давно известных России преступлений ведет к нарушению теоретических основ конструирования уголовного закона. Например, такое всем известное преступление как мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ, Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ, зачем-то было детализировано еще шестью статьями: 159^1 («Мошенничество в сфере кредитования»), 159^2 («Мошенничество при получении выплат»), 159^3 («Мошенничество с использованием платежных карт»), 159^4 («Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности»), 159^5 («Мошенничество в сфере страхова-

ния») и 159^6 («Мошенничество в сфере компьютерной информации»).

С одной стороны, можно было бы предположить, что все эти шесть вновь введенных норм суть специальные нормы по отношению к ст. 159 УК РФ. А раз нормы специальные, то и уголовное наказание должно быть выше, чем в ст. 159 УК РФ, как, например, в специальных нормах статей 277, 295, 317 по отношению к п. «б» ч. 2 ст. 102 УК РФ или ст. 290 по отношению к ст. 285 УК РФ. Однако, сравнив санкции всех «159-х» статей, видим, что, наоборот, состав преступлений, предусмотренных вновь принятыми статьями, привилегированный, поскольку санкции содержат наказание мягче, чем в ст. 159 УК РФ. Но и это утверждение не совсем верно, поскольку есть различие в каждом виде наказания, если сравнить санкции каждой статьи между собой.

Получается, что все эти составы «как бы» самостоятельные, однако по содержанию диспозиций видно, что детализация по отдельным видам мошенничества произошла по способу совершения преступления, а если еще точнее, то по виду обманных действий или по виду злоупотребления доверием. На наш взгляд, подобная детализация излишне перегружает уголовное законодательство. Можно было бы обойтись, например, уточнением редакции примечания к ст. 159 УК РФ, включив в него размер крупного и особо крупного ущерба для статей 159^1, 159^3, 159^4, 159^5, 159^6 УК РФ, если уж законодатель решил декриминализировать ряд видов мошенничества [7, с. 71].

Можно привести и другие примеры недостаточно продуманных законодательных решений в современной уголовной политике государства.

Представляется, что в своем стремлении улучшить уголовный закон законодатель зачастую игнорирует общеизвестные теоретические основы уголовного права, научные основы квалификации, что, в свою очередь, никак не будет способствовать эффективному противодействию преступности.

Список использованной литературы:

1. *Алексеев И. А.*, *Овчинский В. С.*, *Побегайло Э. Ф.* Российская уголовная политика : преодоление кризиса. М. : Норма, 2008.

2. См.: *Долгова А. И.* Преступность : ее организованность и криминальное общество. М., 2003.

3. *Коробеев А. И.*, *Усс А. В.*, *Голик Ю. В.* Уголовно-правовая политика : тенденции и перспективы. Красноярск, 1991.

4. См. : *Миньковский Г. М.* Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы / / Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. М., 1995 ; *Босхолов С. С.* Основы уголовной политики : конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М. : ЮрИнфоР, 1999.

5. См. : *Цветинович А. Л.* Тенденции уголовной политики : вчера, сегодня, завтра / / Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994 ; *Миньковский Г. М.* Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы / / Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. М., 1995 ; *Босхолов С. С.* Указ соч.

6. *Босхолов С. С.* Указ. соч.

7. См.: *Досюкова Т. В.*, *Лапупина Н. Н.* Проблемы кодификации уголовного закона : история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного Уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, 30–31 мая 2013 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М. : Юрлитинформ, 2013.

Е. Н. Лебедева

СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РФ

Основой понимания стимулируемого развития посредством гражданского общества выступает удовлетворение прав, свобод человека и их реальное гарантирование. Признание человеческой личности высшей ценностью знаменует первоочередное правило, что свобода одного заканчивается там, где начинается право другого. Данный приоритет развития актуален для всей правовой политики государства вообще и для ее выделяемой и изучаемой правостимулирующей направляющей – в частности.

Реализация прав подразумевает наличие комплекса обязанностей, к которым человек относится с осознанием как внешней ответственности перед другими людьми, так и внутренней – перед самим собой. Лишь в этом случае свобода становится не тяжким грузом, а творческой силой и придает личности новую жизненную энергию [3, с. 72]. Это же положение верно и ярко комментирует П. Новгородцев: «…из понятия личности вытекают не только ее притязания, но и ее ответственность. Входя в общение с себе подобными, личность не может отрицать их прав иначе, как отрицая свою собственную сущность и свои права. Отсюда рождается обязанность взаимного признания» [12, с. 111]. Проблема обеспечения прав человека при глобализации, интеграции, сближении государств – один из важнейших стимулов и высшая гуманитарная цель демократической и правовой интеграции государств [15, с. 13].

Также условием стимулируемого становления гражданского общества выступает рассмотрение института собственности с точки зрения свободы, автономии, самостоятельности, самодеятельности индивида. Стимулирующими средствами здесь можно назвать равные условия конкуренции для всех хозяйствующих субъектов, наличие стимулов для развития мелкого и среднего бизнеса. И. Кант рассматривал частную собственность, гражданское сознание, гражданское общество как условие существования правового государства [9, с. 79]. Собственность, как и права человека, действительно выступает потенциалом создания и формирования гражданского общества и правового государства. Наличие правового государства выступает условием существования гражданского общества, а формирование гражданского общества – через правовое обеспечение развития экономики, определенное изменение законодательства об общественных объединениях, о местном самоуправлении, о средствах массовой информации, об информационных ресурсах и т. д. Развитие информационных технологий – наиболее динамичная прогрессивная форма упорядочения подобных ресурсов. Интернет как межгосударственная информационная ресурсная система выступает мощнейшим стимулом глобализационного развития как внутри страны, так и за ее пределами. Укрепление гражданского общества целесообразно проводить путем расширения созидательных возможностей граждан при сильной государственной власти с установлением четких непротиворечивых правовых механизмов, взаимно дополняющих и соответствующих один другому. Механизмы правового регулирования в случаях частноправовых отношений нужно предусматривать преимущественно через стимулирующие средства, повсеместно и широко используя инициативу, демократию, дозволение, права, рекомендации, поощрение, льготы и т. д. Оговоримся, что и в публичных правовых отношениях стимулы также имеют место и их роль растет. Формирование нормативных правовых актов, содержащих концепции, программы стимулируемого развития на основании научных доктрин, разработок лежит в основе конкретной государственной деятельности.

Четкая законодательная регламентация с повсеместным использованием стимулов способствует достижению влияния институтов гражданского общества для уравновешивания власти. По решению частных задач в этом направлении можем согласиться, что стимулируемые и защищаемые правом общественные объединения вместе с другими институтами гражданского общества могут удерживать страну от катастрофы, влиять на происходящие процессы [5, с. 66–91].

По справедливому мнению О. Ю. Рыбакова, «правовая политика в современном российском государстве являет собой универсальное и комплексное средство для эффективной защиты прав и свобод личности» [13, с. 8].

Конституция 1993 года провозгласила Российскую Федерацию демократическим правовым государством, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В ст. 1 и 2 Основного Закона на государство, его органы и должностных лиц возложена обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека. Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина «определяют смысл и содержание законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Подобное конституционное закрепление не означает механического выполнения и наиболее полного осуществление, гарантирования прав человека. Прав Б. С. Эбзеев, отмечая, что «пора отказаться от наивных представлений о том, что Конституция сама по себе является достаточной гарантией демократического развития общества, свободы, прав человека и гражданина» [14, с. 7].

По мнению Е. А. Лукашевой, «права человека – это определенные нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, ее взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами» [10, с. 12].

Обратим внимание научной общественности на многозначность изучаемых стимулируемых положений. Так, возможно соотнесение понятий «гарантия права» и «защита права». Не преследуя цели их наиболее полного рассмотрения, лишь кратко определим и отразим необходимость дальнейшей полной разработки научного проблемного аппарата. Например, защита права заслуженно рассматривается как сложное, многоаспектное социальное и правовое явление. Широкое понимание стимулируемой сущности защиты может трактоваться в виде восстановления состояния, существовавшего до нарушения права. По мнению А. В. Малько, В. В. Субочева, А. М. Шериева, защита призвана устранять препятствия в реализации прав и законных интересов человека, общества и государства [11, с. 80–83; 2, с. 98–114; 4, с. 68–70; 6, с. 358–366]. В пределах нашего рассмотрения в качестве субъекта права нас интересует человек и поэтому, считаем, заслуживающей внимания – мысль о признании прав человека комплексной отраслью российского права [8, с. 23–35].

В пределах правостимулирующей политики можно говорить о построении социального государства, и действительно, целенаправленная социальная политика определяет уровень жизни страны [7, с. 20].

Положение о социальном государстве (ст. 7 Конституции РФ) отнесено к основам конституционного строя РФ и по тексту Конституции РФ находит отражение в различных «социальных» статьях: право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ), труд и его оплату (п. 1–4 ст. 37), отдых (п. 5 ст. 37), защиту материнства, детства и семьи (ст. 38), социальное обеспечение (ст. 39), жилище (ст. 40), охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), экологическую безопасность (ст. 42), образование (ст. 43), участие и доступ к культурной жизни (ст. 44) и т. д. Принципы, цели, задачи развития социального правового государства, широко закрепленные в вышеназванных статьях Консти-

туции и законодательстве РФ, реализуются и за счет роста поступлений бюджетных средств от экспорта российских нефти и газа, что соответствует ст. 9 Конституции РФ и ФЗ РФ «О недрах» [1]. В пределах понимания гражданского общества высказывается идея социальной справедливости, которую можно отнести к принципам стимулируемого развития.

С точки зрения общих задач повышения качества и доступности услуг для населения в социальной сфере предполагается совместно с общественными организациями внедрить независимую оценку качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, ввести публичные рейтинги их деятельности. В этом предложении усматривается сближение институтов правового государства и гражданского общества с констатацией упорядочения отношений с позиции их обязательности.

В рамках правостимулирующей политики страны выделены ведущие национальные проекты, которыми являются здравоохранение, образование, жилищная политика, сельское хозяйство, социальные реформы (материалы по проектам «Образование», «Развитие здравоохранения», «АПК», «Доступное и комфортное жилье», включая сетевые графики их реализации, были представлены на заседании Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов 29 ноября 2005 года). Эти национальные проекты, инициируемые Президентом РФ, имеют конкретные сетевые графики мероприятий по их реализации, в которых предусматриваются механизмы осуществления и финансирования. Сетевые графики мы рассматриваем как «лестницу» целей. Национальные проекты констатируем как цели социального развития по направлениям деятельности.

Правостимулирующая политика направлена на сближение средств, институтов правового государства и гражданского общества, что является возможностью и необходимостью развития.

Список использованной литературы:

1. О недрах : Федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1 (в ред. от 30.12.2008 N 309-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 8233 ; РГ. 2008. 31 дек.
2. *Анисимов В. П.* Права человека и правозащитное регулирование : проблемы теории и практики. Волгоград, 2004.
3. *Аринин А. Н.* Права и свободы человека и эффективное развитие России // Общественные науки и современность. 2002. № 1.
4. *Ведяхин В. М., Шубина Т. Б.* Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1.
5. Взаимодействие гражданского общества и государства в России : правовое измерение / под ред. О. И. Цыбулевской. Саратов, 2013.
6. *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008.
7. *Глотов С. А., Кочеткова Л. Н.* Социальная политика Российской Федерации : конституционно-правовые вопросы реализации : учеб. пособие. М., 2006.
8. *Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю.* К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью российского права // Государство и право. 2009. № 1.
9. *Кант И.* Критика практического разума. Соч. : в 6 т. М., 1963. Т. 4. Ч. 2.
10. *Лукашева Е. А.* Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2009.
11. *Малько А. В., Субочев В. В., Шериев А. М.* Права, свободы и законные интересы : проблемы юридического обеспечения. М., 2010.
12. *Новгородцев П.* Об общественном идеале. М., 1992.
13. *Рыбаков О. Ю.* Личность. Права и свободы. Правовая политика. М., 2004.
14. *Эбзеев Б. С.* Личность и государство в России : взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.
15. *Явич Л. С.* Философия права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4.

О. В. Ливерко

КОНСТИТУЦИЯ РФ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическая идентичность – это выбор, постоянно осуществляемый гражданином в пользу политических идей, ценностей, практик. И сам этот выбор, и непрерывность его зависят от многих обстоятельств. Наличие конституции, регулирующей жизнедеятельность социально-политической системы, можно, наверное, считать одним из главных таких обстоятельств. Именно поэтому представляется важным вопрос о той мере, в какой действующая Конституция Российской Федерации содействует формированию устойчивой политической идентичности в сознании и поведении российских граждан. Проблема в том, что политическая идентичность во всем разнообразии ее форм и содержания, в ее личностном измерении обычно выглядит как способность гражданина сформулировать четкие ответы на вопросы, которые перед ним ставит политическая реальность. И состояние нормативно-правовой базы политической жизни может либо помочь ему в этом деле, либо осложнить понимание реальности.

В данном случае мы остановимся именно на тех формулировках нашего Основного Закона, которые, как представляется, не мешают, но и не способствуют формированию в массовом сознании граждан России устойчивой политической идентичности. Сама по себе такая устойчивость не является чем-то негативным. Более того, в такой неустойчивости заключена одна из предпосылок динамичности политической культуры. Но интересы развития политической культуры и интересы развития государственной системы – разные вещи. В интересах государства – как раз устойчивость политических идентичностей, их движение по определенному «коридору», составленному из идей, ценностей и практик, в демократичности и естественности которых у граждан нет повода сомневаться.

Фомулировки некоторых статей Основного Закона таковы, что могут давать повод для сомнений. Например, ст. 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

Если использовать образ «коридора» для описания того идеального состояния, или режима, в котором должно осуществляться формирование и развитие политических идентичностей граждан, то для равновесия и устойчивости процесса необходимо, чтобы «коридор» имел две «стенки». Безусловно положительным моментом является то, что высшей ценностью признаются права и свободы человека. Это обнадеживающее любого гражданина обращение адресовано ему со стороны государства. Но представим, что речь идет не об абстрактном гражданине или не о гражданине «европейско-североамериканского типа», космополите по своему мировоззрению, который спокойно мыслит себя вместе со всем набором собственных прав и свобод гражданином любого современного либерально-демократического государства. В предшествующие десятилетия популярностью пользовалось понятие «демократический транзит» – так вот такого гражданина можно себе представить как политического субъекта, потенциально находящегося в постоянном «демократическом транзите», в котором нет четких ценностных ориентиров и границ, идейных предпочтений. Все подвижно и неопределенно, совсем в духе постмодернистской философии. Представим, что речь идет об абсолютном большинстве российских граждан, которые в силу исторической ли традиции, специфической ли своей ментальности или в силу здравомыслия, понимания, что надо беречь то государственное наследство, которое

нажито трудами и кровью сотен поколений предков, вправе задаться вопросом: а как быть с государством? Государство является такой же «высшей» ценностью, как человек, или это ценность более низкого порядка, относительная, так сказать, ценность? Права и свободы государства, многие из которых зафиксированы в законах, но которые государство вынуждено постоянно возобновлять в законотворческом процессе и защищать всей мощью своих силовых структур, – являются ли они высшей ценностью или тоже есть нечто относительное?

Тогда патриотично настроенный гражданин имеет повод усомниться в разумности того формата патриотизма, который сегодня активно продвигается в общественную и государственную жизнь самими государственными институтами, образовательными и политико-воспитательными программами и подразумевает пропаганду в массовом сознании российских граждан именно высшей ценности исторического опыта российской государственности, борьбы с ее врагами и подражания ее защитникам.

Такой вопрос, много определяющий в свойствах политической идентичности современного человека, особенно если это человек военный, вся жизнь которого подчинена задаче защиты интересов и целостности своего государства, можно сформулировать иначе: есть ли смысл жертвовать своей жизнью и своим благосостоянием, своими правами и свободами как высшей ценностью ради государства, которое само всем обязано, интересы и ценности которого сугубо относительны?

Мы несколько утрируем данную позицию, но лишь для того, чтобы максимально четко выявить то сущностное противоречие, которое в ней заложено. И для того, чтобы понятней было другое обстоятельство: можно много говорить о роли патриотических ценностей в формировании патриотической идентичности личности, но если у процесса формирования такой идентичности не будет устойчивых и уравновешенных рамок в виде соизмеримой значимости ценностей личности и ценностей государства, такую гражданскую идентичность будет постоянно клонить в одну сторону. Вместо граждан – сознательных патриотов государство будет получать только граждан-приспособленцев. Такая тенденция в гражданской идентичности уже наметилась в России – и наметилась большая проблема. Эта тенденция находится в русле классической теории социального государства, когда имеется в виду, что «главная отличительная черта социального государства – *это признание и закрепление со стороны государства своих обязанностей перед гражданами*. Именно этим социальное государство отличается от патерналистского государства, также заботящегося о своих гражданах» [2, с. 75]. Проблема же в том, что сами исследователи признаются: «Сегодня для современной России важным является недопущение теоретического и практического отождествления социального государства с патерналистским» [2, с. 75]. Суть проблемы в том, что в коммуникации с современным государством сегодня находится все больше не граждан-патриотов, а граждан-иждивенцев. «Государство не просто выполняет некие функции социального характера, а *обременено обязанностью* выполнять их, предоставляя своим гражданам право требовать от государства выполнения этих обязанностей» [2, с. 74]. Так звучит то самое оправдание иждивенческих настроений граждан, которое зафиксировано в Конституции и в отношении последствий которого исследователи высказывают опасения.

Косвенно эта формулировка подводит и к другому важному для функционирования демократической системы вопросу: где же пропорциональная ответственности государства ответственность и обязанность общества, по отношению к которому человек себя идентифицирует не меньше, чем по отношению к государству, оберегать и поддерживать права и свободы конкретного гражданина и человека? В конце концов, большинство граждан в ходе политических и иных, неполитических практик

интегрированы не в систему государственных институтов, а именно в общественную систему. Их интересы, которые подлежат защите, и свободы, нуждающиеся в реализации, порождены историческим опытом существования их предков и их собственного именно в социальной системе. Общество и государство только вместе могут задать четкие границы политической идентичности человека – общество своим опытом, в том числе идеологическим, и своими традициями, а государство своим видением будущего (идеологией) и своими законами. Общество в тексте данной статьи Конституции в ряду ответственных за благополучие гражданина субъектов не присутствует. Возможно, поэтому так трудно бывает современным исследователям проблем гражданского общества понять, чем в принципе могут и должны заниматься в России институты гражданского общества в рамках действующего конституционного порядка.

Можно возразить: никакой проблемы нет, общественная субъектность выражена в политике! В той же Конституции записано, что Российская Федерация – это «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7) [1]. Однако проблема, как представляется, есть. Она в том, что данная конституционная норма опирается на классическое определение сущности социальной государственности, которое внутренне противоречиво именно в понимании того, какое место должно занимать в политике общество, а какое – государство. Классическая концепция социального государства подразумевает, что в реальной политике таковое должно выступать одновременно и в роли «слуги», и в роли «господина».

Если исходить из классического определения, данного еще в середине XIX века Лоренцем фон Штейном, то социальное государство – это государство, которое « обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [2, с. 73]. Это государство, в котором «впервые утверждается приоритет соотношения „личность – государство” взамен прежнего „общество – государство”, а главной целью государства объявляется экономический и социальный прогресс» [2, с. 74]. Современный исследователь отмечает: «Л. фон Штейн в разработке своей социально-философской концепции однозначно стремился обеспечить органическое участие народа в образовании государственной воли. Но для него „участие” народа означает не народное представительство, а максимальный учет интересов, пожеланий, самого духа народа при выработке и проведении государственной политики. Только такое участие народа не будет подрывать самостоятельность государственной власти» [2, с. 73]. Именно в таком смысле надо понимать и конституционную норму: государство решает все в интересах граждан, но без граждан, которые, тем не менее, согласно Конституции РФ, в качестве «народа», являются верховными носителями суверенитета и единственным источником власти (ст. 3) [1]. Нуждается ли в этом смысле социальное государство в развернутых электоральных процедурах, в плебисците, вообще в какой-либо творческой активности граждан в рамках институтов гражданского общества, во всем том, что мы считаем атрибутами современной демократической жизни, – остается вопросом.

С другой стороны, тот же исследователь признает: «В понимании Л. фон Штейна государство является единственным гарантом социальной справедливости и тем самым „возвышается над всеми остальными общественными институтами и интересами”» [2, с. 73]. Мы, таким образом, вместо снятия противоречия между тем, как в Конституции посредством формулы «социальное государство» обозначены обязан-

ности государства в отношении личности, и тем, как прописаны такие же обязанности общества в отношении личности, возвращаемся к тому, что возвышающееся надо всеми другими институтами и интересами социальное государство, раз оно заявляет так о себе в Конституции, должно фигурировать прежде личности и общества в ряду высших ценностей.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.
2. *Кочеткова Л. Н.* Теория социального государства Лоренца фон Штейна / / Философия и общество. 2008. Вып. 3 (51).

Э. Г. Липатов

КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК НОРМАТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Характер экономической ситуации, на фоне которой готовилась ныне действующая Конституция, определил ее место и роль в развитии экономических отношений. В 1993 году Российская Федерация рассматривалась как страна с переходной экономикой. В наследство от Советского Союза осталась острая потребность общества в наличие распределительной системы. Необходимость в существовании такой системы была обусловлена тем, что только это могло гарантировать удовлетворение минимальных потребностей различных участников общественных отношений, которого еще не мог обеспечить находящийся в «младенческом» состоянии рынок. Все эти факторы и определили отношение к Конституции РФ как такой правовой форме, которая должна обеспечить более или менее справедливое распределение материальных благ в обществе. При этом основным субъектом такого распределения рассматривалось государство, поскольку рыночные распределительные механизмы еще не работали. Все это привело к тому, что Конституция РФ несет в себе серьезный административно-распределительный потенциал.

Распределительный потенциал Основного Закона находит свое выражение прежде всего в государственном устройстве, в территориальной организации населения.

Распределительный потенциал центральной власти прямо пропорционален ее возможностям влиять на формирование и изменение правового статуса субъектов федерации и муниципальных образований. Проведение распределительной политики в качестве условия своего существования требует наличия механизма оперативного изменения федеральными органами власти объема полномочий органов власти нижестоящих публичных образований. В свою очередь, защищенность и определенность компетенции органов территориальной организации населения ограничивает центр в его маневрах по распределению и перераспределению ресурсов общества. Ведущими специалистами в сфере конституционного права дан утвердительный ответ на вопрос о том, вправе ли Федерация закреплять компетенцию органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ [3, с. 215]. С этим нельзя не согласиться. Однако нельзя не заметить, что имеющийся конституционный механизм установления компетенции региональных органов власти не является гарантией от произвольного изменения данной компетенции федеральным центром. Такое положение в реальности приводит к тому, что федеративное устройство России становиться не средством выражения интересов составляющих Россию регионов, а механизмом проведения в жизнь сиюминутных популистских решений, удобным спосо-

бом изъятия региональных ресурсов и их перераспределения в произвольных целях. Правильная оценка сложившейся ситуации требует рассмотрения средств, которые позволяют федеральному уровню власти устанавливать и изменять компетенцию органов власти публичных образований.

Во-первых, это отнесение федеральным центром к предмету регулирования отраслей законодательства, предусмотренных ст. 72 Основного Закона, широкого круга общественных отношений. Причиной этого стала неопределенность собственных предметов ведения у субъектов Российской Федерации. Такая модель предусмотрена Основным Законом и логично вытекает из его положений. Вместе с тем практика показывает, что если возникает какое-либо обстоятельство, прямо не предусмотренное ст. 71 и 72 Конституции РФ, его всегда можно истолковать в качестве предмета одного из видов правового регулирования, предусмотренных ст. 72, и в силу этого отнести к сфере совместного ведения. Так, Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1, с. 3215] содержит положения, адресованные и федеральной государственной службе, и государственной службе субъектов Российской Федерации. Следовательно, государственная служба рассматривается федеральным центром как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. При этом сама государственная служба субъектов РФ в качестве предмета совместного ведения нигде в тексте Конституции РФ не упоминается. Сторонники федерального правового регулирования вопросов организации государственной службы в регионах рассматривают государственную службу в качестве предмета административного законодательства, что, в свою очередь, позволяет отнести ее к сфере совместного ведения. В. Г. Игнатов комментирует эту ситуацию следующим образом: «Статья 76 Конституции прямо уполномочивает субъектов Федерации на собственное законодательство по вопросам государственной службы субъектов РФ. При этом следует также иметь в виду, что в ст. 72 Конституции, в которой закреплены предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, есть положения, прямо касающиеся и региональной государственной службы: административное, трудовое законодателтво (п. «к»); установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления (п. «н»)» [5, с. 11].

Таким образом, полнота государственной власти субъектов Российской Федерации в практической плоскости ограничивается полномочиями по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Во-вторых, имеется неопределенность в вопросе о предмете правового регулирования отраслей законодательства. В ст. 72 Конституции РФ в перечне предметов совместного ведения используется термин «законодательство». Вместе с тем представляется затруднительным определить, какие отрасли законодательства существуют в Российской Федерации и что является их предметом. Практика толкования Конституции РФ пошла по пути отождествления терминов «законодательство» и «отрасль права». Использовать же термин «законодательство» как синоним понятия «право», по нашему мнению, не очень удачно, поскольку общеизвестно, что по своему содержанию понятия «отрасль права» и «отрасль законодательства» не совпадают. Например, с нашей точки зрения, не совсем ясно, что же такое административное или административно-процессуальное законодательство. Так, Ю. А. Тихомиров считает, что понятием «административное законодательство» охватывается около 20 отраслей и институтов, входящих в Особенную часть, – об образовании, культуре, жилищно-коммунальном хозяйстве, обороне, государственной безопасности и т. д. Часть их являются чисто публично-правовыми, часть – регулируются в управленче-

ском аспекте. Административно-процессуальное законодательство включает законодательство об административной ответственности [4, с. 38]. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 года «Общеправовой классификатор отраслей законодательства» не содержал такого понятия. После утраты силы этого акта и принятия Указа Президента РФ от 15 марта 2000 года № 511 «О классификаторе правовых актов» [2, с. 1260] также не получен ответ на вопрос о том, что же такое административное и административно-процессуальное законодательство. В новом указе имеется глава «Основы государственного управления».

Изучение данного акта не дает возможности в полной мере понять содержание терминов «административное законодательство» и «административно-процессуальное законодательство», а следовательно, определить круг общественных отношений, которые являются предметом регулирования этих отраслей. Во-первых, не совсем удачным представляется определение «основы государственного управления». Понятие «государственное управление» отсутствует в действующей Конституции РФ и выглядит достаточно анахроничным наследием советского периода, когда отрицалась идея разделения властей. Во-вторых, даже если допустить тождественность содержания понятий «основы государственного управления» и «административное законодательство», вопросы все равно неизбежны. Ведь административное законодательство относится к сфере совместного ведения, а глава «Основы государственного управления» в классификаторе правовых актов включает такие вопросы, как пограничный режим, режим военного положения, режим чрезвычайного положения; режим чрезвычайных ситуаций; таможенный режим; паспортный и визовый режим. Однако данные направления правового регулирования отнесены к исключительному ведению Российской Федерации и, следовательно, не могут быть частью административного законодательства, которое составляет предмет совместного ведения. С другой стороны, если мы ограничим содержание понятия «административное законодательство» лишь законодательством об административных правонарушениях, как иногда предлагается учеными в области административного права, то будет поставлена под вопрос правомерность федерального регулирования большой группы общественных отношений, в частности отношений в сфере государственной гражданской службы.

Таким образом, достаточно трудно определить предметную область, охватываемую понятиями административного и административно-процессуального законодательства, и характер их соотношения с одноименной отраслью права. Логичным представляется вывод о том, что административное право шире понятия «административное законодательство», ведь административно-правовое регулирование используется в качестве предмета ведения Российской Федерации в случаях, предусмотренных ст. 71 Конституции РФ. Административное законодательство, в свою очередь, выступает лишь одной из форм административного права. Рассмотрение этого вопроса не является предметом настоящей статьи, но думается, что его решение находится в плоскости уточнения содержания указов о классификации правовых актов. В этих указах должны быть уточнены отрасли законодательства, упоминаемые в тексте Конституции РФ. Особенно это важно для отраслей законодательства, находящихся в совместном ведении.

Становится очевидным, что толкование текста Конституции РФ и действующего законодательства затрудняет отождествление понятий «отрасль законодательства» и «отрасль права». Кроме того, тождественный характер понимания отрасли права и отрасли законодательства используется, как правило, для расширительного толкования компетенции федеральных органов власти в области

совместного ведения, что в итоге негативно сказывается на отношениях центра и регионов.

Во–третьих, это конкуренция положений ст. 72 Основного Закона, посвященной совместному ведению Российской Федерации и субъектов Федерации, и положений ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации». Местное самоуправление выступает одним из уровней территориальной организации населения. ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» содержит достаточно подробный перечень вопросов местного значения, что создает впечатление значимости муниципальной власти в жизни общества и ее самостоятельности. Однако все эти вопросы являются предметом той или иной отрасли законодательства (отрасли права), а отрасли законодательства, т. е. полномочия по правовому регулированию, относятся либо к исключительному ведению Российской Федерации, либо к совместному ведению. Что толку от огромного перечня вопросов местного значения, если компетенция органов местного самоуправления по решению этих вопросов устанавливается органами государственной власти, и в первую очередь органами федерального уровня, а органы местного самоуправления должны быть лишь исполнителями тех нормативных правовых актов, к принятию которых они не имели, как правило, никакого отношения и не могли повлиять на их принятие?

В-четвертых, важнейшим фактором централизованного распределения выступает возможность федерального центра использовать федеральные законы как способ разграничения полномочий между центром и регионами в рамках совместного ведения. Несмотря на то что ст. 11 Конституции предусматривает в качестве источников разграничения предметов ведения и полномочий Конституцию, Федеративный и иной договор, Конституционный суд РФ в Постановлении от 9 января 1998 года № 1-П установил, что федеральный закон, регулирующий те или иные вопросы совместного ведения, осуществляет разграничение полномочий. Практика масштабного применения федеральных законов в качестве источников разграничения полномочий по предметам совместного ведения полностью вытеснила договорную традицию разграничения указанных полномочий, что превратило федеральный закон в основное средство распределительного механизма. Субъекты Российской Федерации практически не имеют возможности повлиять на принятие федерального закона по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Значительность последствий этого явления усилена тем обстоятельством, что совместное ведение практически полностью поглотило собственные предметы ведения субъектов Федерации.

В-пятых, это отнесение федеральным центром новых отраслей законодательства, прямо не предусмотренных ст. 71 и 72 ст. Конституции РФ, к ведению Российской Федерации или совместному ведению Российской Федерации и субъектов Федерации путем прямого директивного указания о том, что данные нормативные правовые акты приняты на основе упомянутых в данных статьях отраслей законодательства. Так, например, сейчас достаточно интенсивно развивается законодательство о размещении заказов. Данный вид законодательства не предусмотрен Основным Законом, что позволяло бы отнести его к ведению субъектов Федерации. Однако ст.2 ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» устанавливает, что законодательство Российской Федерации о размещении заказов основывается на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации и Бюджетного кодекса. Такая оговорка дает возможность федеральному законодателю рассматривать данный акт в качестве части гражданского законодательства и таким образом относить его к ведению Российской

Федерации, хотя основное место в указанном законе принадлежит нормам административного права.

Проведенный анализ позволяет нам прийти к выводу о том, что существующая в России территориальная организация населения в форме федеративного устройства позволяет федеральному центру произвольно изменять содержание правового статуса субъектов Федерации и объем компетенции органов власти регионов, что является средством распределения материальных ресурсов общества, способом контроля движения материальных благ со стороны политического руководства страны. В определенном смысле это форма сохранения пережитков административно-командной, плановой экономики. Распределительная традиция продолжает оставаться приоритетной в конституционно-правовом строительстве новой России, что требует вдумчивого критического анализа.

Список использованной литературы:

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ / / СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

2. О классификаторе правовых актов : Указ Президента РФ от15 марта 2000 г. № 511 / /СЗ РФ. 2000. № 12. Ст. 1260.

3. *Авакьян С. А.* Проблемы единства и самостоятельности институтов власти в России / / Размышления конституционалиста. М., 2010.

4. *Тихомиров Ю. А.* Публичное право. М., 1995.

5. *Игнатов В. Г.* Государственная служба субъектов Российской Федерации. Ростов н/Д, 2000.

М. А. Липчанская

НАРОДОВЛАСТИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ : СТАГНАЦИЯ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ?

В год 20-летия Конституции РФ, провозгласившей единственным источником власти многонациональный народ России, статью, посвященную народовластию, мне бы хотелось начать с цитаты одного из авторов проекта Конституции нашей страны В. Т. Кабышева: «Конституционное регулирование отношений по организации и осуществлению власти – это лишь первичная, но основополагающая форма в правовом регулировании механизма властвования» [1, с. 42]. Конституция в данном случае есть правовая основа народовластия.

Однако текстуальный анализ Основного Закона России показывает, что российская Конституция оперирует терминами «народовластие» и «демократия» весьма скупо. Первый не встречается совсем, лишь в ст. 3 закрепляется народ в качестве носителя суверенитета и источника власти. Термин «демократия» употребляется всего дважды – в преамбуле Конституции 1993 года и в ст. 1. При этом в преамбуле декларируется «возрождение суверенной государственности России и утверждение незыблемости ее демократической основы», т. е. обозначены ориентиры на перспективу, а ст. 1 Конституции уже определяет Россию как демократическое государство. Иными словами, конституционный законодатель задал вектор движения – незыблемая демократия – и одновременно констатировал достижение этого результата. Однако путь становления и развития конституционной демократии, механизма реализации власти народа оказался сложным и незавершенным до настоящего времени. В 2008 году на 15-летний юбилей Конституции РФ В. Т. Кабышев писал: «Одной из актуальных проблем РФ продолжает оставаться проблема народовластия» [2, с. 44].

Магистральным направлением развития современной российской демократии является совершенствование механизмов представительной демократии, которая по-

степенно трансформируется в модель, характеризующуюся значительной вовлеченностью граждан России в процесс выработки и принятия публично-властных решений. Происходит синтез форм прямой и представительной демократии посредством внедрения в отечественную конституционную практику различных новых стратегий вовлечения граждан в управление делами государства, что провоцирует дискуссии о ценности народного представительства, эффективности прямых форм народовластия.

Следует отметить, что полемика о приоритете прямой или представительной демократии ведется в науке конституционного права несколько десятилетий. Так, в своих ранних работах В. Т. Кабышев отмечал: «В литературе общепринятым считалось, что главной формой осуществления ... народовластия является представительная форма демократии» [3, с. 49]. Однако в 70-е годы XX века эта позиция была подвергнута серьезной критике [4, с. 38]. Уже в XXI столетии О. Е. Кутафин утверждал, что «представительное начало в формировании высших органов власти … со временем становится высшей потребностью политического образа жизни, именуемого конституционализмом» [5, с. 45]. Приведенные суждения признанных ученых-государствоведов наглядно демонстрируют неоднозначность признания роли той или иной формы народовластия в конституционном развитии нашей страны.

В современных условиях динамизм развития социально-политических процессов вызвал появление качественно новых сочетаний форм прямой и представительной демократии в механизме осуществления власти народа. В связи с этим можно уверенно говорить об органическом сочетании, диалектическом единстве прямой демократии с представительной, о неразрывной связи обеих форм демократии с другими институтами политической системы общества. Действительно, «в конституционном пространстве осуществления народовластия гармония власти предполагает сочетание прямого и опосредованного народовластия» [6, с. 34].

Такой механизм реализации власти народа выступает основой структурирования государственных и общественных институтов, развития политического плюрализма, многопартийности и гражданского общества, установления демократических ценностей в сфере государственного и муниципального управления. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства путем использования различных форм народовластия является важной гарантией перехода к системе конституционной демократии и модели эффективного гражданского общества. Это тем более актуально в контексте современных проблем сохранения стабильного развития страны, консолидации политических ресурсов, упрочения межэтнической и межконфессиональной толерантности.

Здесь нельзя не сказать, что серьезную школу народовластия и демократического управления в нашей стране прошли многие поколения граждан через Советы народных депутатов, КПСС, комсомол, профсоюзы, народный контроль и иные общественные объединения. Так, например, в местные Советы народных депутатов СССР 24 февраля 1980 года был избран 2 274 861 депутат, среди них: рабочих – 986 193 (43,4%), колхозников – 576 621 (25,3%), членов и кандидатов в члены КПСС – 979 895 (43,1%), беспартийных – 1 294 966 (56,9%), женщин – 1 127 120 (49,5%), молодежи в возрасте до 30 лет – 755 254 (33,2%), членов ВЛКСМ – 479 995 (21,1%). В рядах КПСС к 1990 году состояло 18 800 000 человек, в рядах комсомола в 1982 году насчитывалось свыше 40 000 000 молодых людей – представителей всех наций и народностей СССР. За 1918–1975 годы в комсомоле прошло политическую школу более 130 000 000 человек [7, с. 389].

Потенциал народовластия может быть реализован только в исторически сформированных, перманентно преобразуемых формах народного суверенитета, от-

ражающих сочетание представительной и прямой демократии с учетом современных реалий.

Одна из тенденций современного развития демократии – это появление и активизация такой ее формы, как демократия участия, или патисипаторная демократия. В условиях информатизации существующая представительная демократия с помощью информационно-коммуникативных технологий трансформируется в модель, которая обладает характеристиками и элементами прямой демократии с активным участием граждан в управлении делами государства через интерактивные каналы. Такая форма в иностранной литературе получила наименование «демократия участия» – когда государственные органы используют виртуальное пространство для реструктуризации, повышения эффективности своей работы, открытого информационного взаимодействия с общественностью в целом и с каждым гражданином в отдельности.

Глобализация информационно-коммуникационного пространства и развитие информационных технологий детерминируют новые формы сочетания представительного и прямого народовластия. На встрече с активом партии «Единая Россия» Д. Медведев прямо заявил: «Я абсолютно уверен, думаю, вы со мной тоже согласитесь, что грядет эпоха возвращения в известной степени от представительной демократии к демократии непосредственной, прямой, при помощи Интернета... Мы все привыкли к тому, что <...> представительная демократия лучше всего. Это устаревшее представление» [8]. Бесспорно, участие граждан в формировании органов публичной власти, обсуждении и принятии управленческих и политических решений с помощью интернет-технологий становится гораздо проще, оперативнее, позволяет привлекать существенное количество политически активного населения. Однако говорить о «возвращении эпохи прямой демократии» не совсем верно, практика правореализации свидетельствует скорее об апробации новых вариантов непосредственного участия граждан в выработке и принятии политико-правовых и управленческих решений. Как верно отмечает М. М. Курячая, гражданское общество как одна из наиболее подвижных и восприимчивых политических субстанций ярко проявляет себя в формировании новых форм взаимодействия с государством. Среди них она называет такое явление, как краудсорсинг [9, с. 31–37]. Упрощенно – это демократизация законотворческого процесса.

Правовые основы общественного обсуждения законопроектов в Российской Федерации получили свое закрепление в феврале 2011 года в Указе Президента РФ «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [10], а с 1 июня 2011 года российским гражданам предоставлена возможность комментировать законопроекты на сайте Правительства РФ (http://gov-gov.ru). Порядок проведения общественного обсуждения с использованием сети Интернет закнопроектов, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти и затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, определен специальным Постановлением Правительства России [11].

Однако общественное обсуждение законопроектов не предполагает возможности инициирования проектов, а лишь допускает участие в их обсуждении и комментировании. Представляется, что современное развитие гражданского общества в нашей стране ставит на повестку дня получение гражданами более широких полномочий в сфере правотворчества, к которым можно отнести инициирование процесса обсуждения законопроекта.

Зарубежная практика имеет подобный опыт. Например, в Великобритании существует правительственный сайт Number 10 [12]. Политические активисты могут

размещать на нем онлайн-петиции, на которые при сборе более чем 500 подписей получают официальный ответ от властей. В декабре 2010 года правительство страны заявило, что в случае сбора такой петицией более 100 000 подписей она станет предметом парламентских слушаний [13].

В феврале 2012 года кандидат на должность Президента РФ В. В. Путин, говоря о развитии демократических институтов в России, предложил ввести аналогичное правило обязательного рассмотрения в парламенте тех общественных инициатив, которые соберут 100 000 и более подписей в Интернете [14]. Думаю, что это предложение заслуживает апробации хотя бы потому, что позволит если не прекратить, то в значительной степени умерить рассуждения о том, что российские граждане на государственном уровне не являются субъектами законодательной инициативы, не имеют права вносить законодательные предложения. Представляется, что обязанность парламентского рассмотрения обращений, получивших определенную поддержку российских граждан, выступит хорошим индикатором уровня зрелости гражданского общества и отразит необходимость демократизации правотворческого процесса путем вовлечения в него граждан Российской Федерации в части наделения их правом законодательной инициативы, в том числе и в форме законодательного предложения.

Хочется напомнить, что Конституция СССР 1977 года в ст. 5 закрепляла в качестве одного из институтов прямого властвования всенародное обсуждение. Конституционный механизм реализации этой формы народовластия был конкретизирован в ст. 114 Конституции СССР 1977 года. Пика активности всенародное обсуждение законопроектов достигло в период обсуждения проекта Основного Закона. Известно, что благодаря предложениям граждан в текст Конституции СССР 1977 года была внесена норма о наказах избирателей, которые получили конституционный статус. Возникает вопрос: нужно ли вернуться к советскому опыту конституционного закрепления наказов избирателей? Однозначного ответа не существует. С моей точки зрения, сейчас это преждевременно по ряду причин. Во-первых, изменилось содержание наказов избирателей. Если в советский период в наказах была «выражена забота о делах государства, об общественных интересах», т. е. доминантой выступали публичные интересы, то в настоящее время превалируют интересы частные или узкокорпоративные. К сожалению, в российской реальности утрачен дух государственности, невысока конституционная культура, только возрождается чувство гражданственности и патриотизма. Во-вторых, для реализации и защиты прав, свобод и интересов граждан Конституция РФ предоставляет право на индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления, которые подлежат обязательному рассмотрению, что отчасти может рассматриваться как альтернатива наказам избирателей.

О поиске оптимальных форм участия российских граждан в формировании органов государственной власти свидетельствует перманентное изменение избирательного законодательства. В ближайшей перспективе граждан России ждет возврат права на протестное голосование с помощью графы «против всех». В октябре 2013 года группа членов Совета Федерации в порядке законодательной инициативы внесла такое предложение.

Напомним, что в Российской Федерации форма волеизъявления граждан «против всех» была отменена Федеральным законом от 12 июля 2006 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» [15]. Следствием этого, по мнению экспертного сообщества, стало значительное падение явки избирателей на выборах всех уровней. Кроме того, протестное

голосование стало выражаться путем порчи избирательных бюллетеней или голосованием за маргинального кандидата или партию даже при отсутствии политических симпатий к ним. Нельзя не отметить, что, согласно опросу «Левада-центра», проведенному в 2012 году, количество сторонников введения в избирательный бюллетень графы «против всех» остается стабильно высоким – 74% [16].

Таким образом, в конституционном развитии России происходит постоянный поиск механизма реализации власти народа, отвечающего международным стандартам и условиям современного социального и политического развития российского общества.

Список использованной литературы:

1. *Кабышев В. Т.* Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы / под ред. И. Е. Фарбера. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1979.
2. *Он же.* Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий // Журнал российского права. 2008. № 12.
3. *Он же.* Прямое народовластие в советском государстве. Саратов, 1974.
4. *Коток В. Ф.* Вопросы социалистической конституции. София, 1969.
5. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М. : Норма, 2008.
6. *Кабышев В. Т., Заметина Т. В.* Совет Федерации : модернизация или консервация (размышления) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3.
7. История советской Конституции. Сборник документов 1917–1957. М. : Госюриздат, 1957.
8. Стенографический отчет о встрече с активом Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/7896. (дата обращения: 29.10.2013).
9. *Курячая М. М.* Технологии краудсорсинга в юридической практике // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6.
10. Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов : Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 939.
11. Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов : Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 159 // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1247.
12. Технологии краудсорсинга в юридической практике. URL: http://www.mosuruslugi.ru/articles/1049/ (дата обращения: 29.10.2013).
13. *Гайнуллина А.* Социальная сеть для лоббистов Jolitics запущена в Великобритании. URL: http://ria.ru/science/20110321/356394695.html. (дата обращения: 02.11.2013).
14. *Путин В.* Демократия и качество государства // КоммерсантЪ. 2012. 6 февр. URL: http://kommersant.ru/doc/1866753. (дата обращения: 02.11.2013).
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) : Федеральный закон от 12 июля 2006 г. № 107-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 29. Ст. 3125.
16. Депутаты поправят избирательное законодательство. URL: http://www.rg.ru/2013/10/17/grafa-site.html (дата обращения: 10.11.2013).

И. В. Лобанов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ СУБЪЕКТОВ РФ

Органы конституционной юстиции в России представлены на двух уровнях – федеральном (Конституционный суд РФ) и региональном (конституционные (уставные) суды субъектов РФ). Причем более чем 20-летнее совместное функционирование этих судебных органов вызывает необходимость осмыслить опыт их взаимодействия, выявить проблемы, которые препятствуют повышению эффективности деятельности этих очень важных для государства органов конституционного контроля.

В ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 25.12.2012) «О судебной системе Российской Федерации» сказано: «Конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации может создаваться субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации» [7]. Поскольку создание таких судов является правом, а не обязанностью субъекта Российской Федерации, в настоящее время они действуют только в 18 субъектах РФ из 83: в 14 республиках (Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Татарстан, Республика Тыва, Чеченская Республика, Республика Ингушетия), 3 областях (Калининградская, Челябинская и Свердловская) и одном городе федерального значения (Санкт-Петербург).

Несмотря на то что подавляющее большинство ученых-юристов выступают за создание таких судов во всех без исключения российских регионах, политическая практика идет по другому пути: большинство из конституционных (уставных) судов субъектов РФ были образованы около 20 лет назад, а в последние годы только несколько субъектов Федерации посчитали нужным создать у себя данные судебные органы. Региональные руководители не видят необходимости на средства субъекта Федерации создавать еще один контролирующий орган, решения которого могут повлиять в том числе и на расстановку политических сил в регионе. Федеральные органы государственной власти не пытаются форсировать этот процесс, как это сделано, например, по отношению к институтам Уполномоченного по правам человека и ребенка, которые действуют в подавляющем большинстве субъектов РФ, однако все условия для развития региональной конституционной юстиции со стороны Федерации созданы. Так, абсолютно справедливо мнение Г. А. Жилина: «Федеральные правовые нормы ясно, четко и недвусмысленно ориентируют субъекты федерации (при условии соблюдения принципа единства государственной власти в РФ) на реализацию ими конституционных полномочий по самостоятельному достраиванию системы собственных органов государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную посредством учреждения конституционного (уставного) суда. Следовательно, проблема отсутствия конституционного (уставного) суда в конкретном регионе относится в большей степени к сфере государственной правовой политики данного региона» [2, с. 48].

Востребованность же органов конституционной юстиции в субъектах Федерации очевидна, особенно в сфере защиты прав граждан. Только Уставным судом Свердловской области за 13 лет его работы вынесено 162 решения, признаны не соответствующими Уставу 50 нормативных актов, дано четыре толкования Устава. При этом следует обратить внимание на динамику роста обращений граждан. Так, в 2010 году по сравнению с 2009 годом в отношении обращений граждан, по которым были вынесены итоговые решения, рост составил 128%, а в 2011 году в сравнении с аналогичным периодом 2010 года – 166% [6, с. 46–51].

Тем не менее недостаточное количество конституционных (уставных) судов субъектов РФ не умаляет тех проблем, которые находятся в плоскости их взаимодействия с высшим федеральным органом конституционного контроля нашей страны. И. В. Зыкова верно отмечает: «До настоящего момента на законодательном уровне не решен вопрос взаимодействия органов конституционного контроля субъектов Рос-

сийской Федерации с иными органами судебной власти. Данный правовой пробел был «порожден» в результате наличия другого неурегулированного вопроса – определения полномочий данных судов, круга их компетенции» [3, с. 59]. В данном случае взаимодействие конституционных (уставных) судов и высших судебных органов России выразилось в том, что именно они помогли субъектам РФ разобраться с перечнем полномочий данных судебных органов, четко устанавливая при этом, что не может быть и речи об отдельной судебной системе субъекта РФ.

Отмечая, что конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации неподведомственны дела, отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами к компетенции Конституционного суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов, Конституционный суд Российской Федерации в определении от 6 марта 2003 года указал, что вне этих пределов предоставление полномочий конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации «не противоречит Конституции Российской Федерации, если эти полномочия соответствуют юридической природе и предназначению данных судов в качестве судебных органов конституционного (уставного) контроля и касаются вопросов, относящихся к ведению субъектов Российской Федерации в силу статьи 73 Конституции Российской Федерации. При этом из Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», других федеральных законов не вытекает требование установления конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации единообразного перечня полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации» [4]. Таким образом, помимо указанных в федеральных законах полномочий органов конституционной юстиции субъектов РФ, субъект Федерации в пределах своих исключительных полномочий вправе наделять их своим законом другими полномочиями. Это подтвердил и Верховный суд РФ в своем определении от 21 июля 2004 года: «Субъект Российской Федерации вправе вводить дополнительные, по сравнению с указанным в ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона „О судебной системе Российской Федерации" перечнем, полномочия конституционного (уставного) суда, не вторгающиеся в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, других федеральных судов и соответствующие компетенции субъекта Российской Федерации» [5].

Тем не менее обязательным условием взаимодействия Конституционного суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ является четкое разграничение их компетенции и понимание того, что данные суды не находятся в его вертикальном подчинении, а решения региональных органов конституционной юстиции не могут быть отменены или пересмотрены федеральным судом. Т. Г. Морщакова высказывает такое мнение: «Конституционные (уставные) суды субъектов составляют с Конституционным Судом РФ не иерархическую систему, а систему институтов, объединенных общим конституционным пространством и едиными конституционными ценностями. Каждый из судов руководствуется разными конституционными критериями, соответственно, решения Конституционного Суда, основанные на Конституции РФ, обладают большей юридической силой и выводы региональных конституционных (уставных) судов должны быть согласованы с ними» [1].

Таким образом, федеральные законы определяют общие для всей конституционной юстиции цели ее функционирования, основные направления ее развития, значение для обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации на всей территории России и конституций (уставов) субъектов РФ на территории данных субъектов Федерации, закрепляют единство конституционного строя на всей территории страны, а также обязательность для данного вида судебных органов осуществ-

ление защиты конституционных прав российских граждан. Взаимодействие Конституционного суда РФ и органов конституционной юстиции субъектов РФ тесно связано с совместной эффективной реализацией этих законодательных установлений.

Список использованной литературы:

1. Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 4.
2. *Жилин Г. А.* Конституционное судопроизводство в субъектах РФ : основные проблемы / / Российский юридический журнал. 2013. № 4.
3. *Зыкова И. В.* Статус конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / / Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2.
4. По запросам Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики Татарстан о проверке конституционности части 1 статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 103-О / / Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.
5. Определение Президиума Верховного Суда РФ от 21.07.2004 / / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 2.
6. *Пантелеев В. Ю.* Актуальные вопросы модернизации и повышения эффективности работы конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации / / Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3.
7. СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1 ; 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7572.

О. А. Луценко

ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

На всем протяжении развития человечества существовали социальные риски. По мере восходящего развития общества их число увеличивалось, а следовательно, возрастала и мера опасности. Увеличение числа социальных рисков стало отличительной чертой современности, в связи с чем возросла и необходимость управления ими.

Ускоряющееся развитие современной цивилизации качественно сказывается и на характере рисков. Развитие современных технологий и их внедрение порой не только оборачивается благом для человечества, но и создает определенные угрозы в различных сферах жизни общества. Трансформация общества вызывает значительные изменения в экономической, социальной, политической, правовой сферах, в культурных и духовных основах общественной организации, тем самым оказывая существенное влияние на социальное поведение членов современного общества и социальную жизнедеятельность людей в целом. Данные изменения коснулись и социальных рисков, в системе которых происходят сложные процессы: некоторые старые риски минимизируются, некоторые ослабевают, другие, наоборот, усиливаются, а следовательно, усиливается и степень их опасности.

Ускорение социетальных изменений и возрастание социальной напряженности приводит к тому, что все большее количество людей становится подверженным социальному риску. В связи с этим возникает проблема усиления интенсивности проявления риска в социальной сфере современного российского общества. Для осуществления профилактики и регулирования социального риска появляется «необходимость исследования именно этого вида риска, его специфики с целью выработки методологии, методики и механизмов его профилактики и преодоления» [1, с. 4].

Проблемы риска исследуются западными учеными уже на протяжении многих десятилетий, однако проблемы социального риска и возможности его коррекции остаются достаточно слабо изученными. Большинство известных на сегодняшний

день направлений исследования различных видов риска [2, с. 9] в той или иной степени касается лишь некоторых аспектов проявления социального риска в общественной реальности. На наш взгляд, недостаточно работ, посвященных специфике формирования и функционирования социального риска в современных условиях, недостаточно внимания уделяется факторам, влияющим на принятие решений в условиях социального риска. Отсутствие теоретической и методологической определенности в понимании социального риска, слабая степень изученности факторов, оказывающих влияние на принятие членами современного российского общества решений в условиях риска, однозначность в понимании методов профилактики и преодоления социального риска делают данную проблему весьма актуальной.

Следует отметить, что риск присущ любой сфере человеческой деятельности. Это связано прежде всего с тем множеством условий и факторов, которые влияют на положительный исход принимаемых людьми решений. Риск возникает тогда, когда реальные события отличаются от ожидаемых, а значит, может означать как выигрыш, так и потери. Субъектами риска принято считать индивидов, различные социальные группы, социальные институты, а порой и мировое сообщество в целом. Осознанное поведение субъекта, реагирующего на конкретную ситуацию, может включать в себя элементы риска. Именно ответственность за принятые решения, оценка результатов, достигнутых вследствие действий в условиях риска, и составляют его социальную сущность.

Явления и процессы социальной сферы, которые несут в себе опасность социальной дестабилизации, достаточно сложны по своей структуре, специфическим функциям и социетальным последствиям. Именно эти явления, на наш взгляд, и следует относить к социальным рискам. Они являются индикатором уровня социальной напряженности как на локальном уровне, так и на уровне всего мирового сообщества. Если опасность возникает и проявляется в рамках социальной сферы жизни общества, она имеет негативные социальные последствия как для отдельных индивидов, так и для всего общества в целом. К такого рода опасностям в современных условиях следует отнести безработицу, снижение уровня жизни населения, выбор руководством страны социальной политики, не отвечающей современным реалиям, разложение системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок, маргинализацию, преступность, глобализацию и др.

Специфика социальных рисков состоит в том, что они достаточно тесно взаимосвязаны между собой, с другими социетальными рисками, поэтому достаточно сложно выявить социальные риски в чистом виде, поскольку каждый из них тесно переплетается с явлениями и процессами, протекающими в других сферах жизни общества. Так, например, такие риски, как наркомания, алкоголизм, преступность, тесно взаимосвязаны с экономическими, политическими, культурными рисками, а один из опаснейших социальных рисков – снижение уровня жизни населения –не только проявляется в экономической сфере, но и непосредственно связан с политической стратегией общественного развития.

По мере увеличения числа рисков происходит их углубление в систему общественных отношений в целом, а значит, и их усиление. Они возрастают и становятся характерными для всех структур общества, массовыми и глобальными.

Принято считать, что невозможно точно оценить ситуацию социального риска и последствия поведения участвующих в ней субъектов. И это связано с наличием неопределенности, в условиях которой субъекту приходится оценивать ту или иную ситуацию, основываясь на собственных знаниях, опыте, интуиции, а это значит, что одна и та же ситуация субъектами риска может восприниматься по-разному, т. е. иметь разную степень рискованности. И именно те типы риска, при участии в кото-

рых субъекты не способны объективно оценивать ситуацию риска и опасность для своей жизни и жизнедеятельности, являются наиболее значимыми социальными рисками современного российского общества.

При всем многообразии типов социального риска, присущих современному обществу, возникает потребность в адекватном реагировании на проявление того или иного вида риска и снижении их негативных последствий [3, с. 45]. Существует мнение, что в зависимости от того, какое социальное положение занимает индивид, зависят его отношение к риску и оценка степени его допустимости [4, с. 28]. Более того, большое значение имеет и степень его обоснованности (или необоснованности), добровольности (или недобровольности) и т. п. [5, с. 136]. Анализ данных категорий необходим не только для принятия решений в условиях риска, и прежде всего социального, но и для формирования мер по его профилактике и преодолению.

Список использованной литературы:

1. *Мешавкина Н. А.* Социальный риск в современном российском обществе : дис. … канд. социол. наук. Уфа, 2006.

2. *Красиков С. А.* Управление социально-политическими рисками в условиях глобализации : дис. … д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2009.

3. *Мозговая* ***А. В.*** Измерение риска в социологии : методология, методы, результаты // Риск : исследования и социальная практика / под. ред. А. В. Мозговой. М., 2011.

4. *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5.

5. *Белянин А.* Отношение россиян к риску и выбор в условиях неопределенности : Экспериментальное исследование : микроэкономика переходного периода (рынки и предприятия). М., 1998.

Е. А. Малько

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ : НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

В силу того что в последнее время судебная система подвергается существенному и масштабному изменению, на передний план выходит проблема совершенствования статуса судей. В контексте этого следует выделить непосредственно некоторые проблемы обеспечения принципа независимости в цивилистическом судопроизводстве.

Принцип независимости судей находит свое отражение в ст. 120 Конституции РФ: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» [1]. Статья 5 ФКЗ «О судебной системе РФ» регламентирует, что «суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону» [2]. В ФКЗ «О судах общей юрисдикции» принцип независимости судей определен таким образом, что «суды общей юрисдикции осуществляют судебную власть независимо от законодательных и исполнительных органов государственной власти. В Российской Федерации не могут издаваться законодательные и иные нормативные правовые акты и осуществляться действия (бездействие), отменяющие или умаляющие независимость судов и судей» [3]. В Гражданском процессуальном кодексе РФ регламентация принцип независимости судей: «…при осуществлении правосудия судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Судьи рассматривают и разрешают гражданские дела в условиях, исключающих постороннее на них воздействие. Любое вмешательство в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность. Гарантии независимости судей устанавливаются Конституцией РФ

и федеральным законом» [4].

Несмотря на закрепление принципа в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актах, возникают сложности с обеспечением его реализации.

Вышесказанное подтверждается Постановлением VIII Всероссийского съезда судей: «…все большее значение приобретает проблема обеспечения принципов независимости и объективности при отправлении правосудия» [5].

Известно, что независимый суд является неким гарантом соблюдения нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Верно отмечено, что судья представляет собой уникальное явление в силу своего специального положения – с одной стороны, в обществе как гражданина с особым статусом, а с другой – в системе государственной службы как должностное лицо, находящееся одновременно в системе государственной (судебной) власти и над ней [6].

Независимость судей определена различными гарантиями – политическими, социальными, экономическими, юридическими, тогда как VIII Всероссийский съезд судей отметил, что «обеспечение независимости и беспристрастности суда рассматривается в качестве основного направления деятельности государства по выработке мер, направленных на защиту прав граждан, на противодействие коррупции. Между тем со времени, прошедшего после VII Всероссийского съезда судей, на законодательном уровне не было принято достаточно действенных мер по укреплению статуса судей. Более того, имеются отдельные тенденции к снижению материальных и социальных гарантий независимости судей, то есть произошло дальнейшее отступление от весьма важных положений, которые были закреплены в 1992 году в Законе Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации”» [5].

В данном случае нельзя не заметить, что ухудшились условия обеспечения судей жильем, неудовлетворительно реализуется право судей (в том числе пребывающих в отставке) и членов их семей на санаторно-курортное лечение, которое судье и его семье в соответствии с законом должно оплачиваться за счет средств федерального бюджета. Бюджетные ассигнования выделяются только из расчета штатной численности судей без учета членов их семей и стоимости санаторно-курортных путевок и др. [6].

К вышесказанному можно также добавить, что «не реализовано Поручение Президента РФ по результатам работы VII Всероссийского съезда судей о повышении заработной платы работников аппарата судов, текучесть кадров которых по этой причине очень велика. В некоторых субъектах РФ в течение года смена работников аппарата судов происходит неоднократно» [5].

Однако, отметив данные проблемы, в основном вытекающие из социально-экономических гарантий принципа независимости судей, не стоит забывать, что в силу особого статуса судей на эту должность должны назначаться высококвалифицированные специалисты. Поэтому важным условием независимого поведения судьи являются не только его профессиональная квалификация и необходимый объем профессиональных знаний, но и опыт, профессиональная этика судьи, нравственные и моральные начала.

В дополнение к вышесказанному необходимо отметить, что неотъемлемой составляющей всей судейской карьеры является и институт ответственности судей.

Вопрос об ответственности судей представляет собой один из самых важных и насущно необходимых в статусе и карьере судей, т. к. ответственностью «уравновешивается» их независимость. Возможность привлечения судьи к ответственности обеспечивает баланс между его независимостью, которая сама по себе не предполагает бесконтрольности и безответственности, и обязанностями перед обществом [6].

Бесспорно, государство должно обеспечивать указанное регулирование и со-

здавать некий баланс, которые исключали бы для судьи риск подвергаться ответственности. Но следует заметить, что судье при отправлении правосудия надлежит осознавать этот риск и не только пользоваться предназначенными гарантиями государства, но и полностью отвечать за свои действия перед обществом. Именно обществу в лице граждан и организаций требуется высококвалифицированная судебная защита, которая нацелена на правильность и своевременность, тогда как проблема процессуальных сроков рассмотрения и разрешения споров считается в настоящее время ключевой и актуальной. Нередко на судей возлагается дисциплинарная ответственность именно за несвоевременность.

Кроме сказанного, можно выделить еще одну из наиболее распространенных проблем реализации принципа независимости судей, которая сводится к высокой роли председателей судов, в силу предоставленного им широкого объема полномочий в отношении судей [7]. Известно, что имели место случаи, когда председатели судов в целях получения необходимого им решения конкретные дела поручали судьям, от которых можно было ожидать «желаемого» решения или когда дело отбирали у судьи, который отказывался уступать нажиму [8]. Представляется, что от председателя суда зависит практически вся работа судей, тогда как судьи, исходя из принципа независимости, не должны испытывать никакого давления со стороны, что непосредственно гарантируется государством.

Подводя итог, важно также добавить, что профессиональная деятельность судьи предписывает использование силы закона и гарантии государства только в интересах общества, для охраны прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. О судебной системе РФ : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 03.02.2014) / / РГ. 1997. 6 янв. ; РГ. 2014. 5 февр.

3. О судах общей юрисдикции в РФ : Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ (ред. от 01.12.2012) / / РГ. 2011. 11 февр. ; РГ. 2012. 5 дек.

4. Гражданский процессуальный кодекс РФ : Федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2013) / / РГ. 2002. 20 нояб. ; РГ. 2013. 30 дек.

5. О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития : Постановление VIII Всероссийского съезда судей / / Российская юстиция. 2013. № 2.

6. *Петухов Н. А.*, *Ермошин Г. Т.* Независимость судьи Российской Федерации : современные проблемы обеспечения / / Российская юстиция. 2013. № 3.

7.Интервью с Ю. И. Сидоренко, председателем Совета судей Российской Федерации, заслуженным юристом РФ / / Законодательство. 2007. № 1.

8. *Колоколов Н. А.* Распределение, перераспределение дел в многосоставных судах : некоторые проблемы правового регулирования / / Российский судья. 2004. № 10.

Т. Г. Мальцева

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ : ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время целенаправленное развитие внешнеэкономических отношений, использование внешней торговли и внешнеэкономических связей с целью усиления экономической эффективности страны является одной из основных задач развития российского государства. Совершенствование системы регулирования в

государствах с федеративным устройством невозможно без целесообразного разграничения предметов ведения и полномочий Федерации и ее субъектов.

Предметы ведения во внешнеэкономической сфере в Конституции РФ 1993 года распределены следующим образом: в соответствии с п. «л» ст. 71 внешнеэкономические отношения РФ относятся к исключительному ведению РФ; согласно п. «о» ст. 72, координация международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ относится к совместному ведению РФ и субъектов; в соответствии со ст. 73 все остальное находится в ведении субъектов РФ. Нельзя не учитывать, что Конституция РФ предусматривает не только законодательную, но и договорную форму разграничения полномочий. Согласно ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, «разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией РФ, федеративными и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий». Таким образом, современное конституционное регулирование разграничивает предметы ведения во внешнеэкономической сфере на законодательном уровне, а также в случае необходимости предусматривает возможность договорной формы разграничения предметов ведения и полномочий.

Для более полного рассмотрения становления конституционного регулирования во внешнеэкономической сфере необходимо изучить положения предшествующих Конституций российского государства и проанализировать положения, регулирующие вопросы компетенции и разграничения предметов ведения.

Конституция РСФСР 1918 года [1] – фактически первый Основной Закон Российского государства. «Она подвела итог начальному периоду строительства Советского государства, закрепила завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, … явилась юридической базой законодательства, на ее основе развивалось Советское государство и право в последующие годы» [2]. В Конституции 1918 года гл. 9 посвящена предметам ведения центральной власти – в соответствии с п.«з» ст. 49 к предметам ведения Всероссийского Съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов отнесено «сношение с иностранными государствами, объявление войны и заключение мира». Таким образом, любые отношения с иностранными государствами относятся к ведению центральной власти. В свою очередь, в ст. 61 гл. 12 Конституции 1918 года всего в четырех пунктах определены предметы ведения органов Советской власти на местах, и какая-либо самостоятельность во взаимоотношениях с иностранными государствами не предусмотрена. При этом необходимо отметить, что «не придерживаясь точности формулировок, именуя субъекты одновременно и республиками, и областными союзами, управляемыми областными съездами Советов, законодатель породил основания для неоднозначной трактовки закона и повод для споров … исходя из буквального толкования норм Конституции, можно сделать вывод об отнесении к ведению субъектов федерации круга полномочий, больше характерного для местного самоуправления, но не для субъекта федерации» [3, с. 26].

В Конституциях РСФСР 1925 года [4] и 1937 года [5], в отличие от первой Конституции РСФСР, в которой положения о федерации были только намечены, содержатся специальные главы, посвященные автономным республикам и автономным областям. В указанных Конституциях лишь в общих чертах определяются вопросы компетенции и ведения, при этом полномочия в сфере взаимодействия с иностранными государствами, а также осуществление иных международ-

ных (внешних) связей не урегулированы.

В Конституции РСФСР 1978 года [6] также содержатся положения, согласно которым определяются предметы ведения РСФСР, автономной республики и автономной области. Что касается внешнеэкономических отношений, то в п. 15 ст. 72 гл. 7 Конституции 1978 года определено, что в ведении РСФСР находится представительство РСФСР в международных отношениях, кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 125 гл. 14 Совет Министров РСФСР осуществляет руководство в области отношений РСФСР с иностранными государствами и международными организациями.

В связи с историческими событиями, сложившимися в апреле 1992 г., в Конституцию РСФСР 1978 года были внесены существенные изменения. После распада СССР это была уже Конституция не союзного, а независимого, самостоятельного государства – Российской Федерации.

Интересно обратиться к положениям Конституции РСФСР 1978 года в последней редакции от 10 декабря 1992 года [7] в части, касающейся внешнеэкономической сферы: в п. «л» ст. 72 определено, что внешнеэкономические отношения РФ относятся к ведению федеральных органов государственной власти; в соответствии со ст. 81.2 «республики в составе Российской Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей, соглашений с другими республиками, краями, областями, автономными областями, автономными округами Российской Федерации, если это не противоречит Конституции и законам Российской Федерации. Координация международных и внешнеэкономических отношений республик в составе Российской Федерации осуществляется федеральными органами государственной власти Российской Федерации совместно с республиками в составе Российской Федерации»; согласно ст. 84.2, закреплено аналогичное положение об автономных областях и автономных округах в составе Российской Федерации. Таким образом, в последней редакции Конституции РСФСР 1978 года предусмотрено конституционное регулирование внешнеэкономических отношений и разграничение полномочий и предметов ведения между федерацией и ее субъектами. В соответствии с указанными статьями Конституции субъекты РФ (республики, автономные области и автономные округа) признавались самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей. Кроме того, к совместному ведению федеральных органов государственной власти и республик, автономных областей и автономных округов отнесена координация международных и внешнеэкономических связей субъектов, что в целом соответствует действующей Конституции РФ 1993 года.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные положения Конституций РСФСР позволяют сделать вывод, что сфера внешнеэкономических отношений долгое время не была урегулирована, предметы ведения и полномочия не были разграничены, автономные республики и автономные области не взаимодействовали с иностранными государствами и международными организациями: «На протяжении многих лет сфера внешнеэкономических отношений была монополией государства» [8, с. 19]. После распада СССР и в связи с последовавшим за ним изменением законодательства Российской Федерации впервые было закреплено конституционное регулирование внешнеэкономической сферы, определены предметы ведения РФ и субъектов РФ, а также сфера их совместного ведения в части координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ.

Список использованной литературы:
1. Конституция РСФСР 1918 г. / / СУ РСФСР. 1918. №N 51. Ст. 582.
2. *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года. М., 2003. URL: http: / / constitution.garant.ru / science-work / modern / 3988990 / chapter / 1 / #100 (дата обращения: 15.12.13).
3. *Хованских А. Ю.* Принцип федерализма в российском праве : Историко- и теоретико-правовой аспект, 1917–1991 гг. : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
4. Конституция РСФСР 1925 г. / / СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.
5. Конституция РСФСР 1937 г. / / Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1937. № 20.
6. Конституция РСФСР 1978 г. / / Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978 . № 15. Ст. 407.
7. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г. в ред. 10.12.1992 г.) / / Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 52. Ст. 3051.
8. *Еремина М. А.* Конституционно-правовые основы внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации и провинций Канады : сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

Е. В. Манаева

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ТРУД : РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Современный человек самостоятельно делает выбор, трудиться или не трудиться, в соответствии с нормами действующей Конституции. Жители России имеют право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности, отвечающий их личным потребностям и интересам.

В Конституции 1918 года право на труд было закреплено как обязанность граждан (ст. 18) и, снова в виде права, – в Конституции 1937 года (ст. 118). Но наряду со ст. 118 существовала и ст. 12, в которой говорилось, что труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина [7]. В соответствие с этой статьей 4 мая 1961 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял указ «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Началась борьба с тунеядцами, которые, согласно ст. 209 УК РСФСР, подлежали уголовному наказанию.

По сообщению прокурора РСФСР В. М. Блинова в Бюро ЦК КПСС, с момента выхода в свет данного Указа в РСФСР выявлено более 400 тыс. лиц, которые вели антиобщественный, паразитический образ жизни. После соответствующего предупреждения большинство этих людей стало на честный трудовой путь (только в 1963 году около 50 тыс. человек приступило к работе в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве). В отношении 37 тыс. человек, злостно уклонявшихся от трудовой деятельности, приняты решения об их выселении. Вместе с тем материалы, которыми располагает Прокуратура РСФСР, свидетельствуют о том, что немало трудоспособных лиц еще не работает и их паразитическое существование, как правило, сопровождается пьянством, моральным разложением, нарушением правил социалистического общежития [4].

Борьба с тунеядством велась до принятия в апреле 1991 года закона «О занятости населения», отменившего уголовную ответственность за тунеядство и признавшего безработицу. В дальнейшем в законодательстве постсоветских государств термин «тунеядство» не употребляется.

Но не все те, кто вел «антиобщественный, паразитический» образ жизни, таковыми были на самом деле. Иосиф Бродский, нобелевский лауреат в области литературы, в 1963 году был осужден за тунеядство и приговорен к максимальному наказа-

нию – пяти годам принудительного труда в отдаленной местности. Иосиф Александрович не имел постоянной работы, а занятие поэзией работой не считалось [5]. Все литераторы, художники, скульпторы и другие представители творческих профессий должны были состоять в соответствующих союзах или быть официально приняты на работу, чего в случае с Бродским не было.

Кроме людей искусства к тунеядцам могли быть отнесены и обычные граждане, ведущие индивидуальную трудовую деятельность. Индивидуальная деятельность была разрешена в соответствии со ст. 9 Конституции СССР 1936 года: «… наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда»[7; 8]. Однако и здесь существовали перегибы. Тунеядцами признавались и инженер-технолог, который прекратил работу, создал кролиководческую ферму и стал жить за счет приносимых ею доходов, и пожарный, который в свободное от работы время занимался своим земельным участком и торговал на рынке овощами и фруктами. Иногда суды принимали решения о выселении нетрудоспособных и беременных женщин [4].

Свободным художникам, писателям и поэтам было тоже нелегко, ведь не все из них могли состоять в штате какого-либо издания или творческом союзе. Например, издательство «Молодая Гвардия» имело в своем арсенале большое количество журналов, принимало на работу определенное количество штатных журналистов, иллюстраторов, но этого было недостаточно, поэтому привлекались дополнительно и заштатные специалисты. Они были вынуждены трудиться дома, создавая видимость для бдительных соседей, что в рабочее время их дома нет. Спасением для некоторых стала «работа над образом вождя», поскольку данное лицо было неприкосновенно [12].

Право на труд в Конституции СССР 1977 года закреплено в ст. 118 гл. X «Основные права и обязанности граждан». В ч. 1 этой статьи сказано: «Граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством». В первую очередь данная норма была адресована законодательным и правотворческим органам Советского государства, государственным и общественным (в том числе кооперативным) организациям и гражданам.

На первых накладываются обязательства детализировать и конкретизировать это право нормами трудового, колхозного, административного и других отраслей права, которое нельзя ограничивать. В принятых 15 июля 1970 года Основах законодательства Союза СССР и союзных республик о труде общие конституционные положения были дополнены более конкретными нормами о порядке реализации права на труд. В ст. 2 Основ сказано, что рабочие и служащие реализуют право на труд путем заключения трудового договора о работе на предприятии, в учреждении, организации.

На государственные и общественные организации конституционная норма о праве на труд накладывает общую обязанность принимать граждан на работу – такого современного явления, как безработица, тогда не существовало.

Несмотря на то что индивидуальное или мелкое хозяйствование в виде артелей и кустарных объединений было разрешено со времен новой экономической политики (1921 г.), к 80-м годам XX века остались лишь жилищно-строительная кооперация, артельные народные промыслы, а также старательские артели по добыче золота. Кооперативный бум начинается с середины 1980-х годов вследствие принятия нескольких законов:

– 19 ноября 1986 года принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» [1];

– 5 февраля 1987 года Советом Министров СССР принято постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» [11];

– 26 мая 1988 года принят Закон СССР «О кооперации в СССР», разрешивший кооперативам заниматься любыми не запрещенными законом видами деятельности, в том числе и торговлей [2];

– 4 июня 1990 года принят Закон СССР № 1529-1 «О предприятиях в СССР», который фактически утратил силу в связи с принятием Постановления Верховного Совета РФ от 25.12.1990 № 446-1, а затем последовала и ликвидация самого советского социалистического государства [3].

Первым по новому закону был зарегистрирован кооператив «Развитие» в г. Москве 6 июля 1988 года [10], а первый кооперативный банк появился в августе 1988 года в городе Чимкент (Казахская ССР). К концу 1988 года в СССР насчитывался 41 кооперативный банк, из них 11 в Москве и 3 в Ленинграде [6]. Таким образом, норма, закрепленная в Основном Законе, нашла свое фактическое применение и реально заработала.

Право граждан на труд в Конституциях Советского Союза было закреплено в гл. X «Основные права и обязанности граждан», а в Конституции Российской Федерации это же право закреплено в гл. II «Права и свободы человека и гражданина». В современной Конституции права человека находятся ближе к началу текста, тем самым признается их важность и большое значение в сравнении с советскими Конституциями. Можно предложить в будущей Конституции Российской Федерации назвать главу именно «Основные права и обязанности граждан», как в большинстве зарубежных стран, например в Конституции Королевства Испании [9], при этом расположив текст статей, связанных с обязанностями, после статей, закрепляющих права.

В Советском Союзе право на труд, закрепленное в Основном Законе, фактически было обязанностью трудиться. Социалистическая система не допускала безделья и праздного существования, все трудоспособное население должно было приносить пользу государству без личного обогащения, достаток всех граждан должен был быть абсолютно равным. Данное несоответствие было исправлено только в конце 1980-х – начале 1990-х годов принятием соответствующих законов и постановлений. Таким образом, право на труд в его развитии и завершенном нормативном закреплении мы и имеем сегодня в нашей реально действующей и существующей Конституции России.

Список использованной литературы:

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 47. Ст. 964.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.
3. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 25. Ст. 460.
4. *Жирнов Е.* Внушить полезный страх. URl: http://www.kommersant.ru/doc/1618579 (дата обращения: 16. 12. 2013).
5. Запись Фриды Вигдоровой судебного процесса над И. А.Бродским. URL: http://www.polit.ru/article/2004/03/14/brodsky1/ (дата обращения: 16. 12. 2013).
6. *Кирсанов Р. Г.* Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М. : Издательство «ИП „Каширин В. В.”», 2011. URL: http://uchebnikfree.com/ekonomicheskiy-ucheniy-istoriya/zakon-kooperatsii-sssr-poyavlenie-pervyih-8462.html (дата обращения: 16. 12. 2013).
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, утвержденная Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.
8. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов

от 21.01.1937 г.

9. Конституция Испанского королевства, одобрена Генеральными Кортесами на пленарных заседаниях Конгресса депутатов и Сената 31 октября 1978 года, утверждена испанским народом на референдуме 6 декабря 1978 года и подписана Е. В. Королем перед Генеральными Кортесами 27 декабря 1978 года.

10. Решение Исполкома Севастопольского райсовета народных депутатов г. Москвы от 6 июля 1988 г. № 2693.

11. Свод законов СССР. 1990 г. Т. 6.

12. См.: *Эстис Н.* Тунеядцы и вожди // Независимая газета. 2013. № 8. URL: http://www.ng.ru/style/2013-07-30/8_artist.html (дата обращения: 16. 12. 2013).

А. В. Мещеряков

ФЕДЕРАЛИЗМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ : ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Двадцатилетний юбилей Конституции Российской Федерации, который мы отмечаем в эти дни, – серьезный повод для того, чтобы обратиться к такой важной проблеме, как современный российский федерализм, а именно к вопросам его становления, развития, перспектив.

Конституционная характеристика России как федерации, причем федерации многонациональной, существенным образом влияет на процесс становления российской государственности и тем самым придает ей характерную особенность.

Современная российская федеративность имеет свои начала, и в этой связи без их выявления, изучения и анализа мы не застрахованы от череды ошибок, лимит которых фактически исчерпан.

Толчком для активного обсуждения проблем федеративных отношений явились события конца 80–х–начала 90-х годов истекшего столетия и сложившаяся в связи с этим внутриполитическая ситуация. Трагические события указанного периода, поставившие под угрозу целостность Российского государства, потребовали от ученых, специалистов и политиков по-новому взглянуть на вопросы государственного устройства России с целью качественного преобразования федеративных отношений.

К сожалению, стереотипы советского прошлого часто довлели при разработке основных принципов и направлений реформирования различных областей общественной и государственной жизни новой России. Так, несмотря на принятие в 1990 году Декларации о государственном суверенитете, внесение соответствующих изменений и дополнений в Конституцию РСФСР 1978 года, подписание 31 марта 1992 года Федеративного договора, Россия, хотя и внешне, но все же сохранила основную схему советского федерализма [1, с. 3]. Этому есть объяснение – страна только вступала в период формирования конституционных основ нового российского федерализма.

Снять остроту проблемы сохранения России как единого федеративного государства позволило принятие Конституции РФ 1993 года, которая закрепила федеративную форму государственного устройства России как одну из основ конституционного строя, ее основополагающие принципы, виды и конституционный статус субъектов Российской Федерации, другие важные моменты.

Однако интенсивность и уровень дискуссий по теме российского федерализма не только не снизились, но и выявили ряд новых проблем в федеративных отношениях. Наиболее обсуждаемыми стали такие вопросы, как разделение компетенции между Российской Федерацией в целом и ее субъектами, определение типа и модели федерации, значение и роль идей унитаризма в обеспечении жизнеспособности демократического федерализма, соблюдение баланса интересов федерального центра и

субъектов федерации при конституционном оформлении объема их полномочий, соотношение федерального и регионального законодательства, противоречие между принципом равноправия субъектов федерации и их разной конституционно-правовой природой, субъектный состав и численность субъектов Российской Федерации и др.

Нерешенность этих и многих производных от них проблем накладывает свой отпечаток на общее состояние федеративных отношений. Поэтому справедливо мнение В. Т. Кабышева, который пишет: «Процесс создания в России оптимальной модели федеративного устройства протекает весьма болезненно» [2, с. 12].

В этой связи проблема государственного устройства как одна из сложных и актуальных в юридической науке объективно нуждается в системной и всесторонней разработке, с привлечением результатов научного исследования российского федерализма в области не только конституционного права, но и других научных дисциплин.

Изучение накопленного отечественного и зарубежного опыта государственного федеративного строительства важно и актуально еще и потому, что ныне на этот процесс можно взглянуть с позиций, не отягощенных давлением коммунистических догм и классовых предрассудков. Поэтому сегодняшнее прочтение этого опыта не только обогащает уровень наших познаний в области федерализма, но и ставит перед юриспруденцией ряд новых вопросов.

Процесс становления российского федерализма проходил неоднозначно и противоречиво, «сопровождался столкновением многих концепций и проектов» [3, с. 41], что не могло не отразиться на особенностях политико-правовой природы образования самой современной Российской Федерации.

Теоретическими истоками в определении формы государственного устройства социалистического государства являлись многочисленные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и других деятелей коммунистического движения. Их взгляды основывались на диалектико-материалистическом методе познания государственного строительства.

Во многих работах отечественных ученых, занимающихся вопросами государственного устройства России, даны вполне исчерпывающие оценки различных периодов учения марксизма-ленинизма о формах государственного устройства, в том числе и для России.

Общеизвестно, что К. Маркс и Ф. Энгельс в основном выступали за единое централизованное государство, в котором видели идеальное условие для консолидации рабочего класса. Федерацию же они допускали как временную политическую форму, способствующую той же задаче объединения рабочих, и рассматривали ее как переходную конструкцию к созданию унитарного централизованного государства трудящихся масс.

Взгляды В. И. Ленина по вопросу государственного устройства будущего социалистического государства в России отличались непоследовательностью и противоречивостью. Исследователи подразделяют их на два периода–дооктябрьский и после свершения революции.

В первый период исходя из интересов и принципов социал-демократии В. И. Ленин, так же как и его теоретические наставники, отдавал предпочтение единому централизованному государству, тогда как федерацию как форму государственного устройства будущего социалистического государства в период до октябрьского переворота отрицал, объясняя это тем, что данная форма является «негодным» типом для единого государства, каким в то время была Российская империя. Он писал: «Не дело пролетариата проповедовать федерализм и национальную автономию,

не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное *классовое* государство. Дело пролетариата – *теснее* сплачивать как можно широкие *массы* рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы *на возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм» [4, с. 105].

Политическая ситуация, сложившаяся в России перед октябрьским восстанием и после него, повлияла на позицию Ленина и большевиков по вопросу государственного устройства. Эти изменения касались признания федерации как наиболее приемлемой формы государственного устройства для Российской республики. В одном из первых декретов советской власти – Декларации прав народов России, утвержденной правительством большевиков 2 (15) ноября 1917 года, –наряду с признанием наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства было провозглашено создание добровольного равноправного союза свободных наций как федерации советских национальных республик.

В этом документе в концентрированном виде отразилась двойственность позиции большевиков в вопросе государственного устройства: с одной стороны, они признавали и провозгласили право наций и народностей, проживавших в пределах России, на свое государственное самоопределение, с другой стороны, закреплялась идея объединения национальных республик в добровольный равноправный союз в форме федерации. Р. Г. Абдулатипов справедливо считает: «Получался парадокс: самоопределение признается только вне России, а внутри – нет. Это был разрушительный вариант» [5, с. 77].

Началом правового оформления федерации как формы государственного устройства Российской республики послужили первые декреты советской власти. В частности, в Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 года, Россия провозглашалась Российской Советской Социалистической Федеративной Республикой. Таким образом, в отличие от существовавших в то время научных взглядов о федерации, характерной особенностью которой считались «длящиеся отношения между двумя или несколькими государствами» [6, с. 494], была провозглашена федерация, в основу которой были положены идеологические догмы марксизма-ленинизма и революционная воля Советов рабочих и крестьян. Образование федеративной формы государственного устройства России произошло не по инициативе народных масс либо воли суверенных государственных образований, а в результате директивного решения большевистской партии и советских органов власти.

При этом следует заметить, что федерацией Россия была провозглашена и продолжавшим сохранять свои полномочия Учредительным собранием в первых числах января 1918 года, в котором партия большевиков была представлена меньшинством.

Посредством выбора такой формы государственного устройства большевики стремились решить на тот момент две проблемы – не допустить окончательного распада территории бывшей Российской империи и приступить к практической реализации своих программных установок в области национальной политики.

Декларативное провозглашенио советской России федерацией получило вскоре и высшее законодательное оформление в первой Конституции РСФСР 1918 года. Закрепленные в ней положения о федеративном устройстве России во многом носили программный характер и были нацелены на возможность их применения в будущем. Так, в ст. 8 Конституции РСФСР 1918 года говорилось о предоставлении права «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем полномочном советском съезде: желают ли они и на каком основании участвовать в

федеративном правительстве и в остальных федеративных советских учреждениях». В ст. 11 российской Конституции на основе провозглашенного ранее права наций и народностей на самоопределение предусматривалось, что Советы областей, которые отличаются особым бытом и национальным составом, имели возможность объединяться в автономные областные союзы, входившие на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

Приведенные выше конституционные формулировки дают необходимое представление о сущности и содержании политико-правовой природы российской советской социалистической федерации в период ее становления, а именно:

1) теоретическими истоками образования федерации в России выступили идеи марксистско-ленинской теории о классовой сущности, целях и задачах социалистического государства;

2) необходимость выбора федеративной формы государственного устройства России была продиктована интересами большевистской партии, объединенными решением двуединой задачи – сохранения максимальной целостности территории бывшей Российской империи с одновременной реализацией права наций на самоопределение;

3) решение национального вопроса правящая партия большевиков видела в основном в законодательном провозглашении формально-юридического права наций (кроме русской) на самоопределение своей государственности;

4) учреждение федерации в России зарождалось не по инициативе народных масс, а в результате ее декларирования правительством большевиков и органами советской власти;

5) содержание понятия федерации с учетом ее нормативно-правового закрепления сводилось к возможности представителей съездов советов национально-территориальных образований участвовать в федеральных правительстве и организациях.

Образование СССР и принятие первой общесоюзной Конституции СССР 1924 года вызвало необходимость приведения конституций союзных республик в соответствие с Основным Законом союзного государства.

XII Всероссийский съезд Советов в 1925 году утвердил новый текст Конституции РСФСР. Учитывая предусмотренное Конституцией СССР 1924 года разграничение полномочий, Российская Федерация передала в компетенцию союзных органов вопросы обороны, внешних сношений, транспорта и связи. Вместе с тем РСФСР формально оставалась суверенным государством с правом свободного выхода из состава Союза ССР.

Конституционные изменения затронули и технико-юридическое оформление федеративных отношений. В ст. 2 Конституции РСФСР 1925 года провозглашалось: «Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик». В структуре новой российской Конституции появилась и специальная глава «Об автономных советских социалистических республиках и областях», в которой определялись принципы формирования органов государственной власти автономий, вопросы их компетенции и др.

Вместе с тем в содержании норм Конституции РСФСР 1925 года, посвященных федеративному устройству России, наблюдается явное противоречие. Так, вышеупомянутая конституционная норма определяла основу государственного устройства России как федерацию национальных республик, тогда как гл. 4 Основного Закона закрепляет конституционный статус двух видов субъектов Российской Федерации – автономных республик и автономных областей.

РСФСР стала первой и единственной в мире федерацией, которая возникла не на базе договора либо соглашения между государствами, а в итоге реализации нациями и народностями, проживавшими в пределах российской территории, права на самоопределение в различные формы автономии – национально-территориальную либо национально-государственную.

Впоследствии такая однобокость построения и понимания сущности федеративной формы государственного устройства негативно отразилась на социально-экономической и политико-правовой стороне общественной жизни Российской Федерации, а также на межнациональных отношениях. Поэтому на практике государственного строительства эти федералистские идеи, по существу, так и не реализовались.

Список использованной литературы:

1. *Эбзеев Б. С.*, *Карапетян Л. М.* Российский федерализм : равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов / / Государство и право. 1995. № 3.
2. *Кабышев В. Т.* Конституция России – правовая основа модернизации общества и государства / / Конституция Российской Федерации и современное законодательство : проблемы реализации и тенденции развития : Материалы международной конференции. Саратов, 2003. Ч. 1.
3. *Карапетян Л. М.* Федеративное устройство Российского государства. М., 2001.
4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7.
5. *Абдулатипов Р. Г.* Федералогия. СПб., 2004.
6. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1903.

Т. В. Милушева

ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ[4]

Конструирование оптимальной модели функционирования государственной власти в аспекте исследования пределов ее деятельности невозможно вне процесса глобализации, который становится сегодня методологическим принципом познания современных проблем государства и права. В силу многогранности феномена глобализации, а также сложности охвата в рамках одной статьи всех проявлений ограничивающих деятельность национального государства международных механизмов, остановимся на наиболее важных из них.

Как известно, в общественных науках принято рассматривать несколько уровней социальных процессов – макроуровень (национальный уровень), мегауровень (уровень мировой экономики, международного права), метауровень (охватывает процессы, происходящие поверх национальных границ), – каждый из которых выдвигает свои требования к национальному государству. Глобализация, в свою очередь, создает дополнительные либо усиливает отдельные ограничители свободы действий государства в различных сферах, и в том числе бросает вызов государственному суверенитету [10, с. 33]. Эта ключевая проблема требует всестороннего анализа.

Несмотря на наличие общепризнанной точки зрения, согласно которой важнейшими признаками государственного суверенитета являются верховенство, единство и независимость государственной власти, ограничение правом и международными обязательствами [2, с. 442–445], среди ученых нет единства во взглядах на понятие и содержание суверенитета.

[4] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-03-00352.

Научная общественность, находясь в состоянии непрекращающейся дискуссии, сегодня разделилась на тех, кто отстаивает незыблемость традиционных представлений о суверенитете [10, с. 35] (они в явном меньшинстве), и тех, кто считает, что общепринятые взгляды следует пересмотреть. Причем в современной научной литературе заметна четкая тенденция переосмысления понятия «суверенитет». Преобладают точки зрения, согласно которым в условиях глобализации наблюдается «историческая исчерпаемость» государственного суверенитета [13], происходит его отрицание как необходимого и значимого качественного признака государства [3, с. 13], он если не ликвидируется, то существенно ограничивается международными организациями, особенно наднациональными, поскольку государства передают последним свои суверенные права [9, с. 141].

Как представляется, истина находится посередине. Очевидно, что идея абсолютности суверенитета уже не отвечает сложившимся геополитическим реалиям. В реальном мире нет ничего абсолютного, это в полной мере относится и к государствам, которые никогда не были абсолютно суверенными и автономными, а общества – полностью оторванными друг от друга. Подобное явление по самой сути немыслимо уже в силу того, что суверенитет одного государства ограничен суверенитетом других государств, интересами сохранения общества и признаваемой в нем автономией личности.

Следует согласиться с выводом, что идея об отмирании суверенитета как фундаментальной сущностной характеристики государства является результатом одностороннего подхода к изучению данного феномена или же смешения понятия и содержания суверенитета как сущностного признака государства с соответствующим признаком и свойством государственной власти – полновластием или же ограничением в силу тех или иных причин [11].

Спорность позиций и нерешенность вопросов о характере суверенитета в современных условиях требует, на наш взгляд, выработки более гибкого, многоуровнего подхода к исследованию данного вопроса. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения А. А. Кокошина, разрабатывающего концепцию реального суверенитета в современном мире. Он обращает внимание на то, что реальный суверенитет не есть формальное приложение к любому независимому государству. Суверенитет обеспечивает возможность проводить независимую политику, выстраивать систему международных связей, но если меняется геополитическая, геоэкономическая и геокультурная ситуация в мире, то меняются и основные механизмы достижения реального суверенитета [5].

М. Н. Марченко предлагает различать фактический и формально-юридический аспекты суверенитета. Ученый аргументирует тем, что суверенитет является сущностным признаком государства, а не государственной власти, которая производна от государства и сама по себе суверенитетом не обладает, а наделяется в лице органов и должностных лиц, ее осуществляющих, лишь определенными полномочиями [11, с. 71]. Следовательно, суверенитет как неотъемлемый признак государства реализуется через государственную власть, наделенную некоторым объемом полномочий. Они и составляют материальный (фактический) аспект суверенитета.

В условиях глобализации объем полномочий государственной власти меняется, поскольку, согласно Конституции, Российская Федерация «может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами…» (ст. 79). Объем полномочий организаций и их соотношение с правами государства, указывает И. И. Лукашук, определяются также принципом субсидиарности, хорошо зарекомендовавшим себя в условиях европейской интеграции [9, с. 142].

Следовательно, степень практической реализации суверенитета находится в полной зависимости от уровня реальной обеспеченности государственной власти соответствующими прерогативами, от степени полноты и реальности государственной власти. В то же время ограничение власти не означает прекращения или утраты суверенитета, речь идет лишь о сокращении материальных возможностей его проявления и осуществления, но не об исчезновении или формально-юридическом ограничении его как такового.

Несмотря на то что в юридической литературе по поводу «связанности» суверенного государства правом – его реальности и допустимости – издавна ведутся бесконечные споры, право, наряду с другими факторами, является важнейшим средством, ограждающим общество от возможного произвола государства и законодательно закрепляющим относительный характер его суверенитета. Данный теоретический вывод воспринят и нормативными документами. Так, в консультативном заключении Постоянной палаты международного правосудия по делу «Законы о гражданстве Туниса и Марокко» зафиксировано, что суверенитет имеет относительный характер в зависимости от того, насколько он ограничен правом [7].

Глобализация стимулирует развитие системы норм международного права – расширяются сферы ее действия, более результативными становятся механизмы. Центральное положение в системе международного права занимают принципы, образующие ядро международного публичного порядка (ordre public intemational) [1], одной из характерных черт которого является выдвижение на первый план *обязательств* – императивных норм в отношении международного сообщества в целом. Они выражают коренные интересы всего сообщества, могут создаваться и изменяться только сообществом в целом, поэтому им придана высшая юридическая сила. С императивными нормами связана особая категория обязательств – универсальных, или обязательств «между всеми» (erga omnes). Как верно отмечает Ю. М. Колосов, «принятие на себя определенных обязательств, т. е. согласие на определенное ограничение свободы действий, является как раз одним из проявлений государственного суверенитета...» [6, с. 13].

В ряде международных документов подчеркивается юридический характер обязательств государств по соблюдению основных прав и свобод человека. Устав ООН возлагает на государства юридические обязательства соблюдать основные права и свободы человека, не допуская никакой дискриминации (п. «с» ст. 55). В международных актах специально оговаривается «обязанность государства воздерживаться от использования или искажения вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государства, оказания давления на другие государства» [4].

Обеспечение и защита прав человека в современных условиях имеют субсидиарную природу. Смысл принципа субсидиарности в общефилософском смысле заключается в том, что «организация более высокого уровня берет на себя ответственность за осуществление каких-либо функций только в том случае, если организация более низкого уровня не в состоянии это сделать» [8, с. 22].

Действительно, правовое регулирование прав и свобод, содержащихся в международных документах, обеспечение их претворения в жизнь является внутренней компетенцией государств. В то же время при невозможности обеспечить их внутренними средствами в случае нарушения прав и свобод включаются международные механизмы контроля соблюдения соответствующих международных обязательств (в частности, деятельность Европейского суда по правам человека) исходя из принципа субсидиарности.

Правовые основания указанного принципа в сфере обеспечения прав и свобод

человека находим в Конституции РФ, где зафиксировано: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» (ч. 1 ст. 17). А также: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (ч. 3 ст. 46). Здесь государство обладает свободой усмотрения в аспекте правового закрепления объекта прав и свобод личности, а также механизмов их реализации. В связи с этим в литературе обоснованно ставится вопрос о принципах и пределах ограничения независимости национальных государств в решении вопросов соблюдения и защиты прав человека. Действующее законодательство, отмечается в связи с этим в научной литературе, «может настолько ограничивать, связывать государственный суверенитет, насколько оно не противоречит Основному закону страны» [11, с. 85].

Очевидно, что содержание суверенитета в современном мире меняется: суверенитет не включает право на применение силы, международное право перестает ограждать суверенитет государства, в котором грубо попираются права человека, утверждается приоритет международного права. В условиях растущей взаимосвязанности государств ограничиваются возможности одностороннего выбора поведения, государства обладают меньшей свободой принятия решения в отношении присоединения к определенным многосторонним режимам, будь то договор или организация. Блага, предоставляемые этими режимами, могут оказаться настолько существенными, что государство идет на компромиссы, в которых его интересы учтены не полностью. Вместе с тем государство по-прежнему является основным актором исторической и политической жизни, а современные процессы глобализации хотя и усложняют, но все же не отменяют самого принципа суверенитета [12, с. 206].

Международное право и суверенитет не противоречат друг другу, напротив, суверенитет выражен в принципах международного права, в частности в принципе суверенного равенства государств. В условиях глобализации происходит объективное сокращение свободы действий государства, однако в то же время это не означает утраты суверенитета. Напротив, государство приобретает дополнительные возможности и функции как за пределами, так и внутри своих границ. Наднациональное регулирование расширяет возможности государства влиять на стихийные процессы и в этом смысле укрепляет национальный суверенитет.

Список использованной литературы:

1. *Алексидзе Л. А.* Некоторые вопросы теории международного права. Тбилиси, 1982. Гл. V (3).
2. *Баглай М. В.*, *Туманов В. А.* Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998.
3. *Грачев Н. И.* Государственное устройство и суверенитет в современном мире : вопросы теории и практики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009.
4. Декларация ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г. Разд. II (I).
5. *Кокошин А. А.* Реальный суверенитет. М., 2006.
6. *Колосов Ю. М.* Ответственность в международном праве. М., 1975.
7. Консультативное заключение – Декреты о гражданстве в Тунисе и Марокко // PCIJ. 1923. Ser. B. № 4.
8. *Липкина Н. Н.* Принцип свободы усмотрения государств : правовые позиции Европейского Суда по правам человека / под ред. О. И. Тиунова. Саратов, 2010.
9. *Лукашук И. И.* Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.
10. *Макуев Р. Х.* Актуализация роли государства в обеспечении национальной безопасности в условиях глобализации // Государство и право. 2010. № 8.
11. *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М., 2009.

12. *Щербинин О. О.* Современные глобализационные процессы и суверенитет государства / / Вестник СевДГУ. Севастополь, 2008. Вып. 91.
13. *Явич Л. С.* О философии права на XXI век / / Правоведение. 2000. № 4.

И. В. Мильшина

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА УПРАВЛЕНИЕ ТАМОЖЕННЫМ ДЕЛОМ

В настоящее время невозможно представить себе функционирование любого субъекта изолированно от окружающего мира. Кардинальные изменения затронули отдельные государства, народы и международный климат в целом. Благосостояние субъектов как международного, так и национального уровня зависит не столько от внутренней организованности, сколько от характера и степени интенсивности их связей с другими субъектами. Глобализация породила совершенно новые процессы, демонстрирующие, что страны смогут успешно развиваться лишь в условиях эффективного сотрудничества и интеграции во всех сферах. Мировая практика показывает, что эффективное развитие субъектов происходит только посредством их интеграции друг с другом и с мировым хозяйством в целом.

Наглядным примером интеграционных процессов на постсоветском пространстве выступают созданные Россией, Белоруссией и Казахстаном Таможенный союз, Единое экономическое пространство и планируемая дальнейшая интеграция в Евразийский экономический союз. Глобальные изменения непосредственным образом повлияли на управление таможенным делом.

Как известно, в процессе управления таможенным делом принимают участие многие органы власти, составляющие единую иерархически выстроенную систему управления, которая может быть дифференцирована на подсистемы. В результате ее деления перераспределились полномочия органов управления таможенным делом. Появился надгосударственный уровень управления – органы Таможенного союза, к полномочиям которых отнесены наиболее важные вопросы, касающиеся перемещения товаров через таможенную границу. Наднациональные органы определяют стратегию, направления и перспективы развития Таможенного союза и принимают решения, направленные на реализацию общесоюзных целей и задач.

Второй уровень управления таможенным делом – государственный. Основная управленческая нагрузка в данном случае возлагается на таможенные органы РФ. Интеграционные процессы оказали непосредственное влияние на деятельность таможенных органов, полномочия которых подверглись значительным изменениям.

Наиболее важные отношения, возникающие при перемещении товаров через таможенную границу Таможенного союза и определяющие порядок таможенных формальностей (декларирование, контроль, платежи), регулируются на наднациональном уровне. Отношения, «направленные на организацию деятельности таможенных органов и обеспечение вопросов национальной безопасности, не решенных в рамках отдельных соглашений между странами Таможенного союза, а также вопросы, прямо указанные в ТК, относятся к национальному ведению» [1, с. 33].

Несмотря на то что Таможенный кодекс Таможенного союза [2] оперирует категорией «таможенное дело», раскрывается она только в Законе о таможенном регулировании [3]. В соответствии со ст. 2 этого закона «таможенное дело в Российской Федерации представляет собой совокупность средств и методов обеспечения соблюдения мер таможенно-тарифного регулирования, а также запретов и ограничений при ввозе товаров в Российскую Федерацию и вывозе товаров из Российской Федерации». Причем к мерам таможенно-тарифного регулирования относятся уплачивае-

мые ввозные и вывозные таможенные пошлины, а к запретам и ограничениям – лицензии, квоты, сертификаты, эмбарго и др., установленные международными договорами Таможенного союза и нормативно-правовыми актами Российской Федерации.

Сущность таможенного дела проявляется через его цели. О. Ю. Бакаева в качестве основных выделяет защитную, экономическую и социальную цели таможенного дела [4, с. 19]. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые, отмечая, что таможенное дело всегда направлено на достижение экономических, регулятивных и правоохранительных целей государства [5, с. 15; 6, с. 41].

На основании изложенного можно сформулировать основные цели таможенного дела:

– защитная (правоохранительная) – направлена на защиту государственной безопасности страны, общественного порядка, жизни, здоровья населения, нравственности и культурных ценностей, охрану животных, растений, окружающей среды, пресечение незаконного перемещения товаров. Эти правила регулируются как на надгосударственном, так и на национальном уровне;

– экономическая (фискальная) – достигается посредством обложения таможенными пошлинами, налогами перемещаемого через таможенную границу товара. В Российской Федерации практически все таможенные платежи поступают в федеральный бюджет. Исключение составляет ввозная таможенная пошлина, которая распределяется между государствами – членами Таможенного союза;

– регулятивная – достигается введением запретов и ограничений, льгот и преференций, выдачей разрешительных документов и установлением других правил, требующих соблюдения. Эти правила в основном едины для всех членов Таможенного союза;

– интеграционная – выражается в стремлении Российской Федерации к активному участию в международном сотрудничестве.Экономическая интеграция в СНГ с участием России была начата с 1993 года и продолжается по настоящее время. Наша страна является членом Всемирной таможенной организации и участвует в важнейших международных соглашениях, разработанных и принятых под эгидой этой организации. Россия в 2012 году стала членом Всемирной торговой организации, что послужит укреплению стабильности таможенного и внешнеторгового законодательства, предсказуемости внешнеторговой политики России.

Основные цели и задач, поставленные Президентом РФ перед таможенным ведомством, способствуют совершенствованию приоритетных направлений таможенного администрирования. Прозрачность и предсказуемость, минимальное вмешательство в процессы внешнеторговой деятельности, стандартизация, упрощение таможенных формальностей, принцип «одной остановки» и «одного окна» – таковы приоритеты таможенного администрирования в последние годы. Все они заложены в документах, принимаемых на надгосударственном уровне, а также Президентом РФ, Правительством РФ и ФТС России.

Главные цели распадаются на производные разного порядка, которые ставятся перед субъектом управления. Их можно классифицировать по различной направленности. Например, по значимости цели управления подразделяются на стратегические, тактические и оперативные.

Для достижения главных и производных целей перед системой государственного управления таможенным делом поставлены следующие задачи**,** требующие решения до 2015 года [6]:

1) внедрение и использование в таможенной деятельности электронных документов, их приоритет по сравнению с бумажными носителями;

2) сокращение времени стоянки транспортных средств за счет изменения технологии работы (внедрение принципов «одного окна», «одной остановки», «двух служб на границе»);

3) сокращение времени таможенного контроля в пунктах пропуска за счет применения технических средств (информационно-программного обеспечения, видеонаблюдения);

4) сокращение времени, необходимого для подготовки декларации и сроков выпуска за счет электронного декларирования, использования наднациональных и национальных порталов органов власти:

5) создание единых информационных систем, позволяющих государственным органам использовать информацию друг друга;

6) производство выпуска 50% товаров автоматически, без вмешательства должностных лиц;

7) дифференциация участников ВЭД в зависимости от вероятности нарушения законодательства и снижение для них административных барьеров;

8) дальнейшее упрощение таможенных формальностей для физических лиц и др. [7].

Поставленные цели и задачи в системе государственного управления в области таможенного дела достигаются благодаря реализации различных мероприятий экономического, правового, организационного характера, проводимых органами государственного управления, уполномоченными в области таможенного дела, и выражающих интересы Таможенного союза в целом и каждой страны в отдельности.

Анализ содержания таможенного дела позволяет выделить следующие присущие ему особенности:

– специфика методов и средств непосредственно связана как с таможенным законодательством, так и с законодательством о государственном регулировании внешнеторговой деятельности;

– органы исполнительной власти не вправе вмешиваться и устанавливать ограничения, не предусмотренные таможенным законодательством, вне зависимости от того, кто осуществляет перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу;

– все действия проводятся на основании документов, соответствующих требованиям таможенного законодательства;

– в установленных законодательством случаях применяются методы и средства таможенно-тарифного регулирования и запреты и ограничения (нетарифные ограничения);

– деятельность регулируется на двух уровнях – надгосударственном (ТК ТС) и национальном (Закон о таможенном регулировании, КоАП РФ, УК РФ и др.).

Таким образом, таможенное дело представляет собой сложную, многогранную управленческую категорию, охватывающую как таможенную деятельность, так и методы и средства ее регулирования. Управление таможенным делом в Таможенном союзе осуществляется специально созданными надгосударственными органами, а на национальном уровне – системой специально созданных органов государственной власти – таможенных органов. Деятельность таможенных органов определяет таможенная политика, проводимая государством, которая охватывает множество направлений и предоставляет полномочия разного характера – координирующие деятельность самих таможенных органов и иных участников таможенных правоотношений, финансово-хозяйственные, организационного характера, повышающие эффективность деятельности таможенных органов, руководящего и распорядительного характера, а также контрольные.

Специфика государственного управления в области таможенного дела может быть отражена в следующих характерных признаках:

– совместно с осуществляющими управленческие функции государственными органами является важнейшим элементом единого механизма государственного управления, государственной власти;

– как исполнительно–распорядительная деятельность проявляется в процессе применения должностными лицами таможенных органов имеющихся у них государственно-властных полномочий;

– как подзаконная деятельность носит вторичный характер по отношению к законам, не может им противоречить и направлена на их исполнение, сочетает в себе правоприменение с правоустановлением – например, Федеральная таможенная служба России осуществляет нормативно-правовое регулирование в области таможенного дела;

– осуществляется специально созданными органами управления – таможенными органами, наделенными соответствующими государственно-властными полномочиями и действующими от имени государства;

– основано на вертикальных иерархических отношениях, характеризуемых строгой дисциплиной и подчиненностью;

– субъекты управления реализуют властные полномочия в административном, т. е. внесудебном, порядке.

Таким образом, государственное управление в области таможенного дела – это целенаправленная, планомерная, непрерывная деятельность органов государственной власти, проявляющаяся в исполнительно-распорядительном по форме и организующим по содержанию воздействии на непосредственных участников ВЭД и лиц, осуществляющих деятельность в этой области, с целью обеспечения экономических интересов страны, охраны государственной и общественной безопасности, пополнения доходной части федерального бюджета и международной экономической интеграции.

Интеграционные процессы, а также новые положения юридической науки и законодательства, позволяющие применять в процессе государственного управления принципы менеджмента качества, оказывать государственные услуги, закрепляющие механизм государственно-частного партнерства, развивающие саморегулирование бизнеса как механизм, дополняющий или заменяющий государственное вмешательство, развивают теорию таможенного дела и создают новые возможности для совершенствования государственного управления в области таможенного дела.

Список использованной литературы:

1. Таможенное право : учеб. пособие / отв. ред. О. Ю. Бакаева. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012.

2. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) (в ред. от 16 апреля 2010 г.) // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

3. О таможенном регулировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2013 г.) // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252 ; 2013. № 51. Ст. 6682.

4. *Бакаева О. Ю., Матвиенко Г. В.* Таможенное право России : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М., 2003.

5. *Ноздрачев А. Ф.* Административная организация таможенного дела : учеб.-практич. пособие. М., 2005.

6. *Пансков В. Г., Федоткин В. В.* Таможенное регулирование внешнеторговой деятельности в России : учеб.-метод. пособие. М., 2008.

7. Основные направления совершенствования таможенного администрирования в Таможенном союзе в 2012–2015 годах // СПС «КонсультантПлюс».

К. А. Минаев

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИНЦИП ВВЕДЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД

В этом юбилейном для Основного Закона страны году в ознаменование данного события проводится большое количество научных мероприятий разного уровня. Тематика докладов участников – самая обширная. Безусловно, одним из самых важных направлений является освещение проблематики обеспечения конституционно гарантированных, по сути, основных прав и свобод человека и гражданина. В условиях формирования институтов правового государства (являющегося для нашей страны целью) это объяснимо и вполне оправданно. И, тем не менее, «наиболее полное обеспечение» свобод и интересов конкретного субъекта права имеет свои границы. Права одного субъекта могут быть ограничены иными правами другого (при условии, что эти права обратно пропорциональны). Кроме того, права и свободы диалектически связаны с взаимокореллирующими им обязанностями. Если этот баланс нарушается, говорить о равноправии, а значит, и о формировании и развитии правового государства не придется. Следовательно, ограничение прав и свобод, наряду с механизмом их обеспечения, способствует правовому развитию и совершенствованию общества и государства.

В теории права под правовыми ограничениями в наиболее общей интерпретации этой категории следует понимать инструмент механизма правового регулирования, характеризующий конкретное изъятие из правового статуса человека и гражданина при необходимости упорядочения общественных отношений и недопущения произвола со стороны управомоченного лица по отношению к другим субъектам правоотношений. Ограничение прав, свобод и законных интересов является необходимым инструментом реализации общественного порядка, позволяет поддерживать баланс прав и обязанностей различных субъектов. Однако подобное ограничение должно иметь юридически закрепленный характер. В противном случае оно может быть представлено как необоснованное ущемление индивидуальной свободы человека.

В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ отражена возможность ограничения федеральным законом основных прав и свобод человека и гражданина в качестве исключительной меры, которая может быть применена в строго предусмотренных для ее введения целях (среди них защита конституционного строя, здоровья, нравственности, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности нашего государства) [1]. Таким образом, законодатель говорит об обязательности законодательного закрепления ограничений. Все вводимые ограничения должны быть отражены в законе федерального уровня. Следовательно, их принятие должно соответствовать всем принципам правотворческого процесса – демократизму и гласности, законности, профессионализму, легитимности (одобрению населением) вводимых норм и т. д. Кроме того, введение ограничений должно соотноситься с другими легально закрепленными нормами и иметь строго целевой характер. К тому же ограничения являются, по сути, исключительной мерой (этот принцип относится уже не столько к законотворчеству, сколько к правоприменению).

В виду вышесказанного ограничение прав и свобод должноы быть: легитимировано (т. е. выражать консолидированное мнение тех субъектов, кого оно касается), законно (соответствовать общеправовому принципу и процедуре законности) и легально закреплено (установлено) в нормативно-правовом акте. В этом свете мнение М. Л. Давыдовой, которая говорит всего о двух необходимых (с точки зрения юриди-

ческой техники) условиях введения ограничений – правомерности и законности, – представляется слишком «утрированным» [2].

Применяя определение юридической легализации, данное А. Н. Коневым [3, с. 10], изменяя и дополняя его применительно к рассматриваемому предмету исследования, можно констатировать, что юридическая легализация представляет собой акт волеизъявления уполномоченного на то субъекта, прежде всего, правотворческой деятельности, закрепляющий результат проведенной процедуры признания правомерности ограничения прав и свобод.

Понятие легализации подразумевает процесс законодательного закрепления, в частности, ограничения прав и свобод. Думается, что при этом легальность – результат такого процесса. Достаточно близкими по содержанию к этим понятиям являются категории легитимации и соответствующей ей легитимности, а также законности.

Стоит отметить, что в отечественной и зарубежной юридической литературе (как учебной, так и научной) проблема соотношения легитимации и легализации поднималась не раз. В наиболее общем виде легализация – сугубо юридическая категория, подразумевающая законодательное установление. Легитимация же предполагает не столько совокупность юридических процедур, сколько социальное признание, одобрение обществом происходящих процессов в праве, политике, экономике и других сферах жизни этого общества. Стоит согласиться с мнением В. Е. Чиркина, что легитимация, как правило, включает процесс юридической легализации, но легитимность, однако, может противоречить легальности [4, с. 66]. Легитимность добровольна, легальность же носит императивный характер. Для нее не так важно общественное одобрение. Однако легализация является, по сути, характеристикой законодательного процесса, результатом которого выступает создание, изменение или отмена норм права. Право, являясь, с одной стороны, формальной совокупностью юридических норм, в свою очередь, в своей содержательной характеристике должно отвечать принципу выражения консолидированного мнения общества, т. е. выражать волю конкретных классов, социальных групп, слоев и иных социальных организаций. Вопрос о консолидации достаточно актуален и может вывести нас на совершенно другую проблему – общественного интереса. Но с другой стороны, право и, в еще большей степени, рассматриваемые в контексте нашего исследования правовые ограничения вряд ли могут отвечать интересам всего общества, а тем более интересам тех субъектов, чья индивидуальная свобода ограничивается. Дело в том, что легитимность – весьма относительное понятие. Не зря один из ведущих немецких социологов, философов и правоведов Н. Луман говорил о том, что термин «легитимация» «позволяет сводить к минимуму все сложности перенасыщенного альтернативного бытия» [5, с. 88]. Но, тем не менее, говорить о том, что легитимность – квазиюридическая и псевдонаучная категория, опрометчиво. Следуя подобной логике, можно прийти к заключению о том, что легитимности вообще не существует. Дело все в том, что категория легитимности (впрочем, как и многие другие категории гуманитарных наук) носит субъективный, интерпретационный характер и оспаривать ее существование крайне неверно, ведь так или иначе, но право всегда выражает интерес какой-либо социальной группы, а следовательно, является легитимным. В отличие от легитимности легальность – объективно существующая категория. Более того, можно согласиться с мнением Ю. А. Иванченко, высказанным по поводу соотношения этих понятий, согласно которому легализация является необходимой правовой составляющей процесса легитимации [6, с. 27].

Не стоит отождествлять и понятие законности с юридической легализацией. Теория законности, весомый вклад в которую внесли Н. Г. Александров, М. И. Байтин, С. Н. Братусь, А. Б. Лисюткин, Е. А. Лукашева, М. С. Строгович, Ю. А. Тихомиров

и другие именитые авторы, состоит в том, что законность как фундаментальную междисциплинарную категорию нужно понимать в нескольких аспектах: во-первых, как принцип поведения всех участников общественных отношений, заключающийся в требовании к соблюдению и исполнению норм права всеми участниками правоотношений, во-вторых, как принцип деятельности всех ветвей государственной власти и, в-третьих, как правовой режим [7, с. 67–68; 8, с. 115; 9, с. 70–71]. Таким образом, понятие законности, помимо формальной необходимости закрепления нормами права определенных предписаний (в том числе и ограничения прав и свобод), предполагает соответствующую ее принципам реализацию правовых норм всеми участниками правоотношений. В этом свете законность можно определить и как установленное законодателем требование, и как процесс. Юридическую легализацию при этом можно представить как процесс законодательного закрепления в норме определенных установлений, основанный в том числе и на принципе законности. А легальность будет выступать, во-первых, результатом юридической легализации и, во-вторых, одним из необходимых элементов формальной стороны законности.

На основании всего вышесказанного нужно признать, что легализация в праве (и особенно это касается введения ограничения прав и свобод) должна быть, во-первых, поддержана легитимизацией (легальность должна быть частью легитимности) и, во-вторых, осуществляться на основе принципа законности. Стоит согласиться с мнением профессора И. А. Исаева, который, говоря о соотношении этих категорий в контексте политической власти, отметил: «Легальность власти еще не означает ее законности, если при этом не учитывается индивидуальность и если ее предписания абстрактны и ни к кому не обращены; легальность же, поддержанная легитимизацией через посредство признания, похоже, может рассчитывать уже на большую значимость и долговечность» [10, с. 2].

Таким образом, легализация (сопряженная с легитимностью и законностью) – это не только принцип, но и одно из условий введения правовых ограничений. Понимание легальности только как фактической законодательной установки, фиксации властных императивов в законе (особенно в контексте правовых ограничений) приводит к умышленному сужению этой категории. Если устанавливаемые ограничения не признаны населением, они могут привести к самым тяжелым для государства последствиям вплоть до открытых революционных выступлений и гражданских войн. Ровно к таким же последствиям могут привести ограничения, не основанные на общем принципе законности. Принудительность тоже должна иметь свои пределы. Именно характеристика законности позволяет говорить об исключительности и целевом характере подобных ограничений, и именно она позволяет отграничить ограничение от ущемления, о чем уже говорилось ранее.

Исходя из этого мы видим немалую роль правосознания и правовой культуры при введении ограничения прав, свобод и законных интересов. Также ограничения имеют соотношение с концепцией реализации и действия права, толкованием юридических норм, юридической практикой и т. д. На основании всего изложенного можно сделать вывод о немалом потенциале выбранной темы, которая открывает широкое поле для научных исследований в будущем.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445 ; Парламентская газета. 2009. № 4. 23–29 янв.

2. *Давыдова М. Л.* «Средства юридической техники и проблема ограничения прав и свобод человека» // Официальный сайт журнала «Юриспруденция». URL: http://pravorggu.ru/2010_18/davydova_7.shtml (дата обращения: 12.12.2013).

3. *Конев А. Н.* Юридическая легализация (теория, практика, техника) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2012.

4. *Чиркин В. Е.* Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8.

5. *Луман Н.* Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2001.

6. *Иванченко Ю. А.* Интерпретации понятия правовой легитимации в юридической теории // История государства и права, 2010. № 4.

7. *Александров Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе М., 1955.

8. *Он же.* Социалистическая законность // Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.

9. *Байтин М. И.* К уточнению понятия законности / колл. монография «К 100-летию со дня рождения профессора Н. Г. Александрова». М., 2008.

10. *Исаев И. А.* Легитимность и легальность в конституционном процессе // История государства и права. 2012. № 6.

А. Е. Михайлов

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КОНСТИТУЦИИ РФ[5]

В 2013 году страна отмечала 20-летие Конституции России. 12 декабря 1993 года Основной Закон был принят всенародным голосованием, этот день объявлен государственным праздником. Круглая дата – хороший повод привлечь внимание к Основному Закону страны, точно понимать ее место и роль в истории и современной жизни и как следствие этого, по-настоящему знать и уважать Конституцию.

В целом в отрыве от факторов историзма в развитии правовой культуры общества, т. е. без изучения и оценки предшествующего опыта развития страны, невозможны поиски форм и институтов, соответствующих современному состоянию российской государственности [1, с. 5]. Рецепция наиболее рациональных, оправдавших себя институтов и элементов государственности, выработанных мировым сообществом, а также наследование и восприятие достижений прошлого не только могут, но и неизбежно должны включать формирование новой российской государственности [2, с. 21]. По нашему мнению, насколько они способствуют возрождению России – это единственный критерий оценки их полезности и целесообразности.

Следует признать, что к возникновению нового независимого государства – Российской Федерации – привел процесс суверенизации России и демократизации ее государственной власти, начавшийся в стране в июне 1990 года. Другими словами, к возникновению независимой России привела в процессе своей реализации идея экономического суверенитета. Следующим фактором стала демократизация системы государственной власти, а именно: выделение и укрепление исполнительной ветви власти; обновление судебной системы и создание органа конституционного контроля; возникновение и дальнейшее развитие федеративных отношений; преобразование местных советов в органы местного самоуправления и утверждение местного самоуправления как особого типа народовластия; создание собственных государственных институтов, например собственной армии, правоохранительных органов, таких элементов, как налоговая, банковская, финансовая, бюджетная системы, и пр. Все это было заложено в этот период.

Между тем обстановка в стране требовала срочного принятия мер по консолидации и стабилизации общества, поскольку история России в рассмотренный период

[5] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-03-00352.

наполнена драматическими событиями – преобразованием из унитарного государства в федеративное, институциональным и политическим кризисом, двумя государственными переворотами и несколькими попытками свержения власти, вооруженным противостоянием властей, борьбой за экономический суверенитет, приведшей к независимости, провозглашением составными частями России суверенитета и предпосылкми к распаду России подобно СССР, а также многими другими событиями. Страну раздражал «либеральный беспредел» и хаос, люди хотели знать, куда их намерены вести правящая элита и реформаторы России. Венцом этих процессов, закрепивших демократические завоевания начала 90-х годов XX века, стало принятие нового, одного из самых демократических в мире актов высшей юридической силы – Конституции РФ.

При этом Конституция принималась в момент глубочайшего общественного раскола и даже эпизода гражданской войны в октябре 1993 года. Она не была плодом общественного договора, согласия, поэтому авторы Конституции России имели, на наш взгляд, только один выход – написать документ в значительной мере процедурный, содержащий решения типовых политических ситуаций, которые не зависят от фамилий. Поэтому в какой-то мере может даже меняться политический режим в стране, но процедура остается [3, с. 8]. Таким образом, в течение 1990–1993 годов Россия прошла нелегкий путь от союзной республики до суверенного государства с демократической Конституцией.

Анализ Основного Закона РФ показывает, что с декабря 1993 года в России был взят курс на формирование гражданского общества с социально-правовой и демократической государственностью и тем самым в общем цивилизационном русле мирового развития определен ее путь в будущее. Однако путь трансформации социалистического общества в гражданское с идейно-политическим плюрализмом и рыночной экономикой весьма своеобразен и сложен. Он не укладывается в рамки западных моделей «эволюционного постиндустриализма», но тяготеет к социологической схеме «запаздывающей модернизации» [4, с. 4]. В этой ситуации в расчете на активизацию человеческого фактора и интеграцию социокультурного потенциала страны была сделана ставка на опережающую институализацию социально-правовой государственности. Сегодня следует признать, что она не получила развернутого концептуального обоснования. Считаем, что новый статус российской государственности может быть идентифицирован как система нормативно-ценностных императивов, определяющих социальную динамику и вектор жизнедеятельности народа, а также выражающих его солидарные интересы и волю. Речь идет о таких императивах, как, например, приоритет прав и свобод человека и гражданина, народовластие, разделение властей, суверенитет и территориальная целостность страны, федерализм, экономический либерализм, законность и др. Все они взаимообусловлены и неразрывно связаны, объективно представляя собой целостную систему. При этом в Конституции страны главной целью государственной политики провозглашено создание условий для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека (ст. 7 Конституции РФ). Следовательно, на уровне мировых стандартов конституированы права и свободы человека и гражданина, механизмы их реализации и защиты. В целом принятие импонирующей народу демократической Конституции оказало позитивное воздействие на стабилизацию ситуации в российском обществе.

Имевшие место в России в начале 90-х годов XX века процессы дезинтеграции и децентрализации тесно связаны с современными тенденциями деятельности публичной власти, которая способна не только на позитивные действия, создающие благоприятные условия для развития общества, но и на различные негативные действия и злоупотребления. Этот исторический факт не раз уже доказала юридическая прак-

тика. В этой связи для решения одной из центральных задач современного этапа развития России – построения правового гражданского общества – реальным способом повысить эффективность реализации властных полномочий в настоящее время является ограничение публичной власти. Однако применялись и применяются правовые средства ограничения в отношении государства, его органов и должностных лиц пока не системно [5].

В этом смысле весьма интересен не утративший актуальности прогноз, сделанный в 1920 году одним из американских исследователей: «Россия является великой цивилизованной страной. В пределах своих границ она обладает несравненными по богатству и разнообразию ресурсами … Возможно, самой большой проблемой России в будущем станет ее неспособность к организации. Во всей многотомной массе дискуссий о русских делах доминирующей нотой является следующая короткая фраза: „Русский народ страдает отсутствием способности к эффективной организации”» [6, с. 205]. По нашему мнению, в России начала XXI века организационные риски проявляются не только в неспособности публичной власти найти оптимальное соотношение между рынком и государственным регулированием, но и в коррумпированности аппарата управления, провоцирующей его криминализацию. Но, тем не менее, мы считает, что у высшей государственной власти России сегодня есть твердая уверенность, что с этим нужно покончить.

В целях обеспечения принципа единства системы государственной власти предлагаем разработать Концепцию взаимоотношений федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Федерации, в том числе четкий механизм назначения и выборности глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. При этом представляется необходимой корректировка положений Конституции РФ и отдельных законодательных актов в части регулирования вопросов федеративного устройства и федеративных отношений, перераспределения полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти с сохранением в целом концепции президентской республики в России и повышением уровня политической и юридической ответственности высших должностных лиц. В связи с исследованием юридических средств ограничения деятельности публичной власти поддерживаем предложение по совершенствованию правового регулирования рассматриваемой проблемы посредством принятия федерального конституционного закона «Об общих принципах организации государственных органов Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований» в целях создания правовых, организационных и функциональных основ их деятельности, а также совершенствования системы контроля и надзора в механизме современного Российского государства [7, с. 7].

Учитывая, что основные закономерности реализации целей и задач современного государства связаны с четко разделенными полномочиями и пределами компетенции его органов, с их системой и механизмом эффективного взаимодействия и проявляются в соответствующих видах деятельности, считаем необходимым продолжение научных исследований и предлагаем разработать Концепцию дальнейшего государственного развития России, содержащую стратегические направления функционирования современного Российского государства – пределы деятельности государственной власти, вопросы укрепления суверенитета, федеративного устройства и становления сбалансированной системы публичной власти. При этом функцию национальной безопасности следует признать одной из основных государственных функций по мере экономического развития России и укрепления ее как полноправного участника международных отношений.

Исходя из проанализированных общенаучных, теоретических и правовых по-

ложений и выводов представляется обоснованным выделить три основных направления в формировании тенденций ограничения публичной власти в современной России: 1) главного – деятельности гражданского общества как сообщества экономически и политически свободных индивидов, активно пользующихся механизмом самоуправления и результативно использующих правовые и иные формы социального контроля государства; 2) самоограничения публичной власти и 3) ограничивающих средств в общепризнанных нормах и принципах международного права. В частности, можно определить такие средства ограничения публичной власти, как повышение уровня правовой культуры общества и правового воспитания граждан; принятие нормативных правовых актов, определяющих статус государственных и муниципальных служащих, путем референдума; создание государственного органа, контролирующего деятельность чиновников, заменив Управление Президента РФ по вопросам противодействия коррупции; использование современных электронных, интерактивных и технических средств для контроля деятельности отдельных категорий государственных служащих, а также для связи с общественностью; формирование системы ответственности должностных лиц; ротация управленческих кадров; оптимизация кадрового состава органов государственной власти и др. Таким образом, государству, чтобы повысить доверие граждан к себе, следует привлекать общественные организации к полноценному сотрудничеству при решении проблемы ограничения публичной власти. Это реальный шанс на формирование Концепции правовых ограничений публичной власти в современной России.

Подводя краткий итог вышеизложенного исследования, можно сделать вывод, что необходимо использовать ограничивающие средства как единое целостное множество элементов, учитывая в совокупности отношения и связи между ними, поскольку это позволяет нам использовать системный метод, анализируя вопрос юридических средств ограничения деятельности публичной власти [5]. Чтобы обеспечить защиту гражданского общества и гарантировать режим законности в стране, в законодательстве России нужно сформировать именно систему ограничения государственной власти по достижению поставленной цели – противостоять негативным деяниям чиновников, таким как бюрократизм, коррупция, злоупотребление правом и др. На рубеже 20-летия Конституции РФ, исследуя вопросы ее эффективности и перспективного реформирования, мы уверены, что Конституцией России надо научиться пользоваться и не менять ее, но совершенствовать с помощью Конституционного суда РФ и законов.

Список использованной литературы:

1. *Морозова Л. А.* Современная российская государственность : Проблемы теории и практики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1998.

2. *Гуледани И. Н.* Исторические условия и особенности развития российской государственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

3. *Шахрай С. М.* Госслужбу не признали форс-мажором / / РГ-Неделя. 2012. 22 нояб.

4. *Плешаков А. П.* Современная российская государственность : Социальный статус, нормативно-ценностные императивы и легитимация : автореф. дис. … д-ра социол. наук. Саратов, 2002.

5. *Малько А. В.*, *Вырлеева-Балаева О. С.* Правовые ограничения государственной власти : понятие и система / / Конституционное и муниципальное право. Москва : ИГ «Юрист». 2010. № 10.

6. *Уткин А. И.* Россия и Запад : история цивилизаций. М. : Гардарики, 2000.

7. *Светозаров А. В.* Правовые проблемы становления и развития современного Российского государства (1990–1993 гг.) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

В. В. Назаров

ИДЕИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ М. М. СПЕРАНСКОГО

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) принадлежит к числу выдающихся реформаторов и государственных деятелей России первой трети XIX века. Задачи модернизации феодально-крепостнического государства он видел в создании конституции, парламента, формировании гражданского общества.

Составленные им «Введение к уложению государственных законов» и ряд других документов содержали программу реформирования системы государственного управления Российской империей. Предполагалось перестроить государственно-политическую систему на основании принципов законности, конституционности, разделения властей, выборности представительных учреждений на всех уровнях [4].

Как уже было отмечено, в основу государственного устройства М. М. Сперанский положил принцип разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной. Деятельность всей властной вертикали должна была осуществляться исключительно в рамках закона. Предполагалось создание представительных органов на нескольких уровнях во главе с Государственной думой.

Особую функцию выполнял Государственный совет, члены которого назначались лично царем. Мнение Государственного совета, утвержденное императором, имело силу закона. При возникновении разногласий решающее слово оставалось за главой государства. Вступление в силу законов должно было происходить только после обсуждения в Государственной думе и Государственном совете [2].

В первой четверти XIX века возможность преобразования России из абсолютной монархии в конституционную была вполне реальна. Своеобразным «пилотным проектом» было введение конституции в Польше, планировалось оно и в Финляндии. Император Александр I и его ближайшее окружение были воспитаны в либеральных традициях. Идеи конституции, гражданских прав и свобод получили широкое распространение в образованной части российского общества.

Основная заслуга М. М. Сперанского состоит в том, что он сумел при неопределенности задачи, поставленной перед ним императором, предложить целостный систематизированный проект конституционных преобразований. Одним человеком был проделан огромный объем работы, фактически заново была разработана система высшего государственного управления империей. Проекты М. М. Сперанского опираются на глубокие теоретические знания, они тесно связаны с современными ему научными достижениями в области политических и правовых наук [3, с. 11–12].

К сожалению, процесс формирования конституционализма был прерван. Среди причин свертывания реформ можно назвать отсутствие четких представлений в российском обществе о конституции, распространение абсолютистских традиций, недостаток политической воли у высшего руководства страны.

Александр I испытывал серьезное влияние придворного окружения, в том числе членов императорской семьи, выступавших противниками радикальных преобразований. Против М. М. Сперанского объединились все консервативные силы, способные оказать влияние на ход реформ. Высшие слои дворянства выступали против наделения крепостных крестьян гражданскими правами, ярым противником реформатора был фаворит Александра I А. А. Аракчеев.

В определенной степени на судьбу реформ повлияла «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, которая заставила императора усомниться в правильности избранного им пути [1]. Большое значение имели изменения во внешней поли-

тике России – обострение отношений с Францией, подготовка к возможной войне. В сложившейся ситуации либеральные взгляды М. М. Сперанского воспринимались некоторыми вельможами как антигосударственные. В марте 1812 года он был отстранен от дел и отправлен в ссылку.

Таким образом, проекты М. М. Сперанского являются одной из первых серьезных попыток внедрения основ конституционного строя, гражданственности и прав человека в условиях российского абсолютизма. В случае успешной реализации рассмотренных проектов в России сложились бы условия для становления гражданского общества и правового государства. Концепция реформ М. М. Сперанского была результатом стратегически и тактически продуманного плана постепенного внедрения основ конституционализма.

Список использованной литературы:

1. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm (дата обращения: 25.01.2014).

2. *Карнаушенко Л. В.* Проблемы управления Российской империей в конституционных проектах начала XIX века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 3. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-upravleniya-rossiyskoy-imperiey-v-konstitutsionnyh-proektah-nachala-xix-veka (дата обращения: 25.01.2014).

3. *Пустовалов А. Р.* Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX – начала XX веков : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

4. *Сперанский М. М.* Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования). URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm (дата обращения: 25.01.2014).

5. *Чибикеев С. М.* Политические идеи и проекты М. М. Сперанского в контексте истории российских реформ : автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2009.

И. В. Назарова

КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА : МУКИ РОЖДЕНИЯ И ОПЫТ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

А. С. Пушкин. Ода «Вольность».

История создания Конституции нового Российского государства началась 16 июня 1990 года, когда I Съездом народных депутатов РСФСР было принято Постановление об образовании Конституционной комиссии для разработки нового Основного Закона РФ. Членами данной комиссии стали депутаты от разных фракций, а также авторитетные юристы. Проект широко обсуждался в средствах массовой информации и в целом был одобрен Президентом.

В 1992 году в результате обострившейся борьбы за власть между Президентом и руководством Верховного Совета РСФСР, стремившимся использовать проект Конституции в своих интересах, весь ход конституционной реформы был нарушен [1, с. 207].

Интересы Президента представляло Конституционное совещание, которое занималось доработкой «президентского проекта» (его авторы С. Алексеев и С. Шахрай), прошедшего широкое обсуждение и получившего массу различных откликов и предложений, многие из которых рабочая группа сочла конструктивными и попыталась реализовать в последующих вариантах текста. К концу 1992 года имел

место эклектичный компромиссный текст, во многих своих нормах менее точный, политически менее прогрессивный, чем первоначальные варианты [2].

Конституционное совещание, в состав которого вошли представители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, политических партий и общественных организаций, принялось за доработку президентского проекта. По словам участников Конституционного совещания, «процентов на 30, а то и на 40 нынешняя Конституция – плод интеграции» [3, с. 25]. 12 июля 1993 года проект Конституционного совещания был одобрен Президентом РФ.

Конституционная комиссия работала над доработкой своего проекта Конституции одновременно с Конституционным совещанием. Оба готовых проекта были отправлены в регионы для согласования. Неожиданным итогом стало то, что большинство регионов поддержало проект Конституционной комиссии.

Противостояние Б. Н. Ельцина и Конституционной комиссии приняло серьезный оборот, президентом были применены силовые методы, привлечены войска. Парламент был вынужден капитулировать.

Президент Б. Н. Ельцин, сконцентрировав в своих руках всю полноту государственной власти, 15 октября 1993 года издал указ «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации», которым назначил голосование на 12 декабря 1993 года. В этот же день прошли выборы депутатов федерального парламента.

На референдуме Конституция получила требуемое большинство голосов. В голосовании приняло участие 54,8% зарегистрированных избирателей. За принятие Конституции России проголосовало 32 927 630 избирателей (58,4%), против – 23 431 333 человека (41,6%). Таким образом, фактически за Конституцию проголосовало меньше трети всех зарегистрированных избирателей [4, с. 5]. Вскоре после референдума все его материалы по приказу из Кремля были уничтожены [5, с. 11].

Несмотря на сомнения в легитимности Конституции, она, тем не менее, стала фактором стабилизации общества, нацеленности его на демократические преобразования, системообразующим началом в развитии российской государственной и правовой системы. «На основе Конституции страна сумела пройти и не ввергнуться в хаос нескончаемых конфликтов регионов, властей, идеологий» [6, с. 115]. В связи с этим, на наш взгляд, следует различать легитимность процесса принятия Конституции РФ 1993 года и легитимность ее существования.

Так, по словам С. Шахрая, принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации «стала своего рода планом и одновременно – инструментом строительства новой России» [7, с. 6]. По его мнению, Основной Закон РФ выступает не только как правовой документ, но и как система мировоззрения, как логически структурированный свод принципов и представлений о том, какой должна быть наша страна.

Уже сама преамбула Конституции содержит «заряд идеологической силы», объединяющий многонациональный народ Российской Федерации, говорящий о его общей судьбе, незыблемости традиций, стремлении к единству, процветанию и благополучию России [8, с. 3].

По сути, в первых двух главах Конституции изложены идеи, которые определяют новые, демократические принципы развития России, формулируют новые для нашей страны демократические ценности, которые еще должны осмысливаться россиянами. В качестве новой «национальной идеи» Конституция предлагает целый комплекс прав и свобод граждан – это признание высшей ценностью человека, его прав и свобод, ответственность граждан за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями, это гражданский мир и согласие, семейные ценности и др.

Согласно Конституции, система отношений государства и общества впервые в истории нашей страны построена на идеях гуманизма и прав человека. Статья 2 Конституции РФ вменяет в обязанность государству признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека. Однако в связи с этим возникает вопрос о границах «вседозволенности», особенно с точки зрения морально-нравственной составляющей нашего общества. И здесь государству необходимо быть очень бдительным, чтобы свобода не стала двигателем дестабилизации и криминализации общества (свобода на растление, «учинение разборок» и т. д.).

По мнению некоторых экспертов-правоведов, ст. 13 Конституции, которая провозглашает идеологическое многообразие в Российской Федерации, означает не что иное как запрет Российскому государству иметь государственную идею, тогда как идеология (национальная идея) выполняет функцию интеграции общества на основе единых ценностей и норм, обосновывает их как оптимальные для общества. Помнению В. И. Якунина, «компилированный посредством обращения к западной конституционной традиции основной закон России не отразил в должной мере ее цивилизационной и культурно-исторической специфики» [9].

Несмотря на различные замечания, Конституция Российской Федерации 1993 года, на наш взгляд, достаточно удачно сближает правовые и морально-нравственные основы жизни россиян. Так, в Конституции закреплены естественные права граждан на жизнь (ст. 20), охрану человеческого достоинства (ст. 21), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), защиту чести и доброго имени (ст. 23), свободу мысли и слова (ст. 29) [8].

Конституцией, исходя из многонационального состава Российской Федерации, провозглашается толерантное взаимодействие всех граждан.

Особое место в Конституции занимает идея строительства социального государства, в котором под его защитой находятся материнство и детство (ст. 38), гарантируются государственные пенсии и социальные пособия, работают различные формы социального обеспечения и благотворительность (ст. 39), способствующие консолидации общества на нравственных основаниях милосердия и взаимопомощи.

Конституционная модель российской экономики призвана соответствовать модели всеобщего благосостояния. Согласно ч. 1 ст. 7 Конституции РФ о социальном характере государства, оно обязано построить такую систему распределения общественного богатства, которое обеспечит каждому гражданину достойную жизнь и свободное развитие. Однако для позитивного развития государства в интересах общества в целом, по мнению ряда исследователей (В. А. Мау, В. И. Лафитский и др.), необходимо соблюдать баланс между целями достижения социальной справедливости и обеспечением стимулов для развития экономики.

В числе важных элементов «национальной идеи», присутствующих в Конституции, следует назвать такие, как право граждан на охрану здоровья (ст. 41) и образование (ст. 43). Разрабатываемые федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, повышения качества образования (разработка новых стандартов, критериев оценки образовательных программ, эффективности деятельности вузов и т. д.) призваны не допустить ослабления России, обеспечить ее безопасность и конкурентоспособность. Однако по-прежнему животрепещущими остаются вопросы о качестве и оперативности «бесплатного» оказания медицинской помощи, качестве и «жизнеспособности» предоставления образовательных услуг, «полезности» осуществляемых реформ.

Важным нравственно-правовым достижением Конституции Российской Федерации являются провозглашение равенства граждан перед законом и судом (ст. 19), гарантированная защита прав и свобод граждан, презумпция невиновности (ст. 49).

Важное место в Конституции РФ принадлежит формированию у граждан Российской Федерации чувства патриотизма посредством необходимости исполнения долга по защите Отечества (ст. 59), охране окружающей среды и бережному отношению к природным богатствам (ст. 58).

Следует отметить, что впервые в нашей истории Конституция, взявшая за основу естественные права человека, формулирует пределы государства, устанавливает принцип разделения властей, систему сдержек и противовесов, служащих взаимоконтролю всех ветвей власти. Опираясь на традиционную для России идею «сильной власти», Конституция в качестве «несущей стены» всего государственного здания представляет институты президентства и конституционного правосудия, выполняющие в государстве прежде всего охранительную функцию.

Основной Закон России, выдержав проверку временем, в целом продемонстрировал жизнестойкость в сравнении с конституционными актами, принятыми в иных странах в периоды революционных потрясений.

Многие исследователи говорят также о креативных возможностях действующей Конституции РФ. Так, по словам С. Шахрая, никто даже из критиков Конституции не возражает против разделения властей, разнообразия форм собственности, федеративного, социального характера государства, против основных прав и свобод человека и гражданина. Остаются гипотетические разногласия по механизму власти, что, на наш взгляд, не является причиной для замены Конституции. Сегодня в успешно развивающихся демократиях адаптивность правовой системы сочетается с неизменностью действующей Конституции [7]. Это касается и изменения механизма формирования Совета Федерации (переход к выборности членов Совета Федерации), и возможности реализации модели правительства парламентского большинства, образования союзного государства (ст. 79), объединения Верховного и Арбитражного суда и многое другое.

По сути, Конституция 1993 года представляет собой некую модель, способную «работать» даже в ситуации конкуренции мировоззрений разных политических сил и недостатка правовой культуры как в обществе в целом, так и среди элит. Поэтому сегодня можно следовать политической повестке, не покушаясь на конституционные основы государства. По-нашему мнению, многие провозглашенные в Конституции положения еще не осмыслены, а потому в полной мере не реализованы.

Для их реализации необходимы как повышение уровня правовой культуры российских граждан, укрепление их правосознания, так и понимание властью главного назначения Конституции – быть правовой основой и «совестью» государства.

Список использованной литературы:

1. *Лафитский В. И.* Поэзия права : страницы правотворчества от древности до наших дней. М. : Издание г-на М. Ю. Тихомирова, 2003.

2. *Александрова М. А.* История создания Конституции РФ. URL: http://www.juristlib.ru/book_7561.html (дата обращения: 12.11.2013).

3. *Васильев Ю.* От авторов. Неизвестные подробности создания Основного Закона РФ – ельцинской Конституции // Огонек. 2005. 24–30 окт.

4. Бюллетень Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1994. № 10.

5. *Авакьян С.* Конституция России : сложный юбилей // Российская Федерация сегодня. 2003. № 22.

6. *Филатов С.* Живет ли Россия по Конституции? // Знамя. 2008. № 11.

7. *Шахрай С.* Общество в период изменений : опыт конституционного строительства. Публичная лекция // Государственная служба. 2013. № 2.

8. Конституция Российской Федерации : с комментариями юристов. М. : Эксмо, 2013.

9. *Якунин В. И.* Государственная идеология и национальная идея : конституционно-ценностный подход // Власть. 2007. № 3. URL: http://www.lawinrussia.ru/node/223801 (дата обращения: 03.11.2013).

Р. Л. Наумова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ТУРИСТОВ

Турист, заключая договор с туроператором на оказание ему комплекса услуг, преследует простую цель – удовлетворение личных потребностей, которые опосредуют нужды [3, с. 178]. Деятельность по оказанию услуг не только распространяется на сферу удовлетворения социальных, бытовых, духовных потребностей каждого человека, но и затрагивает его потребности в отдыхе (ч. 5 ст. 37 Конституции РФ) [5, с. 4]. При этом основной целью договора о реализации турпродукта является именно удовлетворение потребности туриста в отдыхе и связанных с ним услугах (по перевозке, размещению, питанию), т. е. обслуживании туриста во время его путешествия. И действия туроператора и привлекаемых им лиц направлены на то, чтобы на должном уровне обеспечить организацию туристской поездки, инструментом осуществления которой выступает договор о реализации турпродукта.

В отношении качества оказываемых туристских услуг можно указать следующее. Качество туристских услуг – это совокупность свойств и характеристик услуг, определяющих их способность и пригодность удовлетворять установленные или предполагаемые потребности туристов в соответствии с назначением услуг [2]. Согласно п. 5.1 ГОСТа Р 50690-2000 «Туристские услуги. Общие требования», туруслуги должны учитывать интересы туристов, быть безопасными для жизни, здоровья туристов и соответствовать требованиям иных стандартов. В п. 4.2 ГОСТа Р 50644-2009 «Туристские услуги. Требования по обеспечении безопасности» [1] указывается, что безопасность туристов при совершении путешествия, помимо жизни, здоровья и имущества, распространяется на их личную неприкосновенность, включая физическое (телесное) и психическое (моральное) состояние, а также частную жизнь. Личная безопасность туриста – это состояние отсутствия риска, связанного с причинением либо угрозой причинения вреда туристу или отдельным объектам его личной безопасности вследствие недостатков оказываемых услуг [4, с. 18].

Таким образом, качество туристских услуг – это совокупность их свойств и характеристик (определенный набор признаков), которые способствуют удовлетворению потребности туриста в отдыхе, безопасны для его жизни и здоровья.

В соответствии с п. 2 ст. 74 Конституции РФ ограничение перемещения товаров и услуг может вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей. Поэтому условие о безопасности туриста тесно примыкает к условию о качестве договора. Условие о безопасности туриста в числе существенных законом не указано, но можно предположить, что оно входит в раздел об ответственности в договоре о реализации турпродукта.

Е. Л. Писаревский указывает, что юридические обязанности по обеспечению личной безопасности туристов несут организации туристкой индустрии [4, с. 22], следовательно, они могут указывать в договоре с туристом условие о его безопасности и ее гарантии. Статья 11 Федерального закона от 30.03.1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» также регламентирует обязанность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц обеспечивать безопасность оказываемых услуг для здоровья человека.

Подробно безопасность туризма регулирует также гл. VII закона «О туристской деятельности». В ней, в частности, отмечено, что при заключении договора туроператор обязан проинформировать туриста о правилах пребывания в стране (месте) временного пребывания, опасностях, с которыми турист может столкнуться во

время путешествия, сообщить ему адреса дипломатических представительств и консульских учреждений России, рассказать о национальных и религиозных особенностях страны (места) временного пребывания и предупредить о профилактике инфекционных заболеваний, если в стране (месте) временного пребывания турист могут подвергнуться риску заражения.

Необходимо также учесть, что право граждан на получение информации о санитарно-эпидемиологической обстановке в стране пребывания также основано на нормах ст. 8 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и п. 8 Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 11 мая 2007 года № 27 «О реализации международных медико-санитарных правил (2005)», в котором юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим туроператорскую и турагентскую деятельность, предписывается при организации зарубежных туристических поездок информировать граждан о риске, связанном с болезнями, ассоциируемыми с чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения и имеющими международное значение.

Список использованной литературы:

1. ГОСТ Р 50644-2009 «Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности» : Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 773-ст. М. : Стандартинформ, 2010.

2. Пункт 3.16 ГОСТ Р 53522-2009. «Туристские и экскурсионные услуги. Основные положения», утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 772-ст. URL: http://nordoc.ru/doc/58-58798 (дата обращения: 4.02.2014) ; ГОСТ 15467-79 (СТ СЭВ 3519-81) ; ГОСТ 15467-79 (СТ СЭВ 3519-81) «Управление качеством продукции. Основные понятия, термины и определения», введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 26 января 1979 г. № 244. Срок введения установлен с 01.07.79 г. Переиздание (декабрь 1990 г.) с Изменением № 1, утвержденным в январе 1985 г. (ИУС 4-85) // Бесплатная библиотека стандартов и нормативов. URL: http://www.docload.ru/standart/Pages_gost/31626.html (дата обращения: 4.02.2014).

3. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. М. : Прогресс, 1993 ; *Степанов Д.* Услуги как объект гражданских прав. М. : Статут, 2005.

4. *Писаревский Е. Л.* Правовое обеспечение личной безопасности туристов // Юридический мир. 2011. № 2.

5. *Соловьев С. Л.* Договор возмездного оказания услуг в сфере туристического обслуживания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Е. С. Николаева

ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОБЪЕКТА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Согласно ст. 17 Налогового кодекса РФ, объект является одним из элементов налогообложения. В теории налогового и финансового права объект налогообложения может рассматриваться и как элемент юридического состава налога [7, с. 92]. Правоведы, выделяя объект налогообложения, часто отождествляют его с объектом налогового правоотношения или с элементом закона о налоге [9, с. 158]. Солидаризируясь с позицией Д. А. Смирнова, важно подчеркнуть, что совершенно справедливо различать объект налогообложения и объект правоотношения в силу их различной правовой природы. Это подтверждается и тем, что большинство теоретиков в области финансового и налогового права посвящают свои труды рассмотрению либо объекта налогообложения, либо объекта налогового правоотношения [7, с. 100; 4; 2, с. 235-241; 6, с. 87].

Следует отметить, что в науке финансового и налогового права существует множество мнений по поводу определения объекта налогообложения. Исследование

данного вопроса проводили С. Г. Пепеляев, А. В. Демин, Ю. А. Крохина, С. В. Запольский, А. В. Чуркин, Д. А. Смирнов и др.

«В законе о каждом налоге обязательно говорится о том, при наличии каких обстоятельств возникает обязанность уплаты. Таким основанием взимания налога (фактическим обстоятельством) может служить получение определенного дохода, прибыли, владение строением и т. п., т. е. наличие объекта налогообложения» [10, с. 60].

По мнению С. Г. Пепеляева, объект налогообложения – это те юридические факты (действия, события, состояния), которые обусловливают обязанность субъекта заплатить налог [7, с. 100]. Иного мнения придерживается А. В. Демин, который считает, что объект налогообложения – это юридические факты (действия, события, состояния), с наличием которых у налогоплательщика налоговое законодательство связывает возникновение налоговой обязанности [4, с. 216]. В свою очередь профессор Ю. А. Крохина при исследовании объекта налогообложения как элемента правового механизма налога указывает, что «объект налогообложения должен присутствовать у собственника или лица, уплачивающего соответствующий налог. Налоговым кодексом РФ обязательно должны быть установлены конкретные формы юридической связи между объектом налогообложения и лицом, обязанным уплачивать причитающиеся с этого налоги» [5, с. 54].

Следует отметить, что все приведенные определения объекта налогообложения отражают два его основных признака:

1) объект налогообложения представляет собой категорию, имеющую стоимостную, количественную или физическую характеристику;

2) объект налогообложения – условие, порождающее обязанность уплаты налога [11, с. 18].

В ст. 38 Налогового кодекса РФ закреплено, что объект налогообложения – это реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, имеющее стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога. Также в данной норме закреплено, что каждый налог имеет самостоятельный объект налогообложения. Следует указать, что «объекты всех налогов – как федеральных, так и региональных и местных – определяются исключительно федеральным законодателем. Это одна из гарантий недопущения многократного налогообложения, когда один и тот же объект облагается несколькими налогами одновременно» [2, с. 184].

Согласно мнению Е. Г. Беликова [1, с. 42], приведенное выше легальное определение объекта налогообложения с юридической точки зрения является некорректным, поскольку для законодателя «возникновение обязанности по уплате налога связывается не с „экономическим основанием” как главным критерием для установления объекта налогообложения, а с объектом, имеющим стоимостную, количественную или физическую характеристики» [1, с. 43]. К тому же к нарушению юридической техники правоведом было отнесено указание вышеназванных признаков при определении понятия объекта налогообложения. И кроме того, ст. 53 Налогового кодекса РФ также содержит указание на эти признаки, закрепляя, что налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иные характеристики объекта налогообложения. Поэтому если буквально трактовать понятие налоговой базы, получится следующее определение: налоговая база – это стоимостная, физическая или иная характеристика реализации товара (работ, услуг), имущества, прибыли, дохода, расхода или иного обстоятельства, имеющего стоимостную, количественную или физическую характеристику, с наличием которого законодательство о налогах и сборах

связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога. Из приведенного определения наглядно видно, что оно содержит тавтологию. Так, А. В. Юдинков относительно содержания дефиниции «объект налогообложения» писал: «…равнозначно утверждать, что объект налогообложения имеет налоговую базу, поскольку согласно п. 1 ст. 53 НК РФ именно налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристики объекта налогообложения. Разумеется, что объект налогообложения немыслим без налоговой базы, но это обстоятельство не может служить основанием для совмещения определений двух равнозначных элементов налогообложения» [8, с. 114].

Поэтому, во избежание подобной коллизии норм ст. 38 и ст. 53 Налогового кодекса РФ, считается целесообразным исключить из легального определения объекта налогообложения указание на его стоимостную, количественную или физическую характеристику и закрепить на законодательном уровне определение следующего содержания: «Объект налогообложения – реализация товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, расход или иное обстоятельство, с наличием которого законодательство о налогах и сборах связывает возникновение у налогоплательщика обязанности по уплате налога».

Предложенное определение дефиниции «объект налогообложения» способствует более грамотному, с юридической точки зрения, толкованию дефиниции «налоговая база».

Список использованной литературы:

1. *Беликов Е. Г.* Налогообложение, обусловленное сделками с недвижимостью : правовые проблемы. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2005.
2. *Белых С. В., Винницкий Д. В.* Налоговое право России. М., 2004.
3. *Быля А .Б., Грачева Е. Ю. и др.* Финансовое право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп /отв. ред. Е. Ю. Грачева, Г. П. Толстопятенко. М. : Проспект, 2009.
4. *Демин А. В.* Налоговое право России. Красноярск, 2006.
5. *Крохина Ю. А. и др.* Налоговое право России : учебник / отв. ред. Ю. А. Крохина. 3-е изд., испр. М. : Норма, 2010.
6. *Кучеров И. И.* Налоговое право России : курс лекций. М., 2001.
7. *Пепеляев С. Г.* Налоговое право : учебник. Москва, 2004.
8. *Слом В. И., Макаров А. М. и др.* Постатейный комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации. Ч. 1. 2-е изд., перераб. и доп. / под общей ред. В .И. Слома, А. М. Макарова. М., 2000.
9. *Смирнов Д. А.* О понятии объекта налогообложения (на примере налогов на имущество) / / Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 3 (67).
10. *Цыпкин С. Д.* Доходы государственного бюджета СССР : правовые вопросы. М., 1973.
11. *Чуркин А. В.* Объект налогообложения : правовые характеристики : учеб. пособие. М. : Юристъ, 2003.

О. М. Никулина

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ В РФ

Конституция Российской Федерации, которой исполнилось уже 20 лет, как основной правовой документ содержит не только правовые нормы, но и воспитательные принципы, основы жизнедеятельности человека и государства. Так, в десятом Послании Федеральному Собранию РФ Владимир Путин обратил внимание на иное содержание Конституции и отметил, что в нем – *основа общественной морали и нравственности, культуры, те самые духовные скрепы…* [1].

В Послании также говорится: «Сопереживание конституционным ценностям должно стать одним из условий воспитания молодых граждан нашей страны и, как

следствие, – такое воспитание должно повысить уровень ответственности в обществе» [1]. Слово «сопереживание» в данном контексте следует понимать в широком смысле, как знание, принятие конституционных ценностей, а также их реализацию, что послужит хорошим воспитательным примером для детей и родителей. Сегодня, строя воспитательную работу с семьей и детьми, многие оказываются в замешательстве – чему и как их учить, какие взять за основу принципы и цели. А в Послании Федеральному Собранию мы видим, что сегодня нужно «воспитывать ответственность», и это очень важно.

А что же происходит в реальной жизни?

Государство, защищая интересы детей, устанавливает конституционные обязанности родителей воспитывать и заботиться о детях, создавать условия для их образования, материально обеспечивать своих несовершеннолетних детей и т. д. Но данные правовые нормы не всегда работают, поскольку на реализацию конституционных обязанностей родителей влияют многие факторы и обстоятельства, среди которых можно отметить следующие.

1. Уровень социально-экономического развития общества, который позволяет в большей или меньшей мере обеспечить жизненно важные человеческие потребности и долженствования.

Например, в настоящее время весьма актуальны проблемы занятости, безработицы, а также низких доходов большинства российских семей. В поисках высокооплачиваемого рабочего места родители вынуждены уезжать из маленьких городов в более крупные, как правило, в Москву, и совмещать основную работу с дополнительной для удовлетворения хотя бы минимальных потребностей семьи. Отсюда следует, что якобы полная семья становится уже по сути «неполной», дети и родители живут отдельно друг от друга, родители воспитанием детей не занимаются, для общения детей и родителей остается мало свободного времени и пр.

Тем не менее, как указывает Конституционный суд РФ, государство должно содействовать родителям в выполнении ими обязанностей по воспитанию детей [2].

Конституционный суд отмечает, что «статья 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой семья находится под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей, предполагает как позитивные обязанности государства по поддержанию, в том числе финансовому, семьи, так и конституционные обязанности родителей в отношении детей».

Для некоторых категорий семей надлежащее исполнение указанных обязанностей затруднительно, ведь обеспечить нормальное физическое развитие детей невозможно без организации их обучения, правильного питания, лечения, отдыха, т. е. без определенных материальных затрат. Духовное и нравственное развитие ребенка, формирование у него определенного мировоззрения, развитие различных навыков и способностей также предполагает затраты на всякого рода экскурсии, походы в театр, кино, обучение в секциях и т. п.

Таким образом, надлежащее исполнение обязанностей по воспитанию ребенка, забота о его физическом, нравственном и духовном развитии затруднительны без должного материального обеспечения.

2. Реализия обязанностей родителей обусловлена уровнем культуры, моралью, традициями, религией семьи и общества.

К сожалению, сегодня в процессе воспитания подрастающего поколения пропагандируется ценность «свободного брака, свободных отношений». Не воспитывается культура семейной жизни, отсутствует комплексная, системная работа в области семьи. В результате расшатываются нравственные устои семьи, следствием чего становится изменение отношения к детям, вплоть до их вытеснения из семей.

3. Причинами неисполнения родителями обязанностей являются как низкая нравственно-правовая культура, правовая неинформированность, так и недостаточные государственные меры принуждения.

Так, ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляет обязанность родителей содержать своих детей. В случае отказа родителей от участия в содержании своих детей государство обязано обеспечить их содержание, в том числе и путем взыскания с родителей алиментов.

По информации Управления Федеральной службы судебных приставов по Саратовской области за 2011 год на исполнении в территориальных отделах УФССП России по Саратовской области на исполнении находилоись 30 943 исполнительных документа о взыскании алиментных платежей.

Также к Уполномоченному по правам ребенка в Саратовской области поступают обращения граждан по вопросам неисполнения решений судов по взысканию с должников алиментных платежей. С неменьшими трудностями сопряжено исполнение требований исполнительных документов о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, находящихся на государственном обеспечении в детских учреждениях.

Это во многом обусловлено тем, что лица, лишенные родительских прав, чаще всего не работают, злоупотребляют спиртными напитками, не имеют официальных источников дохода и принимаемые меры по их привлечению к уголовной ответственности по ст. 157 Уголовного кодекса РФ не дают ожидаемого эффекта, а в законодательстве отсутствуют соответствующие гарантии надлежащего исполнения лицами, лишенными родительских прав, обязанностей по содержанию своих детей и бремя обеспечения таких детей полностью переносится на государство. Трудоустроить таких должников на постоянной основе невозможно. Они направляются в центры занятости населения для трудоустройства, трудоустраиваются, но через непродолжительное время их увольняют из организаций за невыполнение возложенных на них обязанностей либо за нарушение дисциплины, после чего трудоустройство должника становится еще более затруднительным.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо разработать механизм, позволяющий запустить и простимулировать реализацию конституционных обязанностей родителей.

Совершенствование механизма реализации конституционных обязанностей родителей требует:

– *во-первых*, создания условий для жизнедеятельности семьи в условиях российских регионов – рабочих мест, достойной зарплаты, развитой инфраструктуры (школы, больницы, дома отдыха и культуры и т. д.);

– *во-вторых*, усиления материальной помощи со стороны государства семьям со средним достатком, например увеличения пособия по уходу за ребенком и выплаты пособия на ребенка всем семьям, независимо от дохода, до его совершеннолетия (к примеру, как в Германии). К сожалению, можно констатировать, что государство вынуждено тратить больше средств на содержание «отказных» детей, чем детей из благополучных семей. Необходимо, чтобы государственные деньги больше «работали» на профилактику семейного неблагополучия;

– *в-третьих*, совершенствования правовой базы в направлении усиления государственного и общественного контроля воспитания, обучения и содержания детей в семье;

– *в-четвертых*, ужесточения ответственности родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию детей, например предусмотрев в законодательстве специальную статью, в которой были бы прописаны отказ от ре-

бенка и ответственность приемных родителей за отказ от ребенка;

– *в-пятых*, на уровне школы воспитания и формирования у подрастающего поколения ценностного отношения к семье, например посредством введения в школьную программу факультативных дисциплин, направленных на изучения семейного уклада и ценностей, психологии детско-родительских взаимоотношений и российских традиций в деле воспитания детей.

Таким образом, реализация конституционных обязанностей родителей представляет собой последовательную комплексную организацию правовых средств и обеспечение условий, направленных на достижение цели, заложенной в содержании обязанности. Исходя из ранее сказанного можно сделать вывод, что механизм обеспечения исполнения конституционных обязанностей представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих причин, способов и условий, которые создают возможности для исполнения конституционных обязанностей. По нашему мнению, соблюдение и исполнение конституционной обязанности целесообразно рассматривать прежде всего как *создание объективно необходимых условий* для исполнения обязанности, сохранение и улучшение этих условий, а также *стимулирование к исполнению обязанности вплоть* до применения мер юридической ответственности в виде предусмотренных государством санкций.

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Федеральному Собранию. URL : http://kremlin.ru/news/19825 (дата обращения: 10.01.2014).

2. Об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам граждан, подлежащих обязательному социальному страхованию в связи с запросом Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области : Постановление Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2009 г.№ 3-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 5 Федерального закона // СЗ РФ. 2009. № 8. Ст.1040.

О. Г. Овчарова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО ЖЕНЩИН КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Решение проблем социальной политики в современной России выступает, по сути, одним из ключевых и злободневных вопросов государственного управления, кроме того, вопросов болезненных и, как правило, не реализуемых в необходимой степени. Малая эффективность реализации зависит от целого ряда взаимосвязанных факторов – это и формальный подход к решению социальных проблем, и меньшее в сравнении с другими сферами финансирование, и малочисленность непосредственных лоббистов социальных преобразований на уровне принятия государственных решений. Последний из перечисленных факторов выступает ключевым, поскольку решение любой проблемы начинается с ее обнаружения, артикуляции, а затем – адекватной работы по устранению.

В России инициаторами реализации необходимых повседневных потребностей социальной политики, новаторами в их решении традиционно чаще всего выступают женщины. Вместе с тем в России присутствует и другая традиционная тенденция – гендерная асимметричность политики, свидетельствующая о том, что степень влияния женского участия на динамику современных политических процессов, в том числе и в области социальной сферы, незначительна. А поскольку продвижение социально-политических проектов возможно на уровне государства, то эффективность социальной политики обеспечивает большее количество женщин на тех постах, где и принимаются государственные решения.

Обоснуем эти утверждения.

Прежде всего, как свидетельствует мировая статистика, если в нижней палате парламента страны 30–40% женщин, то эффективнее проводятся вопросы именно социальной сферы, охраны материнства и детства и т. п. – те, которые считаются компетенцией женщин. С этой позиции, как уже говорилось выше, гендерная асимметрия российской политики блокирует полноценную реализацию социальной помощи. Так, согласно данным Межпарламентского союза, в июле 2013 года в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации среди депутатского корпуса было всего 13,6% женщин (61 из 450 депутатов). По показателям женского представительства в парламенте Россия занимает в списке Межпарламентского союза из 142 стран 96-е место, разделяя его со Свазилендом – одной из южноафриканских стран [1].

Противовесом этому утверждению могут служить вполне логичные доводы о том, что женщины в парламенте будут больше поддерживать интересы своей партии. Тем не менее женщинам-политикам при их большем количестве легче консолидироваться и искать свою «нишу» в пространстве мужской политики как раз на основе близких им социальных интересов. И поскольку с момента обретения женщинами политических прав и получения возможности занимать статусные должности им доверяли и доверяют руководство именно социальной сферой (как недостаточно престижной в иерархии государственного управления), они накопили опыт управления в этой области, который в состоянии реализовать максимально правильно.

По этой же причине – наличия у женщин опыта управления социальной сферо, а также на основании гендерной социализации, гендерного разделения труда, гендерных стереотипов – в последние годы возрастает количество граждан, положительно относящихся участию женщин в политике. Согласно данным опросов российских социологических служб (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр), россияне допускают женское политическое лидерство, однако степень этого допущения различается в зависимости от уровня власти. Граждане приписывают мужчинам и женщинам разные сферы компетентности. Внешняя политика, армия, бизнес считаются преимущественно делом мужчин, социальная защита, здравоохранение, образование – женщин. Так, по данным ФОМ, в ходе социологического опроса, проведенного 13 июля 2007 года, ответы на вопрос «На каких постах могут успешно работать женщины?» распределились следующим образом: женщина, придя в политику, наиболее эффективно может работать в должностях министра культуры (66% опрошенных), министра здравоохранения (65% опрошенных), министра образования и науки (60% опрошенных) [2]. Устойчивость этих взглядов влияет на шансы женщин быть выбранными и назначенными на ту или иную должность. Следствием подобных представлений и является то, что во властных структурах (и на местном, и на федеральном уровне) женщины чаще занимают должности, связанные с ответственностью за социальную сферу, культуру, здравоохранение, образование.

Локальная информация по нашей стране подтверждается данными международных организаций. Поскольку в России не соблюдается ряд международных положений, и прежде всего положения Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, эксперты выделяют ряд ключевых социальных моментов, обостряющихся в этой связи. «Среди кризисных точек следует указать и на недостаточную представленность женщин на уровне принятия решений и отсутствие политики „позитивных действий” по исправлению этого положения; недостаточную эффективность судебной защиты прав женщин (суды практически не рассматривают иски, связанные с проявлениями дискриминации по признаку пола); высокий уровень насилия в отношении женщин в семье и в обществе в целом; рост

масштабов торговли женщинами, включая их сексуальную эксплуатацию; отсутствие государственного контроля за распространением в средствах массовой информации сцен и образов жестокого обращения и сексуального насилия в отношении женщин, отсутствие штрафных санкций за размещение рекламы о предоставлении сексуальных услуг; низкие размеры санкций за изготовление и распространение материалов порнографического характера. Женщины в России могут рассчитывать на низкий уровень репродуктивного здоровья, недостаточную информированность о современных средствах и методах контрацепции, отсутствие собственного производства гормональных контрацептивов и их продажу по не всегда доступным ценам» [3].

Присутствие женщин в политике, вместе с тем, означает не только реализацию их интересов. Женское политическое лидерство влияет на общее социальное благополучие и означает контроль социальных проблем, с которыми сталкивается практически каждый россиянин, а государство приобретает статус и успешность цивилизованного общества, которое озабочено судьбой мужчин и женщин, в котором не только существует, но эффективно действует государственная социальная политика.

Список использованной литературы:

1. Women in nation parliaments. URL: http: //www.ipu.org/wmn-e/world.htm (дата обращения: 02.02. 2013).

2. Женщины в русских сиденьях // ФОМ. URL: http: //www. fom.ru/obshchestvo/10095 (дата обращения: 02.02. 2013).

3. *Шведова Н. А.* Россия в контексте тридцатилетия Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Двойной юбилей «Билля о правах женщин») // Доклады участников V Всероссийского конгресса политологов «Изменения в политике и политика изменений : Стратегии, институты, акторы». М. : РАПН, 2009.

М. К. Омаркадиева, М. И. Акбаров

СООТНОШЕНИЕ СУДЕБНЫХ И ВНЕСУДЕБНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

Право на судебную защиту является неотъемлемой частью конституционно-правового статуса личности.

Одним из важнейших достижений правового государства и российской Конституции является приоритетность именно судебной защиты прав граждан, что бесспорно является показателем возрастающего доверия к институту судебной власти. Так, к примеру, на апрель 2013 года в РФ по гражданским делам было вынесено 3 466 664 решений, из них в суде первой инстанции 2 870 236 решений, в аппеляционной инстанции 116 760, в порядке кассационного судопроизводства 469 581, в порядке надзора – 10 087 постановлений суда [5].

Однако в правовой науке особо выделены и внесудебные формы защиты прав и свобод.

В мировой практике альтернативный судебной защите институт омбудсмена занимает важное место в системе государственных органов и эффективно защищает права личности. Конституция Российской Федерации предусматривает введение должности Уполномоченного по правам человека, что означает признание на высшем государственном уровне прав человека и гражданина в нашей стране, но в ней нет специальной нормы, регламентирующей данный институт, как это имеет место в других странах. Об Уполномоченном по правам человека упоминается лишь в пункте «д» ст.103 Конституции Российской Федерации.

Учитывая федеративный характер устройства российского государства, закон предусматривает возможность децентрализации службы Уполномоченного путем

учреждения подобных органов в субъектах Федерации. В настоящее время в РФ институт Уполномоченного по правам человека имеется уже в 77 субъектах Российской Федерации, в том числе и в Республике Дагестан.

К примеру, в течение 2012 года Уполномоченным в РД было принято 1135 обращений граждан по вопросам защиты и восстановления их нарушенных прав. Количество жалоб граждан на несогласие с приговорами и решениями судов – 136, что составило 12% от общего количества обращений. Граждане обращаются к Уполномоченному с жалобами на нарушение права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство и просьбой об оказании содействия в отмене приговоров либо решений судов [1].

Чрезвычайно проблемным остается взаимодействие Уполномоченного по правам человека с органами судебной власти. Независимость судебной власти рассматривается как одна из составляющих демократического государства, и, соответственно любое вмешательство в деятельность суда может расцениваться как нарушение демократических правовых принципов. При реализации своей компетенции Уполномоченный должен принимать жалобы на действия судебных органов только в случаях реального нарушения прав человека на судебную защиту.

Анализируя деятельность Уполномоченного в РФ, приходим к выводу, что в России превалирует нарушение гражданских прав – на 2012 год поступило 14 146 жалоб, посвященных нарушению личных (гражданских) прав человека, что составляет 56,7% от общего количества поступивших жалоб, и это на 1% меньше показателя 2011 года. За год поступило 6532 жалобы, посвященных соблюдению социальных прав граждан, что на 52 жалобы меньше аналогичного показателя предыдущего года, однако и их доля от общего числа жалоб выросла на 1,1% и составила 26,2% [2]. Это свидетельствует об отсутствии в нашей стране социально-экономической стабильности, что порождает неплатежеспособность предприятий, возрастающую коррупцию в органах власти и, как следствие, повальное нарушение конституционных прав и свобод граждан [4, с. 76].

Федеральным законом предусмотрено право Уполномоченного «обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения, приговора суда либо постановления судьи (ч. 3 ст. 29)». Однако в гражданском и уголовном процессуальном законодательстве это полномочие не получило подтверждения.

Высказывается мнение, что Уполномоченный мог бы выступить в суде в качестве представителя гражданина по доверенности, но в этом случае теряется фактор публичности и меняется его роль в процессе [3].

Несудебные формы защиты прав человека бесспорно расширяют возможности применения конституционных гарантий при реализации прав и свобод человека и гражданина. Правовыми посредниками между гражданами и должностными лицами в правовых спорах могут выступать правозащитные организации, в том числе и Уполномоченные по правам человека. В качестве примера для размышлений можно привести решение Басманного районного суда г. Москвы от 15 мая 2012 года о разгоне молодежного лагеря у памятника писателю А. Кунанбаеву в г. Москве.

Судебное решение, вынесенное по заявлению ряда граждан в порядке гл. 25 ГПК РФ о признании незаконным бездействия УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве и других государственных органов по прекращению нарушения общественного порядка и природоохранного законодательства, представляется весьма спорным. Основная проблема возникла при попытке обжалования данного решения. Гражданка Ч. – одна из «обитателей» молодежного лагеря – обратилась с апелляционной жалобой в Басманный районный суд. Председатель Басманного районного су-

да со ссылкой на ст. 320 ГПК РФ вернула жалобу Ч., указав, что она не являлась участницей судебного процесса, а потому не обладала правом апелляционного обжалования.

В целях оказания правовой помощи и реализации права на судебную защиту гражданки Ч. Уполномоченный обратился в Президиум Московского городского суда с кассационной жалобой на решение Басманного районного суда г. Москвы от 15 мая 2012 года.

Московский городской суд своим определением в удовлетворении жалобы отказал на том основании, что Ч. еще не прошла стадию апелляционного обжалования судебного решения, к которому изначально ее не допустили [2].

Таким образом, Басманный районный суд вынес решение в отношении лиц, которых он признал нарушителями общественного порядка, без привлечения их к участию в процессе. А потом отказал Ч. как одной из них в праве апелляционного обжалования своего решения, которое затрагивало ее интересы, со ссылкой на то, что она не являлась участницей процесса. Этот вывод суда остался в законной силе и не отменен, хотя является безотлагательным основанием для отмены судебного решения.

Закон ограничивает право некоторых лиц на обжалование судебного решения, и даже обращение в суд Уполномоченного по правам человека не принесло ожидаемого результата. Следовательно, данный социально значимый институт Уполномоченного по правам человека как обязательный атрибут правового государства нуждается в более детальной законодательной регламентации и государственной поддержке.

Для полноценной реализации конституционного права на судебную защиту необходимо поэтапное решение сложившихся проблем. И в первую очередь это устранение несоответствия действующей законодательной базы Конституции РФ.

Реализация последующих этапов связана с обновлением законодательства о судебном обжаловании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц и включает в себя деятельность по развитию и совершенствованию института мировых судей, учреждение специализированных судов. Названная деятельность не только устранит многие проблемы и поднимет эффективность судебной защиты прав граждан, но и станет предпосылкой для последующего развития правотворческой и правоприменительной работы всех органов власти.

Список использованной литературы:

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан за 2012 г. URL: http://www.dagombu.ru/storage/files/doklad_2012.doc (дата обращения: 27.11.2013).

2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 г. URL: http://ombudsmanrf.org/images/stories/word/prilogenie_doc_2012.doc (дата обращения: 27.11.2013).

3. *Козицкий А.*, *Козлов В.* Содействие Уполномоченным по правам человека в реализации прав лица на судебную защиту : правовые основы и пределы вмешательства // Материалы доклада научной конференции «Проблемы и перспективы развития Конституции Российской Федерации». Краснодар, 2003.

4. *Омаркадиева М. К.* Роль Уполномоченного по правам человека в судебной защите прав граждан : проблемы и перспективы развития // Северо-Кавказский юридический вестник. 2007. № 4.

5. Статистика вынесенных решений по гражданским делам по РФ на апрель 2013 г. URL: http://actoscope.com/statistic.html (дата обращения: 27.11.2013).

Е. А. Отставнова

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В юридической науке до сих пор не уделяется должного внимания понятию и основным направлениям конституционно-правовой политики современной России. Это негативным образом сказывается на реализации самой Конституции как Основного Закона страны, на принципах которой базируются практически все общественные отношения. Несмотря на это, в последнее время достаточное количество работ посвящено рассмотрению «правовой» политики как таковой, а также ее видам – уголовно-правовой, гражданско-правовой, национальной, экологической и др.[1].

Если взять за основу наиболее устоявшееся на сегодняшний день понятие «правовой» политики как «научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и жизни общества и личности», предложенное А. В. Малько [2, с. 35], то применительно к конституционно-правовой политике можно сказать, что «это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов, институтов гражданского общества, граждан России, по созданию эффективного механизма конституционно-правового регулирования, цивилизованному использованию юридических средств в целях достижения наиболее оптимального баланса во взаимоотношениях личности и государства, обеспечивающего развитие российского государства как правового, демократического, федеративного, светского, социального».

Здесь необходимо отметить, что субъектами конституционно-правовой политики, наряду с органами государственной власти и органами местного самоуправления, являются институты гражданского общества и граждане России. Это утверждение базируется на том, что, во-первых, российские граждане участвовали в формировании конституционно-правовой политики, принимая Конституцию РФ на референдуме. Во-вторых, в настоящее время они активно включаются в обсуждение наиболее значимых законопроектов, направленных на реализацию положений Основного Закона страны (к примеру, ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 25.11.2013) [3], ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 (ред. от 25.11.2013) [4]). Институты гражданского общества, такие как научные сообщества, были задействованы в разработке проекта Конституции РФ 1993 года. А в настоящее время, к примеру, Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ играют не последнюю роль в развитии конституционно-правовой политики, давая заключения о законопроектах, рассматриваемых Государственной думой Федерального Собрания РФ, и законопроектах субъектов РФ. Значение общественных советов при органах исполнительной власти в формировании правоприменительной конституционно-правовой политики заключается в обсуждении мероприятий по реализации конституционных норм.

Конституционно-правовая политика, как и правовая политика в целом, имеет свою структуру. Ее объектом следует считать общественные отношения, составляющие основу конституционного строя, правового положения личности, государственного устройства, организации и деятельности государственных органов и органов

местного самоуправления.

Основное внимание следует уделить стратегии конституционно-правовой политики российского государства, направленной на прогнозирование социально-правовых явлений и процессов в обществе и государстве и определение основных направлений деятельности ее субъектов для оптимизации развития российской государственности с помощью конституционных норм. Под оптимизацией обычно понимают процесс выбора лучшего варианта из возможных, или процесс приведения системы в лучшее (оптимальное) состояние [5, с. 654]). Таким образом, стратегия конституционно-правовой политики – это выбор лучшего из возможных вариантов конституционного развития российского государства.

В основе такой стратегии лежат цели, которые содержатся в Конституции РФ 1993 года. Впервые приняв Основный Закон государства на референдуме, российский народ сам определил путь своего дальнейшего государственного развития, заложил в нем основные ценности российского общества, установил цели, к которым необходимо стремиться государству, гражданскому обществу, гражданину. Ими являются построение правового, демократического, светского, социального государства, оптимизация федеративных отношений, а также становление развитого гражданского общества. Россия в настоящее время находится на стадии поиска оптимального варианта достижения данных целей. Это не в последнюю очередь касается и российского государства как федерации. Путь развития федерализма в России сложен и противоречив. До сих пор продолжаются попытки найти оптимальный вариант взаимоотношений центра и регионов, обеспечения равноправия субъектов на практике. Это можно наглядно проследить по тем действиям, которые были предприняты за последние 10 лет. Так, начиная с 2000 года в России был предпринят комплекс мер, направленных на укрепление вертикали власти. А 22 декабря 2011 года Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию РФ заявил о необходимости децентрализации власти, о перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов [6].

Стратегические цели, заложенные в Конституции РФ, достигаются с помощью решения конкретных задач, которые, в свою очередь, зависят от этапа развития государства, конкретных исторических условий. В их основе лежат научно обоснованные правовые идеи, выражающиеся в правотворчестве и правореализации. В формировании таких идей первостепенную роль играют органы государственной власти, такие как Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, суды – словом, все те, кто обладает законодательной инициативой. Особое место среди перечисленных субъектов занимает Президент РФ, поскольку, согласно ст. 80 Конституции РФ, он является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Такие направления содержатся прежде всего в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ. Названия и содержание обращений Президента РФ («Об укреплении российского государства» (1994), «О действенности государственной власти в России» (1995), «Россия, за которую мы в ответе» (1996), «Порядок во власти – порядок в стране» (1997), «Общими усилиями к подъему России» (1998), «Россия на рубеже эпох» (1999) говорят о том, что на каждом историческом этапе развития нового российского государства ставились разные задачи, зависящие от экономической и политической обстановки в стране и направленные на достижение целей конституционно-правовой политики. После 1999 года Послания Президента РФ не носили определенного названия, но в каждом из них содержались новые задачи, стоящие перед Российским государством в определенный период времени. Некоторые из них переходят из Послания в Послание (к примеру, реформа здравоохранения, решение

демографических вопросов), поскольку их реализация невозможна за столь короткий промежуток времени.

Примечательно, что Послание Президента РФ за 2013 год прозвучало в день юбилея Конституции РФ – 12 декабря. В нем, подводя итог 20-летнего действия Основного Закона страны, Президент РФ ставит новые задачи, такие как реформа местного самоуправления, поддержка гражданской активности на местах, развитие институтов гражданского общества на новом уровне (становление общественных инициатив частью государственной политики, нулевое чтение законопроектов с участием общественных объединений, поддержка правозащитного движения и т. д.), решение межэтнических проблем, улучшение качества социальных услуг, дальнейшая реформа сферы здравоохранения, возобновление устойчивого экономического роста на базе высокого качества профессионального образования и гибкого рынка труда, благоприятного инвестиционного климата и современных технологий, деофшоризация экономики, решение проблем моногородов и сельского хозяйства, продолжение реформы высшего образования, защита традиционных ценностей [7].

Несмотря на столь короткий срок действия Конституции РФ, в настоящее время Российскому государству удалось решить многие задачи на пути нового конституционного развития и значительно продвинуться в достижении целей, заложенных в его Основном Законе. Несмотря на это, продолжаются дискуссии по поводу его соответствия фактическим общественным отношениям и даже пересмотра. Но реализация конституционных целей зависит прежде всего от каждого члена общества, от того, насколько он уважает и признает Основной Закон своей страны. Коррупция и правовой нигилизм – ключевые проблемы, стоящие на пути достижения целей конституционно-правовой политики. И Президент РФ в своем последнем Послании Федеральному Собранию РФ подчеркнул: «Конституция соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, – подчеркнув их взаимную обязанность – уважать и защищать друг друга». Достижение оптимального баланса во взаимоотношениях государства и гражданина будет способствовать построению правового демократического федеративного социального и светского Российского государства с гражданским обществом нового уровня.

Список использованной литературы:

1. *Малько А. В.* Теория правовой политики. М. : Юрлитинформ, 2012 ; *Исаков Н. В.* Правовая политика современной России : проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : РГБ, 2005 ; *Заметина Т. В.* Конституционные вопросы реализации национальной политики в субъектах РФ /под ред. В. Т. Кабышева. Энгельс : Ред.-изд. центр ПКИ, 2008 ; *Вавилин Е. В.*, *Челышев М. Ю.* О концепции гражданско-правовой политики / / Гражданское право. 2012. № 1 и др.
2. *Малько А. В.* Большой юридический словарь. Глава 1 /под. ред. А. В. Малько. М., 2009.
3. СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900 ; 2013. № 48. Ст. 6165.
4. СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598 ; 2013. № 48. Ст. 6165.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка.
6. РГ. 2011. 23 дек.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 / / РГ. 2013. 13 дек.

В. Ю. Панченко

К ВОПРОСУ О ПРАВОЗАЩИТНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ И СРЕДСТВАХ В ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[6]

Традиционно в механизм обеспечения права включают охрану и защиту права (прав, свобод, законных интересов), при этом в юридической науке высказаны три основные позиции по вопросу об их соотношении: а) отождествление «охраны» и «защиты» прав; б) признание охраны прав понятием более широким, включающим в себя защиту; в) понимание охраны прав как деятельности, осуществляемой до нарушения прав, направленной на его недопущение, а защиты – как деятельности в связи с нарушением прав или его непосредственной угрозой.

Иное соотношение правоохраны и правозащиты в механизме обеспечения права предложено А. С. Автономовым, который пишет, что «взаимоотношение правовой защиты и правовой охраны более сложное, чем просто соотношение видового и родового понятий. В противном случае правозащитные институты (т. е. такие институты, которые осуществляют правозащитную деятельность) выступали бы лишь в роли правоохранительных органов (т. е. органов, занимающихся правоохранительной деятельностью), но на практике, как известно, это не так и деятельность правозащитных институтов вовсе не представляет собой разновидность функционирования правоохранительных органов». При этом «неслучайно есть понятие самозащиты прав, но нет понятия самоохраны прав» [1, с. 38–39, 36–37].

При развитии приведенных положений представляется, что правоохрану и правозащиту следует рассматривать в качестве диалектически взаимодействующих начал в обеспечении права, определяющих построение и функционирование системы юридического содействия реализации прав и законных интересов и ее подсистем. При этом под началом понимается обусловливающее построение той или иной правовой деятельности соотношение частных и общественных интересов, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в конкретном обществе под влиянием всех факторов его развития [2, с. 15]. Именно соотношение интересов обусловливает различие предметов правовой деятельности, которые берутся затем в качестве критерия разграничения правоохраны и правозащиты, – нормы объективного права или субъективные права и законные интересы.

Взятая как идеальный тип, правозащита в чистом виде заключается в отстаивании исключительно индивидуальных правовых интересов и целей конкретного лица, в том числе в ущерб интересам и целям других лиц. Так, недопущение судебной ошибки занимает адвоката лишь в той мере, в какой это соответствует интересам его доверителя. Более того, адвокат не только вправе, но в ряде случаев и обязан (разумеется, не преступая норм закона) способствовать судебной ошибке – справедливым, с точки зрения адвоката, будет только тот судебный акт, который максимально благоприятен для доверителя [3, с. 223].

Правоохрана, рассматриваемая в качестве идеального типа, напротив, будет или обезличенной, беспристрастной, независимой от чьих-либо личных правовых интересов и целей, или реализуемой в отношении всех и каждого при наличии предусмотренных нормами права оснований.

При смешанном типе взаимодействия правоохранительного и правозащитного начал может осуществляться согласование правовых интересов и целей разных

[6] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 13-13-24005.

субъектов, в том числе общего, публичного, общественного интереса, в конкретной ситуации.

На целево-результативном уровне структуры (включающей отношение «цель – средства – результат») различных видов правовой деятельности соотношение правоохранительного и правозащитного начал выглядит следующим образом.

С. Ю. Филиппова пишет, что следует различать виды правовых целей: цели в праве, которые создаются правотворцем, закрепляются в нормах права и обоснованы абстрактным пониманием общего блага, и цели субъектов права (правовые цели субъектов правореализационной деятельности), формируемые ими самими, обусловленные их потребностями и интересами, цели, на достижение которых субъекты права рассчитывают при совершении юридически значимых действий [4, с. 49].

Если «цель в праве может быть достигнута посредством принятия нормативных правовых актов», то, «чтобы запустить правореализационный процесс, необходимо, чтобы соответствующая цель оформилась в сознании людей и они избрали для достижения своей цели именно те средства, которые предлагаются данной нормой права». При этом конкретная правовая цель должна вписываться в систему правовых целей, смыслообразующим и интегрирующим началом которой является конечная правовая цель. Эта конечная правовая цель в различных источниках именуется поразному: дух права, общий смысл права и пр. Цель, которая хотя и обеспечена правовыми средствами, но не вписывается в систему правовых целей, интегрированную конечной правовой целью, не является правовой, и именно поэтому достижение такой цели правовыми средствами оказывается злоупотреблением правом, или правонарушением [4, с. 57, 54]. Таким образом, заключает С. Ю. Филиппова, система правовых целей включает в себя три компонента: 1) конечную правовую цель; 2) правовую цель в норме права и 3) правовую цель субъектов правореализационной деятельности – частную правовую цель. Связь между правовой целью в норме права и частной правовой целью происходит через правовые средства, которые должны избираться для достижения частной правовой цели из числа предложенных в норме права; понимание этой связи возможно исключительно в контексте конечной правовой цели [4, с. 74].

В идеальном виде правоохранительная деятельность направлена на реализацию целей в праве (поиск, интерпретацию и реализацию целей, закрепленных в норме права), основанных на общих публичных интересах, правозащитная – на осуществление целей субъектов права, которые могут быть далеки «от закрепленных в праве в качестве целей ценностей иного порядка» [4, с. 58], но связаны с насущными потребностями и частными интересами людей.

С приведенных выше позиций разграничения правоохраны и правозащиты правовые средства могут быть названы соответственно правоохранительными (публичные правовые средства, правовые средства, предназначенные для достижения правовой цели, зафиксированной в норме права) и правозащитными (частноправовые средства, правовые средства, предназначенные для достижения правовой цели субъектов правореализационной деятельности).

Здесь мы вынуждены дополнить классификационное основание, взяв за критерий разграничения правоохранительных и правозащитных средств, наряду с целью, содержание того или иного правового средства, а именно наличие или отсутствие в том или ином правовом средстве публично-властно-обязывающих элементов. Для правоохранительных правовых средств характерна относительная независимость от воли лиц, в отношении которых они используются [5, с. 95, 273], для правозащитных – зависимость от воли субъектов, их использующих (в случаях, когда использование таких средств приводит к установлению правовых ограничений (например, по

договорам), последние выступают взаимными ограничениями или самоограничениями). Мера подконтрольности (неподконтрольности) правовых средств субъекту, их использующему, может служить индикатором правоохранительного или правозащитного начала в этих правовых средствах.

В той мере, в которой то или иное правовое средство-деяние (технология) имеет черты публично-властного полномочия, оно носит правоохранительный характер, и напротив, в мере необладания ими – правозащитный.

Правозащитные правовые средства по отношению к правоохранительным имеют исковой характер, выступают как юридически значимые обращения, инициатива по запуску механизмов действия правоохранительных правовых средств и их комплексов (юридических процессов, процедур), инструмент влияния на их действие, а в необходимых случаях и корректировка правоохранительной деятельности. Так, например, при затруднении в самостоятельном получении доказательств от каких-либо лиц (правозащитное правовое средство) стороны «запускают» механизм их истребования (правоохранительное правовое средство) через суд, при отказе инициируют проверку его законности вышестоящим судом и т. д.

Правоохранительный или правозащитный характер правовых средств производен от правосубъектности лиц, их использующих. По сути, это вопрос о том, допускает ли действующее позитивное право использование публично-властных полномочий для той или иной категории субъектов права. Правовые средства правоохранительного характера предполагают возможность прибегнуть к правовым действиям (технологиям) публично-властного содержания, влекущим возникновение правовых ограничений (как правило, в виде юридической обязанности совершить какое-либо действие), которые составляют прерогативу государственных и муниципальных органов (например, судебные запросы, вызовы, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия и т. д.), а также органов корпоративного управления (получение объяснений с работника и т. д.). Правовые средства правозащитного характера, напротив, такой возможности не предполагают, а заключаются в тех правовых технологиях, использование которых не выходит за рамки правоспособности физических и юридических лиц как субъектов, не наделенных публично-властными полномочиями.

Возможны следующие идеальные модели сочетания правовых целей и правовых средств в правовой деятельности субъектов права в зависимости от правоохранительного или правозащитного начал.

1. Для достижения правоохранительных целей применяются правоохранительные средства. В этой ситуации правовая деятельность, нацеленная на осуществление целей, сформулированных в нормах права, может осуществляться с использованием всего арсенала правовых средств (правостимулирующего и правоограничительного свойства) включая публично-властные полномочия. Такое соотношение характерно для правоприменительной деятельности, заканчивающейся вынесением индивидуального юридически властного решения.

2. Для достижения правоохранительных целей используются правозащитные средства. Здесь возможны три варианта ситуации: нормальная – когда, нормативно программируя процесс непосредственной реализации права, правотворческий орган рассчитывает на то, что цели, зафиксированные в норме права, могут быть достигнуты без использования публично-властных полномочий, правовых ограничений (достаточным является правовое стимулирование в чистом виде) либо правоприменитель использует для достижения правоохранительных целей невластные правовые средства (например, предостережение прокурора); ситуация избыточного правового регулирования – когда в нормах права или правоприменительных актах закрепляют-

ся общие или индивидуальные образцы фактически сложившегося правомерного поведения, которые реализуются и без отдельного упоминания в нормах права; аномальная – когда имеет место необеспеченность либо недостаточная обеспеченность правовых целей правовыми средствами (например, деяние признается противоправным, но юридическая ответственность за его совершение не устанавливается; таковыми, например, долгое время были нормы, ограничивающие курение в общественных местах).

3. Для достижения правозащитных целей используются правозащитные средства. Такое соотношение характерно для невластного правового взаимодействия граждан и юридических лиц по установлению и непосредственной реализации их прав и обязанностей без вмешательства каких-либо органов и должностных лиц самостоятельно или с юридической помощью, самозащиты прав и законных интересов, которая имеет неисковой и односторонний характер, когда субъект сам отражает посягательство на права и законные интересы или угрозу такового [6, с. 209] и т. д.

4. Для достижения правозащитных целей используются правоохранительные средства. Такое соотношение правовых целей и средств в социально позитивном значении (в социально негативном оно означает использование публично-властных полномочий в личных целях, разного рода злоупотребление властью) характерно для результатов взаимодействия граждан и органов публичной власти (выдача справок, иных документов, проведение контрольных и надзорных проверок по заявлению гражданина, возбуждение уголовных и административных дел и т. д.). Они (результаты) выступают условием нормального протекания процесса реализации прав и законных интересов.

Список использованной литературы:

1. *Автономов А. С.* Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2009.

2. *Барабаш А. С., Брестер А. А.* Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юридический Центр-Пресс, 2013.

3. *Андрианов Н. В.* Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. М. : книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

4. *Филиппова С. Ю.* Инструментальный подход в науке частного права М. : Статут, 2013.

5. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997.

6. *Уздимаева Н. И.* Правовая самозащита и государственная защита : биполярные конструкции в механизме защиты прав и свобод личности // Правовая политика. Право. Правовая система / под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2013.

А. В. Пасечник

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ ОСНОВЫ РККА

Понимание сущности классовой основы армии, которое оказало ключевое воздействие на формирование Рабоче-Крестьянской Красной Армии, было заложено В. И. Лениным. Обусловлено это было не тем, что он являлся признанным теоретиком военного искусства, а его гениальной способностью менять свое отношение к тем или иным вопросам теории социал-демократии.

В своих ранних работах В. И. Ленин, критикуя самодержавный строй, последовательно разоблачал антидемократическую сущность всеобщей воинской повинности, введенной в результате реформ 1860-х годов. В 1901 году в газете «Искра» он утверждал, что «привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого воз-

мутительного бесправия» [5, с. 392]. Суть характера российской армии состоит в том, что она отделена от народа и служит интересам господствующего класса: «…это — войско, отделенное от народа и подготовляемое для того, чтобы в народ стрелять. Если бы солдата не запирали на несколько лет в казарму и не муштровали его там бесчеловечно, разве бы мог солдат стрелять в своих братьев, в рабочих и крестьян? Разве бы мог солдат идти против голодных мужиков?» [4, с. 170].

Вместо всеобщей воинской повинности Ленин предлагал для огромной полиэтничной и поликонфессиональной России швейцарскую систему народного ополчения, при которой каждый гражданин республики имеет свое оружие и в случае необходимости выступает на ее защиту [4, с. 170].

Ключевая идея Ленина состояла в том, что тип армии и ее характер обусловлены определенным политическим и социально-экономическим строем общества. При этом суть их остается неизменной – служить господствующему эксплуататорскому классу: «Постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы» [3, с. 113]. Отсюда вывод: необходимо провести «уничтожение постоянного войска, замену его всеобщим вооружением народа» [3, с. 113].

Однако после победы большевиков и начала Гражданской войны демократический «швейцарский» принцип был отброшен и РККА стала формироваться на основе мобилизации и строжайшей дисциплины.

Данный подход был закреплен в первой Конституции РСФСР. С одной стороны, в п. «ж» ст. 3 гл. 1 было сказано: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов» [1]. Однако ст. 19 Конституции РСФСР полностью перечеркнула дореволюционные положения В. И. Ленина об отмене постоянного и строго дисциплинированного войска. В ней подчеркивалось: «В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического Отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей» [1]. Мобилизация не только рабочих, но и российского крестьянства стала одной из причин того, что большевикам удалось создать дисциплинированную и централизованную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и выстоять в жестокой и кровопролитной борьбе как с внутренними, так и с внешними врагами Советской власти.

Однако после победы в Гражданской войне ключевым стал вопрос о том, какой далее должна быть армия. Перенапряжение сил и доведение до совершенства методов принудительного изъятия у крестьянства произведенных продуктов вызвало массовые антисоветские выступления. Они были жестоко подавлены, но привели к пересмотру политики «военного коммунизма» и постепенному внедрению принципов НЭПа.

Соответственно, в этот период было предложено несколько альтернативных моделей «модернизации» Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которые отражали не только различные модели индустриализации страны, но и противоположные позиции в отношении генеральной линии строительства социализма в СССР и стратегии мировой социалистической революции.

Л. Д. Троцкий выступал за ликвидацию регулярной Красной Армии и постро-

ение ее на милицейских принципах [7, с. 129]. Обосновывая стратегию перманентной мировой революции, он выдвигал идею милитаризации труда, военизирование промышленного процесса и общества в целом на основе введения военных порядков и командования в управлении промышленностью и страной в целом. По его мнению, строительство социализма в крестьянской России невозможно и смысл преобразований должен состоять в том, чтобы максимально подтолкнуть мировую революцию. Он подчеркивал, что «завершение революции в национальных рамках немыслимо. Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Она становится перманентной и не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете» [8, с. 286–287]. Во имя этого и должны были максимально использоваться все социально-политические, социально-экономические и военные ресурсы СССР. Неизбежные массовые жертвы Л. Д. Троцкого не пугали. Он открыто утверждал: «Годы социальной революции будут годами ожесточенной борьбы классов, где разрушения займут больше места, чем новое строительство» [9, с. 146].

Победила стратегия сторонников И. В. Сталина, которая основывалась на признании факта того, что мировая революция пока не состоялась, и нацеливала на то, что большевикам нужно использовать все имеющиеся властные ресурсы для строительства социализма в одной стране во враждебном империалистическом окружении.

Поэтому в Конституции СССР 1924 года уже в первом разделе подчеркивалось, что «неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения»[6].

Идея неизбежности мировой революции не отвергалась, но акцент делался на демонстрации преимуществ и успехов социалистического строя в СССР. Этот фактор должен был оказывать революционизирующее действие на пролетариат капиталистических стран, который рассматривался как важнейший ресурс поддержки Страны Советов в случае империалистической агрессии. В отношении РККА в рамках такой модели публично обосновывалась модернизация на основе принципа «войны не хотим, но к отпору готовы!». Тем не менее сама модернизация в рамках данной модели на практике оказалась неразрывно связанной с политической борьбой различных партийных и военных группировок.

В Конституции СССР 1936 года в ст. 132 была закреплена всеобщая воинская обязанность, которая «является законом». Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР закреплялась как конституционная почетная обязанность граждан СССР. В ст. 133 зафиксировано: «Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние» [2].

Таким образом, классовый принцип большевиков в отношении сущности, принципов формирования и функционирования армии за достаточно короткий исторический срок претерпел очень серьезную эволюцию. Отправной точкой программы РСДРП было неприятие постоянной кадровой армии как защитницы интересов эксплуататорских классов и обоснование ее замены всеобщим вооружением народа. Однако после захвата власти большевиками строительство Рабоче-Крестьянской Красной Армии на данных принципах оказалось невозможным. Дело не только в том, что большевикам противостояли хорошо обученные и дисциплинированные кадровые и казачьи части Белого движения и войска интервентов, но и во внутренних классовых причинах. Обеспечить установление диктатуры пролетариата в стране с крестьянским большинством населения в случае всеобщего вооружения народа бы-

ло невозможно. Для того чтобы удержать власть и выиграть в Гражданской войне, потребовалась мощная РККА, основанная на мобилизации, четком иерархическом организационном строении и централизованном командовании, строгой дисциплине и ответственности. Такое понимание классовости армии нашло отражение в закреплении конституционных основ диктатуры пролетариата, которые получили свое завершенное оформлении в Конституции СССР 1936 года. Особенно четко они были зафиксированы в отношении воинской службы, которая рассматривалась на сакрализированном уровне как священная обязанность на основе присяги, нарушение которой расценивалось как самое тяжкое злодеяние.

В то же время следует признать, что зафиксированные в Конституции принципы строгой ответственности были не единственным мотивом добросовестного отношения к выполнению воинского долга. Важнейшую роль на протяжении всего данного периода играла также идеологическая мотивация, основанная на формировании чувства социалистического патриотизма, воспитании гордости за свою страну, которая ведет борьбу за светлое будущее всего человечества. В результате армия рассматривалась не только как важнейший инструмент защиты социалистического Отечества, но и как школа формирования социалистического мировоззрения для российского крестьянства.

Список использованной литературы:

1. Конституция (Основной Закон) РСФСР, принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm (дата обращения: 07.01. 2014).
2. Конституция (Основной Закон) СССР, утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями). URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 07.01. 2014).
3. *Ленин В. И.* Войско и революция // Полн. собр. соч. Т. 12.
4. *Он же.* К деревенской бедноте // Полн. собр. соч. Т. 7.
5. *Он же.* Отдача в солдаты 183-х студентов // Полн. собр. соч. Т. 4.
6. Основной Закон (Конституция) СССР, принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (дата обращения: 07.01. 2014).
7. Советские Вооруженные Силы 1918–1988. М., 1987.
8. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990.
9. *Он же.* Литература и революция. М., 1991.

А. А. Петрунина

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Сегодня органы судебной власти играют важную роль в эффективном исполнении действующего законодательства, надежном обеспечении прав и свобод человека, политической безопасности, гарантии общественного порядка и социального спокойствия, создании благоприятных условий для социально-экономического развития.

Сформированная в процессе судебной деятельности судебная практика оказывает огромное влияние на все правовые процессы в Российском государстве. Однако особое значение для обеспечения прав и свобод человека, единообразного применения закона в типовых ситуациях разрешения правовых споров, а также обеспечения таких правовых принципов, как верховенство права и законность, принадлежит судебной практике, обладающей свойством единства.

Будучи обязательным условием для вынесения законного судебного акта,

единство судебной практики выступает в качестве определенного технико-юридического требования, применяемого к судебным решениям, посредством которых происходит дальнейшее формирование судебной практики и правовое регулирование общественных отношений внутри страны.

Следует отметить, что в современных условиях стремительного развития законодательства, расширения и углубления правового регулирования, а также его несистемности, противоречивости и отсутствия механизма реализации единство судебной практики оказывает положительное воздействие на законодательство, способствуя выработке однозначного понимания и единообразного применения законодательных норм. Посредством единства судебной практики происходит преодоление внутренних противоречий в законодательстве и его разногласий с другими нормативно-правовыми актами.

Единство судебной практики способствует приведению всей законодательной системы в соответствие с правовой системой.

Следует сказать, что сегодня, несмотря на необходимость следования судов принципу единства судебной практики, законодателем не определено понимание этого принципа. Нет общего его понимания и среди ученых.

По нашему мнению, обладая такими свойствами, единство судебной практики представляет собой важнейший принцип законодательства, способствующий выработке однозначного понимания и единообразному применению законодательных норм, посредством чего обеспечивается наиболее полное и точное отражение требований правовых принципов.

Исходя из этимологического содержания единство – это не что иное как свойство единого, составляющего одно целое, единодушие, единомыслие, что несколько отличает его от понятия «единообразие», которое употребляется в значении одинаковости в виде, в образе [1, с. 310–311].

Из изложенного можно сделать вывод, что основное направление единства судебной практики состоит не просто в принятии судом одинаковых решений, а в единстве понимания и применения норм законодательства при разрешении споров и принятии решения. Поэтому основнаяой задача при обеспечении единства судебной практики состоит не просто в отсутствии расхождений при принятии судами того или иного решения, а в том, чтобы создать механизмы выработки позиции, которую воспринимают все судьи.

Достичь этой цели возможно лишь при условии слаженной и предсказуемой работы судов при применении законодательства. Этому как нельзя лучше способствует праворазъяснительная деятельность высших судебных инстанций, деятельность по толкованию норм и формированию обобщений судебной практики. Особую роль в выработке руководящих позиций до принятия законопроекта № 390470-6 «О Верховном суде РФ» принадлежало надзорным инстанциям Высшего арбитражного суда и Высшего суда РФ.

Однако на протяжении продолжительного времени существования разветвленной судебной системы судопроизводство сталкивалось со множеством проблем, препятствующих становлению единства судебной практики, таких как различная практика правоприменения арбитражными судами и судами общей юрисдикции по схожим делам. Например, дела по спорам между юридическими лицами о возврате кредита и между гражданами о возврате долга либо дела о признании права собственности на постройку практически идентичны. И те и другие суды применяют одно и то же законодательство. Между тем решения, вынесенные по такой категории споров, диаметрально противоположны. Кроме того, сегодня существует такая проблема, как вынесение различных решений по двум схожим делам высшей судебной

инстанцией в рамках одной ветви судебной власти.

Острой проблемой судебного правоприменения, оказывающей негативное влияние на единство судебной практики, является различное толкование норм судьями при вынесении решений.

После вступления в силу законопроекта «О Верховном суде РФ» полномочия по даче судам разъяснений по вопросам судебной практики будут закреплены за Верховным судом РФ.

Стоит отметить, что объединение судебных инстанций окажет положительное влияние на становление судебной практики и обеспечение ее единства. Разработка и оптимизация правового механизма обеспечения единства судебной практики на территории России посредством укрепления единства самой судебной системы приведет к становлению единого правового пространства Российской Федерации.

Возможно, после принятия проекта закона о Верховном суде некоторые проблемы, оказывающие влияние на единство судебной практики, потребуют дополнительных законодательных решений. В первую очередь это проблема противоречивости действующего законодательства, отсутствие в нормах механизма реализации закрепленных в них положений, что препятствует полноценной реализации норм права, закрепляющих единство судебной практики. Стоит сказать, что важнейшая роль в обеспечении единства судебной практики отводится правосознанию правоприменителя, его способности правильно истолковать не только букву, но и дух закона. И в этой связи немаловажную роль будет играть нормативное закрепление в действующих процессуальных нормативных актах единства судебной практики как принципа российского законодательства.

Вместе с тем объединение высших судебных инстанций является серьезным шагом на пути к реальному становлению единства судебной практики, позволяющим разрешить многочисленные разногласия в судебной системе, что впоследствии позволит укрепить авторитет судебной власти и повысить статус судебной практики как важнейшего правового регулятора общественных отношений.

Список использованной литературы:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М. : Эксмо, 2011.

А. П. Плешаков

КОНСТИТУЦИЯ РФ – ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

К концу 2013 года в российском общества вновь обострились вопросы о том, какой вектор экономического и социального развития мы предпочтем, и о роли государственности в этом процессе, Политическая практика наглядно показала, что продвижение России по пути прогресса и демократии невозможно без достижения обществом национального согласия. Именно поэтому злободневным представляется вопрос об идее, способной сплотить российское общество и привести к общенациональному консенсусу. Такая идея, на наш взгляд, содержится в ст. 7 Конституции РФ, в которой закреплено положение о том, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Как правило, это не вызывает возражений у большинства политических сил в современной России.

Общественная практика, особенно в XX веке, показала, что модель социального консенсуса предполагает формирование зрелого гражданского общества, свободной личности, а также демократического правового **социального** государства. Без-

условно, в России путь к такой модели имеет существенную специфику. Это обусловлено конкретно-историческими, экономическими и социокультурными факторами, а также особенностями менталитета и национального характера народов России и, разумеется, спецификой переживаемого ныне исторического этапа.

Следует отметить – несмотря на то что Конституции РФ в ст. 7 главной целью государственной политики провозгласила создание условий для обеспечения достойной жизни и свободного развитие человека, в российском обществе остается дискуссионным вопрос о состоятельности курса проводимых реформ – является ли он всего лишь тактическим маневром или действительно представляет собой политико-правовую основу формирования социального государства.

Как неоднократно отмечалось в литературе, в советском обществе власть провозгласила довольно широкие права и свободы граждан, сумев обеспечить их на минимальном уровне и в соответствии с принципом всеобщей уравнительности. Административно-командная система жестко, с узко-классовых позиций определила социальный статус личности, поощряя при этом патерналистскую идеологию и конформизм. Однако наряду с этим она гарантировала гражданам право на труд, бесплатную медицинскую помощь, образование, низкую оплату жилья, дошкольного детского воспитания, льготные условия приобретения путевок для отдыха и т. д. И хотя эти социальные блага были весьма ограничены, они представлялись важным достижением Советского государства, повышали его имидж на международной арене, оказав большое влияние на развитие социального законодательства зарубежных стран [5, с. 109].

Разумеется, новая российская власть не могла тогда гарантировать широкие социальные обязательства. Поэтому у многих политиков, ученых возникало резонное сомнение в целесообразности их декларирования.

Однако очевидным было и другое – без широких социальных прав и гарантий Конституция не будет отвечать интересам и воле народа и быстро утратит свой организационно-мобилизующий потенциал. В конечном счете после долгих дискуссий Российская Федерация была провозглашена не только демократическим и правовым, но и социальным государством.

Выбранный Россией в начале 90-х годов XX века путь к современному цивилизованному обществу оказался трудным и противоречивым. С одной стороны, на проводимых в тот период в стране реформах негативно сказывались политическое противостояние, глубокий экономический кризис, социальная нестабил доверия россиян к государственной власти в целом. Однако с другой стороны, в обществе активизировались научные поиски новой модели жизнеустройства, адекватной современным постиндустриальным тенденциям мирового развития. Особое значение при этом приобрела теоретическая разработка условий для конструктивного консенсуса общества, государства и гражданина.

Между тем сложившаяся в стране ситуация требовала принятия неотложных мер для стабилизации и консолидации общества. Людей все более тревожил хаос и «либеральный беспредел», они законно хотели знать, по какому пути намерена вести их новая власть. И надо отдать должное – правящая элита России достойно ответила на этот вопрос, предложив россиянам новую демократическую Конституцию, которая была одобрена и принята на общенародном референдуме 12 декабря 1993 года. В итоге был взят курс на формирование в России гражданского общества и демократического правового и социального государства, определивший ее путь в будущее в общем цивилизационном русле мирового развития.

Принятие новой демократической Конституции на какое-то время оказало позитивное воздействие на стабилизацию ситуации в обществе. Однако вскоре вновь

наступило массовое разочарование в политике Б. Н. Ельцина и его соратников, которые не смогли практически осуществлять определенный конституцией страны путь развития. Это привело к новому витку дестабилизации и дальнейшему углублению и обострению системного кризиса. Проявлением этого явились активизация факторов социальной дезорганизации и резкое падение доверия народа к власти, закону. Таким образом, концепция «русского пути» в будущее оказалась под угрозой. О «провале» и бесперспективности «русского эксперимента» много было написано зарубежными и отечественными политическими аналитиками [1, с. 4].

С приходом к власти президента В. В. Путина обозначились некоторые признаки оздоровления ситуации. Прежде всего его последовательная политика, направленная на укрепление российской государственности и законности, энергичные меры по укреплению суверенитета и национальной безопасности России породили у людей надежду на улучшение ситуации. Кроме того, наметились некоторые тенденции экономического роста и повышения уровня жизни населения.

Разработанный ведущими учеными страны проект Концепции социального государства был одобрен участниками круглого стола, прошедшего 19 ноября 2002 года в Академии труда и социальных отношений. Данная концепция определила приоритеты социального государства в решении главных социальных задач на том этапе [2, с. 187–188].

Следует отметить, что с приходом к власти Президента В. В. Путина можно наблюдать определенный поворот государства к социальной политике. Например, в конце 2005 года правительство объявило о реализации четырех национальных проектов, которые должны совершить прорыв в медицине, образовании, строительстве доступного жилья и сельском хозяйстве. Предполагалось, что эти цели должны стать долгосрочным ориентиром и частью концепции развития России до 2020 года (ее параметры, впрочем, постоянно корректируются).

Негативное влияние на реализацию социальных программ российского государства оказал мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году в США, а затем распространившийся и по другим странам. Глобальный кризис, который, по мнению многих экспертов, еще не закончился, заставил переосмысливать многие устоявшиеся понятия и явления. Не составляет исключения и концепция социального государства.

России необходимо учесть негативный опыт западных стран и во многом скорректировать представления о социальном государстве [3, с. 109–114].

В частности, обществом воспринимается как справедливость, когда помощь и поддержку со стороны государства получают те, кто в этом реально нуждается, кто по объективным причинам (юный возраст, болезнь, инвалидность, необученность, и др.) не может обеспечить себе достойного уровня жизни. Тот же, кто здоров, образован, имеет профессию, обязан трудиться и обеспечивать себя и свою семью сам. Как видим, процесс становления социального государства в нашей стране все более тяготеет к либеральной модели.

Опыт развития социальных государств Запада, особенно в последние два десятилетия, наглядно показал, насколько сложно найти баланс между свободным рынком и влиянием государства на экономику. Дело в том, что реализация широких социальных программ неразрывно связана с повышением налогообложения, а это со временем становится тормозом развития экономики. Следовательно, в таких условиях государство вынуждено урезать социальные программы. Затем наступает период, требующий увеличения социальных расходов в связи с ростом необеспеченной части населения. Таким образом, формирование социальной государственности – процесс

постоянный и непрерывный, требующий адекватной реакции на вновь возникающие ситуации и в экономике, и в политике, и в сфере нравственности [4, с. 109].

В процессе становления социального государства в России на нынешнем этапе необходимо решение следующих первоочередных задач: сокращение бедности и чудовищной разницы в доходах между самыми бедными и самыми богатыми; проведение технологического обновления и модернизации всей производственной сферы; создание новых рабочих мест; повышение пенсии; обеспечение выполнения предусмотренных государством социальных гарантий в сфере здравоохранения, обеспечения жильем, в области ЖКХ.

Становление социального государства в России – процесс длительный, сложный и противоречивый. Не смотря на то что в последние годы в нашей стране немало сделано в социальной сфере, заявленная в Конституции ориентация государства на личность и всестороннюю защиту ее социальных прав и свобод остается в значительной мере декларативной. Сложившиеся в недалеком прошлом тенденции государственного развития России в области прав человека не совпадают в полной мере с положениями Конституции Российской Федерации. Это создает социальную напряженность в обществе, стимулирует антидемократические настроения, компрометирует Россию в глазах мирового сообщества. Все это, безусловно, осложняет, но никоим образом не может повернуть вспять процесс становления социального государства в России. Поэтому и сегодня Конституция РФ остается политико-правовой основой формирования социального государства в нашей стране.

Список использованной литературы:

1. Концепция и стратегия (К каким выводам пришел институт социально-политических исследований Российской академии наук) // РГ. 1993. 3 июл.

2. *Шарков Ф. И.* Приоритеты социального государства в решении социальных задач // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке : социальные вызовы и альтернативы» : в 3 т. М., 2003. Т. 3.

3. Круглый стол «Господин Кризис, как Вас теперь называть?» // Полис. 2009. № 3.

4. *Лукашева Е. А.* Права человека и социальное государство // Общая теория прав человека. М., 1966.

5. *Плешаков А. П.* Становление социально-правовой государственности в России. Саратов, 2007.

А. А. Подмарев

ОГРАНИЧЕНИЕ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН : КОНСТИТУЦИЯ РФ 1993 ГОДА И ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Конституция РФ 1993 года провозглашает свободные выборы одной из форм высшего непосредственного выражения власти народа. Выборы – это не только способ формирования государственных и муниципальных органов, но и один из определяющих признаков демократического государства, ценность демократического общества, процедура определения представителей народа на различные уровни публичной власти. В 2012 году в Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что демократия – это возможность выбирать власть [3]. «Выборы…, – пишет Б. С. Эбзеев, – являются способом формирования народного представительства» [14, с. 341].

Посредством участия в выборах граждане реализуют свое активное и пассивное избирательное право. Реализация избирательных прав – это не просто традиция посещения избирательного участка один раз в несколько лет. Участие в выборах в ка-

честве избирателя или кандидата позволяет гражданину ощутить себя частью механизма государства. Выборы, отмечал О. Е. Кутафин, «создают один народ, одно представительство, одну общую волю» [1, с. 230].

Для избирательных прав в законодательстве устанавливаются определенные ограничения (избирательные цензы), обусловленные разными причинами. Установление ограничения избирательных прав – это общепризнанная конституционная практика. В России накоплен значительный исторический опыт ограничения (лишения) избирательных прав разных групп граждан. Например, в Конституции РСФСР 1918 года (ст. 65) и Конституции РСФСР 1925 года (ст. 69) было определено семь таких групп (категорий) граждан. В данном случае ограничение (лишение) избирательных прав, по мнению Е. А. Лукьяновой, с юридической точки зрения отражало борьбу Советской власти со своими противниками путем «отстранения их от участия в управлении делами государства и общества» [2, с. 43].

Положения об ограничении пассивного избирательного права мы можем найти как в Конституции России 1993 года, так и в федеральных законах. Конституция РФ 1993 года предусматривает как общие условия ограничения всех прав и свобод (ч. 3 ст. 55), так и отдельные виды ограничения пассивного избирательного права (ст. 32, 81, 97), основным из которых является то, что не имеют права быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (ч. 3 ст. 32). Дополнительное ограниычение пассивного избирательного права установлено несколькими федеральными законами. Например, основной избирательный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 12.06.2002 года в первоначальной редакции, в частности, закрепил, что: 1) гражданин РФ имеет право по достижении возраста, установленного Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов РФ, быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления; 2) законодательством могут устанавливаться дополнительные условия реализации гражданином РФ пассивного избирательного права, не позволяющие одному и тому же лицу занимать одну и ту же выборную должность более установленного количества сроков подряд (ст. 4).

В последующие годы федеральный законодатель последовательно расширял круг ограничений пассивного избирательного права.

В июле 2006 года были лишены пассивного избирательного права граждане РФ, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства [11].

В декабре 2006 года федеральный законодатель решил, что не имеют права быть избранными граждане РФ, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления, а также подвергнутые административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики» Кодекса РФ об административных правонарушениях [12].

В 2012 году было установлено, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, за исключением случаев, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями [13].

Не вызывает сомнения, что конституционные нормы об ограничении пассивного избирательного права нуждаются в дальнейшей законодательной регламентации на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ. Однако существует реальная опасность превышения федеральным и региональным законодателем своих конституционных полномочий в сфере регулирования пассивного избирательного права, как, впрочем, и вообще всех прав и свобод человека и гражданина. В первую очередь речь идет о выходе законодателей за пределы рамок, установленных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Такие негативные примеры есть и на федеральном, и на региональном уровне.

В России органом, обеспечивающим конституционность федеральных и региональных законов и одновременно защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе и пассивного избирательного права, от органов законодательной власти является Конституционный суд РФ.

В ряде решений Конституционным судом РФ сформулированы правовые позиции, касающиеся возможных ограничений пассивного избирательного права:

1) закрепление в законодательстве субъектов РФ иных условий приобретения гражданами пассивного избирательного права, чем это установлено Российской Федерацией, является нарушением принципа равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ) [4];

2) содержащаяся в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ гарантия прав и свобод человека и гражданина обязывает федерального законодателя, предусматривая возможность участия субъектов РФ в конкретизации условий пассивного избирательного права, устанавливать пределы полномочий их законодательных органов. Если законодатель субъекта РФ выходит за рамки делегированных ему полномочий, четко определенных федеральным законом, он, тем самым, нарушает ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [5];

3) ограничение федеральным законом избирательных прав граждан допустимо лишь при условии, что такое ограничение обоснованно, преследует конституционно значимые цели и соразмерно им [6];

4) установление субъектом РФ условий, связанных с наличием гражданства республики, а также с постоянным или преимущественным проживанием на ее территории (или на территории конкретного избирательного округа), означает, что граждане РФ, которые этим условиям не отвечают, лишаются пассивного избирательного права. Условия реализации пассивного избирательного права гражданами РФ должны быть едиными на всей ее территории, субъект же РФ, устанавливая своими нормативными актами расходящиеся с федеральным регулированием дополнительные условия осуществления пассивного избирательного права, нарушает равенство избирательных прав граждан РФ [7];

5) конкретизируя положения Конституции РФ, федеральный законодатель в силу п. «в» статей 71, п. «н» ч. 1 ст. 72 и ч. 1 и 2 ст. 76 определяет порядок и условия осуществления активного и пассивного избирательного права. При этом не допускаются искажение конституционных принципов избирательного права, отмена или умаление самих принадлежащих гражданам РФ избирательных прав, которые, как следует из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [8];

6) государство в лице федерального законодателя может и, по сути, должно определять порядок и условия реализации гражданами РФ активного и пассивного избирательного права [9];

7) в отношении пассивного избирательного права могут вводиться более стро-

гие, чем в отношении активного избирательного права, ограничения, ведущие к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности [10];

8) ограничениея конституционного права быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, ведущее к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности, может устанавливаться федеральным законом на основе вытекающих из Конституции РФ критериев с учетом основных принципов и норм международного права, являющихся составной частью правовой системы России, включая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которая в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ имеет приоритет по отношению к законам [9];

9) бессрочное лишение гражданина права быть избранным, притом что к пожизненному лишению свободы он не приговорен, представляет собой такое ограничение данного права, которое затрагивает само его существо, делает невозможным осуществление права как такового ни в какой форме на протяжении всей жизни гражданина и после отбытия им наказания, т. е. в нарушение ч. 2 и 3 ст. 3, ч. 4 ст. 15, ч. 3 ст. 17, ч. 1 и 2 ст. 19 и ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ превращается именно в отмену пассивного избирательного права, что недопустимо [9].

Значение данных правовых позиций Конституционного суда РФ заключается в том, что: во-первых, выявляется и объясняется неконституционность отдельных положений действующих избирательных законов; во-вторых, защищается пассивное избирательное право граждан; в-третьих, конкретизируются пределы нормотворчества федерального и регионального законодателя в сфере регулирования избирательных прав граждан; в-четвертых, определяются направления совершенствования избирательного законодательства.

Список использованной литературы:

1. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М. : Норма, 2008.

2. *Лукьянова Е. А.* Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М. : Издательство МГУ, 2000.

3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 г. // РГ. 2012. 13 дек.

4. По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия : Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.1997 г. № 9-П // СЗ РФ. 1997. № 26. Ст. 3145.

5. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» : Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.1998 г. № 12-П // СЗ РФ. 1998. № 18. Ст. 2063.

6. По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» : Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2000 г. № 7-П // СЗ РФ. 2000. № 19. Ст. 2102.

7. По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М. М. Салямова : Постановление Конституционного Суда РФ от 22.01.2002 г. № 2-П // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 627.

8. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 64, пункта 11 статьи 32, пунктов 8 и 9 статьи 35, пунктов 2 и 3 статьи 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросами Верховного Суда РФ и Тульского областного суда : Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2002 г. № 10-П // СЗ РФ. 2002. № 25. Ст. 2515.

9. По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. З. Измайлова : Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2009 г. № 16-П // СЗ РФ. 2009. № 47. Ст. 5709.

10. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобами граждан Г. Б . Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 г. № 20-П // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части уточнения требований к замещению государственных и муниципальных должностей : Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 128-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3427.

12. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и Гражданский процессуальный кодекс РФ» : Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5303.

13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» : Федеральный закон от 2 мая 2012 г. №40-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2274.

14. *Эбзеев Б. С.* Человек, народ, государство в конституционном строе РФ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013.

Н. Н. Портенко

ПОРЯДОК ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ

Право на жилище в конституциях появилось относительно недавно. Первоначально оно было установлено в нашей стране в Конституции СССР 1977 года, в дальнейшем нашло свое отражение в Конституции РСФСР и Конституции России, а далее в кодифицированных жилищных школах (Основах жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, Жилищном кодексе РСФСР и др.). В ст. 40 Конституции России право на жилище определяется несколько иначе, чем в Конституции РСФСР 1978 года. В ч. 2 ст. 40 Конституции России предусмотрено, что органами государственной власти и органами местного самоуправления поощряется жилищное строительство, создаются необходимые условия для осуществления права на жилище. Что же касается предоставления жилья бесплатного (или за незначительную плату), то, согласно ч. 3 ст. 40 Конституции, данное жилье может предоставляться только малоимущим и малообеспеченным категориям граждан, которые нуждаются в нем, а также некоторым другим нанимателям. В данном случае это могут быть военнослужащие, лица, пострадавшие в результате чрезвычайных обстоятельств, участники Великой Отечественной войны и приравненные к ним лица, инвалиды и некоторые другие категории граждан. Таким образом, Конституция сделала упор не на планово-распределительную, а на договорную систему обеспечения жилыми помещениями, отказалась от монополии в государственном, муниципальном и общественном жилищном фонде. Данное право граждан закреплено и в иных конституционных законах некоторых субъектов Российской Федерации [3, с. 127]. Категориям граждан, указанным выше, жилище должно предоставляться из государственного, муниципального или иного жилищного фонда в соответствии с установ-

ленными законом нормами.

Необходимо определить понятие «право на жилище».

Можно выделить основные точки зрения. Во-первых, конституционное право на жилище определяется гарантией со стороны государства возможности получить жилье. Указанное право обеспечивает юридическую возможность беспрепятственного пользования имеющимся у лица жилым помещением, неприкосновенность жилища, недопущение произвольного лишения жилища, а кроме того, дает возможность улучшить жилищные условия путем приобретения другого жилья [4]. Во-вторых, государство гарантирует любому гражданину возможность воспользоваться тем жильем, которое у него имеется, и возлагает на себя обязанность по содействию тому, чтобы каждый гражданин был беспечен жильем [4]. В-третьих, это право к юридическим возможностям:

а) устойчивое, стабильное, постоянное использование жилого помещения;

б) государственное содействие в улучшении жилищных условий;

в) создание здоровой среды обитания, жилой среды.

Конституционное право на жилище обеспечивается посредством предоставления жилого помещения в домах государственного и муниципального жилищного фонда, основанного на договоре социального найма в рамках норм жилой площади, а также на условии аренды (или коммерческого найма) или посредством покупки или строительства жилья за личные средства, когда площадь не ограничена. Другим гражданам, не обеспеченным жильем, по нормативам, установленным государством, оно оказывает возможную помощь, расширяя строительство домов государственного и муниципального жилищного фонда, предназначенных для предоставления жилья по договорам социального найма. В поддержку населения также предоставляются компенсации (субсидии) и льготы при оплате нового строительства, содержанию и ремонту жилья.

Конституционное право на жилище по его юридической природе можно определить как государственно-правовой институт. Однако указанные положения о праве на жилище [1] являются юридической основой для дальнейшего совершенствования и развития жилищного законодательства, системы жилищных правоотношений, для использования жилых помещений, проведения сделок и других юридически значимых действий с жилыми помещениями, организации управления и обеспечения сохранности жилищного фонда [3].

В праве на жилище имеется несколько аспектов, которые могут быть определены как главные, основные юридические возможности, вытекающие из содержания ст. 40 Конституции Российской Федерации:

1) право беспрепятственного использования занимаемого жилого помещения в домах государственного, муниципального и иного жилищного фонда на условиях договоров найма, участия в жилищных и жилищно-строительных кооперативах, посредством индивидуального жилищного строительства, приобретения жилых помещений (домов) по договору купли-продажи, дарения, мены, наследования, а также по иным основаниям, предусмотренным законодательством;

2) возможность улучшить свои жилищные условия, получить другое жилое помещение разными способами: для малообеспеченных и малоимущих лиц, нуждающихся в жилье, – посредством получения жилища бесплатно или за доступную плату из государственного, муниципального или иного жилищного фонда в соответствии с установленной законом нормой; для иных лиц – путем жилищного строительства или приобретения жилья за счет личных денежных средств, с привлечением субсидий государства и кредитов банка или иных кредитных учреждений;

3) возможность использовать жилое помещение не только для проживания

гражданина – собственника данного помещения и членов его семьи, но и для передачи его с целью проживания иным гражданам на основании договора аренды, коммерческого найма и др.;

4) обеспечение для жителей жилых домов или жилых помещений здоровой окружающей среды, жилой среды, достойной цивилизованного человека; недопустимость произвольного лишения граждан права на жилище.

Провозглашенное в ст. 40 Конституции право на жилище можно отнести к числу важных прав. В связи с этим в силу ст. 17 Основного Закона данному праву свойственна неотчуждаемость, т. е. данное право не может быть изъято у гражданина государством или ограничено в объеме, кроме тех случаев, которые непосредственно указаны в самом законе или Конституции. Даже в случаях введения на основании ст. 56 Конституции чрезвычайного положения указанное право не подлежит ограничению.

Существенное значение при обеспечении стабильного использования жилого помещения имеет положение ст. 27 Конституции о праве каждого гражданина, на законных основаниях находящегося на территории России, беспрепятственно передвигаться, выбирать место своего жительства и пребывания. При этом в Конституции имеются в виду две формы жительства – постоянное (место, где гражданин постоянно проживает) и преимущественное проживание (место, где гражданин проживает дольше, чем в других местах). Во всех этих случаях гражданин имеет право иметь свое жилище.

Положение ст. 35 Конституции о недопустимости лишения собственника его имущества иначе как по решению суда имеет направленность на защиту права частной собственности, носит характер универсальности и должно применяться во всех сферах жизни. Это положение относиться и к области жилища и по смыслу указанной статьи распространяется на всех граждан.

Гарантия права на жилище, предусмотренная Конституцией, носит экономический характер и выступает в виде обязанностей, принятых на себя государством для обеспечения предоставленного гражданам права: органы государственной власти и органы местного самоуправления выступают за жилищное строительство, создаются условия, чтобы реализовать право граждан на жилище.

С целью реализации конституционного права гражданина на жилище закон устанавливает обстоятельства (юридические факты), при которых у него возникают субъективные права требования предоставить жилое помещение из жилищного фонда социального использования, получить субсидию и т. д. Эти права возникают по воле самого гражданина, но реализуются при посредстве правоприменительной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, различных организаций. Конституционное право на жилище в данном случае можно считать реализованным с момента вынесения решения о предоставлении лицу конкретного жилого помещения и вселении в него, в результате чего у гражданина возникает субъективное право на жилое помещение.

Конституция гарантирует гражданам России беспрепятственное осуществление ими субъективных прав на занимаемое ими жилое помещение (право пользования). В ст. 40 Конституции прямо говорится, что никто не может быть произвольно лишен жилища. Это значит, что ни органы государственной власти, ни органы местного самоуправления, ни любые должностные лица не могут выполнять какие-либо действия, сопряженные с неправомерным лишением граждан права на жилище. Реализация права на жилище обеспечивается возможностью граждан свободно передвигаться и выбирать место пребывания и жительства [1]. Закон РФ от 25 июня 1993 года «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места

пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» ввел вместо прописки регистрационный учет граждан. Данное положение дает возможность выбора лицом жилого помещения, где оно преимущественно или постоянно проживает, собственником которого является или которым пользуется по договору найма либо по другим основаниям, указанным в законе [2].

Конституция РФ предусматривает вполне определенные гарантии права на жилище, что делает его устойчивым.

С учетом изложенного право граждан на жилище возможно определить как правовую возможность любого в избранном им месте жительства иметь жилое помещение (во владении и пользовании или в собственности), т. е. иметь гарантированную государством возможность быть им обеспеченным по установленным законом основаниям, стабильно им пользоваться, не опасаясь возможности его произвольного лишения и нарушения его неприкосновенности.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : Федеральный Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (в ред. от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ) // РГ. 1993. № 152.

3. *Литовкин В. Н.* Комментарий к статье 40 Конституции РФ // Комментарий к Конституции Российской Федерации. М. : Юристъ, 2012.

4. *Шешко Г. Н.* Право на жилище : конституционные принципы и жилищное законодательство. URL: http://dom-i-zakon.ru/publik/pravo_na_zhilishhe/ (дата обращения: 23.12. 2013).

С. П. Портянкина

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Состязательность является одним из основных начал, характеризующих гражданское процессуальное право в современной России. Если коснуться истории, то можно отметить, что состязательное начало возникло как правовой обычай в древней Руси. В современныой период развития российского общества, в частности во время интенсивного проведения судебной реформы, состязательность гражданского судопроизводства есть свидетельство проявления подлинного демократизма при отправлении правосудия по гражданским делам.

Справедливости ради отметим, что состязательность и равноправие сторон в соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ являются взаимодополняющими конституционными принципами судопроизводства. Усиление состязательного начала позволяет лицам, участвующим в деле, самостоятельно обосновывать свою правовую позицию в соответствии с требованиями процессуальной формы, ограничивая активную роль суда, которая была более характерна для так называемого следственного гражданского процесса, когда суд, устанавливая объективную истину по гражданскому делу, занимал активную роль в доказывании. Состязательность предоставляет лицам, участвующим в деле, равные возможности в доказывании.

Равноправие, так же как и состязательность, – универсальный конституционный принцип. Состязательный процесс, основанный на противоположных интересах сторон, невозможен без их процессуального равноправия. Нет сомнения в том, что, использование состязательной формы судопроизводства нацелено на достижение целей гражданского судопроизводства, на своевременное и правильное разрешение

каждого дела.

Ст. 123 Конституции РФ провозгласила состязательность основой правосудия в Российской Федерации. В чем же состоит сущность состязательности в гражданском судопроизводстве? Следует отметить, что именно состязательное начало судопроизводства является основой правовых традиций в демократических государствах. Усиление состязательности в гражданском процессе позволяет стимулировать активность сторон, что в конечном итоге должно способствовать укреплению процессуальной дисциплины, ответственности сторон за правильное ведение дел в суде, а следовательно, более быстрому и правильному рассмотрению и разрешению споров [1, с. 55].

Состязательность является одним из древнейших принципов ведения процесса. Современная теория рассматривает состязательность как один из принципов гражданского процессуального права [2, с. 37]. По мнению С. А. Шишкина, состязательность должна рассматриваться как одна из характеристик и принципов процесса, определяющих его развитие с точки зрения материальной (содержательной) стороны [3, с. 95].

Представляется, что именно состязательность позволяет сторонам дела быть основными участниками гражданского процессуального правоотношения и процесса в целом.

В ст. 56 ГПК РФ указано, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Следовательно, истец, обращаясь с иском в суд, обязан лично или через представителя доказывать обстоятельства, на которые ссылается как на основание иска. В зависимости от того как ответчик реагирует на предъявленное ему требование, он также обладает возможностью доказывать свою правовую позицию, например возражая или не признавая предъявленные ему требования. Подобная ситуация наиболее наглядно демонстрирует проявление принципов состязательности и равенства сторон в гражданском судопроизводстве в России.

Несмотря на то что состязательность и равноправие сторон являются конституционными принципами и принципами гражданского процессуального права, при их реализации все же имеются явные проблемы, и не секрет, что эти проблемы имеют социальный характер. Так, малоимущие граждане, оказавшиеся в трудной ситуации и нуждающиеся в правовой помощи, практически не имеют возможности получить квалифицированную помощь. Общественные приемные, юридические «клиники», созданные практически при всех юридических факультетах вузов страны, осуществляют, как правило, лишь консультационные услуги.

Следует отметить, что вследствие социально-экономических процессов в России не каждый гражданин в состоянии воспользоваться услугами представителя, поскольку данные услуги оказывают на возмездной основе. Следовательно, шанс проиграть дело очевиден, и лишь потому, что другая сторона располагает средствами для оплаты услуг опытного представителя [5, с. 27].

Тем не менее следует отметить, что положительная тенденция обеспечения возможности получения малоимущими гражданами бесплатной юридической помощи в общественных приемных, юридических клиниках развивается с каждым годом. В данный процесс вовлекаются практикующие юристы и студенты старших курсов юридических вузов, осуществляющие консультирование граждан под руководством педагогов-наставников. Тот факт, что 21 ноября 2011 года был принят Федеральный закон №324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», наиболее ярко свидетельствует – государство предпринимает действенные меры для предоставления всем нуждающимся в правовой помощи гражданам реальной возможности получить ее.

Принцип состязательности заключается в обеспечении законом возможности каждому лицу, участвующему в деле, отстаивать свои права и охраняемые законом интересы, свою позицию в деле. В соответствии с принципом состязательности и равноправия сторон лица, участвующие в деле, наделяются соответствующим комплексом процессуальных прав, которые обеспечивают каждому из них реальную возможность получить судебную защиту своих нарушенных прав или охраняемых законом интересов.

Итак, состязательность можно рассматривать как полноправие лиц, участвующих в деле. Наименование и содержание данного принципа связано с взаимоотношениями сторон гражданско-правового спора, имеющих противоположный материально-правовой интерес в конкретном деле. Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что все проявления принципа состязательности охватываются вопросами законности в области осуществления процессуальных прав лицами, участвующими в деле.

Список использованной литературы:

1. См.: *Яковлев В.*, *Юков М.* Новое в деятельности арбитражных судов / / Закон. 1995. № 9.
2. *Чыканов А. Б.* Объективная истина и состязательность в уголовном судопроизводстве / / Вестник СПб ГУ. Сер. 6. 1995. Вып. 4 (№ 27).
3. Арбитражный процесс / под ред. М. К. Треушникова. М., 1993.
4. *Шишкин С. А.* Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 1997.
5. *Абрамов С. Н.* Гражданский процесс. М., 1948 ; *Гурвич М. А.* Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950.

Е. Г. Потапенко

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

В традиционном понимании принципы права есть основополагающие начала, исходные положения и идеи, составляющие основу и выражающие сущность права. При этом следует выделять две сферы действия принципов права – внутреннюю и внешнюю.

Внутренняя сфера действия принципов права характеризует их взаимодействие с иными нормативными предписаниями в рамках единой системы права. Как справедливо отмечается в современной юридической литературе, принципы права при взаимодействии с иными правовыми предписаниями выполняют системообразующую (направляющую) функцию [4, с. 11–13]. Способность принципов права реализовать данную функцию обеспечена как их технико-юридическим построением, так и высшей юридической силой. С одной стороны, принципы права имеют высокую степень обобщенности (абстрактности), что позволяет распространять их действие на всю сферу регулируемых общественных отношений, с другой – этим принципам придается большая юридическая сила в сравнении с конкретными правовыми предписаниями. Так, согласно п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса РФ [2] (далее – ГК РФ), гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Таким образом, ГК РФ устанавливает высшую юридическую силу принципов гражданского права как основ регулирования гражданско-правовых отношений. Внутреннее действие принципов гражданско-

го права весьма точно и образно охарактеризовал В. Ф. Яковлев: «Принципы должны реализовываться в любой норме. Иначе говоря, принципы – это душа конкретной нормы. Если эту душу вытащить из конкретной нормы и она там не будет присутствовать, значит, теряется весь смысл такой нормы» [8, с. 137].

Внешнее действие принципов права связано с их способностью самостоятельно воздействовать на конкретные общественные отношения. Являясь особой разновидностью правовых предписаний, принципы права имеют признак нормативности. В этой связи принципы права во взаимодействии с общественными отношениями выполняют регулятивную функцию наряду с иными нормативными предписаниями. Однако регулятивной функцией внешнее действие принципов права не ограничивается. Помимо непосредственного их воздействия на общественные отношения, они также играют весьма важную роль в толковании норм права. При осуществлении правоприменительной деятельности принципы права часто используются для устранения пробелов в правовом регулировании.

Все указанное выше применимо к принципам конституционного права, имеющим, вместе с тем, определенную специфику. По справедливому замечанию Е. В. Гриценко, «непосредственное действие конституционных прав и свобод, однако, не отменяет их специфическую природу, основанную на соединении субъективных и объективных начал в конституционных правах (субъективное право выступает одновременно в качестве конституционного принципа), а также не исключает их конкретизацию и дальнейшую интерпретацию в отраслевом законодательстве» [6, с. 16]. В силу своей высокой абстрактности действие принципов конституционного права обычно не ограничивается сферой лишь одной отрасли права (хотя есть и принципы, которые распространяются только на отдельные институты конституционного права, например принципы законодательного процесса). Данные принципы имеют в большинстве своем межотраслевой характер, т. е. действуют в рамках нескольких отраслей права либо системы права в целом. К таким принципам следует отнести, например, конституционный принцип юридического равенства субъектов гражданско-правовых отношений, закрепленного в ст. 19, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35 Конституции РФ [1] и составляющего конституционную основу регулирования гражданско-правовых отношений. В основе ряда иных принципов гражданского права, сформулированных в ст. 1 ГК РФ, также лежат положения Конституции РФ. Так, например, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела находит свое выражение в ст. 23 и 24 Конституции РФ, принцип неприкосновенности собственности вытекает из ст. 35 и ч. 2 ст. 8 Конституции РФ. На конституционную основу принципов современного частного права обращают внимание и современные ученые-цивилисты [5, с. 51–54]. «Благодаря конституционным принципам организации и взаимоотношений личности, общества, государства отрасли права в процессе взаимодействия могут сохранять способность к системному единству. Поэтому системообразующая функция Конституции способна поддерживать интеграцию различных отраслей права» [7, с. 105], в том числе и отраслей частного права. Вместе с тем при определении значения принципов конституционного права в развитии российского частного права необходимо отличать действие конституционных принципов, прямо установленных в Конституции РФ и реализуемых в сфере регулирования частноправовых отношений, от действия собственно принципов частного права, хотя и вытекающих из тех или иных положений Конституции РФ, но точно и полно Конституцией РФ не закрепленных. К первым следует отнести ранее указанный принцип юридического равенства. Ко второй группе относится, например, принцип свободы договора, сформулированный в ст. 1 ГК РФ. Такая классификация принципов не только важна с точки зрения сферы распространения их действия, но и должна учитываться при

«столкновении» указанных принципов в процессе их реализации в конкретных частноправовых отношениях. В силу прямого закрепления в Конституции РФ принципы, относящиеся к первой группе, обладают высшей императивностью. Об этом свидетельствует и современная практика конституционного судопроизводства. В Постановлении от 23.01.2007 года № 1-П Конституционный суд РФ указал, что свобода гражданско-правовых договоров предполагает соблюдение принципов равенства и согласования воли сторон [3].

Таким образом, в обобщенном виде принципы конституционного права влияют на развитие современного частного права в следующих направлениях:

– в силу прямого действия осуществляют непосредственное регулирование частноправовых отношений. Получая свою конкретизацию в отраслевых нормативно-правовых актах, такие принципы не теряют своей первоначальной отраслевой принадлежности;

– закрепляя основополагающие начала взаимодействия государства и общества, общества и личности, а также субъектов правоотношений друг с другом, конституционные принципы обеспечивают стабильность и прозрачность современного правового регулирования в сфере частноправовых отношений;

– конституционные принципы направляют развитие российского частного права, устанавливают ориентиры и пределы его отраслевого саморазвития, определяют пределы свободы участников гражданского оборота, в том числе в реализации гражданских прав.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп. на 02.11.2013 № 302-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 ; СЗ РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.

3. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

4. См.: *Васильев В. В.* Системное единство гражданского права // Гражданское право. 2012. № 3.

5. См.: Гражданское право. Общая часть : учебник : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2008. Т. 1.

6. *Гриценко Е. В.* Роль конституционного суда в обеспечении прямого действия Конституции в Германии и России // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1.

7. *Пресняков М. В.* Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Г. Н. Комковой. М. : ДМК Пресс, 2009.

8. *Яковлев В. Ф.* Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право : история и современность. М. : Статут, 2012. Кн. 2.

М. В. Пресняков

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СТРАНАХ – УЧАСТНИЦАХ ЕВРАЗЭС

«Справедливость – общая нравственная санкция совместной жизни людей, рассмотренной главным образом под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей; способ обоснования и распределения между индивидами выгод и тягот их совместного существования в рамках единого социального пространства».

(*Данелян Р. С. Судейское усмотрение. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты*).

Современные реалии международной жизни убедительно показали, что «чисто экономические» союзы и объединения уже не отвечают социальным ожиданиям. Глобализационные процессы требуют формирования не только общего экономического, но и единого социального пространства. В социологии и социальной философии в самом общем виде социальное пространство рассматривается как социально освоенная часть природного пространства, своего рода «антропосфера». В узком же смысле слова этот термин обозначает характеристику условий и возможностей социальной жизни и социального развития индивидов, групп, организаций, которая определяется их местом в производственной сфере, социальным положением и т. п. В этом смысле единое социальное пространство представляет собой «совокупность территорий ряда стран, в пределах которых проводится согласованная социальная политика и функционируют унифицированные нормы социальной защиты граждан» [12].

Договором об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года определено, что ЕврАзЭС создается для реализации целей и задач, определенных Соглашениями о Таможенном союзе от 6 и 20 января 1999 года, Договором об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года и Договором о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года. В соответствии с Договором об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях государства – члены ЕврАзЭС проводят согласованную социальную политику, сближают, гармонизируют и унифицируют национальные законодательства в социально-гуманитарной сфере. Таким образом, Евразийское экономическое сообщество – это международная экономическая организация, созданная не только с целью формирования таможенного союза и единого экономического пространства, но и для реализации других целей и задач, связанных с углублением интеграции, в том числе и в гуманитарной сфере.

Базовым документом, направленным на выработку единого подхода к социальной политике стран – членов ЕврАзЭС, является подписанное в г. Астане 18 апреля 2007 года Решение № 335 Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества «О Концепции согласованной социальной политики государств – членов Евразийского экономического сообщества». Согласно данной Концепции, социальная политика – это сфера деятельности государства и институтов гражданского общества, направленной на управление социальным развитием, умножение и распределение материальных и духовных благ и услуг для обеспечения достойного уровня и качества жизни всех слоев населения, каждого человека. Реализация социальной политики осуществляется через совокупность государственных и общественных социальных программ и мероприятий, осуществляемых органами договаривающихся государств и направленных на обеспечение социальных прав граждан. Социальные права граждан – права, гарантирующие основные материальные блага и

услуги, а также свободы, необходимые для обеспечения жизнедеятельности граждан.

Нужно сказать, что сама концепция социальных прав в научной литературе (как и в политической жизни) воспринимается весьма неоднозначно. Авторы замечательной работы «О правах человека и социальных правах», рассматривая социальные права с позиции их конституционно-правового смысла, приходят к выводу о существовании значительной специфики в данной сфере [1, с. 61–91]. В частности, рассматривая социальные права в сопоставлении с личными, они приходят к выводу о сущностной неопределенности их содержания. Человек вправе требовать не ограничивать, например, свободу его передвижения, поскольку это его естественное притязание. Но какие притязания мы можем по праву приписать социальным правам? «Социальные права – это не столько права человека чего-либо требовать, сколько долг оказать помощь ближнему ... По общему правилу, долг сочувствия и соображения безопасности не создают права на помощь; потребность или нужда сами по себе не образуют оснований праву на помощь постороннего» [1, с. 61–91]. Действительно, социальные притязания не имеют такой определенности и ясности, такой прочной основы, как естественные права. Можно сказать, что они становятся правом только будучи позитивно закреплены в законодательстве. Только так они могут приобрести необходимую определенность содержания.

Так в правовом пространстве появляются «социализированные» отрасли права. А. В. Должиков, которому и принадлежит авторство данного термина, к социализированным отраслям относит трудовое, экологическое, жилищное, образовательное право [3, с. 109–120]. Ученый отмечает, что «в теоретическом смысле самостоятельное существование данных отраслей (отличное от „классического" гражданского права) может быть обосновано преобладанием публичных интересов над частным. Вне конституционализации „социализированные" отрасли немыслимы» [3, с. 109–120].

Означает ли это, что социальные права насквозь позитивны и лишены каких-либо онтологических оснований? Ответ на этот вопрос чрезвычайно важен с позиции оправдания концепции социального государства.

С. В. Королев обосновывает внутреннюю, сущностную противоречивость понятия «социальное правовое государство»: «…данные атрибуты государства приобретают ясный смысл только в альтернативном, а не кумулятивном режиме употребления» [7, с. 19]. По его мнению, например, тоталитарное государство может характеризоваться в качестве социального в части обеспечения права на труд, медицинскую помощь, образование, жилище и т. п., но оно не может быть правовым. «С другой стороны, правовое государство может быть устроено так, что основная тяжесть социальных задач поглощается самим гражданским обществом, например, посредством их финансирования из различных частных фондов, системы добровольного страхования и т. п. Иначе говоря, правовое государство не обязано быть социальным» [7, с. 20]. Однако, как нам представляется, для полноты картины чрезвычайно важно понимать, как государство становится правовым. Весьма сомнительно, что конституции закрепляют естественные права в силу их объективного существования, заложенности в природе человека. Если эти права естественные, т. е. существуют вне зависимости от их позитивного закрепления, тогда зачем «умножать сущности без необходимости» и вносить их в конституционные тексты? Как известно, конституции рождаются в борьбе и представляют собой результат социального компромисса. Поэтому и нормативное закрепление естественных прав является следствием ситуации их объективного ущемления. Точно такие же механизмы «вынуждают» государство и к принятию на себя социальных обязательств. И здесь прекрасным доводом против сторонников приоритета правового государства перед социальным предстает «пирамида Маслоу», которая, как известно, на первый уровень иерархии потребностей че-

ловека ставит физиологические – голод, жажду и т.п. И только когда эти потребности будут удовлетворены, приобретают значение потребности второго уровня – безопасность, стабильность и др. Конституциализация социальных отраслей права с этой точки зрения представляется нам вектором объективного процесса социализации права в целом.

Нужно заметить, что практически все страны, входящие в ЕврАзЭС, позиционируют себя как социальные государства. Так, например, в ст. 1 Конституции Республики Беларусь говорится, что она представляет собой унитарное демократическое социальное правовое государство. Согласно Конституции Казахстана, Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы (ч. 1 ст. 1). Аналогичные положения содержит и Конституция Кыргызской Республики. В Конституции Таджикистана, как и в российской Конституции, закрепляется, что социальный характер государства предполагает, что его политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Вместе с тем, как справедливо отмечают некоторые авторы, не вызывает сомнений, что государство, называемое социальным, должно создавать условия для достойной жизни и свободного развития человека. «Трудности при понимании термина „социальное государство" в смысле ч. 1 ст. 7 Конституции возникают в связи с тем, что понятия „достойная жизнь" и „свободное развитие человека" – сугубо оценочные, лишенные конкретизированного содержания. Нетрудно предположить, что если понятия, через которые раскрывается содержание социального государства, нуждаются в дальнейшей аналитической обработке, то трактовка понятия „социальное государство", каковым называет себя Россия, будет зависеть от того, какое содержание вкладывает тот или иной субъект толкования в термины „достойная жизнь" и „свободное развитие человека"» [8, с. 7–17].

По мнению председателя Конституционного суда В. Д. Зорькина, социальная политика, основанная на принципе социального государства, – это не произвольная по своей природе благотворительная деятельность, движимая нравственным чувством сострадания к социально незащищенным слоям, но конституционно-правовая обязанность государства гарантировать и защищать социальные права в качестве основных и неотчуждаемых прав на основе правовой справедливости [4, с. 12]. Как отметил Б. С. Эбзеев, конституционные обязанности Российского государства по защите граждан должны носить не разовый, фрагментарный, а постоянный характер и поэтому они требуют высокой степени активности государства в обеспечении материального производства, развитии экономики и формах управления ею для обеспечения индивидуальной и социальной жизни [13]. Помимо прочего это означает, что обеспечение социальных прав должно иметь под собой прочную институциональную основу. Это тем более важно, что социальные права, в отличии от естественных, как мы говорили выше, содержательно возникают только в результате их позитивации в праве. И в этом, как нам представляется, кроется наиболее серьезная проблема, связанная с формированием единого социального пространства в странах – участницах ЕврАзЭС. Дело даже не в том, что во всех этих государствах существуют разные экономические возможности реализации социальных программ, разный уровень жизни и т. п. Речь идет об организационно разных подходе и формах реализации социальной политики.

Например, как известно, согласно российскому закону от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», пособие по беременности и родам устанавливается в размере среднего заработка работа-

ющей женщины. При этом средний заработок, исходя из которого исчисляются пособия, учитывается за каждый календарный год в сумме, не превышающей установленной на соответствующий календарный год предельной величины базы для начисления страховых взносов в ФСС РФ. К примеру, на 2013 год такая предельная величина базы составляла 568 тыс. рублей. Минимальный размер заработка принимается равным МРОТ.

Законом Республики Беларусь от 30 октября 1992 года «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» установлена несколько иная модель расчета аналогичного пособия. Он также составляет 100% среднедневного заработка, но за каждый календарный месяц не более 3-кратной величины средней заработной платы в Республике и не менее минимального размера этого пособия. Минимальный размер данного пособия составляет 50% наибольшей величины прожиточного минимума на душу населения.

Пособие при рождении ребенка в России выплачивается в виде твердой денежной суммы на каждого ребенка, но без учета общего количества детей в семье. На 2013 год его размер составлял 13 087,61 руб. В Белоруссии при рождении первого ребенка это пособие составляет наибольшую величину прожиточного минимума в 5-кратном размере, при рождении второго и последующих детей – в 7-кратном.

Согласно Закону Республики Казахстан от 28 июня 2005 года «О государственных пособиях семьям, имеющим детей», для установления размера пособия на рождение ребенка используется так называемый расчетный показатель, который устанавливается нормативно на каждый год. Например, в 2013 году он был установлен в размере 1731 тенге (казахстанский тенге приблизительно равен 0,21 российского рубля). Пособие на рождение первого, второго, третьего ребенка выплачивается в размере 30 месячных расчетных показателей, в случае рождения четвертого и более ребенка – 50 месячных расчетных показателей.

В Узбекистане же подобные пособия назначаются только в случае нуждаемости семьи. В частности, обязательным является предоставление сведений о составе и доходах семьи и подтверждающих эти доходы документов. Пособие семьям с детьми, пособие по уходу за ребенком и материальная помощь назначаются семьям, среднемесячный совокупный доход которых не превышает полуторакратной среднемесячной величины минимальной заработной платы, установленной в периоде, за который определяется совокупный доход, на каждого члена семьи.

Сложность согласования национальных законодательств участников ЕврАзЭС многократно возрастает, когда дело касается «долгосрочных» социальных обязательств. Яркий пример – пенсионные системы. Сравнительный анализ пенсионного законодательства государств – членов ЕврАзЭС, проведенный Постоянной комиссией по социальной политике ЕврАзЭС, показал большое разнообразие правил и норм пенсионного обеспечения, которые в значительной мере зависят от разных экономических и демографических условий, в которых они находятся [9]. Действующее пенсионное законодательство стран – членов ЕврАзЭС в его обязательной форме ориентировано на разные модели пенсионирования. Беларусь, Узбекистан и Таджикистан используют традиционную солидарную форму пенсионного обеспечения, Казахстан сосредоточивается на накопительной форме, в России и Киргизии в качестве основных в обязательном пенсионном страховании используется несколько финансовых схем пенсионного обеспечения.

По мнению Постоянной комиссии по социальной политике ЕврАзЭС, тезис о бесперспективности солидарной пенсионной системы нуждается в серьезной ревизии. Накопительная пенсия не решает проблемы удовлетворительного пенсионного обеспечения основной массы работников в небогатых странах с низким общим уров-

нем оплаты труда и высокой его дифференциацией. Отчисления от низких зарплат не создают необходимой базы для капитализации. В то же время высокодоходные работники способны использовать большее разнообразие объектов для вложения собственных средств на старость и с большей эффективностью их капитализировать.

И хотя Комиссия прямо заявляет, что Концепция основ пенсионного законодательства не дает рекомендаций по моделям формирования средств, используемых на выплату пенсий, считая это приоритетом национальных законодательств, так как в каждой из стран существуют слишком разнородные экономические условия, исторические и культурные предпочтения, можно отметить определенную симпатию авторов Концепции к солидарной пенсионной системе.

Обязательное пенсионное страхование – это страхование прежде всего социального слоя работников, а поскольку в него входят лица с разным уровнем доходов, то оно не может осуществляться без внестрахового перераспределения в пользу работников с относительно низкой зарплатой, которые без такого перераспределения не могут быть полноценно застрахованными.

Вместе с тем масштабы упомянутого перераспределения средств должны быть четко ограничены, поскольку их чрезмерность способна преобразовать систему социального страхования в систему социального обеспечения. Например, выплата досрочных пенсий за счет общих поступлений в страховую систему не только нивелирует ее характер, но и дестимулирует работодателей улучшать условия труда.

Концепция основ пенсионного страхования исходит из той позиции, что независимо от конкретного механизма перераспределения средств выплачиваемые в обязательной системе пенсии не могут быть ниже прожиточного минимума пенсионера, страховой стаж которого удовлетворяет установленным нормативам. В то же время пенсия не может быть выше заработка на момент выхода на пенсию и тем более текущего заработка работников данной профессии.

Основной же целью совершенствования пенсионных систем стран – участниц ЕврАзЭС Концепция называет повышение уровня пенсионного обеспечения населения на основе создания условий, обеспечивающих «достойную жизнь» нетрудоспособных граждан. Данную категорию необходимо трактовать применительно к уровню жизни в данной стране и к уровню жизни пенсионера в период работы.

Независимо от способа формирования средств на пенсионное обеспечение (страховой, бюджетный, накопительный или смешанный) их объем должен обеспечивать такой уровень жизни в старости, который принципиально не отличается от уровня жизни работника. Иными словами, доля пенсии должна составлять величину, близкую к стоимости текущего потребления работника аналогичной профессии. Это обеспечивается соответствующим уровнем коэффициента замещения и индексацией пенсии по росту оплаты труда.

Концепция согласованной социальной политики государств – членов Евразийского экономического сообщества предполагает закрепление социальных прав в форме основных направлений согласованной социальной политики, закрепленных на межгосударственном и внутригосударственном (национальном) уровне.

Сначала осуществляется анализ национальных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере труда, занятости и социальной защиты населения, образования, здравоохранения, трудовой миграции и др.

Основными способами сближения (гармонизации, унификации) законодательства в социально-гуманитарной сфере являются:

– проекты международных договоров;

– Основы законодательства ЕврАзЭС;

– типовые проекты законодательных актов;

– рекомендации по сближению (гармонизации, унификации) законодательства;

– предложения по совершенствованию законодательства.

Поэтапное совершенствование и сближение (гармонизацию, унификацию) законодательства в области социальной политики предполагается осуществлять посредством перехода к более высоким ориентирам, требованиям и прогрессивным нормам с учетом практики развитых стран.

Безусловно, процессы гармонизации и унификации законодательства потребуют внесения определенных изменений в национальное законодательство, что может привести к проблемам правовой определенности. В Российской Федерации не должны издаваться законы, вносящие произвольные изменения в действующее правовое регулирование, поскольку тем самым нарушался бы принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Принцип недопустимости отмены предоставленных ранее прав прямо вытекает из ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Некоторые авторы отмечают, что данная норма «исключает возможность использовать законодательство для изъятий из перечня прав и свобод, провозглашенных Конституцией и актами международного права, которые Россия приняла обязательство соблюдать» [5]. «Конституция – акт высшей юридической силы, принятый народом на референдуме. Поэтому никакой иной правовой акт, в том числе закон, не может изъять из перечня естественно принадлежащих человеку, неотчуждаемых и неотъемлемых прав какое-либо право или свободу» [10]. Таким образом, акцент делается на недопустимости умаления или отмены именно конституционных прав. В этой связи хотелось бы заметить, что в ч. 2 ст. 55 Основного Закона речь не идет только о тех правах, которые непосредственно закрепляются Конституцией. Как нам представляется, данную норму следует толковать расширительно, т. е. как запрет умаления любых правомерно приобретенных прав. Например, это в полной мере относится к социально-экономическим правам, которые вытекают из сущности Российской Федерации как социального государства.

Следует отметить, что многие сторонники либеральных и либертарных теорий вообще полагают нецелесообразным и даже вредным закрепление социальных прав на конституционном уровне. Касс Р. Санстейн отмечает, что «если позитивные права начинают рассматриваться гражданами как неотъемлемые права, даруемые им государством, это может оказать негативное влияние на личную инициативу и предприимчивость» [11, с. 21]. Нужно сказать, что подобной позиции придерживаются и некоторые отечественные авторы. Это особенно характерно для представителей либертарной теории права. Так, В. А. Четвернин называет социальные права «юридически бессмысленными декларациями о правах человека и гражданина» и «условными социальными правами», которые не образуют безусловных притязаний индивидов на социальные блага [6, с. 233]. По его мнению, условные социальные права и «права» на предоставление привилегий произвольно устанавливаются в зависимости от благосостояния общества и политики конкретного правительства.

В целом сложно согласиться с позицией о допустимости отказа государства от своих социальных обязательств в ходе изменения текущего законодательства. Вместе с тем абсолютная «неприкосновенность» социальных, или, как их еще называют, «позитивных» прав невозможна. Причем это связано не только с финансовым состоянием государства, но и с объективными процессами трансформации законодательства, переходом к иным моделям правового регулирования осуществления указанных

прав.

Судья Конституционного трибунала Польской Республики Лех Гарлицкий отмечает, что охрана приобретенных прав не может иметь абсолютного характера, и законодатель эти права может ограничивать или модифицировать, особенно во время серьезных общественных реформ [2, с. 20]. Однако при этом он всегда должен соблюдать «принципы правильного законодательства», т. е. запрещение обратного действия и обеспечение соответствующих переходных правовых норм.

В качестве примера автор приводит правовую позицию Конституционного трибунала Польши, согласно которой застрахованное лицо должно учитывать то обстоятельство, что в условиях экономического регресса или неблагоприятных демографических тенденций в ситуации, когда уменьшаются поступления от страховых взносов, государство может быть вынуждено изменить действующее правовое урегулирование в худшую сторону, приспосабливая объем реализации социальных прав к экономическим условиям. При этом необходимо соблюдать принцип запрещения обратного действия норм права в отношении тех лиц, которые уже получили соответствующее право. «С этой точки зрения следует отличать ситуацию в отношении тех, кто уже получил право на пенсию по старости и инвалидности, от ситуации в отношении тех, кто, работая и уплачивая взносы, имеет лишь „ожидания", что такие права будут предоставлены им в будущем» [2, с. 20]. Вмешательство в «ожидания» прав может производиться в более широком объеме, чем ограничение приобретенных прав.

В таких условиях формирование единого социального пространства стран – участниц ЕврАзЭС представляется весьма непростой задачей. Концепция согласованной социальной политики государств – членов ЕврАзЭС в качестве основной цели называет формирование сообщества социальных государств, обеспечивающего реализацию социальных прав граждан, гарантированных конституциями государств, а также расширение возможностей для человеческого развития и рост благосостояния всего населения ЕврАзЭС.

При этом единое социальное пространство, которое Концепция называет главным результатом согласования социальной политики государств, предполагает:

– свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда;

– использование системы согласованных социальных стандартов и индикаторов;

– развитие и гармонизацию системы социального страхования;

– пенсионное обеспечение граждан, основанное на согласованных принципах и подходах;

– использование общего образовательного пространства;

– доступность полного комплекса качественных медицинских услуг и лекарственной помощи;

– формирование благоприятной для жизнедеятельности окружающей среды;

– единое пространство для межгосударственных и межнациональных культурных контактов;

– функционирование общего правового пространства.

В условиях отмеченного нами выше сущностного несовпадения самих моделей, форм осуществления социальной политики в разных странах – участницах ЕврАзЭС, как представляется, особое значение приобретает разработка системы согласованных социальных стандартов и индикаторов.

Концепция согласованной социальной политики государств – членов Евразийского экономического сообщества важнейшими элементами механизмов социальной политики называет государственные социальные гарантии, обеспечивающие реали-

зацию установленных конституциями сторон социальных прав граждан и выступающие одновременно ориентирами в реализации социальной и экономической политики социального государства.

В этой связи предусматривается в перспективе формирование в государствах – членах ЕврАзЭС системы стандартов и индикаторов социального развития, включая определение минимальных государственных социальных гарантий, охватывающих следующие сферы социальных отношений:

– труд и занятость;
– социальную защиту;
– образование и профессиональную подготовку;
– здравоохранение и обеспечение лекарственными средствами;
– обеспечение населения жильем, коммунальными и бытовыми услугами;
– науку и культуру;
– обеспечение экологической безопасности.

29 марта 2012 года в г. Минске состоялось 2-е заседание рабочей группы «Концептуальные основы согласованной социальной политики» Совета по социальной политике при Интеграционном комитете ЕврАзЭС по доработке проекта Системы индикаторов социального развития ЕврАзЭС в области социально-трудовых отношений.

Так, индикаторы в области социально-трудовых отношений включают такие основные позиции, как демография, уровень жизни, занятость населения, социальная защита и пенсионное обеспечение. Индикаторы в области образования характеризуют дошкольное воспитание и обучение, общее среднее образование, техническое и профессиональное образование, высшее образование, расходы государственного бюджета на образование, а также уровень образования населения. Индикаторы в области здравоохранения включают пять подразделов – обеспеченность врачебными кадрами, обеспеченность населения медицинской помощью, государственные минимальные социальные стандарты, медицинское образование, расходы государственного бюджета на здравоохранение [14].

К сожалению, разработка единых социальных стандартов государств – членов ЕврАзЭС на сегодня остается задачей на перспективу. Между тем наличие таких стандартов имело бы огромное значение для формирования единого социального пространства в условиях разного законодательного регулирования социальной политики в странах ЕврАзЭС.

Список использованной литературы:

1. *Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б.* О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.

2. *Гарлицкий Л.* Правовое государство и конституционное правосудие в Польше // Конституционное право : Восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38).

3. *Должиков А. В.* Влияние конституционных прав на российскую правовую систему // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6.

4. *Зорькин В. Д.* Права человека в контексте глобальной юриспруденции // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2. С. 12.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л. А. Окунькова. М. : БЕК, 1996.

6. Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М. , 1997.

7. *Королев С. В.* Конституционно-правовое регулирование бюджетного федерализма : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

8. *Магомедов Ш. Б., Бутаев Г. Р.* Теоретические основы социального государства на современном этапе // Российский юридический журнал. 2012. № 1.

9. Постановление Бюро Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 8 октября 2004 г. № 11 «О Рекомендациях по гармонизации законодательных условий функционирования пенсионных систем государств – членов ЕврАзЭС (на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств и с учетом положений конвенций Международной организации труда)».

10. *Садовникова Г. Д.* Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2006.

11. *Санстейн К. Р.* Против позитивных прав // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 6. 1995.

12. Толковый словарь обществоведческих терминов М. : Лань, 1999.

13. *Эбзеев Б. С.* Личность и государство в России : взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : НОРМА, 2007.

14. Перечень индикаторов в области социально-трудовых отношений ЕврАзЭС доработан и обобщен. URL: http://www.belta.by/ru/all_news/society?id=612101 (дата обращения: 11.11. 2013).

А. В. Радонова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

По своей природе социальная политика имеет ярко выраженную ориентацию на человека, и ее цели имеют гуманистическую направленность.

Система социального обеспечения базируется на принципе социального равенства, равноценности человеческой личности и уважения человеческого достоинства. Причем если при социальной помощи как одной из форм социальной защиты речь идет об удовлетворении минимальных потребностей социально уязвимых слоев населения, то система социального обеспечения ориентирована на общественно нормальный уровень потребностей всего населения.

В отличие от первичного распределения доходов социальное обеспечение и другие указанные формы социальной защиты населения представляют собой нерыночные способы распределения общественного богатства. Здесь главным образом реализуется не принцип равных возможностей, а принцип равенства результатов, принцип социальной справедливости [2, с. 34].

Ограниченность принципа рыночной справедливости состоит в том, что он допускает социально не оправданную дифференциацию доходов, имущественное расслоение общества и социальную поляризацию населения. Это усиливает социальную нестабильность в обществе.

Необходимость усиления роли государства как выразителя общественных интересов для преодоления ограниченности рыночного способа первичного распределения диктовала широкое использование нерыночного способа распределения через институты социальной политики и прогрессивную систему налогообложения.

Каждая из указанных форм защиты имеет определенные достоинства, но достоинства, взятые в отрыве от системы и доведенные до крайности, превращаются в свою противоположность – в ее недостаток. Так получилось с системой социального обеспечения. Будучи самой надежной системой гарантий получения населением социальных услуг, она имеет тенденцию экстенсивного развития, включая в свою сферу все больше социальных благ и услуг [1, с. 53].

Это приводит к сильным уравнительным тенденциям в ущерб системе трудовой мотивации, что не способствует росту общественного богатства. Тенденция перераспределения берет верх над тенденцией создания и приумножения богатства. В конечном счете может утвердиться равенство в бедности. Это порождает такие негативные социальные явления как социальное иждивенчество, сильную патерналистскую роль

государства, тотальную социально-экономическую зависимость людей от государства и его бюрократического аппарата.

Развитая система государственных гарантий как в социальной политике государства всеобщего благосостояния, так и в советской модели социальной защиты породила такие негативные социальные явления, как хроническое иждивенчество немалой части населения, отсутствие желания работать и зарабатывать своим трудом средства для жизни.

Хотя при советской системе немалую часть социальных расходов брали на себя предприятия, однако их зависимость от госбюджета в конечном счете усиливала нагрузку на государственные финансы, что обусловливало рост налогового бремени предприятий. Рост социальных расходов становился не по карману государству, ставя его на грань финансового банкротства.

Переход к рыночной экономике был необходим как метод повышения эффективности хозяйствования, как способ задействования механизмов роста. Он рассматривался не как самоцель, а как средство для развития человека, для повышения уровня и качества жизни населения [4, с. 61].

Кризис советской системы и в целом государственного социализма существенно отличается от кризиса государства всеобщего благосостояния. Он приобрел системный характер, затронул все сферы и стороны жизни общества. Коренному преобразованию подверглись экономика, налоговая и социальная политика. В экономике был сделан решительный демонтаж прежней административно-распределительной системы и осуществлена ее замена рыночно-конкурентным механизмом.

Концепция социальной политики в переходный период исходит прежде всего из необходимости создания экономических и правовых условий, стимулирующих активную трудоспособную часть общества обеспечивать эффективным трудом благополучие своей семьи и всего общества [3, с. 45].

В условиях перехода к рынку происходит замена традиционной системы государственного социального обеспечения преимущественно страховыми формами, социальной помощью и принятием социальным страхованием традиционной для рыночной экономики структуры. Она включает в себя следующие направления: пенсионное страхование; страхование от безработицы; медицинское страхование; страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; на случаи временной нетрудоспособности, материнства и детства [5, с. 96].

Характерной чертой реформирования социального обеспечения в переходный период становится ускоренное развитие социальных услуг, которые необходимы в смешанной экономике.

Обобщая вышесказанное, можно сформулировать следующие выводы относительно сегодняшней ситуации в области финансирования социальной сферы, в том числе и на региональном уровне.

1. Размер бюджетного финансирования не соответствует потребностям в ресурсном обеспечении социальных услуг, гарантии предоставления которых населению декларированы государством.

2. Важнейшей особенностью финансирования региональной социальной политики является сочетание развития социальной сферы территорий за счет собственных средств с государственным субсидированием социального развития регионов, и прежде всего дотационных.

3. Ведущая роль общественного сектора регионов в обеспечении финансирования социальной сферы требует формирования адекватного налогового потенциала регионального и местного бюджета, чему не способствует введение Налогового и Бюджетного кодексов РФ. Централизация налоговых доходов в федеральном бюджете ведет к

росту дотационности депрессивных и отсталых регионов, уровня дефицита их бюджета.

Список использованной литературы:

1. *Айвазян С. А.* Интегральные показатели качества жизни населения : их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. М. : ЦЭМИ РАН, 2010.

2. *Пантелеева Т. С.* Экономические основы системы социальной защиты населения. М. : Академия, 2009.

3. Система государственных экономических гарантий и льгот как элемент социальной защиты населения / под ред. Т. С. Пантелеевой, Г. А. Червяковой. Спб. : Питер, 2009.

4. *Соловьёв А. К.* Финансовая система государственного пенсионного страхования в России. М.: Финансы и статистика, 2001.

5. *Якобсон Л. И.* Государственный сектор экономики : экономическая теория и политика. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

Н. Т. Разгельдеев, Е. А. Максимова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДАЧУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТИЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В системе прав человека и гражданина, установленных ст. 41 и 42 Конституции Российской Федерации, право на жизнь, здоровье людей неразрывно увязано с правом на благоприятную окружающую среду и санитарно-эпидемиологической и экологической безопасностью для населения.

В ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды» содержание понятия «окружающая среда» раскрывается «совокупностью компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов», а понятие «экологическая безопасность» представлена как «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [1].

Отношение к состоянию качества окружающей среды и экологической безопасности населения в Российской Федерации требует серьезного правового обеспечения. Это и было заложено в государственную стратегию Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития и в настоящее время развито Указом Президента РФ [2]. При любом виде хозяйственной и иной деятельности происходит негативное влияние на объекты окружающей природной среды. Поэтому следует постоянно удерживать, а в отдельные периоды и усиливать юридическую ответственность в этой сфере жизнедеятельности людей [3, с. 54]. Здесь важная роль должна быть отведена и Уголовному кодексу РФ во взаимодействии с правовым институтом государственных и негосударственных экспертиз в сфере охраны окружающей среды (ООС) и безопасной жизнедеятельности населения (БЖД). Этот институт содержит много видов государственных экспертиз, которые различаются по своей организации и проведению, экономической затратности, нормативной базе, структуре экспертных учреждений и уровню своей независимости и самостоятельности. По своей законности, природоохранной эффективности они неоднозначны, поскольку их результаты – экспертные заключения – нередко носят спорный или заведомо ложный характер. При этом эксперты (аттестованные физические и аккредитованные юридические лица, должностные лица государственных специально уполномоченных органов) осознают свою безнаказанность в случае с заказными результатами экспертиз [4].

В системе экспертных правоотношений сферы ООС объективно сложились следующие противоречия: а) предусмотренные разнообразные виды организации и проведения государственных экспертиз создают условия для подмены одного вида другим; б) экспертные организации и учреждения могут выдавать положительные экспертные заключения по размещению, строительству и вводу в эксплуатацию не экологических и вредных для населения и природных компонентов производств и объектов; в) хозяйственные и природоресурсные интересы играют доминирующую роль, а экологические интересы людей выведены на второй план, что сказывается на результатах экспертных заключений; г) отсутствует единый федеральный закон, который объединял бы организацию и проведение всех видов государственных экспертиз в сфере ООС с конкретизацией экспертных правонарушений и юридических санкций для всех участников заявленных экспертных правоотношений; д) нет единого состава преступления или административного проступка за дачу заведомо ложных экспертных заключений всех видов безопасности в сфере охраны окружающей среды.

Проблемой объективности экспертных заключений в сфере ООС является:

1) множество установленных видов государственной экспертизы, при условии что их осуществление регулируется разными законами и подзаконными актами и порой сводится к организационной и экономической зависимости экспертных организаций и экспертных комиссий. Отсюда возможна конкуренция проведения видов экспертизы безопасности по одному и тому же объекту ради выполнения заказных экспертных заключений. Например, такая конкуренция может происходить между Росприроднадзором и Ростехнадзором, Роспотребнадзором и Россельхознадзором при организации проведения экологической и технологической экспертизы, экспертизы промышленной и радиационной безопасности, экологической и санитарно-эпидемиологической безопасности;

2) различные законодательные источники регулирования видов государственной экспертизы, позволяющие участникам (заказчикам и экспертам) экспертных правоотношений уходить от ответственности и создающие условия для выполнения заказных положительных или отрицательных заключений;

3) при провозглашенной самостоятельности и независимости экспертов и экспертных учреждений полная зависимость выводов экспертных заключений, поскольку результаты экспертиз корректируются волей и интересами должностных лиц государственных органов, которые специально уполномочены утверждать экспертные заключения;

4) экономическая зависимость экспертных организаций и отдельных лицензированных экспертов, других участников экспертных правоотношений от заказчиков, что позволяет относить их в группу коррупционного риска.

Организация и общие условия проведения государственной и общественной экологической экспертизы установлены в Федеральном законе «Об экологической экспертизе», принятом Государственной думой 19 июля 1995 года. Этот закон задумывался законодателями как системно и комплексно регулирующий и иные виды экспертизы, осуществляемые в сфере обеспечения права на благоприятную окружающую среду. Однако право безопасной жизнедеятельности населения оказывается более содержательным понятием и вбирает не только охрану элементов природной среды. Поэтому указанный закон и не распространяет своих требований на организацию и проведение экспертизы обеспечения радиационной, промышленной, санитарно-эпидемиологической безопасности населения в сфере охраны окружающей. Это важно отметить, так как правильное понимание природы экологической экспертизы как специального метода государственного обеспечения охраны только природных объектов окружающей среды требует объяснения иных, установленных в других фе-

деральных законах видов государственной и негосударственной экспертизы. Это объясняет необходимость интеграции норм правового регулирования существующих различных видов государственной экспертизы в едином федеральном законе.

Представляется, что действующий закон РФ «Об экологической экспертизе» хорош сам по себе, но он не является базовым для организации и проведения всех видов государственной экспертизы в сфере охраны окружающей среды, по установлению соответствия всех видов хозяйственной деятельности требованиям экологической, технологической, санитарно-эпидемиологической безопасности. Об этом знают в экспертных учреждениях, поскольку в практике его применения им руководствуются далеко не все уполномоченные органы государственного регулирования безопасности, лицензирования, экспертные учреждения и эксперты.

Осуществляемая государственная и негосударственная экспертиза в сфере охраны окружающей среды и обеспечения безопасности жизнедеятельности населения различается по содержанию своих объектов и заключений по ним как:

– **экологическая экспертиза** – установление соответствия намечаемой хозяйственной и иной деятельности экологическим требованиям и определение допустимости реализации объекта экологической экспертизы в целях предупреждения возможного неблагоприятного воздействия этой деятельности на окружающую природную среду и связанных с ними социально- экономических и иных последствий реализации объекта экспертизы;

– **экспертиза промышленной безопасности** опасных производств и объектов как деятельность экспертных учреждений (экспертов) по установлению вероятности риска аварии на опасном производственном и соответствия природоохранным требованиям и требованиям промышленной безопасности и определению допустимости реализации объекта экспертизы до нормативно установленного приемлемого риска аварий и уменьшения их на всех стадиях их жизненного цикла;

– **экспертиза обеспечения радиационной безопасности** населения при использовании атомной энергии как государственная оценка предоставляемых материалов и документации, обосновывающих радиационную безопасность особо опасных объектов использования атомной энергии и обращения с ними на всех этапах их жизненного цикла, на соответствие установленным требованиям законодательства РФ, критериям, правилам и нормам в области радиационной безопасности при использовании атомной энергии;

– **санитарно-эпидемиологическая экспертиза** продукции, работ и услуг как деятельность специально уполномоченных государственных органов по установлению соответствия материалов и документации, обосновывающих безопасность продукции, работ и услуг для жизни и здоровья человека и отсутствие угрозы возникновения и распространения заболеваний требованиям государственных санитарно-эпидемиологических правил и нормативов;

– **экспертиза безопасности при пользовании недрами** – комплексное изучение всех видов воздействия на недра в процессе намечаемой хозяйственной и иной деятельности и оценка возможных аварийных ситуаций и их воздействия на окружающую среду и здоровье людей;

– **государственная градостроительная экспертиза** проектной документации и результатов инженерных изысканий по Градостроительному кодексу РФ (ГдК РФ), включающая оценку соответствия результатов инженерных изысканий и проектной документации требованиям технических регламентов, в том числе санитарно-эпидемиологическим, экологическим требованиям, требованиям пожарной, промышленной, ядерной, радиационной и иной безопасности, и оценка соответствия результатов инженерных изысканий требованиям технических регламентов [5, с. 115–

121].

Важно иметь в виду, что представленные виды государственной экспертизы распространяются не только на охрану окружающей среды, но и на сферу обеспечения безопасности жизнедеятельности населения. Эти виды государственной экспертизы основываются на федеральных и региональных законах и подзаконных актах исполнительных органов государственного регулирования безопасности и охраны окружающей среды. Каждый указанный вид государственной экспертизы имеет свою правовую базу. Поэтому государственная экологическая экспертиза, урегулированная Законом РФ «Об экологической экспертизе» – это не комплексный закон по организации экспертной деятельности в сфере обеспечения охраны окружающей среды, но регулирование только отдельно взятого, специального вида экспертизы – экологической. Кроме того, действующее природоохранное (экологическое) законодательство предусматривает право **проведения международной экологической и технологической** экспертизы, **общественной экологической** экспертизы, а Градостроительным кодексом РФ регулируется **и негосударственная экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий** [6].

Федеральным законом от 02.07.2013 года № 186-ФЗ с 1 января 2014 года установлена уголовная и административная ответственность (ст. 217.2 УК РФ, ст. 3.11, 4.5, 9.1, 28.7 и др. КоАП РФ) за заведомо ложное экспертное заключение промышленной безопасности [7]. Этим законом объясняется понятие «заведомо ложное заключение экспертизы» и введены определения «экспертиза промышленной безопасности» и «эксперт в области промышленной безопасности». Административная ответственность за дачу заведомо ложного заключения экспертизы промышленной безопасности наступает, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Эксперты, участвовавшие в выдаче заведомо ложного экспертного заключения экспертизы промышленной безопасности, будут нести административную ответственность как должностные лица.

По нашему мнению, принятие статьи об уголовной и административной ответственности за заведомо ложные экспертные заключения промышленной безопасности подтверждает необходимость не только принятия отдельного Федерального закона «Об экспертизах и экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности в Российской Федерации», но и формулирования новой статьи в УК РФ «Организация и дача заведомо ложных экспертных заключений в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности личности, общества и государства».

Список использованной литературы:

1. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7 - ФЗ // РГ. 2002. 12 янв.

2. О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и устойчивому развитию : Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. // РГ. 1994. 9 февр. ; О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 29.04.96 г. // РГ. 1996. 14 мая ; Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 30.04.2012 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.02.2014).

3. *Разгельдеев Н. Т.* Право человека на благоприятную окружающую среду и проблемы его обеспечения в Российской Федерации // Российское общество : цивилизационные горизонты трансформации (юридические аспекты) : сб. науч. трудов. Саратов, 2008.

4. *Пуликовский К.* Эксперт в «кармане» // РГ. 2008. 5 авг. ; *Зыков С.* Заказная экспертиза // РГ. 2008. 27 авг.

5. *Разгельдеев Н. Т., Максимова Е. А.* Проблемы правового регулирования экспертной деятельности в сфере охраны окружающей среды и безопасной жизнедеятельности населения // Правовая культура. 2013. № 1 (14).

6. Градостроительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 22.07.2011 г. № 337-ФЗ) / / СЗ. 2005. № 1. Ст. 16 ; 2011. № 49. Ст. 7015.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части проведения экспертизы промышленной безопасности и уточнения отдельных полномочий органов государственного надзора при производстве по делам об административных правонарушениях : Федеральный закон от 02 июля 2013 г. N 186-ФЗ / / СЗ. № 27. 2013. Ст. 3478.

В. Я. Решетников, И. В. Семенова

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ И СПЕЦСЛУЖБЫ : ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проблема дальнейшего совершенствования правового государства в современных условиях немыслима без создания надежного механизма контроля силовой структуры органов государства в лице Вооруженных сил (армии) и спецслужб как гарантов безопасности общества, основ конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства.

Термины «спецслужбы», «спецорганы», «силовые структуры» и прочие определения достаточно часто употребляются в нашем обществе, но, как правило, в документах неофициального характера – журналистских публикациях, теле- и радиопередачах, а то и просто в бытовых историях, в которых нарушается обычный порядок вещей, связанных с теми или иными криминальными событиями. Не имея законодательного определения, данные структуры, тем не менее, большинству граждан нашей страны хорошо известны как ФСБ (КГБ), МВД, ФСКН и т. п.

Таким образом, под спецслужбами (органами) принято понимать государственные органы, созданные и действующие в интересах защиты национальных интересов и безопасности как внутри страны, так и на международной арене, уполномоченные заниматься оперативно-розыскной деятельностью в пределах своих полномочий и компетенции. Другими словами, они используют в своей практической деятельности такие специальные средства и методы, которые не применяются другими государственными органами власти и управления. Указанные обстоятельства позволяют рассматривать спецслужбы как наиболее острый инструмент государственной власти, обеспечивающий политическое руководство объективной информацией о существующих внутренних и внешних угрозах.

Данная особенность позволяет спецслужбам играть важную роль в политической жизни любого государства, обеспечивая ему как стабильность конституционного строя и экономическую безопасность внутри страны, так и защиту от происков иностранных государств и их спецслужб за рубежом. Однако специфический характер деятельности спецслужб, носящей тайный, секретный характер, вступает в противоречие с запросами общества в плане ее открытости, желания знать, почему с подачи или с помощью спецслужб государственная власть поступила тем или иным образом, как и насколько эффективно деньги налогоплательщиков тратятся на обеспечение безопасности общества (особенно если происходят чрезвычайные события – поджоги, взрывы, теракты) и т. п. Кроме того, из истории известно, что руководители подобных структур нередко участвовали в смене политического руководства страны, используя свои широкие полномочия в достижении собственных или узкокорпоративных целей, игнорируя запросы общества и государства. Неслучайно поэтому, по мнению Ф. А. Вестова, силовые структуры имеют тенденцию превращаться из важнейшего элемента механизма, обеспечивающего выполнение государством своих властных функций, в угрозу сложившимся общественно-политическим и правовым отношениям, правам и свободам человека и гражданина в случаях выхода в

своей деятельности за установленные законодательством рамки, превращения из политико-административного инструмента в политический [1, с. 187].

В России контроль деятельности спецслужб всегда был прерогативой исполнительной власти. Едва ли не первая в России попытка вынести на суд общественности деятельность спецслужб была предпринята более 100 лет тому назад в связи с нашумевшим делом Евно Азефа – знаменитого эсера-провокатора, который был одновременно террористом и организатором многочисленных убийств и лучшим агентом царской полиции. Однако Столыпин, выступая с отчетом по запросу в Государственной думе, заявил, что скандал вокруг Азефа был поднят исключительно для пропаганды идей революции, и в итоге запрос депутатов не имел никаких существенных последствий.

После Октябрьской революции 1917 года пришедшие к власти большевики поначалу ограничивали действия своих репрессивных органов. Так, ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем) на начальном этапе ее деятельности в 1918 году было предоставлено лишь право на розыск преступников и производство предварительного следствия, функция же рассмотрения уголовных дел и определение меры наказания возлагалась на революционные трибуналы. Однако уже с сентября того же года под предлогом обострения классовой борьбы Советом народных комиссаров на основе постановления о «красном терроре» полномочия ВЧК были существенного расширены путем передачи им внесудебных функций для изоляции классовых врагов [2, с. 26]. Поскольку первые же массовые репрессии вызвали недовольство части населении страны, на собраниях в партийных организациях зазвучали голоса об изъятии у ВЧК указанных чрезвычайных полномочий и необходимости усиления контроля ее деятельности.

Победа большевиков в Гражданской войне и провозглашение новой экономической политики (НЭП) привели к реформе ВЧК, функции которой были ограничены задачами борьбы с политическими противниками, и введению контроля деятельности ВЧК со стороны Наркомата юстиции при руководящей роли РКП(б). Впоследствии, в январе 1924 года, в принятой на II съезде Советов Конституции СССР было закреплено место органов безопасности (ОГПУ как преемника ВЧК) в системе правительственных органов страны, надзор деятельности которых, в соответствии со ст. 63 Конституции, возлагался на прокурора Верховного Суда СССР [3]. Однако в конце 1920-х годов выдвинутый Сталиным тезис об обострении классовой борьбы позволил ему перевести органы безопасности практически под свой личный контроль, превратив в карательный орган, наделенный функциями агентурной работы, ведения следствия и внесудебной расправы, что привело в последующие годы к массовым репрессиям в отношении разных слоев населения страны. Лишь после осуждения культа личности были приняты меры по восстановлению правовых принципов организации и деятельности органов госбезопасности – они вновь стали работать под руководством и контролем КПСС, высших органов государственной власти. Вместе с тем принцип законодательного и гражданского контроля деятельности правоохранительных органов вообще, и спецслужб в частности, никогда не рассматривался в качестве конституционной нормы, ограничиваясь лишь декларативным тезисом о руководящей и направляющей роли КПСС.

Лишь в 1991 году Верховный Совет СССР впервые принял специальные законы, раскрывающие понятие государственной безопасности и регулирующие деятельность органов КГБ, когда последние стали подчиняться только Верховному Совету ССР, Президенту СССР, Кабинету Министров СССР и Прокуратуре СССР. При

этом партийная составляющая контроля фактически оказалась упраздненной [4, с. 630].

Впоследствии в связи с переоценкой приоритетов в государстве и обществе, признанием государством в качестве высшей ценности человека, его прав и свобод функционирование спецслужб стало приобретать новый характер. Их особое значение как органов, деятельность которых направлена на защиту конституционных основ государства, законности, прав и свобод граждан, на борьбу с особо опасными видами преступлений, обусловливает необходимость современного, основанного на демократических принципах подхода к выработке правовых основ контроля их формирования и практической деятельности.

Специфический характер деятельности спецслужб, обусловленный во многом конспиративным, негласным методом как средством достижения поставленных целей, конфиденциальным характером отношений с определенной категорией граждан, интересами обеспечения сохранения государственной тайны и т. п., однако, не исключает в правовом государстве реализации принципов гласности и ответственности указанных структур перед представительными органами власти. Подобный механизм позволяет сбалансировать интересы общества и спецслужб, создать атмосферу доверия и взаимопонимания в противовес дискуссиям в СМИ, упрекам оппозиции в двусмысленности роли указанных органов в том или ином социальном или криминальном конфликте. Реализация подобного подхода способствовала бы, как представляется, и повышению авторитета самих спецслужб, поскольку им не пришлось бы действовать на свой страх и риск либо на основе устных распоряжений тех или иных руководителей в сложных политических и социальных конфликтах.

Только взаимная заинтересованность высших лиц государства и общества в необходимости гражданского контроля деятельности силовых структур с помощью средств массовой информации, предупреждающих о посягательствах на верховенство закона, попытках подменить его подзаконными актами или ведомственными инструкциями, может служить гарантией предотвращения злоупотребления властью силовыми структурами в демократическом обществе.

Между тем наличие в России системы спецслужб, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, само по себе еще не является фактором, обеспечивающим безопасность личности, общества и государства. Более того, в обществе наблюдается внутренняя напряженность, обусловленная противоречивыми тенденциями развития, отсутствием целостной объективной информации о характере и целях принимаемых властью решений и получаемымх результатов. Замалчивание имеющихся проблем, уход от диалога с обществом, попытки переключить его внимание на второстепенные вопросы отнюдь не способствуют консолидации социума, наоборот, порождают неверие в стремление власти к открытости и партнерству.

Формирование и повседневная практика механизма контроля деятельности спецслужб со стороны законодательной власти, как представляется, должны избегать двух крайностей. С одной стороны, они не должны носить детальный, мелочный характер, создающий атмосферу недоверия и подозрительности, исключающую инициативный поиск в деятельности по защите интересов государства и общества, риска разглашения сведений, носящих закрытый характер, и т. п., а с другой стороны – не ограничиваться только президентским, правительственным и ведомственным контролем, не исключающим, как показывает практика, возможности злоупотреблений и нарушения законности в вопросах безопасности и обеспечения правопорядка в стране. Другими словами, государственный контроль спецслужб эффективен только на основе комплексного подхода, сочетающего взаимодействие и соответствующие

зоны ответственности всех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. Безусловно, осуществление подобного не ручного, а системного контроля, гарантирующего слаженную работу всех звеньев силового блока, преследующих не узковедомственные интересы, а общегосударственные приоритеты, невозможно без создания необходимой правовой базы.

Предложения по совершенствованию федерального законодательства в части контроля деятельности спецслужб, включающего право Федерального Собрания на различные контрольные мероприятия, в том числе создание соответствующих комитетов и комиссий, правомочных осуществлять проверку деятельности конкретных спецслужб в связи с запросами общественности о законности их деятельности, в научной литературе обсуждаются достаточно давно [5; 1, с. 187–218]. Однако главная проблема, на наш взгляд, заключается в том, каким образом совместить требование общества о безопасности с уважением прав и свобод отдельной личности.

В современном правовом государстве, как представляется, должен существовать консенсус по поводу того, что деятельность спецслужб может ограничивать права человека исключительно тогда, когда существует реальная угроза национальным интересам общества. Но при этом совершенно недопустимы такие нарушения прав человека, как применение физической силы, пытки и т. д. Более того, специфика правового положения спецслужб обусловлена во многом не столько особенностями правового режима, сколько степенью доверия общества к государству в целом. Если оно рассматривается гражданским обществом как структура, защищающая их права и свободы, оказывающая услуги не только в сфере правопорядка, то в подобном социуме и права спецслужб будут достаточно широки без опасения их применения в ущерб интересам нации.

При этом и контроль со стороны общества не должен мешать исполнению возложенных на спецслужбы задач. Закон в равной степени должен предусматривать как возможность отказа в предоставлении информации, разглашение которой нанесет ущерб интересам национальной безопасности, информации о конкретных методах добывания данных, о сотрудниках спецслужб и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, так и особый механизм предоставления доступа к указанной информации.

Таким образом, правовому государству для его нормального функционирования необходимы авторитетные, подчиненные закону, подконтрольные, высокопрофессиональные и ответственные спецслужбы. Из практики спецслужб в правовом государстве должны быть исключены административный произвол, небрежное отношение к правам и свободам отдельного человека как к чему-то второстепенному, безответственность за свои действия, а также деятельность, основанная главным образом на подзаконных актах и инструкциях.

Список использованной литературы:

1.См.: *Вестов Ф. А., Петров Д. Е.* Силовые структуры в политической жизни правового государства : власть и гражданский контроль. Саратов, 2011.

2. *Абросимов М., Жилинский В.* Страницы былого (Из истории Астраханской губернской чрезвычайной комиссии 1918–1922). Волгоград, 1988.

3. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (дата обращения : 29.11.2013).

4. См.: Об органах государственной безопасности в СССР : Закон СССР от 16 мая 1991 г. №2159-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. № 22. Ст. 630.

5. См.: *Рыжак Н. И.* Контроль законодательной власти за деятельностью спецслужб (теоретико-правовые вопросы исследования). Дис. … канд. юрид. наук. М., 1998 ; *Сунгоровский Н., Поляков Л., Грищенко А.* Гражданский контроль над силовыми структурами – требование времени // Зеркало недели. Власть. 2000. 4–10 ноября.

О. В. Романовская

О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Президентом Российской Федерации в Государственную думу РФ внесен значимый проект Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» (№ 352924-6). Данный проект предполагает создание единого Верховного суда России с упразднением Высшего арбитражного суда РФ. Кроме того, устанавливается централизация в назначении на должность прокуроров – таковыми полномочиями будет обладать Президент Российской Федерации. Несмотря на некоторое сопротивление со стороны судейского сообщества, проект был поддержан обеими палатами. Не возникает сомнений по поводу того, что он также будет поддержан в субъектах Российской Федерации и вступит в свою законную силу. Это означает, что к лету 2014 года, как это задумано инициатором проекта, судебную власть будет осуществлять единая высшая судебная инстанция.

Данная реформа, помимо дискуссий о ее сущности и истинном предназначении, затронула еще и общее понятие судебной власти, к которому необходимо обратиться в настоящем исследовании. Понятия судебной власти и прав человека – во многом категории парные. В ст. 18 Конституции РФ специально подчеркивается, что права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием, а в соответствии со ст. 46 каждому обеспечивается право на судебную защиту. Данное право является абсолютным, т. е. не подлежащим какому-либо ограничению ни при каких обстоятельствах [1].

Конституция России содержит специальную гл. VII «Судебная власть», в ст. 118 которой устанавливается, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией России и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается. В развитие указанных норм принят Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации». Необходимо сказать, что судебная система как таковая данным законом не учреждалась – она действовала и до принятия Конституции РФ в 1993 году. Но с 1993 года впервые стало возможным привести в действие реформу судебной власти, благодаря которой та смогла бы стать полноценным самостоятельным институтом защиты прав человека. Именно такая задача стояла перед Концепцией судебной реформы в РФ, представленной Президентом России и одобренной еще Верховным Советом РФ 24 октября 1991 года [2]. В этой части справедливы слова С. Вицина: «…в 90-х годах происходило не столько реформирование, сколько формирование судебной системы, ибо на предшествующем этапе у нас фактически не было ни судебной власти, ни независимых судов, ни правовых законов в точном смысле этих терминов» [3]. В настоящее время образовалась целостная система законодательных актов, включающих в себя целые сегменты:

– законодательство о судоустройстве, закрепляющее структуру и общие принципы организации и деятельности судебной системы;

– законодательство о судопроизводстве, устанавливающее порядок деятельности судов в части отправления правосудия;

– законодательство о статусе судей и об органах судейского сообщества;

– законодательство, развивающее конституционные основы финансирования судебной власти из федерального бюджета в целях обеспечения возможности полно-

го и независимого осуществления правосудия [4].

ФКЗ о судебной системе подчеркивает «монополию» судов на осуществление судебной власти: «Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия». Таким образом, конституционный принцип самостоятельности судебной власти не только закрепляется, но и дополняется тем, что она действует независимо от законодательной и исполнительной властей.

Несмотря на разделение компетенции между различными судами, предусматривается единство судебной системы (ст. 3 Закона).

Ни Конституция РФ, ни ФКЗ о судебной системе не закрепляют понятия судебной власти. Между тем в юридической науке сложилось несколько точек зрения наотносительно этого понятия. Наиболее распространенная из них исходит из его отождествления с совокупностью судебных органов. В то же время в Конституции говорится о суде как носителе судебной власти, т. е. два термина как бы разделяются. Присутствует точка зрения, отталкивающаяся от правосудия как формы осуществления судебной власти: судебная власть – это деятельность, процесс. Особый интерес вызывает точка зрения Л. А. Воскобитовой, раскрывающей судебную природу этой ветви власти: «…судебная власть – это реализуемые посредством судопроизводства особые государственно-властные отношения между судом и иными субъектами права, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения правовых конфликтов с целью защиты и восстановления судом нарушенного права и определения мер ответственности виновного или ограждения от ответственности невиновного» [5, с. 79].

Л. А. Воскобитова указывает на общие свойства власти, в том числе и судебной:

– социальный характер (судебная власть возможна только в обществе);

– структура властеотношений (судья – стороны процесса);

– осознанность и целенаправленность власти (проявляется только тогда, когда есть потребность);

– волевой характер;

– регулирующее и организующее предназначение;

– принудительный характер.

В юридической литературе выделение особенностей судебной власти идет и по другому пути, исходя из ее особой формы государственной деятельности, которая организационно оформляется в качестве системы правосудия. Особенности данной формы заключаются в следующем:

– ее осуществление нацелено на особую сферу деятельности государства, в которой выкристаллизовываются правозащитные, упорядочивающие и правоприменительные элементы содержания власти, устанавливаются основы фактического и правового равенства всех социальных групп и слоев населения, каждого отдельного гражданина перед судом и законом;

– реализация данной формы имеет четкую направленность на осуществление судебной политики в государстве;

– для любой формы государственной деятельности характерно, что посредством ее осуществляются определенные функции государства;

– осуществление правосудия приобретает качество особой формы государственной деятельности, поскольку оно выражается вовне через соответствующую систему органов государства – судебную систему [6].

Государству и обществу необходим институт, основная задача которого – разрешение юридических конфликтов на основе определенных правил. В этом случае

суд – институциональное проявление указанной потребности, а правосудие – содержательное проявление реализации судебной власти.

В определении правосудия видна правоприменительная роль суда. «Правоприменение – суть судебной юрисдикции. Оно обусловливает содержание и направленность судебной власти, которая всегда проявляется при отправлении правосудия», – указывает Е. Г. Чуганов. Автор видит в этом внешнее выражение власти – судебное управление [7]. Е. В. Пономаренко идет еще дальше: «Судебная власть как одна из ветвей государственной власти есть прежде всего средство управления обществом. Суд всегда был проводником внутренней политики государства» [8]. Приведенные мнения указывают на подзаконный характер судебной власти, что многими авторами воспринимается далеко не однозначно. Дополняется, что суд во многих государствах выполняет активную роль по «поиску права», является «творцом права». Это обусловливает анализ серьезной теоретической проблемы, является ли судебное решение источником права в Российском государстве, тем более что такая постановка вопроса напрямую связана с решениями высших судебных инстанций. Не останавливаясь на этом подробнее, приведем высказывание Г. А. Гаджиева: «Суд не просто является правоприменителем, теперь этого оказывается явно недостаточно. Суд вправе применить закон в целях осуществления правосудия (то есть в поисках права), только оценив закон на предмет его соответствия Конституции РФ, общим принципам права, международным договорам» [9].

В связи с проводимыми реформами нНеобходимо отметить повышение роли суда. Принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» потребует изменения значительного количества актов федерального законодательства. В документах, предоставленных в Государственную думу, содержится перечень из 28 законов, подлежащих изменению. Скорее всего, это только начало и пересмотру подлежит гораздо большее количество законов – это уже сейчас признается в высших органах всех ветвей власти. Представленная реформа носит серьезный характер. Это не простое переименование органа государственной власти. Ее последствия для организации судебной власти в Российской Федерации весьма значительны. Судебная власть будет концентрироваться, что способствует повышению значения ст. 126 Конституции РФ, в которой Верховный суд России обозначен как высший судебный орган. Теперь он станет еще и высшими интерпретационным органом, деятельность которого во многом будет направлена на формирование единой правоприменительной практики в масштабах целого государства.

Список использованной литературы:

1. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 года // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

2. *Лебедев В.* От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. 2000. № 3.

3. *Вицин С.* От формирования судебной системы к ее реформированию // Российская юстиция. 2001. № 4.

4. *Ермошин Г. Т., Адзинова Е. А.* Развитие в законодательстве о судебной власти конституционного права на судебную защиту в экономической сфере // Законодательство и экономика. 2004. № 11.

5. *Воскобитова Л. А.* Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003.

6. *Ржевский В., Чепурнова Н.* Судебная власть в конституционной системе разделения властей // Российская юстиция. 1997. № 7.

7. *Чуганов Е. Г.* Конституционно-правовые полномочия судебной власти Российской Федерации // Российский судья. 2005. № 1.

8. *Пономаренко Е. В.* Роль судебной власти в обеспечении прав и свобод человека и гражда-

нина / / Российский судья. 2005. № 4.

9. *Гаджиев Г. А.* Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000–2002 годов) / / Журнал российского права. 2003. № 1.

Г. Б. Романовский

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯВКИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Первоначально хотелось бы выделить фразу известного российского конституционалиста профессора В. Е. Чиркина: «Идеальных избирательных систем не существует» [1, с. 80]. Это означает, прежде всего, что явка избирателей – сложная проблема, характерная для всех стран мира, неоднозначно ими решаемая и, подчеркнем, не имеющая однозначного решения. Считается, что неявка к избирательным урнам – это особая форма протеста и население, тем самым, выражает свое отношение к власти. Люди не верят в то, что их голос что-либо значит, устают от недобросовестной агитации, убеждены, что политические (в том числе и грязные) технологии могут из любого, даже самого невзрачного кандидата сделать победителя [2]. Оставим пока данную точку зрения без оценки – не все так просто, – но вред от рассматриваемого явления выражается в нанесении ущерба всеобщему общественному благу – дискредитации избирательных институтов, снижении в глазах общественности уровня легитимности и доверия к выборам и, как следствие, к избранным представителям публичной власти.

В то же время можно обозначить общие проблемы.

1. Во всех странах мира степень участия избирателей в выборах зависит от типа выборов. Наиболее высокая явка отмечается на выборах главы государства. Например, в республиках Латинской Америки явка на президентские выборы (доля зарегистрированных избирателей) обычно превышает 70% и даже 80%. Во Франции на выборах Николя Саркози в 2007 году почти 84% зарегистрированных избирателей участвовали в голосовании в обоих турах. Примерно такая же явка была в 2012 году, когда президентом Франции стал Франсуа Олланд. Традиционно низкая явка наблюдается на выборах в органы местной публичной власти. Западные специалисты объясняют это тем, что «в условиях повышения мобильности населения, разрыва прежних социальных связей, утраты субъективного чувства местного сообщества и общей технократизации местного управления население все больше теряет интерес к тому, что происходит на местном уровне» [3]. Падает явка на местных выборах во всех странах. Так, в Чехии на муниципальных выборах она снизилась с 74% в 1990 году до 46% в 2006 году. В ФРГ в 1990 году явка на местных выборах приближалась к 70%, а в настоящее время составляет в среднем 50% (если выборы мэра проходят отдельно от выборов муниципального совета, то явка обычно еще ниже). В Норвегии явка избирателей с 70% в 1985 году снизились до 60% в 2003 году. Традиционно низкой остается явка избирателей на муниципальных выборах в Великобритании и США – около 30%. В штатах Австралии явка избирателей на местных выборах варьируется от 12 до 65%, в среднем – около 30%. Кстати, сокращается не только явка на выборы, но и желание занять выборные должности в местных органах, что ведет к сокращению числа выборных должностей. Традиционно низкая явка избирателей при выборах в Европарламент. При высокой явке в национальные органы в Европе явка по выборам в Европарламент примерно в два раза ниже – не более 45%. Явка в США приблизительно равна явке в России и составляет около 55%.

2. На явку избирателей влияет такой фактор, как уровень социального разви-

тия общества, причем его кривая выглядит весьма интересно. Чем более развито общество, тем выше уровень участия граждан в выборах. «Эта причинно-следственная связь работает в двух направлениях. Первое: социально-экономическое развитие порождает потребность в осознанном политическом участии. Второе: средний класс, благополучный и образованный, с большей охотой использует преимущества права голоса, чем их менее благополучные сограждане» [4]. На выборах, где ставку делают на восстановление (либо зарождение) демократии – так называемых учредительных выборах, – явка обычно очень высока. После долгих лет репрессий граждане ощущают эмоциональный подъем, желание самовыражения, стремление предложить и поддержать своих кандидатов. Возникает некая иллюзия подлинного народовластия. Позже «страсти» утихают и явка снижается. Когда уровень развития охватывает практически все слои общества, явка избирателей начинает снижаться в высокоразвитых странах.

3. Есть некое устоявшееся мнение, что на явку избирателей влияют некоторые нововведения в российском избирательном законодательстве, которые часто оцениваются как недемократические. В первую очередь это связано с отменой порога явки избирателей. Депутат А. Митрофанов отмечал: «Ну и пусть доходит до абсурда. В августе 1991 г. 2 тысячи человек решили судьбу страны, и ничего. В истории все всегда решает активное меньшинство. Пока большинство спит. И не надо шантажировать явкой на выборах. Не хотите – не ходите. Пусть тогда все за всех решит один человек» [5].

Приведу слова известного конституционалиста О. Е. Кутафина, назвавшего отмену порога абсурдом: «Все это говорит о том, что представительные органы государственной власти, сформированные посредством таких выборов, не отвечают требованиям демократического, конституционного государства» [6]. Однако многие страны мира отказываются от порога явки избирателей (т. е. кворума) при формировании выборных органов государственной власти. Так, в Испании, Великобритании, США, Канаде, а теперь и в России участие в выборах – личное дело каждого гражданина. Выборы в этом случае считаются состоявшимися при любой явке избирателей. Практика показывает, что интерес российских граждан к федеральным выборам сохраняется постоянно высоким. Отмена порога явки избирателей на выборах не отразилась на уровне их легитимности. Так, во время парламентских выборов 2011 года явка составила 60% и проголосовало 90% избирателей. Динамику участия населения в президентских выборах в РФ по их результатам можно проиллюстрировать следующим образом: 12 июня 1991 года в президентских выборах принимало участи 74,6% избирателей, 26 марта 2000 года – 68,74%, 4 марта 2012 года – 63,6% избирателей.

4. Одним из факторов повышения явки избирателей считается установление санкций за неучастие в выборах. Так, в Австралии, Бельгии, Греции, Италии, Люксембурге, Турции участие граждан в выборах обязательно и даже предусмотрены штрафные санкции за неучастие в них. Например, в Аргентине, где явка на выборы обязательна, избиратель, игнорирующий выборы, не только штрафуется, но и лишается на три года права занимать государственные должности. В Турции за неявку на голосование можно лишиться свободы. Но, согласно масштабным исследованиям, обязательное голосование повышает явку в среднем не более чем на 10% [7]. Поэтому уповать на обязательность участия в голосовании особого смысла не имеет.

5. К сожалению, приходится констатировать, что избирательные права в глазах российских граждан высокой ценностью не обладают. Избирательная комиссия Владимирской области проводила опрос общественного мнения, который выявил, что лишь 9% участников отметили в качестве одного из важнейших право голосовать на выборах и влиять, таким образом, на формирование власти. А право быть избранным

в органы государственной власти и местного самоуправления имеет значение вообще лишь для единиц (3%). Игнорирование заметной частью населения избирательного процесса выражается и в низком интересе к перипетиям предвыборной борьбы. Лишь каждый десятый подходит к политическому выбору с полной серьезностью. Более половины жителей области либо просматривают агитационные материалы невнимательно (28,5%), либо замечают их, только когда они попадаются на глаза (24%) [8].

6. Сейчас нередко поднимается вопрос о том, что повышение социально ценности избирательных прав должно осуществиться через обязательную регистрацию избирателя по его личному заявлению. Кто хочет участвовать в выборах, тот первоначально и заявляет о своем желании и проходит процедуру регистрации. В некоторых странах такая процедура даже носит платный характер. Процент явки считается от числа зарегистрировавшихся избирателей. Самое интересное, что в таких странах не распространен отказ от участия в избирательном процессе как форма протеста. На последних выборах президента 2012 года во Франции было зарегистрировано около 46 000 000 избирателей, которые, по данным Национального института статистики и экономических наук Франции, составляли 70% населения страны (65 000 000 человек). Для сравнения – на парламентских выборах 28 октября 2012 года в Украине, где, в отличие от США и Франции, предусмотрена публичная (обязательная) регистрация избирателей), явка составила только 58% избирателей и из 36 213 010 избирателей бюллетени получило 20 831 193 человека [9].

В российской юридической науке высказывается мысль, что избиратели так относятся к выборам потому, что им не приходилось бороться за это право. Оно им было предоставлено, причем всем слоям без каких-либо ограничений. Судья Конституционного суда РФ К. В. Арановский отмечает: «Ценность избирательного права выше, если оно достается тем, кто показывает интерес к правопользованию такими действиями, как инициатива в регистрации по списку избирателей. Не все заблаговременно заявят себя в список голосующих, оттого круг избирателей сжимается. Тогда явка относительно растет, что делает всеобщее избирательное право убедительным … Можно предложить гражданину усмотрение в том, заявлять ли себя к регистрации как избирателя, чтобы он сделал несложное символическое усилие, которое обозначит для него важность политического выбора. Количество людей, обеспокоенных предстоящими выборами, возрастет. Одно дело, если признание избирательного права обещано всем, и другое – если беспечность ставит лицо за пределы сообщества граждан-избирателей. Даже символическая изоляция дает чувство неуюта, решимость не остаться за чертой гражданского общества. Тем, в ком интерес к соучастию в электоральном деле еще не ожил, избирательное право навязывать не нужно» [10, с. 67–75].

7. Активизировать избирателя предлагается путем задействования в избирательном процессе электронных технологий. Новые способы голосования проходят обкатку в разных странах. Так, избирательное законодательство США допускает альтернативные формы голосования – досрочное, по почте, по открепительным удостоверениям, по факсу, голосование с помощью электронных устройств. В ряде штатов правом на альтернативные формы голосования можно пользоваться без объяснения причины, в других – только при объяснении причины невозможности голосования на обычном участке в письменном виде. В некоторых штатах, в частности в Орегоне, применяется только голосование по почте [11].

В Эстонии повсеместно внедрены интернет-выборы. Работники местных избирательных комиссий уверены в том, что онлайн-голосование дает гражданам больше свободы: во-первых, можно голосовать дистанционно, во-вторых – за несколько дней

до официального дня выборов. Это позволяет, в частности, в случае чего изменить свой выбор. Финляндия проводит эксперименты по использованию мобильной связи для голосования.

Однако при этом у электронных выборов есть и несколько опасных недостатков. Самая главная опасность заключается в том, что системы онлайн-голосования могут атаковать киберпреступники, нарушая или блокируя весь процесс, а то и фальсифицируя результаты. Показательный пример: в марте 2009 года ЦИК РФ проводила очередной электронный опрос примерно 30 000 избирателей. Система голосования была подвергнута хакерским атакам, которых было насчитано около 270 000. Эта цифра настораживает, поскольку, если учесть, что проведенный эксперимент не имел юридической силы, страшно представить, с какой силой могут атаковать систему во время реального голосования.

Наконец, некоторые люди склонны считать, что электронные формы голосования противоречат принципу гласности и открытости выборов. В этой связи Конституционный суд Германии в марте 2009 года запретил использовать компьютеры в голосовании [12].

Исследование, проведенное учеными De Montfort University, показало, что электронные методы голосования могут противоречить Закону о правах человека, принятому в странах ЕС в 1998 году. Этот Закон гарантирует, в частности, тайну голосования, что, как считают исследователи, в электронных системах обеспечить невозможно. И прецедент уже создан – в Ливерпуле было возбуждено дело, связанное с нарушением прав человека при электронном голосовании [13].

Вместе с тем в мае 2007 года на местных выборах в графстве Суиндон использовалась технология, разработанная организацией «Эвритаун каунтс», которая гарантировала четкое и упорядоченное голосование и точный подсчет голосов. Избиратели могли голосовать по телефону, посредством Интернета, находясь дома, на рабочем месте, в публичных библиотеках или с любого из 300 портативных компьютеров, расположенных в 65 местах по всему району [14].

В целом следует заключить, что простых способов быстро повысить электоральную активность российских граждан нет. Но это не означает, что нужно останавливаться на этом пути. Альтернативы участию в выборах в цивилизованном мире нет, и задачу построения демократического правового государства не решить на баррикадах с помощью «коктейля Молотова» – это должен понять и осознать каждый гражданин Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. *Чиркин В. Е.* О пропорциональной избирательной системе с преференциальным вотумом // Журнал российского права. 2013. № 6.

2. *Советников И. В.* Злоупотребления правом в избирательном процессе. М., 2010.

3. *Черкасов А. И.* Местное управление в зарубежных странах : реформы и тенденции развития // Российский юридический журнал. 2013. № 1.

4. *Никонова Н. А., Шемелин А. В.* Участие в выборах и электоральное поведение граждан латиноамериканских государств в условиях демократического транзита // Международное публичное и частное право. 2013. № 2.

5. Для выборов народ может не понадобиться // Комсомольская правда. 2006. 10 нояб.

6. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М. : НОРМА, 2008.

7. *Михалева Н. А.* Парламентские и президентские выборы в России (в вопросах и ответах). 2-е изд., изм. и доп. М. : ЮРКОМПАНИ, 2012.

8. Избирательная комиссия Владимирской области. Среднерусский консалтинговый центр. Способы повышения электоральной активности жителей Владимирской области. Владимир, 2010.

9. *Прудентов Р. В.* Протестные отношения (по материалам некоторых зарубежных стран) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2.

10. *Арановский К. В.* Всеобщее избирательное право в его ценностных основаниях и издержках // Российский юридический журнал. 2010. № 4.

11. *Берлявский Л. Г.* Избирательное право как институт конституционного права Соединенных Штатов Америки // Российская юстиция. 2012. № 4.

12. *Холопов В. А.* Модернизация механизмов реализации институтов непосредственной демократии : анализ зарубежного и российского опыта проведения электронного голосования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9.

13. *Сербин М. В.* Зарубежный и российский опыт повышения электоральной активности молодежи посредством интернет-голосования // Международное публичное и частное право. 2011. № 4.

14. *Трыканова С. А.* Инновации в сфере электронного содействия проведению региональных выборов : сравнительный анализ российской практики и зарубежного опыта // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 9.

А. В. Россошанский

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Два десятилетия функционирования Конституции Российской Федерации представляются хорошим поводом для осмысления политической значимости и социальной функциональности тех норм и принципов, которые в ней были заложены и определили развитие ключевых политических институтов и процессов в постсоветской России. Не подвергая сомнению общего пафоса юбилейного обсуждения и того общепризнанного позитива, который звучит в отношении стабилизирующей роли Конституции, позволю себе сформулировать несколько аргументов в отношении тех противоречий политического развития России, которые не были разрешены окончательно на конституционном уровне и, как представляется, не нашли должного отражения в политической и правовой науке.

Сама процедура принятия Конституции РФ отразила ту сложную и полную драматизма политическую ситуацию, которая имела место в тот период в стране. С одной стороны, в процессе борьбы за власть Б. Н. Ельцин и его сторонники активно использовали идею суверенитета, которая стала своеобразным тараном для разрушения СССР. Однако после прихода к власти радикальные реформаторы декларировали свою приверженность ценностям либеральной демократии и многие преобразования проводили в соответствии с ними, в том числе и при подготовке Конституции РФ. Предполагалось, что Россия войдет на равных в структуру развитых демократических стран и проблема суверенитета будет лишена особого смысла и актуальности с учетом процессов мировой глобализации.

Напротив, ввиду пророчествуемой гибели национальной государственности как стратегии мирового развития вопрос о поиске альтернативной интерпретации как бы снимался с повестки дня. Взамен предлагалось то, что с подачи публицистов было названо доктриной Сороса (по имени известного бизнесмена и политика Дж. Сороса). Суть ее в том, что неизбежная гибель национально-государственной стратегии политического развития уже сегодня оправдывает свободное «взламывание» национально-государственного суверенитета, если это диктуют потребности глобализации [2, с. 6].

Тем не менее реальность оказалась намного сложнее. России в 2000-е годы вновь пришлось обратиться к теоретическому обоснованию практической значимости теории суверенитета (вплоть до формулирования идеологии «суверенной демократии»), т. е. в облике стратегии развития, способной к изменению мотивации и способов легитимации политического действия, того, на чем держится и чем опреде-

ляется политический суверенитет. А масштаб сдвига, когда мы говорим о политическом суверенитете, состоит в том, что от понимания демократии как власти народа «западная» либеральная демократия перешла к пониманию демократии как власти от имени народа, от идеи народного суверенитета – к идее суверенности политических элит, стоящих на страже ценностей либерализма и демократии, от понимания гражданских прав и свобод как обусловленных «природой человека» – к пониманию его прав и свобод как обусловленных национально-государственным законодательством, от понимания свободы как всеобщей ценности – к пониманию свободы как эксклюзивной ценности, до которой общество и человек должны дорасти.

Нет сегодня и классического демократического государства. Оно уже не привязывает свои взаимоотношения с гражданами к создаваемым самими элитами представлениям о том, чего «хочет народ», что «народ» поймет в государственной политике, а чего не поймет. Оно само активно рассказывает обществу о себе, о содержании и целях своей политики, о трудностях и механизмах решения проблем, оно само задает и формулирует повестку дня для политики, не дожидаясь зарождения социальных и научных утопий, само занимается прогнозированием развития общества в будущем. С этим, собственно, связан оптимистичный расчет современных исследователей, что государство сможет взять на себя не только решение своих собственных сложных проблем, но и решит за общество его проблемы. Все это делает вторжение современного государства в сферу общественной жизни гораздо более масштабным, чем прежде, но менее заметным и болезненным в силу применения тактики навязывания государством общественному сознанию информации о себе и своей политике. Когда политическая позиция государственной власти кажется гражданину прочитываемой, понятной, она уже не выглядит для него настолько опасной для его образа жизни, чтобы реагировать на нее немедленно и активно.

Современное государство очевидно и понятно для граждан (во всяком случае на уровне внешних, институциональных и процессуальных оболочек политики) настолько, что выглядит относительно предсказуемым и потому относительно безопасным. Для государства такое ощущение гражданским обществом своей безопасности создает невиданный прежде ресурс легитимности и соответствующий простор для решения задач политического управления как раз теми способами, которые больше всего критикуются современными аналитиками и определяются ими в качестве симптомов кризиса либерально-демократической государственной политики.

Сама политика изменилась. Из относительно спонтанной, диктуемой внешними по отношению к демократической политике классовыми и сословными позициями политических субъектов игры политических интересов, ориентированной на стимулирование экономического, правового, культурного и прочего прогресса, она превратилась, что особенно заметно в модернизирующихся социально-политических системах, в конструирование усилиями политических и интеллектуальных элит проектов стабильности (стабильность гражданских прав и свобод, конституционного строя, материального благосостояния и уровня потребления, стабильность культурного пространства). Выглядит вполне закономерным, что в формате этого обновления политики современным государствам приходится расставаться с идеологией мультикультурализма, внимательнее относиться к проблемам миграции населения и мириться с националистическими и ксенофобскими настроениями своих граждан. Очертания этого нового стиля современной политики выдают те самые требования к изменению форм и сути государственной политики, о которых упоминалось выше. Создание таких современных проектов стабильности, действительно выступающих альтернативой прогрессистски ориентированным классическим идеологиям, обеспечивается современными информационными технологиями, которые действительно

устраняют из политического процесса многие дестабилизирующие факторы. В частности, до предела сжимается физическое пространство и время, благодаря чему к минимуму сводится дистанция между постановкой политической задачи и ее решением. В физическом пространстве и времени не остается места для традиционных демократических дискуссий, что, с одной стороны, создает сверхэффективный имидж политики, а с другой – открывает простор для фактически беспредельного расширения виртуального пространства и времени взаимоотношений политических субъектов. Политику начинают творить СМИ и электронные сети. Свойства политических субъектов как носителей суверенитета со всей очевидностью меняются. Это позволяет предположить, что и суверенность как их сущностное свойство тоже может и должна подвергаться изменению. Другое дело – как факт этих изменений зафиксировать на дискурсивном уровне.

Представляется возможным использовать для этого понятие **«информационный суверенитет»**, имея при этом в виду, что это обобщенная характеристика всех перечисленных выше тенденций в изменении свойств суверенности общества и государства, изменений, обусловленных общим возрастанием роли информационного сегмента в структуре современной цивилизации. Это не значит, что классические трактовки сути политического суверенитета, акцентирующие внимание на его правовых аспектах, и постоянные дискуссии о его природе теряют смысл. Напротив, информационная составляющая изначально присутствовала в структуре того межсубъектного политического взаимодействия, качество которого мы обозначаем понятием «политический суверенитет», с момента рождения политики как новой социальной практики. В определенном смысле она даже доминировала. Все, что в суверенности государственной власти в разные исторические эпохи и в суверенности общества определялось мыслителями-консерваторами как «тайна» источника властной воли и властных функций, а мыслителями прогрессивного толка как «воля народа»(что не менее таинственно), по сути, было теоретической характеристикой способности одних субъектов политики, обеспечиваемой специфическим набором ресурсов и инструментов в руках государства и общества, сообщать другим субъектам политики такую информацию о себе и о них, которая позволяла определенным образом выстроить конфигурацию политических интересов, воли, процессов.

Сегодня, когда под вопросом оказываются экономические, культурные, правовые составляющие национально-государственного суверенитета, контроль со стороны национального государства информационных потоков как базовогоым ресурса современной цивилизации, опирающийся на определенную теоретическую легитимацию, остается одним из последних рубежей, на которых современные государство и общество могут прийти к взаимному соглашению относительно необходимости продолжить приспособление институтов и принципов либеральной демократии к условиям глобализации. Можно без ущерба для национального самосознания и без вопросов о том, какое государство выражает твои интересы как гражданина, пользоваться нефтью, газом, даже денежными ресурсами (хотя уже в связи с хождением на европейских и мировых рынках евро у западноевропейцев постоянно существуют сомнения относительно суверенности финансовой политики их государств). Природные ресурсы и то, на что они обмениваются, в принципе, самой природой даны одни на всех. Здесь фактически нет права собственности, а есть право эксклюзивного или совместного пользования, доли в котором определяются национально-государственным суверенитетом.

А вот информацию создает не природа. Ее создают конкретные политические субъекты. И в этом отношении она обладает в полной мере свойствами ресурса эксклюзивного и не восполнимого за счет других. И собственник информации выступа-

ет в отношении своего информационного ресурса в полном смысле собственником по самому тому факту, что он его творец и этот ресурс может быть использован только по его желанию и в его интересах. Поэтому без ущерба для уверенности в своем государстве и обществе гражданину невозможно пользоваться чужими информационными ресурсами вообще и чужой политической информацией – в частности. Хотя именно эта идея – что гражданину лучше пользоваться в отношениях со своими государством и обществом чужой информацией, так же как он пользуется чужими нефтью, газом, промышленными технологиями и т. д. («свобода пользования информацией» как олицетворение самой абсолютной политической свободы), – постоянно присутствует в самом информационном пространстве на правах некой объективной истины, неизбежного требования глобализации и магистрального пути современной цивилизации, постоянно провоцирует конфликты в самом информационном пространстве и между субъектами, пользующимися политической информацией. Ее постоянное присутствие в общественно-политическом дискурсе, собственно, и делает актуальным разговор об информационной безопасности государства и общества в современных условиях глобального нарастания информационных потоков.

Сама история, как часто бывает, служит аргументом против понимания ресурса политической информации и информации вообще как ничейного достояния, неконтролируемое использование которого только и делает человека в полном смысле политически свободным. Как и всякий другой, информационный ресурс существует только в границах технологий, применяемых для его создания и переработки, последующего потребления. То есть у политического суверенитета искони было информационное «лицо» и именно очертания этого «лица» привели политическую и правовую мысль на ранних этапах ее развития к заключению о божественном происхождении и божественной сущности политического суверенитета, потому что сама информация, особенно политическая, в полном смысле выглядела частью божественного слова и духа. Ее нигде не было в природе, но она определяла все в мире людей. Политика мыслителям древности представлялась в виде, выражаясь современным языком, информационной технологии, созданной Богом, которая может быть также использована и людьми в том случае, если философия сможет расшифровать эту технологию. Только сегодня люди начали на рациональном уровне более-менее четко осознавать, насколько смысл того, что они обозначают понятием «информация», зависим не от божественного замысла (культ научного знания как божественного откровения), но был свойствен всему от технологических возможностей той или иной исторической эпохи, включая и нашу, «постиндустриальную». Однако объективно такая зависимость всегда была. В древности и в Средневековье, а отчасти и в Новое время, религия (для Запада это было христианство) была главной технологией передачи социально значимой информации вообще, и политической в частности. И свойствами этой технологии определялись свойства того, что воспринималось людьми как информация собственно политическая и потому достойная фиксации в политических трактатах.

Но современные технологии производства, использования и распространения информации строятся на иных принципах и механизмах, нежели технологии религиозные. Эмоциональные реакции производителя, распространителя и потребителя информации заложены в них в самом основании. Это делает такие технологии более действенными, но и более опасными, в первую очередь для самого политического суверенитета. Современные государства неслучайно все больше внимания, в ряду других мер по поддержанию и укреплению своего суверенитета, уделяют информационной безопасности своих институтов и своих граждан, потому что человека, который глубоко эмоционально переживает политическую информацию, совсем не

трудно сделать как приверженцем той стратегии, которую реализует в политике его государство, так и идейным противником этой стратегии, когда ему просто будет не нравиться все, что бы государственная власть ни делала. Эти технологии опасны постольку, поскольку вся современная либерально-демократическая гражданственность людей зиждется на их глубоко эмоциональном переживании своего статуса, своей наделенности особыми правами, возможностями и обязанностями. Современная либеральная гражданственность как свойство политической личности больше напоминает подсознательную реакцию на растущие, как ком, проблемы политики, нежели осмысленное позиционирование индивидом себя в круге этих проблем.

Таким образом, современные тенденции в развитии цивилизации вывели исконную информационную составляющую политического суверенитета прошлых эпох на первый план, сделали ее слишком заметной и практически значимой чертой в отношениях властвования и подчинения, чтобы игнорировать потребность эту новую тенденцию отразить в политическом дискурсе с помощью дополнительного понятия. *Понятием «информационный суверенитет» можно обозначить способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике и использовать информацию как ресурс политического влияния в тех масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам.*

Информационный суверенитет мотивирует и определяет понимание СМИ своей политической субъектности. Конфигурация запроса СМИ на информационный суверенитет определяет структуру их отношений с другими политическими субъектами и всю структуру трудностей и проблем, с которыми сталкиваются современная информационная политика и ее правовое регулирование. Исследование информационного суверенитета даст практическую возможность четко сформулировать идеологию информационной политики в современной России, причем сформулировать ее, имея в виду, что основным в ее структуре должно быть не сопоставление интересов государства и общества (попытки сделать из СМИ инструмент согласования этих интересов по определению не могли и не могут иметь положительного результата). Это может быть именно идеология политического участия СМИ как самостоятельного субъекта, наделенного самостоятельным политическим ресурсом, которым они распоряжаются по собственному усмотрению.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.
2. *Мариносян Х. Э.* Национальное государство : настоящее и будущее / / Философские науки. 2011. № 7.

Л. В. Саенко

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ОСНОВНЫХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ СЕМЬИ

В отечественной правовой науке в последнее время все чаще можно наблюдать процесс нового осмысления уже известных и устоявшихся правовых понятий и категорий, что касается также верного восприятия «охраны» и «защиты». Эти термины нередко встречаются в юридической литературе. Но следует констатировать, что при использовании данных категорий как юридических понятий авторы порой вкладывают в них разный смысл. Поэтому высказываемые мнения и проведенные исследования пока не привели к выработке единой общепризнанной позиции по рассматри-

ваемому вопросу. Именно поэтому не только сохраняется, но и становится все более актуальной потребность в научном исследовании заданной проблематики.

Проводя анализ различного толкования понятий «охрана» и «защита», можно прийти к выводу, что и среди авторов энциклопедических изданий также не существует единообразного понимания данных понятий [10, с. 133–134, 278]. Другие авторы понимают «защиту гражданских прав» как один из институтов гражданского права, но, на наш взгляд, со столь узкой трактовкой согласиться нельзя. «Охрана» здесь обозначена аналогично первому изданию [1, с. 222, 469]. Существует и определение «защиты судебной» как конституционного права граждан [11, с. 175].

Аналогичным образом обозначены исследуемые понятия и в других источниках [12, с. 708; 2, с. 415, 864; 8, с. 223, 488], где «защита» фигурирует как способ пресечения, уменьшения негативного воздействия, как право граждан и как совокупность процессуальных действий, направленных на защиту чести, достоинства, жизни и здоровья, личной свободы, имущества от преступного посягательства, а «охрана», в свою очередь, – как система государственных мер [7, с. 397, 866].

Интересна трактовка понятий «охрана» и «защита» в рамках конституционного права. Авторами справедливо замечено, что среди государственно-правовой терминологии, конституционного лексикона новейшего времени существуют «защита отечества» (ст. 59), «защита от обвинения в преступлении» (ст. 45, 48), «защита и покровительство» как усилия государства по отношению к своим гражданам, находящимся за его пределами, и что «защита» – это более конкретные шаги органов государственной власти страны в целях обеспечения прав граждан [5, с. 223]. Отметим также, что в данном издании отсутствует понятие «защита семьи», хотя в ст. 38 Конституции Российской Федерации оно четко обозначено.

Можно согласиться с позицией, что отличительным признаком охраны является более широкий спектр социальных норм и форм ее осуществления. Если защита прав предполагает наличие и действие конкретных юридических гарантий, которые устанавливаются государством и закрепляются исключительно в правовых нормах, то меры по охране прав могут быть рассредоточены в различных социальных, и в том числе правовых нормах. В свете вышеизложенного важно подчеркнуть мысль о необходимости выделения в праве двух однородных функций – правоохранительной и правозащитной, – аи соответственно, следует вести речь и о двух однородных, но разных по правовому содержанию элементах – охране и защите прав [4, с. 19].

Анализируя конституционные положения и действующее российское законодательство, можно констатировать, что в настоящее время законодатель, по сути, отождествляет понятия «защита» и «охрана». С этим нельзя согласиться. Для правоприменительной деятельности разграничение данных категорий имеет немаловажное значение, и различать исследуемые категории нужно не только в теоретическом плане.

Проведя анализ различных точек зрения, следует отметить прежде всего следующее – все авторы едины во мнении о том, что потребность в защите права возникает только после его непосредственного нарушения либо при существовании реальной угрозы такого нарушения. Охрана же прав начинается с установления общего правового режима, с определения базовых наказуемых деяний, т. е. обозначения гарантий и другой деятельности, осуществляемой до нарушения прав и свобод [6, с. 130]. Даже в плане защиты самой Конституции Российской Федерации В. А. Виноградов, например, замечает: «Как известно, защита Конституции состоит в устранении нарушений ее норм. Охрана же Конституции направлена на предупреждение нарушений конституционных норм» [3, с. 2]. Если же провести анализ конституционных норм, регламентирующих охрану и защиту прав, можно сделать и еще

один вывод – о том, что в Конституции Российской Федерации, да и в действующем законодательстве в целом, не проводится четкое разграничение этих понятий [8, с. 6].

Прежде чем вести речь об элементах охраны именно семьи, следует дать определение этому правовому понятию. Исходя из вышеизложенного охрану семьи возможно определить как один из институтов конституционного права и конституционного законодательства, как одно из важных направлений государственной социальной – в частности семейной – политики [8, с. 9].

Таким образом, конституционное право на охрану семьи – это целый комплекс полномочий в сфере государственной охраны семьи, включающий в себя права граждан в сфере охраны семьи (ст. 7, 38, 72), обязанность государства в лице органов государственной власти Российской Федерации, субъектов и органов местного самоуправления, их должностных лиц по защите указанных прав (ст. 38, 71, 72), установленную законодательством ответственность за нарушение указанных прав и несоблюдение обязанностей органов власти и их должностных лиц по охране семьи.

Анализ правовых категорий «охрана» и «защита» показал, что в юридической литературе они приводятся в самых разных соотношении и трактовках, существует множество подходов к определению понятий «охрана прав» и «защита прав». К большому сожалению, эти понятия до сих пор не получили четкого определения. Это обстоятельство в немалой степени мешает более глубокой дифференциации названных правовых явлений.

К числу общепризнанных норм международного права относится положение о необходимости защиты семьи со стороны общества и государства. В п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, говорится: «Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства». В отечественном законодательстве это положение впервые приобрело значимость конституционного принципа в Конституции СССР 1977 года (ст. 53). Действующая Конституция Российской Федерации также закрепляет этот принцип в п. 1 ст. 38. Семейный кодекс Российской Федерации в качестве одного из основополагающих принципов семейного законодательства воспроизводит содержащиеся в Конституции положения о том, что «семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства» (ч. 1 п. 1 ст. 1 СК РФ). Однако действующее российское законодательство, как уже было отмечено выше, не раскрывает понятий «защита семьи» и «охрана семьи». Если не рассматривать вышеназванные нормы как чисто декларативные, возникает закономерный вопрос, какой же юридический смысл вкладывать в содержание неоднократно используемого в Основном Законе термина.

В этой связи для обозначения защиты семьи на конституционном уровне предлагается использовать термин «охрана семьи».Рассматриваемые выше понятия «охрана» и «защита», как уже отмечалось выше, являются взаимосвязанными и не исключают, а предполагают одно другое. Право на защиту семьи означает право на защиту конкретных субъективных прав и охраняемых законом интересов ее членов. Защита этих прав и интересов одновременно является актом защиты семьи в целом. По нашему мнению, защиту семьи государством следует понимать как деятельность управомоченных органов и должностных лиц государственной власти Российской Федерации и ее субъектов по управлению социальными процессами, протекающими в брачно-семейной сфере [8, с. 9]. Эта деятельность направлена на их оптимизацию и создание условий, необходимых для эффективного функционирования семей, и должна осуществляться с позиций долговременных интересов развития общества путем реализации комплексной системы мер в рамках, определяемых законом.

Охрану же семьи возможно определить как один из институтов конституци-

онного права и конституционного законодательства, как одно из важных направлений государственной социальной, в частности семейной, политики, включающее экономические, организационно-управленческие, социальные, воспитательные и правовые меры и целостную систему мероприятий, направленных на всестороннюю поддержку института семьи, ее защиту от всех факторов, негативно влияющих на дальнейшее развитие семьи как основополагающей ячейки общества.

Поэтому при четком разграничении понятий «охрана» и «защита» в Конституции России правильнее все же использовать выражение «охрана семьи». По своей содержательной характеристике это понятие более полно отражает суть исследуемых явлений. Значит, необходимо внести изменения в п. 1. ст. 38 Конституции Российской Федерации, изложив ее в следующей редакции: «Материнство, отцовство и детство находятся под охраной государства» [8, с. 9].

Список использованной литературы:

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, Р. Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 1999.

2. Большой энциклопедический словарь / под. ред. А. М. Прохорова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия». 1998.

3. *Виноградов В. А.* Проблемы охраны (защиты) Конституции Российской Федерации и конституционно-правовая ответственность / / Конституционное и муниципальное право. 2003. № 1.

4. *Киричек Е. В.* Охрана и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации (на примере Уральского федерального округа) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.

5. Конституционное право. Энциклопедический словарь / под ред. С. А. Авакьяна. М., 2001.

6. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987.

7. Новый энциклопедический словарь. М. : Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000.

8. *Саенко Л. В.* Конституционно-правовые основы охраны и защиты семьи в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

9. Современный толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2004.

10. Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2001.

11. Юридический энциклопедический словарь / под ред. О. Е. Кутафина. М. : Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.

12. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Юрист, 2001.

И. С. Сайфулин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

В Российской Федерации признаются политическое многообразие и многопартийность [1]. Иными словами, действует принцип политического плюрализма. Под политическим плюрализмом понимается возможность свободного существования в обществе различных политических взглядов, школ, идеологий, политических партий и организаций с неодинаковыми целями и программами [6]. Становление политического плюрализма стало новой ступенью в развитии постсоветской России. На декабрь 2013 года в России зарегистрировано более 70 политических партий [11].

Помимо легальных зарегистрированных партий есть и другие, имеющие неформальный статус и ориентированные на цели, противоречащие федеральному законодательству о политических партиях (например, «Другая Россия» Эдуарда Лимонова) [9]. Зачастую разномастные оппозиционные силы апеллируют рациональными

доводами в процессе достижения своих политических целей. Так, согласно ч. 1 ст. 7 Конституции, Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. На практике так оказывается, увы, не всегда. В качестве наглядного примера можно назвать события в Западном Бирюлеве. Резонансное убийство вызвало стихийные народные демонстрации, вылившиеся в массовые беспорядки и столкновения с сотрудниками полиции. По словам члена центрального штаба Общероссийского народного фронта и одновременно члена фракции «Единая Россия» Михаила Старшинова, причиной беспорядков стало бездействие местных властей и полиции, которые не смогли предотвратить назревавший конфликт [8]. Зачастую бездействие чиновников, коррупция в высших эшелонах власти, безответственные действия государственных органов создают рациональные предпосылки для поднятия вопросов о модернизации государственной системы. Вопрос о модернизации государства сегодня стоит достаточно остро. Преобразование может осуществляться в правовой и неправовой форме. Правовой путь основан на признании права основным средством социального управления и определяет фундаментальные правовые гарантии одним из основных условий модернизации общества. Второй путь обычно характеризуется экстремистской направленностью.

Для того чтобы предотвратить рискогенность целого ряда экстремальных политических факторов, вытекающих из несовершенства государственной системы, необходимо усовершенствовать механизм регулирования общественной жизни, ориентированный на признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Иными словами, в условиях современных реалий развитие конституционализма является необходимостью минимизации вероятности возникновения кризисных ситуаций в политической системе и средством успешного комплексного развития государственности. Конституционализм является более широким понятием, чем конституционность (конституционная законность, публичное право), предполагающая формальное соответствие нормативных актов и действий властей нормам Конституции. Современный конституционализм предполагает безусловное признание и реализацию на практике широкого перечня прав и свобод человека, приоритет прав личности перед государственными интересами, равноправие граждан [4].

Конституционализм тесно связан с политической системой. Функции политической системы общества на сегодня заключаются в формировании стабильности современной государственности, развитии демократизации, укреплении института права и централизации управления обществом посредством закона. Политическая система по сути своей представляет сферу, где развивающееся правосознание граждан совместно с их обусловленной различными целями политической активностью взаимодействует с политическими идеалами государства через всевозможные его институты.

Таким образом, на стыке политических взглядов в правовой плоскости, вне её, при конфронтации интересов социальных групп, при осуществлении целых политических кампаний, направленных на борьбу с пороками политической системы, неспособностью в ряде случаев правового механизма решать те или иные проблемы возникает политическая оппозиция.

Современная политическая оппозиция в России – это возникшая необходимость самореализации разнородных политических активистов, своеобразная социальная рефлексия на существующую политическую обстановку. Суть такой активности обусловлена выбором политических ориентиров, говорящих о демократизации страны, ее гражданских и политических институтов. Факт существования оппозиции неуместно оценивать с точки зрения «хорошо/плохо», поскольку это закономерный

процесс развития демократического общества, естественно ознаменованного политическим плюрализмом, который, в свою очередь, предопределен нормами Конституции.

Ввиду прогрессирующей эволюции политического плюрализма в современной России на стыке интересов политических активистов из числа рядовых граждан и интересов государства возникла новая политическая оппозиция, фрагментарно разделяющая идеи либерализма, национализма, ортодоксального монархизма, прямой демократии и др. Децентрализация взглядов оппозиции позволяет говорить об очередной ступени развития общества через возможность осуществления целенаправленной политической активности путем формирования относительно самостоятельных гражданских институтов.

Для понимания сущности политической активности в России важно иметь четкое представление о классификации существующей политической оппозиции. Помимо идеологической дифференциации политических сил стоит обратиться к электоральной классификации. Участие в выборах автоматически разделяет оппозицию на три группы – оппозицию системную, внесистемную и маргинальную. Системной оппозицией признаны представители партий, преодолевших 7%-ный барьер и противостоящих в Госдуме «Единой России». Внесистемной оппозицией признаны представители партий, не преодолевших 7%-ный барьер, но представленных в информационном пространстве России. Маргинальной оппозицией считаются представители тех политических сил, которые не смогли доказать федеральной власти, что они могут эффективно исполнять роль партий [3].

Независимо от вида оппозиции всегда осуществляется оппозиционная деятельность. Действия оппозиционеров развивают способность государственных органов к своевременной ответной рефлексии.

Хотелось бы выделить вопрос о способах достижения оппозицией своих политических целей в современных условиях. Основным законным способом достижения политических целей должны быть выборы, и фактически все политические силы с этим согласны, с той лишь разницей, что кто-то хочет проводить эти выборы чаще, а кто-то реже. К сторонникам законных способов и методов можно отнести лишь системную оппозицию (например, ЛДПР, КПРФ, «Справедливую Россию»). К сожалению, значимая часть политической оппозиции (к ним можно отнести почти всю внесистемную и маргинальную оппозицию), соглашаясь с этим, ведет своих сторонников на улицы, устраивая всевозможные митинги, марши, протесты. При таких формах политической активности очень часто фигурируют антиправительственные лозунги, также возможны акции с применением насилия по отношению к представителям власти. Зачастую обозначенные действия носят экстремистский характер. В любом случае официальные власти должны делать выводы из любых проявлений оппозиционной активности, понять ее первопричины и пытаться минимизировать предпосылки социальных волнений.

Протестуя фактически сразу после первых массовых выступлений в 2011 году, внесистемные оппозиционеры смогли добиться:

1) принятия Европейским парламентом резолюции, в которой он призвал российские власти организовать новые «свободные и справедливые» выборы депутатов и провести «немедленное и полное» расследование всех сообщений о нарушениях. Также в резолюции выражается озабоченность по поводу ситуации с правами человека в России и отсутствия верховенства закона и независимости судебной системы [7];

2) возвращения к выборам глав субъектов РФ [5];

3) обращения Д. А. Медведева к Федеральному Собранию с предложением о комплексной реформе политической системы [10].

Таким образом, прослеживаются результаты, которые вряд ли были бы достигнуты, если бы не было той самой политической оппозиции. Но насколько такие действия оказались ожидаемыми и эффективными, в полной степени остается неясным.

Однако какими-либо результатами современная политическая оппозиция может похвастаться лишь в 2011 году, в момент публичных массовых выступлений и своего широкого распространения. В последующие годы оппозиционные лидеры были привлечены к уголовной ответственности, а значительная часть их сторонников потеряла политический интерес.

В начале 2013 года политическую ситуацию, связанную с оппозиционным движением в стране, прокомментировал глава Аппарата Правительства Владислав Сурков. Так, им было сказано: «Протесты не смогли сломать политическую систему России». Сказанное, в свою очередь, подчеркивает, что властные институты страны адаптировались к требованиям нового времени [2]. Стоит отметить, что не все политические протесты хотели именно сломать систему. Вышесказанное можно трактовать как нежелание властей прислушиваться к мнению целых социальных групп, что в последующем из-за радикализма в суждениях отдельных политических деятелей может в очередной раз вызвать социальную напряженность.

По данным исследования Левада-Центра, проведенного в мае 2013 года, 27% опрошенных поддерживают оппозиционеров (причем только 5% с уверенностью, а 22% – скорее поддерживают). Не поддерживают оппозицию 30% опрошенных. Целых 44% выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Эксперт Левада-Центра сделал вывод о дезориентации общества. Он объяснил снижение численности участников митингов летним сезоном (когда люди меньше склонны к конфронтации), дискредитацией оппозиции государственными СМИ и низкой информированностью населения в целом [12].

Подводя итог, стоит отметить, что в современных условиях стабильность политической ситуации в стране зависит от эффективной деятельности государственных органов, а только потом от оппозиционной рефлексии политических активистов. В любом случае становление демократического правового общества невозможно без плюрализма политических взглядов, выраженного в законных формах политической активности. Анализ и изучение оппозиционной деятельности указывают на точки социальной напряженности, которые напрямую или косвенно связаны с эффективностью исполнения законодательства, проведения государственных реформ, четкостью и непредвзятостью ведения политики. Плюрализм предопределяет множественность политических взглядов, которые в своей совокупности могут помочь выявить существующие недостатки в любой государственной системе. Это естественный и необходимый способ выражения своих политических интересов. Для комплексного развития государства, всех сфер его деятельности, для эффективной реализации прав и свобод человека и гражданина государство в обязательном порядке должно преодолевать существующие противоречия путем учета мнений его граждан, выраженных, в том числе, и в оппозиционных идеях и настроениях. Таким образом, в условиях динамичного развития гражданско-правового общества становление конституционализма невозможно без плюрализма как такового и учета его оппозиционных проявлений в частности.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. *Гребнева А.* Политическая система России устояла перед оппозицией // Газета «КоммерсантЪ». URL: http://www.kommersant.ru/doc/2183114 (дата обращения: 03.11.2013).

3. *Мирошкина Н. А., Удалова Т. А.* Политическая оппозиция в России // Успехи современного естествознания : науч. журн. 2012. URL: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=9999102 (дата обращения: 03.11.2013).

4. *Санжаревский И. И.* Политическая наука : словарь-справочник // Политическая наука : виртуальный учебно-методический комплекс. URL: http://glos.virmk.ru/01_k.htm (дата обращения: 03.11.2013).

5. *Смирнов С., Воробьев И.* Фильтр для губернаторов // Газета.ru. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/12/15_a_3928774.shtml (дата обращения: 03.11.2013).

6. *Стёпин В. С.* Новая философская энциклопедия // Академик. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8883/ПЛЮРАЛИЗМ (дата обращения: 03.11.2013).

7. European Parliament resolution of 14 December 2011 on the upcoming EU-Russia Summit on 15 December 2011 and the outcome of the Duma elections on 4 December 2011 // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2011-0575+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN (дата обращения: 03.11.2013).

8. Беспорядки в Бирюлево. URL: http://www.interfax.ru/russia/txt.asp?id=334364 (дата обращения: 03.11.2013).

9. Другая Россия // Википедия – свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Другая_Россия_(партия) (дата обращения: 03.11.2013).

10. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. [Сайт]. URL: http://kremlin.ru/news/14088 (дата обращения: 03.11.2013).

11. Список зарегистрированных политических партий // Сайт Министерства юстиции РФ. URL: http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok (дата обращения: 03.11.2013).

12. Несистемная оппозиция : отношение к митингам и лидерам // Левада-Центр. URL: http://www.levada.ru/13-06-2013/nesistemnaya-oppozitsiya-otnoshenie-k-mitingam-i-lideram (дата обращения: 03.11.2013).

О. П. Салтыкова

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Последнее десятилетие XX века в значительной степени изменило характеристики многих государств, в числе которых была и Россия. Демократизация и формирование рыночных экономических отношений были основой развития новой по своим параметрам системы. Одна из ее особенностей – появление такого социального и правового института, как государственная служба.

В сложных условиях реформирования экономики государственная служба должна привнести в государственное управление программно-целевой подход, управленческий профессионализм, правовую компетентность, организованность и дисциплину, устойчивость и надежность конституционного строя, внимательное отношение к потребностям граждан и их доброжелательное обслуживание, законность, рациональность, эффективность и многие другие элементы.

Как можно видеть, к системе государственной службы предъявляются очень высокие требования, которым она пока далеко не всегда может соответствовать.

Реформирование системы должно осуществляться в условиях гласности и при участии гражданского общества. К сожалению, данная декларация остается нереализованной, о чем свидетельствует отсутствие широкой публикации самого документа, а также его принятие и подписание Президентом РФ без какого-либо предварительного общественного обсуждения.

Потребность в общественной самоорганизации вызвала количественный рост некоммерческих организаций, но многие факты свидетельствуют о низкой эффективности их деятельности. Результаты исследования выявили причины неустойчивости и низкой эффективности деятельности некоммерческих организаций. Среди них

основными являются некомпетентность кадров общественных объединений и низкий уровень менеджмента, что связано с отсутствием системы профессиональной подготовки кадров.

Это со всей остротой ставит вопрос о необходимости профессионализации управления общественными организациями, о создании системы образования и информирования таких организаций.

Перспективы развития социального партнерства государственных и общественных структур заключаются в следующем.

1. Основной проблемой взаимодействия общественных объединений и государственных структур является проблема доверия населения как к институтам власти, так и к лидерам общественных организаций. Это проблема возможности и желания решать острые социальные проблемы.

2. Одной из наиболее болезненных проблем является то, что не изжиты патерналистские настроения как политических деятелей, так и госслужащих, а также иждивенческое представление членов общественных объединений об обязанностях государственных структур. Ряд общественных организаций выступает не с позиции равноправных партнеров, но с позиции просителей в государственных структурах и все чаще – в коммерческих. Это преимущественно традиционные, давно существующие организации, привыкшие получать дотации из бюджета, в отношении которых со стороны органов власти и управления зачастую наблюдается прямое администрирование их организации и деятельности, отсутствует самостоятельность. Создается «слой» организаций неэффективных и неспособных выживать в конкурентной среде. Это обстоятельство заставляет лидеров данных организаций отказываться от идеи конкурсного определения необходимости финансовой поддержки наиболее перспективных социальных проектов, искать пути обхода конкурсов или искажать процедуру их проведения. Лидерами некоммерческих организаций недостаточно осознается сила взаимной поддержки, сплоченности общественных объединений в отношениях с властью.

3. Далеко не совершенна процедура общественной экспертизы наиболее значимых решений правительства. Проблемой, объединяющей и концентрированно выражающей все вышеназванное является проблема институционализации и профессионализации управления общественных объединений. Она обусловливает слабость влияния общественных объединений на государственные структуры.

4. Государственное управление в современном мире не может ускоренно наращивать эффективность, не в состоянии в одиночку справляться с глобальными проблемами общества и запросами развивающейся личности. Опыт реорганизации и роста государственных структур свидетельствует о том, что вместо оптимизации бюджетных расходов и улучшения качества социальных услуг тенденция максимизации государственного влияния и полномочий зачастую приводит к минимизации результатов и ответственности.

Необходим новый подход к содержанию и методам государственного управления. Возникла необходимость обратиться к новым ресурсам общества, к возможностям самоорганизации граждан и взаимодействия общественных и государственных структур. Современные социальные науки, отражая качественное изменение способностей и потребностей, развитие человека и общества, исходят из паритетности во взаимодействии общественных и государственных структур [1, с. 65].

Это означает коренное изменение взгляда на миссию и социальные функции не только представительных, но и исполнительных органов публичной власти. Исполнительные органы государственной и муниципальной публичной власти должны, согласно ожиданиям и требованиям общества, во взаимодействии с государственной властью и институтами гражданского общества на практике обеспечивать

условия для качественного повышения уровня жизни и деятельности россиян. Это определяет необходимость равноправных, согласительных процедур и диалогового характера взаимоотношений основных субъектов организации самоорганизации общества – власти и объединений граждан. Чем интенсивнее диалог между общественными и государственными структурами, чем более равноправны отношения граждан и власти, тем доверительнее отношение населения к государственному управлению. Только таким путем можно достичь взаимодействия и повышения уровня и качества жизни россиян.

Основными аспектами создания благоприятной среды для сотрудничества общественных и государственных структур лидеры общественных объединений считают, во-первых, совершенствование законодательной базы и контроль ее соблюдения, а во-вторых, совершенствование процедуры предоставления налоговых льгот.

Далее лидеры и активисты общественных объединений отмечают необходимость качественного информационного обеспечения и совершенствования коммуникаций, совместной разработки социальных программ. Особо выделена необходимость постоянной политической поддержки и обучения активистов общественных объединений. Опыт развитых стран свидетельствует о том, что должен быть установлен новый баланс ответственности за оказание социальных услуг гражданам:

– разработка и реальное соблюдение процедуры конкурса и экспертного отбора наиболее актуальных и эффективных проектов общественных объединений;

– выявление и оценка ресурсных возможностей общественных объединений, перспектив решения социальных задач;

– определение порядка делегирования части функций, полномочий, ресурсов госорганов;

– установление порядка взаимной ответственности и процедуры взаимоконтроля исполнения обязательств [1, с. 67].

Главной целью современного партнерства общественных и государственных структур становится создание максимально благоприятных условий для реализации развивающихся духовно-познавательных, социальных и материальных потребностей и возрастающих творческих способностей человека и общества. Безусловно, для реализации этой цели необходимы переход к инновационным технологиям организации взаимодействия общественных и государственных структур, а также обучение руководителей общественных объединений и государственных структур новым технологиям взаимодействия.

Благодаря эффективным технологиям организации взаимодействия общественных и государственных структур, их разработке и внедрению в сознании современных россиян произошло коренное изменение взглядов на цели и функции государственных структур.

Это определяет возможность и социальную опору становления новой парадигмы управления в обществе – социального управления.

Это определяет потребность в новых механизмах организации и самоорганизации россиян, новых методах государственного управления и взаимодействия общественных и государственных структур.

Это технологии сотрудничества, основанные на принципе не силового управления, но согласования интересов договаривающихся сторон, поиска эффективных решений.

Список использованной литературы:

1. Общество, государство, личность : проблемы взаимодействия в условиях рыночной экономики. Материалы IV международной научно-практической конференции. М., 2012.

И. В. Свечникова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Необходимым условием эффективного функционирования отношений собственности является система гарантирования имущественных прав собственников. Разумеется, самой надежной гарантией является сама система частной собственности, правовой базой которой выступают нормы Конституции РФ, служащие фундаментом для других отраслей права.

В ст. 8 Конституции РФ закреплен принцип равенства всех форм собственности – в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Сущность этого конституционного принципа состоит в обеспечении равного правового режима для всех законно существующих форм хозяйствования, в том числе и в недопустимости установления каких-либо ограничений для тех или иных субъектов имущественного оборота. Это не означает буквальное, абсолютное равенство правового режима для разных форм собственности. Безусловно, законодатель, предоставляя определенные привилегии или устанавливая какие-либо ограничения, учитывает специфику отдельных видов хозяйственной деятельности и особенности отдельных объектов собственности. Так, например, особый правовой режим присущ таким объектам права собственности, как земельные участки и жилые помещения.

Статья 36 Конституции РФ закрепляет ограничения осуществления собственником своих прав – ненанесение ущерба окружающей среде и ненарушение прав и законных интересов иных лиц. Аналогичное правило закреплено в ст. 209 ГК РФ.

Кроме того, по российскому законодательству отдельные объекты (земельные участки, жилые помещения и др.) должны использоваться строго по целевому назначению. В этом отношении справедливо утверждение В. П. Камышанского: «Обязанность собственника соблюдать целевое назначение земельного участка направляет и определяет его усмотрение. Это ограничит свободу усмотрения органов исполнительной власти и защитит интересы собственника от необоснованного и произвольного изменения целевого назначения земли» [2, с. 115]. Следует отметить, что в законодательстве большинства зарубежных стран право частной собственности ограничивается. При этом используются такие формулировки, как «для общего блага», при случаях, «оправданных общественной пользой или социальными интересами», «по мотивам общественной пользы» [3, с. 13] и т. д.

Российский законодатель также устанавливает ограничения права собственности в публичных интересах. Так, например, предлагается ограничить право собственности на земельный участок его целевым назначением, а также предъявляемыми к собственнику экологическими и природоохранными требованиями.

Интересно, что ранее, согласно отечественному ГК 1964 года, правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом осуществлялись «в пределах, установленных законом» (ст. 92). Действующий ГК РФ сместил акцент на возможность осуществления собственником правомочий прежде всего по своему усмотрению. Согласно Проекту ГК РФ, собственник обладает наиболее полным господством над вещью и вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащей ему вещи любые действия, если это не противоречит закону и не нарушает прав и охраняемых законом интересов других лиц, а также устранять любое незаконное воздействие третьих лиц на эту вещь (ст. 233).

Отметим, что изначально осуществление права собственности не должно вести

к такому результату, который с точки зрения правопорядка и правосознания считается недобросовестным или несправедливым.

Согласно ст. 10 действующего ГК РФ, не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, то такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков. Предполагается, что участники гражданских правоотношений, в том числе и собственники, действуют добросовестно и разумно (презумпция добросовестности). Безусловно, признать действие или бездействие злоупотреблением правом может только суд после изучения и оценки всех обстоятельств конкретного дела.

При осуществлении права собственности в таких формах, которые являются злоупотреблением правом, суд в соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично.

Кроме того, для лица, злоупотребляющего правом собственности, возможны и другие негативные последствия, предусмотренные законодательством. Так, при бесхозяйственном содержании культурных ценностей и ненадлежащем обращении с животными возможно прекращение права собственности путем их выкупа государством (ст. 240, 241 ГК РФ).

Важным шагом в укреплении основ гарантирования прав собственников стало принятие 27 апреля 1993 года Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [4], который закрепил возможность обжаловать в суде действия как государственных органов и органов местного самоуправления, так и учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих. При этом к действиям (решениям), которые могут быть обжалованы в суде, относятся коллегиальные и единоличные действия (решения), в том числе представление официальной информации, ставшей основанием для совершения действий (принятия решений), в результате которых: нарушены права и свободы гражданина; созданы препятствия для осуществления гражданином его прав и свобод; на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность или он незаконно привлечен к какой-либо ответственности.

Существенное значение имеет установление ограничений осуществления прав собственников. Согласно ст. 55 Конституции РФ, в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина, а их конституционно допустимое ограничение возможно только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Как уже не раз отмечалось в научной литературе, лишение собственника его имущества без судебного решения возможно при условии соблюдения требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и п. 2 ст. 1 ГК РФ – если это не нарушает конституционных гарантий охраны права собственности [5, с. 127]. В данном случае имеет место столкновение интересов государства и частного лица и это – проблема пределов вмешательства государства в частную собственность. При этом неизбежно возникает вопрос о критериях допустимости такого вмешательства. В этой связи К. И. Скловский отмечает: «Эти критерии состоят в том, что одновременно должны выполняться требования законности, осуществления вмешательства в общественных интересах, соблюдения справедливого баланса частного и общего интересов. Если нет хотя бы одного условия, вмешательство считается недопустимым» [6, с. 36].

Вопрос о допустимости вмешательства государства в частную собственность, в том числе посредством установления различных ограничений, остается нерешенным. Цивилистами неоднократно подчеркивалось, что проблема состоит не в том, следует ограничивать право частной собственности или нет, а в том, в какой мере и в каких формах государство должно ограничивать частную собственность.

Потребность в разработке данного направления обусловлена необходимостью обеспечения баланса имущественных интересов собственника и интересов государства и общества. Отклонение в любую сторону приводит к последствиям, негативным для всех участников имущественного оборота.

Опираясь на конституционные положения, ГК РФ координирует нормы, регулирующие отношения собственности разных субъектов на разные объекты. Эти нормы конкретизируются другими нормативными актами. Важно, что в ГК РФ получили закрепление основополагающие начала права собственности как субъективного гражданского права:

– действие собственника по своему усмотрению при осуществлении его права;

– при осуществлении права и при исполнении обязанностей собственник должен действовать добросовестно;

– обязанность собственника при реализации своего права соблюдать требования законодательства и не нарушать прав и охраняемых законом интересов третьих лиц.

Таким образом, отношения собственности, являясь многообразными, регулируются различными отраслями законодательства. Конституция РФ содержит фундаментальные основы осуществления права собственности, являясь базой правового регулирования. Гражданское законодательство выступает стержнем правового регулирования отношений собственности.

Список использованной литературы:

1. *Красавчикова Л. О.* Жилищное право и личные неимущественные права граждан // Актуальные проблемы жилищного права : Сборник памяти П. И. Седугина. М., 2003.

2. *Камышанский В. П.* Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2000.

3. *Жариков Ю. Г., Масевич М. Г.* Недвижимое имущество : правовое регулирование. М., 1997.

4. Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан : Закон РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 (ред. от 9 февраля 2009 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 685 ; СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 772.

5. *Нам К., Горбачев Д.* Конституционные гарантии охраны права собственности // Хозяйство и право. 1997. № 11.

6. *Скловский К. И.* Вопрос о пределах вмешательства государства в частную собственность в судебной практике // Хозяйство и право. 2002. № 6.

Н. М. Селезнева

О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Реорганизация судебной системы по объединению двух высших судебных органов стала реальностью. Она произошла так неожиданно, так стремительно, так смело и загадочно, что стала одной из самых обсуждаемых в последнее время.

Как известно, идея объединения высших судов не нова. Еще при разработке проекта Конституции России 1993 года предлагалось образовать Высшее судебное присутствие Российской Федерации, состоящее из председателей Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного суда, их первых заместителей и трех федераль-

ных судей, назначаемых по представлению Президента России (или, как вариант, состоящее из судей всех трех высших судов) [1, с. 8–20]. В дальнейшем нередко высказывались предложения о создании такой судебной системы, в которой не будет деления на суды общей, конституционной и арбитражной юрисдикции. Так, В. В. Ершов предложил на втором этапе реформы Конституционный и Верховный суд преобразовать в единый полновластный судебный орган – Верховный федеральный суд России [2], так как наличие децентрализованных судебных подсистем ослабляет в целом судебную власть и она, тем более на стадии роста, не способна противостоять другим целостным и наиболее сильным ветвям власти (особенно исполнительной), отстоять свою независимость, а следовательно, – права своих граждан. Аналогичное мнение о слиянии всех трех подсистем в один орган высказывали также С. В. Бородин и В. Н. Кудрявцев [3, с. 22], А. Д. Бойков [4, с. 15].

В пояснительной записке к нынешним поправкам в Конституцию тоже нет ничего нового. В документе говорится, что «реорганизация судебной системы позволит обеспечить единство подходов при отправлении правосудия как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц, исключить возможность отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела, установить общие правила организации судопроизводства, добиться единообразия в судебной практике». Вряд ли эти задачи можно считать первостепенными, и ради них не стоило переписывать Конституцию. Представляется, что разделение российской судебной системы на три самостоятельные подсистемы отражало общую тенденцию к специализации судов, которая является господствующей во многих странах мира.

Целесообразность инициативы Президента по объединению высших судов вызывает сомнения с управленческой, правовой и финансовой точек зрения и может иметь негативные последствия как для граждан, так и для судейского сообщества.

Во-первых, объединение судов приведет к потере специализации. Специализация судебной деятельности – характерная черта организации судебной власти в мире. Суть сильной и авторитетной судебной власти не в сосредоточении ее в руках одного вида судебных органов, а прежде всего в обеспечении реальной независимости всех органов правосудия, подчинении закону, последовательной реализации иных принципов правосудия, создании развитой процессуальной основы деятельности, обучении судей, обладающих высокой компетенцией, и т. п. По мнению главы Высшего арбитражного суда А. Иванова, «мировой опыт свидетельствует: есть доводы в пользу создания единого высшего суда, и есть доводы в пользу специальных судебных систем. Судебная система Германии, в которой шесть высших судов, работает не хуже, чем американская, в которой он один» [5]. Экс-заместитель председателя Верховного суда РФ В. Радченко также считает, что «будущее за разделением и специализацией ... Нам впору говорить о выделении административного правосудия как самостоятельной ветви. Сегодня они есть в 100 странах, одни мы „чухаемся” в своем болоте. Нельзя разрушать из-за конкретного человека, даже крупной фигуры, работающую структуру» [6].

Во-вторых, объединение судов и переезд в Северную столицу потребуют огромных финансовых затрат. Если объем финансирования судебной системы на 2013–2020 годы составляет 90,6 млрд рублей, то стоимость переезда оценивается в 50 млрд рублей [7]. В то же время критическая ситуация с финансированием судебной системы требует создания нормальных условий для функонирования уже действующих институтов – необходимо размещение федеральных судов и мировых судей в зданиях, отвечающих современным требованиям, дальнейшее развитие «мобильного» и «электронного» правосудия и т. п.

Нужно сказать об особенностях нынешнего здания Верховного суда. В его

строительство вложены большие средства. Оно на 4 этажа уходит под землю. Там даже проходят заседания, куда привозят опасных преступников. На глубине около 30 м есть залы заседаний, специально оборудованные на случай войны. В суде имеются архивные помещения с тоннами вещдоков. Что касается Высшего арбитражного суда, то его помещения не так давно были отреставрированы, кабинеты судей и залы в отличном состоянии. Так что бросать их даже обидно [8].

В-третьих, очевидно, что удаленность Верховного суда от центра затруднит доступ к правосудию. Теперь местом постоянного пребывания Верховного суда РФ становится Санкт-Петербург. Гражданам со всей страны придется добираться до судов еще дольше, чем до Москвы. Очевидно, что Москва расположена ближе к центру населенности Российской Федерации и является самым разветвленным транспортным узлом, образованным четырьмя видами транспорта – железнодорожным (11 лучей), автомобильным (13 магистралей), воздушным (4 основных аэропорта) и водным (3 речных порта), что позволяет ей осуществлять удобные контакты со всей страной. Вокруг Москвы в зоне радиусом 500 км расположено около 320 городов, т. е. почти треть общего числа российских городов [9]. Такой высокой степени контактности не имеет ни один другой город России. Следовательно, вопросы организации судов должны решаться с учетом того, насколько они удобны для граждан с точки зрения территориального расположения, динамики движения дела и др. Кроме того, Верховный суд окажется изолированным от федеральных СМИ, органов законотворчества, научно-практической составляющей, так как все крупные вузы, начиная с МГУ, находятся в Москве.

В-четвертых, упразднение Высшего арбитражного суда ставит под сомнение существование арбитражных судов как самостоятельных органов обеспечения правосудия по экономическим спорам. По мнению как российского, так и мирового юридического сообщества, ВАС РФ работает достаточно качественно, надежно, активно внедряет новые технологии, демонстрирует высочайший уровень транспарентности и по ряду параметров выглядит одним из самых передовых даже в сравнении с судами самых развитых стран мира. Судьи ВАС РФ известны своей активностью и постоянной работой над совершенствованием законодательства и правоприменительной практики, т. е. вся система четко работающих арбитражных судов является институтом XXI века, в отличие от системы судов общей юрисдикции. Сможет ли новый Верховный суд гарантировать предпринимателям те права, которые они имеют в настоящее время в специализированном суде, и не приведет ли это к нарушению ст. 55 Конституции, запрещающей принятие законов, умаляющих права и свободы человека и гражданина?

В-пятых, под ударом оказались конституционные гарантии независимости судей. Вся процедура отбора кандидатов в новый Верховный суд (создание Специальной квалификационной коллегии и Специальной экзаменационной комиссии) является странной и бросает вызов действующим судьям обоих высших судов. Вот почему почти сразу после появления президентского законопроекта об упразднении ВАС группа его судей приняла решение о коллективной отставке. В соответствии со ст. 12 Федерального Конституционного закона «О судебной системе» установлено единство статуса судей судов общей и арбитражной юрисдикции, а в ст. 5 сказано, что в Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей. Судья несменяем, он не может быть назначен на другую должность без его согласия, его полномочия прекращаются по решению квалификационной коллегии судей или при достижении им предельного возраста пребывания в должности судьи.

Поскольку не все судьи согласятся на переезд в Санкт-Петербург, остро встанет

вопрос нехватки кадров, **а о**моложение состава судей неизбежно приведет к снижению их квалификации.

Реформирование также затронуло статус дисциплинарного судебного присутствия, которое за почти 4 года работы проявило себя как последнее прибежище необоснованно притесняемых судей. Если раньше его существование базировалось на независимости от руководства обоих судов, поскольку трое судей назначались из Верховного суда, а трое – из ВАС, то теперь можно ожидать «единства и единообразия».

И, наконец, суд численностью в 170 судей неизбежно столкнется с трудностями его организации и управления. Автору статьи не удалось найти аналога такого суда ни в одной стране мира, где было бы такое количество регионов и такое количество споров**.**

Загадки президентского законопроекта не заканчиваются на реформе судов. Глава 7 Конституции, получившая новое название «Судебная власть и прокуратура», казалось бы, должна повысить статус прокуратуры. Но если раньше о прокуратуре не было известно ничего, кроме того что это единая централизованная система с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим, то в новой редакции о прокуратуре не будет известно совсем ничего. Зато Президент получает право предлагать Совету Федерации не только кандидатуру Генерального прокурора, но и кандидатуры его заместителей, а также назначать прокуроров субъектов Российской Федерации и ряд иных прокуроров. Получается, что система органов прокуратуры перестает быть единой и централизованной, а подчиняться будет уже не только Генеральному прокурору.

К сожалению, мы в России имеем очередную реформу, которая не стала предметом широкой общественной дискуссии, не была основана на социально-экономических исследованиях и не обсуждалась с органами судейского сообщества.

Таким образом, инициатива с переездом и слиянием высших судов приводит к выводу, что в России до сих пор отсутствует четкая научная концепция будущего российской судебной системы. Судебную систему нельзя перестраивать по абстрактным схемам или по заказу политиков. Ее необходимо медленно и обдуманно реформировать исходя из общественного блага. Представляется, что определяющими при выборе концепции являются такие критерии, как доступность судов для каждого гражданина, чтобы он мог реализовать свое право на судебную защиту, и способность самой судебной системы максимально эффективно выполнять свою основную функцию защиты прав и основных свобод человека, а также решать задачи ограничения произвола других ветвей власти. Судебная система должна развиваться путем не слияния, а расширения их компетенции, укрепления кадрового состава, улучшения материальной базы, увеличения финансового обеспечения судов.

В итоге чисто институциональное объединение судебной практики будет способствовать торможению правового прогресса и снижению уровня правовой обеспеченности предпринимательского оборота.

Список использованной литературы:

1. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1996.

2. См. подробно: *Ершов В. В.* Суд в системе органов государственной власти // Государство и право. 1992. № 8.

3. *Кудрявцев С. В.*, *Бородин В. Н. О* судебной власти в России // Государство и право. 2001. № 10.

4. См.: *Бойков А. Д.* Судебная реформа : обретения и просчеты // Государство и право. 1994. № 6.

5. Иванов опроверг слияние Верховного и Высшего Арбитражного судов. URL: http://www.fontanka.ru/2012/11/30/137/ (дата обращения: 14.02.2014).

6. Судебная система : дайджест СМИ (28 февраля – 7 марта 2013 года). URL: http://ovdinfo.org/digests/2013/04/25/sud-pridet-daydzhest-smi-18-24-aprelya-2013-goda (дата обращения: 14.02.2014).

7. Такую цифру назвал управделами Президента РФ Владимир Кожин // Управление делами Президента Российской Федерации. Официальное интернет-представительство. URL: http://www.udprf.ru (дата обращения: 14.02.2014).

8. См.: Северное слияние. Верховный и арбитражный суды объединятся в Петербурге // Московский комсомолец. 2012. 30 окт. (Верховный суд РФ в Москве занимает 50 541 кв. м, а административные здания судебного департамента при Верховном суде – 10 028 кв. м. Количество сотрудников – 1322 (включая 125 судей) и 505 соответственно. Высший арбитражный суд РФ занимает восемь зданий общей площадью 20 021 кв. м, в них размещено 492 сотрудника, при этом штатная численность работников суда составляет 567 человек (из них 90 судей)).

9. *Лаппо Г. М.* Территориальная структура России в начале XXI века. URL: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=200203304 (дата обращения: 14.02.2014).

С. В. Синюков

КОНСТИТУЦИЯ РФ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Характерной чертой развития современного российского общества является повышенное внимание к правотворческой деятельности, что связано с коренным преобразованием правовой системы. Социальные реформы предполагают интенсивное развитие правотворческого процесса. К законотворчеству подключились представительные органы субъектов Российской Федерации, развиваются их правотворческие функции, что меняет систему правотворчества, усложняет его структуру, расширяет источники. Становится актуальным формирование национальной доктрины правотворчества с учетом наследия российской правовой культуры.

Активизация правотворческой деятельности, выразившаяся в беспрецедентном для отечественного правового регулирования росте числа законодательных, подзаконных и правоприменительных актов в ключевых сферах правовых отношений – конституционной, гражданско-правовой, административной, финансовой, экологической, сфере борьбы с преступностью и многих других, – стала, наряду с положительными результатами, причиной ряда негативных процессов. К их числу относятся безудержный рост количества нормативных правовых актов в основных областях социального управления (федеральной, региональной, муниципальной, локальной), отсутствие четко сформулированных целей и задач совершенствования нормативного регулирования, фактическая стихийность нормотворческой деятельности на всех уровнях власти. В связи с этим эффективность действия правотворческих актов стремительно снижается. Причиной такого явления специалисты считают низкое качество законопроектной и иной правоподготовительной работы, поспешное введение множества несовершенных, противоречивых, «разбалансированных» нормативных правовых актов, не согласованных один с другим, порождающих коллизии и пробелы в правовом регулировании, отсутствие системы обратной связи между результатом законодательной деятельности – нормативными правовыми актами – и принимаемыми на их основе решениями. Многочисленные поправки, вносимые в законодательство, низкий уровень нормотворческой техники, «размытость» юридических понятий даже на федеральном уровне, а тем более на региональном и местном, негативно сказываются на характеристике нормативного правового пространства российского государства.

В сфере правотворчества обозначились достаточно серьезные проблемы.

Не решены вопросы дифференциации правотворческих решений. Нет четкого разграничения между простыми и конституционными законами, законами и подза-

конными актами. В РФ «допускается смешение норм правового регулирования, когда вместо закона принимается правительственное решение, а локальные акты явно уступают место ведомственным инструкциям» [9, с. 30]. Идет бюрократизация правотворческого процесса. Так, законотворческий процесс в Государственной думе России в последние годы приобрел в известной степени бюрократический характер, так как снизилась роль пленарных заседаний, публичных дискуссий законодателей в пользу комитетов, комиссий Думы, Правительства и других непубличных инстанций. С. В. Поленина отмечает: «Элементарный подсчет показывает, что если учесть выходные и праздничные дни, летний отпуск депутатов и их ежемесячные поездки на неделю к избирателям, то окажется, что Государственная дума принимает в один рабочий день от 3 до 6 законов в разных чтениях и самого различного содержания. На практике это означает, что Государственная дума как палата законодательного органа в полном составе своих членов фактически не работает, подтверждение чему мы регулярно видим на ТВ» [10, с. 112].

В 2000-е годы усугубилась нестабильность законодательства. Большие изменения затрагивают кодексы – самый стабильный и, казалось бы, устойчивый элемент законодательной формы. Н. И. Шаклеин обращает внимание на устойчивую тенденцию «менять кодексы», что в определенной мере дестабилизирует как само законодательство, так и правоприменительную практику. Так, только в 2005 году в кодексы было внесено в общей сложности 95 изменений, при этом наибольшей «рихтовке» подверглись НК РФ (23 раза), КоАП РФ (20 раз), БК РФ (9 раз), УИК РФ (7 раз), ЗК РФ (4 раза). В недавно принятый закон «Об образовании» [1] уже внесено 24 поправки. Набирает силу и другая тенденция – принимать федеральный закон сразу в трех (!) чтениях, не прислушиваясь при этом к мнению ни территорий, ни заинтересованных организаций и лиц [18, с. 5–6]. Разве нормально, что настоящий УПК, например, за годы действия изменен более чем на треть? Фактически не только законы, но и кодификации потеряли в России свое систематизирующее и стабилизирующее для отечественного права значение, превратившись из органических актов в способ текущего нормотворчества.

Работа по совершенствованию законодательства осложняется недостаточной культурой принятия правотворческих решений. «За годы работы Федерального Собрания РФ принято более трех тысяч Федеральных законов. В то время как за 70 лет существования СССР было издано всего порядка 80 актов союзного законодательства. Государственная дума принимает ежегодно в среднем от 300 до 350 законов. Растет число нормативных актов, издаваемых всеми правотворческими органами Федерации. Сейчас их более 100 тысяч» [8, с. 5]. Ни один квалифицированный юрист не в состоянии разобраться в таком нормативном материале. К сожалению, немалая часть вносимых правительством проектов законов имеет краткосрочный характер. Так, Налоговый кодекс РФ, принятый для обеспечения стабильности налоговой системы, за 6 лет, благодаря вносимым поправкам, сменил 82 разные редакции и с момента его принятия в 1999 году внесено столько поправок, что в результате неизменными остались в первой части Кодекса только 11 статей, а во второй – всего 10% текста [8, с. 10].

Правотворческая активность разных субъектов различна. Так, с 2000 до 2002 года Государственная дума приняла 610 законов. Из числа принятых законов соответствующие законопроекты было внесено: Президентом РФ – 106 (17%), Советом Федерации и членами Совета Федерации – 10 (менее 2%), депутатами Государственной думы – 203 (33%), Правительством РФ – 244 (40%), Верховным и Высшим арбитражным судами РФ – 39 (6%). Таким образом, наиболее активным участником законодательной деятельности выступает Президент РФ, далее следуют депутаты Государственной думы, замыкает тройку Правительство РФ [12, с. 14].

В настоящее время выдвигаются инициативы по совершенствованию правотворческой деятельности. Так, введение института регулярного правового мониторинга призвано поставить на научную основу оценку эффективности функционирования правовой системы, систематизацию действующего законодательства, наладить постоянную связь между субъектами правотворческой деятельности и правоприменителями, обеспечить регулярный процесс совершенствования правотворческих актов. Конечной целью проводимых мероприятий в этой сфере является создание в России эффективного механизма правотворчества, работа которого позволит выйти на новый уровень правотворческого обеспечения государственной политики, правоприменительной деятельности, осуществления правосудия [13, с. 20]. В современной литературе предпринимаются попытки разработать теорию мониторинга, которая станет неотъемлемой частью общей теории правотворчества [3]. Мониторинг нормативных актов понимается как вспомогательная юридическая, организационная и методологическая деятельность, обеспечивающая правотворчество и направленная на подготовку совершенных по форме и содержанию нормативных актов, в ходе применения которых нормы права воплощаются в действительность. В настоящее время особенно остро «потребовалось практическое расширение сфер мониторинга, охватывающих как наблюдение и получение оперативной информации о реальных переменах в промышленности, строительстве, социальной сфере, так и степени реализации законов и иных нормативных правовых актов» [17, с. 67]. Задача правового мониторинга – выработать критерии эффективности нормативных правовых актов как формы нормативного регулирования.

При принятии нормативного правового акта нельзя обойтись и без экспертизы. Экспертиза как специальная предварительная оценка качества правотворческого решения – необходимое условие эффективности правотворчества [17, с. 206].

Все большее внимание ученых-юристов привлекает категория «концепция законопроекта». Наиболее полное определение концепции законопроекта дает В. М. Баранов: «Концепция законопроекта – автономный прием юридической техники, представляющий собой официальное выражение правовых позиций ее составителей в форме специально подготовленной научно-практической прогнозной информации, содержащей определенную экономически оправданную системную трактовку юридически значимой деятельности, механизм ее правового опосредования и реализации, выступающую развернутым обоснованием необходимости и принятия конкретного закона» [5, с. 92]. Позиция В. М. Баранова, наиболее полно отражающая данный элемент правотворчества, представляется более точной, хотя и подвергается критике за сложность. Им же разработаны и существенные признаки концепции законопроекта [4, с. 26–51].

Разработка концепции – необходимое условие принятия будущего закона. Следует подчеркнуть, что концепция по своей юридической природе не является нормативным правовым актом, поэтому сама по себе юридической силой не обладает [4, с. 168]. Это, скорее, важный промежуточный предправотворческий акт, в котором необходимо наиболее полно отразить прогнозируемый результат принятия законопроекта, учесть соотношение принципов, институтов и норм национального и иностранного законодательства, а также международного права. Концепции в целом «создают высокий стандарт законотворчества, позволяющий определить прогнозируемые уровень и качество законопроектной работы в соответствии с современными потребностями социально-экономического развития страны, способствуют тому, чтобы законодательство содействовало проведению государственных реформ» [7, с. 6].

В отношении будущего нормативного правового акта в первую очередь должна сложиться единая точка зрения на то, каким он должен быть в целом, он должен

оформиться в обобщенном виде в правовом сознании законодателя. Именно поэтому «в начале работы над значительным по объему и степени важности законопроектом подготавливается его концепция» [14, с. 807]. Как отмечает В. М. Баранов, «концепция как форма познания „лежит" где-то между гипотезой и теорией. При всем многообразии определений гипотезы как формы знания сохраняется главное: гипотеза – это *вероятностное* знание, то есть знание, истинность или ложность которого еще не установлены» [4, с. 25]. Поэтому вполне возможно, что концепция будет отклонена при установлении ложности такой гипотезы.

Следует согласиться с Ю. А. Тихомировым, что «замена концепции законопроекта объяснительными записками и другими документами внешне упрощает процесс законотворчества, но реально его обесценивает» [16, с. 12]. Ограничение рамками пояснительной записки ущемляет концепцию, которая должна быть научным, емким юридическим актом.

Можно предположить, что введение обязательности представления именно концепции законопроекта вызовет негативную реакцию в среде законодателей, ибо депутату Государственной думы куда проще написать записку и таким образом проявить себя, чем разработать авторскую концепцию законопроекта. Вместе с тем это дало бы ощутимый положительный эффект, так как несколько усложнило и поставило бы в научные рамки законотворческий процесс. Думается, в результате принятия такого решения будет предлагаться меньше заведомо бесполезных проектов законов, с помощью которых депутаты стараются остаться в политике и показать эффективность своей работы.

Чем иначе можно объяснить такие законопроекты, внесенные депутатами, как предложения поднять рождаемость за счет раздачи многодетным семьям золотовалютного резерва страны, отменить алименты на внебрачных детей, если мужчина не давал письменного обязательства содержать ребенка, запретить тонизирующие напитки и объявить выходными День космонавтики и день выигрыша футбольным клубом ЦСКА Кубка УЕФА. Лидером по части эпатажных и абсурдных инициатив являются ЛДПР и ее глава В. В. Жириновский. Скандальные законопроекты давно стали визитной карточкой отдельных депутатов. Так, например, лидер партии призвал вооружить всех мужчин и отправить их на отстрел перелетных птиц, возвращающихся в Россию, чтобы предупредить эпидемию птичьего гриппа. Депутат Алексей Островский предлагал ввести ограничения на плохие новости на телевидении, чтобы сообщения о войнах, терактах, кризисах, эпидемиях и катастрофах занимали не больше 10% времени выпуска новостей. А Алексей Митрофанов предлагал всем депутатам, отработавшим в Госдуме полные четыре года, давать диплом о высшем юридическом образовании [19]. К сожалению, иногда забывается, что «бесполезные законы ослабляют законы необходимые» (Монтескьё).

Следует согласиться, что возможность подготовки нескольких концептуальных документов по одному предмету законодательного регулирования порождает проблему соизмеримости конкурирующих концепций законопроектов [4, с. 16].

Что же должна представлять собой концепция законопроекта? Во-первых, ей должна предшествовать идея законопроекта [5, с. 92]. В данном случае под идеей законопроекта следует понимать мысленный прообраз будущего закона, выделение его основных и существенных черт.

Исходным компонентом концепции является определение целей законопроекта [6, с. 29–30]. Он должен иметь свою цель, ибо традиционно эффективность понимается как соотношение результата и цели, а также достигнутого результата и применяемых для его достижениями средств. Цель – это эталон, критерий оценки будущей эффективности закона [15, с. 5–6]. Нормы законопроекта могут признаваться

юридически эффективными, если им соответствует поведение людей. Социальная эффективность характеризует социальную цель, которая находится вне сферы правового регулирования. Следует согласиться с Ю. А. Тихомировымв том, что «в этом контексте цель нормативного правового акта могла бы сформулироваться через понятие направленности на социальный эффект, который должен быть достигнут при реализации правового предписания» [11, с. 5].

В соответствии со ст. 7 Конституции Россия – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Следовательно, именно эта перспективная цель в первую очередь должна просматриваться в концепции законопроекта. Через призму обеспечения развития человека, его прав, свобод и их гарантий необходимо оценить социальную ценность будущего закона.

Таким образом, в основе концепции лежит система правовых ценностей, которые должен защищать данный закон [4, с. 75]. Необходимо учитывать, насколько новый законопроект вписывается в нормы российского и международного права, не противоречит ли их принципам. В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что нормы международного права недостаточно эффективно ассимилируются в российском праве.

Подготовленная концепция законопроекта представляется на рассмотрение в Государственную думу [2]. По нашему мнению, концепция законопроекта должна обсуждаться специально. Следует согласиться с В. М. Барановым, что необходимо закрепить как общее обязательное правило, что «одобрением или неодобрением концепции законопроекта должно завершиться *первое чтение* законопроекта. При таком подходе у всех депутатов будет отчетливое представление о *конечной* цели первого чтения, о реальной результативности этого этапа законотворческой работы» [4, с. 100]. Регламент Государственной думы (ст. 18) определяет, что Государственная дума при рассмотрении законопроекта в первом чтении обсуждает его концепцию. Возможно, следует уточнить эту норму, дополнив ее необходимостью не только обсуждения, но и принятия решения по концепции законопроекта.

Список использованной литературы:

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 25.11.2013 г. № 317-ФЗ) / / СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598 ; 2013. № 27. Ст. 3462.

2. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (в ред. от 3.12.2013). URL: http: / / base.garant.ru / 1575717 / 1 / (дата обращения: 3. 12. 2013).

3. *Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е.* Мониторинг в правотворчестве : теория и методология. М., 2009.

4. *Баранов В. М.* Концепция законопроекта : учеб. пособие. Н. Новгород, 2003.

5. *Баранов В. М.* Признаки ошибочности концепции законопроекта / / Правотворческие ошибки : понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах. М., 2009.

6. *Казьмин И. Ю.* Подготовка научной концепции законопроекта (методологические вопросы / / Государство и право. 1985. № 3.

7. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. М., 2010.

8. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект) / разраб. А. В. Малько, А. П. Мазуренко. М. : МГЭИ, 2011.

9. *Поленина С. В.* Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996.

10. *Она же.* Выступление на «круглом столе» «Правотворчество и формирование системы законодательства РФ в условиях глобализации. Актуальные проблемы» / / Государство и право. 2007. № 4.

11. Правовые акты : оценка последствий. Научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2011.

12. *Поленина С. В., Гаврилов О. А., Колдаева И. П. и др.* Некоторые аспекты развития правотворчества в современной России / / Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 1.

13. Правовой мониторинг. М., 2009.

14. *Рахманина Т. Н., Баранов В. М., Тихомиров Ю. А., Сырых В. М.* Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов / / Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000.

15. *Самощенко И. С., Никитинский В. И.* Некоторые теоретические вопросы изучения эффективности правовых норм. Варна, 1970.

16. *Тихомиров Ю. А.* Законодательная техника : понятие и элементы. М., 2000.

17. *Он же.* Правовое регулирование : теория и практика. М., 2010.

18. *Шаклеин Н. И.* Динамика и качество законотворческого процесса в Российской Федерации / / Журнал российского права. 2008. № 9.

19. Самые глупые законопроекты депутатов Госдумы РФ. 30.04.2008. URL: / / http: / / bishelp.ru / vlast / detail.php?ID=72821 (дата обращения: 20. 09. 2013).

Т. В. Синюкова

РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Национальная правовая система России – это конкретно-историческая совокупность права, в том числе законодательства, юридической практики и господствующей правовой идеологии отдельной страны (государства). Национальная правовая система является элементом того или иного конкретного общества и отражает его социально-экономические, политические, культурные особенности. Национальная правовая система – явление единичное, особенное по отношению к группам правовых систем и правовым семьям. В настоящее время в мире насчитывается около 200 национальных правовых систем, и все они обладают своей спецификой.

В литературе ведется много споров об элементах правовой системы, ее структурном понимании. С. С. Алексеев включал в понятие правовой системы как право и его источники, так и акты применения норм права, правоотношения, права и свободы граждан [1, с. 78–88]. По мнению Н. И. Матузова, элементами правовой системы выступают: 1) право как совокупность создаваемых и охраняемых государством норм; 2) законодательство как форма выражения этих норм (нормативные акты); 3) правовые учреждения, осуществляющие правовую политику государства; 4) судебная и иная юридическая практика; 5) механизм правового регулирования; 6) правореализационный процесс (включая акты применения и толкования); 7) права, свободы и обязанности граждан (право в субъективном смысле); 8) правоотношения; 9) законность и правопорядок; 10) правовая идеология; 11) субъекты права; 12) систематизирующие связи, обеспечивающие единство, целостность и стабильность системы; 13) иные правовые явления, образующие «инфраструктуру» правовой системы (юридическая ответственность, правосубъектность, правовой статус и т. д.) [6, с. 25].

Ю. А. Тихомиров считает, что понятие правовой системы охватывает законодательство и иные источники права, цели и принципы регулирования, системообразующие связи [9, с. 221]. Однако имеются и иные точки зрения.[3; 8, с. 39]

В настоящее время на правовую систему страны все большее влияние оказывают процессы глобализации,которые в современном мире становятся все более масштабными и затрагивают практически все страны и народы. Под глобализацией ученые понимают объективно происходящий процесс развития человеческой цивилизации, характеризуемый возникновением и осознанием общепланетарных проблем, затрагивающих основы ее существования, а также поиском методов, способов и путей их разрешения через создание устойчивой социальной модели ее развития.

В рамках глобального права в первую очередь следует выделить международ-

ное право как его центральное звено и национальные правовые системы, существующие в мире. Глобальное право формируется на основе правовых традиций западной цивилизации, представленной двумя наиболее распространенными правовыми семьями – романо-германской и англо-американской, – на базе которых развивается практически вся публично-правовая сфера в мире. Однако следует отметить, что публичное право все же в большей мере создается на базе романо-германской правовой семьи.

Национальные правовые системы глобализируются, рецепиируют формы западной традиции права. Россия, как и другие страны, включена в процесс правовой глобализации, который соответствует ее национальным интересам, если глобализация не ведет к ущемлению ее правового суверенитета и безопасности.

С учетом этого правовая система России, будучи открытой миру, должна иметь свою специфику, гибко участвовать в процессе глобализации. Государство берет и воспринимает эффективные зарубежные системы управления, правовые механизмы их обеспечения. В современном мире открытость необходима для дальнейшего развития, модернизации экономики на основе последних научно-технических достижений, осуществления международной торговли, развития информационных технологий. В эпоху глобализации она служит эффективной формой защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим анализ, исследование способов и результатов воздействия глобализации на правовую систему России представляется весьма важным и актуальным. Значимым представляется раскрытие взаимовлияния и взаимодействия международного и национального права Российской Федерации, определения допустимых пределов влияния глобализации на современное российское законодательство при сохранении правового суверенитета российского государства.

Необходимо выработать оптимальную стратегию, максимально использовать в общественных и личных интересах новые широкие возможности, открывающиеся в связи с процессами глобализации, воспринять все положительное и свести к минимуму негативные последствия. Определение направления развития правовой системы российского общества должно базироваться на знании исторической, идеологической, культурной и иной специфики национальной правовой системы. В противном случае невозможно не только увидеть перспективы будущих преобразований, но и использовать как собственный, так и иностранный опыт. Неслучайно в нашей стране при самом широком заимствовании зарубежного правового материала применение сравнительного метода дает обычно минимальные, а часто и сугубо формальные результаты. Известно, что само по себе привлечение зарубежных государственно-правовых институтов не добавляет реципиенту цивилизованности и тем более не решает проблем его правовой культуры.

Государства – члены Совета Европы приняли на себя обязательства исполнять требования Конвенции и отвечать за их нарушение перед Европейским судом по правам человека. Конституция РФ закрепила основные права и свободы граждан, но для их реализации необходимы соответствующие гарантии, необходимы развитие и эффективная работа экономических, политических и культурных институтов страны, в том числе и информационной сферы. Из 180 конвенций, принятых Советом Европы, Российская Федерация подписала 40. Так, например, в 1987 году Совет Европы принял Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения, которая была ратифицирована Российской Федерацией 28 марта 1998 года без оговорок и вступила в силу с 1 сентября 1998 года.

Под влиянием глобализации происходят изменения в национальном праве

России. Наибольшее изменение претерпевают конституционное право, обязательственное право, права и свободы человека и гражданина, пенитенциарное законодательство, право собственности, иные сферы правового регулирования.

Каким же образом нормы международного права влияют на развитие национального права в России?

В первую очередь следует отметить, что происходит процесс перехода норм международного права в национальные нормы внутреннего права (особенно конституционного и гражданского), полного или частичного воспроизведения этих норм в тексте национального закона со ссылками на международные источники. Становится более понятным влияние идей, принципов и структур международного права на разнообразные процессы развития и реформирования отраслей внутреннего права страны. Создаются новые экономические, финансовые, валютные, информационные и дргие единые пространства, «мировой рынок», что должно в первую очередь усилить мировое разделение труда, но может привести к спаду экономики стран, не готовых к этому процессу.

Более того, международные нормы используются и в правоприменительной деятельности как средствоа толкования и весомый юридический аргумент. Международные решения становятся ориентиром для законодательных, исполнительных и судебных органов.

Между государствами, принимающими на себя международные обязательства, возникают новые правовые связи. В результате этого государства приобретают новые возможности для решения публичных дел с использованием международных институтов. Все это приводит к стабилизации общества, более спокойному и оперативному разрешению разногласий.

Межгосударственные объединения демонстрируют высокую степень государственно-правовой интеграции. Для этой интеграции характерны общность историко-социального развития государств, теоретическая близость и «связанность» национальных правовых актов императивными актами межгосударственных объединений, специальные процедуры разрешения конфликтов.

Диалог правовых систем является характерной чертой современного мира. Но помимо этого все большее значение имеют взаимопроникновение культур и принципов права, так называемые процессы конвергенции, интеграции и ассимиляции.

Эти процессы, с одной стороны, активно способствуют формированию единой мировой правовой общности, а с другой их сопровождают противоположные им процессы, направленные на определение культурной идентичности, правовой автономности. Они порождают целый ряд теоретически и практически важных самостоятельных вопросов, которые непосредственно касаются самых разных сторон права и государства. При этом нередко возникают сложные и в то же время интересные ситуации, когда стране, право которой основано на определенной культурной традиции, приходится определять, до какой степени ей необходимо признавать законы и иные нормы, практикуемые и соблюдаемые сообществами, имеющими иное происхождение. Иначе говоря, речь идет о требованиях, выдвигаемых правовым системам современности процессами глобализации. Нельзя недооценивать эти требования, ибо все правовые системы вовлекаются в происходящие изменения, которые становятся условием их существования.

Исторический опыт развития показывает, что порой так называемые общечеловеческие ценности, провозглашаемые в качестве универсальных детерминант, не всегда бывают приемлемы для национальных правовых систем, не могут в них вписаться. Поэтому механическое перенесение шаблонов не дает положительного результата – они оказываются нежизнеспособными, ибо не в состоянии учесть всех осо-

бенностей менталитета и правовой культуры, сформировавшейся в процессе историко-культурного развития конкретного общества. Правовая система будет эффективной и жизнеспособной, если современное государство связывает ее развитие с формированием правового сознания, совершенствованием правовой культуры, с достижением правовой стабильности во внутригосударственных и международных отношениях.

Задачу современной идентификации российской правовой системы, на наш взгляд, выполняет доктрина, условно называемая цивилизационной, для которой основным системообразующим понятием является тип культуры со свойственными ему уникальными характеристиками [7; 4, с. 26–34; 5, с. 3–8; 2].

Культура (лат. ***cultura*** – возделывание, обработка) – это сфера духовного бытия людей, включающая формы их общественного сознания (искусство, мораль, философию, политику, религию и т. д.) и его предметные результаты (технологии, производственный опыт, государство, право, правопорядок, иные социальные институты). Более кратко культуру можно определить как форму жизнедеятельности людей, включающую созданные ими материальные и духовные ценности.

Правовая культура – это совокупность ценностей, накопленных людьми, народами в правовой сфере. Основу мировой правовой культуры составляет правовая культура мировых цивилизаций, когда-либо существовавших и существующих доныне.

В структурном отношении правовая культура включает: 1) господствующие религиозные учения; 2) основные типы юрисдикционных учреждений; 3) способы формирования нормативной системы; 4) специфику правосознания и правовой идеологии; 5) юридические доктрины, особенности формирования профессиональной юридической корпорации и юридического образования.

Таким образом, правовая культура, правовая традиция задает исследователям широкое предметное поле для анализа сущностных аспектов генезиса юридизма российской правовой системы – политических, экономических, этногеографических, технико-юридических и религиозно-этических признаков права, его исторических, идеологических, традиционно-ментальных корней, учет которых важен в процессе глобализации.

Список использованной литературы:

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. I. М., 1981.
2. *Емельянов-Лукъянчиков М. А.* Иерархия радуги : русская цивилизация в наследии К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, О. А. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. М., 2008.
3. *Карташов В. Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 1. Ярославль, 1995.
4. *Келле В. Ж.* Соотношение формационного и цивилизационного подходов к анализу исторического процесса / / Цивилизации. Вып. 2. М., 1993.
5. *Кравченко С. А.* Цивилизационный подход в типологии государства и права / / Российский юридический журнал. № 2. Екатеринбург, 2003.
6. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987.
7. *Мчедлова М. М.* Понятие цивилизации : генезис, эволюция, методологическое значение / / Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты) М., 1998.
8. Правовая система социализма : 2 кн. Кн. I.. М, 1986.
9. *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996.

И. А. Смагина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Конституция Российской Федерации, устанавливая правовые основы экономического строя нашего государства, закрепляет важнейшие принципы осуществления предпринимательской деятельности. В частности, ч. 1 ст. 34 Конституции предоставляет каждому гражданину право свободно использовать свои способности и имущество для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Таким образом, свобода предпринимательской деятельности является неотъемлемым элементом принципа экономической свободы.

Тем не менее в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, безопасности, защиты жизни, здоровья, прав, интересов и свобод граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты окружающей среды, охраны культурных ценностей, недопущения злоупотребления доминирующим положением на рынке и недобросовестной конкуренции свобода предпринимательства может быть ограничена законом [1, с. 55, 74]. Так, государство устанавливает определенные требования, которые предприниматель обязан выполнять как при создании хозяйствующего субъекта, так и в процессе предпринимательской деятельности.

В частности, в ст. 1473 ГК РФ говорится о том, что юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, должно иметь полное фирменное наименование на русском языке. Назначение фирменного наименования состоит в идентификации коммерческой организации, индивидуализации ее деятельности в хозяйственном обороте [4, с. 25]. Для достижения указанной цели законодатель в п. 3 ст. 1474 ГК РФ закрепляет запрет на использование юридическим лицом фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию другого юридического лица или сходного с ним до степени смешения, если указанные юридические лица осуществляют аналогичную деятельность и фирменное наименование второго юридического лица было включено в единый государственный реестр юридических лиц ранее, чем фирменное наименование первого юридического лица.

В целом положительно оценивая данную норму, необходимо все-таки выделить имеющиеся в ней недостатки:

– формулировка «до степени смешения» носит довольно абстрактный характер и позволяет толковать ее довольно широко;

– запрет распространяется только на юридических лиц, которые осуществляют аналогичную деятельность. С учетом возможности организаций менять профиль своей деятельности данное положение может ввести в заблуждение потребителей и других контрагентов юридических лиц.

В связи с изложенным было бы целесообразно распространять запрет, содержащийся в п. 3 ст. 1474 ГК РФ, на все организации независимо от сферы их деятельности, а также конкретизировать в законодательстве словосочетание «до степени смешения».

Стремление законодателя с помощью фирменного наименования индивидуализировать коммерческие организации прослеживается также в норме, закрепленной п. 2 ст. 1474 ГК РФ. Так, с 1 января 2008 года не допускается распоряжение исключительным правом на фирменное наименование (в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования фирменного наименования). Данное положение может считаться значительным шагом вперед, поскольку до

вступления в силу ч. 4 ГК РФ право на фирменное наименование могло отчуждаться, например, на основании договора коммерческой концессии.

Немало проблем возникает на практике в связи с защитой прав юридического лица на фирменное наименование. Так, Постановление Пленума Верховного суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 года разъясняет: судам следует иметь в виду, что в силу п. 4 ст. 1474 ГК РФ требование прекратить использование фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию правообладателя или сходного с ним до степени смешения, в отношении видов деятельности, аналогичных видам деятельности, осуществляемым правообладателем, и возместить правообладателю причиненные убытки может заявить только правообладатель. Органу, осуществляющему государственную регистрацию юридических лиц, на основании п. 5 ст. 1473 Кодекса предоставлено право предъявить в суд только иск о понуждении к изменению фирменного наименования, и только в том случае, если фирменное наименование юридического лица не соответствует требованиям п. 3 или 4 этой статьи [4].

Представляется, что бы целесообразно установить также штрафные санкции в качестве меры административной ответственности за недобросовестное использование чужого фирменного наименования.

Наряду с фирменным наименованием законодатель относит к средствам индивидуализации также товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения.

Наиболее часто на практике возникают проблемы, связанные с разграничением двух из упомянутых средств индивидуализации – фирменного наименования и коммерческого обозначения. Это связано с тем, что коммерческое обозначение и фирменное наименование, в отличие от товарного знака (знака обслуживания), индивидуализируют не товар (услугу) производящего лица, а само это лицо. С другой стороны, коммерческое обозначение и фирменное наименование имеют существенные различия.

Во-первых, ст. 1538 ГК РФ устанавливает, что коммерческое обозначение в своей деятельности могут использовать как коммерческие, так и некоммерческие организации, в то время как возможность иметь фирменное наименование принадлежит только коммерческим организациям.

Во-вторых, анализ ст. 1473 и 1538 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что каждая коммерческая организация обязана иметь фирменное наименование, в то время как коммерческое обозначение является добровольным элементом ее деятельности.

В-третьих, фирменное наименование подлежит государственной регистрации в момент регистрации самого юридического лица, тогда как коммерческое обозначение государственной регистрации не подлежит.

В-четвертых, рассматриваемые средства индивидуализации имеют разные объекте индивидуализации – фирменное наименование индивидуализирует сам хозяйствующий субъект и больше используется в отношениях с партнерами, а коммерческое обозначение индивидуализирует принадлежащее ему предприятие, которое более рассчитано на восприятие потребителей.

В-пятых, если право на коммерческое обозначение может быть предоставлено другому лицу (например, по договору коммерческой концессии), то право на фирменное наименование неотчуждаемо и не подлежит передаче другим лицам.

Таким образом, правовое регулирование средств индивидуализации, в частности фирменного наименования, не свободно от ряда проблем как практического, так и теоретического характера, которые требуют дальнейшего исследования. Совершен-

ствование законодательства в указанной сфере повысит эффективность охраны и защиты законных интересов как граждан, так и самих предпринимателей.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2013) / /СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496 ; 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4055.

3. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. / / Вестник ВАС РФ. 2009. № 6.

4. *Ершова И. В.* Предпринимательское право. М., 2006.

Е. Е. Смолицкая

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НАЛОГОВЫМ ПРАВОМ

Сложилось мнение, что субъективное право собственности, закрепленное в ст. 35 Конституции России, охраняется лишь гражданским правом, а налоговым – ограничивается. Но *охрана права собственности всегда должна сопутствовать налогообложению*.

Возможность ограничения права собственности посредством налогообложения подтверждена еще в 1996 году Конституционным судом [2].

В то же время публично-правовое ограничение любых субъективных прав должно иметь установленные пределы в правовом государстве, коим провозглашается Россия в ст. 1 Конституции.

А. В. Дёмин писал: «Налоги ограничивают право собственности, чтобы эту собственность защитить» [4, с. 69]. Частная собственность в сфере налогообложения нуждается в охране от потенциально безграничных притязаний государства.

Установление в налоговом законодательстве пределов, оснований и процедур изъятия имущества у налогоплательщиков, исключающее произвольное лишение их своего имущества, создает режим налогово-правовой охраны данного субъективного права, что обеспечивает реализацию соответствующих норм объективного гражданского права.

Конституция России в ст. 55 устанавливает пределы ограничения субъективных прав, что распространяется и на право собственности. В этой статье привлекают внимание два аспекта:

1) субъективные права могут быть ограничены только *законом*;

2) необходимо установить *соразмерность* ограничения субъективных прав и целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

1. Нередко нарекания вызывают судебные доктрины, не закрепленные в законодательстве [9, с. 190], на основании которых налогоплательщики нередко лишаются своей собственности в результате доначисления налогов, взыскания пеней и штрафов. Ранее активно применялась доктрина добросовестности налогоплательщика – сейчас доктрина необоснованной налоговой выгоды, и оба этих понятия были введены высшими судами (соответственно Конституционным судом [1] и ВАС РФ [3]) и до сих пор отсутствуют в НК РФ. Не отрицая полезного эффекта от использования в настоящий момент доктрины необоснованной налоговой выгоды, приходится при-

знать, что ее применение не будет соответствовать Конституции России до тех пор, пока в законодательстве не появится хотя бы соответствующее понятие.

2. Касательно второго аспекта ограничения субъективных прав возникает вопрос: по каким критериям можно установить, соразмерна ли цель обеспечения безопасности государства и иных публичных интересов той степени ограничения права собственности, которая имеет место в НК РФ?

В юридической литературе все попытки ответить на вопрос о пределах ограничения права собственности фокусируются вокруг понятия «*баланс частных и публичных интересов*», причем этот баланс еще не установлен. Многочисленны споры между налогоплательщиками и налоговыми органами об обоснованности налоговой выгоды, а среди ученых – о выборе направления развития налогового законодательства. И хотя представления о балансе частных и публичных интересов напрямую влияют на решение конкретных правовых проблем, сам баланс имеет не юридическую, а *экономическую* и *политическую* подоплеку.

С экономических позиций баланс частных и публичных интересов упирается в вопрос о размере налогового бремени. Экономист Лаффер писал, что увеличение налоговых ставок ведет к увеличению доходов бюджета лишь до определенного уровня, а затем следует снижение доходов [7, с. 31]. Считается, что изъятие у производителей более 35–40% добавленной стоимости провоцирует невыгодность инвестиций, что равносильно попаданию в налоговую ловушку.

Российские экономисты, сопоставляя налоговую нагрузку в нашей стране с предоставлением населению бесплатных услуг, указывают, что нынешняя налоговая система экономически неэффективна [5, с. 56].

Экономико-правовое исследование налоговой нагрузки с позиций ее целесообразности и возможности усовершенствования позволило бы установить *объективные экономические пределы ограничения права собственности*.

Желательна коррекция налоговых ставок, нужно рассмотреть вопрос о введении прогрессивных шкал налогообложения [8, с. 33; 10, с. 33–37; 11, с. 46], не исключена и возможность переработки всей системы налогов. Поражает смелостью предложение упростить налоговую систему до 2–3 понятных налогов [5, с. 56], причем отмечается, что это будет возможно только после снижения ссудных процентов, тормозящих экономику.

Политическая подоплека установления баланса публичных и частных интересов проявляется при разработке законодательства.

Поясним на примере из области взаимосвязи налогового и гражданского права. Поскольку оба правовых образования регулируют имущественные отношения, алгоритмы оперирования с имущественными благами у них едины. Одни и те же алгоритмы могут функционировать посредством различных механизмов правового регулирования. Если произошла просрочка уплаты денежных средств, начисляются проценты, если две стороны должны друг другу денежные средства – производится зачет и т. д. Вот примеры единых имущественных алгоритмов, которые реализовались в налоговом и гражданском праве *в виде самостоятельных конструкций*.

Налоговое право могло заимствовать институты пени или зачета из гражданского полностью или с трансформацией, но оно пошло по пути разработки собственных механизмов пени и зачета. Видимо, в представление законодателя о необходимом балансе частных и публичных интересов не вписываются некоторые правомочия частных субъектов из частного права. Не могут применяться в отношениях по уплате налоговой пени нормы ст. 333 ГК РФ об уменьшении неустойки.

Ограничение сумм пеней существовало в ст. 75 НК РФ, но затем было исключено, а значит, в НК РФ имеет место *квалифицированное молчание закона*.

Для *законодателя*, во власти которого сделать отсылку к ГК РФ, включить в НК РФ аналогичную норму или исключить ее, указанное решение является *политическим*: он заботится об интересах бюджета.

Мы считаем, что допущение безграничного роста пеней превращает пеню из компенсационной меры в карательную и нарушает принцип гуманизма.

Еще пример. При излишней уплате налогов производится возврат/зачет денежных средств, и осуществить его в принципе можно в рамках как финансового, так и гражданского права [6, с. 30–46].

Это еще раз говорит о том, что вопрос заимствования либо разработки налоговым правом своих конструкций остается на усмотрение законодателя и является политическим.

Устанавливаемый законодателем баланс публичных и частных интересов должен быть адекватен выбранной *модели взаимодействия государства и хозяйствующего субъекта*.

Эти вопросы определяются моделью экономического развития государства. В мире есть две основных модели – либеральная и социально ориентированная.

Думается, для России больше подходит вторая, поскольку а) переход к либеральной модели привёл к кризису, б) сам М. Фридмен, основоположник либеральной экономики, не рекомендовал применять ее в России ввиду несоответствия ее менталитету населения и, в) согласно ст. 7 Конституции, Россия – социальное государство и ее экономическая политика должна быть социально ориентированной.

Социально ориентированная модель экономики подразумевает некоторое вмешательство государства в экономику (основные предприятия в стране – государственные), перераспределение доходов, высокие социальные обязательства. Надо признать, что эти меры требуют и более высоких налогов. В любом случае налогообложение должно быть разумным, поэтому огромное значение имеет *развитие мер по налогово-правовой охране субъективного права собственности*.

Список использованной литературы:

1. По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 № 138-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 2.

2. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» : Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 5.

3. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды : Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

4. *Дёмин А. В.* Общая теория налогово-правовых норм. М., 2013.

5. *Ефимов В. А.* Экономическая азбука. СПб., 2003.

6. *Килинкарова Е. В.* Зачет и возврат излишне уплаченных и излишне взысканных налоговых платежей. М., 2010.

7. Налоги и налогообложение : учебник /под ред. И. А. Майбурова. М., 2009.

8. *Пансков В. Г.* О принципах налогообложения физических лиц // Финансы. 2008. № 1.

9. *Сасов К. А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по налогообложению. М., 2008.

10. *Черник Д. Г.* Применение налоговых льгот по налогу на доходы физических лиц // Финансы. 2007. № 1.

11. *Шмелёв Ю. Д.* О налоговом механизме перераспределения доходов // Финансы. 2008. № 9.

О. Л. Солдаткина

КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Среди современных тенденций формирования российской сферы правового регулирования особенно выделяется необходимость перехода от стихийности принимаемых управленческих решений к их плановости. Именно поэтому в последние два десятилетия бурное развитие и распространение среди научного сообщества получила теория правовой политики. В рамках указанной теории ведутся споры относительно сущности и дефиниции понятия «правовая политика», мы же в рамках статьи принимаем следующее определение: правовая политика представляет собой научно обоснованную, комплексную и последовательную деятельность государства, научно-правового сообщества, индивидов, их объединений, включая все общество, связанную с переработкой информационных потоков и приводящую к созданию стратегических правовых идей и их реализации органами власти в целях формирования правовой государственности [1, с. 16].

Сама правовая политика также неоднородна. Более того, в исследованиях правовой политики назрела необходимость перехода от рассмотрения правовой политики в целом к изучению отдельных ее разновидностей, например информационно-правовой политики. Под информационно-правовой политикой в рамках статьи будем понимать научно обоснованную, комплексную и последовательную деятельность государства, индивидов, их объединений, включая все общество, по созданию эффективного механизма правового регулирования процесса информатизации в целях создания информационного общества [2, с. 215–220].

Согласно данным дефинициям, в основе любой разновидности правовой политики лежит понятие деятельности, а деятельность по природе своей целенаправленна. Имеет целевую составляющую и правовая политика – ее цели выстраиваются в некую сложную иерархию, похожую на дерево [3, с. 22–27]. Намеченные в целях ориентиры определяют и соответствующие задачи правовой политики, а наиболее важные, значимые и первоочередные из них традиционно называют приоритетами [3, с. 105]. Наличие в правовой политике определенных приоритетов позволяет избрать верные средства и методы достижения поставленных целей, сконцентрироваться на главном, дает возможность интегрировать усилия всех субъектов в процессе выработки и реализации стратегических правовых идей [4].

Наследуя сущностное ядро правовой политики, информационно-правовая политика в числе прочего призвана определять, задавать приоритетные направления развития правового регулирования информационной сферы. В этом правовая политика похожа на Конституцию – ее задача состоит в декларации основных направлений развития, в то время как конкретная законодательная система и правоприменительная практика наполняют ее содержанием. Поэтому именно расставляя акценты, информационно-правовая политика должна взять за основу положения ч. 2 Конституции Российской Федерации, касающиеся прав и свобод человека и гражданина.

Покажем на примере, каким образом конституционные положения определяют приоритеты развития информационно-правовой политики.

Так, п. 1 ст. 44 гласит: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Защита авторского права, патентное право имеют огромное значение и в связи со вступление России в ВТО (среди основных требований, предъявляемых ВТО к России, была гармонизация норматив-

ной базы, регулирующей сферу интеллектуальной собственности).

Однако анализ современного состояния правового регулирования в данной области показывает, что развита она достаточно слабо. В этой сфере проблемы есть и на законодательном (например, в Российской Федерации все еще действует Закон СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-1 «Об изобретениях в СССР» [5], который, конечно, не удовлетворяет нуждам современной экономики и является препятствием для развития производства), и на правоприменительном (так, в свете попыток организовать Патентный суд, а также с учетом некоторого опыта функционирования Суда по интеллектуальным правам встает ряд вопросов о компетенции судей, о технической экспертизе и о необходимости таких судов в принципе) уровне.

Таким образом, взяв за основу положения ст. 43 Конституции РФ, мы можем наметить следующее приоритетное направления развитие информационно-правовой политики – гармонизацию законодательства в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, в том числе патентного законодательства, а также упорядочение практики правоприменения по патентным спорам.

В рамках статьи нами приведен только один пример, остальные приоритеты информационно-правовой политики могут быть определены сходным образом. Перечислим далее те статьи гл. 2 Конституции Российской Федерации, которые дают информационному праву ориентиры развития (они же приоритеты).

Статья 23

1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Статья 24

1. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Статья 29

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.

2. Не допускается пропаганда или агитация, разжигающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Статья 33

Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Таким образом, внимательный анализ положений, провозглашенных Конституцией РФ, позволяет увидеть в них приоритеты информационно-правовой политики, определяющие стратегические направления развития информационного права.

Список использованной литературы:

1. *Солдаткина О. Л.* Информационные ресурсы российской правовой политики / под ред. А. В. Малько. М., 2013.

2. *Она же.* Информационно-правовая политика : дефиниция, сущность, субъекты / / Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1.

3. *Она же.* Цели в правовой политике : системный анализ / / Правовая политика и правовая жизнь. № 3. Саратов, 2009.

4. *Малько А. В.* Теория правовой политики. М., 2012.

5. *Коробова А. П.* Приоритеты правовой политики / / Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2003.

5. Об изобретениях в СССР : Закон СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-1 / /Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 25. Ст. 703.

Т. В. Спицина

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Конституция Российской Федерации, принятая на общенародном референдуме [1], закрепила в своих нормах основы социально-экономического уклада и общественно-политической жизни общества и государства и тем самым создала методологическую базу для развития семейного законодательства, регулирующего конкретные общественные отношения.

Особое значение для семейного права имеет содержание ст. 7 Конституции РФ, провозглашающей Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это достигается с помощью государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ). Следует отметить, что включение указанных положений в состав гл. I «Основы конституционного строя» подчеркивает их особую значимость. В ст. 38 Конституции РФ (гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина») принцип государственной поддержки и защиты семьи также находит свое отражение и дополняется другими основополагающими принципами, провозглашающими заботу о детях и их воспитании не только правом, но и обязанностью родителей, а также предусматривающими обязанность совершеннолетних детей оказывать материальную поддержку нетрудоспособным родителям.

Конституционные нормы раскрываются и уточняются в гл. 13 Семейного кодекса Российской Федерации [2], регламентирующей алиментные обязательства родителей и детей. СК РФ, урегулировав обязанность одного члена семьи содержать другого члена семьи, не вмешивается в нормальный ход семейных отношений. В случае уклонения от исполнения обязанности по предоставлению содержания государство защищает права и интересы несовершеннолетних или нетрудоспособных нуждающихся членов семьи, которые в силу возраста или состояния здоровья не могут их отстаивать самостоятельно. При этом законом предусматривается не только возможностm взыскания в судебном порядке средств на содержание члена семьи, требующего их уплаты, но и применение санкции за отказ от исполнения алиментного обязательства.

Сегодня нарушитель алиментного обязательства может нести семейно-правовую, гражданско-правовую или уголовно-правовую ответственность. Позитивная ответственность члена семьи (как обязанность материально содержать) определяется сторонами, заключившими соглашение об уплате алиментов, а в случае спора – судом. Само по себе принудительное взыскание алиментов закон не расценивает как

меру негативной ответственности конкретного лица.

Семейно-правовая ответственность в алиментных правоотношениях выражается в виде лишения родительских прав родителя, злостно уклоняющегося от уплаты алиментов (ст. 69 СК РФ). Родитель, лишенный родительских прав, теряет все права, основанные на факте родства с ребенком, – право на личное воспитание ребенка и общение с ним, право на защиту прав и интересов ребенка, право на получение в будущем содержания от ребенка и на наследование после него, право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей, и другие права, определенные действующим законодательством. В то же время лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности содержать своего ребенка (п. 2 ст. 71 СК РФ).

Гражданско-правовая ответственность заключается в возможности применения к нарушителю мер имущественного воздействия в ответ на неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментного обязательства. При образовании задолженности по соглашению об уплате алиментов по вине лица, обязанного уплачивать алименты, виновное лицо несет ответственность в порядке, предусмотренном этим соглашением (п. 1 ст. 115 СК). При принудительном взыскании алиментов гражданско-правовая ответственность определена п. 2 ст. 115 СК РФ. При образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере 0,5% от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. По мнению отдельных ученых, «такой размер санкций представляется явно незначительным и вряд ли способен стимулировать обязанное лицо к своевременной уплате алиментов» [6, с. 344]. С этим следует согласиться.

Помимо неустойки получатель алиментов вправе взыскать с должника все причиненные просрочкой исполнения алиментного обязательства убытки в части, не покрытой неустойкой (п. 2 ст. 115 СК РФ). Это означает, что установленная законом неустойка является зачетной. Ст. 115 СК не определяет, что считать убытками. В соответствии со ст. 15 ГК РФ [3] убытки представляют собой реальный ущерб и упущенную выгоду. Вопрос о возможности взыскания упущенной выгоды по алиментным обязательствам учеными решается неоднозначно. По мнению некоторых авторов, возмещению подлежит только реально понесенный получателем алиментов ущерб [5, с. 143], который может выразиться в потерях от продажи имущества ниже его рыночной стоимости, уплате процентов по кредиту и т. д. Упущенная выгода не возмещается, так как алиментные платежи предназначаются для текущего содержания лица, их получающего, а не для извлечения дохода. Более предпочтительной представляется точка зрения, в соответствии с которой в п. 2 ст. 115 СК речь идет о праве получателя алиментов взыскать с виновного должника все причиненные просрочкой исполнения алиментного обязательства убытки, включая и упущенную выгоду, а не только реальный ущерб [6, с. 345]. Такое толкование ст. 115 СК согласуется со ст. 15 ГК, предусматривающей возможность возмещения убытков в полном объеме, если иное не предусмотрено законом или договором. Данное решение полностью соответствует интересам получателей алиментов, особенно в тех случаях, когда алименты перечисляются на счет в банке или иной кредитной организации. Этот вопрос приобретает особую актуальность в случае уплаты алиментов детям, оставшимся без родительского попечения и находящимся в воспитательных, лечебных учреждениях, учреждениях социальной защиты населения и других аналогичных организациях.

К сожалению, ст. 115 СК не предусматривает такой меры ответственности за несвоевременную уплату алиментов, как компенсация морального вреда. В соответствии с п. 2 ст. 1099 ГК РФ моральный вред, причиненный действиями или бездей-

ствием, нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом. В связи с этим следует согласиться с мнением о целесообразности закрепления в законе компенсации морального вреда при доказанности виновного поведения лица, обязанного уплачивать алименты [5, с. 145].

Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение алиментной обязанности предусмотрена ст. 157 УК РФ [4]. В соответствии с п. 1 указанной статьи злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, наказывается исправительными работами на срок до одного года либо принудительными работами на тот же срок, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

Часть 2 ст. 157 УК предусматривает наказание за злостное уклонение совершеннолетних трудоспособных детей от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей также в виде исправительных работ на срок до одного года либо принудительных работ на тот же срок, либо ареста на срок до трех месяцев, либо лишения свободы на срок до одного года. Предусмотренные ст. 157 УК РФ санкции представляются несоразмерными с имеющим место преступлением.

Злостность уклонения от уплаты алиментов выражается в систематическом и упорном уклонении от выполнения этой обязанности, например в сокрытии места работы или места жительства, фальсификации документов, наличии неоднократных официальных предупреждений о необходимости исполнения алиментного обязательства. Суды признают злостным уклонением от уплаты алиментов случаи, когда лицо в течение длительного времени без уважительных причин не оказывает помощи в содержании детей и его поведение свидетельствует о нежелании выполнять решение суда [7, с. 377].

Помимо мягкости предусмотренного наказания представляется необходимым обратить внимание также на следующие обстоятельства. Во-первых, уголовная ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на несовершеннолетних или совершеннолетних нетрудоспособных детей, а также на нетрудоспособных родителей предусмотрена только при их уплате по решению суда. Если алименты выплачиваются по нотариально удостоверенному соглашению, уголовная ответственность не предусматривается. Во-вторых, уголовная ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов предусмотрена только при регулировании алиментных обязательств родителей и детей (ст. 80, 85, 87 СК). УК не устанавливает ответственности за злостное уклонение от уплаты средств на содержание супруга или бывшего супруга (ст. 89, 90 СК), а также других членов семьи – братьев и сестер, дедушек, бабушек и внуков, фактических воспитателей, отчима и мачехи (ст. 93–97 СК). Любые алименты, кому бы они ни выплачивались, – это всегда далеко не роскошь, а самые необходимые средства к существованию. В связи с этим представляется необходимым предусмотреть также уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на супруга (бывшего супруга) и других членов семьи, указанных в гл. 15 Семейного кодекса Российской Федерации.

Подводя итог, скажем, что заложенные в Конституции РФ принципы являются основой для дальнейшего совершенствования института алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 25.11.2013) / / СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16 ; 2013. № 48. Ст. 6165.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон (ред. от 02.12.2013). Часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / / СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (ч. 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ) ; 1996. № 5. Ст. 410 (ч. 3 от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ) ; 2001. № 49. Ст. 4552 (ч. 4 от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ) ; 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496 ; 2013. № 49 (ч. I). Ст. 6346.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.12.2013) / / СЗ РФ. 1996. № 25. Ст.2954 ; 2013. № 51. Ст. 6696.

5. *Давыдова О. А.* Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве России : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

6. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. М. Нечаева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2009.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. В. Наумов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004.

А. В. Степанюк

АСИММЕТРИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Длительность и многообразие факторов, влияющих на развитие федерализма обусловливают структурное, национальное и территориальное своеобразие государств, признающих себя федерациями.

Сегодня политическая и юридическая наука рассматривает федерализм как сложное социальное явление, подразумевая под ним и принцип, и режим, и форму государственного устройства, которое позволяет обеспечить единство и разделение государственной власти в условиях ее политико-территориальной организации на нескольких уровнях.

В науке выделяют различные виды федерации. По особенностям конституционно-правового статуса субъектов федеративного государства федерация бывает симметричная и асимметричная.

«Под симметричными федерациями понимаются федеративные государства, состоящие из юридически равных образований – субъектов федерации. Асимметричные федерации допускают неравенство субъектов между собой, наличие разнотипных с точки зрения их юридического статуса субъектов, наличие особых административных территорий, не являющихся частями каких-либо субъектов (общефедеральные территории)» [1, с. 37].

В мире нет федеративных государств с одинаковым уровнем социально-экономического развития их субъектов, а также с одинаковыми историческими традициями и одинаковым национальным составом. Учет этих обстоятельств при государственном строительстве привел к невозможности сформировать полностью симметричную федерацию. Все федеративные государства используют элементы асимметрии, реализующиеся в трех формах – структурно асимметричной федерации, в состав которой входят субъекты федерации и регионы, не обладающие статусом субъекта, федерации, асимметрия которой обусловлена закрепленным в конституции страны различием правового статуса субъектов, и скрыто асимметричной федерации. Их субъекты формально обладают одинаковыми правами, однако ряд регионов имеет особые полномочия (право вето, различное представительство в верхней палате парламента и пр.) или права (политические, экономические, культурные и пр.).

Помимо этого также иногда выделяют фактическую асимметрию. Ярким примером фактической асимметрии является разная численность жителей субъектов Российской Федерации (например, Москва и отдельные автономные округа). Усили-

вают асимметрию и разный уровень экономического развития, инфраструктура, а также неодинаковые климатические, географические условия.

Искажение принципа равноправия вызывает прежде всего правовая асимметрия субъектов Федерации. Фактическая асимметрия субъектов может послужить основанием для возникновения асимметрии правовой.

Причиной асимметрии конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации являются особенности исторического и национального развития страны. На этот процесс оказали влияние и некоторые политические и социально-экономические факторы. Российское государство было и является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. На его территории проживают представители 193 национальностей [2]. Большинство народов России на протяжении веков формировалось на территории современного Российского государства.

Неоднородный национально-территориальный состав России обусловливал необходимость удовлетворения в различных формах стремления этносов к самоопределению. Необходимо отметить тесную политико-правовую связь федерализации и права народов на самоопределение. Расширение федеративных начал государственности в России всегда рассматривалось в первую очередь как способ решения национальной проблемы.

Черты асимметрии конституционно-правового статуса российских регионов во многом объясняются особенностями правового положения бывших автономных образований в ее составе (республик как национально-государственных образований и автономных областей и округов как образований национально-территориальных), а также динамичностью конституционной модели разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации.

К чертам асимметрии конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации в юридической науке относятся: именование республик государствами (ч. 1 ст. 5 Конституции РФ 1993 года), право республик принимать собственные конституции в порядке, определяемом ими самостоятельно, право республик устанавливать свои государственные языки помимо русского языка как государственного языка Российской Федерации. Это несколько подрывает принцип равноправия субъектов Российской Федерации и создает условия для сохранения асимметрии российских регионов.

Вышеуказанные черты также являются способами реализации права народов на самоопределение, которое относится к общепризнанным принципам международного права. В первых статьях Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах установлено, что все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права «они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [3].

Конституция Российской Федерации закрепляет право на самоопределение народов в ч. 3 ст. 5, среди принципов федерализма. Это связано не только с территориальным устройством нашего государства, но и с тем, что хотя принцип права народов на самоопределение не является присущим только федерализму, однако на современном этапе развития цивилизации он наиболее полно может быть воплощен именно в федеративных отношениях.

В соответствии с принципом территориальной целостности право народов на самоопределение в рамках российского федерализма не может трактоваться как право выхода какой-либо территории из состава Российской Федерации. Это право может реализовываться только в существующих границах Российской Федерации и без посягательства на основы конституционного строя России.

Общеизвестно, что термин «народ» может использоваться в общегражданском и этническом смысле слова. С одной стороны, Конституция не употребляет термин «нация» и не закрепляет право «наций на самоопределение» – тем самым подчеркивается признание права на переустройство территориальной, а не национальной общности. С другой стороны, в ч. 3 ст. 5 Конституции понятие «народ» используется во множественном числе, следовательно, речь идет не о российском народе, а о «народах в Российской Федерации». Несмотря на это, наиболее полно принцип самоопределения народов реализуется на уровне субъектов.

С учетом вышесказанного стоит заметить, что российская асимметрия федерализма не совсем согласуется, на мой взгляд, с правом народов на самоопределение. Связано это с фактическим неравенством положения различных субъектов права.

Сложившаяся в стране модель межбюджетных отношений оказывает существенное негативное воздействие не только на характер федеративных отношений, но и на развитие экономики. Выраженная централизация доходов приобрела избыточный характер. Результатом такой практики не могло не стать, с одной стороны, фиксируемое экспертами замедление развития и темпов роста экономики благополучных регионов (за исключением Москвы), а с другой — консервирование экономической отсталости ряда «слабых» регионов, дополняемое оказанием им социальных услуг за счет средств федерального бюджета на минимально установленном уровне [4, с. 33].

Таким образом, центральным органам власти необходимо производить трансферт денежных средств для бюджетного выравнивания регионов. Однако это не решает проблемы, так как одни субъекты на практике получают больше поддержки и возможностей в экономической сфере, чем другие, что не только порождает фактическое неравенство субъектов, но и не в полной мере обеспечивает самоопределение народов.

Принимаются меры для сглаживания сложившихся различий субъектов. Например, в ст. 18 Федерального закона от 6 октября 1999 года «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [5] в декабре 2010 года были внесены поправки, согласно которым наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации, – т. е. все региональные лидеры к 1 января 2015 года должны называться главами или руководителями субъектов РФ, но не президентами. Однако фактическое экономическое неравенство сохраняется. Разные ученые и деятели права предлагают разнообразные варианты преодоление сложившейся ситуации, хотя ясно, что в короткие сроки данную проблему не решить.

Список использованной литературы:

1. *Киселева А. В., Нестеренко А. В.* Теория федерализма. М. : Изд-во Московского университета, 2002.

2. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г.) / / СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года / / Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

4. Симметрия и асимметрия в российской модели федеративных отношений / под рук. С. Д. Валентея. М. : Институт экономики РАН, 2012. URL: http://inecon.org/docs/Valentey.pdf (дата обращения: 17.01.2014).

5. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 07.06.2013) / / СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 ; 2013. № 23. Ст. 2878.

В. Ю. Стромов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ

Можно констатировать, что Проект Уголовного уложения 1813 года в его Общей части впервые в русском уголовном праве представлял систему наказаний в виде «лестницы». При этом фактически сама идея «лестницы» была заимствована разработчиками непосредственно из текста Баварского уложения 1813 года и реально повторена еще дважды – в Своде законов уголовных (1832 и 1842 годов) и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Вследствие того что «лестница» наказаний состояла из семи родов, которые делились на степени и были выстроены по сравнительной тяжести от смертной казни до церковных покаяний, в содержании проекта отдельно предусматривались так называемые сословные наказания «для тех, которые по состоянию своему исключаются от телесного наказания» и «для простолюдинов». Поскольку смертная казнь как самый суровый вид уголовного наказания назначалась за наиболее тяжкие уголовные преступления, проект устанавливал виды «простой смертной казни» (без квалифицирующих признаков) – повешение и отсечение головы. По мнению разработчиков Уложения, данная «лестница» не преследовала целей ужесточения наказаний: «... ныне токмо те наказания, кои не мучительны и не приводят человечество в содрогание...». Фактически в качестве дополнительного наказания непосредственно назначались денежные штрафы, а реальное сравнение размера денежных пеней со сроком лишения свободы и цена каждого проработанного дня определялись уже Уставом судопроизводства.

Отечественная система наказаний сегодня является одной из самых представительных по своему объему и наиболее дифференцированных среди национальных уголовных законодательств, будучи при этом не оптимально реализуемой и по сути неэффективной [1]. И это несмотря на то, что она была расширена законодателем Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ за счет принудительных работ на основании п. 3.1 ст. 44 и ст. 53^1 УК РФ и в настоящее время фактически содержит сразу три вида наказания, непосредственно связанных с реальным трудом осужденных. Хотя именно в ситуации продолжающегося мирового экономического кризиса и сохраняющейся в стране массовой безработицы предпринятые корреляции, соответственно, достаточно алогичны. Например, в ряде случаев новеллы УК РФ (как принудительные работы, так и ранее арест) по-прежнему фактически не обеспечены как материально-технически, так и непосредственно организационно и могут из-за отсутствия специализированных учреждений – исправительных центров и арестных домов – стать уже традиционными для отечественного законодательства «отложенными видами наказания». Вследствие того что ч. 2 ст. 60^1 УИК РФ допускает отбывание принудительных работ в иных местах, расположенных на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения (привлечения к труду), нарушается принцип равенства и снижается воспитательный потенциал данного вида наказания, назначаемого как альтернатива лишению свободы.

Индивидуально-субъективный принцип является основополагающим принципом реализации уголовной ответственности. Так, уголовная ответственность фактически реализуется только в отношении вменяемого физического лица, реально признанного судом виновным в совершении преступления. Сущность уголовной ответственности состоит в осуждении государством виновного лица, совершившего преступление, в общественном порицании как его самого, так и совершенного им

общественно опасного деяния. Поскольку реализация уголовной ответственности всегда связана с соблюдением принципа справедливости, она есть основанное на уголовно-правовых нормах осуждение государством общественно опасного виновного деяния и лица, его совершившего, официально выраженное в приговоре суда и сопряженное с наказанием или иными мерами уголовно-правового воздействия. Концептуальные построения уголовной ответственности юридических лиц фактически противоречат непосредственно ее социальной сущности и механизму реального решения нормативно закрепленных задач именно данной отрасли отечественного законодательства.

Уголовная ответственность субъекта, исходя из возникающей системы уголовно-правовых отношений, представляет собой комплекс обязанностей, официально возлагаемых на него государством и добровольно или принудительно обязывающих, во-первых, воздержаться от совершения общественно опасного деяния под угрозой применения наказания и иных мер уголовно-правового характера, во-вторых, при виновном совершении преступления подвергнуться им и осуждению; в-третьих, выполнить также и другие обязанности при совершении иных действий, прямо предусмотренных уголовным законом. Следовательно, чтобы потенциальная ответственность стала действительной, необходима оформленная в процессуальную форму деятельность государственных органов, которые, соответственно, официально уполномочены поэтапно: 1) установить факт совершения общественно опасного деяния, определив основания для уголовной ответственности; 2) дать уголовно-правовую оценку совершенного деяния, предварительно и окончательно квалифицировав его как преступление; 3) в судебном порядке применить санкцию виновно нарушенной уголовно-правовой нормы. Поскольку с содержательной стороны меры уголовной ответственности должны быть общественно полезными, ее социальная значимость зависит от того, способна ли она обеспечивать декларируемые законодателем цели, реально стоящие перед отраслевым законодательством, и прежде всего охрану прав и свобод человека и гражданина, восстановление нарушенного правопорядка.

Несмотря на то что отечественный законодатель Федеральными законами от 4 мая 2011 года № 97-ФЗ и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ нормативно урегулировал замену штрафа лишением свободы лицам, осужденным за коррупционные преступления (ч. 5 ст. 46 УК РФ), имеются трудности в реализации именно данного положения. Так, согласно содержанию п. 13 ст. 103 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», суд вправе отказать в замене штрафа другим видом наказания в случае признания причин его неуплаты в срок уважительными. Следовательно, возникает ситуация, когда у осужденного отсутствуют необходимые финансовые средства или иное имущество, на которое возможно обратить взыскание. Соответственно, у виновного лица фактически появляется парадоксальная возможность не платить штраф, не рискуя при этом быть лишенным свободы, и тем самым избежать какой бы то ни было уголовной ответственности. Именно в данной ситуации суды должны оптимально оценивать характер и степень общественной опасности содеянного преступления, назначая штраф в качестве основного вида наказания за получение взятки только лишь в исключительных случаях, а высшей судебной инстанции следует дополнить постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 года № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе». Исходя из имеющейся проблемы его пункты должны содержать столь необходимые определенные разъяснения, унифицирующие судебную практику применения этих норм.

Согласно положениям ст. 76^1 УК РФ, при выявлении впервые совершенных преступлений, предусмотренных законодателем в ст. 198 и 199^1 УК РФ, виновным ли-

цам для освобождения от уголовной ответственности достаточно в полном объеме возместить ущерб, причиненный бюджетной системе. Однако поскольку далеко не все субъекты деяний, перечисленных в ч. 2 ст. 76^1 УК РФ, фактически даже потенциально имеют возможность выполнить условия, прежде всего в части денежного возмещения в размере пятикратной суммы полученного преступного дохода, то реально освобожденными могут становиться обеспеченные лица, которые занимались преступной деятельностью продолжительное время. Вследствие того что в ч. 1 и 3 ст. 28^1 УПК РФ норма о порядке освобождения от уголовной ответственности была изложена иначе, чем в УК РФ, имея, в отличие от ст. 76^1, не императивный, а диспозитивный характер, дознавателем и следователем преследование прекращается только лишь с согласия руководителя следственного органа и прокурора. Соответственно, именно это правовое основание дает суду право, не являясь его формальной обязанностью решить вопрос об освобождении от уголовной ответственности. Следовательно, фактическое выполнение субъектами данных составов преступлений условий, предусмотренных ст. 76^1 УК РФ, не должно автоматически вести к постоянному освобождению этих лиц от уголовной ответственности, так как правоохранительные органы и суд учитывают и другие обстоятельства конкретного дела. Несмотря на то что имеющаяся коллизия между ст. 28^1 УПК РФ и ст. 76^1 УК РФ должна решаться в пользу уголовно-процессуальной нормы, отечественному законодателю необходимо в кратчайшие сроки оптимально устранить нормативным путем это межотраслевое противоречие [2].

Список использованной литературы:

1. *Дворецкий М. Ю., Стромов В. Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности. Сборник материалов VII Российского конгресса уголовного права. 31 мая – 1 июня 2012 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2012. С. 51-60 ; *Дворецкий М. Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности и процессы глобализации. Материалы V Российского конгресса уголовного права. 27–28 мая 2010 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2010. С. 651–655; *Он же.* Эффективная реализация уголовной ответственности / / Вестник Воронежского университета МВД России. 2011. № 1. С. 52–58.

2. *Дворецкий М .Ю., Стромов В. Ю., Кононыхин С. Ю., Курманова О. Н.* Проблемы назначения наказания в контексте оптимизации уголовной ответственности : вопросы уголовно-правовой теории и эффективной правоприменительной практики : учеб. пособие. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011.

С. В. Стрыгина

ПРАВО НА ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ОБЩЕПРАВОВОГО ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА

Реализация задачи построения социального государства в России предполагает претворение в жизнь конституционных прав и свобод граждан, когда принцип гуманизма является одним из основополагающих. Этот принцип означает создание всех условий, необходимых для нормальной жизнедеятельности, уважение личности, признании ее права на достоинство и свободное развитие.

В основе принципа гуманизма заложено право на достоинство. Об этом говорится в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

Достоинство человека выступает международной ценностью, что находит подтверждение в преамбуле Всеобщей декларации прав человека, где говорится, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобще-

го мира…» [1].

В структуру рассматриваемого понятия входят «нормативный элемент, правосознание, правовая деятельность», что «отражает многоаспектную ценность человека, различные грани человеческого достоинства» [2, с. 312].

Понятие «достоинство» выступает одновременно и как нравственная, и как правовая категория, которая служит основанием судебной защиты прав человека. Соблюдение данного положения означает создание достойных условий жизни и труда, обеспечение социальной справедливости, возможность всестороннего развития индивида, предоставление политической свободы. Обеспечение гарантий в этих сферах позволяет создать в обществе основу для господства правовых ценностей и выработки таких общечеловеческих ценностей, как честность, милосердие, доброта, взаимовыручка, свобода выбора в рамках закона.

Понятие «достоинство» в разные исторические времена имело разное содержание и зависело от следующих факторов:

– исторических условий развития общества;

– состояния развития социальных институтов общества;

– соотношения гражданского общества и государства;

– политического и правового режима;

– религиозных особенностей развития государства.

Оно всегда проявлялось в фактах и разнообразных явлениях, которые, отражаясь в сознании действующих индивидов и человеческих поступках, приобретают ценностное значение, имеющее закрепление в праве. Главным условием его обеспечения в современных условиях является гарантированность прав и свобод, возможность их осуществления и реальной защиты.

Говоря об историческом развитии, следует отметить, что в прежней, советской Конституции 1977 года понятие достоинства было связано не с правами, а с обязанностями. Так, в ст. 59 Конституции говорилось: «Гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР» [3, с. 17].

Наша страна находится на этапе всесторонней демократической модернизации общества, означающей изменение приоритетов «государство – общество – личность» на «личность – общество – государство». В этих условиях достоинству человека как правовой и нравственной категории должно уделяться повышенное внимание. Вместе с тем данные свидетельствуют о несоблюдении конституционного положения. Так, о нарушении права на достоинство личности говорят цифры, приведенные в докладе Уполномоченного по правам человека РФ В. Лукина в 2013 году, который отмечал, что количество жалоб на нарушение права на достоинство в сравнении с 2012 годом выросло на 5,3% [4].

В преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Под достоинством личности понимается осознание самим человеком и окружающими факта обладания неопороченными нравственными и интеллектуальными качествами. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе (благоразумие, нравственные установки, уровень знаний, обладание социально полезными навыками, достойный образ жизни и т. п.)» [5]. Поскольку Конституция Российской Федерации провозгласила вхождение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России в качестве составной части правовой системы страны (ст. 15), в условиях происходящих преобразований государство должно быть заинтересовано в развитии социальных институтов, гражданского общества, творческой деятельности людей. При этом важ-

ная роль принадлежит гражданскому обществу, которое способствует защите чести и достоинства человека.

Положение, провозглашенное в Международном пакте о гражданских и политических правах, в первую очередь относится к молодым поколениям, которым предстоит проводить преобразование страны.

Говоря о молодежи страны, следует отметить, что ее положение нестабильно и противоречиво. С одной стороны, молодежь представляет собой мобильную, динамичную часть общества, а с другой – она не всегда может реализовать имеющийся потенциал, поскольку сделать это не позволяют существующие законы. В результате чувство достоинства такой огромной социальной группы людей часто оказывается незащищенным, поскольку не все могут обеспечить себе достойное существование и найти свое применение даже при наличии образования, сил и способностей.

Показателем уровня развития правовой системы общества является возможность с помощью права защищать человеческое достоинство. При этом основой его формирования выступает правовая культура.

Видный ученый М. И. Байтин писал: «В структуре системы права достоинство личности, переплетаясь и взаимодействуя с широким комплексом самых разнообразных экономических, политических, культурных, этических и нравственных отношений, выступает в качестве межотраслевого комплексного объединения норм – института достоинства личности.

Развитие института достоинства личности и обособление его в самостоятельный правовой институт обусловлено развитием общественных отношений, повышением правовой культуры, совершенствованием конституционного и отраслевого законодательства» [2].

Конституционная основа достоинства личности предполагает повышение ценностной характеристики права, которое начинает играть в современных условиях совершенно иную, нежели ранее, роль. Так, говоря о состоянии развития социальных институтов общества, следует отметить, например, что современная социальная политика государства должна быть реально направлена на разработку «и внедрение нормативно-правовых документов, созданных с учетом принципов формирования доступной среды для инвалидов и иных маломобильных групп населения» [6].

А. В. Малько об этом пишет так: «Меняется роль права и характер его воздействия на общественные отношения, на поведение субъектов. Наряду с традиционными ограничивающими средствами (запретами, обязанностями, наказаниями, мерами принуждения и т. п.) оно призвано более широко использовать соответствующие юридические нормы уже на законодательном уровне и затем эффективно срабатывать в процессе правореализации» [7, с. 58].

Мы видим, как меняется содержание понятия «достоинство» – если ранее гарантия его обеспечения у социально незащищенных слоев общества предполагало выплату пособий и обеспечение льгот, то сейчас это означает создание условий для возможности трудиться, получать образование, достойно существовать в сфере жизнедеятельности. При этом кардинальным образом меняется социальная ценность и значимость личности. Вместе с тем большую трудность представляет судебная защита достоинства человека, хотя оно считается одним из самых важных неимущественных прав любого гражданина. До сих пор судебными органами не выработаны критерии его нарушения, не определены те ценности, которые входят в это понятие. Все это позволяет нарушать указанное право как представителям властных структур, так и рядовым гражданам.

В большинстве своем европейские страны, формируя социальное государство, воплощают в жизнь концепцию ***Workfare*** (государство всеобщего труда) вместо ранее

существующей ***Welfare State*** (государство всеобщего благоденствия), тем самым переходя к новым ценностям человека – от иждивенчества к занятости, к возможности реализации своих способностей.

В Конституции РФ говорится, что «ничто не может быть основанием» для умаления достоинства человека. Вместе с тем невостребованность в обществе приводит к унижению человека, а подчаси к деградации.

Такое понятие как достоинство непосредственным образом связано с построением гражданского общества в России, поскольку оно является сферой реализации прав человека.

Создание социального государства в России – это длительный процесс, затрагивающий разные стороны жизни общества. Но одним из главных направлений должно являться новое содержание понятия «достоинство» человека и его гарантий. Это будет соответствовать принципу гуманизма, который отражает нравственную позицию общества, признающего ценность человека как личности, уважающего его достоинство, стремящегося к его благу как цели своего развития.

Список использованной литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: http: //www.un.org/ru/documents/dec_conv/ declarations/declhr.shtml (дата обращения: 19.01.2014).

2. *Байтин М. И.* Общая теория государства и права. Академический курс в 2 томах. Том 1. Теория государства. М. : Издательство «Зерцало», 1998.

3. Конституция (Основной Ззакон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г., с дополнениями, внесенными Законом СССР от 24 июня 1981 г., и изменениями и дополнениями, внесенными Законом СССР от 1 декабря 1988 г. М. : Юридическая Список использованной литературы:, 1989.

4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год. URL: http://www.rg.ru/2013/03/29/lukin-dok.html (дата обращения: 19.01.2014).

5. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15025 (дата обращения: 19.01.2014).

6. Паспорт Государственной программы «Доступная среда» на 2011–2015 гг. URL: http: //region.adm.nov.ru/ region/social/ dost_sreda.pdf. (дата обращения: 19.01.2014).

7. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве : теоретико-информационный аспект. Саратов : Изд-во СГУ, 1994.

Б. Б. Сулейманов

О ГЛОБАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

Очевидно, что одной из главных тенденций современного мира является процесс глобализации. Это признают даже те, которые говорят о нем с сожалением, указывая на отрицательные моменты. Процесс глобализации, по мнению специалистов, начался давно. Некоторые авторы утверждают, что ему, как минимум, несколько веков. В частности, А. В. Игнатенко указывает, что «стремление людей к экономическим, социальным, политическим, культурным связям обнаруживается уже в античном мире» [8, с. 27]. Об открытости, сотрудничестве народов писал известный немецкий юрист XIX века Р. Иеринг [9]. Безусловно, в настоящее время этот процесс ускорился, стал неизбежным. Наверное, он затронет все сферы социальной жизни, приведет к различным последствиям, в том числе и отрицательным.

Отдельные авторы, например Б. Бутрос-Гали, подчеркивают, что «существует не одна, а несколько глобализаций: например, глобализация информации, наркотиков, эпидемий, экологических факторов и, конечно же, в первую очередь финансов. Ситуация значительно осложняется тем, что все эти глобализации происходят с разными скоростями» [11, с. 244]. Конечно же, имеются сферы и государства, которые больше или интенсивнее поддаются процессу глобализации. Известный правовед М. Н. Марченко заключает, что «глобализм проявляется преимущественно в позитивном плане в отношении наиболее развитых в экономическом, информационном и технологическом плане государств и соответствующих правовых систем. Что же касается всех остальных государственных и правовых систем, то в отношении их он оборачивается своей противоположной стороной и проявляется в негативном плане» [13, с. 72].

Изменения произойдут как на глобальном, так и нав национальном и даже региональномых уровне. Но при этом указанный процесс зависит от многих факторов и обстоятельств, в том числе и субъективных. Следовательно, имеется возможность повлиять на различные моменты глобализации – использовать более совершенный опыт зарубежных государств, модернизировать различные сферы и т. п. Для этого необходимо раскрыть основные движущие силы, средства, а также возможные последствия глобализации, а значит, исследование различных аспектов глобализации представляется более чем актуальным. Из-за множества аспектов и масштабности достаточно трудно дать формально-логическое определение глобализации. Думается, что права Н. В. Архипова, которая утверждает, что «описать все их не только не представляется возможным, но и видится контрпродуктивным» [2, с. 12].

При этом некоторые исследователи отмечают, что не все изменения, в том числе и не всякую интернационализацию, можно признать глобализацией. В. В. Михеев утверждает, что глобализация является «развитием экономической и политической взаимозависимости стран и регионов мира до такого уровня, на котором становится возможным и необходимым постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов управления» [15, с. 49].

Характеризуя глобализацию, исследователи, политики, иные лица отмечают такие характерные черты, как объективность, необратимость, масштабность, противоречивость и др. Одно ясно – мир вступает в новую, неизвестную до сего времени реальность, в которой многие моменты еще до конца не выяснены. Но при этом термин «глобализация» в известной степени противостоит таким понятиям, как «традиция», «локальное», «национальное» и даже «индивидуальное». Думается, это в какой-то степени закономерно. Однако когда речь идет об индивидуальности, положение представляется не столь однозначным, приобретающим пугающие оттенки. Отступление от близкого, привычного ради всеобщего не представляется целесообразным, необходимым – в частности, это касается культуры в широком смысле слова.

Интересным представляется процесс глобализации государственно-правовой сферы. В научной литературе демонстрируются разные позиции. Достаточно часто подчеркивается, что жертвой указанного процесса станет прежде всего государство. С указанным процессом связывают и изменение характерных черт государства. В частности, отмечается, что «страны лишаются многих привычных атрибутов: гражданства, армии, языка, валюты. Важнейшие политические решения принимаются за пределами их столиц» [14, с. 3].

Более радикальным представляется утверждение, что глобализация фактически упразднила национальный суверенитет в традиционном смысле этого слова. Технический прогресс, и прежде всего небывалый прорыв в сфере коммуникаций, превращает государственные границы в нечто весьма эфемерное [6, с. 12]. Функцио-

нирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств [3].

Некоторые ученые считают процесс уменьшения государственных образований исторической закономерностью. С. А. Дробышевский отмечает, что в многочисленных изменениях, касающихся политических организаций, заметна общая закономерность – «постепенное сокращение при увеличении территорий остающихся отмеченных социальных организмов со времени, когда закончилась эра заселения людьми пригодной для человеческого обитания земной поверхности». И далее: «Наибольшее число политических организаций общества в мире (примерно 600 тыс.) было около 1000 г. до н. э. К 500 г. н. э. оно сократилось приблизительно до 200 тыс. И далее темпы убывания количества анализируемых социальных целостностей нарастали» [4]. Автор уверен, что уменьшение числа таких организмов приведет в будущем к вполне определенному результату – образуется единая для земного шара политическая организация общества, в котором станет функционировать система юридических норм, распространяющая свое действие на все человечество. В итоге с исторической арены исчезнет международное право [4]. Конечно, приведенные утверждения не бесспорны. Думается, указанная тенденция не предопределяет отмирания государства. Об отсутствии перспективы национального государства пишут достаточно известные ученые и мыслители. К ним можно отнести немецкого мыслителя Юргена Хабермаса [20, с. 225–229]. Конечной целью этих процессов является «децентрализованное мировое общество, распавшееся на неупорядоченное множество самопроизводящих и самоуправляемых систем» [19, с. 168].

Процесс глобализации серьезно влияет и на различные аспекты теории государства. Так, некоторые авторы начали отрицать значимость деления функций государства на внутренние и внешние. Например, Т. Н. Радько указывает, что в настоящее время деление функций на внутренние и внешние несколько утрачивает свое значение. Она пишет: «…совершенно очевидно, что внутренние и внешние функции любого государства взаимосвязаны, поскольку деятельность государства – в сферах экономики, политики, культуры и экологии – зависит в немалой степени и от внешних условий» [17, с. 199]. На наш взгляд, конечно же, глобализация может существенно повлиять на государство, может привести, и, скорее всего, приведет, к значительным изменениям. Однако категоричное утверждение, что оно прекратит свое функционирование, вряд ли целесообразно.

Говоря о правовой сфере, следует иметь ввиду, что она, в отличие от других сфер, стала «глобализироваться» гораздо позже. Это объясняется в том числе и известной консервативностью права, которое, как правило, закрепляет сложившиеся отношения, порядок. Анализируя правовую глобализацию, исследователи указывают на ее формы – интеграцию, унификацию и гармонизацию. К ним можно отнести перенимание иностранного законодательства, т. е. заимствование институтов, несвойственных для национальной правовой системы и в целом правовой семьи. В Российской Федерации это, в частности, институт трастовой собственности, который был впоследствии исключен из действующего законодательства. В ГК вошел и агентский договор, хотя цивилисты отмечали, что в правовых системах функционирует либо институт поручения и комиссии, либо институт агентского договора. Наверное, из-за этого нет серьезной правовой практики по применению агентского договора. Однако имеются и более серьезные погрешности. В частности, это введение в гражданское законодательство института коммерческой концессии. Во ч. 2 ГК РФ (ст. 1027), введенной с 1 марта 1996 года, отмечается, что коммерческая организация вправе передавать по договору фирменное наименование. Это положение действовало до 2006 года [16, с. 790–791]. Более того, о возможности передачи фирменного наименования

писали даже квалифицированные юристы, что объяснить сложно [1, с. 550–551]. Любопытно, что изменения и дополнения в указанное обязательство вносятся и по сей день. Исследователи справедливо пишут, что «сближение правовых систем не тождественно рецепции, праву восприятия зарубежных моделей. Это результат развития права вкупе действия многих факторов, обусловливающих данный процесс в конкретно-исторических условиях каждой страны» [17, с. 131].

По мнению специалистов, существует глобальная угроза, которая может негативно повлиять на существующий мировой порядок. В. Д. Зорькин пишет: «Под угрозой оказались сами принципы права – равенство и справедливость – и основанные на них основные права человека. Глобальный финансово-экономический кризис показал несостоятельность и национальных, и международных правовых институтов, шаткость гарантий прав и свобод человека и гражданина, прежде всего социальных прав, даже в экономически сильных государствах. В свою очередь, это ведет к политической нестабильности и к кризису политической демократии» [7, с. 1–8]. Он отмечает, что «по существу есть лишь два сценария развития глобального миропорядка – это силовой и правовой сценарии» [7, с. 1–8].

Некоторые ученые отрицают правовой характер глобализации. Л. С. Мамут подчеркивает, что вывод, «будто бы глобализация по своей природе есть явление правовое (в данном отдельном случае правовое – синоним легалистского)», не подтверждается фактически, не выдерживает и беспристрастной теоретически-критической оценки [4]. Многие авторы, анализируя процесс глобализации в правовой сфере, рассматривают уровень правовых систем и правовых семей. Л. С. Мамут же считает, что речь должна идти «о законодательных системах, но не о системах правовых». Чтобы приблизиться к оптимальной мере интегрированности законодательных систем самых разных государств мира, добиваться их согласованности и эффективности, надо стараться, по возможности, избегать двух нежелательных крайностей – с одной стороны, опоздания, задержки со своевременной, умелой адаптацией к неотвратимо идущим глобализационным процессам, а с другой – форсирования адаптации к ним национальной системы законодательства, бездумного опережения, обгона объективного хода этих процессов [7, с. 1–8]. На наш взгляд, замечания ученого справедливы. Однако глобализация охватывают и правовые системы. Ю. А. Клочкова отмечает: «Процессы глобализации способствуют конвергенции права и между принципиально отличающимися национальными правовыми системами, что может приводить к непредсказуемым негативным результатам (например, утрате той или иной правовой системой собственной культурной идентичности, рассогласованию правового регулирования общественных отношений и т. д.)» [10, с. 7]. В процессе глобализации «принимают участие» почти все элементы правовой системы, и можно предположить, что роль и значение некоторых из них могут существенно усилиться. В частности, речь может идти о правосознании – оно может как ускорить процесс глобализации, так и стать для него непреодолимой преградой.

Можно заключить, что глобализация относится к числу сложных и неоднозначных процессов, и многие ее аспекты еще остались вне серьезного исследования.

Список использованной литературы:

1. *Авилов Г. Е.* Коммерческая концессия (глава 54). / /Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, альфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996.

2. *Архипова Н. В.* Современное российское право в условиях глобализации : теоретико-методологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

3. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.

4. *Волкова С. В., Малышева Н. И.* Обзор международной научно-теоретической конференции «Право и глобализация : проблемы теории и истории» (Санкт-Петербург, 28 ноября 2008 г.) // История государства и права. 2009. № 14 ; № 15. С. 2–5 ; № 16.

5. *Залинян А. М.* Международный правопорядок в XXI веке и правопреемство государств // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право. XXI век». По материалам выступлений. М., 2004.

6. *Захаров А. А.* Федерализм и глобализация // Полис. 2002. № 12.

7. *Зорькин В. Д.* Вызовы глобализации и правовая концепция мироустройства // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 5.

8. *Игнатенко А. В.* Античные корни глобализации // Государство и право в условиях глобализации : проблемы и перспективы : Тезисы науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2004.

9. *Иеринг Р.* Дух римского права на разных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.,1875.

10. *Клочкова Ю. А.* Конвергенционные правовые системы как результат современной глобализации // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4.

11. *Лукашева Е. А.* Права человека и процессы глобализации современного мира. М.,2007.

12. *Мартин Г. П., Шуман Х.* Западня глобализации : атака на процветание и демократию. М., 2001.

13. *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. М., 2007.

14. *Михайлова М. Д.* Некоторые проблемы глобализации // Международное публичное и частное право. 2009. № 3.

15. *Михеев В. В.* Логика глобализации и интересы России // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.

16. *Никифоров И. В.* Коммерческая концессия // Гражданское право : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. Т. 2. М. : ТК Велби, 2009.

17. *Радько Т. Н.* Теория государства и права : учебник для вузов. М., 2005.

18. *Саидов А. Х.* Глобализация и сравнительное правоведение // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право. XXI век». М., 2004.

19. *Тихомиров Ю. А.* Интернационализация национального права // Московский международный форум «Глобализация, государство, право. XXI век» По материалам выступлений. М., 2004.

20. *Тихомиров Ю. А.* Суверенитет в условиях глобализации // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении : сборник статей и материалов / сост. С. Е. Заславский. М. : ЦИК «РГ», 2007.

21. *Хабермас Ю.* Выявление другого : Очерки политической теории. СПб., 2001.

В. Б. Сычев

КОНЦЕПЦИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП НЕДИСКРИМИНАЦИИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Категория баланса интересов не нашла прямого закрепления в Конституции РФ, но косвенно данная тема в ней затрагивается. Так, согласно Преамбуле Конституции, одной из целей ее принятия является утверждение гражданского мира и согласия, в ч. 3 ст. 17 говорится о том, что осуществление прав и свобод человека не должно нарушать прав и свобод других лиц [1]. Поэтому обеспечение интересов субъектов конституционного права является одной из важных конституционных задач. Ее решение должно осуществляться в том числе и государством, и особую роль в таком решении выполняют судебные органы, так как разрешение конфликтов, в том числе и посредством поиска баланса интересов, для них является одной из основных функций. Конституционный Суд РФ, в отличие от других судов, при этом выполняет важную функцию поиска баланса интересов, который не был обеспечен законодателем.

Н. С. Бондарь обращает внимание на важность обеспечения баланса интересов и связь данной категории с конституцией и конституционализмом. Он отмечает, что сущностная характеристика конституции проявляется в том, что она является юри-

дически узаконенным балансом интересов всех социальных групп общества. Требование конституционного прогресса демократической правовой государственности предполагает, по его мнению, в частности, в качестве обязательного условия последовательное согласование интересов разных социальных групп общества [2, с. 30, 45].

Н. С. Бондарь также обращает внимание и на значимость обеспечения баланса интересов для деятельности конституционных судов, определяя судебный конституционализм как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства [2, с. 118].

Важным аспектом деятельности Конституционного суда РФ является защита прав и свобод человека. При этом следует обратить внимание на то, что, как отмечал Н. И. Матузов, субъективные права и свободы для того, собственно, и устанавливаются, чтобы можно было юридическими средствами оградить, обеспечить, удовлетворить, защитить потребности граждан [3, с. 208].

А. В. Кузьмина отмечает, что правовой интерес можно охарактеризовать как осознанную потребность дееспособного субъекта добиваться правовыми средствами определенных правовых благ [4, с. 51].

Важной является задача типологии интересов. Так, А. В. Кузьмина выделяет два вида интересов как связанных с генезисом права, так и с его реализацией [4, с. 53].

Следует отметить, что Конституционный суд участвует в обеспечении баланса интересов в обоих указанных случаях. С одной стороны, в конституционном судебном процессе представлены конкурирующие интересы в сохранении или, напротив, несохранении за нормами юридической силы. Так, А. Н. Горбенко отмечает, что в условиях глобального информационного противоборства юридическая норма или ее отсутствие превратилось в мощное оружие, отражающее защиту интересов одной стороны в ущерб другой [5, с. 23]. С другой стороны, Конституционный суд учитывает смысл правовых норм, придаваемый им правоприменительной практикой, и зачастую корректирует последнюю.

Сложность установления оптимального правового регулирования заключается в том, что в рамках правоотношений сталкиваются различные, а зачастую и противоположные интересы их участников. Это говорит о необходимости установления баланса интересов сторон, достижение которого зачастую затруднительно. Для этой цели Конституционный суд сформулировал концепцию баланса интересов субъектов правоотношений.

Данная концепция прослеживается в том числе и в ряде дел об обеспечении конституционного принципа недискриминации. Дискриминация означает в том числе и нарушение интересов одних субъектов права в пользу интересов других. При этом затрагиваются не только интересы лиц, в отношении которых проводится или не проводится различное обращение, но и интересы лиц, с ними связанных.

Концепция баланса интересов способствует максимальной реализации интересов субъектов правоотношений. Такую максимальную реализацию можно понимать двояко – во-первых, как наиболее возможную реализацию интересов всех субъектов права в рамках рассматриваемого правоотношения. Отрицательной чертой подобного подхода является то, что в подобном случае (в том числе и при дискриминации) одни субъекты могут реализовать свой интерес максимально, а другие – минимально или даже номинально, а в совокупности интерес будет реализован в наибольшей степени. Во-вторых, максимальную реализацию интересов субъектов правоотношений можно понимать как реализацию интересов каждого из субъектов

права в наибольшей степени настолько, насколько это в наименьшей степени ущемляет интересы других субъектов права. Такой подход способствует выполнению требования недискриминации.

Для того чтобы более точно сформулировать концепцию баланса интересов, необходимо определить критерии их классификации, позволяющие выделить более или менее предпочтительные интересы. В связи с этим можно рассматривать сам интерес и возможность его реализации.

В первом случае возможно выделение различных интересов по нескольким критериям. Во-первых, это использование критерия социальной значимости и выделение конструктивных и деструктивных интересов. На классификацию интересов на конструктивные и деструктивные обращает внимание А. В. Кузьмина [4, с. 53]. В таком случае предпочтение отдается конструктивным интересам, так как деструктивные правом не охраняются – например, не являются правоохраняемыми деструктивные интересы, направленные на сегрегацию [6].

Во-вторых, это степень значимости интересов, и при этом возможно выделение субъективной и объективной значимости. Субъективная значимость – это значимость интереса для его носителя. При таком подходе предпочтение следует отдавать тому интересу, который для определенного субъекта более значим, чем другие интересы для других субъектов.

Так, Конституционный суд РФ отметил, что повышенная заинтересованность лица, обращающегося за медицинской помощью, приводит к необходимости особой защиты интересов такого лица, поскольку здоровье человека – это высшее неотчуждаемое благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности [7].

Объективная значимость – это значимость интереса для общества, государства или всех субъектов права, как участвующих в правоотношении, так и не участвующих в нем. Данный подход подразумевает предпочтение интересов, в большей степени согласующихся с другими интересами.

Например, Конституционный суд признал, что в случае конфликта интересов мажоритарных и миноритарных акционеров следует учитывать интересы акционерного общества в целом и публичные интересы привлечения инвестиций в экономику [8, 9, 10]. Интересы работника в обеспечении проезда к месту отдыха были отмечены Конституционным судом как соответствующие и интересам работодателей [11].

Предпочтения в связи с вышеназванными критериями не рассматриваются Конституционным судом РФ как дискриминация, а напротив, зачастую являются направленными против нее.

В-третьих, это носители соответствующих интересов. Данный подход является достаточно спорным, так как чаще, чем другие, может приводить к дискриминации и должен применяться с осторожностью и лишь тогда, когда никакой другой подход не дал результатов. В других случаях следует отдавать предпочтение значимости не субъекта, а его интереса, чтобы минимизировать риск дискриминации.

Во втором случае в расчет берется не сам интерес, а возможность его реализации. Это связано с тем, что интересы необходимо рассматривать не только в потенциальном, но и в реализованном виде. Если определенный субъект права испытывает затруднение с реализацией своих интересов наравне с другими, возможно принятие особых мер для содействия в реализации интересов такого субъекта, особенно если в противном случае такие интересы вообще не могут быть реализованы. Таким образом, предпочтение определенных интересов возможно и на основании критерия степени их реализованности.

Так, Конституционный суд отметил необходимость предоставления гражданину как стороне договора банковского вклада особых преимуществ, поскольку он

находится в неравном с банком положении и является экономически слабой стороной [12].

Вышеуказанный подход Конституционный суд РФ также не считает дискриминационным – зачастую он, напротив, направлен как раз на недопущение дискриминации.

В отношении реализации конституционного принципа недискриминации интересы субъектов права можно классифицировать на интересы по проведению различий и по непроведению таковых. В связи с этим можно предложить следующую классификацию:

1) интересы в проведении необоснованных различий (прямой дискриминации);
2) интересы в проведении обоснованных различий (разумной дифференциации);
3) интересы в непроведении различий, когда таковое необходимо;
4) интересы в непроведении необоснованных различий.

В первом и третьем случае интересы являются деструктивными, а во втором и четвертом – конструктивными.

Случаи столкновения интересов, а соответственно, и необходимости поиска их баланса могут представлять собой конфликт интересов первого и четвертого или второго и третьего вида. Однако могут быть и более сложные варианты сочетания различных интересов, при которых путь к достижению их баланса не столь очевиден.

Следует отметить, что в практике Конституционного суда РФ встречаются два подхода к установлению баланса интересов. При первом баланс интересов устанавливается за счет предпочтения определенных интересов. Особые меры, не связанные с предпочтением интересов, не принимаются, и положение участников правоотношений изменяется только за счет того, что интересам одних оказывается предпочтение. Данную ситуацию можно сравнить с восстановительным страховым интересом, который направлен на восстановление стоимости страхового объекта и достижение ранее существовавшего положения [13, с. 62]. Такой одноступенчатый подход позволяет достичь баланса интересов, когда возможно выделение приоритетных интересов без ущерба для других интересов.

Этот подход был применен Конституционным судом, например, при выделении интересов гражданина-вкладчика как экономически слабой стороны [12] или интересов пассажиров воздушного судна [14].

Во втором случае баланс интересов, исходя из определенных соображений, все же должен быть вначале смещен в сторону одного из участников правоотношения, но это приводит к чрезмерному ограничению возможности реализации своих интересов для другой стороны. Поэтому затем другой стороне предоставляются особые преимущества, предназначенные для компенсации ее положения.

Эта ситуация напоминает ситуацию в личном страховании, в котором страховой интерес не носит восстановительного характера, поскольку оценить имущественный интерес относительно жизни и здоровья невозможно и страховой интерес приобретает черты компенсационного характера [13, с. 62]. Если невозможно восстановление определенного состояния, то осуществляется компенсация потерь, связанных с переходом в новое состояние. Такой подход можно назвать двухступенчатым

Примером такой ситуации может быть предоставление миноритарным акционерам особых гарантий судебной защиты своих прав и выкупа у них акций по рыночной стоимости при изначальном смещении баланса интересов в сторону мажоритарных акционеров [8] и установление повышенного размера выходного пособия для руководителя организации ввиду того, что он может быть уволен безмотивно [15].

Данная ситуация связана с тем, что выбор одного из конкурирующих интере-

сов может приводить к дискриминации, поскольку интерес другой стороны не находит реализации. В таких случаях Конституционный суд РФ прибегает к дополнительным механизмам обеспечения интересов другой стороны посредством предоставления ей особых гарантий и компенсаций, чтобы выбор одного из интересов не привел к дискриминации.

Таким образом, в практике Конституционного суда РФ существует две стадии установления баланса интересов – выбор приоритетного интереса и предоставление компенсации той стороне, интересы которой не были признаны приоритетными.

Возможны ситуации, когда проведение или непроведение различий затрагивает интересы не только лиц, в отношении которых такие различия проводятся, но и других лиц. Это происходит в силу наличия правовых и иных связей между субъектами права. Такие ситуации могут играть двоякую роль. Во-первых, данные связи могут приводить к тому, что негативное воздействие от проведения или непроведения различий будут испытывать не только лица, в отношении которых данные различия проводятся, но и лица, находящиеся с ними в определенной связи.

Например, дискриминация лиц в форме лишения их избирательного права приводит и к нарушению интересов тех, кто мог бы за них проголосовать [16].

Во-вторых, возможна и обратная ситуация, когда проведение или непроведение различий затрагивает интересы других лиц за счет того, что от них требуется выбор определенного варианта поведения.

Например, при решении вопроса о допустимости установления особых оснований для увольнения руководителя организации в расчет берутся и интересы учредителей организации, поскольку они состоят в правоотношениях с такими руководителями [15]. Решение вопроса о возможности установления компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для работников – жителей Крайнего Севера затрагивает интересы и работников, и работодателей, на которых ложится бремя такой компенсации [11]. Предоставление пассажирам права на бесплатный провоз детей затрагивает интересы перевозчика [14].

В силу вышеизложенного при выборе того или иного варианта решения Конституционному суду РФ следует учитывать интересы разных субъектов права – как участвующих в определенном правоотношении, так и связанных с последними либо имеющих иную заинтересованность в том или ином варианте правового регулирования.

Таким образом, Конституционный суд РФ в ряде решений по делам, связанным с конституционным принципом недискриминации, применял концепцию баланса интересов. Эта концепция использовалась для принятия решений по конкретным делам и развития принципа недискриминации. Но в то же время принцип недискриминации оказывал обратное влияние на концепцию баланса интересов и позволил обогатить ее. Благодаря данной концепции обеспечивается защита прав и свобод человека в сложных ситуациях, когда обычные способы их защиты приводят к нарушению прав других лиц и тем самым не позволяют достичь желаемого эффекта. Кроме этого, сбалансированность интересов позволяет достичь большей эффективности правового регулирования, повышает уровень доверия к праву, способствует формированию правового и социального государства. Кроме этого, она также содействует совершенствованию практики Конституционного суда РФ.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ) / / РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв. ; СЗ РФ. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.

2. *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России. М., 2011.

3. *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972.

4. *Кузьмина А. В.* О типологии правовых интересов // Журнал российского права. 2011. № 3.

5. *Горбенко А. Н.* Правовое регулирование в сфере информационного противоборства // Информационное право. 2008. № 3.

6. «О Программе комплексного решения проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, покинувших территорию Северной Осетии» от 26 марта 1993 года и «О переговорах официальных делегаций Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики 18–20 марта 1993 года» : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 сентября 1993 года № 17-П «По делу о проверке конституционности постановлений Верховного Совета Северо-Осетинской ССР от 6 марта 1993 года // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса РоссийскойФедерации : Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1.

8. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы : Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // СЗ РФ. 01.03.2004. № 9. Ст. 830.

9. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» : Постановлении Конституционного Суда РФ от 10.04.2003 № 5-П // СЗ РФ. 28.04.2003. № 17. Ст. 1656.

10. По жалобам граждан Ю. Ю. Колодкина и Ю. Н. Шадеева на нарушение их конституционных прав положениями статьи 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с частью 5 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об акционерных обществах” и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 681-О-П // СЗ РФ. 12.11.2007. № 46. Ст. 5643.

11. По делу о проверке конституционности положения части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Г. Труновой : Постановление Конституционного Суда РФ от 09.02.2012 № 2-П // СЗ РФ. 27.02.2012. № 9. Ст. 1152.

12. По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П // СЗ РФ. 08.03.1999. № 10. Ст. 1254.

13. *Александрова М. М.* Экономический интерес как основа развития страховых отношений // Финансы и кредит. 2012. № 27.

14. По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания „Полет” и открытых акционерных обществ „Авиакомпания «Сибирь»” и „Авиакомпания «ЮТэйр»”» : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П // СЗ РФ. 09.01.2012. № 2. Ст. 397.

15. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных общеобществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 N 3-П // СЗ РФ. 28.03.2005. № 13. Ст. 1209.

16. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова : Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П // СЗ РФ. 11.02.2002. № 6. Ст. 626.

С. В. Тихонова

ГОСУДАРСТВОГЕНЕЗ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Трансформация государства в эпоху глобализации неоднократно обсуждалась в научной литературе. Эрозия национального суверенитета стала серьезной помехой на пути развития современных государств. Однако процессы глобализации обеспечили для государственного развития и новые возможности, аналогов которых не было в истории человечества. В конце прошлого столетия Ш. Вентурелли связывал воедино гуманистические принципы и приоритет информационных технологий в развитии современного общества: «…повсеместно связанное широкополосной мультимедийной сетью, информационное общество может стать богатейшим источником созидательной, диверсифицированной, обогащающей и демократизирующей коммуникации, когда-либо связывающей человечество. Оно может превратиться в первое в истории человечества настоящее „средство массовой информации и коммуникации", позволяя каждому человеку с помощью простых в использовании устройств распространять одновременно свои идеи многотысячной аудитории … Оно может стать средством организации общественной жизни и активного участия в ней всех граждан» [8]. Сегодня современные информационно-коммуникационные технологии обеспечили появление нового типа государства – электронного. Электронное государство опирается на принципиально новые принципы взаимодействия государства и личности, а также элементов государственной системы. В настоящее время интернет-технологии активно применяются в государственном строительстве, в некоторых странах – весьма масштабно. Формирование электронного государства актуализирует изучение государствогенеза как процесса развития государства, появления его новых форм в разных исторических условиях.

Государство как объект исследования входит в сферу интересов многих областей социально-гуманитарного знания. На разрозненный характер современных знаний о государстве, их разнесенность по различными научным дисциплинам указывают Д. А. Керимов и В. Е. Чиркин [2; 3; 5; 6]. Актуальной теоритической проблемой юридической науки является формирование государствоведения, всеобщей теории государства, способной интегрировать данные, полученные теорией государства и права, науками конституционного и административного права, политологией, социологией, политической антропологией в рамках целостной теории, способной описать и прогнозировать государствогенез.

Очевидно, что развитие государства, появление новых его форм инициировано социальным прогрессом. Вопрос о характере трансисторической преемственности в развитии государств является частным случаем фундаментальной проблемы философии истории о направленности исторического процесса. Оставляя его за рамками настоящей работы, отметим специфику развития современного государства. Существующая политико-социологическая традиция связывает современное (модерное) государство с периодом Нового и Новейшего времени. С эпохи буржуазных революций начинается этап сознательного и довольно интенсивного государственного строительства, в ходе которого модерное государство последовательно трансформировалось в конституционное, правовое, социальное (каждый последующий признак присоединялся к предыдущему). Государствогенез перестает быть стихийным, он трансформируется в управляемый процесс. Конечно, эффективность этого процесса является весьма вариативной, но общепринятым становится приближение государства с помощью различных политических мер к некоему идеальному состоянию. Государство трансформируется в проект – как справедливо отмечает Е. В. Чиркин, современ-

ное государство есть «своего рода идеал, к которому надо стремиться» [5, с. 7]. В свою очередь, в государствогенез начинают включаться разнообразные технологии государственного строительства.

Государственное строительство, при всей противоречивости и неоднозначности этого термина, предполагает не только стимулирование национального самосознания граждан, но и создание его структуры, в рамках которой особую роль играет поиск способов демократизации и гуманизации деятельности государственного аппарата.

Н. В. Разуваев отмечает, что современное государство должно рассматриваться в трех аспектах: а) формально-юридическом как специфический деперсонализированный субъект права; б) социально-философском как специфическая социальная реальность; в) теоретико-социологическом как специфический социальный институт [4, с. 194]. Думается, эта модель должна быть дополнена четвертым аспектом, а именно политико-правовым, отражающим телеологический уровень правовой политики, направленной на совершенствование и развитие государства.

Думается, что эффективность государственного строительства может быть повышена, если, с одной стороны, конкретизация государственного идеала станет делом юридической науки. Она должна выдвигать собственные теоретические модели, описывающие современный этап государствогенеза, или адаптировать к своим потребностям достижения других гуманитарных наук. С другой стороны, юридическая наука должна обеспечивать правовую экспертизу технологий государственного строительства.

Последняя четверть XX века ознаменовалась бурными дискуссиями в западной науке о том, каким должно быть государство. В этот период актуализировались вопросы о сущности отношений между государством и человеком, о способах перевода их из русла патернализма в русло партнерства. Социально-политическая теория предлагала такие инструменты, как перенос идей менеджмента в сферу государственного управления, сокращения расходов на содержание государственного аппарата, повышения качества государственных услуг, стимулирования национальных экономик, повышения доверия граждан к государству.

Необходимо отметить, что вплоть до конца XX века развитие информационных технологий и коммуникационные революции влияли на развитие государства опосредованно. Телевидение, например, расширило возможности государственной пропаганды, а телеграф повысил оперативность принятия политических решений. Но рубеж столетий ознаменовался прямым использованием информационно-коммуникационных технологий в государственном строительстве, превращением их в юридические технологии.

С начала XXI века правовая наука демонстрирует устойчивый интерес к понятию «электронное государство», его можно отметить с начала первого десятилетия нынешнего столетия. Сегодня электронные технологии становятся «строительным материалом», позволяющим формировать гибкие транспарентные структуры публичной власти, использующие принципы прямой демократии.

Проблемы, стоящие на пути развития электронного государства, очевидны – среди них лидируют цифровое неравенство, недостаток ресурсов и консервативность общественного сознания. Однако серьезным барьером для электронного государства являются и чисто правовые проблемы. Очевидно, что юридизации и легальному использованию информационно-коммуникационных технологий в государственном строительстве должна предшествовать серьезная теоретическая работа, на которую потом сможет опереться нормотворчество. Но в условиях информационного общества технологическое развитие неизбежно обгоняет социальное проектирование, ко-

гда технологические возможности, доступные уже сегодня, просто остаются неосознанными. Стремительность общественного развития приводит к тому, что доктрина не опережает практику, но вырабатывается одновременно с трансформацией последней. Точнее, доктрина и практика синхронизируются друг с другом. Таким образом, электронное государство сегодня формируется одновременно и как юридическая концепция, и как стадия развития государства. Это повышает требования к правовой научной теории: она должна не только выдержать проверку практикой, но и оказаться достаточно мобильной, чтобы за этой практикой успеть.

Список использованной литературы:

1. *Керимов Д. А.* О всеобщей теории государства и ее методологии / / Вестник Башкирского института социальных технологий. 2011. № 4.
2. *Он же.* О методологии государствоведения / / Право и образование. 2006. № 4.
3. *Он же.* О состоянии и перспективах государствоведения в России / / Право и образование. 2002. № 6.
4. *Разуваев Н. В.* К философско-методологическим основаниям теоретической модели государства / / Научные труды Северо-Западного института управления. 2012. Т. 3. № 1.
5. *Чиркин В. Е* Современное государство. М. : Международные отношения, 2001.
6. *Он же.* Государствоведение. М. : Юрист, 2000.
7. ***Venturelli S.*** Cultural Rights and World Trade Agreement in the Information Society / / Gazette. 1998. Vol. 60. № 1.

Е. Н. Тогузаева

ПРОЕКТ ЗАКОНА О ЗАПРЕТЕ ПРОПАГАНДЫ СЕПАРАТИЗМА : ЗА И ПРОТИВ

Покупайте землю, ее уже не производят.
Марк Твен.

Конституции РФ устанавливает государственную целостность и признает право народов на самоопределение, однако последнее не подразумевает выхода из РФ. Ученые-правоведы, подчеркивая государственную целостность как важнейший принцип федеративного устройства РФ, тем не менее отмечают, что Российская Федерация не аморфное соединение-союз и не конфедерация, а единое государство, в котором обеспечивается целостность и неприкосновенность его территории, включающей в себя территории субъектов Федерации (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ), у которых отсутствует право выхода из РФ без согласия РФ [1].

Существующая политическая конфликтогенность современного российского общества приобретает широкий размах и порождает реакцию законодателя в виде определенной государственной и правовой политики, в том числе и ужесточения мер юридической ответственности за ряд деяний. Так, 8 ноября 2013 года группа депутатов в составе А. В. Романова, Е. А. Федорова и М. В. Емельянова внесла на рассмотрение Государственной думы Федерального Собрания РФ проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», в котором предлагается уголовная ответственность за пропаганду сепаратизма, а также иначе чем ранее определяется уголовная и административная ответственность за пропаганду и публичную демонстрацию нацистской символики.

Независимо от того будет ли в дальнейшем одобрен данный законопроект или нет, предлагаем проанализировать преимущества и недостатки правового регулирования запрета пропаганды сепаратизма данным актом.

Согласно текста данного законопроекта, предлагается внести в Уголовный кодекс РФ не существующую ранее статью 282.3 «Пропаганда сепаратизма». Под пропа-

гандой сепаратизма авторы законопроекта понимают распространение в любой форме взглядов, идей, призывов или агитации с целью поставить под сомнение территориальную целостность Российской Федерации [2].

Часть 2 той же нормы предусматривает ответственность за изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования, либо распространение или рекламирование сепаратистских материалов или печатных изданий, изображений, иных предметов сепаратистского характера, либо публичную демонстрацию кино- и видеофильмов сепаратистского содержания.

Часть 3 предлагаемой статьи определяет уголовную ответственность лица, которое публично выражает симпатии к сепаратистским движениям либо публично отрицает или ставит под сомнение территориальную целостность Российской Федерации, либо одобряет или пытается оправдать сепаратизм.

В настоящее время видится несколько противоречивых проблем, связанных с идеями данного законопроекта. Остановимся на некоторых из них.

1. Отсутствие четкого понимания понятия «пропаганда» как законодателем, так и правоприменителями приводит к подмене терминов, необоснованности судебных актов, а оценочность данного понятия является одним из коррупциогенных факторов. Статьей 1 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» коррупциогенными факторами признаются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [3].

2. Законодатель и авторы законопроекта не дают четкого разъяснения по поводу соотношения понятий пропаганды и публичных призывов – в ч. 1 указанной статьи проекта говорится, что публичные призывы и агитация входят в понятие пропаганды, в то время как в ч. 3 той же статьи публичное оправдание либо публичное отрицание явления пропагандой не называется. Это несоответствие замечается и в других ныне действующих нормах УК РФ (ст. 239 (пропаганда – побуждение к действиям / бездействию), 205.2 (публичные призывы – публичное оправдание – пропаганда)). Статья обсуждаемого законопроекта вводит еще и такую конструкцию, как публичное выражение симпатии, а также публичная постановка под сомнение, что еще более усложнит правоприменение. В таком случае во избежание несогласованности все вышеназванные действия следует признать элементами пропагандистской деятельности, так как все они входят в конструкцию пропаганды, которую дробить в Уголовном законе страны смысла нет. Так, например, мы не видим смысла разделять уголовную ответственность за пропаганду сепаратизма и за публичное выражение симпатии к данному явлению либо за публичное отрицание территориальной целостности России, что по общественной опасности равноценно, преследует, по логике, одинаковые цели, и, на наш взгляд, неважно, какой именно элемент пропагандистской деятельности изберет правонарушитель для достижения своих противоправных целей. Преумножение в законе различных видов пропагандистских действий станет причиной для появления новых нераскрытых понятий и впоследствии лишь запутает правоприменителя, что в итоге приводит к таким судебным актам, где правоприменитель, стараясь всячески избежать разъяснения термина «пропаганда», указывает на то, что это понятие имеет общеизвестное содержание [4], а правонарушитель не сможет четко представить себе границ дозволенного.

3. Наиболее «опасной» частью в данной статье о пропаганде сепаратизма нам

представляется ч. 3, расширенное толкование которой может повлечь запреты на высказывание собственного мнения, сложности в проведении научных дискуссий и исследований исторических моментов, а также одобрение либо порицание политического курса российского государства.

4. Сложности вызывает и вопрос о согласованности данной нормы со свободой слова. В правовом государстве не может быть абсолютной свободы слова, она обязательно ограничена в нужном минимуме – так, совершенно естественно и нормально нами воспринимается имеющийся в российском законодательстве запрет на высказывания, разжигающие межнациональную рознь, и пропаганду, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Более того, в настоящее время остро осознается необходимость такого правового запрета. Таким образом, и запрет на призывы сепаратистского содержания также может быть ограничен в силу имеющейся угрозы национальной безопасности, однако конструкции таких норм должны быть тщательным образом продуманы как правоведами, так и лингвистами и филологами. Неточностей, неоднозначности и оценочности в таких понятиях быть не должно, что, пожалуй, и является самым сложным при формулировании подобных норм.

5. Неясным остается вопрос и о соотношении таких явлений, как сепаратизм и экстремизм, поскольку, согласно ст. 280 Уголовного кодекса, предусмотрена уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а к последней, согласно ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2007 года, относится в том числе и насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации. Таким образом, получается, что призывы к нарушению территориальной целостности следует квалифицировать как пропаганду сепаратизма, а действия, направленные на нарушение территориальной целостности – как экстремизм, что, на наш взгляд, не вполне логично. В настоящее время оптимальным было бы в п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2007 года закрепить понятие «экстремистская деятельность (экстремизм)», термин «пропаганда» и изложить ее в следующей редакции:

«Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

1) экстремистская деятельность (экстремизм):

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

<….>

– пропаганда осуществления указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

<…>».

Таким образом, данные деяния, связанные с пропагандой сепаратизма, включаются в понятие экстремизма и законодателю остается только разграничить санкции в Уголовном кодексе РФ за указанные правонарушения, а предложенные меры дадут возможность избежать преследования граждан по политическим причинам.

Состояние защищенности от внутренних и внешних угроз вырабатывается лишь при неукоснительном соблюдении всеми субъектами правоприменения нормативной базы [5, с. 75]. Однако необходимо признать, что правовое регулирование и нагромождение новых норм не всегда есть решение имеющейся проблемы.

6. Некоторыми сложностями будет сопровождаться процедура признания ма-

териалов сепаратистскими, по аналогии с признанием материалов экстремистскими. Так, А. Р. Султанов отмечает неправильность в сложившейся практике рассмотрения подобных дел в особом производстве судов общей юрисдикции, поскольку в таких делах имеются элементы публично-правовой ответственности и публичного интереса. Поэтому сама юридическая природа таких дел не допускает их рассмотрения в особом производстве [6].

Заметим, что исследованный нами законопроект далеко не первый в практике Государственной думы ФС РФ. В июле 2006 года депутатом А. Н. Савельевым вносился законопроект «О противодействии насильственному изменению конституционного строя либо нарушению территориальной целостности Российской Федерации», в январе 2004 года предпринималась попытка изменения Уголовного кодекса РФ путем внесения новой ст. 279.1, предусматривающей уголовную ответственность за посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Российской Федерации, в июне 2001 года группой депутатов был внесен проект «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации», в 1999 году вносился в Государственную думу ФС РФ проект «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации, конституционных прав и свобод граждан на временно неконтролируемой территории Российской Федерации». И это далеко не полный перечень предлагаемых изменений, что говорит о постоянном внимании представителей законодательной власти России к этому сложнейшему вопросу. Интересно то, что ни одному из перечисленных выше законопроектов так и не суждено было стать законом – практически все они в разное время были сняты с рассмотрения в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы и ни один из них не оперировал термином «сепаратизм».

Список использованной литературы:

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева). М. : Эксмо, 2010 / / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 23.11.2013).

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Проект № 379820-6 Федерального закона / / Сайт Государственной думы Федерального Собрания РФ. URL : www.duma.gov.ru (дата обращения: 23.11.2013).

3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ (ред. от 21 октября 2013 года) / / СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609 ; 2013. № 43. Ст. 5449.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 1-АПГ12-11 от 15 августа 2012 года. Документ официально опубликован не был / / Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.11.2013).

5. *Решетников С. Н.* Роль правовой пропаганды в обеспечении национальной безопасности России / / Актуальные проблемы современной юридической науки и практики : межвуз. сб. науч. трудов. Изд-во Саратовского университета, 2009. Вып. 3.

6. *Султанов А. Р.* Рассмотрение дел об ограничении свободы распространения мнений и убеждений и запрете литературы в особом производстве – возвращение упрощенных недемократических карательных практик? / / Законодательство и экономика. 2012. № 12.

Г. Н. Токарева

ОБ УЧАСТИИ ПРОКУРОРА В КОМПЕНСАТОРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Как известно, 4 мая 2010 года вступили в силу Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [3, с. 2144] и Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ «О внесении изменений в от-

дельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» [4, с. 2145], тем самым ознаменовав появление в России нового вида судопроизводства – компенсаторного производства. Данный вид производства законодатель поместил в подраздел II ГПК РФ [2, с. 4532], тем самым показав, что относится его именно к исковому производству.

Принятие данного федерального закона, который устанавливал бы порядок компенсации нарушенных прав граждан и организаций на своевременное судебное рассмотрение поданных ими исков, можно сказать, назревало. Кроме всего, таковы требования Европейского Суда по правам человека. В п. l41 Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Бурдов против Российской Федерации» на Российскую Федерацию возложена обязанность введения в законодательство такого средства правовой защиты, которое обеспечивает действительно эффективное возмещение при длительном неисполнении судебных решений [9, с. 25].

Своевременность принятия закона, его социальная значимость в стране и за рубежом с учетом международных требований, в частности п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право каждого в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, абсолютно неоспорима [10, с. 2].

Статья 46 Конституции РФ [1] гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Право на судопроизводство в разумный срок не является основным правом, предусмотренным Конституцией РФ, а непосредственно вытекает из ст. 46 и 53 Конституции РФ, согласно которым должны соблюдаться сроки рассмотрения дел, установленные процессуальным законодательством. Но их нарушение может наступить и помимо действия (бездействия) суда или судьи, например в случае правовой и фактической сложности дела, поведения участников процесса. При этом вред лицам непосредственно в имущественной сфере не возникает, поэтому в анализируемом законе и говорится о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, а не о возмещении вреда. Производный характер права гражданина или организации на судопроизводство в разумный срок объясняется фактической невозможностью в каждом конкретном деле определить этот срок.

Право гражданина на судопроизводство в разумный срок является непосредственно действующим, вытекающим из основных прав и свобод, перечисленных в Конституции РФ, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства.

Как указано в Постановлении Европейского суда по правам человека «Бурдов против России № 2», государство несет объективную ответственность за недостатки своей судебной и исполнительной системы независимо от вины соответствующего государственного органа.

Право на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного акта в разумный срок имеет публично-правовую природу, поэтому Законом № 68-ФЗ установлен специальный порядок защиты прав, отличающийся от способа защиты прав, нарушенных незаконными действиями судов и иных государственных и муниципальных органов, предусмотренный в ГК РФ [8, с. 24].

Ни сам федеральный закон, ни гл. 22.1 ГПК РФ прямо не предусматривают участие прокурора в этом виде производства, однако в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Россий-

ской Федерации № 30/64 от 23 декабря 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушенные права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [5], а также в информационном письме заместителя Генерального прокурора РФ С. Г. Кехлерова от 22 сентября 2011 года № 8-12-2011 г. «О практике применения законодательства, регулирующего присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права исполнение судебного акта в разумный срок» [7] прямо указывается на данное обстоятельство.

Указанное выше информационное письмо устанавливает, что федеральные законы от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ норм, предусматривающих участие прокурора в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ в рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, не содержит и даёт отсылку с вышеназванному постановлению, в котором регламентировано участие прокурора в компенсаторном производстве.

Согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в защиту интересов гражданина, который относится к числу лиц, имеющих право требовать присуждения компенсации, и по состоянию здоровья, возрасту, другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд с таким заявлением [7]. Таким образом, в данном виде производства прокурор обращается в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан и наделяется процессуальными правами и обязанностями заявителя.

При рассмотрении заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в связи с длительным рассмотрением гражданских дел суды исходят из того, что нарушение сроков рассмотрения гражданского дела само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок.

В силу п. 2 ст. 1 Федерального закона № 68-ФЗ компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок присуждается в случае если такое нарушение имело место по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации [5]. Таким образом, перед составлением заявления в защиту прав, свобод и законных интересов граждан в рамках предварительной проверки прокурорам необходимо тщательно проверять добросовестность граждан, участвовавших в процессе, в интересах которых подается данное заявление.

Так, отказывая в удовлетворении заявления Г. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в связи с длительным рассмотрением гражданского дела по его иску к Г. о взыскании алиментов, Верховный суд Республики Башкортостан пришел к выводу, что срок судебного разбирательства по делу не может быть признан неразумным, поскольку дело без движения не находилось. Судом направлялись запросы в компетентные органы в целях выяснения дохода ответчика и наличия у него жилых помещений, что имело существенное значение для разрешения спора. Заявителю Г. судом дважды указывалось на необходимость предоставления подлинников поданных им документов, которые не были им своевременно предоставлены.

Решение суда оставлено без изменения определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 5 апреля 2011 года № 49-ГМ-15 [6].

На обязанность заявителя в гражданском деле «проявить усердие в предприятии зависящих от него мер ... и в рамках, предусмотренных действующим законода-

тельством, способствовать ускорению производства по делу» обращал внимание в ряде дел и Европейский суд по правам человека (постановление Европейского суда от 7 июля 1989 года по делу «Союз Алиментария Сандерс С.А. против Испании»). В решении от 2 марта 2006 года по делу «Сутяжник против Российской Федерации» Европейский суд указал, что на заинтересованную сторону возлагается обязанность проявить особое усердие при защите своих интересов [7].

Таким образом, несмотря на то что законодателем участие работников органов прокуратуры в компенсаторном производстве прямо не указано, прокурор имеет право в нем участвовать в интересах заявителя, в случае если последний по состоянию здоровья, возрасту, другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд с таким заявлением.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 ; 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7001.

3. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

5. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушенные права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 30/64 // РГ. 2011. № 5.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 апреля 2011 г. № 49-ГМ-15 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.12 2013).

7. О практике применения законодательства, регулирующего присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права исполнение судебного акта в разумный срок : Информационное письмо заместителя Генерального прокурора РФ Кехлерова С. Г. от 22 сентября 2011 г. № 8-12-2011 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.12. 2013).

8. *Андреев В. К.* О праве на судопроизводство в разумный срок // Российское правосудие. 2011. № 6 (62).

9. *Дихтяр А. И., Шеломанова Л. В.* Судебная практика по делам, связанным с требованиями о присуждении компенсации за нарушение права на гражданское судопроизводство в разумный срок // Российский судья. 2011. № 1.

10. *Фоков А. П.* Правосудие по делам компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах // Российский судья. 2011. № 2.

Д. Г. Третьяков

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема электоральной функциональности политических партий в постсоветской России неразрывно связана с эволюцией политической системы в целом в данный период. Становление многопартийности обусловливалось прежде всего

стремлением уйти от жесткой партийно-государственной системы, тотально контролирующей большую часть общественно-политических, социально-экономических и духовных процессов в советском обществе. Данный вектор был задан самим инициатором «перестройки», но послабления в этой сфере вскоре вышли из-под контроля генсека КПСС и стали развиваться на основе своей собственной логики. Ключевой движущей силой становления многопартийности стали разнообразные оппозиционные силы, объединенные стремлением максимально ослабить существующую политическую систему. После отмены ст. 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС начался процесс нормативной и организационной институциализации многопартийности. Свое практическое воплощение этот процесс получил в рамках альтернативных и конкурентных выборов. Избирательная система способствовала тому, чтобы в них могли успешно участвовать даже небольшие организации, которые возглавляли известные своей активной политической позицией оппозиционные лидеры. Данный успех стал одной из причин максимального закрепления демократических принципов функционирования многопартийности в Конституции РФ 1993 года.

Базовые принципы, определяющие место и роль политических партий в политической системе России, и принципы их функционирования закреплены в ст. 13 Конституции РФ:

«1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.

4. Общественные объединения равны перед законом.

5. Запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» [3].

Тем самым были закреплены базовые принципы плюрализма, альтернативности, конкуренции, равенства всех общественных движений. Политические партии не были выделены в качестве главных субъектов политической жизни страны. Более того, гл. 4 Конституции РФ, определяющая политический дизайн и ресурсы института Президента, характер его взаимоотношений с другими органами власти, ни словом не упоминает о его партийной принадлежности либо партийной деятельности как предварительного фильтра и условия, чтобы занять эту должность. То же самое характерно и для гл. 5 Конституции РФ, в которой прописаны прерогативы Федерального Собрания. В ней нет ни слова о партийной принадлежности депутатов Государственной думы и Совета Федерациии, констатируется, что порядок формирования Совета Федерации и порядок выборов депутатов Государственной думы устанавливаются федеральными законами [3]. Порядок формирования Правительства Российской Федерации и его функционирования (гл. 6) также никак не связан в Конституции РФ с его партийной принадлежностью или с партийными фракциями в парламенте.

Статья 30 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину «право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется.

2. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем» [3].

Таким образом, анализ Конституции РФ позволяет констатировать, что акцент в ней сделан не на институциализации политической функциональности зарождающейся многопартийности, а на индивидуальном праве российских граждан на участие в общественно-политической жизни страны. Скорее всего, законодатели рассчитывали на то, что обеспечив максимальные возможности гражданского участия, они тем самым обеспечат естественное формирование российских партий на основе социального движения снизу. Для того чтобы не сковывать эти инициативы и не загонять процесс партийного строительства в конституционно ограниченное русло, роль самих партий в Конституции Российской Федерации оказалась не прописанной. Впоследствии она закреплялась на уровне федеральных законов (ФЗ «Об общественных объединениях» 1995 года) [8], а также в рамках федерального избирательного законодательства [7, 9, 10]. Однако фактически на протяжении 1990-х годов в отношении партий доминировал принцип «первые среди равных», т. е. партии как субъекты политической жизни и электоральных процессов выступали фактически на равных с другими общественными объединениями.

В этой связи, на наш взгляд, вряд ли имеет под собой основание достаточно распространенная в отечественной политической науке точка зрения о ключевой роли российских политических партий и системы многопартийности в процессе становления и развития политического плюрализма в постсоветской России [11, с. 12–13]. Можно, скорее, говорить о том, что конституционно закрепленная возможность политического участия граждан и демократический потенциал политической функциональности политических партий не были реализованы в полной мере именно в результате их реальной политической слабости. Причины этого достаточно хорошо рассмотрены в исследованиях по истории становления российской многопартийности [2, 4, 5]. Большинство исследователей сходятся в том, что многие молодые российские партии не имели серьезных программ и, соответственно, социальной базы, что они были персоноцентричны и ориентированы на проведение своих лидеров на те или иные выборные должности [1, с. 117–125]. С этим нельзя не согласиться, но, как представляется, важно отметить, что первопричина в значительной степени была заложена именно в конституционном стимулировании естественного проявления максимального плюрализма общественно-политических движений. Поэтому в данный период проявились и сильные, и слабые стороны такого подхода к функциональности партий.

Формально борьба за власть между партиями осуществлялась с помощью воздействия на общественное мнение на основе публичной апелляции к традициям, идеалам и ценностям разных социальных групп российского общества. Именно поэтому западные исследователи и российские либералы до сих пор оценивают данный период как расцвет свободы слова и реальной многопартийности. Формально в это время партии выполняли весь классический набор функций – артикулирование и оформление социально-политических программ, ориентированных на интересы конкретных социальных групп, формирование установок и массовых настроений, функцию политической социализации, политического образования и воспитания, функцию рекрутирования и мобилизации и др.

Реально главная функция политических партий в данный период заключалась в том, что они выступали средством борьбы за обладание властным ресурсом в центре и на местах. Этот ресурс был необходим отдельным соперничающим группам, ведущим ожесточенную борьбу за приватизацию бывшей общенародной собственности. Желая получить власть и влияние в местных и федеральных органах, эти группы делали ставку на ту либо иную политическую партию, с помощью которой стремились провести своих представителей в выборные органы.

Стратегия укрепления политической системы и усиления роли государства в общественной жизни привело к тому, что процесс партийного развития был поставлен под контроль Администрации Президента Российской Федерации. Принятие закона «О политических партиях» формально не затрагивало конституционных основ, но фактически делало партии главным субъектом политических отношений между народом и властью. Принцип общественно-политических движений «первые среди равных» был заменен в отношении партий на принцип «единственные участники электоральных процессов», которые должны были вобрать в себя все другие общественные организации. Процессы кристаллизации партийной системы должны были привести к упорядочению партийно-идеологического пространства и минимизировать негативные последствия его чрезмерной фрагментации. Однако тем самым одновременно была значительно сужена возможность участия граждан в политической жизни вне партий, а следовательно, в некоторой степени нарушено закрепленное в Конституции отсутствие какой-либо партийной обусловленности такого участия. Особенно ярко данный недостаток проявился в условиях минимального количества зарегистрированных партий и невысокого уровня доверия граждан к действующим партиям. Это стало одной из причин массовых протестов 2011–2012 годов.

Последние изменения в законодательстве о партиях позволили значительно расширить спектр участия граждан в электоральных процессах, а возвращение к смешанной избирательной системе на выборах депутатов Государственной думы позволит устранить и фактическое нарушение конституционного права беспартийных граждан выдвигать свою кандидатуру в этот орган. Тем не менее прошедшие в сентябре 2012 и 2013 года выборы в различные органы власти показали, что даже резкое изменение количественных характеристик партийной системы не может существенно изменить функциональность российских политических партий, что уровень доверия к ним граждан продолжает оставаться невысоким. Обусловлено это тем, что не сложилась прочная социальная связь между действующими партиями и их избирателями и, соответственно, граждане не видят в политических партиях защитников своих интересов.

Партийная конфигурация и избирательная система за последние два с половиной десятилетия постсоветских преобразований менялись несколько раз, причем так быстро и столь радикально, что не могли выработаться устойчивые социальные связи между разными социальными группами и политическими партиями. Одним из факторов формирования такой связи видится законодательное закрепление партийности российского правительства. Сформированное на основе парламентского большинства, оно несло бы полную ответственность за предвыборные обещания партии, победившей на выборах в Государственную думу. Однако это требует повышение конституционного статуса политических партий, не пользующихся сегодня высоким доверием. Поэтому разорвать порочный круг одним простым решением не представляется возможным. Решать проблему целесообразно также за счет повышения политической и правовой культуры партийных лидеров и российских граждан, устранения грязных манипулятивных технологий, минимизации административного ресурса на выборах и т. д. Только в этом случае будут возможны реализация конституционно закрепленной функциональности политического участия российских граждан и формирование стабильной политической системы.

Список использованной литературы:

1. *Вилков А. А.* Трансформация партий в регионах и перспективы укрепления демократии в современной России (на примере Саратовской области) // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 4 (25).

2. *Заславский С. Е.* Политические партии России : Проблемы правовой институционализации. М., 2003.

3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. от 30 декабря 2008 г.) / / РГ. 1993. 25 дек. ; 2009. 21 янв.

4. *Коргунюк Ю., Заславский С.* Некоторые теоретические и методологические аспекты изучения российской многопартийности. М., 2004.

5. *Кулик А. Н.* Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции / / Мелешкина Е .Ю., Михалева Г. М. Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. М. : ИНИОН РАН, 2009.

6. *Пшизова С. Н.* Какую партийную систему воспримет наше общество? / / Полис. 1998. № 4.

7. О выборах Президента РФ : Федеральный закон от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ / / СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1924.

8. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ / / СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 2950.

9. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ / / СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2398.

10. Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ : Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ / / СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.

11. *Федоринов Е. В.* Политические партии в России в условиях становления и развития плюрализма : автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2002.

12. Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006.

Т. В. Троицкая

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Прошло двадцать лет с момента судьбоносного для нашей страны этапа принятия Основного Закона, ознаменовавшего новый поворот в развитии Российского государства.

Конституция страны, являясь отражением политических, национальных и культурных особенностей и традиций государства, призвана как закрепить существующие общественные отношения, так и создать правовые основы для будущего развития. Следовательно, Основной Ззакон государства должен обладать потенциалом правового, демократического, социального развития.

С. М. Шахрай отмечает: «Конституция имеет свое уникальное „лицо", поскольку в самом концентрированном виде отражает особенности культурно-исторического развития, идеи и ценности конкретного общества» [1, с. 49]. Основной закон государства – это документ, вобравший в себя особый набор правил, представлений, норм, лежащих в основе развития страны, являющихся базой для консолидации людей, осознания ими своей принадлежности к государству.

Двадцать лет – период недостаточный для подведения окончательных итогов реализации основополагающих принципов конституционного строя России, но существенный для определения стратегической линии перспективного конституционного демократического развития.

Сегодня следует констатировать, что процесс формирования нормативно-правовых основ построения «новой» России не завершен, продолжаются процессы реформирования всех структурных элементов политической системы страны. Встает вопрос о направлении вектора конституционно-правового развития России. В. А. Лебедев отмечает: «В настоящее время можно вести речь о новом этапе реализации Конституции РФ» [2, с. 2].

Формат настоящей статьи не позволяет остановиться на всех структурных эле-

ментах государственного и общественного развития. Речь пойдет о политическом компоненте, в основе которого лежат избирательно-правовые отношения.

По истечении двадцати лет в России, к сожалению, так и не сложился каркас избирательного права России – его избирательная система. В 2007 году существенное реформирование претерпели федеральные законы, регламентирующие порядок проведения выборов в нашей стране. В декабре 2007 года выборы депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации впервые прошли по пропорциональной избирательной системе. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 года глава государства подчеркнул: «… в выборах будут участвовать только политические партии. При этом списки кандидатов распределяются по региональным группам, и граждане будут точно знать, кто именно борется за право представлять их интересы в парламенте. Мы осознанно пошли на этот, по сути, революционный шаг, посерьезному демократизировали избирательную систему. И нужно прямо сказать, что прежние выборы по одномандатным округам не исключали проведение влиятельными региональными структурами так называемых „своих кандидатов" с использованием административного ресурса» [3].

Действительно, необходимо констатировать, что по своей сути пропорциональная избирательная система при соблюдении определенных условий является более демократичной и способствует расширению оппозиционными политическими партиями своего представительства в законодательных органах власти. Еще В. М. Гессен в XIX веке полагал, что «для того, чтобы народное представительство являлось действительно представительством народа, необходимо отказаться от мажоритарной системы, искажающей народную волю. При пропорциональных выборах народное представительство становится тем, чем оно должно быть по своей природе: политической картой, или зеркалом страны» [4].

Российский непродолжительный опыт применения пропорциональной избирательной системы при нормативном закреплении высокого заградительного барьера, невозможности образования избирательных блоков, существовании жестких списков кандидатов не способствовал активизации развития политической системы страны. Более того, ежемесячная корректировка избирательного законодательствапорой тормозила выработку избирательных традиций как у граждан, так и у политических партий.

В декабре 2011 года Президент России в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации объявил о начале «комплексной реформы политической системы страны» [5], что можно рассматривать как основу смены вектора развития государства и общества. Поправки, внесенные в федеральные избирательные законы (понижение избирательного барьера, минимального числа членов политической партии), констатируют возврат к истокам демократического развития нашей страны. Последние законодательные инициативы политического руководства страны свидетельствуют о перспективе возврата смешанной избирательной системы, возможности отказа от пропорциональной избирательной системы на уровне городов федерального значения. Данные нововведения говорят о том, что за последние, как минимум, десять лет не было сделано ни одного шага на пути демократического развития избирательного законодательства. С. А. Денисов констатирует: «Принятые за последние годы нормы избирательного законодательства направлены на ограничение свободы выборов» [6, с. 33]. Более того, в связи с отсутствием в стране стабильного законодательства, регламентирующего деятельность политических партий, прервана нить развития политической системы российского общества. Новые политические силы начала 1990-х годов не смогли соответствовать высоким требованиям, предъявляемым

к минимальному численному составу партий, и покинули политическую арену.

При оценке подобных непоследовательных реформ встает вопрос и об их соответствии Конституции страны. Когда на основе одних и тех же конституционных норм осуществляется диаметрально противоположное нормативное регулирование, напрашивается вывод о существовании так называемой гибкой Конституции, когда последнюю подстраивают под потребности политического руководства.

Нормы Конституции государства являются основополагающими для общества, государства, статуса личности. «Если на этапе появления Конституции к ней предъявляется требование соответствовать зародившимся или зарождающимся общественным отношениям, то в дальнейшем к этим общественным отношениям предъявляется требование соответствовать Конституции» [7, с. 40].

Тенденции российского конституционного развития вкупе с не оправдавшими себя представлениями о модели демократического развития России натолкнули ученых на дискуссионные рассуждения о возможности модернизации Основного Закона нашей страны. Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ профессор С. А. Авакьян в статье «Нужна ли конституционная реформа в России» [8, с. 3] одним из первых поднял вопрос о несовершенстве содержания Конституции Российской Федерации 1993 года и на страницах журнала «Конституционное и муниципальное право» пригласил ученых подискутировать на данную тему. Актуальная проблематика нашла живой отклик у многих ученых. Так, заслуженный юрист Российской Федерации профессор Н. А. Боброва в канун 20-летия Конституции Российской Федерации назвала 20 ее недостатков [9, с. 33].

Безусловно, ученые правы, когда, анализируя Основной Закон, подчеркивают пробельность конституционного регулирования в вопросах закрепления основ гражданского общества, механизма реализации демократических институтов, принципов федеративного устройства, реализации принципа разделения властей. Вместе с тем размах подобных дискуссий не может не вызывать серьезных опасений, в том числе связанных с потерей авторитета Основного Закона страны. В настоящее время отсутствуют предпосылки для кардинальных конституционных преобразований. Подобная легкость, с которой обсуждаются подобные инициативы, вызывает опасность «пренебрежительного» отношения к Основному Закону страны и, как следствие, потере многих демократических «завоеваний».

В 2008 году страна была свидетелем скоротечного изменения двух статей Конституции. При так называемой жесткости российской Конституции потребовалось несколько месяцев для поддержания президентской инициативы относительно увеличения срока президентских полномочий и закрепления контрольных полномочий Государственной думы над деятельностью Правительства России.

7 октября 2013 года Президент РФ внес в Госдуму проект закона о поправке в Конституцию РФ «О Верховном Суде РФ и прокуратуре РФ». Речь идет о создании объединенного суда на базе Верховного и Высшего арбитражного суда РФ. В. В. Путин отметил: «Целью данного реформирования является обеспечение единых подходов к разрешению споров с участием как граждан, так и организаций, а также споров с органами государственной власти и органами местного самоуправления». Более того, вероятна возможность назначения Председателя «нового» Верховного суда РФ Президентом России.

Сегодня модернизация Основного Закона страны не приведет к активизации демократического развития ее политической системы. В. Т. Кабышев еще в 2006 году отмечал: «Главная причина сегодняшнего кризиса не в Конституции, а вне ее самой. Причина кроется в реальном соотношении социально-политических сил, в правовой культуре общества, в том, как действует юридическая Конституция в жизни» [10, с. 5].

Это высказывание и по сей день не потеряло своей актуальности. Современный этап конституционно-правового развития говорит о необходимости реализовать демократический потенциал Конституции России.

Массовые выступления населения после выборов в декабре 2011 года показали, что в России все же формируются зачатки гражданского общества, «болеющего» за будущее своей страны. Современные реалии развития российского общества диктуют необходимость «уступки» обществу, выражающейся в политике невозможности ограничения конституционных прав и свобод и, как следствие, перехода от номинальной Конституции к реальной.

Список использованной литературы:

1. *Шахрай С. М.* Урок Конституции / / Конституционный вестник. 2013. №3 (21).
2. *Лебедев В. А.* Главное – конституционализм! (Пути развития российской демократии) / / Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 26.04.2007. URL: consultant.ru / document / cons (дата обращения: 20.10.2013).
4. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. 2-е изд. Пг., 1918. URL: base.garant.ru (дата обращения: 25.10.2013).
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 22.12.2011. URL: kremlin.ru (дата обращения: 20.10.2013).
6. *Денисов С. А.* Конец этапа контрреформ в государственном праве России? / / Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5.
7. *Авакьян С. А.* Конституция России : природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 40.
8. *Авакьян С. А.* Нужна ли конституционная реформа в России / / Конституционное и муниципальное право. 2012. №9.
9. *Боброва Н. А.* 20 лет и 20 недостатков Конституции России / / Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3.
10. *Кабышев В. Т.* Предисловие / / Саратовский проект Конституции России. М., 2006.

Н. В. Тюменева

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ И КОНСТИТУЦИЙ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РФ

Конституция РФ, закрепляя федеративные основы государственного устройства, наделила республики в составе России правом иметь собственное законодательство и принимать республиканские конституции (ст. 5 Конституции РФ). Республика как субъект федерации – это единственная конституционно-правовая форма, определяемая в самой Конституции РФ как государствоподобное образование (ч. 2 ст. 5), которое имеет свои конституцию и законодательство.

Это конституционное положение обусловило ситуацию, при которой с 90-х годов XX века Россия вынуждена была определенное время сохранять (вплоть до современного периода) неравное положение субъектов [1, с. 100]. Это выразилось в волне двусторонних договоров республик и Федерации [2], наделяющих республики гораздо большим объемом властных полномочий по сравнению с закрепленным в Конституции РФ. Период «суверенизации» союзных республик 90-х годов XX века сменился в начале XXI века периодом централизации государственной власти [3]. Поэтому от практики договорного регулирования отказались в пользу единства законодательного регулирования.

Таким образом, российское законодательство формировалось в России в конце XX столетия на фоне конкуренции двух разнонаправленных тенденций – с одной стороны, формирования единого федеративного пространства и централизации государственной власти, а с другой – практики договорного строительства и наделения

республик большим объемом полномочий, чем предусмотрено Конституцией РФ, при попытке максимально широко толковать собственную компетенцию и легитимировать ее в региональных конституциях [4, с. 8]. На практике это привело к кризису системы – федерация утратила существенные элементы своего суверенитета, законность и правопорядок находились в состоянии глубокой нестабильности [5, с. 2].

В настоящее время на региональном уровне действует более 400 тыс. различных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы повседневной жизни в российских регионах. Это объясняется тем, что субъект РФ обязан принимать законы в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами, а следовательно, возникает обязанность, но не право принятия законов. Причем попытка регулировать какие-либо общественные отношения не законом, а иным нормативным правовым актом оборачивается для субъектов РФ нарушением не только федерального законодательства, но и требований ст. 15 и 76 Конституции РФ.

Очевидна трансформация права субъектов в обязанность принимать соответствующие законы субъекта. Однако при этом делается оговорка, что закон субъекта будет действовать до принятия федерального закона по аналогичному вопросу и закон субъекта РФ должен быть приведен в соответствие с вновь принятым федеральным законом. Заполнение таким путем правового вакуума в значительной степени влияет на увеличение общего массива законов каждого субъекта РФ.

Однако количество принятых региональных законов не всегда сопровождается качеством и свидетельством тому многочисленные дефекты – коллизии, пробелы, параллелизмы и пр. Наиболее существенные противоречия содержатся в конституциях республик и касаются прежде всего их конституционно-правового статуса. Так, республиканские конституции закрепляют их статус как суверенных государств [6] с соответствующими принципами основ конституционного строя, с разграничением предметов ведения и полномочий между органами государственной власти республик и федеральными органами, а также правом республики иметь международные и внешнеэкономические связи, самостоятельно заключать соответствующие договоры и соглашения.

В ряде решений Конституционного суда РФ (далее – КС РФ), где рассматриваются вопросы, относящиеся к федеративной природе Российского государства, содержатся положения, направленные на защиту интересов субъектов РФ. Так, в постановлении от 18 июля 2003 года № 13-П закреплена недопустимость неправомерного вмешательства федерального законодателя в сферу компетенции исключительно субъектов Российской Федерации [7]. Соответственно, за субъектами признается право иметь свою правовую систему как элемент правовой системы России. КС РФ также ограничил полномочие судов общей юрисдикции рассматривать дела о несоответствии конституций (уставов) субъектов РФ Конституции РФ и федеральным законам и право прокуратуры обращаться в суды общей юрисдикции «с заявлением о признании положений конституций и уставов субъектов РФ противоречащими федеральному закону». На защиту прав субъектов РФ направлен ряд других решений КС РФ [8].

Однако при защите принципов федерализма [9] недопустимо вторжение субъектов РФ в предметы ведения и полномочия суверенного Российского государства. КС РФ усматривал несоответствие многих нормативных правовых актов субъектов РФ Конституции РФ и федеральным законам. При этом суд ставил вопрос об ответственности органов государственной власти субъекта РФ за нарушение последними их конституционных обязанностей вплоть до федерального вмешательства и воздействия на нарушителей конституционного правопорядка [10].

Принятые государством меры не повлияли на приведение регионального за-

конодательства в соответствие с федеральным [11, с. 319] в части объема полномочий субъектов Федерации, а значит, не исключили возможность строить федерацию на «разделенном суверенитете». Несмотря на решение КС РФ об исключении положений о суверенитете из конституций субъектов Российской Федерации, норма о государственном суверенитете сохранилась в республиканских конституциях.

Для региональных парламентариев поводом для создания и сохранения конституционной нормы об особом статусе республик послужила ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, в которой применительно к республикам употребляется (правда, в скобках) наименование «государство». Последнее обстоятельство стало причиной достаточно устойчивых гипертрофированных представлений о том, что в Конституции РФ якобы признается государственный суверенитет республик, которые, к тому же, обладают «более высоким» конституционным статусом по сравнению с остальными субъектами Федерации.

Однако КС РФ указал, что использование в ч. 2 ст.5 Конституции РФ применительно к установленному ею федеративному устройству понятия «республика (государство)» не означает признания государственного суверенитета этих субъектов Федерации, а лишь отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера. По смыслу преамбулы и ст. 3–5, ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 65, ст. 66 и п. «б» ст. 71 Конституции РФ в их взаимосвязи, республики РФ не имеют статуса суверенного государства и решить этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут, а потому не вправе самостоятельно наделять себя свойствами суверенного государства даже при условии, что их суверенитет признавался бы ограниченным [12].

Иными словами, элементом государства является не просто публичная, но суверенная власть. Суверенность и государственность есть качественно разные степени самостоятельности [5, с. 4–5]. Следовательно, юридически ничтожно провозглашение суверенитета как республик, так и иных субъектов.

Что такое статус субъекта федерации? Это базовый видовой статус территориальной единицы государства, включающий правообязанности, вытекающие из самого нахождения в составе федерации (на осуществление власти на своей территории, принятие законов, формирование собственных органов власти и тд.), и права и обязанности в отношениях с федерацией (на законодательную инициативу, обращение за защитой своих прав в высшие суды и т. п.) [13, с. 13]. Следовательно, наделять республики независимостью от федерального центра ничтожно, и в конце 1990-х годов это являлось всего лишь политической «уловкой».

Данное противоречие породило организационно-функциональные изменения в полномочиях органов и государственной власти субъектов. Так, например, в Конституции Карачаево-Черкесской республики (далее – КЧР) закреплен принцип национального представительства – основной при формировании Президиума Правительства Карачаево-Черкесской республики [14]. Во-первых, данная конституционная норма не конкретизирована в текущем законодательстве и то,каким образом определять процент этнических представителей в госорганах, не раскрыто. Во-вторых, на практике формирование руководящих органов государственной власти с учетом национального представительства, распространившееся и на иные органы государственной власти, породило «возможность иметь „своих" этнических представителей в высших „коридорах республиканской власти", в связи с чем „в республике сложилась этнократическая система правления"» [15]. Полагаем, что ч. 3 ст. 92 Конституции КЧР следует считать дискриминационным и противоречащим ч. 2 ст. 19 Конституции РФ.

Итак, очевидно противоречие между федеральной Конституций и конституту-

циями республик, провозгласивших себя суверенными государствами. Опасность таких доктринальных противоречий сегодня заключается даже не в том, что обычным юридико-техническим способом их не устранить, а в том, что их преодоление тесно связано с перестройкой, «перекраиванием» всей государственно-правовой надстройки и поэтому выходит за рамки собственно права.

Полагаем, что устранение доктринальных противоречий Конституции РФ и конституций республик должно осуществляться в интересах многонационального народа РФ и суверенного государства. Более того, с точки зрения доктрины национальной безопасности для многонационального государства крепкая вертикаль власти крайне важна. Это возможно лишь путем самоограничения республик. Именно такой процесс добровольной уступки федеральному центру представляет собой наиболее оптимальную и цивилизованную форму правопорядка.

Список использованной литературы:

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 2. М., 2005.

2. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе РФ // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2013).

3. См., например: *Златопольский Д. Л.* Разрушение СССР (размышления о проблеме). М., 1998 ; *Станкевич З. А.* Историко-правовые аспекты распада СССР : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002 ; *Шумков Д. В.* Государственный суверенитет России : история и современность. СПб., 2002 ; *Никишов В. В.* Государственный суверенитет и федерализм в контексте политических процессов Российской Федерации // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2008. № 4 ; *Невинская Е. В.* Верховенство Конституции РФ как отражение государственного суверенитета России // Российский юридический журнал. 2008. № 3 ; *Эбзеев Б. С.* Глобализация и государственное единство России / отв. ред. Б. С. Эбзеев. М., 2006 и др.

4. *Тихомиров Ю. А.* Нормативное регулирование : взлет или кризис? // Журнал российского права. 2006. № 4.

5. *Осипян С. А.* Государственно-правовые реформы и проблемы модернизации принципов федерализма, организации единства государственной власти // Современное право. 2008. № 1 (1).

6. См. подробнее: Ст. 1 Конституции Республики Северная Осетия-Алания от 12 ноября 1994 г. (с изм. от 29 декабря 2012 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2014) ; Ст. 1 Конституции Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 г. (с изм. от 8 июня 2012 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2014) ; Ст. 1 Конституции Удмуртской республики от 07.12.1994 г. № 663-XII (с изм. от 16.10.2003 г. № 40-РЗ) // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2014) и др.

7. По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан : Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3101.

8. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 12-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803 ; По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона Псковской области «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» : Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2004 г. № 10-П // СЗ РФ. 2004. № 21. Ст. 2094.

9. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» : Постановлении от 4 апреля 2002 г. № 8-П // СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.

10. По делу о проверке конституционности положений ст. 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П / / СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.

11. *Максюта Н. А.* Региональное нормотворчество в Российской Федерации / / Федерализм и регионализм : приоритеты XXI века. Материалы международной научной конференции / под общ. ред. М. А. Миндзаева. Владикавказ, 2007.

12. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П / / СЗ РФ.2 000. № 25. Ст. 2728.

13. *Иванов И. И.* Вопросы теории государственного устройства / / Журнал российского права. 2002. № 1.

14. Ч. 3 ст. 92 Конституции Карачаево-Черкесской республики от 5.03.1996 г. (с изм. от 6.01.2014 г.) / / СПС «Гарант» (дата обращения: 10.01.2014).

15. *Гудимов А.* «Национальная мина» в руках нового главы КЧР. URL: http: / / www.caucasustimes.com / article.asp?id=17132 (дата обращения: 10.01.2014.).

Ю. В. Франциформов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Вопросы, связанные с принятием мер по предупреждению и искоренению коррупции находятся в центре внимания ряда международных документов, таких как Конвенция против коррупции ООН, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок Организации экономического сотрудничества и развития, поскольку коррупция – это транснациональное явление, затрагивающее интересы всех государств.

В России правовой основой противодействия коррупции являются Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Деятельность правоохранительных органов, связанная с расследованием преступлений коррупционной направленности, регулируется уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Так, Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений, наиболее распространенным и опасным среди которых является взяточничество (ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ), поскольку оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие [3, с. 10].

Расследование коррупционных преступлений, таких как взяточничество, мошенничество, присвоение или растрата, коммерческий подкуп, служебный подлог, провокация взятки или коммерческого подкупа, предусмотренных ст. 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ, должно осуществляться при соблюдении принципов уголовного судопроизводства, в основе которых лежат требования законности при производстве по

уголовному делу и охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем современное состояние законодательства и правоприменительной деятельности создает предпосылки для обоснования предложений по поводу совершенствования уголовно-процессуальных и уголовно-правовых мер противодействия преступлениям коррупционной направленности, поскольку функционирование данного механизма должно способствовать реализации таких постулатов уголовно-правовой политики, как научная обоснованность, социальная предопределенность, соответствие международным стандартам и неотвратимость ответственности [1, с. 120].

Уголовные дела, возбужденные по преступлениям коррупционной направленности, являются делами публичного обвинения, которые, прежде чем будут направлены в суд для рассмотрения их по существу, должны пройти стадию предварительного расследования, предусматривающего собирание, проверку и оценку доказательств, позволяющего принять решение о виновности или невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. В ходе расследования должны быть обеспечены права и законные интересы личности, общества и государства, так как смещение приоритетов в сторону личности не позволит обеспечить защиту интересов государства, поскольку интересы личности не всегда совпадают с интересами государства, приоритет интересов которого может привести к обвинительному уклону. Вместе с тем приоритет в расширении прав личности неминуемо ведет к сужению возможностей органов предварительного расследования и уменьшает потенциальные возможности государства по выполнению конституционной обязанности, возложенной на него ст. 2 Конституции РФ и устанавливающей, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства.

Расследование коррупционных преступлений представляет определенную сложность, так как этим преступлениям свойственна высокая латентность, а участников данных преступлений объединяют недоверие к органам, осуществляющим предварительное расследование, и надежда на помощь со стороны коррумпированных представителей властных структур.

Возбуждение уголовных дел по коррупционным преступлениям сопровождается комментариями в средствах массовой информации и демонстрацией отдельных оперативных данных с выводами корреспондентов о виновности лица в совершении преступления.

С этим связано возникновение существенных трудностей в расследовании данных преступлений, поскольку осложняется работа со свидетелями и подозреваемым, получившими сведения от СМИ о виновности подозреваемого во внесудебном порядке.

Тщательная маскировка преступников, умение своевременно скрыть следы преступления далеко не всегда позволяют осуществить расследование по уголовному делу в разумный срок, поскольку проведение всего комплекса следственных действий и сбор достаточной совокупности доказательств требуют серьезных временных затрат (особенно в условиях всяческого противодействия со стороны защиты) [2, с. 15].

Сложность расследования коррупционных преступлений обусловлена, в зависимости от возникшей следственной ситуации, принятием различных решений, способных повлиять на результативность деятельности следователя.

В том случае, когда лицо задержано в момент совершения преступления и получено достаточно фактических данных, указывающих на признаки преступления, следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дело и приступает к

его производству. Данная ситуация позволяет судить о том, что в деле появился подозреваемый, который вправе знать, в чем он подозревается, получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела, иметь адвоката для защиты его прав и интересов, а также оказания юридической помощи.

Учитывая сложность сбора и оценки доказательств, указывающих на совершение конкретного коррупционного преступления, следователю необходимо попытаться прийти к взаимовыгодному соглашению с подозреваемым, предусмотренному уголовно-процессуальным законодательством, предложив ему рассмотреть вместе с защитником возможность заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (т. е.применения гл. 40.1 УПК РФ), указав на то, что следствие имеет достаточное количество доказательств для предъявления подозреваемому обвинения.

Следует учитывать анализ судебной практики по рассмотрению уголовных дел в порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В частности, по делам о совершении преступлений коррупционной направленности, при условии что следствие установит весь механизм данного преступлений, в том числе способы получения взяток, распределение незаконно полученных денежных средств между участниками преступной группы, долю участия каждого лица преступной группы в совершении преступлений, а именно во всех или большинства эпизодах получения взяток, суд может назначить наказание, не связанное с лишением свободы в отношении лица, заключившего соглашение о досудебном сотрудничестве, учитывая, что уголовное дело в отношении него было выделено в отдельное производство.

Подозреваемый после консультации со своим защитником вправе заявить ходатайство о заключении данного соглашения с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия. Однако для следователя важно, чтобы согласие подозреваемого о заключении соглашения о досудебном сотрудничестве было дано в самом начале следствия, поскольку для окончательного решения о возможности заключения соглашения с подозреваемым его следует согласовать с руководителем следственного органа и получить разрешение прокурора, который вправе удовлетворить ходатайство следователя о заключении соглашения о сотрудничестве или отказать в его удовлетворении.

При согласии подозреваемого заключить соглашение о сотрудничестве следователь допрашивает его с участием защитника. При допросе подозреваемому следует назвать всех участников преступной группы, а следователю необходимо отразить в протоколе полученную от подозреваемого информацию, а также то, какие действия надо этому лицу совершить при заключении соглашения о досудебном сотрудничестве. Этой процедурой устанавливается желание подозреваемого содействовать следствию в раскрытии и расследовании преступления. После этого подозреваемому следует разъяснить последствия, установленные ст. 317.8 УПК РФ, в случае если он умышленно сообщит ложные сведения или скроет от следствия какие-либо существенные сведения.

По окончании допроса, получив ходатайство о заключении соглашения, следователь направляет его вместе с мотивированным постановлением прокурору для возбуждения данного ходатайства.

При положительном решении вопроса о досудебном соглашении прокурор, в соответствии с ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ, приглашает следователя, подозреваемого и его защитника для составления досудебного соглашения о сотрудничестве.

После заключения соглашения следователю необходимо подробно допросить подозреваемого, используя видеозапись, с целью выявления всех лиц, а также доли их

участия в совершенных преступлениях, определения механизма преступной деятельности, закрепления полученной информации и преобразования ее в доказательства.

В дальнейшем вполне уместно производство предъявления для опознания, проверки показаний на месте и очной ставки, которая может быть весьма необходима между лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, и иными участниками преступной группы, не признающими своей вины в данном преступлении.

При вынесении прокурором постановления об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве оно может быть обжаловано следователем, подозреваемым или защитником вышестоящему прокурору. При отказе подозреваемого и его защитника от заключения соглашения о сотрудничестве следователь планирует собирание, проверку и оценку доказательств в общем порядке, в основе которого лежит выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ с помощью следственных и иных процессуальных действий по изобличению лица в совершенных преступлениях.

Таким образом, в деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений коррупционной направленности не следует исключать возможность применения института досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретных лиц, поскольку в основе правильного использования механизма данного расследования лежит экономия средств, времени, обеспечивается охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности и общественного порядка.

Список использованной литературы:

1.*Авдеева О. А.* Наказание как мера противодействия преступности : ретроспективный анализ законодательной регламентации в национальном праве // Криминолог. 2013. № 1.

2. *Горюнов В. В.* Вопросы реализации прокурором полномочий по заключению досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 10.

3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // РГ. 2013. 17 июл.

В. А. Фурсов

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ

Криминологическая обстановка во всех регионах нашей страны на фоне процессов экономического и правового реформирования существенно меняет свое содержание и «окраску». Об этом могут свидетельствовать следующие статистические данные.

За последнее десятилетие динамика преступности несовершеннолетних росла в несколько раз быстрее, чем общее число несовершеннолетних среди населения. Это подтверждается и данными криминологического прогноза за 2002–2005 год в г. Москве: рост преступности несовершеннолетних обратно пропорционален динамике юношеской популяции, преступность за 10 лет возросла на 30%, а население данной возрастной категории уменьшилось на 21%.

Ю. М. Антонян в своих «Избранных лекциях» в 2004 году, да и позднее, обращает внимание на заключение экспертов в области криминологии: преступность несовершеннолетних в России фактически в 4–5 раз превышает уровень зафиксиро-

ванной официальной статистики. Вместе с тем эта же статистика отражает постоянный рост преступности несовершеннолетних [1, с. 25].

Рост преступности несовершеннолетних оказывает влияние не только на динамику общей преступности, т. е. преступность в целом, но и ее сегментарных видов.

Следует отметить, что среди рецидивистов почти две трети тех, кто начинал преступную деятельность не достигнув совершеннолетия. Отсюда и опосредованная связь преступности несовершеннолетних с организованной преступностью и криминальным профессионализмом.

Преступления несовершеннолетних мало чем отличаются от деяний, совершаемых взрослыми, и – что важно – это касается несовершеннолетних обоего пола, а их криминальное поведение приобретает признаки насилия, жестокости, агрессивности.

Даже такой краткий обзор позволяет сделать вывод о том, что борьба с преступностью несовершеннолетних должна быть в корне изменена, и выбрать одно, если не самое главное, направление в борьбе с криминальными явлениями.

Более того, современный период отличается недооценкой комплексного видения решения уже имеющихся проблем в силу искусственного сегментарного разделения профилактики преступности и социальных девиаций несовершеннолетних.

Позитивному влиянию подвергаются лишь частично проявившиеся аспекты девиаций подрастающего поколения, но в силу недооценки либо неверно расставленных акцентов влияние не достигает желаемых результатов.

Современная картина преступности несовершеннолетних имеет свои особенности, отражающиеся в ее уровне, структуре, динамике, детерминантах и мотивации криминального поведения. Нельзя сбрасывать со счетов – более того, следует учитывать – специфические формы девиантного поведения молодежи, складывающиеся на основе изменения общих социальных условий, экономические, многокультурные, конфессиальные, национальные особенностей развития различных регионов нашей страны.

Автор настоящей статьи ранее уже пытался выделить детерминанты преступности. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что их достаточно много и каждая оказывает серьезное влияние.

К примеру, В. А. Волынский и И. В. Тишутина это определяют так: «Преступность как социальное явление теснейшим образом связана с экономическими процессами, происходящими в нашей стране. В последние годы росту преступности в России способствовали следующие причины:

– неравномерность социально-экономического развития различных регионов страны;

– резкое разделение общества на бедных и богатых при фактическом отсутствии так называемого среднего класса;

– обострение (вплоть до военных конфликтов) межнациональных отношений;

– возросшая и во многом неконтролируемая миграция населения стран СНГ»[2 с. 34].

Структура таких причин в большей или меньшей степени одинакова для большинства регионов России. Но если их рассматривать через призму конкретного территориального объединения, то к структуре рассматриваемых нами детерминант будут либо приплюсовываться, либо отсутствовать некоторые специфические проблемы, присущие только конкретному региону.

Следует, на наш взгляд, глубоко проанализировать и оценить еще одну имеющуюся проблему – это резкое падение уровня уважения к закону, нигилистическое отношение к нему и, как результат, его неисполнение.

Естественно, различны причины и основания, по которым рассматриваемая нами категория несовершеннолетних тяготеет к относительно ограниченному числу «привлекательных» для них видов преступлений. И что особенно важно для анализа рассматриваемого нами явления – поражаемость несовершеннолетних и молодежи криминалом динамичнее, чем взрослого населения. Но если в анализ включать наличие широко распространенной так называемой малолетней преступности (ошибка законотворчества?), высокой латентности преступности несовершеннолетних, а также определенную снисходительность законов и властей к их преступлениям, когда деяния по разным причинам не попадают в официальную статистику, и ряд других обстоятельств, то реальная криминальность несовершеннолетних оказывается примерно в 2–3 раза выше криминальности взрослого населения.

В границах существующих субъектов федерации, районов и целых регионов страны складываются своеобразные демографические, культурные и социально-экономические условия, неравномерно проходят экономические и политические реформы. Все это, естественно, отражается на количественных и качественных показателях преступности, в том числе и среди несовершеннолетних, обусловливая особенности складывающейся в тех или иных регионах, городах и районах криминологической обстановки.

Принято считать, что все преступления несовершеннолетних, зарегистрированные или нет, являются «действительно преступностью несовершеннолетних». Как человек практики, могу утверждать, что реальные границы данного вида преступности значительно шире предполагаемых – известна лишь ничтожная часть всех совершаемых преступлений. Скрытые преступления несовершеннолетних – это закрытая информация о соответствующей преступности, и, как видится, для того чтобы проанализировать ее и сделать выводы, необходимо волевое решение об изменениях в государственной статистике в области учета преступности несовершеннолетних, в статьях УК РФ.

Если сказать кратко, то политика борьбы с преступностью несовершеннолетних должна быть направлена прежде всего на создание в стране антикриминальной социальной среды и нетерпимости к преступности. Проблемы следует решать еще до того, как они становятся острыми, а потому антикриминальная социальная среда должна быть активной и способной эффективно воздействовать на криминальную среду, минимизировать ее проявления.

Несовершеннолетние, совершающие преступления, всегда зависят от общества и в свою очередь оказывают влияние на него. Поэтому преступное поведение несовершеннолетних представляет собой некий срез с социального портрета общества. Общественные связи несовершеннолетнего внутри социума являются предметом социологического исследования, в то же время это особое направление криминологического анализа. Мы имеем в виду анализ именно общественных взаимосвязей преступлений несовершеннолетних – представленные изолированно от общественных отношений, они мало о чем говорят. Мы полагаем, что они наполнены социальным содержанием, а потому должно изучать их в системе общественного развития, не разрывая проблемы влияния на несовершеннолетних всех внешних факторов.

Список использованной литературы:

1. *Антонян Ю. М.* Криминология. Избранные лекции. М. : Логос, 2004.
2. *Волынский А. Ф.*, *Тишутина И. В.* Некоторые проблемы реализации социальных функций криминалистики. М. : Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2009.

А. Ю. Цаплин

УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Непременным атрибутом демократических конституций являются положения, посвященные информационно-политическим правам и свободам. В российской конституции это прежде всего статьи 23 и 24, где конкретизируется право человека на частную жизнь, и статья 29, в которой провозглашается свобода печати и информации. С их помощью происходит определение положения человека в информационно-коммуникационном пространстве в правовой системе координат, характеризуемое такими категориями, как права, обязанности, свобода, ответственность, статус и т. д. Конституционные положения задают некую модель организации информационной сферы, которая может сильно отличаться от реального положения вещей. Оперируя правовыми категориями, очень сложно определить реальное положение индивида в информационно-коммуникационном пространстве. По большей части это задача политической науки, решение которой требует разработки новых аналитических концепций и специального категориального аппарата, соответствующих реалиям современного общества. Для оценки не только правового, но и политического положения индивида в информационном пространстве мы предлагаем использовать понятие «информационный суверенитет».

Это положение сегодня, как и само информационное пространство, существенно отличается от того, которое было в индустриальном обществе. Появились принципиально новые средства электронной коммуникации, открывающие большие возможности для интерактивного взаимодействия без пространственных и временных ограничений. Снизилась стоимость производства и распространения информации, что привело к увеличению плотности информационных потоков. В этих условиях информация становится новостью только в том случае, если она освещается СМИ. СМИ же получили возможность отделять политическую реальность от человека или даже создавать виртуальные образы мира [1, с. 41].

В информационной сфере современного общества положение индивида существенно видоизменилось. Если раньше отдельный индивид был лишен возможности производить массовые информационные продукты (кроме общественного мнения), то с появлением электронных средств коммуникации у него появилась возможность производить информацию для массового потребления. Новые компьютерные технологии значительно оптимизировали процессе поиска, хранения, обработки и передачи информации. Благодаря Интернету у индивида появилась свобода выбора информации, возможность удовлетворять свои самые разнообразные информационные потребности и интересы.

Для характеристики всех этих процессов, происходящих в информационной сфере, понятие «информационный суверенитет» подходит как нельзя лучше. Одним из первых этот термин в политологический лексикон для характеристики деятельности СМИ ввел саратовский исследователь А. В. Россошанский. Под информационным суверенитетом он понимает «способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике и использовать информацию как ресурс политического влияния в тех масштабах и объемах, которые соответствуют его текущему и долгосрочному политическим интересам» [2, с. 91]. Это определение применимо и в нашем случае, но оно нуждается в некоторых дополнениях и конкретизации, что позволило бы лучше раскрыть аналитический потенциал предлагаемого концепта применительно

к предмет;у нашего исследования. Исходя из этого под термином «информационный суверенитет личности» мы будем понимать:

1) право человека контролировать сбор, хранение и распространение информации о себе.

2) возможность выбора индивидом информации, соответствующей его интересам и позволяющей принимать рациональные политические решения.

Теперь об угрозе.

В жизни современного человека используется все больше и больше разнообразных информационно-компьютерных технологий – для межличностного взаимодействия, накопления и хранения персональной информации. Причем роль их постоянно возрастает и сегодня очень сложно представить свою жизнь без сотовой связи, электронной почты, персонального компьютера, кто-то не может представить свою жизнь без социальных сетей. В результате мы оказываемся в той или иной степени включенными в глобальную информационную сеть и это не только открывает большие возможности, но и порождает определенный риск или даже угрозу вторжения в частную жизнь, разглашения конфиденциальной информации. Как выясняется, сегодня заниматься прослушиванием телефонных разговоров стало намного проще, чем это было раньше. Благодаря разоблачениям Эдварда Сноудена всем стало известно, что Агентство национальной безопасности США на протяжении уже долгого времени занимается перехватом телефонных разговоров и смс-сообщений не только в своей стране, но и по всему миру. Так, был установлен факт доступа к системам китайских операторов мобильной связи. И таких примеров достаточно много. АНБ ежедневно собирает порядка 5 млрд записей о местонахождении пользователей мобильных телефонов по всему миру [3].

Еще более активно ведется слежка за пользователями Интернета. В прошлом году АНБ каждый день собирала персональные данные 700 тыс. клиентов почтовых служб ***Yahoo***, ***Hotmail***, ***Gmail***, а также социальной сети ***Facebook***. Количество отслеживаемых аккаунтов за год составило более 250 млн [4].

Эти примеры свидетельствуют о том, что Интернет – это далеко не безопасная среда, где рост социально-политической или экономической активности сопряжен с угрозой информационной безопасности. Чем больше электронно-коммуникативных технологий в жизнь человека, тем больше вероятность внедрения в нее извне в той или иной форме. Причем цели такого внедрения могут быть самыми разными. США, например, оправдывают свою деятельность якобы борьбой с терроризмом, хотя истинные цели, скорее всего, совсем иные. В Китае же подобным образом контролируются умонастроения граждан в целях сохранения существующей системы.

Информационный суверенитет индивида может быть существенно ограничен в результате политического регулирования информационных процессов в Интернете, причем имеется в виду не правовое регулирование в целях защиты авторских прав, прав детей или предотвращение разжигания национальной, религиозной розни – это необходимые вещи. Речь идет о политической цензуре в явной или неявной форме в интернет-пространстве, которая выражается в фильтрации интернет-контента. По такому пути пошел Китай, а также некоторые другие страны, такие как Иран и Северная Корея, а на постсоветском пространстве – Узбекистан и Туркмения. В Китае цензура устанавливается и закрепляется в законах и нормативных актах и носит официальный характер. Провайдеры в этой стране используют специальные фильтры, блокирующие доступ к зарубежным ресурсам политического содержания с использованием, например, таких ключевых слов, как «диссидент», «Тайвань», «Тибет» и др. Они автоматически заменяются на точки, а сами сообщения удаляются. В число ресурсов, подвергающихся цензуре, входят большинство западных СМИ, сайты

множества американских университетов, поисковая система ***Alta Vista***. В стране блокируются иностранные социальные сети ***Facebook***, ***Twitter***, ***Livejournal***. С 2006 года в Китае начало свою работу специальное полицейское ведомство для контроля за Интернетом [5].

Может показаться, что политическое регулирование интернета – это удел только тоталитарных, авторитарных режимов, стран-«изгоев». Но это не так. В неявной форме оно может осуществляться и в демократических государствах. Один из свежих примеров – в конце августа 2013 года на американском социальном новостном ресурсе ***Reddit*** был заблокирован аккаунт телеканала ***Russia Today***, на который подписано более миллиона человек со всего мира. Как передавал телеканал «Россия 24», это произошло из-за того, что ***RT*** имеет и высказывает альтернативную точку зрения по поводу сирийского конфликта [6].

При всех возможностях, которые дают человеку новые информационно-коммуникативные технологии, его информационная зависимость от политических акторов, контролирующих информационное пространство и стремящихся к управлению информационными потоками, конечно, уменьшилась, но не исчезла полностью. Наиболее сильно она проявляется в сфере традиционных СМИ, где информационному суверенитету личности угрожает монополизация глобального медиапространства.

В информационном обществе количество СМИ резко увеличилось. Появилось большое количество спутниковых и кабельных каналов. Но вопрос в том, как это сказалось на возможностях информационного выбора людей.

Больше 30 лет назад известный американский политолог Герберт Шиллер писал об «иллюзии информационного выбора», присущей гражданам США и других капиталистических стран [7, с. 36–37]. Анализируя продукцию американских СМИ, Г. Шиллер указывал, что в сообщениях из-за рубежа и о событиях внутри страны нет никакого разнообразия мнений. Он объяснял это идентичностью материальных и идеологических взглядов, присущих владельцам СМИ.

А теперь давайте посмотрим на современное состояние западного информационного пространства. Есть ли там разнообразие мнений по поводу разных политических проблем и конфликтов? За последние два десятилетия спорных конфликтных ситуаций было достаточно много – взять хотя бы ситуацию с Ираком, когда мировую общественность пугали Саддамом Хусейном и его оружием массового поражения, или события в Сербии. Но все они освещались западными СМИ одинаково – тенденциозно и односторонне. Наиболее показательной, на мой взгляд, является информационная кампания, которая была развернута в западных СМИ вокруг грузино-осетинского конфликта.

Единодушие западных СМИ объясняется не только общностью их идеологических взглядов, но и транснациональным характером многих медиакорпораций. Если в индустриальном обществе угроза информационному суверенитету личности исходит от национальных информационных монополий, то в информационном обществе основным источником угрозы становятся мировые информационные монополии. Как правило, информационные монополии предлагают только одну версию действительности – свою собственную, – тем самым ограничивая информационный выбор во всех сферах своей деятельности.

В современном глобальном информационном пространстве системообразующую роль играют транснациональные медиакомпании, среди которых выделяются такие информационные гиганты, как ***News Corporation*** Руперта Мёрдока, контролирующая ряд ведущих СМИ Великобритании (***Times***, ***Sunday Times***, ***Sun***), США (***New York Post***, сеть телевизионных станций ***Fox***), Австралии (***Australian***, ***Telegraph***, ***Herald***

Sun), ***Time Warner*** (***Time***, телевизионная сеть ***HLN*** «новости и мнения»)), куда входит и детище Теда Тёрнера – круглосуточная новостная служба ***CNN***, известная своими репортажами «с места событий». Это глобальные поставщики информации, чья информационная продукция распространяется по всему миру. Например, передачи ***CNN*** смотрят более чем в 200 странах в разных регионах мира.

Еще одна угроза информационному суверенитету личности таится в коммерциализации информационной сферы, когда информация рассматривается как товар, который нужно как можно выгоднее продать. Это приводит к тому, что акцент в информационной продукции СМИ смещается с информации общественно значимой на экономически более прибыльную, собирающую большую аудиторию. В результате на индивида обрушивается шквал развлекательных программ – всего того, что Герберт Шиллер назвал информационным мусором: «Этот мусор развлекает, отвлекает, содержит массу сплетен и очень мало ценной информации» [8, с. 201]. Кто же хочет получить более качественную информацию, должен платить больше, так как ее себестоимость выше.

Распространение рыночных ценностей на информационную сферу меняет характер массовой политической коммуникации. Подчиняясь общим тенденциям, новости и информационные сообщения тоже превращаются в товар.

Политическая коммуникация начинает строиться по правилам, присущим другим популярным жанрам, таким как роман, детектив, драма, история, комедия, сплетня, шутка и т. д. Из политической реальности СМИ вычленяются только те события, которые могут привлечь внимание массовой аудитории, – непристойные сексуальные связи (скандал вокруг Сильвио Берлускони, Билла Клинтона и т. д.), разногласия и конфликты в кругу правящей элиты (политический кризис в Египте с участием «Братьев-мусульман» и военных, причем при его освещении акцент делается на динамике конфликта, а не на его содержании – предпосылках, позиции сторон и т. д.), слухи о политических знаменитостях. При этом очень мало внимания уделяется содержанию политики – причинам политических событий, деятельности политических институтов (парламента, политических партий, правительства) и т. д. СМИ пытаются представлять политику как одно из многих развлечений.

Таким образом, я хотел сказать, что в современном обществе у индивида появились принципиально новые возможности, отсутствовавшие у него раньше. Реализация этих возможностей зависит от решения тех проблем, которые я попытался обозначить. Часть их находится в ведении национальных правительств, а часть носит глобальный международный характер и требует политической воли и участия международного сообщества.

Список использованной литературы:

1. *Соловьев А. И.* Политические коммуникации. М., 2004.

2. *Россошанский А. В.* Информационная составляющая политического суверенитета // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология. Вып. 4.

3. АНБ ежедневно отслеживает местонахождение 5 миллиардов владельцев мобильных телефонов. URL: http://www.newsru.com/world/05dec2013/usa.html (дата обращения: 5.12.2013).

4. СМИ: АНБ собирает информацию из адресных книг электронной почты. URL: http://ria.ru/world/20131015/970032400.htm (дата обращения: 15.10.2013).

5. Интернет в Китае. URL: http://ria.ru/world/20100113/204310750.html (дата обращения: 20.11. 2013).

6. В США заблокировали Russia Today. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1123887 (дата обращения: 30.08. 2013).

7. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980.

8. Цит. по: *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества : пер. с англ. *М. В. Арапова* и *Н. В. Малыхиной*. М. 2004.

О. И. Цыбулевская

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ : НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ[7]

Установление пределов прав и свобод личности – вопрос сложный и в юриспруденции толкуемый неоднозначно. Запреты, обязанности, наказание – далеко не полный перечень факторов, очерчивающих границы поведения субъектов, удовлетворения их интересов.

Тема ограничений в праве имеет комплексный характер и может рассматриваться в разных аспектах, в том числе и через призму нравственности. Следует особо подчеркнуть, что критерий нравственности нечеток, не конкретен. Надо также иметь в виду, что моральные принципы у разных слоев населения не одинаковы и на разных этапах развития общества нравственность имеет свои характеристики. Обращаться с этим критерием надлежит весьма осторожно. Зачастую неверное разъяснение целей ограничения прав человека приводит к необоснованному сужению его возможностей. С целью избежать подобной ситуации необходимо придерживаться разъяснительных положений относительно толкований ограничительных оговорок и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (Сиракузы, 1984 год), выработанных юристами – специалистами в области прав человека.

Правовые ограничения самым непосредственным образом имеют отношение к проблеме свободы. Право, так же как и мораль, призвано упорядочивать свободу индивида – ту свободу, которая является атрибутом, великим благом и проведением в жизни людей как разумных существ, но в то же время при отсутствии надлежащей упорядоченности оборачивается самой страшной бедой – произволом, насилием, самоистреблением людей [1, с. 96].

Феномен морали – и на это обращают внимание ученые разных направлений (философы, социологи, политологи) – весьма сложен для восприятия и изучения. О. Г. Дробницкий, например, обратил внимание на то обстоятельство, что область морали объединяет разнородные, а порой и прямо противоположные характеристики – она естественна и сверхъестественна, объективна и субъективна, является одновременно сферой необходимости и областью свободы, абсолютна и относительна, разумна и неразумна, целесообразна и бескорыстна, самодостаточна и зависима [2, с. 86–51].

Нравственные категории непостоянны. Периодически меняются представления о добром и злом, хорошем и плохом. А учитывая, что каждый человек имеет свои представления о нравственном и безнравственном, дать исчерпывающий ответ на вопрос, морально это или аморально, – проблема вряд ли разрешимая. Все это вместе взятое размывает моральные критерии.

К категориям, которые позволяют разграничить и противопоставить нравственное и безнравственное, можно отнести понятия «добро», «зло», «справедливость», «права человека», «общее благо».

Мораль немыслима без справедливости. В основе морали, как и справедливости, лежат представления о долге. Именно на этом основании справедливость зачастую относят исключительно к нравственным категориям. П. И. Новгородцев отмечал, что справедливость как нравственный элемент права есть сама по себе сила,

[7] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-03-00352.

имеющая свойство подкреплять своим авторитетом другие силы, которые с ней соединяются [3, с. 111].

Права человека – связующее звено между нравственностью и правом. Нормативно-правовое обеспечение прав человека имеет поддержку в этических принципах. Последние, являясь универсальными постулатами, «разливаются» по всем сферам общественных отношений. Именно в правах человека получают как бы «двойное закрепление» важнейшие ценности, значимые как в нравственной, так и в юридической системе.

Отношение личности к *общественному благу* также можно считать критерием моральности. Но здесь есть и другая сторона медали: отношение индивида к общественному благу подразумевает обратное – отношение общества к человеку как высшей цели своего назначения и функционирования. Человек всегда цель и никогда не средство всех преобразований и трансформаций. Подобные цели, в конечном счете, преследует и право. И защита, и ограничения должны быть подчинены интересам общего блага как главному критерию и основной цели регулирования общественных отношений.

Бороться со злом следует как с общественным феноменом, а не с людьми – его носителями. Именно на этом настаивает этика. Зло, преодолимое с помощью принуждения, лжи, насилия и других подобных средств, лишь умножает зло. Добродетель побеждает с помощью совершенствования общественных отношений, разрешения существующих в обществе коллизий. Право призвано ограничить зло, расширяя сферу правового регулирования и контролируя область управления чиновников по усмотрению. Узаконивая нравственный критерий, оно сужает произвол управомоченных субъектов. Этому способствует законодательное закрепление таких оценочных категорий, как «разумность», «справедливость», «гуманность», «добросовестность», «добрые нравы».

Ограничение прав человека самым непосредственным образом выходит на проблему злоупотребления правом, недостаточно разработанную российской юридической наукой. Легальное злоупотребление правом ввиду его нежелательности и общественной опасности по российскому законодательству влечет за собой юридическую ответственность.

Но все же остается определенный зазор для безнравственных поступков. Не все правовые нормы могут быть моральными по своему содержанию. Не подвергается юридической оценке целый ряд моральных отношений. Ю. Г. Ершов об этом пишет: «Ключ для решения этой проблемы – в законодательном признании за каждым человеком его нравственной и интеллектуальной независимости ... Пресекая наиболее опасные формы зла, право одновременно стоит на страже добровольного выбора добра» [4, с. 52].

Кроме того, нет необходимости все нравственные принципы возводить в ранг закона. «Морализаторство» права не менее опасно, чем «юридизация» морали. Оно может обернуться карательными репрессиями для всего общества, когда не только установленное преступное деяние, но и сам образ мыслей влечет за собой уголовную ответственность. Это оказывает негативное воздействие на все сферы общественной жизни – экономику, политику, духовную сферу.

Формулируя ту или иную норму права, законодатель должен учитывать данное обстоятельство и стремиться к тому, чтобы не нарушался баланс нравственного и правового регулирования общественных отношений [5, с. 33].

Государство, ограничивая в необходимых случаях права и свободы граждан, на всех этапах своего существования должно заботиться о защите общественной нравственности. Конечно, в первую очередь этим должны заниматься институты граж-

данского общества (семья, школа, религиозные организации), а не государственные службы. Но и государственные структуры играют здесь не последнюю роль.

Разработка и принятие нормативных актов, касающихся защиты нравственности, – задача непростая. Главная неточность в попытках многих ученых разобраться в непростых вопросах нравственности заключается в том, что под моралью (нравственностью) ими подразумевается нечто возвышенное и идеальное. Реальная же нравственность конкретного общества, например российского, как подчеркивает Н. Н. Вопленко, выглядит как конгломерат нравственных воззрений, норм, отношений и ценностей, сложившихся на базе особенностей национально-исторического, социально-структурного, политического, культурного развития социума. В ней есть возвышенное, и низкопробное, укрепляющее общественную жизнь и разрушающее ее [6, с. 68].

Рассуждая о «расплывчатости» морального критерия ограничения прав и свобод, как правило, упускают из виду то обстоятельство, что рассуждать следует об общественной морали. Именно так эта категория обозначена в международных и российских документах.

Однако возникает вопрос: кто в состоянии провести «замеры» нравственности? В этой связи представляет интерес точка зрения члена Палаты лордов Д. Ллойда. Автор пишет, что это доверено присяжным, волею случая участвующим в том или ином судебном процессе [7, с. 71–72].

Они, несомненно, попытаются передать свое видение существующих в современном обществе требований морали, и тем не менее, общество, таким образом, старается получить информацию об изменениях в структуре общественной нравственности. В итоге есть возможность выработать универсальные принципы справедливости, равноправия, гуманизма и придать им правовую форму. Российским правоведам (теоретикам и практикам) вполне можно было бы позаимствовать этот механизм. При этом нельзя забывать о российской специфике. В одно и то же время в отдельных странах общественная нравственность разнится, так как ее истоки уходят своими корнями в прошлое.

Список использованной литературы:

1. *Алексеев С. С.* Философия права. М., 1997.

2. См.: *Дробницкий О. Г.* Моральная философия / / Дробницкий О. Г. Избр. труды / сост. Р. Г. Апресян. М., 2002.

3. См.: *Новгородцев П.* Право и нравственность / / Правоведение. 1995. № 6.

4. *Ершов Ю. Г.* Философия права : учеб. пособие. Екатеринбург, 1997.

5. См.: *Цыбулевская О. И.* Нравственные основания современного российского права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

6. См.: *Вопленко Н. Н.* Право в системе социальных норм. Волгоград, 2003.

7. См.: *Ллойд Д.* Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость? : пер. с англ. М. А. Юмашевой, Ю. М. Юмашева. М., 2002.

О. Р. Шайхисламова

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОБЪЕДИНЕНИЕ

Любой вид уголовного наказания связан с комплексом ограничения прав и свобод осужденного. Лица, отбывающие уголовное наказание, остаются гражданами государства, обладателями их прав и свобод, следовательно, к законодательному закреплению ограничения этих прав и свобод предъявляются особые требования. Четко определенное правовое положение осужденных является юридической гарантией

ограждения их от произвола, подлинного обеспечения реализации прав и законных интересов.

От качества реализации прав и законных интересов осужденного, а также исполнения осужденными возложенных на них обязанностей зависит эффективность уголовного наказания, одной из главных целей которого является исправление осужденных.

Лишение свободы – достаточно распространенное в уголовном законе и в практике применения судами наказание. И как следствие, в исправительных учреждениях Российской Федерации содержится огромное количество осужденных (по состоянию на 1 января 2014 года в учреждениях УИС содержалось 677,2 тыс. человек) [11]. Ежегодно в прокуратуру и к Уполномоченному по правам человека поступает большое количество жалоб осужденных на нарушение их прав и свобод, что свидетельствует о наличии проблем в данной области.

Рассмотрим конституционное право осужденных к лишению свободы на объединение. В ст. 30 Конституции РФ [1] закреплено право каждого гражданина на объединение, включая возможность создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности таких объединений гарантируется государством.

В действующем законодательстве осуществление права на объединение предусматривается в достаточно широком диапазоне – в форме общественных организаций, общественных движений, общественных фондов, общественныхе учреждений и органов общественной самодеятельности, политических партий, профессиональных союзов.

Цели функционирования общественных объединений определяются в зависимости от их формы как личные, политические, социальные и т. д. Участие лиц, осужденных к лишению свободы, в создании и деятельности таких общественных объединений может быть обусловлено как их активной гражданской позицией, выраженной в желании не быть отстраненными от государственных и общественных дел и возможностью реализовать свои интересы, так и необходимостью защитить свои права.

Ранее в юридической литературе тема участия лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, в общественных объединениях раскрывалась по-разному. Одни авторы, опираясь на изоляцию от общества как универсальный запрет, считали необходимым лишить данного права лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Другие, исходя из общедозволительного принципа правового регулирования, полагали, что осужденные к лишению свободы пользуются данным правом без каких-либо ограничений, поскольку органы общественной самодеятельности осужденных, действующие в исправительных учреждениях, являются прообразом общественных организаций. Причина неучастия осужденных в иных общественных организациях (политических партиях, движениях и т. д.) заключалась прежде всего в отсутствии интереса со стороны самих общественных организаций к деятельности в условиях исправительных учреждений [9, с. 107].

Право на объединение не является абсолютным и может подвергаться определенным ограничениям, строго очерченным рамками закона (например, условия действия чрезвычайного положения). Вместе с тем анализ Конституции РФ и действующих в данной сфере Федеральных законов «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» 1996 года [5], «О политических партиях» 2001 года [6], а также иного законодательства, регулирующего правовой статус осужденных к лишению свободы, выявляет отсутствие каких-либо ограничений в реализации ими конституционного права на объединение. Федеральный закон «Об общественных объедине-

ниях» [7] до недавнего времени также не содержал ограничений в реализации осужденными к лишению свободы права на объединение. Но Федеральным законом от 10 января 2006 года № 18-ФЗ [3] указанное ограничение было введено. В условиях формирования в России демократического общества подвергать данное право ограничению для лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, является неверным.

Ранее реализация рассматриваемого права могла осуществляться путем создания самодеятельной организации осужденных к лишению свободы (ст. 111 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) [2]. Основными задачами самодеятельных организаций являлись помощь в духовном, профессиональном и физическом развитии, участие в решении вопросов труда и быта и формирование здоровых отношений между осужденными. Но в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ [4] ст. 111 УИК РФ «Самодеятельные организации осужденных к лишению свободы» утратила силу.

Специфика, порядок деятельности и статус таких объединений не отражаются в нормативно-правовых актах, действующих в учреждениях уголовно-исполнительной системы, что порождает различные противоречия между осужденными к лишению свободы и администрацией исправительного учреждения. Возможно, что именно это обстоятельство и стало основанием для исключения ст. 111 «Самодеятельные организации осужденных к лишению свободы» из УИК РФ, что все-таки было сделано необоснованно.

Правовой статус осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и его специфика обусловливают особенности организации и функционирования общественных объединений таких осужденных. Все эти обстоятельства все-таки должны найти отражение в действующем уголовно-исполнительном законодательстве. Также следует отметить, что вместе с общими принципами и условиями организации и деятельности общественных объединений, предусмотренными действующими нормативно-правовыми актами, для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, следует предусмотреть дополнительные ограничения – например, исключительно разрешительный порядок образования общественных объединений с предоставлением администрации исправительного учреждения копий учредительных документов, если таковые имеются. В дополнение к сказанному в правовых актах должны отражаться порядок и форма участия осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в деятельности общественных объединений. Данные условия помогут исключить появление объединений, предполагающих осуществление для достижения своих целей насильственных и противоправных действий. В этой связи хочется поддержать предложение ряда авторов о законодательном утверждении Положения о порядке организации и деятельности общественных объединений лиц, осужденных к лишению свободы, и закреплении в нем порядка, форм и основных направлений деятельности данных объединений.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ) // РГ. 1993. 25 дек. ; РГ. 2009. 21 янв.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198 ; 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.

3. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 18-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 282.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 30 декабря 2012 г.) // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362 ; 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7632.

5. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (ред. от 28 декабря 2010 г.) / / СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148 ; 2011. № 1. Ст. 16.

6. О политических партиях : Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.04. 2013 г.) / / СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950 ; 2013. № 14. Ст. 1638.

7. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 20 июля 2012 г.) / /СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930 ; РГ. 2012. 23 июл.

8. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : Приказ Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 (ред. от 12 февраля 2009 г., с изм. от 7 февраля 2012 г.) / / Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47 ; 2009. № 15.

9. *Насиров Н. И.* К вопросу о конституционных правах осужденных к лишению свободы : Избирательные процессы в современной России : теория и практика : сборник науч. трудов (Всероссийская научно-практическая конференция. Саратов, 23–24 октября 2007 г.). Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008.

10. *Шайхисламова О. Р., Громов В. Г.* Наказание в виде лишения свободы и пенитенциарная политика. М. : Новый индекс, 2007.

11. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы / / Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: http: / /фсин.рф / structure / inspector / iao / statistika / Kratkaya%20har-ka%20UIS / (дата обращения: 10.01.2014).

Т. А. Шебзухова

ИСТОРИКО–ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА

Гражданство, как и любое государственно-правовое явление, привлекает ученых-специалистов с различных точек зрения, но особый интерес, на наш взгляд, вызывают вопросы его возникновения. Центром внимания в данном случае (имеется в виду вопрос о возникновении гражданства) оказывается позиция «а в какой ипостаси рассматривать его возникновение?». Как социальное явление гражданство возникло в глубокой древности, в эпоху Рима и Афин, и практически не имело своего правового регулирования. Как государственно-правовое явление возникновение современного гражданства принято связывать с нормативными актами и лозунгами первых буржуазно-демократических революций XVIII века. Такая, с позволения сказать, правовая коллизия дает обильную пищу для размышлений о зарождении этого явления, так как гражданство и как правовой институт, и как субъективное право человека выступает в современном мире, характеризующемся глобализацией многих процессов, значительной политико-правовой ценностью.

И в этой связи вопрос о возникновении гражданства, периодах его развития, проблемах современного состояния и правового регулирования имеет большое значение для научного познания этого феномена.

Использование исторического метода в научном познании должно сочетаться с другими методами, такими как методы сравнительного и правового анализа и др. В предлагаемой работе предпринята попытка научного анализа возникновения гражданства с историко-правовых позиций.

В 70-х – 80-х годах прошлого столетия в российской литературе сложились, по крайней мере, три основные позиции о возникновении института гражданства: институт гражданства существовал в древних республиках; античное гражданство есть правовое состояние личности; гражданство есть государственно-правовой институт, возникший в период буржуазно-демократических революций. Детальный анализ указанных позиций довольно глубоко проанализировал А. В. Мещеряков в своем монографическом исследовании «Гражданство Российской Федерации: возникновение,

понятие, особенности структуры, приобретение и прекращение, нормативные акты» [1, с. 15–34]. Мы же кратко остановимся лишь на некоторых аспектах этих позиций и вопроса зарождения гражданства.

Так, В. В. Полянский, прослеживая генезис гражданства, отмечает: «История возникновения, развития и становления института гражданства неотделима от истории государства, возникшего в результате расслоения общества на антагонистические противостоящие классы»[2, с. 6]. Таким образом, автор обусловливает возникновение института гражданства возникновением античного государства.

Такой вывод, по нашему мнению, весьма спорен уже в силу того, что гражданство в древности зародилось раньше, чем появилось государство. Оно было известно в предшествовавших государству древнегреческих полисах и римскихм гражданских общинах [3, с. 19]. Ф.Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» был прав, полагая, что одним из признаков, отличающих государство от родовой организации, является территориальное деление подданных [3, с. 170].

Признаком территориального деления ни греческий полис, ни римская гражданская община не обладали. Как публичное, так и правовое положение лица было обусловлено его принадлежностью к гражданской общине (полису) и не зависело от его места жительства. Таким образом, индивид именовался гражданином только в своем полисе, а находясь вне его, им уже не считался. Этим и объясняется тесная привязанность гражданина к своему полису, который только и мог гарантировать «ему существование в качестве гражданина – единственное тогда достойное человека существование» [4, с. 196].

Одна из первых попыток теоретически осмыслить понятия «гражданин», «гражданство» была предпринята еще Аристотелем, который отмечал сложность этого явления. Изучая природу гражданства, он, в частности, указывал на то, что совместное проживание с гражданами не означало признания за лицом права гражданства. Правами гражданства не обладали и не достигшие совершеннолетия юноши, даже будучи рожденными от граждан полиса (общины), а также женщины и старцы. Качество гражданина Аристотель признавал только за теми, кто участвовал в суде и народном собрании. В праве на это участии и усматривали существо гражданина, отличие его от простого жителя.

Кроме того, гражданство в древности, как отмечал видный ученый-историк С. Л. Утченко, имело и внутреннюю градацию. И в римских гражданских общинах, и в греческих полисах все граждане делились по способу возникновения у них гражданства на две основные группы. В первую группу входили лица, «родившиеся гражданами» (cives nati), тогда как вторую составляли лица, «сделанные гражданами» (cives facti). Причем вторая группа имела довольно неоднородный состав – в нее входили «как отдельные лица, так и целые общины, получившие права гражданства», включая и лиц, ставших гражданами в силу их освобождения от рабства.

Неоднороден был состав граждан и по объему правоспособности. Истории гражданства известны на этот счет две группы граждан – граждане полного права (cives optimo iura), обладавшие и политической, и семейно-имущественной правоспособностью, и граждане так называемого урезанного права (minuto iura), имевшие ограниченную правоспособность.

Таким образом, можно сделать вывод, что при изучении вопроса, касающегося зарождения гражданства, вероятны весьма большие трудности. Пэтому гражданство в древности как общественное явление необходимо, на наш взгляд, рассматривать в плане как теоретическом, так и практическом. В теоретическом смысле гражданство в древности можно было охарактеризовать как важнейшее условие существования са-

мого полиса (гражданской общины). Еще Аристотель определил полис как совокупность граждан. Гражданство полисов (общин) представляло собой не правовой институт, а некую идейно-политическую, «духовную» основу этих образований.

Практическая сторона гражданства заключалась в неоднотипности и неоднородности состава граждан. Ими являлись лишь мужчины-землевладельцы. Гражданство представляло собой высшую социальную ценность для члена полиса (общины). В зависимости от принадлежности человека к этой категории определялось его место и качество на социальной лестнице. Следовательно, при изучении гражданства в древности речь должна идти о гражданстве как морально-политической категории, социальном качестве человека, его определенном правовом состоянии. Античный полис (община) дал нам не правовой институт, но идею гражданства, которая сыграла далеко не последнюю роль в развитии теоретической мысли о положении личности в обществе.

Таким образом, гражданство в древности, скорее всего, подпадает под определение социально-правовой формы объединения людей, которые в свою очередь обладали имущественными правами и, следовательно, управленческой властью, а значит, отличались особым социальным качеством.

В процессе эволюции человеческого общества полисы древности не только претерпевают значительное изменение, но и исчезают как социальная ячейка совместного проживания людей. Имущественное расслоение населения усиливается, вследствие чего растут противоречия между различными социальными группами. Управленческая власть полноправных граждан полисов постепенно начинает принимать формы власти государственной. Территориальное разделение населения усиливается. Происходит постепенный процесс образования античных государств.

Список использованной литературы:

1. *Мещеряков А. В.* Гражданство Российской Федерации : возникновение, понятие, особенности структуры, приобретение и прекращение, нормативные акты. Ставрополь, 2013.
2. *Полянский В. В.* Советское гражданство (политико-правовые проблемы) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1979.
3. *Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима. М., 1977.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.
5. *Еллинек Г.* Право современного государства. Т. 1. СПб., 1903.

С. В. Шошин

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ С ОСОБЕННОСТЯМИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

На процесс формирования в России национальной политики в сфере уголовного права серьезное влияние оказывают законы, принимаемые Государственной думой. Например, с 14 ноября 2013 года вступил в законную силу Федеральный закон от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Им была введена в УК РФ новая статья 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности». Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности получения и законного использования обучающимся информации, навыков практической деятельности и умений военного (боевого, специального) назначения. Законодателем специально выделены при этом: а) знания, б) умения, в) навыки. Сферы, в которых находятся данные информационные компоненты, также различаются:

а) физическая подготовка [1, с. 1; 2, с. 1];

б) психологическая подготовка [3, с. 8];

в) изучение способов совершения преступлений [4, с. 26; 5, с. 9] террористической направленности;

г) правила обращения с оружием [6, с. 1];

д) правила обращения со взрывными устройствами [7, с. 1];

е) правила обращения со взрывчатыми веществами [8, с. 1];

ж) правила обращения с отравляющими веществами [9, с. 2];

з) правила обращения с иными веществами и предметами, которые представляют опасность для окружающих [10, с. 1].

Список направлений получения информации, включаемых в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, определен законодателем как открытый. С появлением новых видов оружия и иных средств поражения живой силы и техники противника становится возможным их фактическое включение в этот открытый перечень.

Практически в программе любого высшего учебного заведения в современной российской практике при обучении на очном отделении предполагаются физическаяой подготовка и изучение психологии. Можно предполагать квалификацию действий любого лица, совершившего преступление террористического характера (или указанного выше преступления), проходившего обучение в российском (или иностранном) высшем учебном заведении, дополнительно и по ст. 205.3 УК РФ. Проблемой при таком толковании действующего уголовного законодательства будет являться лишь степень заведомости прохождения таким лицом обучения именно для совершения преступлений террористического характера (или иных деликтов, указанных выше). В подобном подходе прослеживаются новации, внесенные в комментируемом федеральном законе отечественным законодателем в российское национальное уголовное законодательство.

Конституция РФ предоставляет каждому гражданину РФ право на образование (ч. 1 ст. 43). При поступлении, например, в высшее учебное заведение на территории РФ в заявлении, заполняемом абитуриентом, отсутствует (как минимум, в данный период времени) графа «цель получения искомого образования». Но даже Если допустить введение такой графы (в аспекте выявления потенциального правонарушителя), крайне малой предполагается вероятность прямого и конкретного указания абитуриентом в ней в качестве такой цели «совершение террористического акта», тем более при внесении таким абитуриентом в надлежащем порядке самостоятельно средств за обучение.

В каждом из таких случаев органы следствия должны будут также исследовать и версию о соучастии в организации такого обучения и администрации, и профессорско-преподавательского состава соответствующих учебных заведений. Следственной практике последних лет, сложившейся на территории РФ, известно, что лица, причастные к террористической деятельности, обычно, как минимум, обучались в высших учебных заведениях. Соответственно, формально «фронт работ» для органов предварительного расследования и лиц, производящих оперативно-розыскную деятельность, в аспекте реализации такого направления весьма значителен. Многие педагоги, обучавшие потенциальных правонарушителей психологии, химии, криминалистике, архитектуре, физике, информационным технологиям и другим дисциплинам, рискуют оказаться причастными к указанной деятельности, искренне не желая нарушать при этом законодательство.

Внесены изменения и в содержание ч. 2 ст. 208 УК РФ. Прежде по ней уголовно наказуемым являлось лишь «участие в вооруженном формировании, не предусмот-

ренном федеральным законом». Теперь закон устанавливает уголовную ответственность за «участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации». В российское уголовное законодательство тем самым была внесена бланкетная (отсылочная) норма, ссылающаяся на законодательство иностранного государства. При этом российский национальный законодатель не определяет конкретное наименование указанного государства, на законодательство которого он ссылается в данной статье УК РФ. Остается не полностью ясным, какое именно законодательство (и какого именно государства) требуется соблюдать такому потенциальному правонарушителю.

Не в полной мере урегулирован вопрос, какое именно законодательство и какой именно страны мира, кроме, разумеется, российского законодательства, должны при этом изучить (и, следовательно, знать) студенты-юристы в современных российских высших учебных заведениях. Остается значительный простор для научно-исследовательской деятельности при анализе и ответе на вопрос о применении данной статьи УК РФ.

В мире сегодня насчитывается 242 государства и зависимых территорий (по стандарту ISO 3166-1) [11, с. 1], а соответственно, наличествует и значительное число уголовной и иных отраслей национального законодательства, принятых и действующих на их территориях. Общий объем содержащейся в них информации очень представителен. Даже если учитывать только государства – члены ООН, которых [12, с. 1] сегодня 193, объем актуального национального законодательства, касающегося анализируемых вопросов, огромен.

Открытой категорией является перечень указанных в тексте комментируемого Федерального закона интересов Российской Федерации. Примечательным является факт фиксации в гл. III Указа Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [13, с. 2] не только национальных интересов Российской Федерации, но и стратегических национальных приоритетов. В комментируемом Федеральном законе термин «стратегические национальные интересы» отсутствует. Использование такой конструкции при толковании указанной выше введенной нормы российского национального уголовного права является событием инновационным. Де-юре практика толкования российского уголовного закона не предполагала прямой ссылки на сосредоточенный в тексте указа Президента РФ перечень интересов Российской Федерации. В указанном аспекте предполагается наличие значительного пространства для дальнейших научных исследований.

В ч. 3 ст. 15 Конституции РФ указывается на необходимость официального опубликования законов – неопубликованные законы на территории РФ применяться не должны. Не следует применять любые нормативно-правовые акты, затрагивающие интересы граждан РФ, если такие акты не были надлежащим образом опубликованы. Проблема доведения до сведения населения РФ законодательства всех стран и территорий мира, действующих сегодня, является категорией фантастической даже в аспекте лишь потенциальной возможности участия в деятельности на территории этих стран (территорий) вооруженных формирований с иностранным персоналом. Это является сложно реализуемым моментом даже в период глобализации в условиях относительной доступности информации, в том числе и о национальном законодательстве разных стран и территорий.

Традиционно каждое государство предполагает осуществлять суверенитет над соответствующей территорией. Сложно представить ситуацию полного и единодуш-

ного одобрения в суверенном государстве практики защиты национального законодательства данного государства правоохранительными (силовыми) органами иностранного государства, тем более с вынесение при этом приговоров от имени этого иностранного государства собственными национальными судами. Это однозначно спорно с точки зрения международного права.

В российском правовом поле должно логически структурироваться значительное усиление противодействия террористическим структурам и связанным с ними лицам. Многие из современных российских инноваций по указанному вопросу требуют дальнейшего углубленного исследования.

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений в Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 200 : Приказ Министра обороны РФ от 31.07.2013 г. № 560. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151666/#esse (дата обращения: 23.11.2013).

2. Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации : Приказ Министра обороны РФ от 21.04.2009 г. № 200 (в ред. от 31.07.2013 г.). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc,base=LAW;n=151701;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.5096380514714285;from=89871-28 (дата обращения: 23.11. 2013).

3. *Мичурин М. И.* Психологическая подготовка военнослужащих к действиям в экстремальных ситуациях // Психология, социология и педагогика. 2012. № 12. URL: http://psychology.snauka.ru/2012/12/1494 (дата обращения: 23.11.2013).

4. *Карпов Н. С., Мозоль А. П., Завьялов С. М.* О понятии способа совершения преступления // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции 16–17 октября 2003 г. Ч. I. Уфа : РИО БашГУ, 2003. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20034/48.htm (дата обращения: 23.11.2013).

5. *Атальянц М. А.* Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. URL: http://www.dissercat.com/content/sposob-sovershheniya-prestupleniya-i-ego-ugolovno-pravovoe-znachenie-2#ixzz2lTWb81om (дата обращения: 23.11. 2013).

6. Об оружии : Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. от 02.07.2013 г.). URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148875 (дата обращения: 23.11.2013).

7. Единые правила безопасности при взрывных работах. ПБ 13-01-92 (утв. Постановлением Госгортехнадзора РФ от 24.03.1992 № 6) (в ред. от 02.11.2001 г.). М., 1993. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=457823 (дата обращения: 23.11.2013).

8. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.07.2012 № 57 «О принятии технического регламента Таможенного союза „О безопасности взрывчатых веществ и изделий на их основе”» (вместе с „ТР ТС 028/2012. Технический регламент Таможенного Союза. О безопасности взрывчатых веществ и изделий на их основе”») // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/ (дата обращения: 23. 12. 2013) ; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133006/#esse (дата обращения: 23.11. 2013).

9. Организация медико-санитарного обеспечения при террористических актах с использованием опасных химических и отравляющих веществ. Методические рекомендации (утв. Минздравом РФ 28.12.2001 № 2510/13132-01-34). М., ВЦМК «Защита», 2001. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=309344 (дата обращения: 23.11.2013).

10. Правила оказания услуг по экспресс-доставке отправлений специальной связи // Федеральное государственное унитарное предприятие «Главный Центр Специальной Связи». URL: http://www.cccb-express.ru/Rules_Assist_services.html (дата обращения: 23.11.2013).

11. Б. а. Список стран по населению. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_населению (дата обращения: 23.11.2013).

12. Б. а. Государства – члены ООН // Организация Объединенных Наций]. URL: http://www.un.org/ru/members/index.shtml (дата обращения: 23.11.2013).

13. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. URL: http://base.garant.ru/195521/ (дата обращения: 23.11.2013).

Л. Г. Юрина

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рубеж XX и XXI веков ознаменовался открытием новой страницы в истории человечества. Этот очередной этап в развитии, по мнению некоторых авторов, создаст новое, информационное общество, которое будет более гуманным, более духовным, т. е. информационной цивилизацией. «Новая цивилизация в идеале призвана разрешить социальные и общечеловеческие проблемы грядущего столетия, радикально обновить характер труда, изменить отношение к науке, культуре, образованию, медицине и прежде всего к человеку» [1]. Мы уже являемся свидетелями информационного прорыва, который приведет к глобальным изменениям во всех сферах человеческой жизни. Но так ли безопасен и прогрессивен этот информационный скачок. Готовы ли мы к данному прорыву, а главное – имеется ли правовая база для безопасного существования в условиях повсеместной информатизации?

Одно из положений Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Восприняв его, российский законодатель придал особое значение положениям, касающимся информации, введя в Конституцию РФ ст. 29 следующего содержания: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить, распространять информацию любым законным способом». Однако, в отличие от общих конструкций Всеобщей декларации прав человека, Конституция РФ ввела ограничения в работу с информацией, указав на возможность осуществления такой деятельности в рамках закона. А это, на наш взгляд, является важным шагом в создании информационной цивилизации.

Общество может быть информационным при существовании двух условий: 1) наличия максимально широкого информационного пространства и 2) четкой правовой регламентации процесса сбора, обработки, использования, хранения и защиты информации. Что касается первого условия, дело обстоит не так уж и плохо. Реальной моделью и оператором этого пути становится Интернет, который ликвидировал государственные границы в информационной сфере. Через Сеть в огромном количестве проходит самая разнообразная информация, доступ к ней прост и удобен и каждый пользователь может найти любые интересующие его сведения. Интернет и подобные системы являются новой степенью свободы для человека – степенью информационной свободы. Однако бесконтрольность помещаемой в Сети информации влечет серьезные последствия, связанные с нарушением прав личности, общества и государства. О важности этих процессов говорит тот факт, что с развитием информационного общества мы все чаще сталкиваемся с такими понятиями, как «кибернетическая война», «информационное оружие», «радиоэлектронная борьба» и т. п. Это не просто термины, используемые для обозначения процессов нанесения ущерба интересам лиц, организаций и целых государств, для создания преимуществ в политических, экономических и военных интересах. Процессы, которые они обозначают, по масштабности и последствиям сравнимы с боевыми действиями. Как никогда ранее становится актуальным лозунг, выдвинутый Натаном Ротшильдом: «Кто владеет информацией, тот владеет миром».

Сказанное свидетельствует о том, что информационные процессы требуют серьезной правовой регламентации. Строгая и четкая правовая регламентация, в первую очередь обеспечивающая информационную безопасность, способствует выполнению второго условия, необходимого для создания информационной цивилизации.

Правовая позиция нашего государства по вопросам получения, передачи и распространения информации сформулирована в нормах Конституции РФ. Так, уже упомянутая выше ст. 29 Конституции РФ устанавливает одно очень важное ограничение, а именно что все действия с информацией должны носить законный характер. В Конституции РФ есть и еще одно положение, которое ограничивает возможности субъектов – пользователей информацией. В ч. 3 ст. 17 Конституции РФ указано: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Это положение должно служить основой для создания нормативной базы, обеспечивающей информационную безопасность как в государстве в целом, так и в отдельных сферах деятельности его институтов, в и частности в сфере борьбы с преступностью.

Уголовно-процессуальная деятельность выступает формой реализации такой борьбы, а главной ее задачей является установление всех обстоятельств совершенного преступления. Доказательства, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, представляют собой своего рода информацию или сведения, полученные определенным путем (в установленным законом порядке). То есть уголовно-процессуальная деятельность непосредственно связана с теми информационными процессами, которые протекают в обществе. В связи с этим мы можем утверждать, что усложнение информационных процессов порождает новые возможности, в том числе и негативного характера. Для уголовного судопроизводства это процесс целенаправленного воздействия на информацию как со стороны преступных группировок, так и отдельных лиц. Более высокая в сравнении с возможностями органов, призванных бороться с преступностью, техническая оснащенность преступных группировок привела к определенному дисбалансу сил. Для того чтобы его ликвидировать, законодатель был вынужден искать новые правовые возможности, совершенствовать имеющиеся средства и способы собирания доказательственной информации. Среди них важное место занимает такое следственное действие, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ).

Контроль и запись переговоров – это следственное действие, с одной стороны, напрямую затрагивающее права и интересы граждан и сопряженное с властным вторжением в самую уязвимую часть человеческого существования – частную жизнь гражданина [2]. Но, с другой стороны, это действие, которое может дать информацию, имеющую большое доказательственное значение в деле установления обстоятельств, имеющих значение для доказывания виновности лица, обстоятельств совершения преступления, выявления соучастников и др. Процедура снятия информации с технических каналов связи не регламентируется уголовно-процессуальным законодательством. Это объясняется тем, что контроль и запись переговоров являются комплексным следственным действием и первый его этап осуществляется оперативными службами, которые снимают информацию, записывая весь текст разговора. Такой порядок сопряжен с избыточностью получения информации, среди которой может быть и информация, носящая сугубо личный характер и содержащая компрометирующие лицо сведения. Проблема сохранения в тайне такой информации достаточно сложна, и при ее разрешении возникает немало вопросов, ответы на которые давно пытаются найти ученые. С целью разрешить данную проблему А. Г. Филиппов предлагал на стадии составления протокола о прослушивании и звукозаписи телефонных и иных переговоров решать вопрос об относимости информации, полученной в результате прослушивания: «Необходимая отобранная информация переносится на единый носитель (компакт-кассету), а излишняя уничтожается путем стирания» [3]. Нельзя согласится с мнением автора о том, что этим должен заниматься оперативный работник. Необходимо учитывать, что оценивать доказательства могут только следователь и суд. Однако мысль о необходимости устранить из дела информацию, не имеющую к нему отношение, заслуживает внимания.

Полагаем, что в решении этого вопроса полезна практика США, где после прослушивания оригиналы записей направляются в суд и хранятся там до особого распоряжения. «Это делается для гарантии надежности и целостности перехваченных материалов путем исключения или сокращения возможностей прокуратуры изменить записи после того, как они были получены» [4]. В американском законодательстве существует требование о минимизации переговоров, заключающееся в запрещении прослушивать личные переговоры абонентов, не имеющие отношение к предмету расследования. Поэтому там проблема сохранения тайны информации, носящей личный характер, стоит не так остро. В российском законодательстве такое требование не предусмотрено, поэтому при осуществлении следственного действия наряду с информацией, имеющей доказательственное значение, может быть записана информация сугубо личного характера, не имеющая отношение к делу. Думается, что во время осмотра и прослушивания фонограммы следователь должен иметь право на уничтожение информации, не имеющей отношения к делу и носящей сугубо личный характер.

Вопросы уничтожения, истребования и использования фонограмм могут возникнуть в случае прекращения уголовного дела. В этом отношении также представляет определенный интерес практика зарубежных государств. Так, законодательством Германии предусмотрен особый порядок решения судьбы материалов, полученных в результате прослушивания переговоров. В случае прекращения уголовного дела материалы прослушивания по указанию прокурора, осуществляющего надзор за прекращенными делами, уничтожаются, о чем в обязательном порядке уведомляются обвиняемый или иные заинтересованные лица, упомянутые в сообщениях, или лица, с которыми обвиняемый вел переговоры [5, p. 244]. Иначе решает данный вопрос Федеральный Закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В ч. 4 ст. 5 данного Закона предусматривается, что в случае отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела в связи с отсутствием события преступления либо в связи с отсутствием в деянии состава преступления лицо, которое располагает фактами проведении в отношении него оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны [6, с. 17].

Существующие в уголовном судопроизводстве проблемы с защитой информации являются частным случаем в государственном обеспечении информационной безопасности. Однако их существование указывает на то, что для создания информационного общества необходимо решить самую главную проблему – четкой законодательной регламентации основных принципов информационной безопасности.

Список использованной литературы:

1. *Чубукова С. Г., Элькин В. Д.* Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. М. М. Рассолова, В. Д. Элькина. М., 2007.

2. *Мордовец А. С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.

3. *Филиппов А. Г.* Тактика прослушивания и звукозаписи переговоров. Криминалистика. Т. 2. Учебник для работников уголовного розыска /под ред. А. Г. Филиппова и А. А. Кузнецова. Омск, 1993.

4. *Махов В. Н., Пешков М. А.* Уголовный процесс США (досудебные стадии) : учеб. пособие. М., 1998.

5. ***Malek K.*** Die Uberwachung des Zerhmeldeverhehrs im Strafverfahren // Neue Justiz. Jg 46. № C.

6. *Ильиных В. Л.* Федеральный Закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Научно-практический комментарий. Саратов, 1999.

Сведения об авторах

Аверьянова Наталья Николаевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Айрапетян Армен Самвелович, канд. юрид. наук, преподаватель кафедры конституционного и международного права ПИУ им. П. А.Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Акбаров Мурад Икрамович, студент 4 курса Дагестанского государственного университета

Алиева Зульфижат Зубайриевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета

Афанасьев Сергей Федорович, д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского процесса СГЮА

Ахрамеева Ольга Владимировна, канд. юрид. наук, ассистент кафедры права экономического факультета Ставропольского государственного аграрного университета

Балко Владимир Иванович, преподаватель колледжа «Кайнар» (г. Семей (Семипалатинск), Казахстан)

Барашков Григорий Михайлович, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Бегинин Виктор Иванович, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных наук СГАУ им. Н. И.Вавилова

Бегинина Александра Алексеевна, студентка 3 курса Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва)

Бегинина Ирина Александровна, профессор, канд. философ. наук, зав. кафедрой социологии регионов социологического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского,

Безсчастнов Александр Сергеевич, юрисконсульт юридического отдела ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг»

Белоусова Ирина Викторовна, аспирант кафедры гражданского процесса СГЮА

Бердникова Елена Валерьевна, доцент, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Благирева Елена Николаевна, канд. эконом. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, первый проректор Российской государственной специализированной академии искусств

Богатова Екатерина Владимировна, преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности СГЮА

Богорубова Татьяна Александровна, доцент, канд. социол. наук, зав. кафедрой гражданско-процессуальных дисциплин Поволжского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Саратов)

Борисова Виктория Федоровна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процессуального права СГЮА

Борисова Мария Константиновна, аспирант кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Бурданова Анна Сергеевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Варфоломеев Юрий Владимирович, профессор, д-р истор. наук, профессор кафедры социальных коммуникаций юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Велиева Джамила Сейфаддиновна, доцент, д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и международного права ПИУ им. П. А.Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Великородный Павел Григорьевич, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры организации правоохранительной деятельности СГСЭУ

Вилков Александр Алексеевич, профессор, д-р полит. наук, зав. кафедрой политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Волкова Марина Алексеевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Володина Светлана Вячеславовна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Воробьева Динара Сергеевна, аспирант кафедры конституционного и международного права СГЮА

Габдуалиев Мереке Тлекович, канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства Министерства юстиции Республики Казахстан

Гаврилов Дмитрий Анатольевич, канд. юрид. наук, начальник отдела правового и кадрового обеспечения ТУ Росфиннадзора в Волгоградской области

Гаврилова Юлия Александровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета

Галактионов Максим Игоревич, аспирант кафедры связей с общественностью Юридического института Тамбовского государственного технического университета, юрист отдела Тамбовского законодательства ООО «Плюс гарантия»

Гасанова Патимат Гасановна, студентка 3 курса Дагестанского государственного университета

Головченко Антон Владимирович, канд. полит. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Головченко Владимир Иванович, доцент, д-р полит. наук, профессор кафедры социальных коммуникаций юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Григорьева Наталья Владимировна, доцент, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Забайкальского государственного университета

Гринёв Павел Дмитриевич, аспирант кафедры арбитражного процесса СГЮА

Дворецкий Михаил Юрьевич, доцент, канд. юрид. наук, декан факультета государственного управления и права Тамбовского филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Деманова Светлана Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Дураев Таулан Азреталиевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Елистратова Валентина Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков СГЮА

Ермолаева Юлия Васильевна, канд. юрид. наук, доцент СГЮА

Ефименко Любовь Александровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Кубанского государственного университета

Жуковская Людмила Петровна, министр по делам территориальных образований Саратовской области

Заметина Тамара Владимировна, доцент, д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного и международного права СГЮА

Ивакина Дарья Сергеевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калининградского филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Иванов Александр Александрович, канд. юрид. наук, доцент кафедры отечественной истории и правоведения Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти)

Иванова Мария Ильинична, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного

и муниципального права юридического факультета СГУ им.ени Н. Г.Чернышевского

Касаева Татьяна Викторовна, доцент, канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права СГСЭУ

Кипкаева Наталья Викторовна мировой судья судебного участка 1 Аркадакского района Саратовской области, соискатель кафедры гражданского процесса СГАП

Козюк Михаил Николаевич, доцент, канд. юрид. наук, профессор Центра переподготовки и повышения квалификации Волгоградского филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Колесников Евгений Викторович, профессор, д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного и международного права СГЮА

Колесников Константин Юрьевич, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Комбарова Елена Валерьевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права СГЮА

Комкова Галина Николаевна, профессор, д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Комягина Юлия Сергеевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Концыбовская Марина Николаевна, аспирант кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Косолапов Михаил Федорович, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры европейского права и сравнительного правоведения СГЮА

Кравец Дарья Алексеевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Крепица Валерий Юрьевич, руководитель юридического отдела ЗАО «ЭР-Телеком Холдинг»

Крючкова Елена Анатольевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Куликова Светлана Анатольевна, доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Куренкова Ольга Николаевна, канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Куфтов Николай Сергеевич, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Лазанчина Лидия Михайловна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Лазарева Ольга Владимировна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права СГЮА

Лапупина Наталия Николаевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Лебедева Елена Николаевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права СГЮА

Ливерко Олег Викторович, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Липатов Эдуард Георгиевич, доцент, д-р юрид. наук, зав. кафедрой административного и уголовного права ПИУ им. П. А.Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Липчанская Мария Александровна, доцент, д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного и международного права СГЮА

Лобанов Иван Васильевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

Луценко Оксана Анатольевна, ассистент кафедра теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Максимова Екатерина Анатольевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права Кубанского госуарственного ниверситета

Малько Елена Александровна, канд. юрид. наук, ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Мальцева Татьяна Григорьевна, ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Манаева Екатерина Владимировна, ассистент кафедры таможенного, административного и финансового права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Мещеряков Александр Викторович, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права филиала Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск)

Милушева Татьяна Владимировна, доцент, д-р юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Мильшина Ирина Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Минаев Кирилл Александрович, аспирант кафедры теории государства и права СГЮА

Михайлов Анатолий Евгеньевич, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права СГЮА

Назаров Владилен Викторович, доцент, канд. истор. наук, зав. кафедрой экономики и права Балашовского института (филиала) СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Назарова Ирина Владимировна, канд. пед. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Балашовского филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Николаева Екатерина Сергеевна, канд. юрид. наук, ассистент кафедры таможенного, административного и финансового права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Никулина Оксана Михайловна, доцент, канд. пед. наук, доцент кафедры социальной педагогики Балашовского института (филиала) СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Овчарова Ольга Геннадиевна, д-р полит. наук, проректор по учебной работе, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской государственной специализированной академии искусств, профессор кафедры политической социологии Российского государственного гуманитарного университета

Омаркадиева Марианна Керимовна, ст. преподаватель кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета

Отставнова Елена Александровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права СГЮА

Панченко Владислав Юрьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права юридического института Сибирского федерального университета

Пасечник Андрей Владимирович, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Петрунина Анастасия Алексеевна, аспирант кафедры теории государства и права СГЮА

Плешаков Александр Петрович, профессор, д-р социол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии СГЮА

Подмарев Александр Александрович, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Российского университета дружбы народов

Портенко Наталья Николаевна, канд. пед. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Портянкина Светлана Петровна, канд. юрид. наук, доцент СГСЭУ

Потапенко Евгений Георгиевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Пресняков Михаил Вячеславович, доцент, д-р юрид. наук, зам. зав. кафедрой служебного и трудового права ПИУ им. П. А.Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Радонова Анна Владимировна, доцент, канд. истор. наук, докторант кафедры отечественной истории Алтайской государственной педагогической академии

Разгельдеев Назир Тагирович, профессор, д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Поволжского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Саратов)

Решетников Владимир Яковлевич, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Романовская Ольга Валентиновна, профессор, д-р юрид. наук, профессор кафедры Пензенского государственного университета

Романовский Георгий Борисович, доцент, д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета

Россошанский Андрей Владимирович, канд. полит. наук, директор Института микро- и наноэлектроники, заведующий кафедрой электронных средств массовой информации и коммуникации СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Савд Абдалджалиль Ибрахим Савд, сотрудник юридического факультета Анбарского университета (г. Эль-Рамади, Ирак), студент юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Саенко Людмила Владимировна, доцент, канд. юрид. наук, докторант Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (г. Москва)

Сайфулин Илья Сергеевич, аспирант кафедры связей с общественностью Юридического института Тамбовского государственного технического университета, юрист отдела Тамбовского законодательства ООО «Плюс гарантия»

Салтыкова Ольга Петровна, доцент, канд. филос. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ПИУ им. П. А.Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Свечникова Ирина Васильевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ПИУ им. П. А.Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Селезнева Наталия Михайловна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности СГЮА

Семенова Ирина Владимировна, канд. юрид. наук, преподаватель кафедры конституционного и административного права Саратовского военного института ВВ МВД РФ

Синюков Сергей Владимирович, канд. юрид. наук, консультант 6-го судебного состава Высшего арбитражного суда Российской Федерации

Синюкова Татьяна Витальевна, доцент, канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Смагина Ирина Анатольевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ПИУ им. П. А.Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, студентка юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Смолицкая Елена Евгеньевна, аспирант кафедры финансового права Воронежско-

го государственного университета

Солдаткина Оксана Леонидовна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры информатики СГЮА

Спицина Татьяна Викторовна, ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета (г. Саратов)

Степанюк Артем Вячеславович, аспирант кафедры конституционного и международного права АНО ВПО РУК ПКИ (филиал)

Стромов Владимир Юрьевич, канд. юрид. наук, проректор по экономико-правовым вопросам и инфраструктурному развитию Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

Стрыгина Светлана Владимировна, доцент, канд. филос. наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Сулейманов Бигрузи Бухаринович, доцент, канд. истор. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского (г.Махачкала) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации

Сычев Виталий Борисович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Тихонова Софья Владимировна, доцент, д-р филос. наук, профессор кафедры социальных коммуникаций юридического факультета СГУ им. Н. .Чернышевского

Тогузаева Екатерина Николаевна, доцент, канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Токарева Галина Николаевна, аспирант кафедры гражданского процесса СГЮА

Третьяков Дмитрий Геннадиевич, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Троицкая Татьяна Викторовна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права СГЮА

Тюменева Наталия Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Францифоров Юрий Викторович, доцент, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Фурсов Владимир Алексеевич, доцент, канд. юрид. наук, декан юридического факультета филиала Северо–Кавказского федерального университета (г. Пятигорск)

Цаплин Антон Юрьевич, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Цыбулевская Ольга Ивановна, профессор, д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории права ПИУ им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Шайхисламова Оксана Рашитовна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ Н. Г.Чернышевского

Шебзухова Татьяна Александровна, профессор, д-р истор. наук, директор филиала Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск)

Шошин Сергей Владимирович, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г.Чернышевского

Юрина Лариса Григорьевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз юридического факультета СГУ Н. Г.Чернышевского

Яшина Ирина Анатольевна, аспирант кафедры конституционного и международного права СГЮА

Содержание

Предисловие……..... 3

Аверьянова Н. Н. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ЗЕМЛЮ В РОССИИ : ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ……..... 4

Айрапетян А. С. КОНСТИТУЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК……. 7

Алиева З. З., Гасанова П. Г. УСЫНОВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ : КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ …….. 10

Афанасьев С. Ф. КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ОСНОВА ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ…….. 12

Ахрамеева О. В. КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ДЛЯ ЕДИНООБРАЗИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ……. 15

Балко В. И. К ВОПРОСУ О ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИИ РУК И НОГ НОВОРОЖДЕННЫХ…….. 19

Барашков Г. М. КОНСТИТУЦИЯ РФ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО …… 22

Бегинин В. И., Бегинина И. А. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ 29

Бегинин В. И., Бегинина А. А. КОНСТИТУЦИОННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ……. 31

Безсчастнов А. С. ПОРЯДОК И ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ, РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ». ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 29 КОНСТИТУЦИИ РФ ……..... 34

Белоусова И. В. К ВОПРОСУ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НЕДОСТАТКОВ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ …….. 39

Бердникова Е. В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА 42

Благирева Е. Н. ЭКСПЕРТИЗА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РАБОЧИХ МЕСТ : ПРАВОВОЙ АСПЕКТ …….. 46

Богатова Е. В. ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ …… 49

Богорубова Т. А. НЕКОТОРЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ .. 52

Борисова В. Ф. ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ …… 55

Борисова М. К. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЦИКЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …… 58

Бурданова А. С. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ СВОБОДНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ …… 61

Варфоломеев Ю. В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) ….... 63

Велиева Д. С. ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РФ : РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОДХОД …… 66

Великородный П. Г. О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ 72

Вилков А. А. КОНСТИТУЦИЯ РФ И НРАВСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВА : К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ 76

Вишневецкая И. Н. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРАКТИКА : ОПЫТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ……. 80
Волкова М. А. О ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРАХ УЧАСТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ……..... 83
Володина С. В. МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ ……..…….. 86
Воробьева Д. С. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДЕТСТВА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ……..…….. 89
Габдуалиев М. Т. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ – ЯДРО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ……..... 92
Гаврилов Д. А., Гаврилова Ю. А. СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА…… 97
Галактионов М. И. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ ……. 100
Глухова Е. О. РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ …… 102
Головченко А. В. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ В КОНСТИТУЦИИ РФ……..... 105
Головченко В. И. 20 ЛЕТ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ….. 108
Григорьева Н. В. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВНЕСЕНИЯ ПОПРАВОК В КОНСТИТУЦИЮ РФ …… 112
Гринёв П. Д. ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ ОСПАРИВАНИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ АРБИТРАЖЕЙ …… 115
Дворецкий М. Ю. НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ …… 118
Деманова С. В., Савд С. А. И. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРАКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 122
Дураев Т. А. КОНСТИТУЦИОННАЯ ДОКТРИНА КАК СТИМУЛ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ……... 124
Елистратова В. В. ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ : КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ …… 128
Ермолаева Ю. В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СУБЪЕКТОВ РФ……..... 130
Ефименко Л. А. РОЛЬ КОНСТИТУЦИИ РФ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЮРИСТА ……..... 133
Жуковская Л. П. О ХОДЕ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ……..... 135
Заметина Т. В. КОНСТИТУЦИЯ РФ 1993 ГОДА И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ……..... 138
Ивакина Д. С. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СИСТЕМЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В РФ .. 142
Иванов А. А. О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ И ОГРАНИЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА …… 146
Иванова М. И. СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА …….. 149
Касаева Т. В. МЕХАНИЗМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА : КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ……..... 152

Кипкаева Н. В. ВЛИЯНИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ……..... 155
Козюк М. Н. КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ : ПРАВО НА КРИТИКУ И ОППОЗИЦИЯ 158
Колесников Е. В., Яшина И. А. КОНСТИТУЦИЯ, КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ : НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ 161
Колесников К. Ю. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМАИ ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ …… 164
Комбарова Е. В. ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ ОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ 167
Комкова Г. Н. СТАБИЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ …….. 171
Комягина Ю. С. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ РФ …… 174
Концыбовская М. Н. ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБЩЕСТВОЗНАНИИ ……. 177
Косолапов М. Ф. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ОСУЖДЕННОГО НА ПЕРЕСМОТР ПРИГОВОРА ……... 179
Кравец Д. А. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ТАЙНОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ …….. 181
Крепица В. Ю. УЧАСТИЕ ОПЕРАТОРОВ СВЯЗИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН СВОБОДНО ИСКАТЬ, ПОЛУЧАТЬ, ПЕРЕДАВАТЬ, ПРОИЗВОДИТЬ И РАСПРОСТРАНЯТЬ ИНФОРМАЦИЮ. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ……..... 185
Крючкова Е. А. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …… 190
Куликова С. А. ГАРАНТИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В ПРОЕКТАХ КОНСТИТУЦИИ РФ (1990–1993 годы) …….. 192
Куренкова О. Н. СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ И СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ …… 197
Куфтов Н. С. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ И СЛУЖБА В АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ……. 200
Лазанчина Л. М. РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 203
Лазарева О. В. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ……..... 206
Лапунина Н. Н. УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ……. 208
Лебедева Е. Н. СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РФ ……... 212
Ливерко О. В. КОНСТИТУЦИЯ РФ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ …….. 215
Липатов Э. Г. КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК НОРМАТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА …….. 218
Липчанская М. А. НАРОДОВЛАСТИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ : СТАГНАЦИЯ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ? ……... 222
Лобанов И. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ СУБЪЕКТОВ РФ …….. 226
Луценко О. А. ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА …….. 229

Малько Е. А. ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ : НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ ……... 231
Мальцева Т. Г. РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ : ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ……. 233
Манаева Е. В. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ТРУД : РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ……. 236
Мещеряков А. В. ФЕДЕРАЛИЗМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ : ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ……. 239
Милушева Т. В. ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ……... 243
Мильшина И. В. ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА УПРАВЛЕНИЕ ТАМОЖЕННЫМ ДЕЛОМ ……... 247
Минаев К. А. ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИНЦИП ВВЕДЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ……... 251
Михайлов А. Е. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В КОНСТИТУЦИИ РФ……..…… 254
Назаров В. В. ИДЕИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ М. М. СПЕРАНСКОГО …….. 258
Назарова И. В. КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА: МУКИ РОЖДЕНИЯ И ОПЫТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ……... 259
Наумова Р. Л. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ТУРИСТОВ …… 263
Николаева Е. С. ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОБЪЕКТА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ …… 264
Никулина О. М. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ В РФ ……... 266
Овчарова О. Г. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО ЖЕНЩИН КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ ... 269
Омаркадиева М. К., Акбаров М. И. СООТНОШЕНИЕ СУДЕБНЫХ И ВНЕСУДЕБНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН ……... 271
Отставнова Е. А. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 274
Панченко В. Ю. К ВОПРОСУ О ПРАВОЗАЩИТНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ И СРЕДСТВАХ В ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ …… 277
Пасечник А. В. КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ ОСНОВЫ РККА 280
Петрунина А. А. ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ …… 283
Плешаков А. П. КОНСТИТУЦИЯ РФ – ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА …… 285
Подмарев А. А. ОГРАНИЧЕНИЕ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН : КОНСТИТУЦИЯ РФ 1993 ГОДА И ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ……..... 288
Портенко Н. Н. ПОРЯДОК ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ 292
Портянкина С. П. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ……... 295
Потапенко Е. Г. РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ……... 297
Пресняков М. В. ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СТРАНАХ – УЧАСТНИЦАХ ЕВРАЗЭС …… 300

Радонова А. В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ……. 308
Разгельдеев Н. Т., Максимова Е. А. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДАЧУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТИЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ……... 310
Решетников В. Я., Семенова И. В. ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ И СПЕЦСЛУЖБЫ : ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ……. 314
Романовская О. В. О ПОНЯТИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ 318
Романовский Г. Б. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯВКИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ……... 321
Россошанский А. В. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ……... 325
Саенко Л. В. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ОСНОВНЫХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ СЕМЬИ 329
Сайфулин И. С. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ ……... 332
Салтыкова О. П. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА …… 336
Свечникова И. В. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ……. 339
Селезнева Н. М. О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ …… 341
Синюков С. КОНСТИТУЦИЯ РФ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА ……... 345
Синюкова Т. В. РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ……. 350
Смагина И. А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ .. 354
Смолицкая Е. Е. ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НАЛОГОВЫМ ПРАВОМ ……... 356
Солдаткина О. Л. КОНСТИТУЦИЯ РФ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ……. 359
Спицина Т. В. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ……... 361
Степанюк А. В. АСИММЕТРИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ……... 364
Стромов В. Ю. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ……... 367
Стрыгина С. В. ПРАВО НА ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ОБЩЕПРАВОВОГО ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА ……. 369
Сулейманов Б. Б. О ГЛОБАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ) ……. 372
Сычев В. Б. КОНЦЕПЦИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП НЕДИСКРИМИНАЦИИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ……... 376
Тихонова С. В. ГОСУДАРСТВОГЕНЕЗ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ …… 382
Тогузаева Е. Н. ПРОЕКТ ЗАКОНА О ЗАПРЕТЕ ПРОПАГАНДЫ СЕПАРАТИЗМА : ЗА И ПРОТИВ 384
Токарева Г. Н. ОБ УЧАСТИИ ПРОКУРОРА В КОМПЕНСАТОРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ …… 387
Третьяков Д. Г. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В С ОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 390

Троицкая Т. В. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ 394
Тюменева Н. В. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ И КОНСТИТУЦИЙ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РФ 397
Францифоров Ю. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ……... 401
Фурсов В. А. ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ …….. 404
Цаплин А. Ю. УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ …… 407
Цыбулевская О. И. ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ : НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ …….. 411
Шайхисламова О. Р. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ОБЪЕДИНЕНИЕ ……... 413
Шебзухова Т. А. ИСТОРИКО–ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА …….. 416
Шошин С. В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ С ОСОБЕННОСТЯМИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА …….. 418
Юрина Л. Г. ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ……... 422
Сведения об авторах …….. 425

КОНСТИТУЦИЯ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

V Международный конституционный форум,
посвященный 20-летию принятия Конституции РФ

Выпуск 5
Часть 1

Подписано в печать 05.05.2014 г. Формат 60х 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Объем 27,4 ус.печ.л. Тираж 150 экз. Заказ 54

Типография ЦВП «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138 «Б»,4 эт.
т. 52-05-93
Издательство «Саратовский источник»